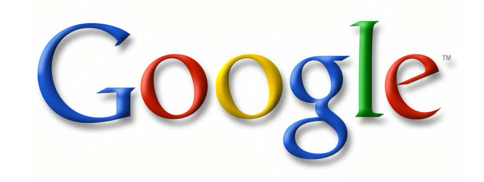
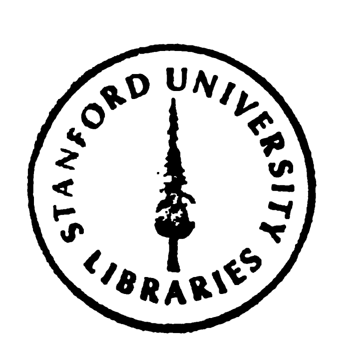

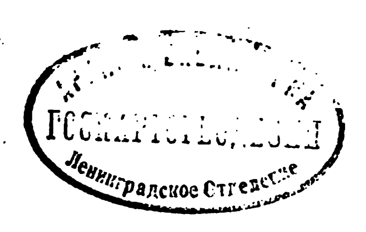

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.
Томъ XIV, выпускъ 1.

ОЧЕРКЪ ЮРИДИЧЕСКАГО БЫТА МОРДВЫ

Владиміра Майнова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.
1885.

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

JUN 14 1984

Первый выпускъ XIV тома Имп. Русск. Геогр. Общества по отдѣленію Этнографіи изданъ подъ редакціею дѣйствительнаго члена **П. А. Соколовскаго.**

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый вниманію читателя трудъ составляетъ второй отдѣлъ результатовъ поѣздки дѣйствительнаго члена В. Н. Майнова, совершенной имъ по порученію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ 1877 году *). За руководство при наблюденіяхъ г. Майновымъ была принята программа для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ, изданная Географическимъ Обществомъ въ 1877 г.

Изслѣдованіе г. Майнова вноситъ въ литературу народовѣдѣнія множество новыхъ свѣдѣвій относительно наиболѣе важныхъ сторонъ быта Мордвы, до сихъ поръ недостаточно изученнаго, не смотря на то, что племя это по своей численности **) и по культурѣ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ не только между финскими племенами, но и вообще между инородцами Россіи. Особенно подробно изслѣдованы г. Майновымъ вопросы о семейныхъ отношеніяхъ. Не задаваясь цѣлію составить сводъ юридическихъ обычаевъ Мордвы, авторъ сосредоточилъ свое вниманіе, главнымъ образомъ, на выясненіи различныхъ особенностей въ воззрѣніяхъ этого племени на правовыя отношенія, сложившихся въ теченіе его исторической

---

*) Первый отдѣлъ наблюденій г. Майнова: «Результаты антропологическихъ изслѣдованій среди Мордвы - Эрзи» помѣщенъ въ т. XI Записокъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣленію Этнографіи. С.-Петербургъ. 1883.

**) По изслѣдованіямъ А. Ѳ. Риттиха численность Мордвы достигаетъ 800.000 (791.954) чел. По губерніямъ Мордва распредѣляется въ слѣдующемъ порядкѣ: въ Самарской ея насчитывается 173.003 чел., въ Симбирской—134.908, въ Пензенской 123.973, въ Нижегородской 112,179, въ Тамбовской 101.884, въ Саратовской 100.546, въ Казанской 18.473, въ Оренбурской 9.917, въ Астраханской 4.496 и, наконецъ, въ Харьковской 50.

жизни, независимо отъ вліянія сосѣднихъ народностей, и отчасти на изслѣдованіи тѣхъ перемѣнъ, какія совершаются во взглядахъ названнаго племени подъ вліяніемъ русскаго населенія. Трудность и обширность самого предмета, скудость историческихъ данныхъ о прежнихъ судьбахъ Мордвы, вслѣдствіе чего представляется въ большинствѣ случаевъ невозможнымъ выдѣлить явленія самобытныя отъ внесенныхъ извнѣ, наконецъ, недостаточность самаго матеріала были причинами, почему въ изслѣдованіи автора замѣчается нѣкоторая неполнота и непропорціональность частей. Наибольшее вниманіе удѣлено имъ свадебнымъ обрядамъ, большая часть которыхъ или не имѣла никогда, или уже потеряла прежнее юридическое значеніе; напротивъ того, отдѣлы о наслѣдствѣ и вещномъ правѣ разработаны въ болѣе сжатомъ видѣ; о способахъ пользованія мірской землей говорится особенно мало. Наблюденія надъ жизнью Мордвы въ мѣстностяхъ, не посѣщенныхъ авторомъ, и обработка почти не затронутаго имъ матеріала, заключающагося въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ, можетъ быть, ослабятъ значеніе нѣкоторыхъ обобщеній и выводовъ г. Майнова, иногда основанныхъ на двухъ-трехъ фактахъ и даже пословицахъ, соотвѣтствіе которыхъ съ существующими условіями жизни требуетъ еще доказательствъ. Далѣе, представляется не совсѣмъ обоснованнымъ мнѣніе автора о деморализующемъ вліяніи русскаго крестьянскаго населенія на Мордву, выражающемся, по утвержденію его, «вездѣ и во всемъ не смягченіемъ, а, напротивъ, нѣкоторымъ ожесточеніемъ нравовъ» (стр. 131) Чтобы показать односторонность такого утвержденія, приведемъ одинъ примѣръ. Свидѣтельствуя (стр. 35), что въ послѣднее время у Эрзи браки стали чаще совершаться по волѣ однихъ родителей помимо согласія дѣтей, авторъ объясняетъ такое усиленіе родительской власти русскимъ вліяніемъ. Вѣрнѣе было бы, кажется, искать объясненія этой перемѣны въ исторіи самой Мордвы. По вѣрному замѣчанію Кавелина *), въ историческомъ разви-

---

*) Сочиненія К. Кавелина, т. IV, стр. 156 и слѣд.

тіи брака первобытныя формы его, похищеніе и покупка, смѣняются обыкновенно договоромъ двухъ семей безъ участія вступающихъ въ бракъ. Мордва лишь позднѣе своихъ сосѣдей вступила въ этотъ фазисъ, и въ то время, какъ договоръ родителей среди русскаго населенія представляется преобладающею формой брака, у Мордвы онъ только теперь начинаетъ вытѣснять прежнія формы. Но среди русскаго населенія, какъ видно изъ многочисленныхъ рѣшеній волостныхъ судовъ *), уже зарождается новая форма брака, по непринужденному согласію брачущихся, и въ виду этого слѣдовало бы ожидать, что русское вліяніе должно ослаблять, а не усиливать самовластіе родителей при заключеніи браковъ у Мордвы.

Указанные пробѣлы впрочемъ нисколько не уменьшаютъ важнаго значенія труда г. Майнова, представляющаго первый опытъ систематическаго описанія быта Мордвы.

Для облегченія пользованія матеріаломъ, заключающимся въ этомъ изслѣдованіи, мы сочли полезнымъ составить подробное оглавленіе.

П. Соколовскій.

---

*) Пахманъ, Обычное гражданское право въ Россіи, т. II, стр. 45; Оршанскій, И. Г., Изслѣдованія по русскому праву, обычному и брачному, стр. 41 и слѣд.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОЧЕРКЪ ЮРИДИЧЕСКАГО БЫТА МОРДВЫ.

Обособившись отъ русскаго человѣка и складомъ физическимъ, и складомъ своего ума и нѣкоторыми особенностями характера, обусловливающими довольно значительную разницу и во всемъ жизненномъ строѣ, Мордвинъ, потомокъ тѣхъ финновъ, которые не прельстившись сѣвернымъ просторомъ, облюбили мѣста приволжскія въ отношеніяхъ къ своимъ односемьянамъ, односельчанамъ и согражданамъ выработалъ многое такое, что рѣзко отличаетъ его отъ русскаго крестьянина; но вмѣстѣ съ тѣмъ безобидное съ обѣихъ сторонъ, даже обоюдовыгодное сосѣдское сожительство съ новыми инородными насельниками стародавней мордовской территоріи — «Эрзянъ мастырь» (страна живыхъ), не могло оставаться безъ вліянія на складъ жизни и на запасъ семейнообщественныхъ воззрѣній Мордвина, а въ виду его способности къ уживчивости и къ переимчивости, скоро и въ воззрѣніяхъ этихъ, и въ его семейномъ, а затѣмъ и общественномъ быту сдѣлалось возможнымъ наблюдать цѣлый рядъ наслоеній, которыя отчасти приняты были имъ потому, что такъ жить ему полюбилось, а отчасти вошли въ житейскую его мудрость незавѣдомо для него самого, просто лишь въ силу частаго и непротивнаго ему примѣра.

Привела судьба Мордвина столкнуться въ жизни съ татарами и, всматриваясь въ житье-бытье послѣднихъ, онъ услѣдилъ многое такое, до чего самъ прежде того не додумался, что не только не противорѣчило его вкусамъ, не претило ему само по себѣ и не шло въ разрѣзъ съ его привычками, но казалось ему болѣе удобнымъ и вполнѣ достойнымъ подражанія, а вслѣдствіе того и явился

цѣлый рядъ заимствованій у татаръ, которыя весьма легко услѣдить, если изслѣдователь хотя сколько нибудь знакомъ съ житьемъ-бытьемъ того татарина, который въ силу обстоятельствъ утерялъ чисто мусульманскую обособленность и зажилъ простою, разумною, торговоземледѣльческою жизнію всякаго культурнаго народа.

Но гораздо болѣе наслоеній въ бытѣ Мордовскомъ носятъ на на себѣ то несомнѣнные, то угадываемые и предполагаемые слѣды заимствованій у русскихъ, такъ какъ совершенно подобный складъ отношеній можно наблюдать среди того русскаго крестьянства, которое частью по своей волѣ, частью по неволѣ попало въ центръ мордовской территоріи, или же живетъ сосѣдственно съ Мордвою, мало по малу ассимилируя ее при посредствѣ школы, торговли и моды. Тутъ и представляется для изслѣдователя громадная трудность распознать, что именно переняла Мордва у русскихъ сосѣдей и какъ переработала она перенятое, и напротивъ того не русскіе-ли переняли то или другое у Мордвы, какъ облюбили кое гдѣ татарское омовеніе, заговорили на какомъ-то новомъ ломанномъ языкѣ съ манзами, очеркесились на Кавказской линіи и объякутились въ Якутской области. Мы не станемъ вдаваться здѣсь въ разрѣшеніе этого интереснаго до крайности вопроса, такъ какъ разрѣшеніе его могло бы быть самостоятельнымъ предметомъ обширнаго изслѣдованія, а также и въ виду печальнаго отсутствія полной картины «русскаго» юридическаго быта, и представимъ здѣсь лишь возможно полную картину юридическаго быта Мордовскаго народа, дозволяя себѣ лишь иногда намѣчать тѣ общія черты этого быта, которыя можно наблюдать и среди русскаго крестьянства.

Когда потребовалось переводчикамъ священнаго писанія на Мордовскій языкъ переводить первый стихъ первой главы евангелія отъ Матѳея, то пришлось по неволѣ стать въ тупикъ, такъ какъ подходящаго Мордовскаго слова для «родословія», также точно какъ и для слова «родня» въ томъ смыслѣ, какъ понимается оно у насъ, не оказалось вовсе въ сокровищницѣ языка Мордовскаго народа, и пришлось изворачиваться для того, чтобы передавать его языкомъ то понятіе, до котораго не додумался еще просвѣщаемый народъ. Мордвинъ знаетъ родню въ самомъ тѣсномъ

смыслѣ «рода-племени» и называетъ ее то «*тевксэ*», если онъ Эрзянинъ, то «*тевэ*», если онъ говоритъ на Мокшанскомъ нарѣчіи, а оба эти слова перевести можно чрезъ «порожденіе», «порода»[1]) какъ продуктъ порожденія, на что указываютъ и самыя окончанія *в* и *вксэ*, которыя составляютъ признакъ существительнаго, означающаго продуктъ дѣйствія, выражаемаго данною глагольною формою[2]) «*Сембэ тевинди, аш-мезивыкэ илэнди*» (все роду, ничего чужому), говоритъ Мордвинъ и знаетъ при этомъ очень хорошо, что «*тевинди работанэ*, *естинэ работанэ*», т. е. на родню работать—на себя работать и что «*озалэ муйи тевэ*», т. е. что горе находитъ родню. Слово «*тевэ*» никогда однако не имѣетъ значенія родоваго участка, клана, tribus или чего либо подобнаго, изъ чего бы можно было вывести заключеніе, что въ прежнее время сѣмьи, принадлежавшія къ одному и тому же роду составляли одно цѣлое въ соціальномъ отношеніи. Подобное явленіе рѣшительно не могло имѣть мѣста уже и потому, что каждая семья, ради охоты и иныхъ удобствъ, старалась поселиться какъ можно далѣе отъ мѣста сельбищъ другой семьи, дабы имѣть болѣе простора, а слѣдовательно и болѣе средствъ къ пропитанію. Въ настоящее время можно услыхать въ Мордовской деревнѣ горькую пословицу, привнесенную въ мудрость народную горькимъ многолѣтнимъ опытомъ: «*тятэ йота теви, йотакь шабери озалне*», т. е. не ходи къ роднѣ, ходи къ сосѣду въ горѣ; все это несомнѣнно идетъ въ разрѣзъ съ стародавнею повидимому пословицею, что горе заставитъ найти родню, хотя бы въ счастіи человѣкъ и чуждался ея. Все это заставляетъ предполагать, что Мордва не знала родни въ широкомъ смыслѣ этого слова и считала родными лишь одноутробниковъ, или вѣрнѣе однокровниковъ, что видно изъ самаго уже слова «*тевэ*»; быть можетъ впослѣдствіи уже, хотя сравнительно и рано, Мордва стала различать лицъ, происшедшихъ отъ одного производителя, какъ бы далеко отъ живущихъ и считающихся роднею послѣдній ни стоялъ, и, въ виду того обстоятельства, что оба нарѣчія Мордовскаго языка обладаютъ большимъ запасомъ словъ для обозначенія различныхъ родственныхъ отношеній, мы можемъ почти безошибочно сказать, что

---

[1]) Отъ «*тейанэ*» производить, рождать, творить.

[2]) См. Ahlquist. Vers. ein. Mokscha Mord. Gram. стр. 13 § 51.

въ моментъ встрѣчи съ русскими Мордва знала уже родню въ смыслѣ лицъ имѣющихъ общаго, хотя бы и отдаленнаго родоначальника или производителя.

Ясно, что понятіе о свойствѣ привнесено въ Мордовское міровоззрѣніе русскими, такъ какъ никакихъ намековъ на его существованіе въ древности мы въ языкѣ не находимъ, и родъ невѣсты не переставалъ быть для рода жениха все-таки «*иленнэ*»—чужимъ, а иногда «*шаберь*», т. е. сосѣдомъ, что, быть можетъ, указываетъ на обычай брать невѣсту изъ сосѣдняго рода; никогда невѣстинъ родъ не дѣлается «*тевѣ*» въ виду разности производителей обоихъ родовъ, которые по всѣмъ вѣроятіямъ и послѣ свойства не переставали враждовать между собою и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ краше и лучше была отбитая невѣста, чѣмъ молодцоватѣе она взята съ бою.

Подъ вліяніемъ христіанскихъ воззрѣній, а также, быть можетъ, отчасти и вслѣдствіе сосѣдственнаго сожительства съ русскими, Мордва, и при томъ въ особенности болѣе склонная къ руссификаціи Эрзя, стала привыкать мало по малу къ тому, чтобы, расширяя кругъ лицъ, входящихъ въ составъ «*тевѣ*», считать роднею всѣхъ тѣхъ, кого причисляетъ къ ея числу русскій человѣкъ, а наконецъ и свойственниковъ перестала считать чужеродцами и даетъ имъ то равное значеніе съ сородичами, [1]) то продолжаетъ все-таки ставить ихъ или вовсе чужаками, или чѣмъ-то низшимъ противъ сородичей равныхъ степеней, и помѣщаетъ ихъ тотчасъ за троюродными въ порядкѣ почета за почетными столами во время семейныхъ праздниковъ и семейныхъ моленныхъ дней [2]). Многіе объясняютъ извѣстный Мордовскій обычай при громѣ кричать: «Пургине-Пасъ! ты чай нашъ!» тѣмъ, что Пургине-Пасъ женился на дѣвушкѣ Сыржѣ и съ той будто бы поры сталъ «нашимъ» для Мордвы; но все заставляетъ предполагать, что этотъ богъ грома всегда и притомъ по преимуществу передъ другими считался Мордвою «своимъ», такъ какъ онъ, а не кто либо иной, является народнымъ героемъ Мордовской эпической поэзіи то подъ собственнымъ своимъ

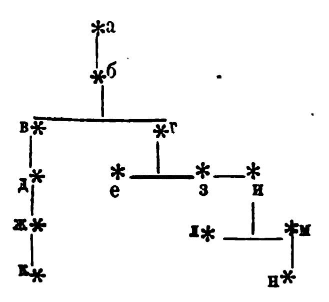
---

[1]) с. Сарлеи, Нижегор. уѣздъ, Марья Данилова; с. Семейкино, Самарскій уѣздъ, Антонъ Мосѣевъ; Пичилеи, Городищенскій уѣздъ, Дарья Евреинова.

[2]) с. Мамалаево, Краснослободскій уѣздъ, Тихонъ Ивановъ Васильчикинъ; с. Эваслеи на р. Эвасъ, Темниковскаго уѣзда, Елена Кузнецова; с. Верхисъ, Инсарскаго уѣзда, Николай Мурзайкинъ.

именемъ, а то подъ именемъ «Пургаса», извѣстнаго и нашимъ лѣтописямъ; такимъ образомъ формула чисто заклинательнаго характера: «Пургине Пазъ! ты чай нашъ» отнюдь не имѣетъ въ виду указать, что богъ сдѣлался своимъ человѣкомъ для Мордвы только вслѣдствіе сожительства съ Сыржею, а лишь то, что «ты, Пургине-пазъ, нашъ, народный богъ! за что же ты сердишься и гнѣваешься»?

Въ общей массѣ родни, конечно, не всякій пользуется одинаковымъ почетомъ и въ этомъ отношеніи оцѣнкою важности и почетности сородича принимается сравнительное его отстояніе отъ общаго производителя, и въ силу этого младшій дядя является иногда ниже племянника, такъ какъ въ разсчетъ принимается число рожденій; изъ прилагаемой таблицы видно, что дѣдъ *и* будетъ равенъ

въ семейномъ почетѣ внуку *к*, а послѣдній будетъ на 4 ступени выше въ семейномъ почетѣ противъ четвероюднаго брата своего *н*, такъ какъ каждое отдѣльное рожденіе считается за новую ступень; и, въ самомъ дѣлѣ, отъ *а* до *к* мы насчитываемъ только 6 рожденій, тогда какъ отъ *а* до *н* цѣлыхъ 9. Ясно, что въ силу такого счета двоюродное родство должно считаться ближайшимъ противъ троюроднаго и т. д., но нигдѣ мы не находимъ какихъ либо намековъ на то, чтобы даже двоюродное родство считалось препятствіемъ къ браку, а въ виду того, что боги мордовскіе не стѣснялись жениться на своихъ дочеряхъ, мы можемъ съ основаніемъ предполагать, что даже и болѣе близкое родство не служило помѣхою къ браку и только за недостаткомъ женщинъ Мордва обратилась къ чужеродцамъ съ искательствомъ женъ; еще болѣе подтверждаетъ наше предположеніе полное отсутствіе у Мордвы чего либо подобнаго нашему сказочно-эпическому мотиву о сынѣ-мужѣ,

братѣ-мужѣ и т. п. Только цивилизуясь и, быть можетъ, только лишь при встрѣчѣ своей съ татарскими пришельцами Мордва отчуралась отъ браковъ между ближайшими сородичами, а нынѣшними родственными помѣхами она несомнѣнно обязана христіанству и, слѣдовательно, исключительно русскому элементу. Въ обычаяхъ Мордвы есть даже намеки на стародавнее существованіе свальнаго грѣха, а при этомъ всеконечно не обращалось вниманія на обоюдородственное отношеніе тѣхъ, кто подъ вліяніемъ религіознаго экстаза приходилъ служить богинѣ.

По отношенію къ духовному родству, какъ и слѣдовало ожидать, Мордва относится не съ одинаковою строгостью и по мѣрѣ того, какъ мы станемъ подвигаться къ сплошнымъ русскимъ поселеніямъ, мы будемъ замѣчать, что духовному родству населеніе придаетъ все большое и большее значеніе; нечего и говорить, что въ чисто Мордовскихъ центрахъ, какъ напримѣръ у ясачной Мордвы на р. Пьянѣ, по р. Дикому Сатису, по р. Сивини и вообще тамъ, куда русскія воззрѣнія не успѣли еще проникнуть, духовное родство не имѣетъ ровно никакого значенія и считается лишь лишнимъ средствомъ къ поборамъ со стороны мѣстнаго духовенства. Въ Краснослободскомъ уѣздѣ, въ с. Мамалаевѣ, никто не рѣшится выдать свою дочь за кумова сына, хотя и не задумается заключить условіе о бракѣ съ молодымъ человѣкомъ, находящимся съ невѣстою въ третьей степени духовнаго родства [1]) и только препятствія, дѣлаемыя подобнымъ бракамъ со стороны духовенства, не допускаютъ ихъ учащенія, такъ какъ народъ не можетъ никакимъ образомъ понять ихъ неестественности. Намъ случалось попадать на браки даже и дѣтей покумившихся лицъ, но подобные случаи возможны только тамъ, гдѣ Мордва не утеряла еще своего своеобразнаго типа и характера [2]). Едва обратимся мы однако къ изслѣдованію тѣхъ мѣстъ, гдѣ Мордва издавна живетъ сосѣдственно съ русскими, какъ увидимъ, что русское народное воззрѣніе на грѣховность браковъ лицъ, находящихся между собою въ духовномъ родствѣ, успѣло значительно усвоиться Мордовскимъ народомъ и даже вкорениться

---

[1]) с. Мамалаево, Краснослоб. уѣздъ, Тихонъ Васильчикинъ.

[2]) Напримѣръ въ Лукояновск. уѣздѣ, въ сел. Ревезень, на р. Пьянѣ, крестьянинъ Кирила Зайцевъ женатъ на дочери своего крестнаго отца Татьянѣ.

до такой степени въ убѣжденія его, что онъ зачастую въ этомъ отношеніи идетъ далѣе тѣхъ, кто научилъ его этому и сторонится, напримѣръ, отъ брака дочери кума и племянника кумы [1]).

Въ большинствѣ случаевъ и опять таки преимущественно среди Эрзи мы наблюдаемъ громадное значеніе духовнаго родства, которое до такой степени служитъ помѣхою къ бракамъ, что иногда [2]) бракъ не допускается даже и между лицами, находящимися между собою въ 6 степени духовнаго родства. Въ другихъ мѣстахъ, населенныхъ болѣе или менѣе обрусѣлою Эрзею мы наблюдаемъ, что духовное родство служитъ помѣхою въ 4, иногда только во 2 степени, [3]) причемъ только изрѣдка родители обращаются къ мѣстному духовенству за разрѣшеніемъ ихъ сомнѣній, такъ какъ въ большей части случаевъ они не устраиваютъ подобныхъ браковъ по собственному побужденію.

О самомъ фактѣ усыновленія и объ отношеніи къ нему народа мы будемъ имѣть случай говорить ниже и здѣсь считаемъ лишь полезнымъ замѣтить, что Мордва отнюдь не чурается усыновленія, а скорѣе даже относится къ такому дѣйствію хорошо, такъ какъ при посредствѣ усыновленія въ домъ является новая рабочая сила, которою трудолюбивый Мордвинъ дорожитъ сильно и спросъ на которую заставилъ его даже смотрѣть сквозь пальцы на шалости его дочерей до замужества. Тѣмъ не менѣе мы видимъ, что усыновленіе вовсе не играетъ роли ни въ имущественныхъ отношеніяхъ семьи, ни въ видѣ помѣхи къ браку у Эрзи, которая, слѣдуетъ замѣтить вообще, охотнѣе Мокши идетъ на усыновленіе въ юридическомъ значеніи этого слова [4]). Мокшанинъ наоборотъ считаетъ невозможнымъ усыновить кого либо юридически, т. е. съ надѣленіемъ усыновляемаго всѣми или нѣкоторыми правами сына,

---

[1]) Такой примѣръ былъ мною наблюдаемъ въ с. Кужуткѣ — Нижегород. уѣзда, въ бассейнѣ р. Пичесы.

[2]) с. Сарлеи, Нижегор. уѣздъ, Марья Данилова.

[3]) Лебежайка, Хвалынскій уѣздъ, Наталья Ананьева и с. Пермисъ Корсунскій уѣздъ Марья Гудкова, Саранскій уѣздъ с. Кочкурово Миронъ Асякаевъ.

[4]) Сарлеи, Нижег. уѣздъ, Марья Данилова; с. Лебежайка, Хвалынскій уѣздъ, Наталья Ананьева; Ардатов. уѣздъ, Нижег. губ., с. Макателемъ, Наталья Ревингина.

такъ какъ онъ полагаетъ, что «для передачи какихъ бы то ни было правъ въ семьѣ требуется, чтобы лицо было непремѣнно однихъ кровей» [1]). Конечно это не мѣшаетъ при смерти отца семейства послѣднему распорядиться своимъ имуществомъ, какъ ему угодно и отдать даже все своему пріемышу, но это распоряженіе возможно лишь вслѣдствіе безграничности имущественныхъ и иныхъ правъ, принадлежащихъ у Мордвы отцу семейства, который, въ случаѣ непокорности дѣтей, можетъ даже отдать помимо ихъ свое имущество чужому человѣку. При всемъ томъ случаи принятія въ домъ пріемышей часты и среди Мокши, но никогда подобнаго рода пріемышъ не можетъ разсчитывать на какую либо часть изъ общесемейнаго имущества, такъ какъ все зависитъ отъ отца семейства, отъ главы дома. Пріемышъ пользуется семейнымъ достаткомъ, ѣстъ, пьетъ и одѣвается на общесемейный счетъ, но при раздѣлѣ онъ получаетъ часть лишь изъ милости, только потому, что угодилъ особенно отцу семейства. Если отецъ умирая никакого распоряженія не сдѣлалъ, то пріемышъ зачастую безъ всего удаляется изъ пріютившаго дома, и если и получаетъ что либо на первое время, то опять таки вслѣдствіе особеннаго расположенія дѣлящихся наслѣдниковъ; если же онъ жилъ съ ними не въ ладахъ, то онъ удаляется изъ дома ни съ чѣмъ и даже не идетъ жаловаться старикамъ и волостному суду, вполнѣ признавая правильность дѣйствій изгнавшихъ его наслѣдниковъ. Бываютъ однако не рѣдко случаи перепринятія такого пріемыша однимъ изъ наслѣдниковъ, но тогда первый вступаетъ въ домъ уже почти на правахъ работника, хотя ему и дѣлаются противъ простыхъ работниковъ нѣкоторыя поблажки и онъ обладаетъ нѣкоторыми правами на имущество принявшей его семьи, т. е. обшивается семейскими женщинами, если онъ не женатъ, а въ противномъ случаѣ жена его пользуется правами младшей невѣстки. [2])

---

[1]) с. Мамалаево, Красносл. уѣздъ, Тихонъ Васильчикинъ, а въ Кузнецкомъ уѣздѣ, Саратов. губерніи, въ с. Мордовскомъ Кемешкерѣ намъ удалось слышать пословицу: «*мезара верть—тенара [illegible]*», т. е. сколько кровей (кровныхъ) столько частей, причемъ говорившій прибавилъ: «*[illegible] душаса алянь*», т. е. а часть (или, вѣрнѣе, размѣръ ея) въ душѣ отца.

[2]) С. Семейкино, Самар. уѣздъ, Антонъ Мостѣевъ; Петровскій уѣздъ, Саратов. губ., с. Мечкасы, Өедосья Голяшкина.

Побратимство можно встрѣтить какъ у Мордвы Эрзи, такъ и у Мордвы Мокши, тогда какъ никто не могъ намъ представить ни одного случая посестримства; бабы даже не понимали для какихъ цѣлей и при какихъ обстоятельствахъ могло бы заключиться между двумя женщинами посестримство, такъ какъ и мужики-то братаются больше безцѣльно и притомъ или сидя въ кабакѣ, или вообще угощаясь виномъ по тому или другому случаю. Побратимство мордовское не влечетъ за собою никакихъ обязанностей и никакихъ правъ для побратившихся между собою лицъ и повидимому вполнѣ соотвѣтсвуетъ нашей «выпивкѣ на ты» или чему либо подобному. Конечно, побратимы стоятъ ближе другъ къ другу, нежели всѣ остальные односельцы, но зачастую побратимъ откажетъ въ помощи побратиму и послѣднiй получитъ ее отъ «шабра», а иногда даже и отъ сторонняго односельчанина. Но если побратимство само по себѣ не играетъ большой роли, то связанное съ «шаберствомъ» (а обыкновенно съ шабрами-то и братаются) оно и получаетъ нѣкоторое значенiе. Алквистъ [1]) полагаетъ, что Финны не имѣли понятiя о сосѣдствѣ, о сосѣдѣ и о правахъ и обязанностяхъ, вытекающихъ изъ сосѣдственнаго сожительства, при чемъ онъ утверждаетъ, что западнофинскiе народы научились различать и называть сосѣда отъ арiйцевъ; далѣе онъ говоритъ, что восточные Финны переняли русское слово «сосѣдъ», но смѣю завѣрить, что этого слова у Мордвы мнѣ не пришлось слышать ни разу и повсюду я записывалъ только «шаберъ», происхожденiе котораго несомнѣнно татарское. Къ «шабру», иногда къ «шабрамъ», идетъ всякая Мордовка за посудою, за молокомъ, за хлѣбомъ, будучи вполнѣ увѣрена, что отказа ей не будетъ; у шабровъ заимствуется Мордвинъ и лошадью, и сохою, и другими понадобившимися ему предметами, зная, что шабры къ шабрамъ пойдутъ, а ужъ просьбу его уважутъ. Уже самая возможность существованiя такихъ пословицъ, какъ: «*шабера максафтэрэи — кать мезара максафтэрэй*» (если не дастъ шаберъ — никто не дастъ) [2]), «*шаберенди атказындэрэлеть — эстить аварьданъ*» (если шабру откажешь, самъ запла-

[1]) Die Kulturwörter der westfinnischen Sprachen 1875 стр. 220. s. verb. Nachbar.

[2]) с. Адашево, Инсарскаго уѣзда, Пензенск. губ., Ѳедоръ Эртовъ.

чешь), [1]) *«шаберненевъ — тонстненевъ»* [2]) (къ шабрамъ — къ себѣ) и наконецъ *«паро тейатъ шаберненъ — тонстненъ тейатъ»* [3]) (шабру сдѣлаешь хорошее — себѣ сдѣлаешь) показываютъ чрезвычайно ясно, какъ глянулъ народъ Мордовскій на сосѣдство, на права и обязанности сосѣдей. Живя сосѣдями, люди конечно и сходятся чаще и стараются отплачивать другъ другу угощеніемъ за взаимныя услуги, оказанныя въ разное время, а отсюда и частые случаи побратимства, которое является уже скорѣе лишь слѣдствіемъ «шаберства» и цѣлаго ряда одолженій; побратимы даже и не называютъ другъ друга братьями, а продолжаютъ обращаться другъ къ другу съ эпитетомъ шабра.

Духовное родство, привнесенное въ міровоззрѣнія Мордовскаго народа извнѣ, конечно, не могло повліять на внутренній строй жизни Мордвы; какъ привитыя вмѣстѣ съ христіанствомъ, духовная сторона котораго какъ-то плохо сама по себѣ понимается народомъ, связи духовнаго родства не только не понимаются, но прямо даже игнорируются Мордвою, которая конечно не можетъ понять, чтобы, напр.. кумъ и кума не могли вступить между собою въ супружество; прежде за частую даже были случаи женитьбы на крестныхъ дочеряхъ и браковъ между лицами, связанными между собою духовнымъ родствомъ. На разспросы въ Нижегородской даже губерніи, гдѣ руссификація дѣйствуетъ весьма сильно, намъ просто не умѣли отвѣтить и сказали только разъ: «коли попъ разрѣшитъ, аль просто вѣнчать станетъ, такъ говорить ему не полѣзутъ, что покумлены». [4]) Такимъ образомъ, мы видимъ, что бракъ покумившихся лицъ вовсе и не думаетъ зазрить народу. Ясно, что если въ сознаніе народное не проникло признаніе значенія духовнаго родства, то нельзя ожидать, чтобы оно играло какую нибудь роль въ семейныхъ отношеніяхъ и жизни Мордвы, да и на самомъ дѣлѣ мы замѣчаемъ, что ни между самими покумившимися, ни между ними съ одной стороны и крестными дѣтьми съ другой, а

[1]) с. Эвaслен, на рѣкѣ Эвасѣ, Темниковскаго уѣзда, Тамб. губ., Елена Кузнецова.

[2]) Лукоян. уѣздъ, Нижег. губ., на р. Пьянѣ.с. Ревезень, Кирила Зайцевъ.

[3]) Ардат. уѣздъ, Симб. губ., с. Пичкасы, Матвей Драдышевъ.

[4]) С. Сарлеи, Нижегор. уѣздъ, Марья Давылова.

тѣмъ болѣе между крестовыми братьями и сестрами никакихъ особенныхъ отношеній не возникаетъ и не наблюдается, никакимъ особеннымъ почетомъ крестные родители не пользуются и даже, если бы сирота выходила замужъ, она никогда не обратится за помощью, совѣтомъ, а тѣмъ больше за спросомъ къ своимъ крестнымъ отцу и матери, [1]) что всегда почти неизмѣнно наблюдается среди русскихъ людей. Тѣмъ не менѣе къ Мордвѣ закрался одинъ обычай, который конечно не имѣетъ въ ней прочныхъ историческихъ корней, а перенятъ вслѣдствіе долгаго общенія съ русскими; обычай этотъ — приглашенье крестить перваго встрѣчнаго. Но интересенъ тотъ фактъ, что обычай этотъ мы находимъ именно тамъ, гдѣ можно бы было менѣе всего ожидать съ нимъ встрѣтиться. Изъ долгаго общенія съ Мордвою обоихъ нарѣчій невольно выведешь общее заключеніе, что Эрзя охотнѣе и легче поддается руссификаціи, тогда какъ Мокша обыкновенно устойчивѣе въ своихъ обычаяхъ, воззрѣніяхъ и одеждѣ; здѣсь однако мы видимъ, что Мокша, въ случаѣ если бы было замѣчено, что дѣти не живутъ въ той или другой семьѣ, считаетъ необходимымъ пригласить въ крестные отцы и матери непремѣнно лицъ первыхъ попавшихся имъ на встрѣчу. [2]) Напротивъ того у Эрзи мы не встрѣчаемъ подобнаго обычая и чуть ли не находимъ обычай исконно народный, успѣвшій утеряться у Мокши. Въ той же почти обрусѣлой Нижегородчинѣ мы узнали, что для того, чтобы дитя было живо, надо дать ему имя отца или матери [3]). Почти тоже дѣлается и въ Инсарскомъ уѣздѣ у Мокши, съ тою лишь разницею, что Мордвинъ здѣсь выходитъ на улицу и даетъ новорожденному имя перваго встрѣтившагося ему человѣка [4]). Оба обычая истолковываются самимъ народомъ очень просто; отецъ, мать, первый встрѣчный—люди въ данный моментъ живые, находящіеся подъ покровительствомъ бога — значитъ, давши младенцу ихъ имя, можно об-

---

[1]) Мамалаево, Краснослобод. уѣзда, Пенз. губ., Василій Васильчикинъ.

[2]) Мамалаи Васильчикинъ, Эваслеи (Темник уѣздъ) Елена Кузнецова; Пичилеи (Городищ. уѣздъ) Дарья Евреинова; Каратаи (Тетюшскій уѣздъ) Петръ Казымбаевъ.

[3]) Сарлеи (Нижегор. уѣздъ) Марья Данилова, Кириллъ Зайцевъ въ Ревезени (Луколн. уѣздъ); Арзам. уѣздъ, с. Кардавеле, Өедоръ Ильцовъ.

[4]) с. Адашево (Инсарскаго уѣзда)..... Өедоръ Эртовъ.

мануть шайтана — онъ не тронетъ новорожденнаго, думая, что это самъ его отецъ, мать или первый встрѣчный; такое объясненіе давали мнѣ и въ Нижегородчинѣ и въ Пензенщинѣ. Здѣсь между прочимъ слѣдуетъ замѣтить, что нареканіе имени младенцу у Мордвы производилось, да въ видѣ переживанія производится еще въ иныхъ мѣстахъ и теперь, особеннымъ образомъ. Прежде, когда Мордва сохраняла еще вполнѣ свою самостоятельность, а также и во времена владычества Татаръ, которые никогда не только не навязывали своихъ религіозныхъ воззрѣній покореннымъ народамъ, но еще относились съ уваженіемъ къ мѣстнымъ религіямъ и религіознымъ учрежденіямъ, — въ тѣ-то времена нареченіе имени было дѣломъ весьма важнымъ, такъ какъ непремѣнно надо было избрать имя такое, которое было бы счастливымъ. Изстари еще повелось у Мордвы, что отецъ выходилъ изъ дверей своего жилища и первый предметъ или существо, которое бросалось ему въ глаза, давало ему искомое имя для новорожденнаго. Логическое основаніе такого обычая весьма просто: я вижу предметъ или существо — значитъ оно здравствуетъ, существуетъ въ мірѣ Шкай-Паза, а не находится во власти шайтана, слѣдовательно, пусть таковымъ же будетъ и новорожденный. Отсюда, часто случалось, что Мордвины носили такія странныя имена, какъ: щепка, листъ, трава и т. п. «Разъ отецъ вышелъ за именемъ и увидалъ, ползетъ гадъ — онъ и назвалъ сына гадомъ. Это былъ самъ Шайтанъ; онъ напружился чтобы лопнуть — хотѣлъ чтобы новорожденный умеръ, а Шкай не допустилъ, вогналъ его между двухъ каменьевъ — поневолѣ пришлось опять тонкимъ сдѣлаться.» [1]) Этотъ разсказъ ясно показываетъ, какое громадное значеніе придавалось выбору имени, когда отъ удачнаго выбора зависѣла жизнь ребенка. Въ настоящее время обычай этотъ остался лишь въ видѣ переживанія, такъ какъ христіанство не могло не повліять на обычай нареченія имени при посредствѣ таинства крещенія; но и до сей поры мы можемъ еще наблюдать въ нѣкоторыхъ нетронутыхъ еще руссификаціею мордовскихъ мѣстностяхъ существованіе такъ называемаго «уличнаго прозвища» или же прозвища «по уличному», которое зачастую переходитъ даже въ фамилію. Когда приходилось всту-

[1]) Петров. уѣздъ, Саратовской губ., Мечкаси, Ѳедосья Голяшкина.

пать въ сношенія въ такихъ мѣстностяхъ съ Мордвою, то на вопросъ какъ звать, намъ отвѣчали: «Иванъ Кириловичъ» или иначе; далѣе говорили фамилію «Зайцевъ» или иную, а когда мы добивались уличнаго прозвища, то получали въ первомъ случаѣ отвѣтъ: *номоло* т. е. заяцъ. Зачастую встрѣчались Кузнецовы, названные такъ вслѣдствіе встрѣчи съ кузнецомъ (я вовсе не отрицаю этимъ существованія прозвищъ по занятіямъ и по особенностямъ строенія и т. п.) и Гудковы вслѣдствіе того, что гудокъ попалъ на глаза отцу, искавшему имени. Часто случается также, что первымъ попадется на глаза Елисей — ясно, что прозвище Елисея не останется за новорожденнымъ, а онъ получитъ прозвище того Елисея. Иногда случалось намъ наблюдать, что дѣвушки и бабы получаютъ особыя имена, [1]) происходящія отъ ихъ красоты, полноты, ловкости и т. п., а одна за дебелость заслужила даже прозвище «дубовая нога» (туманъ пильге).

Среди Эрзи существуетъ обычай кумиться женщинамъ подъ Троицынъ день, но отсутствіе этого обычая у Мокши и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Эрзя живетъ далеко отъ русскихъ, даетъ намъ право предположить, что обычай кумленья перенятъ у русскихъ; кое гдѣ между Эрзею такія кумы даже не вѣнчаютъ своихъ дѣтей, что уже безспорно должно считаться русскимъ вліяніемъ. Въ Нижегородчинѣ, въ Терюшевской волости дѣлается это такъ: вечеромъ на Троицынъ день желающія покумиться сходятся и младшая говоритъ старшей: «полюби меня», причемъ ударяетъ будущую куму по плечу рукою. Ясно, что отказа не бываетъ. [2]) Ничего подобнаго, какъ мы уже сказали, у Мокши нѣтъ и на наши разспросы намъ отвѣчали, что не видятъ причины, для чего бы требовалось такое кумленье. Напротивъ того, обычай братанья между мужчинами существуетъ вездѣ у Мордвы, хотя братство это ровно ни къ чему братающихся не обязываетъ. Обыкновенно братающіеся мѣняются крестами, но въ одномъ мѣстѣ намъ удалось записать до нельзя интересный способъ братанья при по-

---

[1]) Темник. уѣздъ, Эвaслеи, Елена Кузнецова; Хвалынскій уѣздъ, Лебежайка Наталья Ананьева; Петров. уѣздъ, Мечкасы, Ѳедосья Голяшкина, Инсарскій уѣздъ, с. Верхисъ, Николай Мурзайкинъ.

[2]) Сарлеи, Марья Данилова.

средствѣ обмѣна пчелинаго роя или прямо улья съ маткою; [1]) намъ кажется, что этотъ способъ братанья по всѣмъ вѣроятіямъ существовалъ у Мордвы до того времени, какъ стала она христіанскою и стала брататься обмѣномъ крестовъ. Въ настоящее время братанье только у Терюшевской Эрзи служитъ иногда по волѣ самихъ побратавшихся препятствіемъ къ браку между ихъ потомками, а по большей части, когда мы спрашивали, что слѣдуетъ послѣ братанья, намъ стереотипно отвѣчали: «ну, понятно младшій братъ долженъ поднести старшему»; иныхъ правъ и обязанностей братанье не даетъ и не налагаетъ. Посестрія нигдѣ не оказалось и слѣдовъ и опять на наши искательства намъ приходилось слышать вопросъ: «къ чему это бабамъ?» Такимъ образомъ мы видимъ, что такъ облюбленныя русскимъ человѣкомъ и такъ ревниво имъ охраняемыя кумовство, побратимство и посестріе вовсе не имѣютъ глубокихъ корней въ мордовской жизни и, только въ одномъ случаѣ пришлось заключить о существованіи чего-то подобнаго нашему побратимству у Мордвы раньше знакомства съ русскими; но въ виду именно единичности этого факта, рѣшительно нѣтъ возможности основываться на немъ и скорѣе всего слѣдуетъ предположить, что всѣ эти три рода отношеній между людьми привнесены Мордвѣ русскими насельниками, частью благодаря принятію христіанства, а частію и простою передачею обычая безъ возникающихъ изъ него послѣдствій.

Когда приходилось разспрашивать Мордву о томъ, какъ понимаетъ она то, что мы называемъ степенью, линіей и колѣномъ, чаще всего спрашиваемые становились въ тупикъ и не могли ровно ничего сказать объ интересовавшемъ насъ предметѣ; изрѣдка попадались такіе субъекты, которые понаторѣли въ сношеніяхъ съ русскими, представляли собою людей бывалыхъ и потому старались опредѣлить все это согласно съ тѣмъ, какъ слышали отъ русскихъ. Мордвинъ же, истый коренной Мордвинъ, ничего въ этихъ опредѣленіяхъ не понимаетъ и знаетъ только одно старшинство рожденія, которое доставляетъ въ семьѣ извѣстный почетъ, права и даже власть. Мордвинъ имѣетъ понятіе о

---

[1]) Хвалынскій уѣздъ, Лебежайка, Наталья Ананьева, которая однако увѣряла, что и послѣ этого побратавшіеся не иначе зовутъ другъ друга какъ «шаберъ».

родѣ лишь въ смыслѣ семьи въ тѣсномъ смыслѣ и говоритъ, что «одни роды — одинъ [1]) родъ» или же «*фкэ шачыма—фкэ пирфв*», [2]) т. е. одни роды — одинъ дворъ, причемъ дворъ принимается въ смыслѣ живущихъ подъ одною кровлею, преимущественно дѣтей одного и того же производителя. Конечно при этомъ вездѣ и всюду, гдѣ только живетъ Мордва, отцово племя (алянь шачыма) считается старше дядьевыхъ, но не потому, чтобы отецъ признавался всѣми односемьянами, какъ родоначальникъ, старшимъ, а лишь потому, что онъ обыкновенно бываетъ старше годами, нежели живущіе съ нимъ его братья, т. е. «шачыма» его старше; точно тоже слѣдуетъ сказать и про племя старшаго брата, племя старшаго деверя и т. п. Всегда старшинство и почетъ принадлежали тому, кто раньше родился. Мордва, такимъ образомъ только, и знаетъ «*пирфв*» (мокш.) или «*пирявксв*» (эрз.) ограда, дворъ, а въ переносномъ смыслѣ всѣ, кто живетъ подъ одною крышею и «*тевв*» (мокш.), т. е. родня; для свойства же народъ не выработалъ своего собственнаго слова и свободно склоняетъ на всѣ 14 ладовъ русское слово «свойство», Мы приводимъ здѣсь таблицу родства, которая весьма обширна, хотя и слѣдуетъ замѣтить, что только изрѣдка встрѣчаются случаи, когда вся родня находится между собою въ постоянныхъ сношеніяхъ, сознавая свое родство

[1]) Сарлеи, Марья Данилова; Кардавеле, Өедоръ Ильцовъ.

[2]) Шингарино (Красносл. уѣздъ) Степанъ Атяшкинъ и Пичилеи (Городищ. уѣздъ) Дарья Евреинова.

Таково ближайшее родство мордовское, но этимъ вовсе не исчерпывается масса выработанныхъ языкомъ словъ для обозначенія различныхъ степеней родства и родственныхъ отношеній. Надо долго прожить въ мордовской семьѣ, чтобы привыкнуть къ безчисленному количеству разныхъ наименованій, которыя даютъ другъ другу односемьяне и плохо взглянутъ на того изъ членовъ семьи, который не съумѣетъ назвать какъ слѣдуетъ по его рожденію того или другаго родственника, такъ какъ каждое прозвище непремѣнно намекаетъ на то мѣсто, которое родственникъ занимаетъ по своему старшинству въ семьѣ или родѣ. Вотъ довольно полная таблица родни:

	Эрзянскій	Мокшанскій
своячина . . .	свойка [1])	. палдась
своякъ	своякъ . .	палдяй
золовка	парея . .	акляй
свекоръ	титяй .	атяй
сноха	сноха . .	ервэнэ
свекровь	авай . .	авай
тесть	тесть . .	атявсь
теща	низаня	. ававсь
зять	содамо . .	овъ
невѣстка . . .	урва . .	ервэнэ
жена брата называется	урашъ	. ервэнэ
	(старшаго)	мазаи
сестра мужа »	патингея	іолмастырь
старшій деверь »	шитце	. атяй
мужъ сестры »	дяляй	. атяй
меньшой деверь »	парачъ	. іолмаатяй
сноха называетъ сноху старшую .	патяй . .	акляй
сноха называетъ сноху младшую .	никакъ	. никакъ
братъ называетъ старшаго брата .	оцюляляй .	. батяй
братъ называетъ старшую сестру .	патяй .	дэдяй или акай
братъ жены	— . .	бажай
младшій братъ	— . .	пэльненэ

[1]) По словамъ Лепехина I, 173 свояченица по Эрзянски,—«эмай», но мы позволимъ себѣ замѣтить, что не слыхали такого слова и думаемъ, что оно есть нечто иное, какъ непорченное «ерезляй».

Изъ приведеннаго нами списка слѣдуетъ остановиться на нѣкоторыхъ названіяхъ въ виду того обстоятельства, что названія эти могутъ намъ иногда объяснить взаимное отношеніе членовъ семьи, а это опредѣлитъ намъ въ свою очередь мѣсто ихъ и тотъ почетъ, которымъ они въ семьѣ пользуются. Для большаго удобства такого подробнаго изслѣдованія мы обратимся прежде всего къ Эрзянскимъ наименованіямъ родственниковъ и посмотримъ что именно, какія понятія легли въ основаніе этихъ наименованій. Мы видимъ прежде всего, что *«покштэй»* — дѣдъ обозначаетъ просто «большой отецъ» (покшъ тэтэй), а *«бабай»* — бабка прямо заимствовано изъ русскаго языка. Отецъ по эрзянски *«тэтей»* и происхожденіе его наименованія понятно; мать же *«авай»* явно получила начало изъ понятія о женщинѣ, женѣ, самкѣ (ава). *«Покштэй»* и *«покштэй-ава»* употребляются также для обозначенія дяди и тетки по матери, что несомнѣнно указываетъ на то, что народъ по значенію и почету приравниваетъ ихъ къ дѣду или большому отцу. Младшій братъ *(«батшка»)* называется также точно, какъ и братъ жены и племянникъ и мордовское названіе его по всѣмъ вѣроятіямъ утеряно народомъ, почему Мордва и заимствовала русское слово «батюшка», просто какъ слово ласкательное, не вникая въ его прямое значеніе. Сестра, по Эрзянски *«сазоръ»* указываетъ на происхожденіе ея названія отъ *«сазамсъ»* — внести, достичь, добыть, пріобрѣсти, прижить. Старшій братъ *(алькай)* просто выражаетъ понятіе о послѣдовательности рожденія и означаетъ—нижній, слѣдующій непосредственно за... *«Техтерь»* или *«тейтерь»* (дочь) безспорно происходитъ отъ глагола *«тейемсъ»* — дѣлать, работать, трудиться и указываетъ на то, что дочь считалась главною или, вѣрнѣе, по преимуществу работницею въ домѣ. *«Цора»* (сынъ) напоминаетъ о старинномъ словѣ, форма котораго неизвѣстна, но слѣды котораго сохранились въ составномъ глаголѣ *«цокадемсъ»*— бить палкою; вѣрнѣе всего, что старинное утерянное слово означало—вѣтвь, а впослѣдствіи приняло значеніе «палки», подобно нашему «батогу», происшедшему отъ «батѣть», «батиться» — вѣтвиться, развѣтвляться; подобный же намекъ на это утерянное слово мы находимъ въ *«сіоравтъ»*, что означаетъ боковыя женскія косицы. Для внука и внучки въ Эрзянскомъ нарѣчіи не существуетъ особыхъ словъ, причемъ трудно рѣшить позабыла ли Эрзя народ-

ныя наименованія или никогда ихъ не имѣла. Для свояка и свояченицы Эрзя заимствовала названія изъ русскаго языка, вѣроятно, по неимѣнію таковыхъ въ своемъ собственномъ; золовку всѣ семьяне называютъ «*парея*», желая этимъ поощрить ее, такъ какъ слово это происходитъ отъ «*паро*»—хорошо, добродѣтельно, пріятно, прекрасно; свекоръ и свекровь приравниваются Эрзею къ настоящимъ родителямъ; а тестя и сноху называетъ Эрзя по русски, хотя и слѣдуетъ предполагать, по крайней мѣрѣ, для тестя существованіе особаго народнаго наименованія, утеряннаго съ теченіемъ времени, такъ какъ для тещи мы находимъ слово, «*низаня*» означающее ту женщину, у которой взята жена (отъ «*ни*»—жена и «*заняктамсь*»—братъ). Зять по Эрзянски «*содамо*», т. е. узнанный, знакомый, знаемый (отъ «*содамсь*» — знать, узнавать), а невѣстка — «*урва*» или просто замужняя («*урвакстомсь*» — жениться, выйти замужъ). Интересно, что жена брата носитъ названіе «*уряшь*», что прямо указываетъ на «*ура*»—рабъ и «*урень*»—раба и, слѣдовательно, намекаетъ на то положеніе, которое прежде, по всѣмъ вѣроятіямъ, занимала эта женщина въ семьѣ. Сестру мужа односемьяне зовутъ «*патингея*», что значитъ госпожа по годамъ и можетъ быть въ свою очередь противупоставлено по значенію женѣ брата. Старшій деверь—«*шитце*» называется такъ въ ласкательномъ смыслѣ, какъ бы русскій человѣкъ сказалъ «свѣтикъ», а мужъ сестры — «*ляляй*» (отъ «*лядьямсь*»—соединиться, сдружиться) называется такъ, чтобы указать на то, что онъ, женившись, дѣлается другомъ семьи. Меньшій деверь — «*парачь*» имѣетъ одно происхожденіе съ «парея» и значитъ — милый. Старшая сноха для младшей «*патэй*», т. е. госпожа, а старшая иначе не называетъ младшую какъ по имени, прибавляя къ нему или «*мазай*» или «*парэй*», т. е. красавица или милая. Не менѣе интересно прослѣдить всѣ эти родственныя названія въ Мокшанскомъ нарѣчіи. И здѣсь дѣдъ и бабка просто — большой отецъ и большая мать, а отецъ—«*аля*» значитъ человѣкъ, мужъ. Мать—«*дэдяй*» есть ничто иное какъ подобное нашему тятя и мама. «*Атяй*» — братъ матери происходитъ отъ «*атя*» и значитъ старикъ, а «*акай*»—сестра матери указываетъ на «*ака*» старинное слово, которое значитъ — сѣдая. Старшій братъ — «*аляй*» приравнивается по почету отцу и считается по отношенію къ младшему мужемъ; младшій братъ — «*вэльнекэ*» считается половиною,

вторымъ *я*, на что указываетъ его названіе, происходящее отъ «*пэлв*»—половина. Для наименованія сестры Мокшанинъ не придумалъ своего собственнаго слова. Сынъ называется по Мокшански «*цора*», т. е. юноша, а дочь — «*стирь*», т. е. дѣвушка; для внука и внучки Мокша также не создала чего либо въ своемъ языкѣ. Своячина по Мокшански «*палдасв*», а своякъ «*палдяй*» и оба наименованія указываютъ на то, что они непремѣнные члены семьи (отъ «*палв*»—половина). Золовка—«*акляй*» говорится только про ту, которая старше мужа и потому прозвище сѣдой и убѣленной ей весьма подходитъ. Свекоръ и свекровь «*атяй*» и «*авай*» прямо указываютъ на то, что первый старикъ, а вторая женщина извѣстныхъ лѣтъ. Сноха и невѣстка «ервэнэ» есть уменьшительное отъ «*ервэ*» и можетъ быть переведено нашимъ «женушка». Тесть и теща—«*атявсь*» и «*ававсь*» понятны уже сами по себѣ изъ выше нами сказаннаго. Зять по Мокшански «*овв*» и слово это Алквистъ сближаетъ съ однозначущимъ финскимъ «*вэви*»; но при всемъ нашемъ стараніи ни въ финскомъ, ни въ мордовскомъ языкахъ мы не нашли слова, которымъ можно бы было объяснить эти названія. Жену младшаго брата и невѣстку Мокша одинаково называетъ «*ервэнэ*»—женушка, а жену старшаго брата «*мазаи*» отъ «*мазы*», что значитъ красный, прекрасный, красивый. Сестра мужа по Мокшански «*іолмастирь*», т. е. маленькая дѣвушка; старшій деверь и мужъ сестры носятъ одинаковое названіе «*атяй*», т. е. старикъ, старшій, а меньшой деверь въ отличіе отъ старшаго называется малымъ старикомъ—«*іолма атяй*». Младшая сноха зоветъ старшую «*акляй*»—убѣленною, а старшая, обращаясь къ младшей, называетъ ее по имени напр. Като, Одо, Лукко (Катя, Дуня, Луша) и присовокупляетъ эпитетъ «*мазаи*». Старшій братъ для младшаго представляется какъ бы отцомъ и называется «*батяй*», точно какъ и старшая сестра играетъ для него роль матери, что слышится и въ ея названіи «*дэдяй*» или «*акай*». Брата жены Мокша называетъ «*бажа*», что конечно взято съ русскаго и означаетъ нѣчто въ родѣ нашего «желанный» (отъ слова «бажить, баженый»). Для наименованія «влазня» Мордва не выработала особаго слова, точно также какъ она никакъ не можетъ назвать двоюродныхъ, троюродиыхъ и другихъ родственниковъ.

Брачное сожительство по мнѣнію Мордвы заканчивается смертью супруговъ или даже только одною изъ нихъ и народъ не знаетъ, соединяются ли любившіе другъ друга въ этомъ мірѣ тамъ, на небѣ или же остаются на вѣкъ разъединенными. Эрзя даже не знаетъ или вѣрнѣе вѣроятно забыла кто изъ боговъ занимается соединеніемъ любящихъ сердецъ и кто вѣдаетъ брачныя дѣла и только у Мокши находимъ мы убѣжденіе, что старуха «*Ведьава*» или «*Ведынь-азырз-ава*» (водяная баба или баба — хозяйка воды) плететъ посконныя нити человѣческой судьбы въ смыслѣ брака и сватаетъ людей [1]). «Като—дѣвка красивая, такая красивая, что во всемъ околодкѣ найти такой нельзя. Полюбила Като Ивана, а Иванъ Кату не любитъ, а ходитъ въ кабакъ да къ солдаткѣ, что у нихъ была на селѣ. И пошла Като топиться въ рѣку и увидала—сидитъ на берегу старуха и держитъ въ рукѣ нитку и чего то на берегу ищетъ. «Чего ты, акай, ищешь?» спросила Като. «Да вотъ нитка, Като-мазан, упала изъ рукъ въ воду и уплыла кудато!» сказала старуха. «Да вотъ не она ли?» сказала Като и подала нитку съ камушка старухѣ. «Теперь нельзя узнать» сказала старуха и сплела двѣ нитки вмѣстѣ. И полюбилъ Иванъ солдатку еще больше; такъ полюбилъ, что женился на ней — сама Като подала старухѣ Ведьавѣ нитку солдаткину, сама свою судьбу погубила и бросилась въ рѣку» [2]). Конечно человѣкъ можетъ упросить старуху Ведьаву, задобрить ее моляномъ или бросить ей въ рѣку готовую нитку и тогда можетъ быть спокойнымъ — старуха сдѣлаетъ свое дѣло и свяжетъ его нитку съ ниткою его милой. Дѣ-

---

[1]) Темник. у. Эваслеи, Елена Кузнецова; Кузнецкій уѣздъ, Мордовскій Кемешкерь, Степанида Пятаева; Петровскій уѣздъ, Мечкасы, Ѳедосья Голяшкина.

Като эрясть мазы, тенара мазы—афъ эрясть тенара мазы стирь губерніяза. Келгазэ Като Иванъ, афъ Иванъ келгазы, Като, йакаи кабаксъ, солдатынь аву йакаи, кона эрясть велэза. И йакась Като цопафнянъ ленсъ и вапась — озадаи берэга сирэ ава и кирдязы сюрэ и кать-мезама берэга вешазы. — «Мезь вешазакъ, акай?» кизифтась Като. «Да, сюрэ вайась, Като Мазаи и уйась козывыкъ!» кизифтась сирэ ава. — «Да еза афъ ерясть соньтсъ?» кизифтась Като и максазы сюрэ кевдэ. «Тэни афъ маштаи соданъ!» Кизивтась сирэава и киштиндазя кафта сюрэтъ марса. И келгазэ Ивань солдатынь ава сада лама, тенара келгазэ, што эрвейазэ — Като синтсь максазэ Ведьаванди сюрэ солдатынь авань, синьтсь сонъ павасъ кадазэ и йафыдязэ сонъ ветсъ.

[2]) Кузнецкій уѣздъ, Морд. Кемешкерь, Степанида Пятаева.

вушки, которыя хотятъ поскорѣе выйти замужъ и парни, которые хотятъ поскорѣе женитѣся, бездѣтныя матери семействъ—всѣ они прибѣгаютъ къ помощи старухи Ведьавы, которой они никогда не забудутъ бросить въ рѣку то нитку, а то и цѣлую пасму. Ни Эрзя, ни Мокша ничего не знаетъ о томъ, какая судьба постигаетъ любовниковъ, если смерть унесетъ одного изъ нихъ прежде нежели они сочетаются бракомъ, и намъ не приходилось ни разу слышать о томъ, чтобы напримѣръ рано умершему юношѣ избиралась невѣста для того свѣта; какъ кажется вообще и брачное сожительство и страсти оканчиваются могилою, за которою наступаетъ время совершенно безстрастнаго существованія. Хотя Мордвинъ и считаетъ, что всякій мужчина долженъ со временемъ сдѣлаться домохозяиномъ и завести свою семью, тѣмъ не менѣе случается, хотя и очень рѣдко, что мужчина налагаетъ на себя обѣтъ безбрачія; такихъ случаевъ привелось видѣть намъ всего два; одинъ разъ мужчина 45 лѣтъ явился неженатымъ по идіотизму. Между женщинами Эрзянками незамужнія встрѣчаются довольно часто, благодаря проникнувшему къ нимъ обычаю дѣлаться черничками или же вслѣдствіе нездоровья; между Мокшанками случаи безбрачія рѣдки, да и тѣ, которые намъ приходилось встрѣчать проистекали изъ обѣтовъ, наложенныхъ ими на себя добровольно; случаи эти мы наблюдали въ Темниковскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи и въ Петровскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи, т. е. именно тамъ, гдѣ русское вліяніе сказалось наиболѣе сильно и гдѣ Мокша подверглась наибольшей руссификаціи.—Какъ и между русскимъ населеніемъ между Мордвою рѣдко приходится наблюдать такіе браки, въ основѣ которыхъ лежало бы только взаимное влеченіе; самый строй жизни заставляетъ Мордвина прежде всего подумать о пріисканіи себѣ доброй помощницы, на которую безстрашно можно было бы возложить всѣ тягости домоводства, а также и такой женщины, которая дала бы ему новыхъ работниковъ, будучи способна и къ дѣторожденію. Изрѣдка, въ особенности рѣдко у Эрзи (и притомъ въ мѣстностяхъ обрусѣлыхъ) приходится слышать свидѣтельства о бракахъ вслѣдствіе взаимной привязанности; такіе случаи бываютъ, когда принужденія невозможны за неимѣніемъ у того или другого изъ любящихъ родителей. У Эрзи зачастую можно услышать въ оправданіе принудительныхъ браковъ — «такъ рѣшили старые люди» и сынъ,

какъ и дочь, не могутъ послѣ приговора родителей не согласиться на ихъ выборъ, хотя бы избранное помимо ихъ участія лицо и было имъ не по нраву [1]). Иначе нѣсколько улаживается дѣло у Мокши; конечно, и здѣсь не обходится безъ хозяйственныхъ соображенiй и разсчетовъ, но взаимное влеченіе и въ крайнемъ случаѣ согласіе требуется среди Мокши для брака [2]). Не слѣдуетъ конечно предполагать, чтобы вслѣдствіе этого среди Мокши не попадались случаи несчастныхъ сожительствъ именно вслѣдствіе равнодушія другъ къ другу супруговъ и подчиненія ихъ приказу родителей, но тутъ обыкновенно хорошіе люди хулятъ такихъ самовластныхъ родителей и безхарактерныхъ дѣтей.

Въ дѣлѣ отысканія подходящей подруги жизни у Мордвы нѣтъ никакихъ общепризнанныхъ качествъ, обладаніе которыми дѣлало бы дѣвушку желательною для всякаго; весьма понятно, что каждый ищетъ въ будущей подругѣ то, что ему нравится; кто ищетъ разума, кто миловидности, кто душевныхъ качествъ, а кто богатства. Конечно невѣста изъ богатаго дома составляетъ въ особенности предметъ исканій деревенскихъ жениховъ, но зажиточность не составляетъ conditio sine qua non. Вслѣдствіе особенности вкуса, Мордвинъ любитъ, чтобы у дѣвушки были толстыя ноги; но дебелость и дородство никогда не нравятся ему, особенно въ женщинѣ, тѣмъ болѣе, что Мордовки ею и не отличаются. Не бѣда если дѣвушка не смогла уберечь себя, такъ какъ вѣнецъ все покрываетъ. Мордвинъ смотритъ на дѣтопроизведеніе, какъ на доброе подспорье по хозяйству; любезна ему жена, которая дастъ ему много сыновей, не дурна и та, что дочерей нарожаетъ — все таки помощницы будутъ. Дѣвушка, которая увлеклась и родила, только доказала этимъ, что она не будетъ бездѣтна, а стыда въ этомъ нѣтъ — виноватъ тотъ, кто «*крандаша айдясь — пильгеки кадась*» [3]), т. е. на телѣгѣ проѣхалъ — слѣды оставилъ. Въ большинствѣ случаевъ Мордвинъ цѣнитъ въ дѣвкѣ именно ея крѣпкое сложеніе и ея способность къ

---

[1]) Сарлеи, Марья Денилова, Самарскій уѣздъ, с. Семейкино, Антонъ Мосѣевъ; Ардат. уѣздъ, Симб. губ., с. Пичкасы, Матвей Дробышевъ.

[2]) Мамалаи, Краснослоб. уѣзд., Васильчикинъ; Кузнецк. уѣздъ, Кемешкерь Степанида Пятаева; Темников. уѣздъ, Эваслеи, Елена Кузнецова.

[3]) Инсар. уѣздъ, Верхисъ, Николай Мурзайкинъ.

дѣторожденію; «*алашаса пеитэ — стырьса келинтэ пакархтэ*» [1]) (въ лошади — зубы, а въ дѣвкѣ широкія кости), говоритъ Мокшанинъ, а Эрзянинъ только приспособилъ ту же пословицу къ своему нарѣчію и тоже полагаетъ, что «*литмесэ певтэ — техтерьсэ келевэ пакарстэ*» [2]). Это не великая бѣда, если дѣвушка увлечется до замужества и принесетъ въ домъ нагульнаго ребенка: новая рабочая сила — дому подспорье, а стыда ей ничуть нѣтъ, такъ какъ всякій охотно на ней женится. «*Траксэ арды — вазась кудьазырти*» [3]), подсмѣивается Мокшанинъ по своему (корова гуляетъ — теленокъ хозяину); Эрзянинъ перенялъ на этотъ предметъ поговорку у русскаго человѣка и заодно съ нимъ увѣряетъ, что «чей бы бычекъ ни скакалъ, а теленочекъ нашъ». Еще положительнѣе высказывается практическій взглядъ Мордвина на беременность дѣвушки въ другихъ двухъ пословицахъ, гдѣ народъ, извиняя и даже одобряя несоблюденіе невинности дѣвушкою, а противъ того не оправдываетъ невѣрность мужа женѣ, но не съ нравственной стороны, а просто съ точки зрѣнія произведенія новой рабочей силы не у себя, а въ чужомъ домѣ. *Стырь тійаи еднэ — алятиэрявиавa-ломантилдмань-шаберти*» [4]), т. е. дѣвка сдѣлаетъ ребенка — отцу на пользу, жена — мужу, а мужъ — чужимъ, говоритъ Мокшанинъ, а Эрзянинъ въ одинъ голосъ съ нимъ повторяетъ: *техтерь тейаса едь — тетянэнэ эрявиава — мирдененэ, мирде — шабернэнэ* [5]).

По отношенію къ запретности браковъ христіанство не осталось безъ вліянія на народныя воззрѣнія Мордвы, хотя и не оказало вліянія такого сильнаго, какое приходится наблюдать въ быту русскаго народа. Чѣмъ сильнѣе обрусѣла Мордва, тѣмъ строже она относится къ бракамъ между родственниками; но и тутъ все таки стараются уклониться отъ священническаго запрета, хотя и не могутъ, по самой силѣ вещей, устраивать браки даже между троюродными. Вся Нижегородчина убѣждена, что если нѣтъ крови между

---

1) Городищ. уѣздъ, Пичелеи, Дарья Евренинова.

2) Ардат. уѣздъ, Нижег. губ., Макателемъ, Наталья Ревинчина.

3) Кузнец. уѣздъ, Кемешкерь, Степанида Пятаева.

4) Инсар. уѣздъ, Верхисъ, Ник. Мурзайкинъ.

5) Саранскій уѣздъ, Кочкурово, Миронъ Азякаевъ.

брачущимися, то бракъ между ними возможенъ [1]), а Мокша полагаетъ, что отъ браковъ между близкими родственниками дѣти будутъ уродами [2]), но не смотря на всѣ наши старанія узнать, откуда явилось такое убѣжденіе, мы ничего не могли добиться, такъ какъ вездѣ намъ говорили: «старики говорятъ; это не у насъ случилось, а тамъ то»... Кое гдѣ прямо и безповоротно говорили любимую Мордовскую поговорку: «*ки содасы?*», т. е. кто знаетъ. Да и дѣйствительно, кажется, никто не знаетъ, почему именно браки между близкими родственниками не могутъ быть допущены, а просто такой взглядъ перенятъ у русскихъ [3]), и если можно считать, что въ этомъ запретѣ чисто народнымъ, то только развѣ бракъ или вѣрнѣе совокупленіе брата съ сестрою, на что имѣется даже у Арзамасской Эрзи преданіе. «*Эрязть братъ и сазоръ. Тэтя сайизе братъ ошось и эрязть тозо кэменъ иеть. И аказь сазоръ ошось и работазь вейкезе кудозо. Сынь ветишкызе, вень-перть удазьть, вейзе и сазоръ чачтызе несъ. Сынь несекстъ удазьть, сексъ и чачазь несъ*». (Жили братъ и сестра. Отецъ взялъ брата въ городъ и жили тамъ 10 лѣтъ. Пришла сестра въ городъ и работала въ одномъ домѣ (съ братомъ). Они полюбились, ночь на пролетъ спали вмѣстѣ и сестра родила

---

[1]) Сарлеи, Нижег. уѣздъ, Марья Данилова; Лукоян. уѣздъ, Ревезень, Кириллъ Зайцевъ; Арзам. уѣздъ, Кардавеле, Өедоръ Ильцовъ.

[2]) Мамалаево, Красносл. уѣздъ, Тихонъ Васильчикинъ; Красносл. уѣздъ, Шингарино, Степанъ Ашашкинъ; Город. уѣздъ, Пичилеи, Дарья Евреинова.

[3]) Крайне интересно свидѣтельство Лепехина (ч. I, стр. 173), что когда Мордва была языческою, то брали столько женъ, сколько были въ состояніи содержать. Двухъ родныхъ сестеръ взять въ жены одновременно почиталось у Мордвы неудобнымъ, но если жена умирала, то мужчина могъ жениться на сестрѣ покойной. Сватанье происходило слѣдующимъ образомъ: зять является къ тестю и требуетъ выдачи своячины. Въ случаѣ несогласія тестя, зять употребляетъ особую уловку: «отдай за меня своячину», говорилъ онъ. «Не отдамъ», отвѣчаетъ тесть. Зять незамѣтно долженъ былъ вынуть изъ подъ полы заранѣе и съ цѣлью спрятанный тамъ каравай хлѣба и положить его на столъ такъ, чтобы тесть не увидалъ, ибо въ противномъ случаѣ послѣдній сталъ бы всячески противиться этому. Едва удалось положить на столъ коровай, какъ зять долженъ бѣжать безъ оглядки, успѣвъ только проговорить: «вотъ хлѣбъ-соль, береги мою знай!» такъ какъ если бы его поймали, то побили бы его сильно. Съ этой минуты тесть уже не можетъ отказать ему въ рукѣ своячины. Смыслъ этого обряда тотъ вѣроятно, что вражда родовъ, возбужденная смертью жены, должна прекратиться, едва поднесена будетъ хлѣбъ-соль — символъ мира.

собаку. Они какъ собаки спали, оттого и родилася собака [1]. Духовное родство, какъ сказано выше, отнюдь не вліяетъ по народнымъ воззрѣніямъ на возможность брака и только въ Нижегородскомъ уѣздѣ, въ обрусѣлой Терюшевской волости намъ говорили: «есть крестъ — нѣтъ брака» [2]) Мокша не станетъ сватать только дѣтей побратимовъ, да и то дѣлается лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ русское вліяніе замѣчается довольно сильно [3]). Пріемыши и у Эрзи и у Мокши могутъ вступать въ бракъ со всѣми односемьянами пріемныхъ отцовъ, такъ какъ между ними нѣтъ «крови», которая соединяла бы ихъ; пріемышъ, просто взятый изъ практическихъ цѣлей въ домъ работникъ и ничего общаго съ призрѣвшей его семьей не имѣетъ. Точно также среди Мордвы никогда не приходится наблюдать, чтобы запрещеніе браковъ распространялось, напримѣръ, на всѣхъ односельчанъ, а также и на тѣхъ, кто случайно носитъ одну фамилію; послѣднее обстоятельство, въ виду нареканія прозвища по первому попавшемуся на глаза предмету, можетъ случаться весьма часто, хотя между однофамильцами и нѣтъ вовсе «крови». Конечно браки между Мордвою и Татарами запрещаются и тщательно избѣгаются народомъ, но тутъ вліяетъ разница въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, а вовсе не то, чтобы Мордва, напримѣръ, относилась свысока къ татарской національности; напротивъ того, намъ всюду приходилось лишь слышать похвальные о татарахъ отзывы за ихъ рачительность, хозяйственность, трезвость и трудолюбіе; въ Тетюшскомъ уѣздѣ нѣкоторая часть Мордвы, извѣстная подъ названіемъ Каратаевъ, по всѣмъ вѣроятіямъ только съ принятіемъ христіанства (въ первой четверти нынѣшняго столѣтія) отказалась отъ смѣшанныхъ браковъ съ татарами, вліяніе крови которыхъ чрезвычайно ясно замѣтно даже во внѣшнемъ видѣ Каратаевъ, не говоря уже о заимствованномъ у татаръ разговорномъ языкѣ. Браки съ раскольниками и въ особенности съ тѣми, которые принадлежатъ не къ догматическимъ, а къ такъ называемымъ буквеннымъ сектамъ, очень желательны Мордвѣ, по той простой причинѣ, что раскольники живутъ очень зажиточно

---

[1]) Арз. уѣздъ, Кордовеле, Ѳедоръ Ильцовъ.

[2]) Сескино.

[3]) Инсар. уѣздъ, Адашево, Ѳедоръ Эртовъ.

и во всякомъ случаѣ гораздо зажиточнѣе православныхъ; съ своей стороны и раскольники довольно охотно выдаютъ своихъ дочерей и женятъ сыновей среди Мордвы, какъ вслѣдствіе того, что Мордва очень склонна къ прозелитизму, такъ и потому, что раскольники весьма цѣнятъ мордовскую охоту къ труду. Намъ не случалось наблюдать поголовнаго молоканскаго или хлыстовскаго мордовскаго населенія; но за то села поморскаго толка попадались зачастую. Вообще Мордва и не думаетъ чуждаться національности или, напримѣръ, обособляться отъ сосѣдей; парни одной деревни смѣло ходятъ въ другую веселиться и даже «играть» съ дѣвушками и у Эрзи, напримѣръ, мы видимъ, что такія посѣщенія бываютъ сплошь и рядомъ; чужедеревенская дѣвка никому не заказана и всякій воленъ «играть» съ дѣвками, гдѣ ему угодно, если только сами дѣвушки допустятъ его въ свой кружокъ и не заняты доморощенными кавалерами. Мокша страннымъ образомъ отличается въ этомъ отношеніи отъ Эрзи; здѣсь, напротивъ того, чужой парень никогда не отважится идти гулять съ дѣвушками иной деревни, такъ какъ это было бы сочтено за оскорбленіе парнями послѣдней, какъ будто они такъ плохи, что ими дѣвушка не могла заняться, а нашла себѣ любовника на сторонѣ; на этотъ случай есть и пословица: «*соньтстынза пеньшаза илэсь сяканэсь тять-йака*» (со своею ложкою по чужимъ горшкамъ не ходи), которая говорится парню, который зачастилъ въ сосѣднюю деревню, такъ равно и тому, кто отбиваетъ чужую жену.[1])

Про возрастъ, требуемый для признанія за лицомъ способности ко вступленію въ бракъ, трудно сказать что либо опредѣленное, да и сама Мордва врядъ ли разъ на всегда опредѣлила, что такое опредѣленіе возраста для брачной способности необходимо; существуетъ одна пословица или, вѣрнѣе, поговорка, которая указываетъ, что возрастъ этотъ зависитъ, по возрѣніямъ народнымъ, чисто отъ физическаго развитія лица; слѣдуетъ однако замѣтить, что такая же поговорка слышится и среди русскихъ, у которыхъ тоже врядъ ли когда былъ опредѣленъ возрастъ для вступленія въ бракъ. «*Дугаксь серян — пара ервэйанъ*»[2]) (дугою сц. . ъ—женить пора), гово-

[1]) Мамалаево, Краснослободскаго уѣзда, Васильчикинъ; Кемешкеръ, Кузнецкій уѣздъ, Степанида Пятаева; Каратаи, Тетюшск. уѣздъ, Петръ Козымбаевъ.

[2]) Верхисъ, Инсарск. уѣздъ Николай Мурзайкинъ.

ритъ Мокшанинъ, а Эрзянинъ острить, что если «*кирдема влизе жаранэ — машты кирдемсв ава* [1]) (если держитъ ведро — можетъ сдержать бабу). Тѣмъ не менѣе, хотя повидимому по понятіямъ Мордовскаго народа физическое развитіе лица и опредѣляетъ его способность ко вступленію въ брачное сожительство, тѣмъ не менѣе легко замѣтить, что повелся обычай считать извѣстные года достаточными, какъ для парня, такъ и для дѣвушки; такъ, напр., среди Эрзи считается достаточнымъ, чтобы женихъ достигъ 19-ти лѣтняго возраста и дозволительнымъ даже сватать его на 19-мъ году, тогда какъ невѣстѣ долженъ быть 17-й годъ; по большей части бываетъ вслѣдствіе этого, что женихъ старше своей невѣсты— обычай, замѣчаемый равно и среди русскаго населенія; [2]) иначе посмотрѣла на дѣло Мокша и узаконила, чтобы, напротивъ того женщина была старше мужчины, такъ какъ, дескать, мужчина скорѣе старится; сомнѣваемся однако, чтобы такова была дѣйствительная причина этого обычая, такъ какъ иначе слѣдовало бы установить большую разницу между годами брачущихся; тѣмъ не менѣе, въ виду существованія его у Мокши, т. е. у наименѣе руссифицированной отрасли Мордовскаго народа, мы можемъ признать этотъ обычай за чисто народный и предположить, что вѣроятно прежде требуемая разница въ годахъ была больше и уменьшеніе ея есть плодъ вліянія другихъ народностей, окружающихъ Мокшанскія сельбища. У Мокши полагается достаточнымъ, чтобы жениху было 18—19 лѣтъ, но тогда ставится непремѣннымъ условіемъ, чтобы невѣстѣ было 20 и даже 21 годъ; иногда, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Мокша сильно обрусѣла, какъ, напр., Мокша Шацкая и Спасская, случается, что выдаютъ замужъ и 18-ти лѣтнихъ дѣвушекъ, но тогда и женихи таковымъ избираются по 17-му и 18-му году; такимъ образомъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ хотя и сдѣлана подъ вліяніемъ русскихъ обычаевъ уступка въ годахъ невѣсты, но за то типичная народная черта обычая все таки сохранена въ цѣло-

---

[1]) Городищ. уѣздъ, Катмисъ, Елена Гордѣева и Кардовеле, Арзам. уѣздъ, Ѳедоръ Ильцовъ.

[2]) Сарлей, Данилова; Макателемъ, Ардат. уѣздъ, Нижег. губ., Наталья Ревингина; Семейкино, Самар. уѣздъ, Антонъ Мосѣевъ; Лебежайка, Хвалын. уѣздъ, Наталья Ананьева.

сти [1]). Выдача дѣвушки за мужъ отнюдь не зависитъ отъ какихъ либо стороннихъ причинъ, и у Мордвы вовсе не замѣчается обычая выдерживать въ домѣ извѣстное время дѣвушку съ тою цѣлію, чтобы она отработала на семью стоимость того, что она семьѣ стоила. Только въ одномъ случаѣ дѣлается исключеніе, да и то не въ силу отработыванія стоимости содержанія, а въ силу какъ бы богоугоднаго обѣта: нѣсколько задерживаются въ семьѣ браки, если семью посѣтитъ какое либо особенное несчастье, напримѣръ хлѣбъ побьетъ градомъ и т. п. Этотъ обычай замѣчается равно у Эрзи и у Мокши, несмотря на то, что окрестные русскіе подсмѣиваются надъ такими дѣвушками и увѣряютъ, что онѣ «подъ градъ попали»—оттого и замужъ не вышли; ихъ такъ и называютъ «царяградовы жены», что при всей случайности своего происхожденія можетъ однако имѣть и глубокое миѳическое значеніе, конечно незавѣдомое для тѣхъ, кто трунитъ такъ надъ Мордвою. Преданій о томъ, чтобы прежде соединяли бракомъ малолѣтнихъ не сохранилось, и до сихъ поръ у чистой, не подвергшейся руссификаціи Мордвы не бываетъ ничего такого, что давало бы возможность предположить существованіе подобнаго обычая въ древности. Оно и понятно: Мордва до сихъ поръ продолжаетъ смотрѣть на бракъ, какъ на средство къ воспроизведенію себѣ подобныхъ работниковъ; прямою цѣлію брака считаетъ дѣтопроизведеніе и, слѣдовательно, поступали бы нелогично, брача или обручая тѣхъ, кто къ дѣтопроизведенію неспособенъ. Тѣмъ не менѣе и, напримѣръ, въ Нижегородчинѣ мы видимъ, что родители обручаютъ иногда и малолѣтнихъ, [2]) но въ большинствѣ случаевъ такое обрученіе ровно ни къ чему не обязываетъ самихъ обрученныхъ и они могутъ избрать себѣ другихъ спутниковъ жизни. Лепехинъ (ч. I, стр. 172) говоритъ, что «обрученіе или помолвка у Мордвы бываетъ еще во время малолѣтства дѣтей. Когда отцы знаютъ, что ихъ малолѣтніе дѣти и мѣстами и имуществомъ между собою равны, то во время народнаго сонмища мѣняются другъ съ другомъ рогами съ табакомъ, говоря: смотрите,

---

[1]) Адашево, Инсар. уѣздъ, Ѳедоръ Эртовъ; Эвасleи, Темников. уѣздъ, Елена Кузнецова; Мечкасы, Петров. уѣздъ, Ѳедосья Голяшкина; Пичилеи, Городищ. уѣздъ, Дарья Евреинова.

[2]) Сарлеи, Нижег. уѣздъ; Макателемъ, Ардат. уѣздъ, Наталія Ревинтина; Кардовеле, Ардат. уѣздъ, Ѳедоръ Ильцовъ.

добрые люди, что мы между собою сватовья; а какъ сіи засвидѣтельствуютъ, тогда они уже и называются сватовьями до возраста своихъ дѣтей. Если же по возрастѣ которому нибудь изъ отцовъ бывшій договоръ не понравится, напримѣръ, если женихову отцу не понравится невѣста и откажется, тогда невѣстинъ отецъ отдаетъ свою дочь за другого; напротивъ того, если невѣстину отцу не понравится женихъ, тогда онъ иначе отказаться не можетъ, какъ заплативъ отъ 6 до 12 рублевъ.»

О подобныхъ бракахъ упоминаетъ и Мельковичъ и замѣчаетъ, что «дѣвку помолвленіе сіе не обязываетъ, но молодецъ долженъ, буде вздумаетъ, жениться на другой, заплатить за обходъ нѣсколько рублей. (См. Симб. Г. В. 1851 г., № 32, Опис. Симб. намѣстнич. 1783 года.) По всѣмъ вѣроятіямъ, въ выдачѣ дочерей замужъ соблюдался возрастный порядокъ, который долженъ былъ прямо вытекать изъ того обстоятельства, что старшая дочь въ семьѣ раньше пріобрѣтала способность къ дѣтопроизведенію, а слѣдовательно и раньше должна была выйти замужъ. Порядокъ этотъ совершенно утратился у Эрзи, исключая той части Эрзи, которая живетъ по р. Пьянѣ [1]) и которая болѣе соблюла свои характерныя черты вслѣдствіе своего исключительнаго положенія; у Мокши порядокъ выхода замужъ соблюдается весьма сильно, и младшая сестра ни въ какомъ случаѣ не можетъ выйти замужъ раньше своей старшей сестры, хотя бы она и полюбила кого либо и родители ничего не имѣли противъ ея брака; особенной тяжести однако обычай этотъ не представляетъ въ виду того обстоятельства, что на беременность дѣвушки и на то, что она производитъ на свѣтъ, смотрятъ снисходительно, а потому вѣнецъ покрываетъ всѣхъ дѣтей—нѣтъ нужды въ томъ, что они прижиты до брака [2]).

Безъ родительскаго благословенія бракъ считается немыслимымъ, невозможнымъ; такъ или иначе, но надо добиться ихъ благословенія, хотя уже самое существованіе самокрутокъ доказываетъ, что необходимость родительскаго согласія уже позднѣе заявилась въ Мордовскомъ обиходѣ, а прежде требовалась одна только добрая

---

[1]) Ревезень, Княгин. уѣздъ, Кирилъ Зайцевъ.

[2]) Эвaслеи, Темн. уѣздъ, Елена Кузнецова; Мечкасы, Петров. уѣздъ, Өедосья Голяшкина; Верхисъ, Инсар. уѣздъ. Николай Мурзайкинъ; Шингарино, Краснослоб. уѣздъ, Степанъ Атяшкинъ.

воля вступающихъ въ бракъ. Даже и теперь и у Эрзи и у Мокши считается возможнымъ повѣнчаться, не испросивши родительскаго благословенія, но за то послѣ совершенія брака необходимо явиться къ родителямъ съ повинною головою, а родители въ свою очередь посердятся для вида, а затѣмъ въ концѣ концовъ должны простить провинившихся. Если бы случилось, что родители захотѣли настоять на своемъ, то такого брака Богъ не благословитъ. Если бы въ домѣ не было ни отца, ни матери, то должны благословить брачущихся или старшій братъ, или старшая сестра; во всякомъ случаѣ слѣдуетъ спросить у старшаго, который, конечно, не замедлитъ дать свое согласіе. Если бы вздумалось кому нибудь изъ парней взять дѣвушку изъ завѣдомо бѣднаго дома, или же еслибы богатая дѣвушка полюбила бѣдняка, то въ такомъ случаѣ требуется уже не только родительское согласіе, но и спросъ у всей родни, которая представляетъ доводы противъ такого неравнаго брака, но въ концѣ концовъ все же таки даетъ согласіе, въ особенности если видитъ, что родители ничего не имѣютъ противъ подобнаго брака.

Отличительною чертою Мордовской жизни являются браки увозомъ, «самокрутки», какъ называютъ ихъ окрестные русскіе, и «*лисезь*», какъ называетъ ихъ сама Мордва. Лисезь, какъ ни старалось начальство искоренить ихъ, до сихъ поръ не покинуты народомъ, и послѣдній до такой степени облюбилъ этотъ способъ сочетаться бракомъ, что платитъ огромныя сравнительно деньги за то, чтобы священникъ согласился повѣнчать самокрутку. Прежде, во времена оны, конечно женихъ ночью подбирался къ дому своей возлюбленной, заставалъ ее въ расплохъ, схватывалъ ее и увозилъ къ себѣ въ домъ; дѣвушка вѣроятно не давалась, отбивалась, кричала, звала на помощь, къ ней на выручку являлись ея родственники и только съ бою удавалось влюбленному взять подругу своей жизни. Что все это было именно такъ мы находимъ намеки въ тѣхъ обрядахъ, которые считаются необходимыми при нынѣшнихъ самокруткахъ, хотя и утеряли свое стародавнее значеніе и исполняются безъ отдаванія себѣ отчета въ томъ, что всѣ они не имѣютъ уже теперь никакого смысла. Теперь парень любится, положимъ, съ дѣвушкою и сговариваются они повѣнчаться; вопросъ о томъ, говорить ли о ихъ рѣшеніи родителямъ, рѣшается тутъ же между ними и въ большей части случаевъ въ томъ смыслѣ, чтобы предупредить

стариковъ, что, конечно, указываетъ уже на порчу обычая, на его «переживаніе», какъ говоритъ Тайлоръ. Парень, или отецъ его (а этого послѣдняго уже во всякомъ случаѣ предупреждаютъ, такъ какъ иначе молодымъ некуда было бы послѣ вѣнца пріѣхать) отправляются къ священнику на переговоры. Обыкновенно является Мордвинъ и топчется на мѣстѣ, не рѣшаясь напрямки объявить, для чего онъ пришелъ. Если священникъ нерьяный то дѣло рѣшается очень скоро и просто; въ противномъ случаѣ Мордвинъ изгоняется и отправляется искать священника попроще, и таковые извѣстны по всей округѣ. Иногда случается и теперь (а прежде вѣроятно было всегда) что дѣвушка несогласна на бракъ «лисезь», но такіе случаи до такой степени рѣдки, что ихъ знаютъ на перечетъ. Тѣмъ не менѣе, въ доказательство того, что «лисезь» совершался прежде безъ согласія дѣвушки, можно привести то, что послѣдняя во время ѣзды употребляетъ всѣ средства, чтобы отбиться отъ увозящаго ее парня. Ввечеру въ хатѣ у жениха все прибрано и готово къ принятію поздней, но желанной гостьи; со священникомъ переговорили и въ цѣнѣ сошлись. Часамъ къ 12 ночи на дворѣ у жениха собрались его друзья въ числѣ 10—15 человѣкъ на трехъ или четырехъ тройкахъ и ждутъ первыхъ пѣтуховъ, съ крикомъ которыхъ вся компанія ударяетъ по лошадямъ и скачетъ: пѣтушій крикъ—добрый знакъ: Мастыръ-Пазъ, богъ земли Мордовской, мужъ оплодотворитель Ведынь-азыръ-авы, проснулся и идетъ къ своей супругѣ. Похитители ѣдутъ въ невѣстину деревню, женихъ идетъ за своей зазнобой, хватаетъ ее поперегъ тѣла и бѣжитъ со своею ношею къ тому мѣсту, гдѣ оставлены товарищи и кони, а невѣста все это время щиплется, плюется, царапается, щекочетъ своего суженаго и чѣмъ болѣе она старается, тѣмъ желаннѣе она дѣлается для будущаго ея обладателя, тѣмъ сильнѣе прижимаетъ онъ къ своей груди драгоцѣнную ношу. Наконецъ женихъ у телѣгъ, при помощи пріятелей онъ набрасываетъ невѣстѣ на голову наметку, сажаетъ въ одну изъ телѣгъ и тутъ начинается сумасшедшая скачка; дома между тѣмъ, быть можетъ, хватились дѣвушки, поискали и порѣшили, что дѣло не ладно — навѣрное дѣвку увезли. Собирается погоня, наскоро сзываютъ шабровъ, и чѣмъ лучше дѣвка, тѣмъ больше является защитниковъ; съ своей стороны и женихъ, если дѣвка особенно хороша, набираетъ съ собою побольше пріятелей.

Погоня или не успѣваетъ нагнать похитителей и тогда возвращается домой ни съ чѣмъ, или же, напротивъ того, настигаетъ жениховъ поѣздъ и тогда случается нѣчто въ родѣ побоища, которое заканчивается иногда несовсѣмъ счастливо для принявшихъ въ немъ участіе; фонари, ломка зубовъ, а иногда и порча реберъ — вещи весьма обыкновенныя. Наконецъ запасливый женихъ, вѣрно разсчитавшій сколько народа надо взять, чтобы отбиться отъ погони, и дѣйствительно отъ нея отбившійся, является къ церкви; товарищи берегутъ невѣсту гдѣ нибудь въ укромномъ мѣстѣ, а женихъ идетъ за священникомъ; бракъ совершается и самокрутка обвѣнчана. Благодаря значительности русскаго вліянія у Эрзи рѣже и рѣже приходится наблюдать самокрутки, но конечно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ обрусѣніе еще не сказалось въ сильной степени, самокрутки бываютъ и у Эрзи; такъ, напр., въ селѣ Борцовѣ (Нижег. уѣздъ) послѣдняя самокрутка справлена въ 1866 году, а въ Арманихѣ того же уѣзда — въ 1873 году, тогда какъ въ Сескиной (того же уѣзда) еще на Красную горку 1877 г. вѣнчалась самокрутка, но не у мѣстнаго священника; въ Арзамасскомъ уѣздѣ въ Чувахлеи самокрутку помнятъ въ 1874 году, а въ Лукояновскомъ, на р. Пьянѣ они до сихъ поръ практикуются и при томъ гораздо чаще браковъ обыкновенныхъ; Самарская Эрзя увѣряла, что старики ихъ вѣнчались еще самокрутками, а сами они — «какъ и всѣ прочіе христіане». Вотъ въ этой то фразѣ и заключается объясненіе, почему Эрзя оставляетъ этотъ самобытный обычай; русскіе смѣются надъ самокрутками, считая ихъ безбожными, совершаемыми «не по христіанской, а по Мордовской вѣрѣ», а Эрзя хочетъ казаться христіанами, на вопросъ: что за люди? отвѣчаетъ: Русины и чурается своей «мордовской вѣры», къ которой прибѣгаетъ лишь въ крайнихъ случаяхъ. Напротивъ того, Мокша чаще всего брачится самокруткою, причемъ наиболѣе часто случается, что со стороны невѣсты согласія нѣтъ, и дѣвушку берутъ силою [1]); чѣмъ обособленнѣе живетъ Мокша, чѣмъ менѣе въ ея сосѣдствѣ русскихъ, тѣмъ чаще встрѣчаются самокрутки и до такой степени, что обычай этотъ распространенъ и среди той Эрзи, которая поселилась о-бокъ съ Мокшею, какъ это случилось, напр., въ Городищенскомъ

[1]) Мамалаево, Красносл. уѣздъ, Тихонъ Васильчикинъ.

уѣздѣ, Пензенской губерніи, гдѣ представители обѣихъ отраслей Мордовскаго народа живутъ смежно. Причину самокрутокъ опредѣлить довольно трудно, такъ какъ существованіе оныхъ нельзя объяснить ни экономическими, ни настоящими религіозными требованіями; за самокрутку приходится заплатить священнику гораздо дороже, нежели за обыкновенную свадьбу, а затѣмъ по совершеніи обряда на пропой уходитъ опять таки болѣе денегъ, такъ какъ родители молодой артачатся и спаиваются весьма старательно; слѣдуетъ, кромѣ того, замѣтить, что самокрутки идутъ прямо наперекоръ установившимся церковнымъ обычаямъ и начинаютъ соблюдаться въ настоящее время съ большими трудностями, такъ какъ число священниковъ, соглашающихся вѣнчать подобные браки съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе уменьшается. На этомъ основаніи начало и причину самокрутокъ слѣдуетъ искать въ глубокой древности, въ былыхъ миѳологическихъ воззрѣніяхъ Мордовскаго народа. Самокрутка вовсе не влечетъ за собою какихъ либо особенныхъ послѣдствій и все дѣло ограничивается колоссальною попойкою, которая устраивается въ домѣ молодаго для родителей и родственниковъ молодой. Сначала отецъ дѣлаетъ видъ, что не хочетъ входить въ избу своего свата, ломается, шумитъ и требуетъ обратной выдачи своей дочери; съ поклонами, съ уговорами выходитъ къ нему на встрѣчу отецъ молодаго, упрашиваетъ его не сердиться, хвалитъ свою невѣстку и говоритъ, что тѣмъ она, значитъ, лучше, если сама, безъ чьей либо помощи, нашла себѣ мужа. Тутъ же у верей выпиваютъ, мало по малу отецъ похищенной смягчается и его подъ руки уводятъ въ избу. Тоже самое повторяется и съ матерью молодой, которую впрочемъ уговорить окончательно по обычаю нельзя и ее силой вносятъ въ избу или братья, или пріятели молодаго [1]). Жалобъ никто не запомнитъ, да некому и жаловаться, такъ какъ первая инстанція—старики и слушать не станутъ жалобщиковъ, находя самокрутку вполнѣ естественною и даже желательною для своихъ дочерей.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда ни у жениха, ни у невѣсты нѣтъ родителей, когда они круглые сироты, они обращаются (если только

[1]) Мамалаево, Красносл. уѣздъ, Пензенской губ.; Верхисъ, Инсар. уѣздъ, Пензенской губ; Кемешкерь, Кузнец. уѣздъ, Сарат. губ.

не думають устроить самокрутку) къ сосѣду, который обыкновенно благословитъ ихъ и научитъ житейской мудрости. У Эрзи такой благословившій бракъ сосѣдъ почитается замѣсто роднаго отца, что встрѣчается часто и у Мокши, хотя и съ исключеніями [1]).

Только у Нижегородской Эрзи находимъ мы обычай созывать тогда семейные или родственные совѣты для рѣшенія дѣлъ о вступленіи въ бракъ того или другаго лица; нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не знаютъ о существованіи подобнаго обычая и сомнѣваются въ его цѣлесообразности, такъ какъ молодой человѣкъ даже и при существованіи этого обычая могъ бы всегда обдѣлать самокрутку— благо никто изъ парней не откажется помочь ему въ такомъ дѣлѣ.

Въ послѣднее время, однако, при посредствѣ русскаго вліянія на бытъ Мордвы, стали въ народное міровоззрѣніе проникать русскіе взгляды на родительскую власть, которая по всѣмъ вѣроятіямъ станетъ и у Мордвы на степень полнаго самовластія и деспотизма. И теперь уже довольно часты (и въ особенности въ Нижегородчинѣ) у Эрзи случаи насильныхъ браковъ, устраиваемыхъ родителями или прямо противъ воли дѣтей или безъ спроса на то ихъ согласія; Мокша и въ этомъ случаѣ крѣпче держится старины и среди мокшанскаго населенія (въ особенности у Инсарской, Городищенской и Кузнецкой Мокши) такіе случаи встрѣчаются рѣже. Дѣти, конечно, не могутъ относиться спокойно къ такому беззастѣнчивому распоряженію ихъ судьбой, не соглашаются, если имъ родители сообщатъ о своемъ рѣшеніи, выражаютъ всячески свое неудовольствіе, но не рѣшаются на что либо серіозное и въ большинствѣ случаевъ въ концѣ концовъ подчиняются родительской волѣ. Единственное, что остается, напримѣръ, парню, котораго родители обженили на нелюбимой имъ дѣвушкѣ, это вымѣстить свое неудовольствіе и злобу на той, которую ему навязали; начинается битье жены, истязанія и въ концѣ концовъ супруги глядятъ въ разныя стороны; никакихъ жалобъ однако они ни кому не приносятъ на принудительный бракъ и не только не жалуются міру, какъ иногда бываетъ у русскихъ, но даже и священнику при со-

---

[1]) Напр. Кузнецкая Мокша и Городищенская Мокша не знаютъ ничего о томъ, что такой благословившій бракъ сосѣдъ долженъ уважаться наравнѣ съ роднымъ отцомъ.

вершеніи самого таинства не заявляютъ о принужденіи. Что касается до того случая, что бы кто либо, помимо родителей, или въ случаѣ ихъ смерти, принудилъ молодыхъ людей ко вступленію въ бракъ, то Мордва не можетъ даже и понять, какъ это можетъ случиться, такъ какъ никто въ судьбѣ людей не властенъ; не имѣя тѣхъ воззрѣній на міръ (сельскій), какими отличаются русскіе крестьяне, Мордвинъ и ему никогда не позволитъ вмѣшиваться въ дѣла по вступленіи въ бракъ.

II.

Предъ вступленіемъ въ бракъ молодыхъ людей, между стариками идутъ продолжительные переговоры, которые вовсе не исключаются даже и послѣ совершенія брака самокруткою, съ тою лишь разницею, что въ послѣднемъ случаѣ переговоры совершаются по необходимости послѣ обряда и бываютъ съ обѣихъ сторонъ менѣе продолжительными вслѣдствіе необходимости такъ или иначе покончить дѣло. Тѣмъ не менѣе у Эрзи и Мокши переговоры эти ведутся съ нѣкоторою разницею, которая весьма отчетливо характеризуетъ принадлежность условливающихся къ той или другой отрасли Мордовскаго народа. Письменныхъ условій не совершается ни въ какомъ случаѣ, какъ отчасти по безграмотности договаривающихся, такъ еще и потому, что *«корхтась ервэйаизэ — корхтась кулаизэ»* (сказалъ во время свадьбы—сказалъ во время смерти) т. е. что договоръ свадебный также важенъ и непреложенъ, какъ и послѣдняя воля умирающаго. Эрзя прежде всего старается выговорить то, что дадутъ на столъ; родители невѣсты стараются конечно взять больше, но всѣ эти переговоры оканчиваются обыкновенно полюбовно и «на столъ» даются вѣнецъ, сустугъ и другія части женскаго туалета; о пропоѣ не уговариваются вовсе, и количество вина, а также и роскошное справленіе пропоя, предоставляется вполнѣ на волю родителей невѣсты, которые никогда не ударятъ по этой части въ грязь лицомъ и, какая бы ихъ дочь ни была, всегда сдѣлаютъ все возможное для того, что бы пропить ее на славу. Еще болѣе сложные и притомъ продолжительные переговоры идутъ о приданомъ (приданой), причемъ опредѣляется

даже добротность каждой получаемой невѣстою вещи. Того, что называется у насъ «кладкою», а у иныхъ народовъ калымомъ, Эрзя не знаетъ, если не видѣть нѣкотораго намека на выкупъ, платимый за невѣсту, въ дачѣ «на столъ». Если замужъ выходитъ вдова, то она обыкновенно договаривается съ будущимъ своимъ мужемъ насчетъ содержанія ея дѣтей отъ перваго мужа, а также и объ имуществѣ, оставшемся послѣ покойнаго; чаще всего вотчимъ обязуется кормить и доводить дѣтей до разума и отнюдь не вступаться въ имущество перваго мужа, которое и передается вдовою своимъ дѣтямъ по достиженіи ими совершеннолѣтія [1]).

Нѣсколько иначе отнеслась къ добрачнымъ переговорамъ Мокша; здѣсь договариваются обо всемъ до малѣйшихъ подробностей, а именно о настольныхъ подаркахъ, о количествѣ предстоящаго пропоя, даже иногда о приданомъ, которое однако не было по всѣмъ вѣроятіямъ стародавнимъ учрежденіемъ у Мордвы и перенято, какъ увидимъ по его случайности и зависимости отъ доброй воли, родителей, у русскихъ; вдовы непремѣнно должны выговорить «спокой и хлѣбъ» своимъ дѣтямъ отъ перваго мужа. [2]) Прежде во времена крѣпостнаго права, когда каждый человѣкъ представлялъ извѣстную стоимость, нельзя было не поплатившись взять въ жены себѣ дѣвушку изъ другого села; приходилось уплачивать владѣльцу дѣвушки выводныя деньги, которыя отнюдь не носили характера калыма извѣстному сельскому обществу, а просто лишь были вознагражденіемъ помѣщику за убытокъ, наносимый ему уводомъ отъ него извѣстной рабочей и производительной силы. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ никогда не было помѣщичьей власти, Мордва никогда и не слыхивала о выводныхъ деньгахъ и потому мы въ правѣ полагать, что плата за выводъ не составляетъ кореннаго мордовскаго обычая и притомъ тѣмъ болѣе, что теперь не полагается никакихъ выводныхъ денегъ.

У Эрзи, равно какъ и у Мокши, женихъ или, вѣрнѣе, его родители обязуются уплатить извѣстную сумму денегъ, которая,

---

[1]) Нѣтъ надобности указывать здѣсь мѣстности, гдѣ эти обычаи записаны, такъ какъ наблюдать ихъ можно у всей Мордвы.

[2]) У всей Мокши, гдѣ бы она ни жила.

уѣздѣ, Пензенской губерніи, гдѣ представители обѣихъ отраслей Мордовскаго народа живутъ смежно. Причину самокрутокъ опредѣлить довольно трудно, такъ какъ существованіе оныхъ нельзя объяснить ни экономическими, ни настоящими религіозными требованіями; за самокрутку приходится заплатить священнику гораздо дороже, нежели за обыкновенную свадьбу, а затѣмъ по совершеніи обряда на пропой уходитъ опять таки болѣе денегъ, такъ какъ родители молодой артачатся и спаиваются весьма старательно; слѣдуетъ, кромѣ того, замѣтить, что самокрутки идутъ прямо наперекоръ установившимся церковнымъ обычаямъ и начинаютъ соблюдаться въ настоящее время съ большими трудностями, такъ какъ число священниковъ, соглашающихся вѣнчать подобные браки съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе уменьшается. На этомъ основаніи начало и причину самокрутокъ слѣдуетъ искать въ глубокой древности, въ былыхъ миѳологическихъ воззрѣніяхъ Мордовскаго народа. Самокрутка вовсе не влечетъ за собою какихъ либо особенныхъ послѣдствій и все дѣло ограничивается колоссальною попойкою, которая устраивается въ домѣ молодаго для родителей и родственниковъ молодой. Сначала отецъ дѣлаетъ видъ, что не хочетъ входить въ избу своего свата, ломается, шумитъ и требуетъ обратной выдачи своей дочери; съ поклонами, съ уговорами выходитъ къ нему на встрѣчу отецъ молодаго, упрашиваетъ его не сердиться, хвалитъ свою невѣстку и говоритъ, что тѣмъ она, значитъ, лучше, если сама, безъ чьей либо помощи, нашла себѣ мужа. Тутъ же у вереи выпиваютъ, мало по малу отецъ похищенной смягчается и его подъ руки уводятъ въ избу. Тоже самое повторяется и съ матерью молодой, которую впрочемъ уговорить окончательно по обычаю нельзя и ее силой вносятъ въ избу или братья, или пріятели молодаго [1]). Жалобъ никто не запомнитъ, да некому и жаловаться, такъ какъ первая инстанція—старики и слушать не станутъ жалобщиковъ, находя самокрутку вполнѣ естественною и даже желательною для своихъ дочерей.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда ни у жениха, ни у невѣсты нѣтъ родителей, когда они круглые сироты, они обращаются (если только

---

[1]) Мамалаево, Красносл. уѣздъ, Пензенской губ.; Верхисъ, Инсар. уѣздъ, Пензенской губ; Кемешкерь, Кузнец. уѣздъ, Сарат. губ.

3

вступленія въ бракъ. Вопросъ о вознагражденіи пострадавшей стороны зависитъ отъ того момента, въ который произошелъ разрывъ, такъ какъ если сторона не успѣла еще изубыточиться, то не можетъ быть и вопроса о какомъ либо удовлетвореніи и, если не нанесено еще безчестья семьѣ и невѣстѣ, то не можетъ быть и необходимости для жениха поплатиться чѣмъ либо за безчестье, которое признается совершившимся лишь тогда, когда свадьба ославлена въ селѣ и округѣ. У Эрзи повелось изстари такъ, что въ случаѣ нарушенія одною изъ сторонъ условія о бракѣ эта сторона обязуется возвратить тѣ деньги, которыя выданы были «на столъ» и кромѣ того уплатить другой сторонѣ всѣ убытки, которые повлекло за собою нарушеніе слова; если «коробъ» стали уже накупать и нашивать, то и за него долженъ уплатить женихъ деньги по оцѣнкѣ по взаимному соглашенію или чрезъ шабровъ [1]) За безчестье цѣна бываетъ разная, смотря по положенію, занимаемому родителями на селѣ; такъ что напр. отъ волостнаго старшины «и четвертною бумажкою не отдѣлаешься». [2]) Нѣсколько иначе поступаетъ въ случаѣ разрыва Мокша, у которой нѣтъ разъ навсегда опредѣленныхъ границъ удовлетворенія и вознагражденія, какъ, напримѣръ, возврата настольныхъ денегъ и т. п.; Мокша обыкновенно полагаетъ необходимымъ, что бы стороны добровольно уговорились о размѣрахъ вознагражденія. Въ случаѣ, еслибы стороны не пришли къ миролюбивому окончанію дѣла, повелось идти на волостной судъ, который и рѣшаетъ несогласіе безапелляціонно; по большей части судъ приговариваетъ къ возврату уже полученныхъ вещей и денегъ, къ уплатѣ сдѣланныхъ на снаряженіе невѣсты или жениха расходовъ и къ особой пенѣ за безчестье, которая въ одномъ изъ разсказанныхъ намъ случаевъ достигала

---

[1]) Лепехинъ (Записки. ч. I, стр. 170—177) свидѣтельствуетъ, что послѣ того, какъ отцы помѣнялись тавлинками въ знакъ сватовства, отецъ жениха могъ еще отказаться отъ даннаго слова, тогда какъ отецъ невѣсты не могъ сдѣлать этого безнаказанно и долженъ былъ платить штрафъ. Теперь ничего подобнаго на р. Пьянѣ уже не замѣтно, точно также какъ не слышно и о многоженствѣ, о которомъ свидѣтельствовалъ всего 100 лѣтъ тому назадъ Лепехинъ.

[2]) Сарлеи, Нижег. уѣздъ, Павелъ Туртановъ; Ревегень, Лукоян. уѣздъ, Кирилъ Зайцевъ; Семейкино, Самарскій уѣздъ, Антонъ Мосѣевъ; Пичкасы, Ардат. уѣздъ, Сим. губ., Матвѣй Дробышевъ.

5 р. с. [1]). Разъ въ Кемешкерѣ былъ слѣдующій случай: только было сговорились о свадьбѣ и стали готовиться, какъ вдругъ женихъ заболѣлъ и долженъ былъ поступить въ домъ умалишенныхъ; отецъ невѣсты сталъ требовать уплаты ему убытковъ, дѣло миромъ не окончилось, дошло до волостнаго суда, который освободилъ отца жениха отъ какой бы то ни было уплаты убытковъ. Прослышалъ разъ въ Верхисѣ, Инсарскаго уѣзда, женихъ, что невѣста его гуляетъ съ мѣстнымъ фельдшеромъ изъ села Иссы, и отказался отъ брака; дѣло дошло опять таки до волостнаго суда, который постановилъ присудить жениха къ уплатѣ проторей и убытковъ, «а за безчестную славу на дѣвку имъ пущенную взыскать съ него 10 р, въ ея пользу и наказать при волости розгами десятью ударами [2]) съ наущеніемъ, чтобы впередъ дѣвку не срамилъ». Въ томъ же году и въ томъ же Верхисѣ отецъ невѣсты, отказавшійся отъ выдачи дочери своей за парня вслѣдствіе прошедшихъ слуховъ, что будто бы тотъ боленъ дурною болѣзнію, принужденъ былъ заплатить жениху убытковъ 20 р. да безчестья 10 руб., а «болѣзнь», сказано въ приговорѣ, «его совѣсти дѣло» [3]).

Женится Мордвинъ, да и Мордовка замужъ выходитъ въ такое время, которое или почему либо считается болѣе счастливымъ, или же удобно вслѣдствіе чисто хозяйственныхъ соображеній. Охотнѣе всего Эрзя заключаетъ брачные союзы передъ масляницею (кирякшъ тиси) и послѣ Радуницы, а именно въ то время, когда приходятся праздники Ведьявѣ, богинѣ воды и совокупленія; въ особенности часты свадьбы передъ масляницей, такъ какъ Эрзя вѣритъ, что богиня въ это время особенно заботится о людской судьбѣ, не будучи еще сама оплодотворена; это и есть моментъ ея оплодотворенія Мастыръ-Цазомъ; она покоится непробуднымъ сномъ, она полна силъ и похоти—является тучный земной богъ, видитъ ее спящею и оплодотворяетъ ее во снѣ; она и рада, что сдѣлается матерью—какъ же не поможетъ она тѣмъ женщинамъ, которыя хотятъ слѣдовать ея примѣру, выполнять то призваніе, которое

---

[1]) Мамалаево, Краснослоб. уѣздъ.
[2]) Приговоры 1875 г.
[3]) Все сказанное про Мокшу относится ко всѣмъ помѣщеннымъ уѣздамъ.

предназначено выполнить ей по преимуществу. Не дѣло носить ей плодъ и послѣ Радуницы празднуютъ ей въ честь разрѣшенія ея отъ бремени—опять таки самое время заключать браки, такъ какъ она сама, сдѣлавшись матерью, навѣрное охотно займется устройствомъ судьбы той женщины, которая идетъ къ выполненію своего призванія. Послѣ Петрова дня настаетъ снова удобное и счастливое для браковъ время, такъ какъ тутъ празднуютъ Велень-Пазу, или Чимъ-Пазу, богу солнца, зиждителю міра, строителю счастья и порядка на землѣ; кто же, какъ не этотъ великій богъ позаботится объ устройствѣ семейнаго счастья брачущихся. Конечно все это забыто давнымъ давно Эрзею, которая забыла основныя причины, но знаетъ все таки, что Ведьява устраиваетъ браки, что ей слѣдуетъ молиться о счастьи въ брачной жизни, что на ея молянъ жениться и выйти за мужъ всего безопаснѣе и выгоднѣе; ни одинъ изъ періодовъ заключенія браковъ нельзя объяснить хозяйственными соображеніями, такъ какъ въ это время у земледѣльца Мордвина денегъ бываетъ меньше всего и казалось бы лучшимъ избрать для заключенія брачныхъ союзовъ Покровъ или иное какое болѣе сподручное время. [1]) Мокша въ этомъ случаѣ словно отчуралась отъ своей миѳической старины и въ избраніи времени для браковъ руководствуется по большей части чисто хозяйственными соображеніями, предпочитая пировать свадьбы въ октябрѣ мѣсяцѣ, когда въ домѣ больше всего бываетъ достатка; водится однако и здѣсь обычай вѣнчать мясоѣдомъ передъ масляною недѣлею, и при томъ конечно по той же причинѣ, почему и Эрзя облюбила для свадебъ это время. Одно только правило соблюдаетъ Мокша и при томъ соблюдаетъ его крайне строго, а именно: ни одна свадьба не можетъ быть обвѣнчана въ день рожденія жениха или невѣсты, а не то молодой и за себя при родахъ достанется, да и за мать. [2])

---

[1]) Лебежайка, Хвалынск. уѣздъ, Наталья Ананьева; Ревезень, Лукоян. уѣздъ, К. Зайцевъ; Катмисъ, Городищ. уѣздъ, Елена Гордѣева; Пермисъ, Карсун. уѣздъ, Марья Гудкова; Кочкурово, Саран. уѣздъ, Миронъ Азякаевъ.

[2]) Мамалаи, Красносл. уѣздъ; Каратаи, Тетюшск. уѣздъ, Петръ Казымбаевъ; Верхисъ, Инсар. уѣздъ, Николай Мурзайкинъ; Пичилеи, Городищ. уѣздъ, Дарья Евреинова.

III.

Жениться, устроить свадьбу Мордовскую и хлопотно, да неумѣлому человѣку и не справить дѣло такъ, какъ слѣдуетъ по изстари заведенному обычаю, а потому и берутся за это дѣло особыя лица, которымъ свадьбу устраивать не впервые, которыя знаютъ всѣ обычаи доподлинно, которыхъ не даромъ Мордвинъ ставитъ въ примѣръ, когда хочетъ заявить о знаніяхъ человѣка и объ его умѣньи жить; «онъ, какъ сваха и дружко, знаетъ гдѣ поклониться, гдѣ помолиться», говоритъ Мордвинъ про такого человѣка (*«сонз улы кода эрвидей и торонганды: содаза козо сюкунямсз, козо молямсз»*. Въ самой свадьбѣ слѣдуетъ различать нѣсколько моментовъ, которые соотвѣтствуютъ разнымъ пирамъ и столованьямъ, устраиваемымъ тою или другою изъ сторонъ; число этихъ моментовъ брака различно у Эрзи и Мокши, хотя значеніе ихъ и отношеніе къ правамъ и обязанностямъ брачущихся у обѣихъ отраслей Мордовскаго народа одно и тоже. Въ виду сложности обрядовъ, сопровождающихъ всякую свадьбу у Мордвы, мы опишемъ Эрзянскую и Мокшанскую сватьбы вмѣстѣ, отмѣчая при этомъ, какія именно черты не общи обѣимъ отраслямъ и которыя, напротивъ того, ведутъ свое начало со временъ самой отдаленной старины, такъ какъ встрѣчаются одинаково у Эрзи и у Мокши.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что обыкновенный среди Мордвы способъ брачиться есть самокрутка, которая, какъ было уже раньше сказано, хотя и начинаетъ изчезать, тѣмъ не менѣе однако практикуется охотно Мордвою и послѣдняя лишь съ большою неохотой отказывается отъ этого стародавняго способа вступать въ семейную жизнь. Во всякомъ случаѣ, даже если бы свадьба устроилась и самокруткою, свадебный пиръ устраивается точно также, какъ еслибы бракъ совершился съ согласія родителей и рознится отъ послѣдняго лишь тѣмъ, что для устройства его требуется гораздо болѣе значительное количество вина и *«пурэ»* (сыченое пиво), такъ какъ жениховой роднѣ приходится задабривать родню невѣсты и въ особенности ея отца и мать. Прежде, но очень уже давно, какъ говорили намъ, лѣтъ 50 тому назадъ, дѣло обходилось и вовсе безъ всякого пира, такъ какъ самокрутка совершалась зачастую такъ, что и невѣста сама ничего не подо-

зрѣвала о томъ, что она понравилась парню и что онъ порѣшилъ сдѣлать ее своею женою; передъ зорькою наскакивалъ влюбленный съ товарищами, схватывалъ свою кралю, увозилъ въ свой домъ и дѣло этимъ и оканчивалось; злые языки конечно прибавляютъ что въ большинствѣ случаевъ красавицы только какъ бы нехотя защищались, царапаясь слегка и кусаясь. Лепехинъ, а за нимъ и Палласъ сообщаютъ нѣкоторыя крайне интересныя данныя о Пьяненской Мордвѣ, показывающія какъ сильно устойчивы нѣкоторые народные обычаи; въ виду значительнаго интереса описанія свадебныхъ обрядовъ у Лепехина, [1]) Палласа и Георги, мы считаемъ не лишнимъ помѣстить здѣсь небольшой сводъ ихъ извѣстій, который дастъ возможность всякому составить себѣ болѣе полное и точное понятіе о воззрѣніяхъ Мордовскаго народа на брачное сожительство, бракъ и женщину. Если свадьба не совершалась самокруткою, то переговоры объ условіяхъ брака совершались при Лепехинѣ родителями и на ихъ умѣнье вполнѣ полагались дѣти. Ничиналось дѣло съ подсыла къ отцу дѣвушки постороннихъ людей, которые должны были стороною вывѣзать, намѣренъ ли онъ отдать свою дочь замужъ за такого то? Если отвѣтъ получался удовлетворительный, то отцы и матери сходились для переговоровъ о калымѣ, пропоѣ и т. п. Калымъ (Лепехинъ не слыхалъ слова «питнэ») простирался на тогдашнія деньги отъ 8—10 рублей и болѣе, смотря по состоянію жениховой семьи. Когда эти переговоры оканчивались къ обоюдному удовольствію, то жениховы отецъ и мать приглашали всю невѣстину родню въ домъ невѣсты на пиръ (пропой), причемъ всѣ расходы по этому пиру принимали на себя. Лепехинъ говоритъ, что женихъ и невѣста зачастую до самаго дня свадьбы не знали, что рѣшается ихъ судьба, но мы смѣемъ предполагать, что почтенный академикъ введенъ былъ въ ошибку именно тѣмъ, что записалъ Эрзянскій свадебный обрядъ на р. Черемшанѣ, гдѣ въ настоящее время жители давно забыли, что они когда то были Мордвою, а въ его время вѣроятно сильно обрусѣли, такъ какъ гдѣ бы ни приводилось намъ сталкиваться съ чистою Мордвою, вездѣ дѣти знаютъ раньше родителей

[1]) Записаны въ с. Черемшанѣ, Ставроп. уѣзда Самарск. губернія, у Эрзи, которая теперь совершенно обрусѣла.

о вступленіи въ бракъ и сговариваются между собою прежде, нежели доведутъ до свѣдѣнія родителей о принятомъ ими рѣшеніи. Въ самый день свадьбы, по словамъ Лепехина, родители объявляли жениху и невѣстѣ, что у нихъ будетъ свадьба, и отправлялись къ невѣстинымъ родителямъ съ почетнымъ гощеніемъ (визитомъ); невѣста въ это время была обыкновенно уже вполнѣ снаряжена къ бракосочетанію. Весь обрядъ состоялъ въ томъ, что невѣстинъ отецъ, взявъ свою дочь за руку, а мать хлѣбъ-соль со стола, вручаютъ и невѣсту и хлѣбъ-соль свекру и свекрови. Невѣста благодарила родителей своихъ за попеченія ихъ, оплакивала всѣхъ своихъ ближнихъ и накрывалась бѣлымъ холстомъ, ниспадающимъ съ плечь ея до пояса; братъ ея бралъ ее за руку и выводилъ изъ отеческаго дома къ санямъ или телѣгѣ. Родня невѣсты усаживалась по экипажамъ и отправлялась сопровождать ее до полпути, гдѣ ее встрѣчала уже родня женихова; въ воспоминаніе о самокруткахъ требовалось и тогда, чтобы никто изъ невѣстиной родни не присутствовалъ на свадьбѣ. Когда поѣздъ пріѣзжаетъ къ женихову двору, то жениховъ братъ или ближайшій его сродственникъ беретъ невѣсту за руку и, введя ее въ избу, сажаетъ ее за столъ. Потомъ зовутъ жениха, а онъ, нахлобучивъ на глаза шапку такъ, чтобы не могъ ничего видѣть, садится подлѣ невѣсты. Жениховъ отецъ бралъ тогда поставленный на столъ длинный, аршина въ полтора пирогъ за конецъ и другимъ концомъ поднималъ съ головы невѣсты покрывало со словами «вотъ тебѣ свѣтъ, будь счастлива къ хлѣбу, животу и къ размноженію семьи». По исполненіи этого обряда свекоръ нарекалъ невѣсткѣ своей новое имя и называлъ ее, какъ говоритъ Лепехинъ, «Мезява—большая, если женится старшій сынъ; Сернява, средняя; Вежава, меньшая по старшинству ихъ мужей». [1]) Только послѣ нареченія имени могъ женихъ уже публично увидать свою невѣсту, а затѣмъ начинается уже пиръ, причемъ продолжительность его зависитъ отъ достатковъ роднящихся между собою семей

---

[1]) Мы позволимъ себѣ замѣтить, что Лепехинъ былъ вѣроятно введенъ въ ошибку переводчикомъ; Мезява—ничего не значитъ, тогда какъ «*Метшава*» случалось и намъ слышать и слово это соотвѣтствуетъ нашему—голубка; «*Сырнява*» означаетъ просто золотая, а «вежава» или вѣрнѣе «*ветшава*» соотвѣтствуетъ нашему «любезная».

Крайне интересенъ обрядъ сватанья, записанный у Лепехина; обрядъ этотъ носитъ несомнѣнные признаки руссификаціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ и нѣсколько чисто народно-мордовскихъ чертъ. Въ день свадьбы, говоритъ Лепехинъ, невѣсту одѣваютъ въ красное кумачное платье, красную рубаху и красные сапоги; [1]) на всѣхъ пальцахъ обѣихъ рукъ надѣваютъ перстни разныхъ цвѣтовъ съ привѣшенными къ нимъ небольшими цѣпочками; къ этимъ цѣпочкамъ прикрѣплены на иныхъ серебряныя, на другихъ мѣдныя копейки и даже полушки; голову ей покрываютъ красною фатою и притомъ такъ, чтобы лица ея не было видно; передъ нею ставятъ скамейку, на которой поставлены коровай хлѣба, ведро пива и солоница съ солью; подлѣ нея садится пожилой мужикъ съ образомъ, а передъ нимъ мальчикъ держитъ свѣчу. Въ это время къ ней подходятъ родственники и подлѣзаютъ головою подъ ея фату; каждаго въ особину невѣста должна оплакать особеннымъ образомъ, припоминая его или ея благодѣянія, ей будто бы оказанныя и выражая сожалѣніе о томъ, что не придется ей болѣе пользоваться ихъ расположеніемъ. Пока идетъ оплакиваніе, гудошникъ играетъ на гудкѣ, а присутствующіе приплясываютъ и подпѣваютъ припѣвъ: «вой, вой«! Послѣ этого всѣхъ обносятъ медомъ или пивомъ по нѣскольку разъ, такъ что головы затуманиваются. Съ жениховой стороны на оплачкѣ никто не присутствуетъ, кромѣ отца или старшаго брата, свахи и двухъ дружекъ. Сваха и одинъ изъ дружекъ обязаны все время плясать и не переставать угощать гостей, а другой дружка, стоя безмолвно передъ невѣстою, держитъ въ рукахъ обнаженную саблю, помахиваетъ ею по временамъ надъ головою и ударяетъ въ потолокъ или матицу. У печки на столѣ складываютъ постель и все приданое невѣсты; на немъ садится или невѣстина сестра, или другая какая нибудь подруга, у которыхъ дружки должны выкупить приданое. Когда невѣста оплачетъ всѣхъ своихъ родственниковъ, дружка съ саблею въ рукахъ выходитъ изъ избы, за нимъ слѣдомъ идетъ отецъ невѣстинъ или ближайшій ея родственникъ съ образомъ, а за нимъ мать или бабка

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что красный цвѣтъ отнюдь нельзя считать по преимуществу облюбленнымъ русскими; онъ одинъ изъ любимыхъ мордовскихъ цвѣтовъ, хотя и не играетъ роли праздничнаго цвѣта.

со свѣчею. Двое изъ поѣзжанъ берутъ невѣсту подъ поясъ, а третій (главный дружка) за ноги и выносятъ ее на дворъ. Между тѣмъ невѣста, какъ бы неохотно оставляя домъ своихъ родителей, хватается руками за матицу и держится за нее насколько хватитъ у нея силъ; отецъ, мать и родственники стараются разнять ея руки и помогаютъ несущимъ; въ самыхъ дверяхъ снова хватается она уже за косякъ, причемъ происходитъ такая же борьба. Когда вынесутъ невѣсту на дворъ, то дружка съ саблею кричитъ всѣмъ, чтобы всѣ стояли въ рядъ и никто не попадался бы невѣстѣ на встрѣчу, такъ какъ при этомъ всякая встрѣча дурной знакъ. Между тѣмъ запираютъ избныя двери и никого изъ избы не выпускаютъ, пока невѣсту не посадятъ въ сани или телѣгу и не покроютъ бѣлою скатертью съ бахромою. Въ поѣздѣ передъ невѣстою ѣдетъ отецъ или братъ жениха, за нимъ невѣста, сваха и дружка въ одномъ и томъ же экипажѣ; за невѣстиною упряжкою слѣдуютъ ея подруги и поѣзжане, которые сопровождаютъ ее лишь до полупути. Невѣсту привозятъ наконецъ въ церковь, гдѣ ее ожидаетъ уже женихъ. Послѣ совершенія таинства женихъ ѣдетъ напередъ, невѣста за нимъ, а за невѣстою поѣзжане. По пріѣздѣ домой женихъ принимаетъ невѣсту и ведетъ въ избу; но прежде нежели входятъ въ избу, оба становятся одною ногою на порогъ во входныхъ дверяхъ, гдѣ имъ, сперва жениху, ставятъ на ногу горячую сковороду съ хмѣлемъ; онъ долженъ сбросить эту сковороду съ ноги какъ можно дальше отъ себя; затѣмъ ставятъ ту же сковороду и на ногу невѣстѣ и послѣдняя продѣлываетъ тоже самое; при этомъ бывалые люди примѣчаютъ, какъ далеко отбросила она сковороду и если разстояніе велико, то полагаютъ, что она будетъ сварлива и непокорлива. Послѣ этой церемоніи всѣ входятъ въ избу, садятся за столъ и пируютъ. При этомъ пиршествѣ никто изъ невѣстиной родни не бываетъ и молодая надѣваетъ свое дѣвичье платье, заплетаетъ косу и повязывается повязкою. Невѣстины отецъ и мать и другіе родственники до тѣхъ поръ съ нею и съ ея мужемъ не видятся пока она не пришлетъ звать ихъ къ себѣ, а это случается иногда черезъ полгода и даже черезъ годъ. Это дѣлается потому, что пока она не видится со своими, она можетъ пользоваться своею дѣвичьею красою, уборомъ и т. п., а увидавшись съ ними облекается уже въ одежду женщины.

Мильковичъ [1]) свидѣтельствуетъ, что въ его время (1783 г.) Мордва рѣдко пользовалась отсутствіемъ запрещенія многоженства. Когда умирала жена, то Мордва охотно женилась на свояченицахъ (вѣроятно, ради поддержанія сѣмени); «если же кто получитъ въ томъ отказъ, то кладетъ тихонько на столъ маленькій хлѣбецъ и говоритъ: «промысли мнѣ свояченицу», послѣ сего обращается онъ въ бѣгъ и ежели его настигнутъ, то бьютъ немилосердно; если же уйдетъ, то выдаютъ безпрекословно за него помянутую свояченицу. Нѣкоторые изъ нихъ, дабы удачливѣе могли произвести свое намѣреніе въ дѣйство и остаться безъ вреда, стараются тайно навѣдаться о отлучкѣ своей свояченицы отъ отца и матери изъ дома въ другое жительство, и, воспользуясь онымъ, призываетъ женихъ той деревни изъ мірскихъ начальниковъ старосту или десятскаго, кладетъ при нихъ хлѣбъ на ворота и безъ большой опасности возвращается въ свой домъ, а потомъ получается и желаемое». Кромѣ этихъ намековъ на право ужичества, общій ходъ брачныхъ церемоній, описываемый Мильковичемъ, почти схожъ съ тѣмъ, который помѣщенъ выше, и мы укажемъ лишь то, что совершается въ этомъ случаѣ, по его словамъ, нѣсколько иначе.

«Дѣвокъ, говоритъ Мильковичъ, они высватываютъ и рядятся также, какъ и чуваши; цѣна невѣсты, калымъ, простирается обыкновенно отъ 8—20 и до 30 р.; сосватавъ невѣсту и уговорясь о калымѣ съ невѣстинымъ отцомъ, родственникъ жениха назначаетъ день сговора, о чемъ увѣдомляетъ тотъ родственникъ женихова отца. При наступленіи того дня отправляетъ жениховъ отецъ своихъ родственниковъ и сваху; въ то время невѣста, хватаясь руками за подвѣшанное кверху за печной брусъ (матица) сукно, при собраніи своихъ подругъ, воетъ; по пріѣздѣ же того поѣзда, невѣсту и находящихся при ней дѣвокъ, связавъ одну съ другой, вносятъ на рукахъ въ другой сродниковъ домъ, гдѣ подруги невѣстины, довольно подвеселясь отъ большаго употребленія пива, съ молодыми мужчинами при играніи музыки попарно пляшутъ; и такъ какъ Мордва имѣютъ привычку дочерей своихъ отдавать замужъ не моложе лѣтъ тридцати или сорока, а притомъ онѣ у нихъ и выростаютъ въ необузданиомъ своеволіи, то молодыхъ мужчинъ по

[1]) Симб. Вѣдом., 1851, № 32.

пригожѣе лицомъ за хорошую пляску многими поцѣлуями дѣвки безъ всякаго зарѣнія награждать стараются; невѣстина родственница, вынеся хлѣбъ, соль и пиво, встрѣчаетъ поѣздъ и вводитъ въ домъ къ невѣстину отцу, гдѣ бываетъ собраніе родственниковъ и веселіе тогда, заплатя нѣкоторую часть калыма, назначаютъ и день свадьбы; послѣ чего входитъ къ невѣстѣ сваха, относитъ ей отъ жениха подарокъ, напротиву чего невѣста сваху даритъ; свадьба жъ не прежде у нихъ бываетъ, какъ черезъ годъ или черезъ два, а между тѣмъ женихъ съ невѣстою никогда свиданія не имѣютъ».

По наступленіи назначеннаго дня свадьбы пріѣзжаетъ тотъ же поѣздъ и встрѣченъ бываетъ такимъ же образомъ; при семъ подруги невѣстины поютъ оскорбительныя поѣзжанамъ пѣсни, упоминая, что у нихъ платье, лошади и все чужое, выпрошенное у сосѣдей только на свадьбу и они столь бѣдны, что умираютъ съ голоду; оное ими выражается съ такою грубостью и презрѣніемъ, что иные старѣе и именитѣе другихъ люди, не снеся того, плачутъ, за что подруги невѣстины болѣе ихъ укорять стараются».

«Входитъ прежде всѣхъ поѣзжанъ», продолжаетъ Мильковичь, «дружко, относитъ послѣднюю часть калыма, а потомъ входятъ и поѣзжане; отецъ и мать невѣстины, тогда сидящіе за столомъ, вставъ съ своихъ мѣстъ сажаютъ поѣзжанъ, причемъ бываетъ веселіе и играніе музыки; невѣста даритъ свою родню, невѣсту напослѣдокъ отводятъ къ отцу; онъ, взявъ ее за руку, препоручаетъ дочь свекру, а мать даетъ ему немного соли и хлѣба; надѣля жъ невѣсту платьемъ и скотиной и пожелавъ благополучной жизни, даютъ ей на дорогу хлѣбъ; причемъ поѣзжане благодарятъ ихъ за воспитаніе невѣсты; она, плачучи, съ своимъ отцомъ и матерью прощается и закрывъ лицо, пускается въ путь.

«При въѣздѣ невѣсты съ поѣздомъ къ жениху въ домъ, его отецъ и мать, выворотя шубы и шапки, со всѣми домашними и роднею встрѣчаютъ, и вынеся на дворъ сковороду, насыпаютъ на нее хмѣлю, зажигаютъ его и заставляютъ невѣсту пнуть ногою, которую сама невѣста пинаетъ (?); тогда братъ невѣстинъ подъ ноги ея подкладываетъ свою шапку и рукавицы; если пнетъ она не сильно, то примѣчаютъ, что невѣста будетъ смирна, а если сильно и сковорода опрокинется—то сердита: при этомъ дѣвки поютъ.

и невѣстѣ такія жъ укорительныя пѣсни, называя ее не ткахою, не пряхою, лѣнивицею».

«По входѣ невѣсты въ домъ, дружка, поставя жениха и ее спинами къ печи и держа передъ ними хлѣбъ и соль, при всемъ собраніи дѣлаетъ имъ о сохраненіи супружескаго союза вопросы, которые, отвѣчая ему на оные, клянутся другъ другу наивсегдашнею вѣрностью; послѣ чего женихъ съ невѣстою садятся за столъ, первый крѣпко нахлобучиваетъ на глаза свою шапку, на столѣ стоитъ длиною около $1^1/_2$ аршина пирогъ, который жениховъ отецъ, пододвинувъ однимъ концомъ невѣстѣ подъ покрывало, говоритъ: «взгляни на свѣтъ, будь счастлива къ наживу хлѣба и дѣтей». Тутъ-то впервые видитъ женихъ въ лицо свою невѣсту, которую высваталъ за него отецъ; послѣ сего пируютъ они съ пріятелями своими и веселятся пляскою пѣснями, игрою, а больше всего подчиваніемъ. Пляшутъ же они собственною своею пляскою и сображаются игрѣ на гусляхъ, скрипкахъ, волынкѣ и органѣ (варганчикъ-инструментъ нынѣ вышедшій изъ употребленія, состоявшій изъ согнутой подковою желѣзной пластинки съ гибкимъ желѣзнымъ тычкомъ по срединѣ;концы подковы ставились въ зубы, а пальцемъ музыкантъ трогалъ за тычекъ, причемъ то раскрывалъ, то закрывалъ ротъ).

«Когда придетъ пора укладывать молодыхъ спать, то невѣста такъ упрямится, что, посадя ее насильно на рогожу, относятъ къ жениху въ подклѣтъ и говорятъ: «вотъ тебѣ, волкъ, овечка»! На другой день дружко тотъ хлѣбъ, предъ которымъ молодымъ дѣлалъ присягу при собраніи гостей, кладетъ невѣстѣ за пазуху; потомъ поѣзжане, изъ-за пазухи вынувъ, втыкаютъ въ него грошъ мѣдныхъ денегъ, который при играніи музыки, дружко, вытянувъ зубами, беретъ себѣ. Напослѣдокъ разрываютъ хлѣбъ на четыре части, изъ коего часть даютъ дружкѣ, а послѣднія оставляютъ въ домѣ отца; дружко, замахиваясь топоромъ, у каждаго изъ собранія спрашиваетъ, какъ зовутъ невѣсту, и если кто скажетъ настоящее ея имя, то онъ, поднявъ топоръ высоко, грозитъ и велитъ называть даннымъ ей отъ него новымъ именемъ (намекъ на укрывательство послѣ брака уводомъ); послѣ чего сродницы жениховы переряжаютъ уже молодую изъ дѣвичьяго въ женское платье, которую какъ

свекоръ, свекровь, такъ и сродники дарятъ, а молодые подходятъ тогда и кланяются имъ въ ноги».

Изъ этого описанія Мордовской свадьбы мы видимъ, что въ его время въ свадьбѣ различались, собственно говоря, четыре момента, а именно: сговоръ, оплачка, самая свадьба и послѣсвадебный пиръ. Кромѣ того заслуживаютъ вниманія обряды, выполняемые дружкою, представляющимъ собою, такъ сказать, интересы жениха въ чужомъ родѣ, почему онъ и является вооруженнымъ, и сковорода съ хмѣлемъ, посвященнымъ Ведавѣ, богинѣ плодородія и плодоватости, и служившимъ символомъ всякаго благополучія, а по легкости своей предзнаменовывавшемъ и легкость дѣторожденія. Мы видимъ, наконецъ, что послѣднимъ рѣшительнымъ моментомъ въ бракѣ Мордва во времена Лепехина признавала послѣсвадебный пиръ, бывавшій иногда черезъ годъ послѣ вѣнчанія и означавшій въ старину полное примиреніе родовъ между собою; въ самомъ дѣлѣ: дѣвушку увозили, что доказывается ея хватаньемъ за матицу и конякъ, сопротивленіемъ и наконецъ уносомъ ея на рукахъ; хотя она и вѣнчалась, но въ глазахъ не признававшей ея брака родни она не переставала еще быть дѣвушкою и только примирясь съ женихомъ и его роднею, родня невѣсты признавала ее женщиною и она могла облечься въ одежду женщины. [1])

IV.

Посмотримъ теперь какъ совершается Мордовская свадьба въ настоящее время и много ли чертъ, указанныхъ Лепехинымъ, осталось и теперь. Прежде всего, если женихъ не знаетъ, на комъ именно остановить свой выборъ, то въ Пензенской губерніи посылаются на смотрины сваты, которыхъ дѣвушка угощаетъ по заведенному обычаю «пурэ»; въ это время сваты смотрятъ на невѣсту и оцѣниваютъ ея достоинства; женихъ можетъ присутствовать при этихъ смотринахъ, но не долженъ показывать и вида, для какой именно цѣли онъ явился; сваты между тѣмъ, если имъ дѣ-

---

[1]) Павелъ Ив. Мельниковъ (Симб. губ. Вѣдом. 1851 года № 25) свидѣтельствуетъ почти слово въ слово тоже, что мы находимъ у Лепехина про былыя Мордовскія свадьбы.

вушка пришлась по вкусу, переговариваютъ съ отцомъ ея, старшимъ братомъ или дядею о томъ, намѣревается-ли родня выдать ее замужъ и чѣмъ думаетъ наградить ее при замужествѣ, а затѣмъ идутъ осматривать домъ и дворъ жениха, дабы узнать, богато-ли онъ живетъ и не будутъ-ли молодые послѣ свадьбы нуждаться [1]). Г. Барминскій [2]) также свидѣтельствуетъ о томъ, что сватовство совершается всенепремѣнно по волѣ самой молодежи и притомъ говоритъ, что родители не могутъ не согласиться на бракъ. Наконецъ, архимандритъ Макарій, говоря о Мокшѣ нижегородской, утверждаетъ, что прежде всего справляется *«сватнэ»*, которая состоитъ въ томъ, что желающій взять за своего сына чью нибудь дѣвушку засылаетъ къ ея родителямъ особаго хожалаго свата, который проситъ позволенія явиться отцу жениха и начать дѣло (*«ушыдань тевь цебэрь»*). Затѣмъ отецъ жениха является къ отцу невѣсты и его сажаютъ на переднюю лавку подъ самою матицею; тутъ начинаются переговоры, торгъ о выкупѣ, о количествѣ пурэ и вина и о невѣстиной одеждѣ: за одно тутъ же назначатъ и время для сговора и свадьбы, а затѣмъ установятъ на столъ свѣчу и помолятся Богу, какъ слѣдуетъ при починѣ всякаго дѣла, а затѣмъ помолятся и постаринному съ поклонами и поднятіемъ рукъ отъ себя вверхъ, чтобы Юртазырава, Кудязырава и умершіе предки благословили вступающихъ въ бракъ, ради чего и приносятъ имъ жертву, состоящую изъ хлѣба и соли, которые ставятъ подъ порогъ, гдѣ помѣщаются мордовскіе пенаты [3]). Мы лично при изслѣдованіи быта Мордвы постоянно могли замѣтить, что бракъ затѣвался (въ случаѣ если свадьба не происходитъ самокруткою) всегда самою молодежью, которая заявляла о своемъ рѣшеніи родителямъ; затѣмъ уже шло сватовство по заведенному обычаю, т. е. родители жениха отправлялись смотрѣть невѣсту, договориться о тратахъ, выкупѣ и т. п.; въ свою очередь родители невѣсты ходили смотрѣть женихово житье-бытье; тутъ же рѣшалось, когда должно быть формальное рукобитье или пропой. Моленье на сватаньѣ производится

---

[1]) Пенз. Губ. Вѣдомости 1865 г., №№ 39 и 40. Картины мордовскаго быта Прозина; Инсар. уѣздъ, село Верхисъ, Никол. Мурзайкинъ.

[2]) Сарат. Справ. Листокъ 1869 г. №№ 68 и 64, ст. Барминскаго.

[3]) Этнограф. замѣтки о Мордвѣ—Мокшанахъ въ Нижегород. губерніи, рукопись хранится въ Архивѣ Имп. Русскаго Географ. Общества, папка—«Инородцы».

именно такъ, какъ описываетъ его архимандритъ Макарій, а самое моленье носитъ названіе *«молянь ервэнянь симама»*, т. е. моленье свадебнаго пьянства, а иносказательно—пира. И у Эрзи и у Мокши отецъ жениха и мать его отправляются въ домъ избранной ихъ сыномъ дѣвушки въ будничномъ нарядѣ и притомъ употребляютъ всѣ средства, чтобы никто не догадался о цѣли ихъ прихода; если бы они встрѣтили, идучи, кого-либо, кто сказалъ бы имъ: «знаю зачѣмъ вы идете», или «вы идете сына сватать», то лучше вернуться домой и избрать иной день для сватовства, такъ какъ человѣкъ этотъ посланъ и дѣйствуетъ отъ шайтана. Входятъ родители въ избу, а тамъ ихъ встрѣчаютъ точно и не подозрѣваютъ, зачѣмъ они пришли, хотя и относятся съ полнымъ почтеніемъ и радушіемъ. Со стороны и издалека заводитъ отецъ жениха рѣчь о томъ, что не дурно было бы имъ породниться; едва только узнается такимъ образомъ цѣль прихода, какъ родителей жениха пересаживаютъ на самое почетное въ избѣ мѣсто, которое помѣщается не въ переднемъ углу, какъ у русскихъ, а на передней скамейкѣ какъ разъ подъ матицею. Долго идетъ торгъ и договариваются обо всѣхъ мелочахъ; тутъ же назначаютъ день пропоя *«проксиммэ»* (отъ *«симанѣ»*—пить, вмѣсто *«симэма»*). Когда порѣшатъ все, то призываютъ и дѣвушку, которая угощаетъ своихъ будущихъ свекра и свекровь виномъ и пурэ, но прежде того дѣлаютъ молянъ, чтобы испросить благословеніе на начатое дѣло; кое-гдѣ молятся на образа, но часто просто прилѣпляютъ восковую свѣчу къ столу и молятся пенатамъ, говоря: *«Юртазырава матушка! Кудязырава кормилица! кулатѣ! благословасьтѣ минѣ тевѣ! іолматнеиди максасьтѣ павасѣ, коээма, лама цоратнень!»* т. е. Юртазырова матушка! Кудязырава кормилица! предки (мертвецы)! благословите наше дѣло! молодымъ дайте счастье, богатство, больше дѣтей! Въ видѣ жертвы этимъ добрымъ богамъ-хранителямъ отецъ невѣсты вырѣзаетъ изъ коровая хлѣба тремя ударами ножа *«озондамъ палѣ»* или божій кусокъ и, посоливъ его, кладетъ подъ порогъ, гдѣ по воззрѣніямъ Мордвы пребываютъ домашніе боги-хранители.

V.

Вторымъ моментомъ брака является рукобитье или пропой (*«проксиммэ»*). Прозинъ упоминаетъ, что на пропоѣ обязательно

должны быть поданы соленые лещи и блины [1]), что станетъ вполнѣ понятнымъ, если вспомнимъ, что рыба почти вездѣ и всегда считалась символомъ плодородія, а блинъ изображаетъ и прообразуетъ собою солнце, которое замѣнило самого бога-солнца, занимающагося, по мордовскимъ воззрѣніямъ, устроеніемъ брачныхъ союзовъ между смертными. Въ Бугульминскомъ уѣздѣ сватанье успѣло уже слиться съ пропоемъ, вѣроятно вслѣдствіе довольно стѣсненнаго положенія крестьянъ, которые порѣшили, что гораздо выгоднѣе справлять обѣ пирушки въ одно время, чтобы сберечь хоть нѣсколько рублей. У бугульминской Мордвы жениховы отецъ и мать, а также и ближайшіе ихъ родственники отправляются въ домъ невѣсты и, войдя въ горницу прямо спрашиваютъ, согласны ли родители отдать замужъ за ихъ сына и требуютъ безповоротнаго отвѣта, до полученія которого они не садятся даже на лавку. Между тѣмъ женщины пришедшія изъ дома жениха, ставятъ на столъ хлѣбъ, соль и водку, количество которой соразмѣряется какъ съ зажиточностью женихова двора, такъ и съ выгодностью для жениха брака. Пока отецъ невѣсты не выразитъ своего согласія на выдачу замужъ дочери, никто не прикасается къ угощенію, но едва только отецъ садится за столъ, и этимъ даетъ понять, что онъ согласенъ на бракъ, какъ всѣ присутствующіе садятся тоже и родня жениха начинаетъ угощать родителей невѣсты. Если бы отецъ и мать невѣсты не согласились на предложеніе имъ сдѣланное, то водка и хлѣбъ-соль, принесенныя роднею жениха, остаются на столѣ впродолженіе трехъ дней, которые полагаются по всѣмъ вѣроятіямъ на обдумыванье рѣшенія. Въ случаѣ согласія отецъ невѣсты отправляется тотчасъ же сзывать родню и шабровъ на сватнино вино. Когда созванные сойдутся къ нему въ избу, выходитъ и невѣста, но садится куда нибудь въ уголъ такъ, чтобы ея не было видно. Тутъ же приступаютъ къ переговорамъ о калымѣ, состоящемъ изъ водки и денегъ (водки покупается отъ 3—5 ведеръ, а деньгами уплачивается отъ 20—30 руб.) Уговорившись окончательно, отецъ невѣсты беретъ отца жениха, мать его и его самого за руки и ведетъ къ невѣстѣ, за поглядъ на которую полагается особая плата, идущая на угощенье подругамъ невѣсты, которыя до уплаты заслоняютъ ее отъ

[1]) Пенз. Губ. Вѣд. 1865, №№ 39 и 40.

любопытствующихъ и не даютъ поглядѣть на нее никому. Посмотрѣвши на невѣсту, обращаются къ ней съ вопросомъ о ея согласіи на вступленіе въ бракъ съ такимъ-то; она въ большинствѣ случаевъ выражаетъ согласіе, такъ какъ давно уговорилась обо всемъ съ женихомъ, и даритъ присутствующихъ и жениха полотенцами своей вышивки, кому получше, а кому похуже, смотря по близости лица къ жениху; свекоръ отдариваетъ невѣсту деньгами [1]). Архимандритъ Макарій свидѣтельствуетъ, что въ его время у нижегородской Эрзи былъ обычай засватывать за 2—3 года до брака и что все это время невѣста на свою семью не работаетъ, а трудится лишь на составленіе себѣ приданаго. На сватнѣ будущій свекоръ долженъ поднести ей собственноручно стаканъ вина, а самый пропой совершается обычнымъ порядкомъ за три дня до свадьбы [2]). Тотъ же наблюдатель разсказываетъ о нижегородской Мокшѣ, что переговоры о количествѣ калыма ведутся до торжественнаго пропоя; калымъ простирается отъ 60—70 до 100 руб. асс. и до 3 ведеръ водки, а въ пользу самой невѣсты выговариваютъ обыкновенно новую овчинную шубу, черный суконный кафтанъ и сапоги. Отецъ жениха созываетъ прежде всего свою родню къ себѣ въ домъ и справляетъ домашній молянъ богамъ-охранителямъ очага; въ жертву приносятъ «озондамъ-палъ» и туда же подъ порогъ льютъ немного водки; забираютъ съ собою сколько хватитъ достатковъ, хлѣба, соли, меда и вина и отправляются всею толпою въ домъ невѣсты; здѣсь опять справляется молянъ Кудязыравѣ, Юртазыравѣ, Ведявѣ и Шкаю, бьютъ по рукамъ и отецъ жениха уплачиваетъ часть денегъ изъ калымной суммы. Затѣмъ начинается угощенье, которое продолжается, пока хватитъ принесеннаго вина и припасовъ; веселятся далеко за полночь. Интересенъ тотъ фактъ, что архимандритъ Макарій свидѣтельствуетъ о томъ, что рѣшительный моментъ брака есть именно пропой, такъ какъ послѣ него женихъ каждую ночь начинаетъ ходить спать къ невѣстѣ [3]).

Г. Мордовцевъ свидѣтельствуетъ также о существованіи про-

---

[1]) Самарскія Губ. Вѣд. 1866 года, № 26, ст. Кронтовскаго.

[2]) Арх. Макарія Этн. замѣтки о Мордвѣ-Эрзянахъ въ Нижегород. губерніи. Архивъ Имп. Р. Геогр. Общ., папка—«Инородцы».

[3]) Jbidem, рукопись арх. Макарія; Этн. зам. о Мордвѣ-Мокшанахъ въ Нижегор. губерніи.

пойнаго пира въ Саратовской губерніи [1]); тутъ же идутъ переговоры окдадкѣ, сумма которой возрастаетъ или уменьшается сообразно съ возрастомъ дѣвушки; обыкновенно за невѣсту отъ 20 до 25 лѣтъ платятъ 75—100 рублей, причемъ слѣдуетъ замѣтить, что ранѣе 20 лѣтъ никто свою дочь замужъ не выдаетъ, да и она не пойдетъ. Въ Чистопольскомъ уѣздѣ Казанской губ., по свидѣтельству Фукса [2]), на другой день послѣ сватовства съ отцомъ, съ матерью и съ ближними родными, приходитъ и женихъ. Приносятъ ½ ведра вина, распиваютъ и уговариваются насчетъ свадьбы: сколько звать гостей, кого ставить въ церемонію, сколько понадобится подводъ, лошадей, какія дѣлать подарки и проч. Священникъ Архангельскій [3]) говоритъ, что, когда изъявлено бываетъ согласіе со стороны отца невѣсты, дѣлается тутъ же и ряда о кладкѣ, т. е. другими словами, сватанье сливается со сговоромъ. Кладка эта состоитъ изъ денегъ отъ 30—80 руб., двухъ или трехъ ведеръ вина, вари, пива, хлѣба, мяса и проч.; послѣ ряды просватанная дѣвушка цѣлый годъ остается въ домѣ отца.

Въ Симбирской губерніи, какъ утверждаетъ г. Орловъ [4]), послѣ первоначальнаго сватовства, родственники жениха и невѣсты начинаютъ приготовляться къ главному пиршеству сватовства «проксиммэ» или пропою. Воспитатели невѣсты приготовляютъ на пропой блины, лапшу, щи и кашу, а воспитатели жениха должны поставить, по крайней мѣрѣ, половинную часть выряженнаго при первомъ сватовствѣ вина. На пропой отправляются торжественно, во всю дорогу поютъ пѣсни, причемъ пожилыя женщины часто читаютъ на распѣвъ молитвы, въ родѣ слѣдующей: «Дай, Богъ, добрый часъ, добрый путь! сярко кормилецъ!» Если родственники жениха везутъ съ собою въ домъ невѣсты вина не столько, сколько требовалось по условію, то должны заранѣе запасаться терпѣніемъ, потому что въ домѣ невѣсты они немедленно услышатъ жестокую брань. И въ самомъ дѣлѣ непріятна бываетъ для нихъ сцена на этомъ «проксиммэ». Отецъ невѣсты горячится, хочетъ разбить посуду и разлить привезенное вино. Воспитатель жениха всячески

---

1) Памят. книжка Саратов. губ. 1858 г.

2) Ж. М. В. Д. 1839 г., часть XXXIV.

3) Сарат. Губ. Вѣд. 1845 г., № 52.

4) Матер. для ист. и стат. Симб. губ. 1866 г., вып. II.

старается увѣрить свата, что вина привезено почти столько, сколько требовалось по условію: немного, говоритъ, не достаетъ — полуштофа только и не изъ-за чего браниться! и въ тоже время упрашиваетъ, чтобы къ нему всѣ были снисходительны и добры. При семъ нѣкоторые умѣренные въ требованіяхъ родственники невѣсты стараются склонить дѣло къ миру и часто брань скоро оканчивается. Послѣ замиренія часть привезеннаго вина ставится на столъ, передъ образами ставится свѣча и всѣ присутствующіе начинаютъ молиться такъ: «Дай Богъ благополучно свадьбу проводить, съ честью, съ радостью! спаси Богъ отъ лихаго человѣка!» т. е. отъ сельскаго знахаря, который умѣетъ портить здоровье новобрачныхъ и другихъ вредныхъ лицъ, участвующихъ въ брачныхъ торжествахъ. Послѣ молитвы начинаютъ ѣсть, пить и веселиться. Между тѣмъ, невѣста въ это время съ подругами сидитъ въ чуланѣ или гдѣ нибудь у родныхъ. Чтобы завесть съ нею знакомство, воспитатели жениха являются къ ней въ чуланъ и здѣсь заключается между ними первое родственное знакомство; знакомство это необходимо, потому что нерѣдко случается, что до сего времени воспитатели жениха не знаютъ въ лицо невѣсты. При этомъ невѣста даритъ имъ нижнее бѣлье, портянки, льняной платокъ, обшитый позументомъ, посылаетъ и жениху бумажный базарный платокъ или самотканый, обшитый лентою изъ кумача. За эти подарки, съ свою очередь, она получаетъ подарки отъ воспитателей жениха. Въ пѣсняхъ старуха-мать жениха расхваливаетъ не только красоту и разумъ невѣсты, но и дары ея.

Если женихъ живетъ въ томъ же селеніи, въ которомъ живетъ и невѣста, то родственники жениха, по окончаніи запоя, должны взять родственниковъ невѣсты къ себѣ въ домъ и угостить ихъ. Погулявши, они расходятся въ ожиданіи дня, въ который назначена свадьба.

По свидѣтельству П. И. Мельникова, у терюшевской Мордвы [1]), сильно обрусѣвшей и многое въ свадебныхъ обычаяхъ перенявшей у русскихъ, въ день, назначенный для запоя, женихъ съ отцомъ своимъ идетъ въ домъ невѣсты и несетъ все договоренное. Придя въ избу, онъ, не говоря ни слова, никому не поклонившись, кла-

[1]) Симб. Губ. Вѣд. 1851, № 25.

детъ на столъ хлѣбъ и узелокъ съ солью, а на хлѣбъ кладетъ деньги. Отецъ жениха приноситъ вино и непремѣнно боченокъ пива. Если же невѣста изъ другой деревни, то женихъ туда не ѣздитъ, а только одинъ отецъ, и во всякомъ случаѣ женихъ съ невѣстою не видятся до самаго вѣнца. На запоѣ женихъ садится въ уголъ и во все время не говоритъ ни полслова. Отецъ его, помолясь Богу, разноситъ собраннымъ невѣстинымъ сродникамъ вино и пиво. Потомъ начинается «ряда на столъ». Тутъ идетъ чистая торговля: невѣстинъ отецъ запрашиваетъ, потомъ уступаетъ цѣну и, наконецъ, дѣло слаживается. На столъ невѣстѣ платится отъ 20—40 руб. ассигн., но никогда не больше. Послѣ этой ряды начинается другая,—ряда на вѣнецъ, которая достигаетъ 60 р. асс. Потомъ рядятся о шубѣ, балахонахъ, сермягѣ, дарахъ, платкахъ и пр. Въ заключеніе всего отецъ невѣсты требуетъ «пироговъ», съ которыми жениховъ отецъ обязанъ привезти ведро вина, боченокъ пива (пурэ), дѣвкамъ большую лепешку съ пареною грушею и лопатку вареной говядины. Сама невѣста на запой не выходитъ. Пиръ, извѣстный подъ названіемъ: «озоритыхъ пироговъ», собственно говоря, составляетъ непремѣнную часть запоя, а вовсе не является отдѣльнымъ самостоятельнымъ моментомъ брачнаго торжества. Въ назначенный на пироги день съѣзжаются въ домъ жениха его родственники, выпьютъ порядочно вина и пива и потомъ ѣдутъ длиннымъ поѣздомъ къ невѣстину двору. Жениха тутъ не бываетъ. Въ телѣги кладутъ вино, пиво и пироги «озоритые», чуть не во всю печь печеные, безъ всякой начинки — каждый аршина въ полтора длиною и въ поларшина шириною. Въ ту же телѣгу кладутъ пять ситныхъ короваевъ и дѣвичью лепешку съ грушей. Когда телѣга подъѣхала ко двору, всѣ родственники невѣсты выходятъ на улицу, встрѣчаютъ гостей и, изломавъ озоритые пироги, кладутъ куски въ мучное корыто и несутъ его всемеромъ въ избу. Коровай несутъ на рукахъ и кладутъ на столъ. Если пироги приняты, то уже, по мордовскимъ обычаямъ, дѣвка никакъ не можетъ выйти за другого замужъ, какія бы ни встрѣтились впослѣдствіи обстоятельства. Отецъ и мать невѣсты съ этой минуты не называютъ дочь своею, а «ихой», т. е. жениховой роднѣ принадлежащею. Внеся въ избу пироги, зажигаютъ передъ иконами свѣчу и всѣ начинаютъ молиться, а потомъ пировать, пѣть пѣсни, играть

въ дуду, но не плясать. Въ то время жениховы родственники выходятъ на дворъ и тамъ вынимаютъ изъ телѣги дѣвичью лепешку; жениховъ братъ или же другой ближайшій родственникъ поднимаетъ ее вверхъ, дѣвки обступаютъ его, съ крикомъ и хохотомъ прыгаютъ, чтобы достать рукою привезенный имъ подарокъ. Когда жениховы родственники начнутъ собираться домой, дѣвки начинаютъ пѣть сватамъ пѣсню: «Ище-де сваты прожорливы, кещь (?) еде сумирадо калма кеи узелетные (? вѣроятно П. И. Мельниковъ, не зная мордовскаго языка, невѣрно записалъ эту фразу, потому что она ровно ничего не значитъ); наорали поле стоялые кони, пріобротанные, пріосѣдланные. На коняхъ то сидятъ въ красныхъ шапкахъ, въ сафьянныхъ козлиныхъ сапожкахъ». Потомъ дѣвки начинаютъ тормошить свата со словами: «Сватушка, сватушка! ты хвалился, ты хвалился—торовать; у тѣ не два дома, а одинъ домишка, въ томъ домишкѣ одинъ амбаришка, въ томъ амбаришкѣ одинъ сусѣчишка, въ томъ сусѣчишкѣ одинъ коробишка; стуки-буки въ лукошкѣ—нѣтъ муки ни крошки; мука не молота (я слыхалъ: зерно не молочено, снопы не вязаны, рожь не кошена, поле не сѣяно, кони не рожалися, соха въ кузнѣ, коса въ лавкѣ, а шишъ въ карманѣ, щелкъ въ брюхѣ), вода на болотѣ, квашенка на липкѣ, мутовка на соснѣ, порхунчики-голубчики по гумнамъ порхали (зернышка искали, съ голоду пропадали), по зернышку съ міра сбирали, да къ сватушкѣ въ домъ носили, сквозь уголь мололи, сквозь вѣники просѣвали, въ г . . . ѣ пиво варили, въ г . . . ѣ пироги пекли, да и къ намъ привезли: по кукишу пироги, грошевы лепешки. Ѣшьте-поѣшьте нашихъ пироговъ! наши-те пироги — что муромски калачи? а ваши-те пироги—что у бабъ-те кочерги!» Когда сватъ въ сѣняхъ, дѣвки не даютъ ему дороги; обступаютъ его, дергаютъ за полы, вертятъ его и поютъ опять совершенно русскую свадебную, шуточную надъ сватомъ, пѣсню. На другой или на третій день озоритыхъ пироговъ отецъ жениха съ полуштофомъ вина и боченкомъ пива идетъ въ невѣстѣ одинъ; тутъ назначается день свадьбы.

По словамъ того же П. И. Мельникова [1]), еще недавно у нижегородской Мокши «Инятя» (жрецъ при общественныхъ моленьяхъ)

---

[1]) Симб. Губ. Вѣд. 1851, № 26.

и «Имбабя» (жрица) назначали за невѣсту плату, которую долженъ былъ заплатить отецъ жениха ея отцу, а кромѣ этой платы, назначаемой жрецомъ и жрицей, отецъ невѣсты, получалъ отъ жениха вино, пиво и мясо по условію.

Что касается до нашихъ собственныхъ наблюденій, то намъ придется вполнѣ подтвердить свидѣтельства выше упомянутыхъ наблюдателей и прибавить лишь нѣкоторыя черты, которыя ускользнули отъ ихъ вниманія, такъ какъ они не имѣли въ рукахъ ни вопросныхъ пунктовъ, составленныхъ при Отдѣленіи Этнографіи, ни какихъ либо иныхъ программъ по этому вопросу. У Эрзянъ, какъ и у Мокшанъ повсюду пришлось констатировать существованіе пропоя, который какъ бы считается Мордвою чуть ли не самымъ важнымъ и рѣшительнымъ моментомъ сватовства и брака; все заставляетъ предполагать, что проксиммэ было актомъ, которымъ договоръ о бракѣ окончательно санктифировался, такъ какъ въ обрядахъ, сопровождающихъ этотъ пиръ, мы находимъ постоянно намеки на основательность такого предположенія. Обыкновенно отецъ жениха или, за смертью его, старшой въ домѣ (по эрзянски «*атяй*», а по мокшански «*аляй*») собираетъ ближайшихъ родственниковъ къ себѣ въ избу и тутъ объясняетъ имъ, съ какою цѣлію онъ потребовалъ ихъ присутствія и содѣйствія; никто изъ позванныхъ родственниковъ не можетъ отказаться отъ предложенной ему чести, такъ какъ отказъ въ этотъ моментъ служилъ бы признакомъ полной враждебности; даже, если бы кто нибудь изъ позванныхъ былъ во враждѣ съ отцомъ жениха, то и въ такомъ случаѣ онъ, по укоренившемуся обычаю, долженъ согласиться на приглашеніе, такъ какъ приглашеніе въ этомъ случаѣ равносильно желанію примириться, сознанію своей вины; поэтому то и существуетъ у Эрзи пословица [1]), которая гласитъ про поссорившихся сильно людей: «*шолнажтэ микэ проксиммэ*» т. е. поссорились до пропоя, когда поневолѣ придется помириться Когда сойдутся всѣ приглашенные, отецъ жениха, занимающій почетное мѣсто подъ матицею, объявляетъ имъ, что предъ начатіемъ дѣла слѣдуетъ помолиться; тутъ обыкновенно совершается моланъ Чимпазу—богу солнца, который благословляетъ браки. «*Чимпазэ* (иногда испорченноЦипазъ и Отецъ-Пазъ) *батюшка! благо-*

[1]) Ардат. уѣзда, Нижег. губ., с. Макателемъ, Наталья Ревинчина.

словымакв паро теве! максамакв учаска! максамакв эйкакшне лама!» [1]) т. е. богъ солнца батюшка! благослови доброе дѣло! дай счастья! дай дѣтей много! Послѣ совершеннаго такимъ образомъ молянa, передъ которымъ совершается обычное жертвоприношеніе, которое будетъ описано въ подробности нѣсколько ниже, всѣ выходятъ изъ избы и направляются въ домъ, принадлежащій отцу избранной невѣсты. Если родители невѣсты и сама она не прочь отъ вступленія въ родство съ идущими, то предупрежденные о приходѣ сватовъ на сговорѣ они или выгоняютъ приходящимъ на встрѣчу изъ воротъ лошадь [2]) (слѣдуетъ замѣтить, что лошадь приносила во времена оны Мордва въ жертву Чимъ-Пазу и Шкаю) или же просто встрѣчаютъ гостей съ поклонами, держа коровай хлѣба и закрытую солоницу въ рукахъ [3]). Затѣмъ входятъ всѣ въ избу, причемъ родня невѣсты идетъ впередъ, дабы этимъ показать, что приходъ ихъ любъ; отца жениха или старшого изъ его дома сажаютъ опять-таки подъ матицу на почетное мѣсто и приступаютъ къ рукобитью, но прежде рядятся о подробностяхъ. Рукобитье происходило въ прежнія времена такимъ образомъ; будущіе сваты хватались лѣвыми руками за матицу и ударяли по рукамъ, выговаривая условную формулу: «*кедв кошкекв*» т. е. отсохни рука; теперь просто ударяютъ по рукамъ, не держась за матицу, хотя въ одномъ Мокшанскомъ селеніи удержался еще этотъ обычай во всей его полнотѣ [4]). Коровай и солоница, съ которыми встрѣчали гостей, мать невѣсты ставитъ на столъ; отецъ невѣсты раскрываетъ ножемъ солоницу и, поднявъ надъ головою ножъ, произноситъ молитву, помѣщенную выше, съ прибавленіемъ имени Шкая: «*Шкай! Оцю-Шкай* (или Пазъ! Чипазъ!) *юртазырава матушка! кудязырава кормилица! кулатв! благословасьтв минв тевв! іолматнендн максасьтв павасв, козэма, лама цоратненв* (или *юртава, кудява! кулажке! благословамызв минв теве! цоратнененв максамызв учаска, шупавв-тши, эйкакшне лама!*) [5]). Всѣ присутствующіе мѣрно кланяются

---

[1]) Арзам. уѣздъ, Кордавеле, Ѳедоръ Ильцовъ.

[2]) Лукоян. уѣздъ, Ревезень, Кирилла Зайцевъ; Кузнецк. уѣздъ, Кемешкерь, Степанида Пятаева.

[3]) Повсюду въ мѣстностяхъ, населенныхъ Мордвою.

[4]) Городищ. уѣздъ, Пичилен, Дарья Евреинова.

[5]) Подстрочный переводъ, см. выше.

въ дверь выходную, приподнимая надъ головою руки. Затѣмъ отецъ невѣсты подаетъ отцу жениха ножъ, а самъ беретъ и подноситъ къ нему коровай, стоявшій все это время на столѣ; отецъ жениха съ трехъ ударовъ вырубаетъ въ короваѣ *«озондамъ-палъ»*, который и подаетъ на ножѣ жениху, который первымъ долженъ его взять въ руки; послѣ женихъ передаетъ озондамъ-палъ отцу невѣсты, который, посоливъ его изъ солоницы, куда идетъ онъ отнюдь не руками, а ножомъ, несетъ жертву подъ порогъ. Коровай раздѣляется тогда между присутствующими, причемъ первымъ долженъ попробовать его женихъ. Смыслъ всего этого обряда вполнѣ понятенъ; весь символическій мотивъ его сводится къ тому, что отецъ невѣсты «передаетъ ножъ отцу жениха, т. е. разрѣшаетъ ему воткнуть ножъ»—право, которымъ конечно, какъ видно изъ того, что первымъ возьметъ коровай и вкуситъ отъ него женихъ, воспользуется послѣдній: домашніе боги не могутъ безданно, безпошлинно допустить пользованія добромъ принадлежащимъ оберегаемому ими дому, а отсюда отецъ невѣсты и несетъ «озондамъ-палъ» т. е. жертву имъ подъ порогъ. Когда продѣлаютъ все вышеписанное, начинаются подарки — невѣста должна показать, что она не бѣлоручка, а будетъ трудолюбивою, хорошею работницею, если не помощницею мужа. Будущій свекоръ получаетъ обыкновенно отъ нея утиральникъ, вышитый «мордовскимъ шитьемъ», т. е. сплошнымъ, или только краснымъ, или же краснымъ и синимъ; женихъ получаетъ отъ нея рубаху, которую онъ обязанъ обновить въ день свадьбы и которая носитъ поэтому названіе *«ушодксъ»* (начальная) [1]. Конечно и женихъ и его родственники отдариваютъ невѣсту, кто чѣмъ можетъ; чаще всего теперь отдариваютъ деньгами, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще до сихъ поръ сохранился обычай, чтобы жениховъ отецъ дарилъ будущей снохѣ лошадь, которую прежде будто бы убивали въ тотъ моментъ, когда молодые шли спать [2]; женихъ же отдариваетъ ужовками, монетами и жетонами, а по несостоятельности такъ и просто солдатскими пуговицами. Родня жениха

---

[1]) У Мокши мы не слыхали этого названія.

[2]) Темник. уѣздъ, Эваслеи, Елена Кузнецова; Городищ. уѣздъ, Катмисъ, Елена Гордѣева; Корсунск. уѣздъ, Пермисъ, Марья Гудкова; Кузнецк. уѣздъ, Камешкеръ, Степанида Пятлева.

обязана, идя въ домъ къ невѣстѣ, захватить съ собою нѣсколько пироговъ, которые и ставятся на столъ для угощенія вмѣстѣ съ захваченнымъ кстати виномъ; затѣмъ, когда пироги и водка появятся уже на столѣ, всѣ присутствующіе усаживаются по приглашенію хозяевъ за столъ и начинается угощенье; пиръ продолжается смотря по количеству принесенныхъ припасовъ и по расположенію пирующихъ, такъ какъ зачастую хозяева, разгулявшись, посылаютъ сами за виномъ и торопятся изготовить кое какую ѣду для закуски. Въ случаѣ, если бы бракъ совершался увозомъ (самокрутка), пропой совершается всетаки полнымъ порядкомъ, но только послѣ совершенія самокрутки; вся разница только въ томъ, что въ этомъ случаѣ пропой сливается со сговоромъ.

VI.

Третій моментъ брачнаго періода составляетъ дѣвичникъ (по эрз. *«техтерьнень пиръ»*, а помокш. *«стирнень пиръ»*, который однако рѣдко справляется у Мокши и, по всѣмъ вѣроятіямъ, перенятъ Мордвою у русскихъ, такъ какъ даже у Эрзи нѣтъ собственно говоря дѣвишника въ настоящемъ значеніи слова, а просто устраиваются въ промежутокъ времени между пропоемъ и брачнымъ торжествомъ разные пиры, на которые у невѣсты собираются исключительно ея подруги, а у жениха его друзья и пріятели; одинъ изъ такихъ пировъ у невѣсты и называется обыкновенно дѣвишникомъ; устраивается онъ какъ можно ближе къ свадебному дню. У Мокши тоже устраиваются пирушки у невѣсты, во время которыхъ подруги поютъ пѣсни и помогаютъ въ шитьѣ разнаго платья и бѣлья; эти пирушки называются *«пособляма»*, что указываетъ на практическую основу этихъ собраній, а не на какой либо старинный мотивъ. Прозинъ свидѣтельствуетъ о существованіи вообще дѣвичьихъ пирушекъ у пензенской мордвы Эрзи, городищенскаго уѣзда, хотя и говоритъ глухо о томъ, что въ промежутокъ времени между пропоемъ и свадьбою къ невѣстѣ приходятъ подруги ея помогать ей работать и веселиться пѣніемъ пѣсенъ [1]). Г. Мартыновъ, описывая нижегородскую Эрзю, сообщаетъ, что накачунѣ

---

[1]) Пенз. губ , В. 1865 года, №№ 39 и 40, ст. Прозина.

свадьбы невѣста отправляется къ знакомымъ и подругамъ и приглашаетъ ихъ къ себѣ на блины; но эта пирушка вовсе не имѣетъ того характера, который имѣетъ дѣвишникъ у русскихъ крестьянъ, такъ какъ на ней присутствуютъ не однѣ только подруги невѣсты, а и вообще знакомые ея родителей. Когда она возвращается домой, то ее долго не впускаютъ и требуютъ, чтобы она заплатила за впускъ; послѣ долгихъ переговоровъ, наконецъ, двери отворяются и ее впускаютъ въ избу. Вернувшись домой, она выбираетъ одну изъ присутствующихъ женщинъ, которую и проситъ снести жениху вышитую рубаху; за приносъ этого подарка женихъ отдариваетъ бабу [1]). Г. Кронтовскій, наблюдавшій Мордву въ Бугульминскомъ уѣздѣ, указываетъ на существованіе обычая собирать у невѣсты ея подругъ для помощи въ шитьѣ приданаго [2]). Онъ же приводитъ крайне интересный обычай, относящійся къ одному и тому же моменту брачнаго періода съ дѣвишникомъ; невѣста передъ свадьбою въ сопровожденіи 2 братьевъ отправляется дѣлать прощальные визиты своимъ родственникамъ; сама она никакъ не должна выходить изъ телѣги и входить въ избы; братья подхватываютъ свою сестру подъ руки и вносятъ въ избу; она все это время должна плакать и причитать о потерѣ дѣвичьей воли и о той благодарности, которую она чувствуетъ къ своимъ родственникамъ за ихъ попеченія, за ихъ любовь къ ней и расположеніе. Когда невѣста покончитъ всѣ свои причитанія, братья подхватываютъ ее снова подъ руки и выносятъ вонъ изъ избы; невѣста все время должна держать руки скрещенными на груди въ знакъ того, что она только подчиняется силѣ, а самой ей не до того [3]). Для саратовской Эрзи мы имѣемъ указаніе Г. Барминскаго, который разсказываетъ о томъ, что передъ свадьбою подруги невѣсты собираются въ домѣ ея повеселиться и помочь ей въ заготовкѣ приданаго. Весь вечеръ подруги поютъ хвалебныя пѣсни невѣстѣ и напротивъ того всячески бранятъ въ пѣсняхъ самого жениха, его родителей и родителей невѣсты, которые лишаютъ ихъ подруги. Все время пѣнія невѣста сидитъ въ печномъ углу, обернувшись лицомъ къ печкѣ, и вопитъ и причи-

[1]) Нижег. губ., В. 1865 г. № 24, ст. Мартынова.

[2]) Самар. губ., В. 1866 г. № 26, ст. Кронтовскаго.

[3]) Ibidem.

таетъ о посѣтившемъ ее горѣ, о томъ что злые люди отнимутъ у нея скоро ея дѣвичью волю и отдадутъ ее чужимъ людямъ [1]). Арх. Макарій свидѣтельствуетъ о нижегородской Мокшѣ, что наканунѣ свадьбы отецъ жениха ходитъ по своей роднѣ и знакомымъ и приглашаетъ ихъ въ тотъ же день попировать къ себѣ; съ своей стороны отецъ невѣсты отправляется утромъ наканунѣ свадьбы къ подругамъ своей дочери и къ своей роднѣ и сзываетъ ихъ на вечеръ въ свою избу. Подруги приходятъ нарочно пораньше, такъ какъ невѣста въ сопровожденіи ихъ отправляется по своимъ родственникамъ и плачетъ о дѣвической волѣ, которую она скоро должна будетъ потерять. [2]) Тотъ же авторъ не говоритъ однако ничего о существованіи у нижегородской Эрзи дѣвишника, хотя и упоминаетъ о томъ, что все время отъ пропоя до свадьбы невѣста не работаетъ ничего на домъ и на семью, а вмѣстѣ съ подругами работаетъ лично на себя и изготовляетъ себѣ бѣлье и одежду. За три дня до свадьбы будущій свекоръ пріѣзжаетъ въ домъ невѣсты съ запасомъ «*пурэ*» (сыченое пиво) и подаетъ первый ковшъ невѣстѣ, которая выпиваетъ пурэ, сколько бы его налито въ ковшѣ ни было, а затѣмъ начинаетъ вопить, плакать и прощаться со всѣми присутствующими. Наканунѣ дня свадьбы невѣста отправляется въ домъ жениха и отвозитъ ему подарки; женихъ во время визита не можетъ присутствовать и долженъ уйти изъ дому [3]) или къ сосѣду, или въ баню [4]). Г. Мордовцевъ свидѣтельствуетъ о существованіи дѣвишника въ Саратовской губерніи и упоминаетъ о томъ, что подруги въ пѣсняхъ своихъ бранятъ родителей невѣсты за то, что они лишаютъ ихъ подруги, а сама невѣста плачетъ и причитаетъ о дѣвичьей волѣ [5]). Въ Казанской губерніи, по сло-

---

[1]) Сарат. Справ. Листокъ 1869 года, №№ 53 и 54 ст. Барминскаго.

[2]) Рукоп. архивъ Имп. Р. Г. Общества, папка «Инородцы», рукоп. «Этногр. замѣтки о Мор вѣ Мокшанахъ въ Нижегор. губерніи», арх. Макарія.

[3]) Видеманъ говоритъ, однако, что зачастую невѣста идетъ на ночь передъ свадьбою спать съ женихомъ и слѣдовательно этимъ какъ бы уничтожаетъ обычай прятаться жениху отъ невѣсты; но дѣло въ томъ, что прячется женихъ для посторонвихъ, а что дѣлаетъ онъ одинъ на одинъ съ невѣстою, до того постороннимъ нѣтъ дѣла. Gram. der Ersa-Mordwinischen Sprache; Vorwort, стр. 4.

[4]) О Мордвѣ-Эрзянахъ въ Нижег. губ., арх. Макарія въ рукописи архива Импер. Русск. Геогр. Общ. папка «Инородцы».

[5]) Памятн. кн. Сарат. губ., 1858 года, ст. Мордовцева.

вамъ Фукса, помолвленная дѣвушка всякій день до свадьбы собираетъ къ себѣ подругъ и съ ними плачетъ, а женихъ со своими товарищами веселится въ послѣдній день; вой и вопли невѣсты бываютъ нестерпимы. По свидѣтельству Архангельскаго [1]), цѣлый годъ полагается дѣвушкѣ на изготовленіе себѣ одежды и иного скарба; за шитьемъ она оплакиваетъ родныхъ своихъ; для помощи въ шитьѣ подругъ приглашать не принято; слѣдовательно и въ этомъ случаѣ «дѣвишника», въ строгомъ смыслѣ слова, не наблюдается. Причитанья невѣсты и вопленья ея чрезвычайно разнообразны и мы приведемъ здѣсь лишь нѣкоторыя, дабы дать хотя какое либо понятіе о содержаніи этихъ импровизацій. Такъ, напримѣръ, обращаясь къ отцу и матери, невѣста вопитъ: «*Тятякой совамайтв!* (или—*авакай совамайтв!*) *веств сускамксв кшиньста, веств коппардама пойланкса! Тятякай! али лама монв кши ярцаньf Тятякай! чьмв ерьвэнь молимэ кучама да, тонь путань кудазатв кулямень пиженене лучи кулалень авазинь акша ловцынэнтсв марта тюжа войнэнтсв марта, акша пуланэсв ашка дамань, одв котфкасв вельтэлимань равжа модасв путалимань!*» т. е. батюшка родимый! съѣлъ ты меня какъ кусокъ хлѣба, съѣлъ словно глотокъ пойла! Батюшка! или много я хлѣба поѣла? Батюшка! чѣмъ выдавать меня замужъ, въ твоемъ бы домѣ умерла бы я лучше, лучше умерла бы дитею съ бѣлымъ матушкинымъ молокомъ груднымъ и желтымъ ея маслицемъ, въ бѣлыя пеленочки завернулась бы, новымъ холстомъ бы покрыли, въ черную бы землю зарыли! Къ своему брату невѣста обращается со слѣдующею заплачкою: «*Кормилецкай лялякай! тятв кажіафта лангазанв, лишняй валне монв таньдеть изэнь мэрьгиндинь эзимв пряса улентсв вастанезе, а ширалонксв чесмезе; а тэни ломанинди максамасть кода сельмэ ванызь эрцама кармаль, кишнись путсазе пильгинэнинь, дипалу сотсазе кэдненинь!*» т. е. кормилецъ братецъ! не сердись на меня несчастную! лишняго словечка я тебѣ не говорила никогда—вѣдь у меня мѣстечко впереди было (за столомъ сидѣла ниже брата), а хлѣбъ соль на столѣ твоя была; а теперь отдаете вы меня въ чужіе люди — какъ я тамъ съ открытыми глазами стану хлѣбъ-соль ѣсть (почему я не умру?) въ кандалы скуютъ мои рѣзвыя ножки, назадъ свяжутъ бѣ-

---

[1]) «Сарат. Губ. Вѣд.» 1845 года, № 52.

лыя ручки. Замѣтимъ, что мы позволили себѣ здѣсь исправить, насколько было возможно, записанный авторомъ текстъ заплачекъ согласно съ требованіями фонетическими и грамматическими, но нѣкоторыя слова остались все же не исправленными, такъ какъ намъ не удавалось ихъ слышать. Къ сестрѣ невѣста обращается съ тѣми же словами, но называетъ ее «патянэй». Въ Симбирской губерніи, по словамъ г. Орлова [1]), наканунѣ брака семейскіе жениха созываютъ къ себѣ въ домъ дѣвушекъ. Надѣвъ на себя лучшія одежды, дѣвушки берутъ въ руки палки, причемъ приличіе требуетъ, чтобы палки эти сверху были покрыты платками и украшены лентами. Изукрасивъ палки сообразно съ требованіями приличія, дѣвушки являются въ домъ жениха. Здѣсь онѣ становятся въ рядъ передъ старшими членами семьи и поютъ: «Благослови, старикъ, серебряная голова! Благослови и ты, матушка — старуха, звать родныхъ къ себѣ въ гости! Зазвенѣлъ на верху вашего дома колоколъ на серебряной цѣпи; звонъ колокола пронесся вокругъ вашего жилья; этотъ колоколъ вѣщаетъ вамъ счастье!» Старикъ назначаетъ, какихъ именно родственниковъ звать въ гости и, наконецъ, благословивъ ихъ по русски, говоритъ: «ступайте съ Богомъ!» Дѣвушки уходятъ. Каждый, кого онѣ только приходятъ звать, обязанъ подарить ихъ чѣмъ нибудь. По окончаніи зова, дѣвушки являются обратно въ домъ жениха съ пѣснью: «ходили мы, ходили! какая большая родня! Много мы труда видали — по поясъ въ водѣ, по колѣна въ грязи волочились мы; мы не ѣли—не пили, а все дѣло дѣлали — созывали родню въ гости, созывали шабровъ на праздникъ, созывали тѣхъ, кто знаетъ хозяина; шли отъ утра до вечера по шести разъ — позвали всего десятую часть; ходили два года — собрали только половину; пошли еще разъ — исходили сорокъ девять паръ башмаковъ, износили сорокъ девять платьевъ — всѣхъ позвали на веселый пиръ (у г. Орлова конецъ не записанъ, начиная отъ словъ: «мы не ѣли — не пили»). При этомъ воспитательница жениха иногда поетъ: «Сестрицы мои милыя! много вы труда видѣли... а всѣхъ ли вы родныхъ обходили, всѣхъ ли, кто знаетъ насъ, посозвали?» Дѣвушки отвѣчаютъ: «всѣхъ родныхъ мы видѣли, всѣ знакомые отъ насъ радость слышали, всѣ они кланялись и

[1]) Матер. для истор. и стат. Симб. губ. 1866 г., вып. II, село Напольное.

обѣщались прибыть къ вамъ». По окончаніи этой церемоніи дѣвушки закусываютъ и пьютъ пиво. Посидѣвъ нѣсколько времени, онѣ отправляются топить баню для жениха и передъ этимъ опять обращаясь къ старшему члену семейства, испрашиваютъ на распѣвъ разрѣшенія и благословенія, что несомнѣнно указываетъ на священножреческое значеніе главы семьи: «Благослови» говорятъ онѣ, «старикъ, серебряная голова, счастливую баню топить, таланливую». Старикъ отвѣчаетъ имъ по русски: «ступайте съ Богомъ!» Между тѣмъ въ домъ жениха изъ семействъ, приглашенныхъ дѣвушками на бракъ, идутъ женщины съ приносами, какъ то: крупы, масла, яицъ, мяса и проч. Мать жениха встрѣчаетъ этихъ женщинъ привѣтливо, подноситъ имъ по рюмкѣ вина и сажаетъ за столъ. Какъ скоро всѣ званыя женщины сошлись въ домъ жениха, старшая въ семействѣ кладетъ на столъ пирогъ въ аршинъ длины, начиненный слоями каши, яичницы, творога и опять яичницы и каши. Сверху пирогъ этотъ замазывается яйцами, а для красы утыкается стаканами, перстнями и ложками. При появленіи этого пирога женщины начинаютъ молиться: «Дай Богъ», говорятъ онѣ, — «часъ добрый! спаси Господи отъ лихаго человѣка! Дай Богъ, чтобы на долю жениха родился хлѣбъ и велась скотина!» Послѣ этого пирогъ разрѣзывается крестъ на крестъ, на квадратныя части, и женщины начинаютъ ѣсть, пить и веселиться.

У Терюшевской Мордвы, по словамъ П. И. Мельникова [1]), бываетъ наканунѣ вѣнчанія «день плакущій». Еще наканунѣ его, съ вечера, къ невѣстѣ собираются ея подруги; однѣ топятъ для нея баню, другія расплетаютъ ей косу, а сама невѣста сидитъ и горько плачетъ. Послѣ бани, гдѣ подруги моютъ невѣсту, и послѣ расплетанья косы, всѣ ужинаютъ и поютъ свадебные пѣсни; мужчинъ тутъ не бываетъ. Дѣвки съ невѣстой не спятъ всю ночь и подъ пѣсни вышиваютъ красной бумагой полотенца—дары невѣстины. Рано утромъ до свѣту невѣста идетъ къ отцу и къ матери; стоя передъ ними на колѣняхъ, она проситъ у нихъ доброй «басловки». Получивъ благословеніе, невѣста отправляется съ любимою подругою въ заднія вороты въ огородъ, кладетъ пять земныхъ поклоновъ на востокъ и начинаетъ причитанья: «Благослови меня батюшка! Благо-

[1]) «Симб. Губ. Вѣд.» 1851 г., № 25.

слови меня матушка! Благослови меня мать сыра земля! Благослови меня небо и земля! Пойду просить себѣ доброй басловки». Идетъ она въ домъ, садится посреди избы и плачетъ, окруженная подругами, которыя поютъ пѣсни и сами плачутъ. Послѣ этого дѣвки уводятъ подъ руки невѣсту въ сосѣдній домъ (въ Арзамасскомъ уѣздѣ ее на войлокѣ уносятъ мужчины). Выйдя за ворота, невѣста опять кладетъ 5 земныхъ поклоновъ, и, смотря на занимающуюся утреннюю зарю, причитаетъ: «Благослови меня, заря матушка – съ краснымъ солнышкомъ и со свѣтлымъ мѣсяцемъ и съ ясными звѣздочками! Зоря зоряетъ — меня батюшка съ двора сгоняетъ, солнце красное восходитъ — моя волюшка отходитъ, звѣздочки звѣздятъ — меня старшіе нудятъ». Послѣ причитанья невѣсты всѣ уходятъ въ сосѣднюю избу, и, когда начнется полный разсвѣтъ, невѣста возвращается съ подругами домой. Мать встрѣчаетъ ихъ, усаживаетъ вокругъ стола и угощаетъ блинами; потомъ невѣста съ подругами идетъ по своимъ родственникамъ (по старшинству), ѣстъ блины, а затѣмъ заходитъ къ каждой изъ своихъ подругъ. Здѣсь, кромѣ блиновъ, подаютъ вино, пиво и яичницу. По улицѣ невѣсту подруги водятъ подъ руки, а она причитаетъ о томъ, что ее просватали далеко въ именитый домъ. Подруги невѣсты, вмѣсто матери, отвѣчаютъ, что она посѣтитъ дитятку, принесетъ ей калачикъ. Обойдя всѣхъ, и притомъ непремѣнно засвѣтло, возвращаются въ домъ невѣсты сряжать ее для «большой басловки» во всю мордовскую сряду — «кутазо», въ настоящее время только при свадьбахъ и употребляемый. Невѣсту дѣвки ведутъ подъ руки, мать встрѣчаетъ ихъ, ставитъ на столъ коровай хлѣба, солоницу, горшокъ каши, яичницу, говядины и одно печеное яйцо, зажигаетъ свѣчу передъ иконами и кладетъ передъ ними три земныхъ поклона. Невѣста съ плачемъ подходитъ къ столу, отецъ подноситъ ей ковшъ пурэ, но не полный, приговаривая: «на, дитятко, за твою работу! прими и выпей со всей охотой!» Невѣста со слезами жалуется на то, что ей поднесли не цѣльный ковшъ, выхваляетъ свою работу и угодливость и проситъ угостить подругъ, которыя съ нею «по блинамъ ходили, подъ бѣлыя ручки ее водили». Подносимое матерью пиво невѣста не пьетъ, увѣряя, что пить ея пиво — «свое ретиво раздирати». Отецъ между тѣмъ становится къ столу и, поджавъ руки къ груди, начинаетъ плакать; подруги берутъ невѣсту подъ руки

и подводятъ ее къ отцу. Хотя невѣста причитаетъ въ этомъ случаѣ и по русски, но слѣдуетъ полагать, что нѣкоторыя мѣста причитанья чисто мордовскаго происхожденія, такъ какъ ихъ можно встрѣтить въ любой эпической и даже лирическо-бытовой мордовской пѣснѣ. «Стой, батюшка, стой—меня не убойся! стой, мое красно солнышко — меня не испужайся! Я къ тебѣ подхожу — басловки твоей прошу. Не дома желаю, не на дѣло тебя посылаю: добрую басловку въ чужи люди мнѣ дай, на чужаго отца-мать благословляй! Погляди-ко, батюшка, въ переднее окошко во чисто поле, на красно солнышко: во чистомъ полѣ бѣла береза стоитъ, на небѣ красно солнышко горитъ, камчетныя листья вѣтромъ шевелятся, отъ вѣтра, отъ вихоря, на землю валятся. Стой, батюшка, стой, не гляди, въ красное окошко не смотри: не впрямь красно солнышко горитъ, не впрямь бѣла береза стоитъ! то твое дѣтище передъ тобой стоитъ. Не камчетныя листья шевелятся, отъ вѣтра, отъ вихоря на землю валятся — по лицу твово дѣтища земчуги горючи слезы катятся. Стой, батюшка, стой! меня не убойся, стой, мой голубчикъ, меня не испужайся! За твою хлѣбъ-соль, что поилъ, кормилъ, на работу училъ — паду я въ золотыя твои ноженьки, расцѣлую посеребряны твои рученьки: не пожалѣю своей сряды, всей цвѣтной, нарядной кутазы. Въ ноги къ тебѣ припадаю, басловки твоей испрошаю, руки цѣлую—себя не милую. Благослови-ка меня, батюшка, съ чужимъ людямъ жить, чужимъ людямъ служить». Послѣ этого причитанья невѣста падаетъ отцу въ ноги, кладетъ на нихъ голову и потомъ цѣлуетъ у отца руки. Затѣмъ новое причитанье: «Къ сердцу ретивому свое дѣтище прижми, пожалѣй меня, батюшка, благослови! Смѣть ли мнѣ, батюшка, свои бѣлы руки класть на могучія твои плеча? Смѣть ли, мой родной, твою буйную головушку къ себѣ приклонить?» Отецъ беретъ съ полки икону, ставитъ на голову дочери и говоритъ: «Господь тебя благословляетъ, и я благословляю». Невѣста, приложившись къ иконѣ, поцѣловавъ отца, начинаетъ опять плакать и причитать: «Пойду я теперь, батюшка, ко своей родимой матушкѣ! Пораздвиньтесь, разойдитесь, добрые люди, милыя подруги, пойду я къ печкѣ-маткѣ: у печки у матки все, баютъ, матушки стоятъ». Мать дѣйствительно стоитъ у печки и отвѣчаетъ дочери тоже причитаньемъ: «Поди, дитятко! поди, милое! подойди, моя нѣжница, подойди, моя вольница,

у печки, у матки — твоя матка стоитъ; пойди — я тебя обойму, къ ретивому сердцу подожму». Тогда невѣста повторяетъ вышеприведенное длинное причитаніе матери. Когда мать благословитъ невѣсту, подруги берутъ ее подъ руки и ведутъ въ сосѣдній домъ, а на улицѣ она снова причитаетъ: «Не снадобилась я батюшкѣ, разгнѣвалась на меня матушка, — въ чужіе люди благословили меня жить, чужимъ людямъ служить»! Въ сосѣднемъ домѣ невѣсту подруги раздѣваютъ и, утомленныя денною и ночною ходьбою и пѣснями, ложатся спать.

Какъ я уже сказалъ Мокша не справляетъ дѣвишника, какъ особый установленный обычаемъ пиръ и при разспросахъ всегда оказывалось, что вообще во все время между пропоемъ и свадьбой подруги невѣсты собираются къ ней въ избу и помогаютъ ей шить и приготовлять одежду и бѣлье; кое гдѣ [1]) на эти посидѣлки приходятъ безъ зова или же приглашаются знакомые и родственники, замужнія женщины, парни и женатые [2]) и наконецъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дѣвишникъ справляется подобно тому, какъ и у Эрзи. Что касается до Эрзи, то она по большей части признаетъ дѣвишникъ особеннымъ пиромъ, составляющимъ непремѣнный установленный стародавнимъ обычаемъ моментъ брачныхъ обрядовъ, что доказывается существованіемъ цѣлой серіи отдѣльныхъ символическихъ дѣйствій, сопровождающихъ дѣвичій пиръ; тѣмъ не менѣе, какъ мы могли видѣть изъ вышеприведеннаго, кое гдѣ и Эрзя отказалась признавать дѣвишникъ имѣющимъ особое важное значеніе моментомъ брачныхъ обрядовъ и свело его на степень простой «*пособляма*», т. е. помочи [3]). Тамъ, гдѣ дѣвишникъ не утерялъ своего символически-религіознаго значенія, онъ начинается съ ранняго утра за день до свадьбы; едва вставши и нарядившись въ самое простое платье, преимущественно безъ всякихъ украшеній, составляющихъ неизбѣжную часть даже и будничнаго Мордовскаго женскаго туалета, невѣста отправляется по своимъ подругамъ, ко-

---

[1]) Петров. уѣздъ, Мечкасы, Өедосья Голяшкина; Кузнецк. уѣздъ, Кеменскерь, Степанида Пяжоева.

[2]) Краснослоб. уѣздъ, Мамалаево и Ширгарино, Васильчикинъ и Степанъ Атяшкинъ; Инсарскій уѣздъ, Верхисъ, Николай Мурзайкинъ.

[3]) Ардатов. (Нижегор.) уѣздъ, Макателемъ, Наталья Ревинчина и Самарскій уѣздъ, Семейкино, Антонъ Мосѣевъ.

торыхъ она приглашаетъ къ себѣ поработать, помочь ей и раздѣлить съ нею посѣтившее ее горе. Въ томъ случаѣ, когда призываются на дѣвишникъ и знакомые обоихъ половъ, опять таки приглашенія дѣлаются лично невѣстою; если дѣвишникъ сведенъ на степень простой «пособляма», то приглашенія дѣлаются обыкновенно на другой день послѣ пропоя. Подруги дѣлаютъ видъ, что не знаютъ о томъ, что она выходитъ замужъ, разспрашиваютъ ее и обѣщаютъ ее не выдавать злому человѣку во что бы то ни стало; тутъ онѣ каждая надѣваетъ что нибудь изъ принадлежащихъ имъ украшеній на невѣсту въ знакъ связывающей ихъ дружбы; конечно невѣста потомъ возвращаетъ всѣ эти украшенія и навѣски, но все-таки чѣмъ болѣе на нее навѣшаютъ, тѣмъ болѣе ей славы, такъ какъ большое количество украшеній означаетъ, что она съумѣла пріобрѣсти большое количество друзей; въ Тетюшскомъ уѣздѣ, когда она снимаетъ при женихѣ эти украшенія и передаетъ ихъ подругамъ, женихъ долженъ съ своей стороны благодарить подругъ подарками, преимущественно чѣмъ нибудь изъ лакомства, а то и деньгами; деньгами же (3—5 коп.) даритъ подругъ за ихъ дружбу женихъ въ Кузнецкомъ и Ардатовскомъ (Симбирской губ.) уѣздахъ [1]). Что у Тетюшскихъ Каратаевъ обычай этотъ не перенятъ у Татаръ доказывается отсутствіемъ чего либо подобнаго у послѣднихъ. Подруги не идутъ вмѣстѣ съ нею, а каждая отдѣльно наскоро собирается и идетъ прямо въ ея избу, гдѣ онѣ располагаются и караулятъ изъ сѣней, когда невѣста, покончивши обходъ, будетъ подходить къ дому; едва завидятъ онѣ ее, какъ запираютъ двери и не впускаютъ ее домой: она выходитъ замужъ—она имъ измѣняетъ, а потому между дѣвками и невѣстой и происходитъ слѣдующій разговоръ: «*Ки тонв улятв?*»—«*Техтерь Като*».—«*Афв улятв тонв Като техтерь, тонв улятв Катава*» [2]).—«*Афв улятв Катава*».—«*Афв сода тадизв, проксиммызе, куловтомызе Катонокв*», т. е. «Кто ты?»—«Дѣвка Катя».—«Не дѣвка ты Катя, ты баба Катя».—«Я не баба Катя».—«Не знаемъ тебя, пропили, загубили нашу Катю». Послѣ такихъ переговоровъ и послѣ длинныхъ убѣжденій со сто-

---

[1]) Кемешкерь, Степана Пятаева и Пичкасы, Матвей Дробышевъ.

[2]) Такая фраза со стороны подругъ прямо указываетъ, что послѣ пропоя невѣста дѣлалась женою въ дѣйствительности и что пропой долженъ считаться рѣшительнымъ моментомъ брака.

роны невѣсты, что она никто иная, какъ несчастная подруга ихъ Екатерина, которую злые люди противъ ея воли хотятъ отнять ее отъ ея подругъ, послѣднія наконецъ сжаливаются и отворяютъ ей дверь. Едва взойдетъ невѣста въ избу, какъ отправляется въ свой сундукъ и достаетъ оттуда своей работы рубаху, которую и посылаетъ въ даръ жениху съ какою нибудь старухою; рубаху эту женихъ непремѣнно долженъ надѣть въ день свадьбы и притомъ долженъ вознаградить посланную какимъ нибудь подаркомъ, преимущественно же деньгами. Ввечеру начинается работа и славленье невѣсты. Эта послѣдняя садится лицомъ къ печкѣ на лавку, не прикасается вовсе къ работѣ и должна по временамъ всхлипивать и причитать, что она не достойна тѣхъ похвалъ, которыми въ такомъ изобиліи величаютъ ее подруги и что безъ подругъ она вѣроятно изсохнетъ отъ тоски. Въ то же время подруги выхваляютъ физическія и нравственныя прелести своей подруги и всячески стараются превознести ея совершенства. Чтобы дать хотя нѣкоторое понятіе о томъ, какія похвалы разсыпаютъ невѣстѣ въ этихъ пѣсняхъ мы приводимъ ниже пѣсню весьма распространенную среди Эрзи и записанную нами въ Лукьяновскомъ уѣздѣ [1]). Кое гдѣ не-

---

[1]) Ревезенъ, Трофимъ Авиловъ.

«Катонокъ вадрэ, кода утсэ,
«Катонокъ мазы, кода тиши,
«Катонокъ иря, кода панжэ,
«Катонокъ потетнe, кода пандотне,
«Катонокъ пильыетне, кода тумотне,
«Катонокъ кэдетне, кода эйкакшонь,
«Катонокъ чере, кода кузэ,
«Кода кузэ а мены есэ—прянзо,
«Кода кузэ а сивы есэ прянзо»,

то-есть:

Наша Катя добра, какъ ягненокъ,
Наша Катя хороша, какъ солнце,
Нашей Кати голова, какъ цвѣтокъ,
Нашей Кати груди, какъ горки,
Нашей Кати ноги, какъ дубы,
Нашей Кати руки, какъ дѣтскія,
Нишей Кати станъ, какъ липа,
Какъ липа не гнется,
Какъ липа не ломается.

вѣста должна непремѣнно въ день, назначенный для справленія дѣвишника, отправиться дѣлать прощальные визиты своей роднѣ и знакомымъ; визиты эти дѣлаются не ею одною, а ее сопровождаетъ или братъ ея или ближайшій парень родственникъ, чаще же всего двое парней изъ ближайшей родни. У невѣсты ноги обмотаны до такой степени, что она едва можетъ двигаться, но платье на ней не праздничное, такъ какъ свадьба, хотя и утеряла прямое значеніе увоза изъ родительскаго дома силою, тѣмъ не менѣе сохранила въ народномъ воспоминаніи отпечатокъ совершавшагося прежде насилія, а слѣдовательно самое понятіе о выходѣ замужъ исключаетъ возможность ходить въ праздничной одеждѣ и радоваться. При выходѣ невѣсты изъ избы своихъ родителей она должна три раза пригнуться къ землѣ со словами: «*мастырь! мастырь! кирдямакъ! варма! варма! ускамакъ!*» [1]) (т. е. земля! земля! держи меня! вѣтеръ! вѣтеръ! неси меня). Затѣмъ она беретъ изъ подъ порога щепотку земли и кладетъ ее себѣ за пазуху. Опустивши голову отправляется невѣста по своимъ родственникамъ и знакомымъ и со всѣми прощается, благодаря за выказанное ей ими расположеніе; она объявляетъ имъ, что выходитъ замужъ и плачетъ о своей горькой участи, принуждающей ее покинуть ихъ и начать новую несвободную жизнь; тутъ провожатые подхватываютъ невѣсту подъ мышки и скоро на-скоро выносятъ ее изъ избы, а она идетъ въ слѣдующую и повторяетъ тамъ тоже самое. Роль этихъ провожатыхъ для насъ въ настоящее время совершенно непонятна, хотя сохранившійся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ [2]) обычай избирать для проводовъ невѣсты братьевъ или ближайшихъ родственниковъ жениха и даетъ намъ возможность предполагать, что выносъ невѣсты какъ бы указываетъ на актъ насилія, лежащій въ основѣ древняго мордовскаго брака. Ввечеру пріѣзжаетъ въ избу родителей невѣсты будущій ея свекоръ съ добрымъ запасомъ «*пурэ*»; онъ угощаетъ этимъ напиткомъ родителей невѣсты изъ яблоноваго ковша, который въ прежнее время игралъ важную роль въ моляна̀хъ и жертвоприношеніяхъ, но первый ковшъ онъ подноситъ не-

---

[1]) Кузнецк. уѣздъ, Кемешкерь, Пятаева.

[2]) Нижегор. губ. Ардат. уѣздъ, Макателемъ, Наталья Ревипчина и Арзам. уѣздъ, Кардавеле, Өедоръ Ильцовъ.

вѣстѣ, которая должна выпить весь ковшъ до дна. Будущій свекоръ подаетъ ей ковшъ съ слѣдующими словами: «*Кода пурэ ули цебэрв—цебэрста эряка! Кода пурэ ули таза—тазаста келгакв! Кода пурэ рескафтаи—рескафтакв озалв! Кода пурэ ули мани—ульхтв мани! Кода комлэ ули козэ лопатненв—ульхтв козэ жабатненв! Кода пурэ ули козэ комлэнь—ульхтв козэ кильдемень!*» (Какъ пурэ хорошо — живи хорошо! Какъ пурэ крѣпко — люби крѣпко! Какъ пурэ боретъ—бори горе! Какъ пурэ чисто будь чиста! Какъ хмѣль богатъ листьями—будь богата дѣтьми! Какъ пурэ богато хмѣлемъ—будь богата скотомъ!) Проговоривъ эту священную формулу, будущій свекоръ обмачиваетъ пальцы въ пурэ и брызгаетъ съ нихъ на невѣсту; затѣмъ подаетъ ей ковшъ, который она и выпиваетъ сразу. Послѣ выполненія этого обряда дѣвушки усаживаются по лавкамъ и принимаются за работу, или же, если дѣлать уже нечего просто поютъ пѣсни и болтаютъ.

VII.

Наступаетъ, наконецъ, день свадьбы, наступаетъ тотъ моментъ, который въ настоящее время, подъ сильнымъ вліяніемъ христіанства, можетъ быть признанъ рѣшительнымъ моментомъ брака. Всѣ обычаи и обряды, исполняющіеся при свадьбѣ проникнуты отпечатками воспоминанія о совершавшемся прежде насиліи, объ увозѣ невѣсты женихомъ; конечно самая свадьба успѣла уже принять видъ домашняго открытаго праздника и обычай скрывать день свадьбы живетъ только въ преданіи, но тѣмъ не менѣе во всякомъ шагѣ, почти во всякомъ словѣ невѣсты проявляется ея нежеланіе выходить замужъ, а родители ея даже вовсе не должны зачастую присутствовать при вѣнчаніи и свадебномъ пирѣ въ воспоминаніе того, что прежде они при всемъ своемъ желаніи не могли участвовать въ свадебныхъ церемоніяхъ, потому что свадьба происходила увозомъ, безъ ихъ вѣдома и чаще всего противъ ихъ воли. Для Городищенскаго уѣзда Пензенской губерніи мы имѣемъ свидѣтельство г. Прозина [1]) о томъ, что невѣсту везутъ къ вѣнцу подъ бѣлымъ покрываломъ, причемъ замѣтимъ, что бѣлый цвѣтъ не игра-

---

[1]) «Пензен. Губ. Вѣд.» 1865, №№ 39 и 40.

етъ здѣсь никакой особенной роли и не имѣетъ ровно никакого особеннаго символическаго значенія, а покрывало берется бѣлое только потому, что Мордва вообще до цвѣтнаго не охотница; важно лишь то обстоятельство, что невѣста должна непремѣнно быть покрыта покрываломъ, а это дѣлается ради того, чтобы ее никто не видалъ, не узналъ, не отбилъ. Еще передъ отъѣздомъ изъ дома родителей невѣсты женихъ долженъ одарить всѣхъ ея подругъ, заплатить имъ выкупъ за невѣсту; пока идетъ торгъ между женихомъ и подругами невѣсты, послѣдняя все время сидитъ у печнаго столба, плачетъ, вопитъ и прощается съ родительскимъ домомъ, съ родителями, родственниками и подругами и наконецъ со своею дѣвичьею волею. Въ Бугульминскомъ уѣздѣ Самарской губерніи, по свидѣтельству г. Кронтовскаго, рано утромъ въ день свадьбы женихова родня отправляется къ нему на парахъ и заготовляетъ почетную кибитку для невѣсты; верхъ кибитки дѣлается изъ бѣлаго холста, а внизъ кладутъ имъ сѣно или цѣлую перину пуховую. Изготовивши кибитку и коней, всѣ отправляются въ избу, гдѣ отецъ зажигаетъ передъ иконами свѣчи и приглашаетъ присутствующихъ помолиться о благополучіи будущей семьи; онъ прочитываетъ нѣсколько разъ уже упомянутую молитвенную формулу, а затѣмъ беретъ икону и хлѣбъ и благословляетъ жениха. Поѣзжане между тѣмъ распоряжаются подлѣ печи и въ чуланахъ, откуда по указаніямъ матери жениха забираютъ коровай, пирогъ съ творогомъ, вина, пива и отправляются въ домъ къ невѣстѣ вмѣстѣ съ родителями жениха; при этомъ поѣздъ составляется такъ, что на передней парѣ ѣдутъ отецъ и мать жениха, на слѣдующей—дружки, на слѣдующей наиболѣе близкіе изъ жениховой родни и товарищей его и т. д. Едва только покажется первая пара поѣзда близь дома невѣсты, какъ находящіеся въ домѣ спѣшатъ запереть ворота, дабы не впустить въ домъ людей, собирающихся отнять у нихъ дорогое ихъ сокровище. Родители и дружки слѣзаютъ съ подводъ и направляются къ воротамъ; «что за люди»; спрашиваютъ ихъ со двора; «люди добрые, пришли за добрымъ дѣломъ: отворите!» Не сразу отворяются ворота, такъ какъ ими пользуются какъ придиркою для того, чтобы выпить съ родителей жениха водки; долго идутъ переговоры и обыкновенно за штофъ вина находящіеся во дворѣ отпираютъ, наконецъ, засовъ и впускаютъ жениховъ поѣздъ. Мать

жениха и поѣзжане тотчасъ же приступаютъ къ приборкѣ закуски въ почестномъ мѣстѣ горницы, ставятъ на столъ все, что привезли съ собою и угощаютъ всю невѣстину родню и невѣсту; родня невѣсты послѣ угощенья зазываетъ родителей жениха къ себѣ и начинается хожденіе изъ одной хаты въ другую, причемъ мать жениха въ каждой избѣ обязана оставить по ковригѣ хлѣба, который конечно есть ничто иное, какъ выкупъ за невѣсту. Въ то время, какъ родители жениха ходятъ по родственникамъ невѣсты, эту послѣднюю собираютъ къ вѣнцу; одѣванье продолжается какъ можно дольше, причемъ невѣста должна обязательно не даваться, щипаться и кусаться. Поверхъ всего надѣваютъ на нее сшитый мѣшкомъ шушпанъ, подъ которымъ красуется вышитая разными цвѣтами рубаха; на голову надѣваютъ ей красный гарусный платокъ, а на руки браслеты изъ бѣлой жести и изъ желтой и красной мѣди. Когда, наконецъ, туалетъ невѣсты оконченъ, ее выводятъ въ горницу, ставятъ по серединѣ подъ матицею, совершаютъ обычный молянъ, то вмѣстѣ съ христіанскою молитвою, а то и безъ нея, и затѣмъ благословляютъ невѣсту иконою и ковригою хлѣба. Справивши благословенье, братья невѣсты, а чаще всего жениховы поѣзжане подхватываютъ невѣсту подъ мышки и выносятъ на дворъ къ подводѣ; она не садится, а должна стоять на ногахъ, придерживаемая подругами-дѣвушками. Подъѣхавши къ околицѣ, заправляющій движеніемъ поѣзда дружко кричитъ: «стой!» Всѣ останавливаются; сходятъ съ телѣгъ или саней и подходятъ къ его подводѣ, зная заранѣе, что онъ запасся про этотъ случай и выпивкою и закускою. Пока любители выпиваютъ, невѣста раздаетъ захваченные ею изъ дому подарки своимъ подругамъ; подарки эти состоятъ по большей части изъ платковъ, подавая которые она все время вопитъ и причитаетъ о томъ горѣ, которое она испытываетъ, разставаясь съ подругами своими; каждой дѣвушкѣ должна она причитать что либо особенное. Наконецъ, подходятъ поѣзжане и снимаютъ ее съ экипажа; невѣста бросается въ ноги лошадямъ, проситъ ихъ не помнить зла, сдѣланнаго имъ ею, если она когда нибудь не щадила ихъ и даритъ ихъ платками или лентами, которые тутъ же и вплетаетъ имъ въ холки и гривы. Покончивши причитанье лошадямъ, невѣста спѣшитъ къ той подводѣ, гдѣ сидятъ ея братья, но жениховы поѣзжане подхватываютъ ее подъ мышки

вѣста должна непремѣнно въ день, назначенный для справленія дѣвишника, отправиться дѣлать прощальные визиты своей роднѣ и знакомымъ; визиты эти дѣлаются не ею одною, а ее сопровождаетъ или братъ ея или ближайшій парень родственникъ, чаще же всего двое парней изъ ближайшей родни. У невѣсты ноги обмотаны до такой степени, что она едва можетъ двигаться, но платье на ней не праздничное, такъ какъ свадьба, хотя и утеряла прямое значеніе увоза изъ родительскаго дома силою, тѣмъ не менѣе сохранила въ народномъ воспоминаніи отпечатокъ совершавшагося прежде насилія, а слѣдовательно самое понятіе о выходѣ замужъ исключаетъ возможность ходить въ праздничной одеждѣ и радоваться. При выходѣ невѣсты изъ избы своихъ родителей она должна три раза пригнуться къ землѣ со словами: «*мастырв! мастырв! кирдямаке! варма! варма! ускамакв!*» [1]) (т. е. земля! земля! держи меня! вѣтеръ! вѣтеръ! неси меня). Затѣмъ она беретъ изъ подъ порога щепотку земли и кладетъ ее себѣ за пазуху. Опустивши голову отправляется невѣста по своимъ родственникамъ и знакомымъ и со всѣми прощается, благодаря за выказанное ей ими расположеніе; она объявляетъ имъ, что выходитъ замужъ и плачетъ о своей горькой участи, принуждающей ее покинуть ихъ и начать новую несвободную жизнь; тутъ провожатые подхватываютъ невѣсту подъ мышки и скоро на-скоро выносятъ ее изъ избы, а она идетъ въ слѣдующую и повторяетъ тамъ тоже самое. Роль этихъ провожатыхъ для насъ въ настоящее время совершенно непонятна, хотя сохранившійся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ [2]) обычай избирать для проводовъ невѣсты братьевъ или ближайшихъ родственниковъ жениха и даетъ намъ возможность предполагать, что выносъ невѣсты какъ бы указываетъ на актъ насилія, лежащій въ основѣ древняго мордовскаго брака. Ввечеру пріѣзжаетъ въ избу родителей невѣсты будущій ея свекоръ съ добрымъ запасомъ «*пурэ*»; онъ угощаетъ этимъ напиткомъ родителей невѣсты изъ яблоноваго ковша, который въ прежнее время игралъ важную роль въ молянахъ и жертвоприношеніяхъ, но первый ковшъ онъ подноситъ не-

---

[1]) Кузнецк. уѣздъ, Кемешкерь, Пятаева.

[2]) Нижегор. губ. Ардат. уѣздъ, Макателемъ, Наталья Ревинчина и Арзам. уѣздъ, Кардавеле, Өедоръ Ильцовъ.

вѣстѣ, которая должна выпить весь ковшъ до дна. Будущій свекоръ подаетъ ей ковшъ съ слѣдующими словами: «*Кода пурэ ули цебэрв—цебэрста ерякв! Кода пурэ ули таза—тазаста келгакв! Кода пурэ рескафтаи — рескафтакв озалв! Кода пурэ ули мани—ульхтв мани! Кода комлэ ули козэ лопатненв — ульхтв козэ жабатневв! Кода пурэ ули козэ комлэнь—ульхтв козэ кильдемень!*» (Какъ пурэ хорошо — живи хорошо! Какъ пурэ крѣпко — люби крѣпко! Какъ пурэ боретъ—бори горе! Какъ пурэ чисто будь чиста! Какъ хмѣль богатъ листьями—будь богата дѣтьми! Какъ пурэ богато хмѣлемъ—будь богата скотомъ!) Проговоривъ эту священную формулу, будущій свекоръ обмачиваетъ пальцы въ пурэ и брызгаетъ съ нихъ на невѣсту; затѣмъ подаетъ ей ковшъ, который она и выпиваетъ сразу. Послѣ выполненія этого обряда дѣвушки усаживаются по лавкамъ и принимаются за работу, или же, если дѣлать уже нечего просто поютъ пѣсни и болтаютъ.

VII.

Наступаетъ, наконецъ, день свадьбы, наступаетъ тотъ моментъ, который въ настоящее время, подъ сильнымъ вліяніемъ христіанства, можетъ быть признанъ рѣшительнымъ моментомъ брака. Всѣ обычаи и обряды, исполняющіеся при свадьбѣ проникнуты отпечатками воспоминанія о совершавшемся прежде насиліи, объ увозѣ невѣсты женихомъ; конечно самая свадьба успѣла уже принять видъ домашняго открытаго праздника и обычай скрывать день свадьбы живетъ только въ преданіи, но тѣмъ не менѣе во всякомъ шагѣ, почти во всякомъ словѣ невѣсты проявляется ея нежеланіе выходить замужъ, а родители ея даже вовсе не должны зачастую присутствовать при вѣнчаніи и свадебномъ пирѣ въ воспоминаніе того, что прежде они при всемъ своемъ желаніи не могли участвовать въ свадебныхъ церемоніяхъ, потому что свадьба происходила увозомъ, безъ ихъ вѣдома и чаще всего противъ ихъ воли. Для Городищенскаго уѣзда Пензенской губерніи мы имѣемъ свидѣтельство г. Прозина [1]) о томъ, что невѣсту везутъ къ вѣнцу подъ бѣлымъ покрываломъ, причемъ замѣтимъ, что бѣлый цвѣтъ не игра-

---

[1]) «Пензен. Губ. Вѣд.» 1865, №№ 39 и 40.

етъ здѣсь никакой особенной роли и не имѣетъ ровно никакого особеннаго символическаго значенія, а покрывало берется бѣлое только потому, что Мордва вообще до цвѣтнаго не охотница; важно лишь то обстоятельство, что невѣста должна непремѣнно быть покрыта покрываломъ, а это дѣлается ради того, чтобы ее никто не видалъ, не узналъ, не отбилъ. Еще передъ отъѣздомъ изъ дома родителей невѣсты женихъ долженъ одарить всѣхъ ея подругъ, заплатить имъ выкупъ за невѣсту; пока идетъ торгъ между женихомъ и подругами невѣсты, послѣдняя все время сидитъ у печнаго столба, плачетъ, вопитъ и прощается съ родительскимъ домомъ, съ родителями, родственниками и подругами и наконецъ со своею дѣвичьею волею. Въ Бугульминскомъ уѣздѣ Самарской губерніи, по свидѣтельству г. Кронтовскаго, рано утромъ въ день свадьбы женихова родня отправляется къ нему на парахъ и заготовляетъ почетную кибитку для невѣсты; верхъ кибитки дѣлается изъ бѣлаго холста, а внизъ кладутъ имъ сѣно или цѣлую перину пуховую. Изготовивши кибитку и коней, всѣ отправляются въ избу, гдѣ отецъ зажигаетъ передъ иконами свѣчи и приглашаетъ присутствующихъ помолиться о благополучіи будущей семьи; онъ прочитываетъ нѣсколько разъ уже упомянутую молитвенную формулу, а затѣмъ беретъ икону и хлѣбъ и благословляетъ жениха. Поѣзжане между тѣмъ распоряжаются подлѣ печи и въ чуланахъ, откуда по указаніямъ матери жениха забираютъ коровай, пирогъ съ творогомъ, вина, пива и отправляются въ домъ къ невѣстѣ вмѣстѣ съ родителями жениха; при этомъ поѣздъ составляется такъ, что на передней парѣ ѣдутъ отецъ и мать жениха, на слѣдующей—дружки, на слѣдующей наиболѣе близкіе изъ жениховой родни и товарищей его и т. д. Едва только покажется первая пара поѣзда близь дома невѣсты, какъ находящіеся въ домѣ спѣшатъ запереть ворота, дабы не впустить въ домъ людей, собирающихся отнять у нихъ дорогое ихъ сокровище. Родители и дружки слѣзаютъ съ подводъ и направляются къ воротамъ; «что за люди»; спрашиваютъ ихъ со двора; «люди добрые, пришли за добрымъ дѣломъ: отворите!» Не сразу отворяются ворота, такъ какъ ими пользуются какъ придиркою для того, чтобы выпить съ родителей жениха водки; долго идутъ переговоры и обыкновенно за штофъ вина находящіеся во дворѣ отпираютъ, наконецъ, засовъ и впускаютъ жениховъ поѣздъ. Мать

жениха и поѣзжане тотчасъ же приступаютъ къ приборкѣ закуски въ почестномъ мѣстѣ горницы, ставятъ на столъ все, что привезли съ собою и угощаютъ всю невѣстину родню и невѣсту; родня невѣсты послѣ угощенья зазываетъ родителей жениха къ себѣ и начинается хожденіе изъ одной хаты въ другую, причемъ мать жениха въ каждой избѣ обязана оставить по ковригѣ хлѣба, который конечно есть ничто иное, какъ выкупъ за невѣсту. Въ то время, какъ родители жениха ходятъ по родственникамъ невѣсты, эту послѣднюю собираютъ къ вѣнцу; одѣванье продолжается какъ можно дольше, причемъ невѣста должна обязательно не даваться, щипаться и кусаться. Поверхъ всего надѣваютъ на нее сшитый мѣшкомъ шушпанъ, подъ которымъ красуется вышитая разными цвѣтами рубаха; на голову надѣваютъ ей красный гарусный платокъ, а на руки браслеты изъ бѣлой жести и изъ желтой и красной мѣди. Когда, наконецъ, туалетъ невѣсты оконченъ, ее выводятъ въ горницу, ставятъ по серединѣ подъ матицею, совершаютъ обычный молянъ, то вмѣстѣ съ христіанскою молитвою, а то и безъ нея, и затѣмъ благословляютъ невѣсту иконою и ковригою хлѣба. Справивши благословенье, братья невѣсты, а чаще всего жениховы поѣзжане подхватываютъ невѣсту подъ мышки и выносятъ на дворъ къ подводѣ; она не садится, а должна стоять на ногахъ, придерживаемая подругами-дѣвушками. Подъѣхавши къ околицѣ, заправляющій движеніемъ поѣзда дружко кричитъ: «стой!» Всѣ останавливаются; сходятъ съ телѣгъ или саней и подходятъ къ его подводѣ, зная заранѣе, что онъ запасся про этотъ случай и выпивкою и закускою. Пока любители выпиваютъ, невѣста раздаетъ захваченные ею изъ дому подарки своимъ подругамъ; подарки эти состоятъ по большей части изъ платковъ, подавая которые она все время вопитъ и причитаетъ о томъ горѣ, которое она испытываетъ, разставаясь съ подругами своими; каждой дѣвушкѣ должна она причитать что либо особенное. Наконецъ, подходятъ поѣзжане и снимаютъ ее съ экипажа; невѣста бросается въ ноги лошадямъ, проситъ ихъ не помнить зла, сдѣланнаго имъ ею, если она когда нибудь не щадила ихъ и даритъ ихъ платками или лентами, которые тутъ же и вплетаетъ имъ въ холки и гривы. Покончивши причитанье лошадямъ, невѣста спѣшитъ къ той подводѣ, гдѣ сидятъ ея братья, но жениховы поѣзжане подхватываютъ ее подъ мышки

и несутъ въ подводу будущей ея свекрови; невѣста кричитъ, мечется, дерется и царапается, но вырваться ей конечно не удается, всѣ бросаются по экипажамъ и мчатся что есть духу къ церкви. Пока доѣдутъ еще до церкви, невѣста продѣлываетъ еще одну уловку, хотя будущая свекровь и должна стараться всячески ей препятствовать; невѣста срываетъ съ себя фату и выбрасываетъ ее на дорогу; братья ея быстро останавливаютъ свою пару, соскакиваютъ на земь, подхватываютъ фату и отдаютъ ее только съ выкупомъ, который впрочемъ не бываетъ больше полуштофа водки на брата; все дѣло тутъ въ замедленіи и въ воспоминаніи о томъ времени, когда всякое промедленіе вело за собою опасность быть захваченными и выкупъ фаты былъ дѣйствительнымъ выкупомъ вещественнаго доказательства насильственнаго увоза. Если свекровь ловка, то невѣстѣ и не удается иногда снять и бросить фату; вообще какъ только обычай выполненъ, невѣста выдергиваетъ у себя изъ головы нѣсколько волосъ и пересылаетъ ихъ своей матери. Наконецъ, пріѣзжаютъ въ церковь къ заждавшемуся священнику и справляютъ обрядъ вѣнчанія по уставамъ православной церкви. Когда по окончаніи обряда священникъ предлагаетъ молодымъ поцѣловаться, то молодая старается не даться и бьетъ молодаго по лицу, дабы помѣшать ему; на эту борьбу подходитъ свекоръ, держитъ молодую за плечи и помогаетъ такимъ образомъ сыну въ его первой борьбѣ съ женой. Молодой проситъ жену сѣсть вмѣстѣ съ нимъ, она отказывается, но онъ проситъ только для вида, такъ какъ, наконецъ, схватываетъ ее на руки, сажаетъ къ себѣ и гонитъ лошадей что есть мочи. Подруги невѣсты и дѣвушки изъ жениховой деревни встрѣчаютъ молодыхъ въ воротахъ дома ругательными пѣснями, гдѣ поютъ о всѣхъ закулисныхъ тайнахъ холостой жизни молодаго; это пѣніе не имѣетъ однако оскорбительнаго характера, такъ какъ не спѣть такой пѣсни значитъ оскорбить, напротивъ молодаго, точно у него и грѣшковъ до женитьбы не было, точно никто раньше на него и взглянуть не хотѣлъ, не хотѣлъ полюбить его горемычнаго. Молодой между тѣмъ живо соскакиваетъ съ повозки и бѣжитъ безъ оглядки въ клѣть, гдѣ заблаговременно старухами изготовлено брачное ложе. Молодую вносятъ на рукахъ въ горницу поѣзжане, но здѣсь уже она не борется и не старается помѣшать несущимъ; свекровь встрѣчаетъ ее съ образомъ въ ру-

кахъ, а ближайшая родственница молодаго обсыпаетъ молодую съ головы до ногъ хмѣлемъ; при этомъ несущіе стараются держать молодую такъ, чтобы хмѣль обсыпалъ ее всю. Внеся молодую въ горницу, ее сажаютъ противъ печки, вблизи ея подругъ, которыя не перестаютъ всячески костить молодаго и увѣрять, что у него-то и одна нога короче другой, и бокъ-то кривой, и зубовъ-то нѣтъ, и т. п. Рядомъ съ молодою сидятъ ея братья или же за неимѣніемъ таковыхъ парни изъ ея родни; наконецъ, родня молодаго догадывается почему такъ безконечно тянется ругательная пѣсня дѣвушекъ, подноситъ послѣднимъ водки, но, главнымъ образомъ, угощаетъ братьевъ молодой, которые получаютъ при этомъ даже и незначительные подарки; только этого и ждали: братья бросаются на дѣвушекъ и пинками изгоняютъ ихъ изъ избы. Молодую, по изгнаніи ея подругъ, берутъ подъ руки и ведутъ къ печкѣ, съ тѣмъ, чтобы молодая могла ознакомиться съ нею и войти съ нею въ добрыя отношенія; молодая кланяется печи, проситъ ее не марать, а любить и слушаться; затѣмъ она садится на шестокъ и ей подаютъ на руки ребенка; свекровь подаетъ ей стаканъ пива—пурэ, который молодая выпиваетъ сразу и въ свою очередь подаетъ свекрови ребенка. Смыслъ этого обычая понятенъ вполнѣ безъ всякихъ комментарій. Затѣмъ молодую снова уносятъ въ клѣть къ молодому, который между тѣмъ туда убрался и не смѣетъ показаться оттуда до поры до времени. Невѣста не только не охотно идетъ въ клѣть, но, напротивъ того, всячески старается вырваться изъ рукъ тѣхъ, кто ее несетъ, упрямится; впрочемъ тутъ съ нею не церемонятся, а просто вталкиваютъ въ клѣть и запираютъ двери; черезъ нѣсколько минутъ въ клѣть къ нимъ является сваха со сковородою яичницы и съ виномъ и сама изъ своихъ рукъ кормитъ ихъ и поитъ. Затѣмъ оставляютъ молодыхъ въ покоѣ на полчаса, по прошествіи же этого времени поднимаютъ ихъ съ ложа и выводятъ съ радостью изъ клѣти въ горницу, гдѣ всѣ гости ихъ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ; молодой разноситъ всѣмъ вино и всѣхъ угощаетъ съ поклонами, а молодая разноситъ всѣмъ присутствующимъ подарки, преимущественно своихъ трудовъ. При разносѣ подарковъ она кланяется всякому въ ноги и не поднимаетъ головы съ полу до тѣхъ поръ, пока, выпивши и вытерши ротъ ея подаркомъ, гость не положитъ

руку на ея голову; при этомъ гости считаютъ долгомъ, по силѣ возможности, отдарить чѣмъ нибудь невѣсту, напр. деньгами, а иногда въ силу близкаго родства и любви и скотиной или ульями. Послѣ свадьбы цѣлую недѣлю живутъ молодые вмѣстѣ, а потомъ жена отправляется на гостины къ своимъ родителямъ. Цѣлый годъ она живетъ въ свое удовольствіе, не вступаясь въ хозяйство, не грязня своихъ рукъ никакою работою; цѣлую недѣлю послѣ свадьбы дымъ идетъ коромысломъ въ домахъ молодыхъ и пиръ слѣдуетъ за пиромъ. Въ дружки избирается всегда болѣе или менѣе остроумный человѣкъ, котораго обязанность состоитъ въ постоянной болтовнѣ и остротахъ—это «*каштанъ*», которому и лишняя чарка и лишній сладкій кусокъ и лишній почетъ отъ всей деревни. [1]) Въ Нижегородской губерніи, по словамъ г. Мартынова, передъ свадьбою устраивается въ домѣ невѣсты ѣда и угощенье, а невѣста въ это время сама ѣдетъ къ жениху и раздаетъ подарки своей работы всѣмъ, кто ей на пути встрѣтится. Когда она подъѣзжаетъ къ жениховой хатѣ, дружко подскакиваетъ къ ней, хватаетъ ее на руки и вноситъ въ избу. Женихъ между тѣмъ безъ оглядки убѣгаетъ въ церковь, гдѣ вѣнчаются, а за тѣмъ онъ снова покидаетъ молодую и опять таки бѣгомъ же удираетъ домой, гдѣ и прячется лѣтомъ на погребѣ, а зимою въ клѣти. Посреди двора жениха, предъ возвращеніемъ изъ церкви свадебнаго поѣзда, выставляютъ символы богатства и обилія—кашу и пурэ, а молодую обсыпаютъ хмѣлемъ и накладываютъ на нее вывороченную шубу въ прообразъ все того же обилія и богатства [2]). Въ Краснослободскомъ уѣздѣ Пензенской губерніи у Мокшанъ едва только поднимутъ молодую съ брачнаго ложа, какъ въ окровавленной рубахѣ, если только случится, ведутъ ее къ рѣкѣ; за нею тянется цѣлая процессія: впереди двѣ дѣвки изъ бывшихъ ея подругъ несутъ пустой ушатъ; за ними идетъ старуха съ ковригою хлѣба въ рукахъ, потомъ дружки съ ковшами и наконецъ цѣлая толпа дѣвокъ. На головѣ у молодой лежитъ цѣлая масса полотенецъ и утирокъ, а если бы рубаха ея не была окровавлена, то ее кровавятъ куриною кровью; молодая опирается на двухъ своихъ подругъ и всю дорору кланяется на всѣ

---

[1]) Самар. Губ. Вѣд. 1866 г. № 26.

[2]) Нижегор. Губ. Вѣдом., 1865 г. № 24.

четыре стороны; все время пути на тропинку поливаютъ изъ ковша брагу, «чтобы сладко ей въ новой жизни ходилось». Тутъ на рѣкѣ сказываютъ установленный закономъ молянъ, наливаютъ въ ушатъ воды и прежнимъ порядкомъ возвращаются домой. Тутъ уже въ горницѣ съ молодой снимаютъ полотенца и ударяютъ по головѣ ковригою, причемъ свекровь, даетъ ей новое имя, сообразно съ ея достоинствами; послѣ дачи имени молодую опоясываютъ и заставляютъ отправиться къ печкѣ и печь блины, которыми она угощаетъ гостей, а эти послѣдніе ѣдятъ и похваливаютъ умѣлость молодой хозяйки и спористость ея работы. [1]) Когда поѣздъ отправляется въ церковъ, то дружка останавливаетъ его на пути и обходитъ его три раза съ ножемъ въ рукахъ по всѣмъ вѣроятіямъ ради отогнанія отъ участвующихъ нечистой силы. Въ Саратовской губерніи и слѣдовательно среди той же Мокши существуютъ въ свадебномъ обрядѣ нѣкоторыя особенности, которыя имѣютъ важное значеніе или какъ переживанія древнихъ обычаевъ или же какъ символы тѣхъ отношеній, которыя вытекаютъ для брачущихся изъ брака. Въ день свадьбы дружко и родственники собираются въ домъ къ жениху и отсюда уже ѣдутъ за невѣстою; невѣста въ это время уже совершаетъ сборы, т. е. наряжается по праздничному: на нее надѣваютъ лучшій «панаръ» и шушпанъ и совершенно всю обвѣшиваютъ бусами и висючками (намъ случилось разъ свѣсить коллекцію украшеній одной невѣсты и получить вѣсъ въ 23 фунта). Одѣвшись она садится лицомъ къ печкѣ и начинаетъ съ воплемъ и причитаньемъ прощаться съ родительскимъ домомъ и всѣми находящимися въ немъ вещами; впродолженіи невѣстинаго причитанія женщины подходятъ къ ней, надѣваютъ ей на шею кусокъ холста и подаютъ ковшъ пурэ; невѣста пьетъ сама изъ ковша, а затѣмъ подчуетъ присутствующихъ и дѣлаетъ подарки, состоящіе изъ холста, платковъ, бусъ и колецъ. Между тѣмъ выносятъ мало по малу пожитки невѣсты и укладываютъ въ повозку, въ которой она должна ѣхать; дружко съ краснымъ платкомъ—символомъ чистоты — черезъ плечо помогаетъ сначала укладывать вещи, а затѣмъ беретъ въ руки саблю или косу и примащивается къ кибиткѣ невѣсты въ задокъ. Едва успѣютъ отъѣхать съ пол-

---

[1]) Москов. Унив. Извѣстія 1868 № 4, ст. Примѣрова.

версты отъ дома, какъ дружко останавливаетъ коней и обходитъ вокругъ кибитки съ саблею наголо для отогнанія нечисти; черезъ полверсты новая остановка и такъ до пріѣзда къ дому жениха. При входѣ въ домъ жениха невѣсту встрѣчаетъ старшой дома, который останавливаетъ ее въ дверяхъ и дѣлаетъ топоромъ на косякѣ зарубку, которая должна обозначать новаго члена семьи, вступающаго въ оную. Весь первый годъ послѣ замужества молодую называютъ «*одырава*» или молодая хозяйка (авторъ неправильно записалъ «одерва») или «*ветшава*» т. е. любезная и она ходитъ съ открытою головою; только по прошествіи этого срока надѣваетъ она сороку и дѣлается «*паравою*» т. е. доброю бабою или «*мозавою*»— красивою бабою; вмѣстѣ съ тѣмъ старшая передъ нею невѣстка тоже перемѣняетъ тогда кличку и дѣлается «*сирявою*» («сырава», какъ невѣрно записалъ авторъ) т. е. старою или «*покшавою*» т. е. большою, старшею[1]). Анонимный авторъ разсказываетъ про темниковскую Мокшу[2]), что и тамъ невѣсту закрываютъ красною фатою, для того чтобы ее не испортили злые люди и чтобы нечистая сила не вмѣшалась въ свадьбу. Въ Симбирской губерніи свадьба справляется слѣдующимъ образомъ: жениховы поѣзжане съ дружкою во главѣ еще съ вечера пріѣзжаютъ въ ту деревню, гдѣ живетъ невѣста и останавливаются, если дѣло происходитъ зимою, на особо нанятой квартирѣ, а лѣтомъ — за околицей таборомъ. Рано, рано утромъ они являются къ невѣстиной избѣ и стучатся; конечно имъ отворяютъ, только получивши извѣстный могарычъ; всѣ входятъ въ избу, закусываютъ и выпиваютъ, а невѣста во все время столованья сидитъ въ уголку закрытая съ головою краснымъ платкомъ. Наконецъ, невѣстѣ подаютъ знакъ, что она должна идти проститься съ домашними и едва она послѣ прощанья появляется опять на порогѣ, какъ ее подхватываютъ подъ руки и тащатъ въ повозку, чтобы везти въ церковь. Когда окончится обрядъ вѣнчанья и вернутся уже въ женихову избу, то дружко снимаетъ повозку, на которой ѣдетъ невѣста, со шкворня долой, что конечно должно имѣть извѣстное символическое значеніе по отношенію къ правамъ, получаемымъ молодымъ надъ молодою по окончаніи обряда брака,—и обсыпаетъ

---

[1]) «Сарат. Справ. Листокъ» 1869 г., №№ 53 и 54, ст. Барминскаго.

[2]) «Донъ» 1868 г., №№ 39, 40, 45 и 46, Поѣздка въ Тамбовскую губернію.

молодыхъ хмѣлемъ съ пожеланіемъ, чтобы они были также богаты всѣмъ, какъ хмѣль богатъ лепестками. Во время свадебнаго пира дружко и сваха уводятъ молодыхъ на брачное ложе, изготовленное въ задней избѣ или въ амбарѣ и запираютъ ихъ тамъ на замокъ; дружко часто подбѣгаетъ къ дверямъ и подслушиваетъ; когда онъ примѣтитъ, что молодые задумали уже вставать, то онъ зоветъ сваху и опрометью бѣжитъ отворить дверь. Молодыя одѣваются и выходятъ къ гостямъ, причемъ дружко и сваха объявляютъ нашелъ ли молодой то, чего искалъ; но этотъ послѣдній обычай вѣроятно явился у Мордвы вслѣдствіе русскаго вліянія, такъ какъ молодой не только не горюетъ обыкновенно объ отсутствіи дѣвства, но чаще всего даже знаетъ объ этомъ гораздо раньше сватовства и часто самъ тутъ не безъ участія. Затѣмъ дружко ставитъ молодую къ челу печи и ударяетъ ее по головѣ ковригою хлѣба, причемъ даетъ ей новое имя, которое и остается за нею на всю жизнь [1]). Не менѣе подробное и крайне интересное описаніе Мокшанской свадьбы находимъ мы въ рукописяхъ почтеннѣйшаго знатока Мордовскаго быта архимандрита Макарія для Нижегородской Мокши; при провѣркѣ нами свѣдѣній о. Макарія мы замѣтили, что вездѣ и повсюду Мокша справляетъ свадьбу почти такъ, какъ онъ наблюдалъ въ Нижегородской губерніи. По его словамъ, въ день назначенный для свадьбы отецъ жениха и его родня справляютъ свадебный поѣздъ, причемъ зять жениха исполняетъ роль дружки, а тетка—свахи. Попировавъ немного дома, молятся передъ иконами о ниспосланіи младоженамъ счастья и достатка, справляютъ семейный молянъ съ вырѣзкою «*озондамъ-палъ'а*», благословляютъ жениха на новую жизнь ковригою хлѣба, изъ которой вырѣзанъ «Божій кусокъ», и иконою и затѣмъ отправляются всѣмъ поѣздомъ въ домъ невѣсты, но безъ жениха, который на время лишается возможности повидаться съ предметомъ своихъ вожделѣній. Отъѣхавши немного отъ дома, дружко останавливаетъ поѣздъ и сходитъ со своей повозки; онъ беретъ въ руки икону и съ нею три раза обходитъ вокругъ поѣзда, причемъ избираетъ направленіе противъ солнца; покончивши обходъ, онъ останавливается передъ поѣздомъ, чертитъ ножомъ по землѣ взадъ и впередъ, произнося заклинаніе противъ

---

[1]) Памятная книга Симбирской губерніи 1869 г., ст. Ауновскаго.

нечистой силы и пресѣченія сглаза недобраго человѣка. Когда поѣздъ подъѣзжаетъ къ невѣстиному дому, отецъ невѣсты выходитъ изъ избы и запираетъ ворота, которыя отпираются снова послѣ того, какъ вся родня невѣсты получитъ нѣкоторые подарки, сообразно съ близостью родства своего къ ней. Въѣхавъ въ ворота, родитель и поѣзжане слѣзаютъ съ повозокъ и направляются къ сѣнямъ, но здѣсь ихъ снова задерживаютъ и требуютъ снова уплаты выкупа; уплативъ отъ 30 до 50 коп. жениховцы снова подвигаются впередъ, проходятъ сѣни, но двери въ избу оказываются опять таки запертыми и снова приходится платить копѣекъ 15—20, чтобы родители невѣсты отворили двери и впустили измученныхъ поѣзжанъ въ горницу; какъ сѣнной сборъ, такъ и входной поступаютъ полностью въ пользу отца невѣсты. Взойдя въ горницу и помолясь на иконы, отецъ жениха кладетъ на столъ пудовый хлѣбъ, нарочно для этого случая испеченный, ставитъ вино въ томъ количествѣ, которое раньше было условлено, 2—3 окорока ветчины, горшокъ каши и стопу блиновъ штукъ во сто. Все это хозяйка тотчасъ же убираетъ и помѣщаетъ въ корыто. Затѣмъ всѣ поднимаются и совершаютъ семейный молянъ съ вырѣзкою «озондамъ-палъ'а», который относится подъ порогъ. Послѣ моляна отецъ жениха отдаетъ свату деньги за невѣсту и всѣ садятся за столъ; въ это время въ избу вносятъ большой шестъ, который втыкается однимъ концомъ между матицею и потолкомъ, а на другой конецъ навѣшиваютъ тѣ подарки, которыми будетъ дарить присутствующихъ невѣста. Когда все готово, изъ-за занавѣски появляется невѣста и начинаетъ вопить и причитать о предстоящемъ ей несчастіи; затѣмъ она съ воплями дарить отца, мать, свекра и сверковь рубахами, а остальныхъ, смотря по близости родства и расположенію, платками и другими подарками, преимущественно своей работы; во время даренья она обрѣтается не во всемъ нарядѣ, а только въ одной бѣлой рубахѣ, безъ пояса, съ платкомъ па головѣ, причемъ концы этого платка откинуты назадъ не завязанными; отдарковъ въ этомъ случаѣ не полагается, такъ какъ цѣль подарковъ состоитъ въ томъ, чтобы показать какую трудолюбивую дѣвушку отдаютъ въ чужой домъ и какого добра лишаются съ нею ея родители. Подаривши всѣхъ, кого полагается по обычаю, невѣста снова удаляется за занавѣску въ хозяйственную половину, а на ея мѣсто

изъ-за занавѣски выходитъ въ невѣстиномъ нарядѣ и въ вывороченной на изнанку шубѣ старуха, которая пляшетъ передъ присутствующими, ломается, отпускаетъ разныя остроты; все это конечно заставляетъ присутствующихъ разсмѣяться, а старухѣ только того и нужно было, такъ какъ она объявляетъ, что желаетъ, чтобы всю жизнь невѣста своимъ появленіемъ между людьми возбуждала радость, чтобы вокругъ нея все смѣялось и чтобы сама она улыбалась и смѣялась всю жизнь. Съ этимъ пожеланіемъ старуха уходитъ. Между тѣмъ за занавѣскою идетъ облаченіе невѣсты; на нее надѣваютъ сверхъ панара три шушпана, причемъ послѣдній не подпоясываютъ; дѣвки пользуются при этомъ случаемъ и несутъ къ гостямъ кисточки, которыя и продаютъ желающимъ украсить свои шапки. Нарядивши невѣсту, выводятъ ее въ горницу покрытою краснымъ шелковымъ платкомъ и сажаютъ между жениховою и ея собственною свахою. Всѣ встаютъ со своихъ мѣстъ и справляютъ новый molянъ рожаницѣ (т. е. ведынъ-азыръ-авѣ), которую просятъ благословить будущую женщину, облегчить ей роды и послать ей большое потомство. Затѣмъ отецъ и мать благословляютъ свою дочь и желаютъ ей счастья. Во все время моляна и благословенья у порога горитъ огромная свѣча на подобіе «мірской свѣчи» или, какъ ее называютъ, «салтанъ-истатолцъ», которую, какъ намъ приводилось слышать, не тушатъ до окончанія свадебнаго пира; арх. Макарій не обратилъ вниманія на это обстоятельство. Поѣзжане между тѣмъ выносятъ невѣсту на плечахъ и сажаютъ въ спеціально для этой цѣли приготовленную кибитку, покрытую бѣлымъ полотномъ, вышитымъ разными узорами, и посылаютъ за женихомъ; послѣдняго везутъ на парѣ, лежащаго и прикрытаго кожей, а шляпу его дружко держитъ надъ головою. Мы не станемъ утверждать положительно, но думаемъ, что послѣдній обычай можетъ указывать на существованіе брака или увоза черезъ стороннее лицо, причемъ женихъ даже и не присутствовалъ лично, а давалъ лишь этому стороннему лицу свою шапку, какъ признакъ полномочія. Вокругъ повозки, гдѣ лежитъ несчастный женихъ ѣдутъ дѣвки изъ его родни и поютъ пѣсни, смыслъ которыхъ тотъ, что невѣстина родня хуже жениховой, невѣстина родня ѣстъ по собачьи, а жениховa родня—по господски. Послѣ вѣнца на порогѣ женихова дома молодыхъ встрѣчаетъ мать молодаго и ставитъ молодой на ногу ско-

вороду съ зажженнымъ хмѣлемъ; невѣстка должна сбросить сковороду три раза сряду, причемъ примѣчаютъ, какъ она ее сбрасываетъ: если она сбрасываетъ ее тихо и спокойно, то и вообще значитъ она обладаетъ тихимъ и спокойнымъ нравомъ; если, напротивъ того, она рѣзко освобождаетъ свою ногу отъ горячей сковороды—будетъ невѣстка не уступчива, строптива и крутаго нрава; если сковорода станетъ на дно — жить младоженамъ счастливо и, наоборотъ, если сковорода хотя разъ перепрокинется, то не быть молодымъ счастливыми. Тутъ то свекровь даетъ невѣсткѣ новое имя и пазываетъ ее или «Ветшаи» (любезная), или «Мазаи» (красивая), или «Паваи» (счастливая), или «Тазаи» (здоровая), или же иначе какъ нибудь, какъ ей разсудится за благо. Затѣмъ она беретъ невѣстку за руку и отводитъ къ печкѣ, гдѣ она беретъ хлѣбъ и, ударяя этимъ хлѣбомъ невѣстку по головѣ, проговариваетъ «*Мазаиксз лементсь терктэ*» (авторъ невѣрно записалъ: «мазаиксъ леменецъ пуцань» — что ровно ничего не значитъ по-мокшански), т. е. «Красивою именемъ нарицаю тебя». Затѣмъ свекровь беретъ невѣстку за руки и подводитъ къ печному шестку; невѣстка кладетъ руки на шестокъ ладонями книзу, а свекровь кормитъ ее изъ своихъ рукъ искрошенными яствами и притомъ такъ, чтобы невѣсткѣ не приходилось сдѣлать ни одного движенія. «Какъ печь изъ избы не выходитъ, приговариваетъ свекровь, такъ чтобы и ты не выходила». На этомъ обыкновеніи рѣзко обрываются свѣдѣнія, сообщаемыя почтеннымъ наблюдателемъ, и онъ прямо переходитъ къ описанію послѣдующихъ за свадьбою пировъ, причемъ начинаетъ свое описаніе съ «*горкихз*», т. е. гостинъ родныхъ невѣсты у молодыхъ. Здѣсь отецъ молодаго угощаетъ всѣхъ присутствующихъ виномъ, а молодая—пурэ, причемъ она каждому кланяется въ ноги и не встаетъ съ пола до тѣхъ поръ, пока гость не выпьетъ, не подниметъ ее и взамѣнъ угощенья не поздравитъ ее и не предложитъ ей обычнаго подарка, состоящаго изъ денегъ (коп. 20), сустуга, платка, куска холста или шерстяной матеріи для онучъ. Гости поютъ тѣ пѣсни, что придутъ имъ на умъ, а иногда и пляшутъ. На третій день послѣ свадьбы отцы и матери молодыхъ отправляются на гостины по роднѣ, а молодая справляетъ молянъ «ведьазыравѣ» и «банязыравѣ», принося этимъ богинямъ охранительницамъ жертву. До истеченія шести недѣль со дня свадьбы молодая

ходитъ безъ волосника, а тамъ старшая въ домѣ женщина, будь она свекровь или кто иная, надѣваетъ ей на голову волосникъ и притомъ совершенно особеннымъ образомъ; продѣлавъ подходящій молянъ все той же покровительницѣ женщинъ, старшая въ домѣ влѣзаетъ на крышу, открываетъ хайло, находящееся въ крышѣ для пропуска дыма, черезъ образовавшуюся дыру подаетъ молодой волосникъ со словами: *«бабаникв сянь крясыстз путнезь теть ге путнима мяргезь»*, т. е. женщины-предки такіе на свои головы надѣвали и тебѣ приказали надѣть. Слѣдуетъ замѣтить, что почтенный авторъ не такъ записалъ рѣчь старшой, такъ какъ старшая произноситъ слѣдующее: *«бабынкэ сэ преаса путнязз — тэть путнямa мэрьгасьтз»*, т. е. бабочки-предки такую надѣвали — тебѣ надѣть приказали. Авторъ утверждаетъ, что всѣ описанные имъ обряды совершаются даже и при самокруткахъ, такъ какъ всегда въ концѣ концовъ получается прощеніе, а слѣдовательно для породнившихся наступаетъ пора примиренія [1]). Тотъ же авторъ сообщаетъ, что у Нижегородской Эрзи въ день свадьбы тоже совершается столованье въ домѣ жениха и только по окончаніи этого домашняго пира, поѣзжане отправляются за невѣстою. Женихъ и у Эрзи остается дома и пѣшкомъ и тайкомъ долженъ прибѣжать въ церковь. Родители невѣсты встрѣчаютъ пріѣхавшихъ съ хлѣбомъ-солью, а не такъ враждебно, какъ у Мокши, что ясно указываетъ на значительное измѣненіе въ народныхъ воззрѣніяхъ на бракъ, произшедшихъ по всѣмъ вѣроятіямъ подъ сильнымъ великорусскимъ вліяніемъ; и поѣзжане и родные невѣсты кланяются вереѣ, какъ утверждаетъ авторъ, и послѣ того отправляются въ церковь, причемъ невѣста всю дорогу ѣдетъ стоя, лицомъ назадъ для того, чтобы проститься съ родимыми мѣстами; у церкви поѣзжане снимаютъ невѣсту съ повозки и вносятъ ее въ храмъ на рукахъ; точно также вносятъ ее и въ домъ молодаго послѣ бракосочетанія. У Эрзи Нижегородской новое имя дается молодой только на третій день послѣ свадьбы [2]). Г. Мордовцевъ, описывая мордовскую свадьбу,

---

[1]) Рукоп. архивъ Импер. Русск. Геогр. Общ., папка, «Инородцы», ст. арх. Макарія. Этн. замѣтки о Мордвѣ Мокшанахъ въ Нижегородской губерніи.

[2]) Рукоп. архивъ Импер. Русск. Геогр. Общ., папка, «Инородцы», статья арх. Макарія «О Мордвѣ Эрзянахъ въ Нижегородской губерніи».

которую ему случалось наблюдать въ Саратовской губерніи, свидѣтельствуетъ, что, кромѣ дружки-мужчины, при мордовской свадьбѣ бываетъ еще и дружка-женщина; но мы полагаемъ, что онъ принялъ за дружку сваху, которая имѣется у обоихъ брачущихся. Утромъ невѣста садится къ печи и плачетъ о потерѣ воли; какая нибудь женщина изъ близкихъ ея родственницъ вѣшаетъ ей въ это время на шею цѣлую охапку холстовъ, полотенецъ и платковъ, а въ руки даетъ ей деревянный стаканъ и кувшинъ съ брагою; невѣста обходитъ свою родню, подноситъ каждому браги и даритъ при этомъ мужчинъ холстомъ и полотенцами, а женщинъ — мѣдными кольцами, браслетами и платками. По окончаніи этого обряда выносятъ въ повозку пожитки невѣсты и выводятъ невѣсту съ головою покрытою краснымъ платкомъ; дружко примащивается въ невѣстину повозку съ саблей въ рукахъ и съ краснымъ платкомъ на рукахъ. Едва успѣетъ поѣздъ отъѣхать немного отъ дома, какъ дружко останавливаетъ всѣхъ и очерчиваетъ саблею вокругъ поѣзда кругъ; черезъ нѣсколько времени новая остановка и новое очерчиваніе поѣзда. Послѣ свадьбы всѣ отправляются въ домъ жениха и при входѣ молодой старшой дѣлаетъ на косякѣ зарубку топоромъ, означающую вступленіе въ семью новаго члена. Цѣлый годъ молодая ходитъ съ непокрытою головою, а черезъ годъ совершается надъ нею обрядъ надѣванія кички, описываемый архимандритомъ Макаріемъ [1]).

Фуксъ разсказываетъ о чистопольской Мордвѣ [2]), что въ день свадьбы женихъ съ поѣздомъ отправляется за невѣстою. Невѣстины родные и избранныя для церемоніи лица, сидѣвшія до пріѣзда жениха впереди за столомъ, уступаютъ почетныя мѣста жениху съ его поѣздомъ, а сами садятся у дверей. Когда всѣ усядутся, братья, а ежели ихъ нѣтъ, то ближніе родные, но непремѣнно парни, складываютъ руки и, какъ на носилки посадивъ невѣсту, носятъ ее по всему дому и по двору; заносятъ во всякую клѣтушку и амбарушку и даже въ хлѣвы къ скотинѣ. Она, бѣдная, должна на всякомъ мѣстѣ и во всякомъ углу горько

---

[1]) Памят. книга Сарат. губ. 1858 г., ст. Мордовцева.

[2]) Журналъ Министер. Внутр. Дѣлъ 1839 г., часть 34.

плакать. Послѣ такого необыкновеннаго путешествія вносятъ невѣсту въ избу. Женихъ встаетъ съ своего мѣста, беретъ ее за руку и ведетъ въ кибитку, гдѣ невѣстина сваха давно уже ее ожидала, опасаясь, чтобы женихова сваха не успѣла сѣсть въ невѣстину кибитку, такъ какъ это предвѣщало бы несчастную жизнь молодымъ. Женихъ садится на козлы съ дружкою и беретъ въ руки возжи, завертывая ихъ въ платокъ. Выѣхавши изъ воротъ, оборачиваютъ невѣстину кибитку и всѣ подводы напротивъ воротъ; тогда выходятъ отецъ и мать невѣсты съ виномъ и пивомъ и всѣхъ обносятъ и подчуютъ со слезами. Оборотъ передкомъ къ воротамъ напоминаетъ, конечно, объ утратившемся обычаѣ моленья Кардась-сярко. По пріѣздѣ въ домъ жениха, опять останавливаются передъ воротами, изъ которыхъ отецъ и мать жениховы также выходятъ съ угощеніемъ. Наконецъ, въѣзжаютъ во дворъ жениха; женихова сваха вынимаетъ невѣсту изъ кибитки, а дружко беретъ жениха и оба ведутъ ихъ въ нарочно приготовленный покой, гдѣ читается надъ ними молитва и испрашивается новобрачнымъ благословеніе Божіе, счастіе, богатство, изобиліе въ скотѣ и хлѣбѣ, а также и многочадіе. По окончаніи молитвы молодые кланяются въ землю; совершающій обрядъ становится на колѣни, кладетъ обѣ руки на головы новобрачныхъ и тѣмъ обрядъ вѣнчанія оканчивается. Женихова сваха поднимаетъ новобрачную, а дружко—ея мужа и уводятъ – молодаго въ избу, а молодую въ клѣть; здѣсь снимаютъ съ нея дѣвичью одежду и надѣваютъ женскую, потомъ приводятъ мужа и оставляютъ новобрачныхъ однихъ. Впослѣдствіи вводятъ молодыхъ въ избу, приготовленную для свадебнаго пиршества. Тутъ молодая начинаетъ разносить подарки свекру, свекрови и всѣмъ роднымъ, становясь передъ каждымъ на колѣни, съ чашкою пива, въ которую прихлебывая кладутъ деньги, сколько кому заблагоразсудится. Свадебные пиры продолжаются дня три, четыре, а иногда и цѣлую недѣлю, смотря по богатству новобрачныхъ. Такъ какъ мордовскія свадьбы бываютъ преимущественно въ началѣ іюля предъ сѣнокосомъ, то молодая, проживши нѣсколько дней у мужа, уѣзжаетъ на все рабочее время обратно къ отцу и возвращается къ мужу не прежде, какъ у отца кончитъ даже молотьбу. Мужъ нерѣдко ее посѣщаетъ. Колокольчики, бубенчики и погремушки отличаютъ богатую свадьбу. Обычай таскать невѣсту въ день

свадьбы на рукахъ по всѣмъ угламъ сохранился и у крещеной Мордвы во всей своей чистотѣ.

Въ Саратовской губерніи, по словамъ о. Архангельскаго [1]), послѣ назначенія дня бракосочетанія, въ домѣ жениха обыкновенно собирается поѣздъ, который состоитъ изъ дружка и поѣзжанъ, а въ домѣ отца невѣсты тоже производятся сборы къ вѣнцу. По изготовленіи поѣзда въ домѣ жениха и по снаряженіи дѣвушки къ вѣнцу совершается благословеніе ихъ родителями. Какъ только отецъ невѣсты возьметъ съ божницы образъ, невѣста начинаетъ вопить: «*Тэмакз басловаданда монь, тятякай, эрмсь аштимсь; а басловадандамакз ровжа модасз!*» т. е. не благословляй меня, батюшка, жить и быть, а благослови меня въ черную землю. Послѣ этого привѣта дочери отецъ, благословляя ее. говоритъ: «*сырнень стирьней! эрякз шумбраста кулцынакз атявизицинь; а мирдицынь сембеда лама и кульцынакз келькз кыкз* (?)», т. е. золотая дочка! живи здорово, повинуйся свекру и свекрови, а мужа больше слушайся, и люби. Образъ, которымъ благословляютъ, остается въ домѣ родителей, а вмѣсто него отпускаютъ ее съ хлѣбомъ-солью, съ двумя только свахами и съ однимъ возничимъ, на одной парѣ. Женихъ также, по благословеніи его отцомъ, отправляется съ поѣздомъ въ церковь. Послѣ вѣнца изъ церкви поѣздъ съ женихомъ и невѣстою отправляется въ домъ жениха, гдѣ встрѣчаютъ молодыхъ отецъ и мать съ хлѣбомъ-солью и въ воротахъ обсыпаютъ ихъ хмѣлемъ, а на крыльцѣ кропятъ водою съ чистаго вѣника. Давши побыть молодымъ въ избѣ, отводятъ ихъ въ амбаръ и кормятъ тамъ яичницею (символъ плодовитости) съ одной ложки. Вышедши изъ амбара даютъ имъ въ руки по кувшинчику съ водою и вокругъ нихъ начинаютъ плясать сначала поѣзжане, а потомъ сваха, снявъ съ молодой застежку (сюлгама), бросаетъ ее отъ себя на-отмашъ (снять застежку символически прообразуетъ лишеніе дѣвства) и послѣ привѣтствуетъ ее слѣдующимъ образомъ: «*Адэ, эрвэне, оцю кшинь панима, пси ламинь пидима!*» т. е. иди, невѣстка, большой хлѣбъ печи, горячи щи варити! Затѣмъ, введши молодыхъ въ избу, заставляютъ ихъ подносить всѣмъ брагу; брагу разноситъ молодая, а молодой стоитъ подлѣ нея и, поднеся каждому гостю, до тѣхъ поръ

[1]) «Сарат. Губ. Вѣд.» 1845 г., № 52.

лежитъ въ ногахъ, пока гость не выпьетъ до дна. Тутъ отводятъ ихъ опять въ амбаръ и оставляютъ спать до утра. По утру молодая, вставши раньше всѣхъ, вопитъ, причитая всѣмъ своимъ роднымъ слѣдующимъ образомъ: «*Пора стемсв лэпэ вастаста, туидань кукусв кукаи, а ке лувсв колги; тинь тутада эсь кудазантв, а монь катсамасть ломанькутсь; азамасть ялганенди авантсти кучаза горянинь монь день афв ульхтв корхтань ялгайне!*» или: «пора знать вставать съ мягкой постели; весенняя кукушечка кукуетъ, а бѣлая береза сокъ пускаетъ; вы пойдете домой, а меня покидаете въ домѣ (чужихъ) людей; отошлите горемычные мои колокольчики съ матушкою подружкамъ, а мнѣ не будетъ ужъ подругъ — разговаривать.

Въ Симбирской губерніи, по словамъ г. Орлова [1]), наканунѣ брака являются въ домъ жениха званые поѣзжане, также съ приносами, какъ то: печенаго хлѣба, поросятъ, баранины, свинины и пр. Для того, чтобы жениха не сглазили и не испортили злые люди, каждый изъ поѣзжанъ долженъ воткнуть себѣ подъ кафтанъ иглу, Изъ поѣзжанъ избирается *уредей* (дружко) и *покшв-кудо* (поддружко). Обязанность дружка - водить жениха подъ руки и беречь отъ порчи; обязанность поддружка раздѣлять въ извѣстное, обычаемъ установленное, время деньги подругамъ невѣсты и женщинамъ, наряжающимъ невѣсту къ вѣнцу. Передъ отъѣздомъ за невѣстою сваха жениха поетъ: «А вы 77 поѣзжанъ, какъ чистые, вы, орѣхи, какъ горохъ, вы хорошіе, подойдите ко мнѣ ближе, обступите меня кругомъ! Давно насъ ждетъ невѣста, глаза ея на дворѣ — однѣ руки остались на окошкѣ; гладкая голова ея, со скуки объ насъ, перепуталась, бѣлая рубаха почернѣла». Вмѣстѣ съ поѣзжанами воспитатели жениха отправляютъ въ домъ невѣсты часть вина и пива, по условію, коровай печенаго хлѣба, два пирога: долгій (той бряка) и круглый, съ рѣшето величиною (луонь кше). Этотъ послѣдній пирогъ начиняется слоями каши, яичницы, творога, картофеля и проч. Поверхъ слоевъ начинки въ пирогъ кладутъ три яйца, а на верхней коркѣ его дѣлается изъ тѣста утка. Эту утку сваха должна украсть въ домѣ невѣсты или, по крайней мѣрѣ, подкупить подругъ невѣсты къ похищенію утки, которая служитъ сим-

---

[1]) Матер. для истор. и стат. Симбир. губ., 1868 г., выпускъ II.

версты отъ дома, какъ дружко останавливаетъ коней и обходитъ вокругъ кибитки съ саблею наголо для отогнанія нечисти; черезъ полверсты новая остановка и такъ до пріѣзда къ дому жениха. При входѣ въ домъ жениха невѣсту встрѣчаетъ старшой дома, который останавливаетъ ее въ дверяхъ и дѣлаетъ топоромъ на косякѣ зарубку, которая должна обозначать новаго члена семьи, вступающаго въ оную. Весь первый годъ послѣ замужества молодую называютъ «*одырава*» или молодая хозяйка (авторъ неправильно записалъ «одерва») или «*ветиава*» т. е. любезная и она ходитъ съ открытою головою; только по прошествіи этого срока надѣваетъ она сороку и дѣлается «*паравою*» т. е. доброю бабою или «*мозавою*»— красивою бабою; вмѣстѣ съ тѣмъ старшая передъ нею невѣстка тоже перемѣняетъ тогда кличку и дѣлается «*сирявою*» («сырава», какъ невѣрно записалъ авторъ) т. е. старою или «*покшавою*» т. е. большою, старшею [1]). Анонимный авторъ разсказываетъ про темниковскую Мокшу [2]), что и тамъ невѣсту закрываютъ красною фатою, для того чтобы ее не испортили злые люди и чтобы нечистая сила не вмѣшалась въ свадьбу. Въ Симбирской губерніи свадьба справляется слѣдующимъ образомъ: жениховы поѣзжане съ дружкою во главѣ еще съ вечера пріѣзжаютъ въ ту деревню, гдѣ живетъ невѣста и останавливаются, если дѣло происходитъ зимою, на особо нанятой квартирѣ, а лѣтомъ — за околицей таборомъ. Рано, рано утромъ они являются къ невѣстиной избѣ и стучатся; конечно имъ отворяютъ, только получивши извѣстный могарычъ; всѣ входятъ въ избу, закусываютъ и выпиваютъ, а невѣста во все время столованья сидитъ въ уголку закрытая съ головою краснымъ платкомъ. Наконецъ, невѣстѣ подаютъ знакъ, что она должна идти проститься съ домашними и едва она послѣ прощанья появляется опять на порогѣ, какъ ее подхватываютъ подъ руки и тащатъ въ повозку, чтобы везти въ церковь. Когда окончится обрядъ вѣнчанья и вернутся уже въ женихову избу, то дружко снимаетъ повозку, на которой ѣдетъ невѣста, со шкворня долой, что конечно должно имѣть извѣстное символическое значеніе по отношенію къ правамъ, получаемымъ молодымъ надъ молодою по окончаніи обряда брака,—и обсыпаетъ

[1]) «Сарат. Справ. Листокъ» 1869 г., №№ 53 и 54, ст. Барминскаго.

[2]) «Донъ» 1868 г., №№ 39, 40, 45 и 46, Поѣздка въ Тамбовскую губернію.

молодыхъ хмѣлемъ съ пожеланіемъ, чтобы они были также богаты всѣмъ, какъ хмѣль богатъ лепестками. Во время свадебнаго пира дружко и сваха уводятъ молодыхъ на брачное ложе, изготовленное въ задней избѣ или въ амбарѣ и запираютъ ихъ тамъ на замокъ; дружко часто подбѣгаетъ къ дверямъ и подслушиваетъ; когда онъ примѣтитъ, что молодые задумали уже вставать, то онъ зоветъ сваху и опрометью бѣжитъ отворить дверь. Молодыя одѣваются и выходятъ къ гостямъ, причемъ дружко и сваха объявляютъ нашелъ ли молодой то, чего искалъ; но этотъ послѣдній обычай вѣроятно явился у Мордвы вслѣдствіе русскаго вліянія, такъ какъ молодой не только не горюетъ обыкновенно объ отсутствіи дѣвства, но чаще всего даже знаетъ объ этомъ гораздо раньше сватовства и часто самъ тутъ не безъ участія. Затѣмъ дружко ставитъ молодую къ челу печи и ударяетъ ее по головѣ ковригою хлѣба, причемъ даетъ ей новое имя, которое и остается за нею на всю жизнь [1]). Не менѣе подробное и крайне интересное описаніе Мокшанской свадьбы находимъ мы въ рукописяхъ почтеннѣйшаго знатока Мордовскаго быта архимандрита Макарія для Нижегородской Мокши; при провѣркѣ нами свѣдѣній о. Макарія мы замѣтили, что вездѣ и повсюду Мокша справляетъ свадьбу почти такъ, какъ онъ наблюдалъ въ Нижегородской губерніи. По его словамъ, въ день назначенный для свадьбы отецъ жениха и его родня справляютъ свадебный поѣздъ, причемъ зять жениха исполняетъ роль дружки, а тетка—свахи. Попировавъ немного дома, молятся передъ иконами о ниспосланіи младоженамъ счастья и достатка, справляютъ семейный молянъ съ вырѣзкою «*озондамз-палз'а*», благословляютъ жениха на новую жизнь ковригою хлѣба, изъ которой вырѣзанъ «Божій кусокъ», и иконою и затѣмъ отправляются всѣмъ поѣздомъ въ домъ невѣсты, но безъ жениха, который на время лишается возможности повидаться съ предметомъ своихъ вожделѣній. Отъѣхавши немного отъ дома, дружко останавливаетъ поѣздъ и сходитъ со своей повозки; онъ беретъ въ руки икону и съ нею три раза обходитъ вокругъ поѣзда, причемъ избираетъ направленіе противъ солнца; покончивши обходъ, онъ останавливается передъ поѣздомъ, чертитъ ножомъ по землѣ взадъ и впередъ, произнося заклинаніе противъ

[1]) Памятная книга Симбирской губерніи 1869 г., ст. Ауновскаго.

нечистой силы и пресѣченія сглаза недобраго человѣка. Когда поѣздъ подъѣзжаетъ къ невѣстиному дому, отецъ невѣсты выходитъ изъ избы и запираетъ ворота, которыя отпираются снова послѣ того, какъ вся родня невѣсты получитъ нѣкоторые подарки, сообразно съ близостью родства своего къ ней. Въѣхавъ въ ворота, родитель и поѣзжане слѣзаютъ съ повозокъ и направляются къ сѣнямъ, но здѣсь ихъ снова задерживаютъ и требуютъ снова уплаты выкупа; уплативъ отъ 30 до 50 коп. жениховцы снова подвигаются впередъ, проходятъ сѣни, но двери въ избу оказываются опять таки запертыми и снова приходится платить копѣекъ 15—20, чтобы родители невѣсты отворили двери и впустили измученныхъ поѣзжанъ въ горницу; какъ сѣнной сборъ, такъ и входной поступаютъ полностью въ пользу отца невѣсты. Взойдя въ горницу и помолясь на иконы, отецъ жениха кладетъ на столъ пудовый хлѣбъ, нарочно для этого случая испеченный, ставитъ вино въ томъ количествѣ, которое раньше было условлено, 2—3 окорока ветчины, горшокъ каши и стопу блиновъ штукъ во сто. Все это хозяйка тотчасъ же убираетъ и помѣщаетъ въ корыто. Затѣмъ всѣ поднимаются и совершаютъ семейный молянъ съ вырѣзкою «озондамъ-палъ'а», который относится подъ порогъ. Послѣ моляна отецъ жениха отдаетъ свату деньги за невѣсту и всѣ садятся за столъ; въ это время въ избу вносятъ большой шестъ, который втыкается однимъ концомъ между матицею и потолкомъ, а на другой конецъ навѣшиваютъ тѣ подарки, которыми будетъ дарить присутствующихъ невѣста. Когда все готово, изъ-за занавѣски появляется невѣста и начинаетъ вопить и причитать о предстоящемъ ей несчастіи; затѣмъ она съ воплями даритъ отца, мать, свекра и сверковь рубахами, а остальныхъ, смотря по близости родства и расположенію, платками и другими подарками, преимущественно своей работы; во время даренья она обрѣтается не во всемъ нарядѣ, а только въ одной бѣлой рубахѣ, безъ пояса, съ платкомъ на головѣ, причемъ концы этого платка откинуты назадъ не завязанными; отдарковъ въ этомъ случаѣ не полагается, такъ какъ цѣль подарковъ состоитъ въ томъ, чтобы показать какую трудолюбивую дѣвушку отдаютъ въ чужой домъ и какого добра лишаются съ нею ея родители. Подаривши всѣхъ, кого полагается по обычаю, невѣста снова удаляется за занавѣску въ хозяйственную половину, а на ея мѣсто

изъ-за занавѣски выходитъ въ невѣстиномъ нарядѣ и въ вывороченной на изнанку шубѣ старуха, которая пляшетъ передъ присутствующими, ломается, отпускаетъ разныя остроты; все это конечно заставляетъ присутствующихъ разсмѣяться, а старухѣ только того и нужно было, такъ какъ она объявляетъ, что желаетъ, чтобы всю жизнь невѣста своимъ появленіемъ между людьми возбуждала радость, чтобы вокругъ нея все смѣялось и чтобы сама она улыбалась и смѣялась всю жизнь. Съ этимъ пожеланіемъ старуха уходитъ. Между тѣмъ за занавѣскою идетъ облаченіе невѣсты; на нее надѣваютъ сверхъ панара три шушпана, причемъ послѣдній не подпоясываютъ; дѣвки пользуются при этомъ случаемъ и несутъ къ гостямъ кисточки, которыя и продаютъ желающимъ украсить свои шапки. Нарядивши невѣсту, выводятъ ее въ горницу покрытою краснымъ шелковымъ платкомъ и сажаютъ между жениховою и ея собственною свахою. Всѣ встаютъ со своихъ мѣстъ и справляютъ новый молянъ рожаницѣ (т. е. ведынъ-азыръ-авѣ), которую просятъ благословить будущую женщину, облегчить ей роды и послать ей большое потомство. Затѣмъ отецъ и мать благословляютъ свою дочь и желаютъ ей счастья. Во все время моляна и благословенья у порога горитъ огромная свѣча на подобіе «мірской свѣчи» или, какъ ее называютъ, «салтанъ-истатолцъ», которую, какъ намъ приводилось слышать, не тушатъ до окончанія свадебнаго пира; арх. Макарій не обратилъ вниманія на это обстоятельство. Поѣзжане между тѣмъ выносятъ невѣсту на плечахъ и сажаютъ въ спеціально для этой цѣли приготовленную кибитку, покрытую бѣлымъ полотномъ, вышитымъ разными узорами, и посылаютъ за женихомъ; послѣдняго везутъ на парѣ, лежащаго и прикрытаго кожей, а шляпу его дружко держитъ надъ головою. Мы не станемъ утверждать положительно, но думаемъ, что послѣдній обычай можетъ указывать на существованіе брака или увоза черезъ стороннее лицо, причемъ женихъ даже и не присутствовалъ лично, а давалъ лишь этому стороннему лицу свою шапку, какъ признакъ полномочія. Вокругъ повозки, гдѣ лежитъ несчастный женихъ ѣдутъ дѣвки изъ его родни и поютъ пѣсни, смыслъ которыхъ тотъ, что невѣстина родня хуже жениховой, невѣстина родня ѣстъ по собачьи, а женихова родня—по господски. Послѣ вѣнца на порогѣ женихова дома молодыхъ встрѣчаетъ мать молодаго и ставитъ молодой на ногу ско-

нечистой силы и пресѣченія сглаза недобраго человѣка. Когда поѣздъ подъѣзжаетъ къ невѣстиному дому, отецъ невѣсты выходитъ изъ избы и запираетъ ворота, которыя отпираются снова послѣ того, какъ вся родня невѣсты получитъ нѣкоторые подарки, сообразно съ близостью родства своего къ ней. Въѣхавъ въ ворота, родитель и поѣзжане слѣзаютъ съ повозокъ и направляются къ сѣнямъ, но здѣсь ихъ снова задерживаютъ и требуютъ снова уплаты выкупа; уплативъ отъ 30 до 50 коп. жениховцы снова подвигаются впередъ, проходятъ сѣни, но двери въ избу оказываются опять таки запертыми и снова приходится платить копѣекъ 15—20, чтобы родители невѣсты отворили двери и впустили измученныхъ поѣзжанъ въ горницу; какъ сѣнной сборъ, такъ и входной поступаютъ полностью въ пользу отца невѣсты. Взойдя въ горницу и помолясь на иконы, отецъ жениха кладетъ на столъ пудовый хлѣбъ, нарочно для этого случая испеченный, ставитъ вино въ томъ количествѣ, которое раньше было условлено, 2—3 окорока ветчины, горшокъ каши и стопу блиновъ штукъ во сто. Все это хозяйка тотчасъ же убираетъ и помѣщаетъ въ корыто. Затѣмъ всѣ поднимаются и совершаютъ семейный молянъ съ вырѣзкою «озондамъ-палъ'а», который относится подъ порогъ. Послѣ моляна отецъ жениха отдаетъ свату деньги за невѣсту и всѣ садятся за столъ; въ это время въ избу вносятъ большой шестъ, который втыкается однимъ концомъ между матицею и потолкомъ, а на другой конецъ навѣшиваютъ тѣ подарки, которыми будетъ дарить присутствующихъ невѣста. Когда все готово, изъ-за занавѣски появляется невѣста и начинаетъ вопить и причитать о предстоящемъ ей несчастіи; затѣмъ она съ воплями даритъ отца, мать, свекра и свекровь рубахами, а остальныхъ, смотря по близости родства и расположенію, платками и другими подарками, преимущественно своей работы; во время даренья она обрѣтается не во всемъ нарядѣ, а только въ одной бѣлой рубахѣ, безъ пояса, съ платкомъ на головѣ, причемъ концы этого платка откинуты назадъ не завязанными; отдарковъ въ этомъ случаѣ не полагается, такъ какъ цѣль подарковъ состоитъ въ томъ, чтобы показать какую трудолюбивую дѣвушку отдаютъ въ чужой домъ и какого добра лишаются съ нею ея родители. Подаривши всѣхъ, кого полагается по обычаю, невѣста снова удаляется за занавѣску въ хозяйственную половину, а на ея мѣсто

изъ-за занавѣски выходитъ въ невѣстиномъ нарядѣ и въ вывороченной на изнанку шубѣ старуха, которая пляшетъ передъ присутствующими, ломается, отпускаетъ разныя остроты; все это конечно заставляетъ присутствующихъ разсмѣяться, а старухѣ только того и нужно было, такъ какъ она объявляетъ, что желаетъ, чтобы всю жизнь невѣста своимъ появленіемъ между людьми возбуждала радость, чтобы вокругъ нея все смѣялось и чтобы сама она улыбалась и смѣялась всю жизнь. Съ этимъ пожеланіемъ старуха уходитъ. Между тѣмъ за занавѣскою идетъ облаченіе невѣсты; на нее надѣваютъ сверхъ панара три шушпана, причемъ послѣдній не подпоясываютъ; дѣвки пользуются при этомъ случаемъ и несутъ къ гостямъ кисточки, которыя и продаютъ желающимъ украсить свои шапки. Нарядивши невѣсту, выводятъ ее въ горницу покрытою краснымъ шелковымъ платкомъ и сажаютъ между жениховою и ея собственною свахою. Всѣ встаютъ со своихъ мѣстъ и справляютъ новый молянъ рожаницѣ (т. е. ведынъ-азыръ-авѣ), которую просятъ благословить будущую женщину, облегчить ей роды и послать ей большое потомство. Затѣмъ отецъ и мать благословляютъ свою дочь и желаютъ ей счастья. Во все время моляна и благословенья у порога горитъ огромная свѣча на подобіе «мірской свѣчи» или, какъ ее называютъ, «салтанъ-истатолцъ», которую, какъ намъ приводилось слышать, не тушатъ до окончанія свадебнаго пира; арх. Макарій не обратилъ вниманія на это обстоятельство. Поѣзжане между тѣмъ выносятъ невѣсту на плечахъ и сажаютъ въ спеціально для этой цѣли приготовленную кибитку, покрытую бѣлымъ полотномъ, вышитымъ разными узорами, и посылаютъ за женихомъ; послѣдняго везутъ на парѣ, лежащаго и прикрытаго кожей, а шляпу его дружко держитъ надъ головою. Мы не станемъ утверждать положительно, но думаемъ, что послѣдній обычай можетъ указывать на существованіе брака или увоза черезъ стороннее лицо, причемъ женихъ даже и не присутствовалъ лично, а давалъ лишь этому стороннему лицу свою шапку, какъ признакъ полномочія. Вокругъ повозки, гдѣ лежитъ несчастный женихъ ѣдутъ дѣвки изъ его родни и поютъ пѣсни, смыслъ которыхъ тотъ, что невѣстина родня хуже жениховой, невѣстина родня ѣстъ по собачьи, а женихова родня—по господски. Послѣ вѣнца на порогѣ женихова дома молодыхъ встрѣчаетъ мать молодаго и ставитъ молодой на ногу ско-

вороду съ зажженнымъ хмѣлемъ; невѣстка должна сбросить сковороду три раза сряду, причемъ примѣчаютъ, какъ она ее сбрасываетъ: если она сбрасываетъ ее тихо и спокойно, то и вообще значитъ она обладаетъ тихимъ и спокойнымъ нравомъ; если, напротивъ того, она рѣзко освобождаетъ свою ногу отъ горячей сковороды—будетъ невѣстка не уступчива, строптива и крутаго нрава; если сковорода станетъ на дно — жить младоженамъ счастливо и, наоборотъ, если сковорода хотя разъ перепрокинется, то не быть молодымъ счастливыми. Тутъ то свекровь даетъ невѣсткѣ новое имя и называетъ ее или «Ветшан» (любезная), или «Мазан» (красивая), или «Паван» (счастливая), или «Тазан» (здоровая), или же иначе какъ нибудь, какъ ей разсудится за благо. Затѣмъ она беретъ невѣстку за руку и отводитъ къ печкѣ, гдѣ она беретъ хлѣбъ и, ударяя этимъ хлѣбомъ невѣстку по головѣ, проговариваетъ «*Мазаиксь лементсь теркэтэ*» (авторъ невѣрно записалъ: «мазаиксъ лemенецъ пуцанъ» — что ровно ничего не значитъ по-мокшански), т. е. «Красивою именемъ нарицаю тебя». Затѣмъ свекровь беретъ невѣстку за руки и подводитъ къ печному шестку; невѣстка кладетъ руки на шестокъ ладонями книзу, а свекровь кормитъ ее изъ своихъ рукъ искрошенными яствами и притомъ такъ, чтобы невѣсткѣ не приходилось сдѣлать ни одного движенія. «Какъ печь изъ избы не выходитъ, приговариваетъ свекровь, такъ чтобы и ты не выходила». На этомъ обыкновеніи рѣзко обрываются свѣдѣнія, сообщаемыя почтеннымъ наблюдателемъ, и онъ прямо переходитъ къ описанію послѣдующихъ за свадьбою пировъ, причемъ начинаетъ свое описаніе съ «*горкихъ*», т. е. гостинъ родныхъ невѣсты у молодыхъ. Здѣсь отецъ молодаго угощаетъ всѣхъ присутствующихъ виномъ, а молодая—пурэ, причемъ она каждому кланяется въ ноги и не встаетъ съ пола до тѣхъ поръ, пока гость не выпьетъ, не подниметъ ее и взамѣнъ угощенья не поздравитъ ее и не предложитъ ей обычнаго подарка, состоящаго изъ денегъ (коп. 20), сустуга, платка, куска холста или шерстяной матеріи для онучъ. Гости поютъ тѣ пѣсни, что придутъ имъ на умъ, а иногда и пляшутъ. На третій день послѣ свадьбы отцы и матери молодыхъ отправляются на гостины по роднѣ, а молодая справляетъ молянъ «ведьазыравѣ» и «банязыравѣ», принося этимъ богинямъ охранительницамъ жертву. До истеченія шести недѣль со дня свадьбы молодая

ходитъ безъ волосника, а тамъ старшая въ домѣ женщина, будь она свекровь или кто иная, надѣваетъ ей на голову волосникъ и притомъ совершенно особеннымъ образомъ; продѣлавъ подходящій молянъ все той же покровительницѣ женщинъ, старшая въ домѣ влѣзаетъ на крышу, открываетъ хайло, находящееся въ крышѣ для пропуска дыма, черезъ образовавшуюся дыру подаетъ молодой волосникъ со словами: *«бабанике сянь крясыстъ путнезь теть ге путнима мяргезь»*, т. е. женщины-предки такіе на свои головы надѣвали и тебѣ приказали надѣть. Слѣдуетъ замѣтить, что почтенный авторъ не такъ записалъ рѣчь старшой, такъ какъ старшая произноситъ слѣдующее: *«бабынкэ сэ преаса путнязъ — тэть путнямa мэрьгасьтъ»*, т. е. бабочки-предки такую надѣвали — тебѣ надѣть приказали. Авторъ утверждаетъ, что всѣ описанные имъ обряды совершаются даже и при самокруткахъ, такъ какъ всегда въ концѣ концовъ получается прощеніе, а слѣдовательно для породнившихся наступаетъ пора примиренія [1]). Тотъ же авторъ сообщаетъ, что у Нижегородской Эрзи въ день свадьбы тоже совершается столованье въ домѣ жениха и только по окончаніи этого домашняго пира, поѣзжане отправляются за невѣстою. Женихъ и у Эрзи остается дома и пѣшкомъ и тайкомъ долженъ прибѣжать въ церковь. Родители невѣсты встрѣчаютъ пріѣхавшихъ съ хлѣбомъ-солью, а не такъ враждебно, какъ у Мокши, что ясно указываетъ на значительное измѣненіе въ народныхъ воззрѣніяхъ на бракъ, происшедшихъ по всѣмъ вѣроятіямъ подъ сильнымъ великорусскимъ вліяніемъ; и поѣзжане и родные невѣсты кланяются вереѣ, какъ утверждаетъ авторъ, и послѣ того отправляются въ церковь, причемъ невѣста всю дорогу ѣдетъ стоя, лицомъ назадъ для того, чтобы проститься съ родимыми мѣстами; у церкви поѣзжане снимаютъ невѣсту съ повозки и вносятъ ее въ храмъ на рукахъ; точно также вносятъ ее и въ домъ молодаго послѣ бракосочетанія. У Эрзи Нижегородской новое имя дается молодой только на третій день послѣ свадьбы [2]). Г. Мордовцевъ, описывая мордовскую свадьбу,

---

[1]) Рукоп. архивъ Импер. Русск. Геогр. Общ., папка, «Инородцы», ст. арх. Макарія. Этн. замѣтки о Мордвѣ Мокшанахъ въ Нижегородской губерніи.

[2]) Рукоп. архивъ Импер. Русск. Геогр. Общ., папка, «Инородцы», статья арх. Макарія «О Мордвѣ Эрзянахъ въ Нижегородской губерніи».

которую ему случалось наблюдать въ Саратовской губерніи, свидѣтельствуетъ, что, кромѣ дружки-мужчины, при мордовской свадьбѣ бываетъ еще и дружка-женщина; но мы полагаемъ, что онъ принялъ за дрўжку сваху, которая имѣется у обоихъ брачущихся. Утромъ невѣста садится къ печи и плачетъ о потерѣ воли; какая нибудь женщина изъ близкихъ ея родственницъ вѣшаетъ ей въ это время на шею цѣлую охапку холстовъ, полотенецъ и платковъ, а въ руки даетъ ей деревянный стаканъ и кувшинъ съ брагою; невѣста обходитъ свою родню, подноситъ каждому браги и даритъ при этомъ мужчинъ холстомъ и полотенцами, а женщинъ — мѣдными кольцами, браслетами и платками. По окончаніи этого обряда выносятъ въ повозку пожитки невѣсты и выводятъ невѣсту съ головою покрытою краснымъ платкомъ; дружко примащивается въ невѣстину повозку съ саблей въ рукахъ и съ краснымъ платкомъ на рукахъ. Едва успѣетъ поѣздъ отъѣхать немного отъ дома, какъ дружко останавливаетъ всѣхъ и очерчиваетъ саблею вокругъ поѣзда кругъ; черезъ нѣсколько времени новая остановка и новое очерчиваніе поѣзда. Послѣ свадьбы всѣ отправляются въ домъ жениха и при входѣ молодой старшой дѣлаетъ на косякѣ зарубку топоромъ, означающую вступленіе въ семью новаго члена. Цѣлый годъ молодая ходитъ съ непокрытою головою, а черезъ годъ совершается надъ нею обрядъ надѣванія кички, описываемый архимандритомъ Макаріемъ [1]).

Фуксъ разсказываетъ о чистопольской Мордвѣ [2]), что въ день свадьбы женихъ съ поѣздомъ отправляется за невѣстою. Невѣстины родные и избранныя для церемоніи лица, сидѣвшія до пріѣзда жениха впереди за столомъ, уступаютъ почетныя мѣста жениху съ его поѣздомъ, а сами садятся у дверей. Когда всѣ усядутся, братья, а ежели ихъ нѣтъ, то ближніе родные, но непремѣнно парни, складываютъ руки и, какъ на носилки посадивъ невѣсту, носятъ ее по всему дому и по двору; заносятъ во всякую клѣтушку и амбарушку и даже въ хлѣвы къ скотинѣ. Она, бѣдная, должна на всякомъ мѣстѣ и во всякомъ углу горько

---

[1]) Памят. книга Сарат. губ. 1858 г., ст. Мордовцева.

[2]) Журналъ Министер. Внутр. Дѣлъ 1839 г., часть 34.

плакать. Послѣ такого необыкновеннаго путешествія вносятъ невѣсту въ избу. Женихъ встаетъ съ своего мѣста, беретъ ее за руку и ведетъ въ кибитку, гдѣ невѣстина сваха давно уже ее ожидала, опасаясь, чтобы женихова сваха не успѣла сѣсть въ невѣстину кибитку, такъ какъ это предвѣщало бы несчастную жизнь молодымъ. Женихъ садится на козлы съ дружкою и беретъ въ руки вожжи, завертывая ихъ въ платокъ. Выѣхавши изъ воротъ, оборачиваютъ невѣстину кибитку и всѣ подводы напротивъ воротъ; тогда выходятъ отецъ и мать невѣсты съ виномъ и пивомъ и всѣхъ обносятъ и подчуютъ со слезами. Оборотъ передкомъ къ воротамъ напоминаетъ, конечно, объ утратившемся обычаѣ моленья Кардась-сярко. По пріѣздѣ въ домъ жениха, опять останавливаются передъ воротами, изъ которыхъ отецъ и мать жениховы также выходятъ съ угощеніемъ. Наконецъ, въѣзжаютъ во дворъ жениха; женихова сваха вынимаетъ невѣсту изъ кибитки, а дружко беретъ жениха и оба ведутъ ихъ въ нарочно приготовленный покой, гдѣ читается надъ ними молитва и испрашивается новобрачнымъ благословеніе Божіе, счастіе, богатство, изобиліе въ скотѣ и хлѣбѣ, а также и многочадіе. По окончаніи молитвы молодые кланяются въ землю; совершающій обрядъ становится на колѣни, кладетъ обѣ руки на головы новобрачныхъ и тѣмъ обрядъ вѣнчанія оканчивается. Женихова сваха поднимаетъ новобрачную, а дружко—ея мужа и уводятъ—молодаго въ избу, а молодую въ клѣть; здѣсь снимаютъ съ нея дѣвичью одежду и надѣваютъ женскую, потомъ приводятъ мужа и оставляютъ новобрачныхъ однихъ. Впослѣдствіи вводятъ молодыхъ въ избу, приготовленную для свадебнаго пиршества. Тутъ молодая начинаетъ разносить подарки свекру, свекрови и всѣмъ роднымъ, становясь передъ каждымъ на колѣни, съ чашкою пива, въ которую прихлебывая кладутъ деньги, сколько кому заблагоразсудится. Свадебные пиры продолжаются дня три, четыре, а иногда и цѣлую недѣлю, смотря по богатству новобрачныхъ. Такъ какъ мордовскія свадьбы бываютъ преимущественно въ началѣ іюля предъ сѣнокосомъ, то молодая, проживши нѣсколько дней у мужа, уѣзжаетъ на все рабочее время обратно къ отцу и возвращается къ мужу не прежде, какъ у отца кончитъ даже молотьбу. Мужъ нерѣдко ее посѣщаетъ. Колокольчики, бубенчики и погремушки отличаютъ богатую свадьбу. Обычай таскать невѣсту въ день

свадьбы на рукахъ по всѣмъ угламъ сохранился и у крещеной Мордвы во всей своей чистотѣ.

Въ Саратовской губерніи, по словамъ о. Архангельскаго [1]), послѣ назначенія дня бракосочетанія, въ домѣ жениха обыкновенно собирается поѣздъ, который состоитъ изъ дружка и поѣзжанъ, а въ домѣ отца невѣсты тоже производятся сборы къ вѣнцу. По изготовленіи поѣзда въ домѣ жениха и по снаряженіи дѣвушки къ вѣнцу совершается благословеніе ихъ родителями. Какъ только отецъ невѣсты возьметъ съ божницы образъ, невѣста начинаетъ вопить: «*Тэмакъ басловаданда монь, тятякай, эремсь аштимсь; а басловадандамакъ ровжа модасъ!*» т. е. не благословляй меня, батюшка, жить и быть, а благослови меня въ черную землю. Послѣ этого привѣта дочери отецъ, благословляя ее, говоритъ: «*сырнень стирьней! эрякъ шумбраста кулцынакъ атявизицинь; а мирдицынь сембеда лама и кульцынакъ келькъ кыкъ* (?)», т. е. золотая дочка! живи здорово, повинуйся свекру и свекрови, а мужа больше слушайся, и люби. Образъ, которымъ благословляютъ, остается въ домѣ родителей, а вмѣсто него отпускаютъ ее съ хлѣбомъ-солью, съ двумя только свахами и съ однимъ возничимъ, на одной парѣ. Женихъ также, по благословеніи его отцомъ, отправляется съ поѣздомъ въ церковь. Послѣ вѣнца изъ церкви поѣздъ съ женихомъ и невѣстою отправляется въ домъ жениха, гдѣ встрѣчаютъ молодыхъ отецъ и мать съ хлѣбомъ-солью и въ воротахъ обсыпаютъ ихъ хмѣлемъ, а на крыльцѣ кропятъ водою съ чистаго вѣника. Давши побыть молодымъ въ избѣ, отводятъ ихъ въ амбаръ и кормятъ тамъ яичницею (символъ плодовитости) съ одной ложки. Вышедши изъ амбара даютъ имъ въ руки по кувшинчику съ водою и вокругъ нихъ начинаютъ плясать сначала поѣзжане, а потомъ сваха, снявъ съ молодой застежку (сюлгама), бросаетъ ее отъ себя на-отмашъ (снять застежку символически прообразуетъ лишеніе дѣвства) и послѣ привѣтствуетъ ее слѣдующимъ образомъ: «*Адэ, эрвэне, оцю кшинь панима, пси ламинь пидима!*» т. е. иди, невѣстка, большой хлѣбъ печи, горячи щи варити! Затѣмъ, введши молодыхъ въ избу, заставляютъ ихъ подносить всѣмъ брагу; брагу разноситъ молодая, а молодой стоитъ подлѣ нея и, поднеся каждому гостю, до тѣхъ поръ

---

[1]) «Сарат. Губ. Вѣд.» 1845 г., № 52.

лежитъ въ ногахъ, пока гость не выпьетъ до дна. Тутъ отводятъ ихъ опять въ амбаръ и оставляютъ спать до утра. По утру молодая, вставши раньше всѣхъ, вопитъ, причитая всѣмъ своимъ роднымъ слѣдующимъ образомъ: «*Пора стемсв лэпэ вастаста, туидане кукуcв кукаи, а ке лувсв колги; тинь тутада эсь кудазантв, а монь катсамасть ломанькутсь; азамасть ялганенди авантсти кучаза горянинь монь день афв ульхтв корхтань ялгайне!*» или: «пора знать вставать съ мягкой постели; весенняя кукушечка кукуетъ, а бѣлая береза сокъ пускаетъ; вы пойдете домой, а меня покидаете въ домѣ (чужихъ) людей; отошлите горемычные мои колокольчики съ матушкою подружкамъ, а мнѣ не будетъ ужъ подругъ — разговаривать.

Въ Симбирской губерніи, по словамъ г. Орлова [1]), наканунѣ брака являются въ домъ жениха званые поѣзжане, также съ приносами, какъ то: печенаго хлѣба, поросятъ, баранины, свинины и пр. Для того, чтобы жениха не сглазили и не испортили злые люди, каждый изъ поѣзжанъ долженъ воткнуть себѣ подъ кафтанъ иглу, Изъ поѣзжанъ избирается *уредей* (дружко) и *покшв-кудо* (поддружко). Обязанность дружка - водить жениха подъ руки и беречь отъ порчи; обязанность поддружка раздѣлять въ извѣстное, обычаемъ установленное, время деньги подругамъ невѣсты и женщинамъ, наряжающимъ невѣсту къ вѣнцу. Передъ отъѣздомъ за невѣстою сваха жениха поетъ: «А вы 77 поѣзжанъ, какъ чистые, вы, орѣхи, какъ горохъ, вы хорошіе, подойдите ко мнѣ ближе, обступите меня кругомъ! Давно насъ ждетъ невѣста, глаза ея на дворѣ — однѣ руки остались на окошкѣ; гладкая голова ея, со скуки объ насъ, перепуталась, бѣлая рубаха почернѣла». Вмѣстѣ съ поѣзжанами воспитатели жениха отправляютъ въ домъ невѣсты часть вина и пива, по условію, коровай печенаго хлѣба, два пирога: долгій (той бряка) и круглый, съ рѣшето величиною (луонь кше). Этотъ послѣдній пирогъ начиняется слоями каши, яичницы, творога, картофеля и проч. Поверхъ слоевъ начинки въ пирогъ кладутъ три яйца, а на верхней коркѣ его дѣлается изъ тѣста утка. Эту утку сваха должна украсть въ домѣ невѣсты или, по крайней мѣрѣ, подкупить подругъ невѣсты къ похищенію утки, которая служитъ сим-

---

1) Матер. для истор. и стат. Симбир. губ., 1868 г., выпускъ II.

воломъ прогенитаціи. Наконецъ поѣздъ отправляется съ молитвами и крестными знаменіями; оставшіеся же въ домѣ жениха родственники гуляютъ впродолженіи всей ночи. Въ это время въ домѣ невѣсты, если бракъ назначенъ въ день воскресный, то въ полночь въ субботу невѣста должна встать съ постели и вопить. Она, дѣйствительно, встаетъ на зорькѣ, выходитъ на дворъ и причитаетъ: «Авай-пазъ Чангодь, пазъ Чангодь, верь-нишке-пазъ, сярко, покшъ покситяй, покшъ-бабай, благословамысть! Максадо монень московскай баяча войгелъ, ашо кенавъ сильведь!» (Причитаніе это совершенно невѣрно записано, но, возстановляя правописаніе, видно, что она обращается за благословеніемъ къ верховной богинѣ, верховному богу, Инешке пазу, богу семейнаго очага кардась сярко, предкамъ мужескаго и женскаго пола). Послѣ этого она входитъ въ избу, въ которой снова вопитъ и причитаетъ, но уже на иной ладъ: «прежде ходила я по избѣ чинно, даже не кашляла; теперь же начинаю кричать. Пропала дѣвственность! Я начинаю лишаться памяти и разсудка». За этимъ она подходитъ къ отцу и матери, предъ которыми вопитъ и причитаетъ и въ причитаніяхъ вспоминаетъ всѣ труды, понесенные родителями во время ея воспитанія; въ заключеніе всего она благодаритъ родителей и говоритъ: «Больше вы, батюшка и матушка, не будете для меня трудиться». На слезы и причитанья дочери мать отвѣчаетъ слезами же и причитаньями: «Пойдешь, говоритъ она, милая доченька, къ чужому отцу, къ чужой матери. Не станешь ты мнѣ кудели толочь, красновъ ткать, рубашекъ мыть!» Съ разсвѣтомъ невѣста отправляется къ одному изъ родственниковъ и, вставши на крыльцѣ его дома, причитаетъ: «Дядюшка (или братецъ!) пусти ты меня, кормилецъ, на часокъ погрѣться. Носится громовая туча надъ моею головою, перемочитъ мою бѣлевую хорошую рубаху, перемочитъ и шелковый платокъ. Укрой меня, кормилецъ, отъ этой громовой тучи. Не понравилась я батюшкѣ — погналъ онъ меня изъ своего дома!» Ясно, что въ этомъ причитаньѣ сохранился намекъ на стародавній обычай искать защиты у родственниковъ противъ насилія жениха и его родни. Родственникъ обыкновенно принимаетъ ее въ домъ и угощаетъ блинами и яичницею; это указываетъ намъ, что обычай ходить въ гости къ роднымъ имѣлъ въ свое время значеніе зова на защиту отъ насилія, а не простаго гощенія. Посидѣвъ немного въ домѣ

того или другаго родственника, невѣста отправляется обратно къ своему отцу, входитъ въ избу, вопитъ и причитаетъ: «Ходила я къ дядюшкѣ, приготовила себѣ мѣстечко укрыться отъ дождевой тучи и нашла себѣ пристанище. Теперь, если дождь вымочитъ мою бѣлую рубаху и шелковый платокъ, у меня есть мѣсто, гдѣ ихъ высушить». Послѣ этого она ложится и отдыхаетъ; между тѣмъ въ это время родственницы невѣсты приготовляютъ для гостей кашу и салму. Когда встанетъ невѣста, то и ей подаютъ каши. Какъ будто въ самомъ дѣлѣ волнуемая мыслями о настоящемъ и будущемъ, невѣста представляется лишенною разсудка, и въ причитаніяхъ выражаетъ желаніе себѣ смерти: «Не такъ бы вамъ нести кашу! Надо бы класть кашу на сухомъ блюдѣ, бѣлымъ платкомъ покрывать и брать бы блюдо лѣвою рукою. (Все это такіе три обычая, которые непремѣнно выполняются на похоронахъ при подачѣ на столъ поминальной каши). Собрались у отца моего дяди и братья — въ шесть топоровъ они дѣлаютъ гробъ. Вы слышали стукъ ихъ топоровъ; поминать вы меня хотите, когда подаете кашу». Послѣ этихъ причитаній она беретъ ложку и отвѣдываетъ немного каши. Отвѣдавши, она въ слезахъ благодаритъ приготовившую кашу и вопитъ: «Лопнуть бы мнѣ, какъ яйцу, разорваться бы мнѣ, какъ тройной веревкѣ, отъ этой каши! Поѣла я чужое счастье!» намекая этимъ на то, что съѣвши каши, этого символа плодородія, она съѣла сѣмя, зачатокъ будущаго существа. Послѣ этого она опять ложится и отдыхаетъ. Передъ вечеромъ женщины расплетаютъ невѣстѣ косу и расчесываютъ ее гребнемъ. Съ расплетенною косою она подходитъ къ отцу съ такими воплями и причитаньями: «Благослови, батюшка, въ банѣ париться въ послѣдній разъ какъ барынѣ; теперь я вольна, а скоро буду въ неволѣ. Хотѣла бы я, чтобы ты призвалъ стариковъ сдѣлать мнѣ гробъ и молодыхъ призови вырыть мнѣ могилу семисаженную....» Обращаясь въ то время къ матери, она отдаетъ ей кисточку, которую обыкновенно носила въ косѣ, и вопитъ: «возьми же ты, матушка, эту кисточку; вмѣсто меня эта кисточка будетъ тебѣ рубашки мыть, холсты ткать, кудель толочь. А теперь благослови ты меня, матушка, въ бани париться въ послѣдній разъ, какъ барынѣ; теперь я вольна, а скоро буду въ неволѣ. Хотѣла бы я, чтобы ты, матушка, призвала послѣ бани старухъ обмыть меня какъ мертвую, призови и молодыхъ

сшить мнѣ саванъ». Послѣ подобныхъ причитаній, поцѣловавши отца и мать и поклонившись имъ до полу, невѣста уходитъ въ баню и тамъ моется. Воротившись изъ бани, она ужинаетъ съ подругами и ложится спать. Въ ночь наканунѣ брака является женихъ съ поѣзжанами. Всѣ они, пріѣхавъ, становятся на дворѣ съ пирогами въ рукахъ. Здѣсь ихъ встрѣчаютъ подруги невѣсты: какъ бы желая отомстить жениху за то, что онъ домогается лишить ихъ самой лучшей подруги, дѣвушки начинаютъ теперь на распѣвъ срамить его: «Пустая ты голова! какой ты женихъ! Лаптей плести не умѣешь, въ деньгахъ счета не знаешь. Ходишь ты, мошенникъ, къ гадкимъ дѣвкамъ, оставляешь тамъ обувки. Отчего ты такъ долго не пріѣзжалъ? Что? Не находилъ своей обуви? Не такова твоя невѣста! Поставь ей кадушку проса, а по другую сторону кадушку маку, да зерна всѣ перечти». Обращаясь къ поѣзжанамъ, дѣвицы кричатъ: «Обманщики верховые. Одежда на васъ верховая, на полушубкахъ по два кармана, и руки вы держите въ карманахъ». Послѣ этого изъ избы выходитъ старшій членъ семейства невѣсты съ образомъ въ рукахъ, а хозяйка-дома съ хлѣбомъ-солью. Обращаясь къ жениху съ поѣзжанами, она говоритъ: «Добро пожаловать, подите, подите! Подруги невѣсты бросаются въ то же время въ избу, за ними идутъ хозяинъ съ хозяйкою, а потомъ и поѣзжане. Подруги невѣсты садятся за столъ. Сваха кладетъ на столъ курникъ, насыпаетъ въ припасенное блюдо орѣшковъ, напеченныхъ изъ сдобнаго тѣста, и этими сластями подчуютъ дѣвокъ. Денежный расходчикъ «покшъ-кудо» кладетъ на столъ копѣекъ 20 мелкой мѣди, ставитъ выряженной вино и пиво, а также, если есть мѣсто на столѣ, кладетъ коровай хлѣба и два большихъ пирога, о которыхъ выше упомянуто. Дѣвицы берутъ со стола деньги, раздѣляютъ между собою орѣшки, выпиваютъ вина — и обольщенныя деньгами, виномъ и орѣшками, уже готовыя выдать подругу-невѣсту, встаютъ изъ-за стола. На мѣста ихъ за столъ садятся женихъ, сваха и дружко. Въ это время невѣста, сидя въ особомъ отдѣленіи избы, причитаетъ: «Ногайцы пріѣхали, башкиры! ихъ полна изба, не могу я съ ними говорить, не знаю ихъ языка... Родимый братецъ! возьми ты лучше свое ружье, прострѣли ихъ ноги... Семьдесятъ семь ножей, какъ бы я желала, чтобы вы кололи того, кто садится за столъ на мое мѣсто; желала бы я, чтобы

тамъ, гдѣ ноги мои стояли, торчала цѣлая горсть иголъ и колола бы ноги того, кто теперь занимаетъ мое мѣсто». Послѣ того, какъ она выразитъ всю свою ненависть къ жениху, родственники увозятъ ее на парѣ лошадей туда, гдѣ наканунѣ она просила мѣста укрыться отъ громовой тучи, и увозятъ собственно для того, чтобы въ домѣ родителей ее кто нибудь не испортилъ. Подъѣзжая къ дому избраннаго родственника, она вопитъ и причитаетъ: «Пусти, дядюшка, посушить рубашку и измоченный шелковый платокъ. Вмѣстѣ съ соромъ отецъ и мать выбросили и меня изъ дома». Вошедъ въ избу, она завтракаетъ. Вскорѣ послѣ невѣсты, и поѣзжане отправляются туда же. Между тѣмъ женихъ съ дружкой, опасаясь порчи, уходитъ изъ дома невѣсты въ баню или въ другое какое нибудь скрытное мѣсто. Поѣзжане пріѣзжаютъ въ домъ избраннаго родственника. Здѣсь сваха начинаетъ дарить невѣстѣ бусы, ленты или что нибудь подобное, кладетъ ей въ пазуху часть орѣшковъ, напеченныхъ изъ сдобнаго тѣста, подноситъ лепешку и стаканъ пива. На это невѣста причитаетъ: «Не проси, боярыня, я не стою твоей просьбы. Видишь, руки мои, какъ соломенки; онѣ не могутъ держать твоего стакана. Измученная, могу ли я пить вино? Не лишиться бы мнѣ памяти и разсудка съ твоего стакана пива». Послѣ свахи подходитъ къ невѣстѣ каждый изъ поѣзжанъ, подноситъ стаканъ пива, на дно котораго въ подарокъ невѣстѣ опускаетъ мелкую монету. Невѣста, принявъ стаканы и хлебнувъ понемногу изъ каждаго, передаетъ ихъ подругамъ. Подруги выпиваютъ оставшееся [1]), а вынутыя деньги передаютъ невѣстѣ. Въ то же время расходчикъ даетъ нѣсколько денегъ тѣмъ женщинамъ, которыя должны наряжать невѣсту къ вѣнцу. Позавтракавъ въ домѣ избраннаго родственника, поѣзжане отправляются обратно въ домъ родителей невѣсты, а невѣста остается въ домѣ этого родственника вмѣстѣ со своими подругами. Вскорѣ послѣ отъѣзда поѣзжанъ, двѣ женщины начинаютъ наряжать невѣсту къ вѣнцу. На нее надѣваютъ три покара, покрываютъ голову шелковымъ платкомъ, даютъ ей лучшую обувь, подпоясываютъ краснымъ кушакомъ, сюда привязываютъ корксъ, на грудь вѣшаютъ бусы и кресты и, наконецъ, кладутъ за пазуху лепешекъ и мыла. Вскорѣ пріѣзжаютъ за ней

---

[1]) Примѣта къ выходу замужъ.

на парѣ съ колоколомъ урводей и берутъ ее въ родительскій домъ. Пріѣхавъ въ родительскій домъ, она становится на крыльцѣ и причитаетъ: «Встрѣчайте меня, батюшка и матушка, нарядили меня и стѣснили, воднись, батюшка, дѣвичья свобода моя осталась только на головѣ моей, и почти кругомъ обрядилась въ одежду женщины, —и тѣсно мнѣ и душно!» Войдя въ избу, она садьтся въ чуланъ, гдѣ и продолжаетъ вопить. Между тѣмъ наряжавшія ее женщины начинають дарить жениха. Поднося на блюдѣ красный, базарный платокъ, онѣ поютъ: «Коли тебѣ любо—возьми, не любо—не бери». Женихъ беретъ даръ и молча кладетъ въ пазуху. Дарятъ и поѣзжанъ холщевыми платками, обшитыми кумачемъ; свахи вѣшаютъ на кокошку утиральникъ съ кумачемъ на концѣ; послѣ того какъ кончатся подарки, женихъ подходитъ къ невѣстѣ и хочетъ взять ея руку; невѣста отталкиваетъ его, причитая: «Прахъ тебя возьми, не тронь моей руки! Ты шатался по хороводамъ, искалъ хорошей дѣвицы; и какъ же ты теперь возьмешь меня чуть живую? При этомъ родители невѣсты, крестный отецъ ея и мать, взявъ въ руки икону, хлѣбъ и соль, становятся въ рядъ, велятъ жениху съ невѣстою молиться и прощаться съ ними; невѣста въ это время, обращаясь къ родителямъ, говоритъ: «Благословите меня не на вольномъ свѣтѣ жить и провалиться лучше сквозь сырую землю. Жизнь хуже смерти! Умереть мнѣ лучше, чѣмъ жить». Послѣ благословенія, женихъ беретъ невѣсту за руку, и оба выходятъ изъ избы, за ними выходятъ и поѣзжане. На дворѣ невѣста садится со своими родственниками отдѣльно отъ жениха и его родственниковъ на особую телѣгу или сани. Когда всѣ сядутъ на свои мѣста, поѣздъ отправляется въ церковь. Близь церковной ограды брачный поѣздъ останавливается; невѣста становится въ телѣгѣ или саняхъ, надѣваетъ руцку (шушпанъ) и причитаетъ: «Смотрите на меня всѣ, кто хочетъ! Разглядывайте, какъ я одѣта, и не взыщите, если не понравится вамъ моя одежда; я была не ткачиха и не пряха, а занималась игрою въ хороводахъ». Вылѣзши изъ телѣги, она кланяется въ ноги своимъ лошадямъ и благодаритъ ихъ: «Спасибо вамъ, кони добрые, за то, что привезли меня такую тяжелую». Послѣ этого она даритъ лошадей мѣдною монетою, платками и лепешками. Платки подтыкаетъ подъ уздечки, а лепешки и деньги кладетъ къ ихъ ногамъ. Здѣсь на время оканчиваются ея большею

частью притворные вопли и причитанья. Во время совершенія брака невѣста стоитъ спокойно, не проронивъ ни слезинки. Мордовки смотрятъ на нее, особенно въ то время вѣнчанія, когда она вступаетъ на лоскутъ холста, постланнаго заблаговременно свахою. Если она ступаетъ на подножье прежде жениха, то примѣчаютъ, что у нея есть мысль домогаться власти надъ мужемъ, и наоборотъ. Мордва часто требуетъ, чтобы церковнослужители проводили новобрачныхъ домой въ вѣнцахъ. Если они провожаютъ, то на дворѣ уже причитаній не бываетъ. Еще до прихода священно-церковнослужителей, воспитатели новобрачныхъ, его крестный отецъ и крестная мать, съ иконами въ рукахъ, хлѣбомъ и солью, становятся въ рядъ близь крыльца. При появленіи же новобрачныхъ, они ихъ благословляютъ и молча цѣлуютъ. Въ это время родственники осыпаютъ молодыхъ хмѣлемъ. Если же новобрачные являются изъ церкви безъ причта, то сваха на дворѣ новобрачныхъ поетъ: «Встрѣчайте, родные, я привезла вамъ прекрасную молодую! Смотрите, на груди ея серебро (оловянные кресты) тянетъ ее напередъ, а мѣдь (карксъ) тянетъ ее назадъ». Въ отсутствіи причта, Мордва также благословляетъ новобрачныхъ иконами. Старуха, мать жениха, встрѣчаетъ иногда новобрачныхъ въ вывороченныхъ шапкѣ и шубѣ, въ прообразованіе плодородія и богатства. Послѣ этого молодые входятъ въ избу и прямо садятся за столъ. За столомъ молодую тотчасъ начинаютъ убирать въ женскій нарядъ, плетутъ ей косу и надѣваютъ кокошъ. Въ руки новобрачнаго даютъ ребенка, и онъ, поцѣловавъ его, и подаривъ, передаетъ его женѣ. Молодая принявъ ребенка съ улыбкою, также цѣлуетъ его и даритъ. Смыслъ этого обычая понятенъ. Поподчивавъ молодыхъ, дружку и сваху виномъ, родители новобрачныхъ провожаютъ ихъ въ особенную комнату, опасаясь порчи отъ знахарей. Сваха, проводивъ молодыхъ, является обратно и поетъ: «Добрая невѣстина родня! Не бранился ли кто? Встрѣчали и провожали насъ хорошо и хорошій даръ мнѣ дали: шелковой основы платокъ, бумажный утокъ». Въ восторгѣ она бѣгаетъ по избѣ и дѣлитъ орѣшки. Показывая теперь украденную ею утку съ пороса луонъ-кши, она поетъ: «Не оставила я сватьямъ счастья женихова; старалась я, старалась—кое-какъ украла». Затѣмъ мужчины и женщины поютъ пѣсни, пляшутъ. Въ самый день брака, вечеромъ являются въ домъ

новобрачныхъ «горнiи»; ихъ угощаютъ также, какъ и всѣхъ званыхъ на пиръ. Для свадебныхъ пировъ Мордва сластей не покупаетъ. На другой день горнiи отправляются туда, гдѣ покоятся молодые, и тамъ угощаются; оставивъ молодыхъ наединѣ, горнiи возвращаются, пьютъ, пляшутъ и поютъ пѣсни. Вскорѣ являются къ нимъ молодые. Сваха раздаетъ дары отъ молодой. Родственникамъ новобрачнаго дружко подноситъ по стакану пива, сваха подаетъ дары, а молодые при этомъ кланяются до земли. На другой же день свадьбы горнiи отправляются домой, а родственники жениха провожаютъ ихъ съ пѣсиями, пляскою и даютъ имъ на дорогу пироги. Дней черезъ пять послѣ брака являются въ домъ молодыхъ урводей и 2 или 3 родственниковъ молодой. Родители новобрачнаго опять сзываютъ своихъ родственниковъ, которые сносятъ на пиръ припасы; положивъ ихъ на столъ, дѣлаютъ семейный молянъ: «Дай Богъ, чтобы молодую любили всѣ родственники и шабры; чтобы велась на ея счастье скотина и родился хлѣбъ». Затѣмъ пироги разрѣзываются на четыре части, и всѣ пируютъ. Попировавъ немного, всѣ уѣзжаютъ и берутъ молодую гостить. При прощаньи мужъ назначаетъ ей время, которое должна она провести въ домѣ ея родителей. Черезъ нѣсколько дней семейные жениха берутъ молодую къ себѣ въ домъ.

Г. П. Р. разсказываетъ [1]) о пензенской Мокшѣ, что новобрачную покрываютъ толстою холстяною простынею, вышитою крестами и четыреугольниками и подъ этимъ брачнымъ покрываломъ ведутъ новобрачныхъ въ домъ. При встрѣчѣ ихъ на крыльцѣ или въ воротахъ, мать новобрачнаго кропитъ ихъ вѣникомъ. Дружко въ извѣстное время даетъ новобрачной какiя-то имена наприм. Мавaи, Павaи и т. п. Этими именами называютъ новобрачную только односемьяне. Во все продолженiе пира новобрачные, сколько бы гостей ни было, при первомъ подносѣ каждому пива или вина, хотя бы угощаемый былъ и пяти лѣтъ, непремѣнно должны кланяться въ ноги и лежать на землѣ до тѣхъ поръ, пока не выпито будетъ предложенное. На другой день послѣ вѣнчанiя, нарядивъ молодую, ведутъ съ прочими дѣвушками на рѣку съ большимъ ушатомъ, съ пѣснями, за водою и, идя оттуда, обливаются этою водою. При-

---

[1]) «Пензен. Губерн. Вѣдом.» 1847 г., № 25.

шедши въ домъ хозяина, у котораго была свадьба, играютъ въ волынки и скрипки и поютъ пѣсни. По окончаніи пиршества, новобрачные, въ сопровожденіи близкихъ имъ родственниковъ и гостей, выходятъ толпою на улицу; идущій стороною парень играетъ на рожкѣ, и всѣ пляшутъ. Къ косѣ молодой прикрѣпляютъ въ это время мочальный хвостъ. Тутъ дѣлаются толпою визиты знакомымъ, и пиръ продолжается цѣлый день.

По словамъ П. И. Мельникова [1]), у тетюшевской мордвы (Эрзи) утромъ, въ день свадьбы, всѣ мужчины и женщины сряжаются во всю мордовскую сряду. Поверхъ кафтана мужчины надѣваютъ бѣлый балахонъ, называемый шушпаномъ, опоясываютъ его рознякомъ съ красными кистями и къ кушаку назадъ привѣшиваютъ полотенце съ шерстяными бахрами и кистями краснаго, желтаго и голубаго цвѣтовъ. Изъ женщинъ въ полной мордовской срядѣ бываетъ одна невѣста. Сначала надѣваютъ на нее рубашку безъ выемки, которая бываетъ у женскихъ русскихъ рубахъ, на нее надѣвается другая рубашка — «полосконайка», а на нее «супонря» съ широкими рукавами, вышитая по бедрамъ крестами изъ красной шерсти; рукава также вышиты разными узорами въ три, четыре и пять рядовъ. Волосы заплетаются въ 25 косъ каждая въ три пряди; въ каждую косу вплетается голубой шерстяной снурокъ; снурки эти длиною до полу, у концовъ косъ связываются вмѣстѣ; кромѣ того, на затылокъ привязывается разноцвѣтный шерстяной хвостъ, украшенный привѣсками изъ бисера, монетъ, раковинъ, называемыхъ змѣиными головками или уживками — это называется «сералки» и «лака»; на хвостѣ виситъ вязаная изъ красной шерсти «полованго». На голову невѣсты надѣваютъ вѣнецъ, состоящій изъ кумачнаго околыша, украшеннаго серебрянными монетами и бисерными «кумбо»; верхъ вѣнца, дѣлаемый въ родѣ кокошника, называется «венялзъ» — на немъ серебряные обручики; къ вѣнцу прикрѣплены шелковыя кисти, которыя спускаются по спинѣ и по правому плечу; въ уши невѣсты вдѣваютъ серебрянные «плетни» (серги), на грудь вѣшаютъ «поковки» изъ монетъ съ колокольчиками, на шею ожерелье (чавко), которое раскладывается по груди, и къ нему привѣшиваютъ мѣдный гребень, пронизи и монеты. Поверхъ всѣхъ

[1]) «Симбир. Губерн. Вѣдом.» 1851 г., № 25.

этихъ принадлежностей мордовской праздничной одежды накидывается вышитый шелками «дудяшникъ», а шерстянымъ съ кистями рознякомъ прикрѣпляются сдѣланные изъ шерстяныхъ и шелковыхъ снурковъ «ванегери» которыя, окружая весь станъ, спускаются до пятъ. На рукахъ мѣдныя запястья до самыхъ локтей, на пальцахъ кольца и перстни до 10. На ноги надѣваются «себостры» (бѣлыя вышитыя шерстями портянки) и окутываются ремнями; на нихъ надѣваютъ лапти съ хвостами назади. Между тѣмъ какъ сряжаютъ невѣсту, въ домѣ ея отца собираются всѣ его родственники. Зажигаютъ у оконъ свѣчу, ставятъ на столъ хлѣбъ, соль, говядину, кашу, яичницу, молятся Богу, пьютъ вино и пиво и обѣдаютъ. Въ это время подъѣзжаетъ жениховъ поѣздъ. Мать жениха въ вѣнцѣ со штатоломъ въ рукѣ, ѣдетъ впереди, кругомъ ея нѣсколько мужчинъ въ бѣлыхъ балахонахъ, опоясанные бѣлымъ холстомъ (даръ свекрови), ѣдутъ верхомъ. Отецъ жениха ѣдетъ вторымъ; онъ, выходя изъ дому, передъ тѣмъ какъ садиться въ телѣгу, кланяется въ землю на востокъ и изъ кошеля бросаетъ пригоршнями мѣдныя деньги на четыре стороны; за нимъ ѣдутъ женихъ и поѣзжане. Прежде нежели тронется поѣздъ, его объѣзжаютъ три раза посолонь передовые вершники, изъ которыхъ одинъ играетъ въ это время въ дуду. Со звономъ колокольчиковъ и бубенчиковъ, съ нестройными звуками дуды, съ гиканіемъ вершниковъ и хлопаньемъ бичами ѣдетъ поѣздъ въ невѣстину деревню. Пріѣхавъ, женихъ отдѣляется отъ поѣзда и отправляется въ церковь, а остальные ѣдутъ къ дому невѣсты; здѣсь вершники опять объѣзжаютъ посолонь весь поѣздъ три раза. Хозяинъ дома — отецъ невѣсты — запираетъ ворота. Вершники просятъ его отпереть, наигрывая въ дуду. Тогда онъ отпираетъ ворота и встрѣчаетъ гостей съ хлѣбомъ, солью и ковшомъ пива. Въ избѣ начинается пиръ, но мать жениха въ немъ не участвуетъ; она уходитъ въ сосѣдній домъ, гдѣ сидитъ сряженная невѣста со своими подругами. Невѣста, завидя будущую свекровь (ававка) начинаетъ причитанья: «Посмотрите-ка, дѣвушки, посмотрите, голубушки, не громъ ли гремитъ, не молонья ли палитъ съ частымъ дождикомъ, со бѣлымъ градомъ?» Свекровь, взойдя въ избу, отвѣчаетъ: «Не убойся меня, не испужайся меня! Не громъ гремитъ, не молонья палитъ, не градъ идетъ, — ававка твоя поѣздъ ведетъ. Хороша ли ты, нарядлива ли? Пригожа ли ты, приборлива

ли? Я, ававка твоя, пришла тебя смотрѣть, весь поѣздъ веду на тебя глядѣть.» Невѣста отвѣчаетъ: «добро жаловать, пріѣзжая сваха, добро жаловать, прихожая гостья! Чаще ступай, рѣже рѣчь говори, не сомни меня съ подругами, а ступай въ московску лавочку дорогаго товару купить: московской товаръ съ шелкомъ, съ золотомъ.» Свекровь беретъ ковшъ пива и подаетъ правой рукой невѣстѣ, приговарирая: «возьми у меня ковшъ съ брагой — изъ руки моей правой! протяни свою правую рученьку — возьми у меня пьяную браженьку!» На это невѣста отвѣчаетъ: правой не возьму — подай лѣвой, такъ приму.» — «А я въ лѣвую не даю,» отвѣчаетъ свекровь. Невѣста задумывается, протягиваетъ правую руку и говоритъ: «ну, давай, такъ и быть; я приму, правой рученькою возьму.» Невѣста беретъ ковшъ правою рукою и отвѣдываетъ три раза браги, — это знакъ ея сговорчивости и покорности свекрови. Свекровь въ это время говоритъ вошедшимъ своимъ поѣзжанамъ: «слава Богу! меня послушалась, обѣщалась со мною пожить, мнѣ послужить.» Заиграла дуда, и поѣзжане пускаются плясать передъ невѣстой. Поплясавши, поѣзжане вмѣстѣ съ свекровью возвращаются въ домъ невѣстина отца, гдѣ остается отецъ жениховъ съ семьей и поѣзжанами невѣсты. Свекровь, войдя въ избу, кланяется хозяину со словами: «спасибо, сватушка, хорошо дочку срядили, во всю мордовску сряду—цвѣтну кутазу нарядили, моего дому она стоитъ». Потомъ, обратившись къ своему мужу, говоритъ: «не пропали наши денежки — хорошо сваты дочку срядили, въ ушкахъ сережки, на головѣ вѣнецъ.» Братья невѣсты или ея родственники, четыре человѣка, отправляются въ сосѣдній домъ за сестрой. Они должны унести ее оттуда. Завидя ихъ, невѣста проситъ постоять за нее, но братья говорятъ, что родители ее продали, а они пропили; два брата берутъ ее подъ мышки, другіе двое — подъ спину; любимая подруга поддерживаетъ ноги. Невѣста обвиваетъ правой рукой шею старшаго брата, и ее несутъ головой впередъ. Когда невѣсту внесутъ въ избу, она справляется у отца, что у него на дворѣ за люди, и снова проситъ у него доброй басловки. Отецъ, отрѣзавъ горбушку хлѣба (кочемка), посоливъ ее, благословляетъ дочь кочемкой, штатоломъ и иконой. Невѣста отдаетъ икону дружкѣ (урвидей-вожа), а кочемку и штатолъ прячетъ себѣ за пазуху. Потомъ мать благословляетъ ее вѣнцомъ мордовскимъ, а крестный отецъ—

образомъ. Послѣ благословенія невѣста съ воплями и слезами подноситъ дары поѣзжанамъ: на однихъ надѣваетъ балахоны, другимъ даритъ рукава (анапацки), третьимъ-вышитые концы рукавовъ, четвертыхъ опоясываетъ холстомъ. По узорамъ вышивки называются: «каяксы, хмугорды, вожапри, кріулки, суксы, мушки и т. п. Послѣ даровъ надѣваютъ «попоняху», покрывало съ рукавами, расшитыми шелкомъ; эту попоняху накидываютъ на голову и закрываютъ всю невѣсту. Ее берутъ дѣвки подъ руки, выводятъ и потомъ кладутъ или ставятъ (Печкусово, Арзам. уѣзда) въ телѣгу. Вершники, объѣхавъ три раза посолонь поѣздъ, возвращаются назадъ. Невѣсту везутъ впереди, съ нею сидитъ свекровь; невѣста плачетъ, свекровь ее уговариваетъ; та даетъ обѣщаніе слушаться, работать, почитать свекра и свекровь. У церкви невѣста поднимается на ноги и проситъ благословенья «уждавъ — прадѣдовъ», Затѣмъ сваха вынимаетъ невѣсту изъ телѣги, и она кланяется въ землю лошадямъ и предкамъ. Покрытую съ головы до ногъ попоняхой, сваха ведетъ ее въ церковь. Урвидей-вожа стоитъ въ дверяхъ, одѣтый въ полную мордовскую сряду, и вводитъ ее въ церковь. Во время совершенія таинства, свекровь, стоя въ телѣгѣ, обдѣляетъ весь народъ символомъ плодородія — красными яйцами. Какъ скоро окончится обрядъ вѣнчанія, молодую тотчасъ снова покрываютъ попоняхой, выводятъ изъ церкви и сажаютъ въ телѣгу съ свекровью, дружкою и свахой. Молодой же, какъ скоро въ церкви накинутъ на его жену попоняху, отходитъ въ сторону, украдкой выходитъ изъ церкви, садится на первую попавшуюся телѣгу, мчится во всю прыть по деревнѣ и прячется у кого нибудь изъ сосѣдей, зарывается въ сѣно или садится въ уголъ курятника; зимой же опрометью вбѣгаетъ къ какому нибудь сосѣду и прямо на печь или на полати, въ самый уголъ. Поѣздъ ѣдетъ къ женихову двору; впереди везутъ молодую, лошадьми правитъ дружко, у двора встрѣчаютъ поѣздъ вершники и снова объѣзжаютъ его по прежнему; когда поѣздъ подъѣдетъ къ воротамъ, невѣста приказываетъ урвидею остановиться и засвѣтить отцово благословеніе — штатолъ, чтобы «со своимъ свѣтомъ войти въ чужой дворъ». Зажигаютъ штатолъ, и молодая, держа его въ рукахъ, идетъ въ домъ; родственница молодаго, въ полной мордовской срядѣ, поверхъ которой надѣта шуба мѣхомъ вверхъ съ вѣнцомъ на головѣ, къ которому привя-

зана мужичья шапка, встрѣчаетъ невѣсту и, держа въ рукахъ шапку съ хмѣлемъ, три раза бросаетъ его горстью въ молодую; поѣзжане ловятъ хмѣль своими шляпами, а молодая проситъ не порвать ея платья и ввести въ домъ посолонь. Молодую обводятъ кругомъ поѣзда посолонь, причемъ въ рукахъ у урвидея зажженный штатолъ, отданный ему молодою. Затѣмъ молодая проситъ урвидея, чтобы онъ позволилъ ей испросить благословенія у чужого отца — матери.» На крыльцѣ благословляютъ ее свекоръ со свекровью, и тогда урвидей со штатоломъ въ рукахъ вводитъ молодую, которая привѣтствуетъ присутствующихъ, кланяется у стола на четыре стороны и обѣщаетъ свекру вознаградить его за всѣ убытки,— работать на пользу дома и т. п. Молодую уводятъ раздѣвать въ амбаръ; выходя изъ избы, она говоритъ: «поди дымокъ, поди на востокъ; ищи дымокъ скота — живота — добра житья». Въ амбарѣ снимаютъ съ нея всю сряду; она возвращается въ избу въ бѣломъ балахонѣ съ полосконайкой, подпоясанная рознякомъ, въ вѣнцѣ на головѣ; запястья и кольца на рукахъ остаются. Покрытую попоняхой молодую ведутъ къ печкѣ — маткѣ. Свекоръ подаетъ ей пиво, а она съ низкими поклонами подаетъ пиво ему первому; онъ въ свою очередь, подчуетъ ее; затѣмъ она подходитъ къ свекрови и ко всѣмъ гостямъ, потчуя ихъ; въ это время стучатъ полѣномъ въ амбаръ, чтобы выгнать оттуда злыхъ духовъ. Послѣ подчиванья пивомъ, свекровь приходитъ съ коровьимъ масломъ и мажетъ молодой волосы, чтобы была ласкова. Затѣмъ слѣдуетъ обрядъ прикармливанья: свекровь стоитъ у печки, на ладоняхъ у нея куски пирога, говядины, яйца, хлѣбъ; молодая наклоняясь, беретъ съ ладоней ртомъ эти куски и ѣстъ. Послѣ того какъ молодую къ дому прикормятъ, пріѣзжаютъ ея родные, и всѣ садятся обѣдать; молодая передъ обѣдомъ обноситъ всѣхъ виномъ изъ чашки и пивомъ изъ ведра. Пьютъ припадкой изъ ея рукъ. Послѣ обѣда начинаются пѣсни, игра въ дуду и пляска. А молодой, не ѣвши, не пивши, все лежитъ въ сѣнѣ, либо на печкѣ у сосѣда. Когда разойдутся гости, вечеромъ его начинаютъ искать, отыскиваютъ и ведутъ въ амбаръ, гдѣ уже ждетъ его молодая. Его вталкиваютъ въ амбаръ, говоря: «вотъ тебѣ волкъ!» Утромъ, по древнему мордовскому обычаю, стучатъ полѣномъ въ дверь амбара и кричатъ: «свыкайтесь, свыкайтесь!» Утромъ молодой съ низкими поклонами подчуетъ

тестя пивомъ; тотъ даритъ его деньгами, не меньше полтинника, на шапку. Затѣмъ молодой подноситъ пива всѣмъ гостямъ, причемъ получаетъ отдарки яйцами и пряниками. Молодая одѣтая нарядно, но не въ полную сряду, раздаетъ дары мужниной роднѣ, а затѣмъ свекоръ ведетъ ее «воду казать»; молодая беретъ ведро и идетъ со свекровью по воду; всякому встрѣчному она низко кланяется, свекровь указываетъ ей воду, она черпаетъ, несетъ домой и ставитъ на лавку, у печки; свекровь благодаритъ ее за послушаніе. Послѣ свадебные пиры продолжаются долго, смотря по зажиточности породнившихся семей.

Отпуская невѣсту изъ дома, говоритъ П. И. Мельниковъ про нижегородскую Мокшу: 1) отецъ давалъ ей на благословеніе штатолъ — подобіе улиткообразной свѣчи Салтана, составляющей главную святыню — палладіумъ Мокши. Въ домъ жениха невѣста вступала со своимъ свѣтомъ и съ этимъ зажженымъ штатоломъ. Мать жениха или, въ случаѣ ея смерти, ближайшая родственница, при встрѣчѣ невѣсты въ дверяхъ своего дома, ставила ей на правую ногу сковородку съ зажженнымъ хмѣлемъ, и невѣста до трехъ разъ сбрасывала съ ноги эту сковородку. Если сковородка скатывалась тихо, то это считали знакомъ, что сноха будетъ послушна; если же съ шумомъ, то это было знакомъ противнаго; если же сковорода упадетъ дномъ вверхъ, то ожидали несчастной жизни для молодыхъ, а если дномъ книзу и притомъ хмѣль не просыпется, то это сулитъ счастливую жизнь новобрачнымъ. Держа въ рукахъ штатолъ, невѣста входила въ домъ, принимаемая женихомъ. Здѣсь Имбаба совершала молитвы и жертвоприношеніе Юртазырявѣ, Курдязырявѣ и предкамъ и потомъ гасила невѣстинъ штатолъ въ стаканѣ вина или пива, въ прообразованіе будущаго гашенія фаллоса въ источникѣ любви и гашенія свѣточа Салтана въ чреслахъ матери — воды. Какъ при зажиганіи штатола, такъ и при тушеніи его, взывали къ Салтану, прося его избавить молодую отъ всякаго зла, отъ шайтана и отъ злыхъ людей — колдуновъ. Свѣча невѣстина сохранялась у нея, и ее клали съ ней въ гробъ. Затѣмъ слѣдовалъ обрядъ нареканія имени и прикармливанія. Имбаба подводила новобрачную къ печкѣ, гдѣ свекровь клала ей на голову коровай хлѣба, а Имбаба поддерживала его, чтобы онъ не упалъ. Свекровь, взявъ другой коровай, ударяла имъ по первому и громко

говорила: «Мазаивсь лемецень пуцанъ», т. е. нарекаю тебя Мазаи. Это имя и носила новобрачная послѣ своего брака, а тоже называлась и дѣвичьимъ именемъ съ прибавленіемъ — ава, т. е. женщина, напримѣръ, Васинъ превращалась въ Мазаи Васиняву, а Ламака — въ Мазаи Ламакаву. Послѣ того свекровь клала себѣ на ладони говядину, хлѣбъ, соль и яйца, становилась у шестка, Имбаба держала ей руки, и молодая, наклоняясь, ѣла прямо съ рукъ свекрови. На другой день брака, молодая приносила жертву богинямъ Баняцыравѣ и Ведязыравѣ, кладя первой подъ баннымъ полкомъ, а второй кидая въ рѣку — деньги, холстъ, хлѣбъ и соль. Такъ какъ Ведязырява была вмѣстѣ и богинею чадородія, то новобрачные молились ей о дарованіи дѣтей; кромѣ того, оба новобрачные, тайно отъ всѣхъ, даже отъ своихъ семейныхъ, ходили на рѣку и бросали въ жертву Ведязыравѣ хлѣбъ, соль, говядину и холстъ; часть съѣстного они съѣдали, сидя обнявшись на берегу рѣки и призывая добрую Ведязыряву. Новобрачная никогда во всю свою жизнь не должна была показывать голыхъ необутыхъ ногъ своихъ свекру и свекрови. На этомъ основаніи женщина и до сихъ поръ работаетъ обутая, ибо опасается оскорбить предковъ.

Разспросы, которые мы дѣлали въ 22 мѣстахъ вполнѣ подтвердили существованіе тѣхъ свадебныхъ обрядовъ, которые описалъ арх. Макарій; но мы не ограничивались простою провѣркою и добивались какъ объясненія значенія самыхъ обрядовъ, такъ и дословнаго повторенія разсказщиками и разсказщицами тѣхъ моляновъ и заклинаній, о которыхъ мы встрѣчаемъ намеки у арх. Макарія и другихъ наблюдателей. Мы могли замѣтить между прочимъ, что зачастую нѣкоторые обряды забыты Эрзею, но въ тоже время она сохранила многое изъ того, что безвозвратно утеряно Мокшею, и наоборотъ; такимъ образомъ полной картины древне-мордовской свадьбы намъ неудалось получить и здѣсь поневолѣ мы должны передать описаніе Эрзяшской и Мокшанской свадьбы, предоставляя читателю самому увидать, что между ними есть общаго и какія черты сохранились одною лишь отраслью мордовскаго народа. У Эрзи приготовленіе подводы, предназначенной подъ невѣсту, начинается еще съ вечера наканунѣ дня, опредѣленнаго для вѣнчанія; остовъ кибитки обтягивается холстомъ вышитымъ разными цвѣтными узорами или же невышитымъ, смотря по достатку женихова двора, по

количеству живущихъ въ немъ женщинъ и по ихъ рукодѣльности. Намъ случилось видѣть въ Арзамасскомъ уѣздѣ [1]) покрышку на кибитку, вышитую въ 36 широкихъ полосъ весьма замысловатыми узорами, потребовавшими усилій 4 женщинъ впродолженіи 14 мѣсяцевъ. Съ вечера же приготовляютъ въ домѣ жениха и съѣстные припасы, какъ для отвоза въ домъ невѣсты, такъ и для послѣсвадебнаго пира въ домѣ жениха. Конечно, никто въ эту ночь спать не ложится, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жениха нарочито изгоняютъ изъ дому [2])—кто говоритъ, чтобы не мѣшалъ, а кто утверждаетъ что дѣлается это по старинному обычаю, когда жениху предстояло высмотрѣть, какъ бы сподручнѣе увезти невѣсту [3]). Поѣзжане спозаранку собираются у жениха, изготовляютъ все, что потребуется, чистятъ коней, убираютъ все въ домѣ, во дворѣ и на улицѣ передъ домомъ, украшаютъ лентами свои повозки и т. п. Наконецъ отецъ жениха (а за смертью его старшой въ домѣ) подаетъ знакъ, что пора приготовляться. Еще заранѣе приготовлена для этого случая толстая свѣча и нѣсколько болѣе мелкихъ; отецъ затепляетъ мелкія свѣчи передъ образами, а большую, пріотворивши сѣнную дверь, прилѣпляетъ къ порогу; свѣчу эту Эрзя называетъ: «*кудонь киштатолъ*», и во всякомъ домѣ такая свѣча найдется для употребленія при домашнихъ, семейныхъ моляніяхъ. Отецъ сначала обращается къ иконамъ и проситъ у Бога благословить брачущагося, а затѣмъ, обращаясь лицомъ къ порогу, говоритъ слѣдующее: «*Чимъ-Пазъ! тэтэйнокъ! валдовтомыкъ тсіоратъ! валдовтомыкъ сельметзо ваповлизе паро и апаро! тейемыкъ ерямозо улевель валдо! тейемыкъ сэдейзэ улевель писи авасьтенъ! тейемыкъ сэдей авасть улевель писи сонензе! максокъ сонензе ламо седетнень и шупалгадма!*» т. е. «Чимъ Пазъ! отецъ нашъ! Освѣти твоего сына! освѣти его глаза да видитъ хорошее и худое! сдѣлай его жизнь, да будетъ свѣтлая! сдѣлай его сердце, да будетъ горячо къ женѣ! сдѣлай сердце жены, да будетъ горячо къ нему! дай ему много дѣтей и богатство!» Тутъ женихъ подаетъ отцу коровай хлѣба и ножъ; отецъ съ трехъ ударовъ вырѣзаетъ въ хлѣбѣ кусокъ, относитъ его на порогъ и кладетъ подлѣ

---

[1]) Селеніе Кардавеле, у крестьянина Ивана Пыжова.

[2]) Пенз. губ., Городищ. уѣздъ, Катмисъ и Симб. губ., Корсун. уѣздъ, с. Пермисъ.

[3]) Сообщено въ Пермисѣ кр. Марьей Гудковою.

свѣчи. Затѣмъ онъ благословляетъ сына хлѣбомъ и иконою и даетъ знакъ, что пора ѣхать. Намъ ни разу не случалось слышать, чтобы мать благословляла когда нибудь сына, да и вообще въ мордовскомъ быту намъ почти не случалось встрѣчать указаній на исключительное положеніе матери при мужѣ или безъ послѣдняго въ томъ состояніи, когда она въ бытѣ русскаго человѣка является матерью-вдовою со всемъ престижемъ ея на домочадцевъ. Когда родители благословятъ сына на новую жизнь, всѣ разсаживаются по повозкамъ и отправляются къ невѣстѣ; здѣсь кстати замѣтимъ, что если невѣста приходится изъ односельчанокъ, то при всѣхъ поѣздкахъ отъ жениха ли къ невѣстѣ или отъ этой послѣдней къ жениху никогда не ѣдутъ по кратчайшему пути, а нарочно ѣдутъ окольною дорогою, заѣзжаютъ преднамѣренно въ лѣсъ, куда нибудь въ поле, что служитъ какъ бы воспоминаніемъ (переживаніе) о томъ времени, когда Мордва жила не деревнями, а отдѣльными дворами или же когда поселки были мелки и приходилось искать себѣ жену непремѣнно далеко, то вслѣдствіе родовыхъ связей съ жителями своего поселка, то вслѣдствіе особенности своего поселенія. Отъѣхавъ нѣсколько отъ дома, поѣздъ останавливается и дружко, размахивая саблею или топоромъ, обходитъ повозки, послѣ чего всѣ опять продолжаютъ путь. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ [1]) дружко дѣлаетъ видъ, что порубаетъ что-то по сторонамъ, либо кустарникъ, либо траву, что конечно указываетъ на тѣ времена, когда жениху дѣйствительно приходилось расчищать себѣ путь чтобы добраться незамѣченнымъ къ своей любезной. Едва завидятъ въ домѣ невѣсты, что поѣздъ жениха приближается, тотчасъ спѣшатъ затворить ворота. «Кто тамъ?» спрашиваютъ со двора. «Купцы», отвѣчаютъ жениховцы. «За какимъ товаромъ?» «За живымъ.»—«Мы не торгуемъ.» «Мы силой возьмемъ.» — «Попробуйте» Жениховцы пробуютъ, но, послѣ нѣсколькихъ безполезныхъ усилій отворить ворота, приступаютъ къ переговорамъ и, заплативши копѣекъ 20—30, получаютъ пропускъ. Кое гдѣ тотъ же торгъ происходитъ въ сѣнныхъ дверяхъ и въ дверяхъ, ведущихъ въ самую горницу, но теперь, при всеобщемъ обѣдненіи, сама Мордва сокращаетъ эти препятствія, дорожа каждою лишнею копейкою; намъ случилось [2])

[1]) Краснослоб. уѣздъ, село Мамалаево и Кузнец. уѣздъ, с. Кемешкерь.

[2]) Петров. уѣздъ, Мичкасы, отъ Ѳедосьи Голяшкиной.

слышать объ одной свадьбѣ, гдѣ родители жениха и невѣсты до малѣйшихъ подробностей договорились впередъ о числѣ разныхъ задержекъ и выкуповъ. Войдя въ избу, мать жениха и другія женщины наскоро собираютъ на столѣ закуску и выпивку, и всѣ выпиваютъ и закусываютъ, отнюдь не садясь, а на ходу; родители жениха, пока всѣ ѣдятъ, отправляются кое гдѣ [1]) дѣлать визиты роднымъ невѣсты, чтобы просить ихъ участвовать въ свадебномъ пирѣ. Въ тоже время невѣсту подруги ея собираютъ къ вѣнцу; понаръ долженъ быть ни разу не надѣванный и разукрашенъ столькими рядами вышивокъ, сколько позволитъ время и достатки невѣсты: на голову надѣвается чаще всего всетаки бѣлый платокъ, хотя кое гдѣ [2]) онъ и сталъ уступать мѣсто покупной, магазинной, кисейной фатѣ; ноги невѣсты до такой степени густо и толсто обкручиваются холстомъ и суконными или ленточными полосками, что она едва можетъ двинуться съ мѣста. На завязкахъ дѣвушки гадаютъ: всякая подруга дѣлаетъ одинъ оборотъ вокругъ ноги невѣсты и та, которой достанется закрѣпить конецъ завязки непремѣнно выйдетъ на слѣдующій годъ замужъ. Руки невѣсты украшаются мѣдными браслетами, а пальцы такими же кольцами. Наконецъ, невѣста готова; подруги берутъ ее подъ руки и ведутъ въ горницу; едва войдетъ она туда, какъ должна упасть родителямъ въ ноги и просить ихъ прощенія и благословенія; какъ мы ни добивались, въ чемъ именно проситъ невѣста прощенія, мы не могли добиться толковаго отвѣта, а потому позволяемъ себѣ думать, что невѣста совершаетъ здѣсь обычай, утерявшій смыслъ и значеніе только теперь, а прежде обусловливавшійся ея уходомъ изъ дома родительскаго, самокруткою, такъ какъ если и теперь совершается самокрутка, то невѣста въ описываемый именно нами моментъ, т. е., предъ благословеніемъ проситъ простить ея самовольство съ тою лишь разницею, что въ такомъ случаѣ благословеніе совершается предъ брачнымъ пиромъ и при томъ въ домѣ у жениха. Отецъ невѣсты беретъ ковригу хлѣба, которою уже благословили жениха его родители и которую они привезли съ собою именно для этой цѣли и, держа ее надъ головою дочери, говоритъ: «*Кода*

---

[1]) Самарскій уѣздъ, Семейкино; Городищ. уѣздъ, Катмисъ.

[2]) Нижег. уѣздъ, Самарск. уѣздъ.

кшесь ули валаня — вряможь улязо валаня! Кода кшесь ули козэ видекстькень-эрякв козэ! Кода кше рашты ули-эрякв рашты! Улязо кшесь кшеть! Ведьава кулцонымизв! милостемв улымизв!» т. е., «какъ этотъ хлѣбъ гладокъ—пусть будетъ твоя жизнь гладка! Какъ этотъ хлѣбъ богатъ зернами—будь богата! Какъ этотъ хлѣбъ плодовитъ—будь плодовита! Пусть будетъ этотъ хлѣбъ твоимъ хлѣбомъ! Ведьава услыши нась! помилуй насъ!» [1]) Между тѣмъ въ ковригѣ хлѣба, которою благословляетъ свою дочь отецъ невѣсты, женихъ дома еще провертѣлъ дырочку на нижней коркѣ; для чего это дѣлается, намъ нигдѣ не съумѣли разъяснить, хотя мы и вправѣ предполагать, что это дѣйствіе должно имѣть символическое значеніе. Наконецъ невѣсту подхватываютъ подъ руки и выносятъ изъ избы; кое гдѣ [2]) несетъ невѣсту кто нибудь изъ ближайшихъ родственниковъ жениха, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ ее несутъ мужчины изъ ея родни, причемъ тѣмъ не менѣе она всячески отбивается отъ несущихъ, щиплется, царапается, схватывается за что нибудь и т. п. Говорятъ [3]), существовалъ прежде обычай, чтобы невѣста три раза схватывалась за косякъ дверей и только послѣ третьяго захвата дружко подходилъ къ ней съ саблей и ударялъ послѣднею по косяку подлѣ руки уцѣпившейся за косякъ невѣсты; тутъ уже невѣста болѣе не сопротивлялась и ее выносили въ повозку. Въ настоящее время невѣста все таки три раза къ ряду схватывается то за матицу, то за косякъ горничной двери, то, наконецъ, за косякъ двери выходной; дружко и родня жениха отрываютъ ея руки и стараются нести ее такъ, чтобы она не могла болѣе цѣпляться и мѣшать имъ при выносѣ. Тѣмъ не менѣе, дѣвушка которая половчѣе и не три только раза съумѣетъ уцѣпиться за то, что попадется ей на ходу подъ руку и тѣмъ болѣе старается она противиться выносу, что потомъ подруги ея въ хвалебныхъ пѣсняхъ своихъ будутъ, смотря по ея сопротивленію, болѣе или менѣе прославлять ея ловкость, увертливость и любовь къ родительскому дому. Наконецъ невѣста вынесена, но тутъ всѣ останавливаются и «поклоняются верeѣ», какъ утверждаетъ сосѣдъ Мордвина русскій.

---

[1]) Ардат. Нижегор. Макателемъ, Наталья Ревиичина.

[2]) Ардат. уѣздъ Нижег. губ. и Арзам. уѣздъ той же губерніи.

[3]) Нижег. уѣздъ, Сарнай Марья Данилова.

Дѣло въ томъ, что божокъ покровитель двора живетъ, по мнѣнію Мордвы, то въ самыхъ воротахъ, то посрединѣ двора; ему то и покланяется Мордва въ этомъ случаѣ, прося не оставить ту, которая выходитъ замужъ и слѣдовательно изъ прямой нѣпосрественной его власти. «*Кардась-сярко! кормилецъ! Юртынь-пазъ! Иля сезьтъ соньстензе, кода сонъ сези! Ультъ соньсензе тодеи и тозо кода тезе!*» т. е, Кардась-сярко кормилецъ! богъ двора! не уходи отъ нея, какъ она уходитъ (тоньстензе)! будь съ нею всегда и тамъ, какъ здѣсь! Вѣроятно, именно этотъ обычай и далъ сюжетъ для весьма распространенной у русскаго крестьянина пѣсни о моленьѣ и затѣмъ о проливаніи при свадьбѣ пива. Невѣста не садится въ своей повозкѣ, а держится все время на ногахъ при помощи своихъ подругъ, которыя придерживаетъ ее всячески. Такимъ образомъ поѣздъ доѣзжаетъ до околицы, гдѣ по знаку дружки всѣ останавливаются, сходятъ съ повозокъ и направляются къ дружкѣ, который между тѣмъ успѣлъ достать припасенную имъ посуду съ водкою и угощаетъ ею поѣзжанъ. Пока всѣ пьютъ, невѣста раздаетъ своимъ подругамъ подарки, которые она захватила съ собою изъ дому; отдавая той или другой подругѣ платокъ или браслетъ, невѣста съ воплями восхваляетъ тѣ или другія качества подруги; одной она говоритъ, что никогда та на нее не сердилась, другой, что она всегда въ трудныя минуты приходила ей на помощь и т. д. Между тѣмъ подруги одарены, водка вся выпита и тогда невѣста, вылезши при помощи окружающихъ изъ повозки, бросается въ ноги лошадямъ и начинаетъ умолять ихъ не спѣшить везти ее къ чужимъ людямъ; она обѣщаетъ имъ холю, только бы лошади вернули ее въ родительскій домъ; она вплетаетъ имъ въ холки и гривы ленты и обѣщаетъ, что они всегда будутъ ею такъ изукрашены; не получая отвѣта отъ лошадей, невѣста пробуетъ сама урваться изъ поѣзда, но конечно ее подхватываютъ жениховцы и уносятъ поскорѣе въ повозку; невѣста, конечно, снова начинаетъ вопить, рваться и даже драться, но жениховцы крѣпко держатъ ее и для большей безопасности усаживаютъ ее вмѣстѣ съ будущею свекровью, которая съ этого момента должна не спускать съ нея глазъ, такъ какъ невѣста должна стараться какъ нибудь перехитрить свекровь. Послѣднею уловкою невѣсты, которая уже успѣла сдѣлаться простымъ переживаніемъ, утерявши свое прежнее значеніе, является швы-

рянье ею на дорогу фаты, платка или пояса, что дѣлалось вѣроятно прежде, чтобы указать погонѣ, гдѣ слѣдуетъ искать увезенную дѣвушку, затѣмъ совершалось просто лишь для того, чтобы хотя нѣсколько задержать поѣздъ и дать время погонѣ нагнать потерянное время, а теперь исполняется безсознательно, просто лишь для того, чтобы родственники невѣсты могли привязаться и выпить съ жениха лишній полштофъ водки. Какъ только невѣстѣ, несмотря на старанія будущей свекрови, удастся бросить на дорогу фату, братья ея, которые только этого и ждали, быстро соскакиваютъ на землю, подхватываютъ фату и только послѣ долгаго торга выдаютъ ее жениху, который обязанъ ее выкупить. Иногда, но рѣдко, свекровь не допускаетъ невѣсту до выполненія этого обычая и тогда женихъ угощаетъ свою мать водкою передъ всѣми для того, чтобы прославить передъ всѣми ея ловкость; невѣста же, видя, что приходится такъ или иначе покориться судьбѣ, отрѣзываетъ или же (и при томъ чаще) вырываетъ у себя клочекъ волосъ и пересылаетъ послѣдніе съ дружкою къ своей матери на память. Затѣмъ поѣздъ снова трогается въ путь и благополучно безъ остановокъ доѣзжаютъ до церкви, гдѣ свадьба совершается такъ, какъ предписано уставомъ православной церкви съ тою лишь отличительною чертою, что кое гдѣ [1]) женихъ и дружко невѣсты ставятъ «кубынь-кштатолцы» первый — иконѣ Архангела Гавріила, поражающаго сатану, а второй — Пресвятой Дѣвѣ Маріи; кштатолцы горятъ во все время совершенія таинства, а затѣмъ убираются хозяевами и увозятся домой, такъ какъ они должны горѣть въ домахъ въ теченіи всего того времени, пока длятся свадебные пиры. Наконецъ вѣнчаніе окончено и священникъ предлагаетъ молодымъ поцѣловаться; молодая противится этому первому поцѣлую и всячески старается не даться, причемъ жениху достаются даже побои и щипки, но все это дѣлается лишь для выполненія стариннаго обычая, такъ какъ молодой проходу бы не дали, если бы она безъ сопротивленія дала мужу свой первый на людяхъ поцѣлуй; во время борьбы подходитъ свекоръ, беретъ молодую за плечи, держитъ ее и даетъ сыну возможность поцѣловать жену безнаказанно. Свекоръ говоритъ при этомъ, что онъ не можетъ не

[1]) Корсун. уѣздъ, Пермисъ, Марья Гудкова; Ардатов., Симб. губ., Пичкасы, Матвѣй Дробышевъ.

похвалить свою сноху за то мужество, съ которымъ она защищалась, но что она теперь сынъ его ей уже не чужой и да не сѣтуетъ она на него за то, что онъ помогъ сыну въ его первой борьбѣ съ нею; впередъ онъ помогать сыну не будетъ, такъ какъ навѣрное не будетъ борьбы. По окончаніи этой рѣчи, молодой проситъ молодую сѣсть на обратный путь съ нимъ вмѣстѣ въ повозку, но онъ знаетъ впередъ, что молодая обязана не согласиться, и что ему силкомъ придется нести ее; такъ онъ и дѣлаетъ и весь поѣздъ мчится во весь опоръ къ мужнину дому. Едва поѣздъ подскачетъ къ воротамъ, какъ дѣвушки запираютъ ихъ и начинаютъ пѣть про жениха укоризненныя пѣсни: тутъ разсказываются о молодомъ такія вещи, о которыхъ онъ конечно никому никогда не разсказывалъ; всякій чуть-чуть двухсмысленный поступокъ его передается здѣсь со всѣми подробностями, а больше всего обращаютъ дѣвушки вниманіе на холостыя шашни молодаго, причемъ побѣды его исчисляются подробно съ поименованіемъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ жилъ счастливо; молодой, собственно говоря, совершенно доволенъ всѣми этими разсказами, такъ какъ исчисленіе его побѣдъ приноситъ ему честь и если бы его не корили его любовными похожденіями, то онъ обидѣлся бы, такъ какъ это означало бы, что онъ такъ дуренъ, что ни одна дѣвушка до его свадьбы не хотѣла имѣть съ нимъ сношеній. Еще не успѣютъ дѣвушки запѣть, какъ молодой, пользуясь тѣмъ, что всѣ слушаютъ пѣніе и не обращаютъ на него вниманія, соскакиваетъ съ повозки и быстро скрывается въ калитку для того, чтобы спрятаться въ клѣти по издавна заведенному обычаю. Съ этого момента свадебный порядокъ, который мы наблюдали у Эрзи, совершенно схожъ съ тѣмъ, который описанъ уже выше у г. Кронтовскаго. Нѣсколько иначе ведется дѣло среди Мокши. Справленіе свадебнаго поѣзда происходитъ и у Мокши въ жениховомъ домѣ и притомъ кибитка устраивается непремѣнно на жениховъ счетъ, причемъ договоръ о большемъ или меньшемъ убранствѣ кибитки совершается еще во время сговора; если бы родители жениха не выполнили всего такъ, какъ сговорились на сговорѣ, то дѣло доводятъ до суда и судъ приговариваетъ по оцѣнкѣ заплатить молодой за невыполненое украшеніе его стоимость. [1]) Чаще всего млад-

[1]) Краснослоб. у., Шигарино; рѣшеніе волостнаго суда 1876 г., № 39 Мая 18.

шій дядя жениха или его старшій братъ или же наконецъ зять-влазень исполняютъ роль дружки, а тетка — свахи. Часу въ восьмомъ утра всѣ родные жениха, которымъ предстоитъ принимать участіе въ свадебномъ пирѣ, собираются въ домъ его и усаживаются вокругъ стола закусить; отецъ жениха встаетъ со своего мѣста и, поднявъ надъ головою корзину хлѣба со вставленною въ нее солоницею и положенною сверху яичницею, говоритъ: *«Оцю Шкай! Вэрдэ Шкай! кули тетъ шари кши и шари алъ! Валдакъ тонъ цора! Валдакъ сонъ сельмэтъ, ванaзазъ цебэрь и озалъ! тійакъ сонъ еряфъ улеза валда! тійакъ сонъ седи улеза писи аванди! тійакъ авань седи улеза писи теинза! Минъ максасы тетъ кши и тонъ максакъ теинза кши! Минъ тетъ максасы сарасинъ сіора-тонъ максакъ теинза ломатнень сіора! Максакъ теинза павасъ, козэ и лама жабатнень!»* т. е. Великій Шкай! Высокій Шкай! Вотъ тебѣ круглый хлѣбъ и круглое яйцо! Освѣти твоего сына! Освѣти его глаза, да видятъ доброе и худое! сдѣлай его жизнь, да будетъ свѣтла! сдѣлай его сердце, да будетъ горячо къ женѣ! сдѣлай жены сердце, да будетъ горячо къ нему! Мы даемъ тебѣ хлѣбъ и ты дай ему хлѣбъ! мы даемъ тебѣ куриное сѣмя—ты дай ему человѣческое сѣмя! дай ему счастье, богатство и много дѣтей! Прочтя эту молитву, отецъ беретъ ножъ и подаетъ его жениху, котораго и приглашаетъ впервые въ жизни вырѣзать «озондамъ палъ»; женихъ съ трехъ ударовъ вырѣзаетъ жертвенный кусокъ, откусываетъ отъ него частицу, даетъ укусить своей роднѣ и затѣмъ бросаетъ остатки въ печь, гдѣ бываетъ огонь и гдѣ вслѣдствіе, такъ называемой, позднѣйшей локализаціи полагается жилище бога священнаго, небеснаго огня. Послѣ этого отецъ беретъ ковригу и икону и благословляетъ сына, причемъ послѣдній принужденъ поцѣловать икону, ковригу, соль и яичницу; отецъ желаетъ ему счастья въ новой жизни и дѣлаетъ ему нѣсколько общихъ замѣчаній касательно дальнѣйшаго его обращенія съ будущею женою, ея роднею и своими родственниками, послѣ чего подаютъ знакъ къ отъѣзду, всѣ разсаживаются по повозкамъ, а женихъ остается дома, такъ какъ онъ не можетъ на людяхъ быть со своею невѣстою и обязанъ скрываться въ воспоминаніе о томъ времени, когда такое скрываніе было необходимо. Поѣздъ двигается по знаку дружки, который, предварительно отворивъ ворота и забросивъ на крышу дома деревянный замокъ или

засовъ, кланяется по три раза каждому изъ столбовъ воротъ, приговаривая: «*кода тинь лихтамасть, стань тинь сувафтамасьтя*» т. е. «какъ насъ выпустили, такъ насъ впустите». Затѣмъ дружко съ саблею на голо (а если не найдется сабли, то и запросто съ отбитою косою, одинъ конецъ которой обдѣланъ въ тряпки въ видѣ ручки) три раза обходитъ кругомъ поѣзда, говоря заговоръ отъ сглазу; при этомъ онъ чертитъ въ четырехъ мѣстахъ вокругъ поѣзда тавро женихова отца съ отмѣткою, принадлежащею уже собственно жениху, для того, чтобы добрыя силы догадались по этому тавру, кому они должны помогать; такъ, напримѣръ, если тавромъ отца была дуга, то къ ней прибавляютъ колокольчикъ и чертятъ дугу съ небольшою чертою, опускающеюся изъ ея вершины внизъ («*йонькся*» и «*йонькся и колокола*»). Наконецъ, поѣздъ подъѣзжаетъ къ дому невѣсты; отецъ невѣсты давно уже видѣлъ приближеніе жениховцевъ, вышелъ изъ хаты и поспѣшилъ затворить ворота; случается однако, что отецъ и прозѣваетъ пріѣздъ жениховцевъ и не затворитъ воротъ—тогда смѣху нѣтъ конца и остротами совершенно засыплютъ недоглядѣвшихъ охранителей. Конечно, начинается разговоръ о томъ, кто и за какимъ дѣломъ пріѣхалъ и, въ концѣ концовъ, разговоръ этотъ завершается торгомъ за впускъ въ ворота; тутъ дѣло оканчивается на 30—35 копѣйкахъ, но едва жениховцы взойдутъ на крылечко и сунутся въ двери, какъ съ нихъ снова требуютъ платы и притомъ уже въ двойномъ размѣрѣ; противъ разъ опредѣленной цѣны жениховцы ничего уже выторговать не могутъ по той простой причинѣ, что у воротъ съ нихъ возьмутъ никакъ не менѣе стоимости полуштофа, и сѣнныхъ дверей—штофа, и наконецъ у дверей входныхъ стребуютъ полуторникъ. Всѣ деньги, полученныя такимъ образомъ, поступаютъ въ пользу отца невѣсты, который и пропиваетъ ихъ послѣ свадьбы дочери, то въ одиночку, то угощая свата. Отецъ жениха, еще выходя изъ повозки, прихватилъ съ собою пудовый хлѣбъ, который служилъ ему для вырѣзки озондамъ-палъ'а дома, каши, сотню, а то и двѣ блиновъ, 2—3 окорока ветчины, яичницъ съ полсотни и вина въ томъ количествѣ, которое выговорено было на сговорѣ; все это разставляется на столѣ и поступаетъ подъ прямое завѣдываніе хозяйки дома, дѣлаясь такимъ образомъ угощеніемъ со стороны родителей невѣсты, а не со стороны жениховцевъ. Яичницы склады-

ваются лепешками въ корыто или же накалываются на жердочку, воткнутую въ одинъ изъ хоронниковъ печки («*сьопама*» отъ «*сіопанв*»—прятать: ниши въ печи). Когда припасы прибраны, сваты вмѣстѣ съ невѣстою помѣщаются подъ матицу, а поѣзжане окружаютъ ихъ; отецъ невѣсты совершаетъ семейный молянъ, но жертвеннаго куска уже не вырѣзаетъ, а цѣлуетъ только хлѣбъ и иконы; всѣ слѣдуютъ его примѣру и это прикладыванье, смотря по количеству приглашенныхъ, продолжается до часу времени. По окончаніи этого обряда всѣ снова усаживаются за столъ и на лавки, закусываютъ принесенными припасами и выпиваютъ. Тутъ же отецъ жениха вноситъ выговоренныя съ него деньги за невѣсту въ заранѣе опредѣленномъ размѣрѣ. Сваха и мать невѣсты съ своей стороны вносятъ въ горницу огромный шестъ, который однимъ своимъ концемъ втыкается между матицею и потолкомъ, причемъ другой конецъ спускается въ захватъ руки къ полу; на этотъ шестъ навѣшиваютъ онѣ тѣ вещи, которыя наготовила невѣста для подарковъ, т. е. куски холста, полотенца, цѣльныя рубахи, юбки и платки. Всѣ эти вещи по преимуществу должны быть сдѣланы руками невѣсты, потому что во время развѣшиванія подруги невѣсты поютъ пѣсню о золотыхъ рукахъ невѣсты, которая и трудолюбива и умѣла—можетъ сто человѣкъ обшить и не стоитъ такой доброй работницы женихъ, который не далъ имъ даже и на пиво; невѣстѣ приходила помогать Везынь-азыръ-ава, которая любитъ ее и не оставитъ ее своимъ покровительствомъ: «когда пряла и старая пряла, когда ткала и старая ткала, когда вышивала и старая вышивала, когда шила и старая шила» («*кули киштиндась, тоза ташта киштиндась; кули кодась, тоза ташта кодась; кули стась потмыста, тоза сирэ стась потмыста; кули стась, тоза сирэ стась*»); пусть-ка женихъ найдетъ себѣ другую такую помощницу — не бойсь, поищетъ, да и не найдетъ: ее старая любитъ, ей старая помогаетъ. Дальнѣйшій ходъ свадебныхъ обрядовъ совершенно сходенъ съ тѣмъ ихъ описаніемъ, которое даетъ намъ арх. Макарій въ своей статьѣ о Мокшѣ Нижегородской губерніи, съ тою лишь разницею, что иногда почтенный авторъ не обращалъ должнаго вниманія на нѣкоторыя частности, которыя однако имѣютъ громадное значеніе. Такъ, напримѣръ, когда невѣста отправляется уже изъ церкви, то дружко передъ самымъ отъѣздомъ домой подходитъ къ той повозкѣ, гдѣ

сидитъ молодая и быстрымъ движеніемъ снимаетъ колыбу со шкворня. «Ѣхать нельзя»! объявляетъ онъ молодой, но тутъ подходитъ новоженъ и надѣваетъ снова колыбу на шкворень, со словами: «Кабы не было шкворня—нельзя бы было, а на шкворень надѣлъ—вѣкъ не снимется»; при этомъ онъ ударяетъ дружку слегка вдоль спины,—«чтобы не снималъ молодую со шкворня». Символическое значеніе этого обычая понятно всякому и распространяться о немъ мы считаемъ излишнимъ. Едва успѣютъ сваха съ дружкою поднять молодыхъ отъ брачнаго ложа, какъ молодую начинаютъ собирать «на рѣку». Этого интереснаго обряда мы не нашли только у тетюшскихъ Каратаевъ, да въ с. Шингаринѣ Краснослободскаго уѣзда, тогда какъ вездѣ въ другихъ мѣстностяхъ, населенныхъ Мокшею, онъ встрѣчался намъ неизмѣнно. Впереди съ ушатомъ идутъ дѣвушки, бывшія подруги молодой, а за ними слѣдуетъ самая старая старуха, несущая на головѣ ковригу хлѣба, накрытую большою яичницею. За старухой идутъ дружко и сваха съ ковшами браги въ рукахъ и съ запасомъ оной въ ведрѣ, а за ними уже въ одной рубахѣ, съ открытою головою неподпоясанная и босая идетъ молодая; всю дорогу отъ избы до берега дружко и сваха поливаютъ дорогу «пурэ». На головѣ у молодой наложена огромная кипа полотенецъ (изображающихъ въ мордовской и иныхъ символикахъ потоки и рѣки), а въ рукахъ она держитъ курицу, которая послужила уже для доказательства соблюденія ею дѣвственности (въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ особенно сильно русское вліяніе), или же живую для принесенія ее въ жертву Ведынъ-азыръ-авѣ. Когда всѣ придутъ на берегъ, невѣста топитъ въ рѣкѣ курицу, бросаетъ въ рѣку ковригу и яичницу, а старуха громко и внятно произноситъ слѣдующій молянъ: «*Ведынв-азырв-ава! дэдэкаи! тонв ули мани — тійакв сонв мани! муськакв сонв урмада и озалда! максакв теинзэ лама шачыматкенв частливай! максакв теинза ванама жабаткень сонь жабаткень! Ульхтв теинза дэдяксв—келиакв стыртьзэ»!* т. е. Водяная хозяйка! матушка! ты чиста—сдѣлай ее чистою! Омой ее отъ болѣзни и зла! дай ей много родовъ счастливыхъ! дай ей видѣть (супинумъ) дѣтей ея дѣтей! Будь ей какъ мать—люби свою дочь»! Когда окончатъ этотъ молянъ, молодая или вся входитъ въ рѣку или же ее взбрызгиваютъ водою и выливаютъ остатки «пурэ» въ воду, послѣ чего направляются въ прежнемъ порядкѣ домой.

Тамъ снова совершается все то, о чемъ говоритъ въ своей статьѣ арх. Макарій, т. е. свекровь нарекаетъ молодой новое имя, подвязывая ей поясъ и ударяя священною ковригою по головѣ, затѣмъ ведетъ къ печкѣ, кормитъ ее изъ своихъ рукъ, приговаривая: «*Кода пэна-кудь кудста-аф-мэнаи—тода и тонь кудста тят-мэна*»! т. е. «какъ печь изъ избы не выходитъ—такъ и ты изъ избы не выходи». На третій день послѣ свадьбы справляется молянъ баназыравѣ и кудазыравѣ, причемъ первой молодая приноситъ какъ бы въ жертву новую дубовую шайку, а ради второй украшаетъ дверь и печь кусками холста и полотенцами. Черезъ шесть недѣль свекровь надѣваетъ на голову невѣстки волосникъ съ тѣми самыми обрядами, которые описаны выше. Пиры происходятъ, смотря по состоянію родителей молодыхъ, то недѣлю, а то больше; а если они пользуются уваженіемъ своихъ односельчанъ, то послѣдніе тоже не пренебрегутъ случаемъ позвать ихъ къ себѣ и иногда впродолженіи цѣлаго мѣсяца селеніе не успокоивается послѣ справленной въ немъ свадьбы.

VIII.

Случается иногда, что послѣ сговора и вслѣдствіе частыхъ свиданій между собою, женихъ и невѣста не выдержатъ искуса; парень увѣритъ дѣвушку въ своей любви и воспользуется ея довѣріемъ во зло, а затѣмъ вздумаетъ отказаться отъ нея. Одинаково строго взглянули на такой поступокъ и Эрзя и Мокша и считаютъ такого парня заслуживающимъ наказанія. У обѣихъ отраслей мордовскаго народа за такой обманъ полагается большой штрафъ, если только парень не одумается и не покроетъ свадьбою своего дурного поступка; въ послѣднемъ случаѣ, конечно, штрафа не полагается. Мокша нигдѣ не могла привести намъ примѣра подобнаго порицательнаго поведенія парня, тогда какъ у Эрзи подобные случаи бывали. Впрочемъ иногда случается и такъ, что бѣду прикрываетъ бракомъ и другой кто либо, такъ какъ мордовскіе женихи не особенно падки на счетъ дѣвственности ихъ невѣстъ.

Справить мордовскую свадьбу, какъ видно изъ вышесказаннаго, стоитъ далеко не дешево, а справить ее богатому дому, да притомъ еще если и невѣста берется отъ богатыхъ родителей, становится и

сидитъ молодая и быстрымъ движеніемъ снимаетъ колыбу со шкворня. «Ѣхать нельзя»! объявляетъ онъ молодой, но тутъ подходитъ новоженъ и надѣваетъ снова колыбу на шкворень, со словами: «Кабы не было шкворня—нельзя бы было, а на шкворень надѣлъ—вѣкъ не снимется»; при этомъ онъ ударяетъ дружку слегка вдоль спины,—«чтобы не снималъ молодую со шкворня». Символическое значеніе этого обычая понятно всякому и распространяться о немъ мы считаемъ излишнимъ. Едва успѣютъ сваха съ дружкою поднять молодыхъ отъ брачнаго ложа, какъ молодую начинаютъ собирать «на рѣку». Этого интереснаго обряда мы не нашли только у тетюшскихъ Каратаевъ, да въ с. Шингаринѣ Краснослободскаго уѣзда, тогда какъ вездѣ въ другихъ мѣстностяхъ, населенныхъ Мокшею, онъ встрѣчался намъ неизмѣнно. Впереди съ ушатомъ идутъ дѣвушки, бывшія подруги молодой, а за ними слѣдуетъ самая старая старуха, несущая на головѣ ковригу хлѣба, накрытую большою яичницею. За старухой идутъ дружко и сваха съ ковшами браги въ рукахъ и съ запасомъ оной въ ведрѣ, а за ними уже въ одной рубахѣ, съ открытою головою неподпоясанная и босая идетъ молодая; всю дорогу отъ избы до берега дружко и сваха поливаютъ дорогу «пурэ». На головѣ у молодой наложена огромная кипа полотенецъ (изображающихъ въ мордовской и иныхъ символикахъ потоки и рѣки), а въ рукахъ она держитъ курицу, которая послужила уже для доказательства соблюденія ею дѣвственности (въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ особенно сильно русское вліяніе), или же живую для принесенія ее въ жертву Ведынъ-азыръ-авѣ. Когда всѣ придутъ на берегъ, невѣста топитъ въ рѣкѣ курицу, бросаетъ въ рѣку ковригу и яичницу, а старуха громко и внятно произноситъ слѣдующій молянъ: «*Ведынъ-азыръ-ава! дэдэкаи! тонъ ули мани — тійакъ сонъ мани! муськакъ сонъ урмада и озалда! максакъ теинзэ лама тачыматнень частливай! максакъ теинза ванама жабатнень сонь жабатнень! Ульхтъ теинза дэдяксъ—кемакъ стыртьзэ»!* т. е. Водяная хозяйка! матушка! ты чиста—сдѣлай ее чистою! Омой ее отъ болѣзни и зла! дай ей много родовъ счастливыхъ! дай ей видѣть (супинумъ) дѣтей ея дѣтей! Будь ей какъ мать—люби свою дочь»! Когда окончатъ этотъ молянъ, молодая или вся входитъ въ рѣку или же ее взбрызгиваютъ водою и выливаютъ остатки «пурэ» въ воду, послѣ чего направляются въ прежнемъ порядкѣ домой.

Тамъ снова совершается все то, о чемъ говоритъ въ своей статьѣ арх. Макарій, т. е. свекровь нарекаетъ молодой новое имя, подвязывая ей поясъ и ударяя священною ковригою по головѣ, затѣмъ ведетъ къ печкѣ, кормитъ ее изъ своихъ рукъ, приговаривая: «*Кода нэна-кудъ кудста-аф-мэнаи—тода и тонь кудста тят-мэна*»! т. е. «какъ печь изъ избы не выходитъ—такъ и ты изъ избы не выходи». На третій день послѣ свадьбы справляется молянъ баназыравѣ и кудазыравѣ, причемъ первой молодая приноситъ какъ бы въ жертву новую дубовую шайку, а ради второй украшаетъ дверь и печь кусками холста и полотенцами. Черезъ шесть недѣль свекровь надѣваетъ на голову невѣстки волосникъ съ тѣми самыми обрядами, которые описаны выше. Пиры происходятъ, смотря по состоянію родителей молодыхъ, то недѣлю, а то больше; а если они пользуются уваженіемъ своихъ односельчанъ, то послѣдніе тоже не пренебрегутъ случаемъ позвать ихъ къ себѣ и иногда впродолженіи цѣлаго мѣсяца селеніе не успокоивается послѣ справленной въ немъ свадьбы.

VIII.

Случается иногда, что послѣ сговора и вслѣдствіе частыхъ свиданій между собою, женихъ и невѣста не выдержатъ искуса; парень увѣритъ дѣвушку въ своей любви и воспользуется ея довѣріемъ во зло, а затѣмъ вздумаетъ отказаться отъ нея. Одинаково строго взглянули на такой поступокъ и Эрзя и Мокша и считаютъ такого парня заслуживающимъ наказанія. У обѣихъ отраслей мордовскаго народа за такой обманъ полагается большой штрафъ, если только парень не одумается и не покроетъ свадьбою своего дурного поступка; въ послѣднемъ случаѣ, конечно, штрафа не полагается. Мокша нигдѣ не могла привести намъ примѣра подобнаго порицательнаго поведенія парня, тогда какъ у Эрзи подобные случаи бывали. Впрочемъ иногда случается и такъ, что бѣду прикрываетъ бракомъ и другой кто либо, такъ какъ мордовскіе женихи не особенно падки на счетъ дѣвственности ихъ невѣстъ.

Справить мордовскую свадьбу, какъ видно изъ вышесказаннаго, стоитъ далеко не дешево, а справить ее богатому дому, да притомъ еще если и невѣста берется отъ богатыхъ родителей, становится и

очень дорого. Согласно тому, что намъ привелось узнать, свадьба средней руки обходится жениху рублей до 80, а невѣстѣ—до 25; почти тѣ же размѣры расходовъ могутъ быть признаны средними какъ для Эрзи, такъ и для Мокши, такъ какъ хотя у Мокши со стороны жениха и не бываетъ подарковъ невѣстиной роднѣ, но за то съ него гораздо болѣе требуется расходовъ на угощеніе. У Эрзи женихъ даритъ обыкновенно невѣстиной роднѣ холсты и рубахи, которые обходятся ему до 10 рублей, но въ свою очередь не получаетъ особенно цѣнныхъ отдарковъ.

Изъ самого описанія свадьбы, помѣщеннаго выше, можно заключать, что главными дѣйствующими лицами на свадьбѣ, кромѣ брачущихся и ихъ родителей, являются дружко и сваха, на которыхъ лежитъ обязанность слѣдить, чтобы все было исполняемо такъ, какъ повелось изстари; въ моментъ окончанія свадьбы оканчивается и ихъ дѣятельность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и отношенія ихъ къ молодымъ. Имъ довлѣетъ на свадьбѣ почетъ тотчасъ послѣ родителей, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и выше того, которымъ пользуются родители брачущихся.

Дѣвственность дѣвушки вовсе не есть conditio sine qua non брака; и Эрзя (кромѣ тѣхъ мѣстностей, гдѣ вслѣдствіе долгаго и сильнаго русскаго вліянія она успѣла уже нѣсколько измѣнить свои воззрѣнія) и Мокша смотрятъ на это вполнѣ равнодушно, такъ какъ очень часто парень и дѣвушка слюбятся и сойдутся гораздо ранѣе брака. Вслѣдствіе того, что дѣвственность не требуется въ видѣ непремѣннаго условія, несоблюденіе ея и не влечетъ рѣшительно никакихъ послѣдствій какъ для самой невѣсты, такъ и для ея родителей. Непремѣннымъ условіемъ порядочности молодаго Мордва считаетъ то, чтобы онъ скрылъ недѣвственность молодой и вообще намъ рѣшительно нигдѣ не удавалось встрѣтить что-либо похожее на то прославленіе дѣвственности, которое такъ развито въ средѣ русскаго крестьянства и на то дикое и немилосердое мщеніе, которое слѣдуетъ по русскимъ обычаямъ родителямъ молодой въ случаѣ отсутствія невинности, въ родѣ приноса матери рѣшета, дыряваго горшка, выставки въ сѣняхъ пустой, непокрытой квашни и т. п. Тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ [1]) посто-

[1]) Нижегор. уѣздъ, с. Сарлеи, Марья Данилова и Самар. уѣздъ, с. Семейкино, Антонъ Мосѣевъ.

янное общеніе съ русскими и въ этомъ случаѣ оказало свое вліяніе на обычаи Мордвы и мы видимъ уже, что въ случаѣ, если молодой нашелъ молодую не утерявшею дѣвственности, гости начинають бить посуду и ломать что попадется подъ руку; такое поведеніе гостей признается знакомъ особаго почтенія и потому весьма цѣнится родителями молодой. Однако, слѣдуетъ замѣтить, что и въ этихъ сильно обрусѣвшихъ мѣстностяхъ при отсутствіи дѣвственности гости не предпринимаютъ ровно ничего, да имъ и не узнать объ этомъ, если только молодой, выпивши, не проболтается.

Приданаго въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. какъ выдѣлъ части изъ семейнаго имущества въ пользу дочери, выдаваемой замужъ, совершенно не существуетъ у Мордвы, но тѣмъ не менѣе нѣчто подобное мы находимъ въ томъ, что соотвѣтствуетъ нашей «коробьѣ» и называется у Эрзи «*парькэ*», а у Мокши «*парчинэ*« или «*парга*». У Эрзи «парькэ» копится какъ невѣстою, такъ и всѣми домашними, для которыхъ крайне важно, чтобы невѣстина коробья была богаче [1]); напротивъ того, у Мокши накопленіе коробьи лежитъ на обязанности только невѣсты, которая однако вольна употреблять на снабженіе коробьи то, что ей даритъ семья и даже часть своихъ частныхъ стороннихъ заработковъ [2]). Шитьемъ и прилаживаньемъ того, что должно войти въ составъ коробьи, занимается сама невѣста и ея подруги, но отнюдь не на дѣвишникѣ только, а во время посидѣлокъ, которыя собираются преимущественно тѣми дѣвушками, которыя стоятъ на очереди выйти замужъ. Изрѣдка у Эрзи [3]) отецъ невѣсты даетъ ей въ приданое то телку, то 2—3 овцы, но такая дача отнюдь не обязательна и скорѣе имѣетъ характеръ простого свадебнаго подарка, такъ какъ иногда на свадьбѣ и гости дарятъ невѣстѣ на обзаведеніе кто телку, а кто овцу и даже двѣ. У Мокши иногда такой подарокъ упоминается отцомъ невѣсты при самомъ сговорѣ, но опять-таки и здѣсь приданое не есть что либо необходимое и скорѣе можетъ быть названо также свадебнымъ подаркомъ. Ясно, что если Мордва не имѣетъ понятія

---

[1]) Во всѣхъ мѣстностяхъ, населенныхъ Эрзею.

[2]) Краснослоб. уѣздъ, с. Мамолаи, Васильчикинъ.

[3]) Арзамаск. уѣздъ, с. Кардавеле, Өедоръ Ильцовъ и Ардат. уѣздъ, Симб. губ., с. Пичкасы, Матвѣй Дробышевъ.

о приданомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, то никогда и не случается, чтобы о немъ бывали какіе либо уговоры, а тѣмъ болѣе, чтобы объ немъ заключались какіе либо письменные акты въ родѣ нашихъ русскихъ рядныхъ записей. Что касается до коробьи, то она и у Эрзи и у Мокши привозится въ домъ жениху вмѣстѣ съ невѣстою и никакихъ споровъ о количествѣ вещей въ коробьѣ и о богатствѣ послѣдней не бываетъ, да и не можетъ быть, такъ какъ семья иногда и не знаетъ о содержаніи коробьи своей дочери, если только на ней не лежитъ обязанность наполнять ее. Во всякомъ случаѣ, какъ до вступленія въ бракъ, такъ и послѣ свадьбы коробья составляетъ непреложную собственность невѣсты и потомъ жены, и никто не имѣетъ права ею распорядиться, хотя и бываютъ, конечно, случаи отклоненія отъ такого воззрѣнія на неприкосновенность коробьи, вслѣдствіе злоупотребленія мужемъ своими правами господина въ домѣ; такого мужа всѣ считаютъ неправымъ и если бы дѣло дошло до суда стариковъ, то его присудили бы возвратить женѣ отнятое, да еще и сдѣлали бы приличное внушеніе при помощи розогъ [1]). Когда жена умираетъ, то коробья у Эрзи поступаетъ въ полную собственность вдовца, несмотря на то, что у него есть дѣти и даже женскаго пола, которымъ вещи изъ коробьи могли пригодиться впослѣдствіи; напротивъ того совершенно иначе взглянула на это дѣло Мокша (и притомъ это воззрѣніе слѣдуетъ признать древнѣйшимъ, а слѣдовательно и болѣе характеристичнымъ для всей Мордвы), которая дѣлаетъ различіе въ томъ, при какихъ условіяхъ умерла жена: если по смерти жены осталась дѣвочка, то материнская коробья цѣликомъ поступаетъ въ ея пользу, если же по смерти матери остался мальчикъ или же она умерла бездѣтною, то коробья поступаетъ въ собственность вдовца и ему предоставляется поступить съ ея содержаніемъ, какъ ему заблагоразсудится. Передача коробьи по смерти жены ея родителямъ никогда не имѣетъ мѣста.

«*Ервэ-цинджиртв*» [2]), говоритъ Мокша (свадьба—цѣпь), а Эрзя поясняетъ, что «*свадьба тшавазь-кійакъ а амашты ажо тшавомсь*» [3]),

---

[1]) Рѣшеніе волостнаго суда 1875 г., 19-го іюня, въ Макателемскомъ волостномъ правленіи Ардатов. уѣзда, Нижегор. губерніи.

[2]) Кузнецк. уѣздъ, с. Кенешкерь, Степанида Пятаева.

[3]) Ардатов. уѣздъ Нижегор. губ., с. Макателемъ, Наталья Ревинчина.

т. е. «свадьба сковала — никто не можетъ расковать»; въ этихъ двухъ пословицахъ выражается вполнѣ ясно взглядъ Мордвы на полную невозможность расторженія брака, да и не было случаевъ, чтобы когда нибудь требованіе о расторженіи шло и поддерживалось энергично со стороны одного изъ супруговъ. На вопросы мои какъ у эрзянскихъ, такъ и у мокшанскихъ женщинъ и мужчинъ — что же надо дѣлать, если жить вмѣстѣ супругамъ не представляется никакой возможности, мнѣ отвѣчали, что нужно терпѣть до послѣдней крайности и только при рѣшительной невозможности какъ бы то ни было устроить худой миръ идти на разрывъ. Впрочемъ, вездѣ случаи такого разрыва и слѣдующаго за нимъ расхода крайне рѣдки. Если бы когда нибудь и случилось супругамъ разойтись, то мужъ обязанъ давать женѣ на пропитаніе; дѣти берутся въ этомъ случаѣ по взаимному соглашенію, а если бы таковаго не произошло, то рѣшаютъ этотъ вопросъ старики и притомъ безапелляціонно; старики обыкновенно присуждаютъ дѣтей тому изъ родителей, который представляетъ наиболѣе гарантій для прокормленія ихъ и безбѣднаго впослѣдствіи существованія. Въ Корсунскомъ уѣздѣ въ с. Пермисъ намъ разсказали такой случай: мужъ и жена, имѣя трехъ дѣтей, задумали разойтись; мужъ былъ пьяница, но пользовался душевымъ надѣломъ на двѣ души за смертью его брата; старики вслѣдствіе возбужденнаго между супругами спора о дѣтахъ порѣшили: отдать мужу одного ребенка, а матери двоихъ, такъ какъ мать представила доказательства, что ее нанимаютъ къ себѣ мѣстные помѣщики съ жалованьемъ въ 8 руб. въ мѣсяцъ, что совершенно обезпечиваетъ существованіе дѣтей; мать была очень рада такому рѣшенію, а отецъ остался недоволенъ, но никуда не жаловался. Ясно, что вслѣдствіе такого взгляда не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы отецъ давалъ деньги на прокормленіе дѣтей, отданныхъ матери, и наоборотъ. Какъ послѣдній выходъ, какъ бѣда, безъ которой однако дальнѣйшее существованіе немыслимо, расходъ между супругами признается Мордвою терпимымъ и даже желаннымъ исходомъ; лучше, по мнѣнію народа, разойтись отъ грѣха, такъ какъ иначе дождешься только убійства и другихъ преступленій.

Шесть недѣль уже непремѣнно должна вдова посвятить памяти умершаго мужа, а затѣмъ у Эрзи ей дозволяется задуматься и о

вторичномъ замужествѣ; Мокша относится строже къ вдовамъ и заставляетъ ихъ вдовствовать впродолженіи цѣлаго года. Напротивъ того, по отношенію къ мѣсту жительства вдовы Эрзя оказалась требовательнѣе Мокши и стѣснила ея свободу, присуждая ее не покидать дома свекра вплоть до выхода ея замужъ, если бы ей вздумалось попытать счастья въ новомъ бракѣ, и до смерти, если бы она рѣшилась навсегда остаться вдовою. Мокша обазываетъ вдову только справить установленныя поминки, а затѣмъ предоставляетъ ей право или остаться у свекра, или же вернуться къ родителямъ [1]). Вступленіе во вторичный бракъ отнюдь не признается Мордвою чѣмъ либо зазорнымъ, хотя участь дѣтей, оставшихся отъ перваго брака и удерживаетъ зачастую вдовъ отъ выхода замужъ; тѣмъ не менѣе если бы новый избранникъ былъ хорошимъ человѣкомъ и если бы она была твердо увѣрена, что онъ не будетъ придираться къ сиротамъ, то ничто и никто не остановитъ ее отъ брака; никакихъ преданій о загробной встрѣчѣ съ первымъ мужемъ у Мордвы не существуетъ, никакого срама передъ сосѣдями нѣтъ въ томъ, что молодая женщина вновь полюбила и идетъ на бракъ вмѣсто того, чтобы жить съ человѣкомъ безъ брака, и вторичные браки случаются довольно часто среди Мордвы.

IX.

Уже изъ вышеприведеннаго нами очерка рода и родныхъ у Мордвы мы видимъ, что хотя родовыя отношенія и не играютъ у этого народа вполнѣ премирующей роли, однако, тѣмъ не менѣе, значеніе ихъ крайне велико. Мордвинъ, и въ особенности Мокшанинъ еще держится родни, но во всякомъ случаѣ шаберство какъ-то поглощаетъ родню и притомъ поглощаетъ видимо потому, что въ началѣ устройства поселковъ, по крайней мѣрѣ, ближайшими шабрами были ближайшіе родственники. Интересно, что ни въ Эрзянскомъ, ни въ Мокшанскомъ нарѣчіи нѣтъ словъ для обозначенія

---

[1]) Темников. уѣздъ, Эваслеи, Елена Кузнецова; Городищ. уѣздъ, Пичилеи, Дарья Евреинова; Кузнецк. уѣздъ, Кемешкерь, Степанида Пятаева; Тетюшск. уѣздъ, Каратаи, Петръ Казымбаевъ и Краснослоб. уѣздъ, Шингарина. Степанъ Атяшкинъ.

родни, родственниковъ и рода и для этого употребляются русскія слова или же ставится новосозданное слово, составленное при посредствѣ предложеній формы *мал*, что означаетъ и близь, и близость; но и тутъ наиболѣе сохранившая свою особенность мокшанская вѣтвь не поспѣла еще составить производное въ значеніи «близкихъ» людей и только у Эрзи мы находимъ слово «*малавиксъ*», что значитъ вообще «ближній, близкій» и отсюда уже родственникъ; ясно, что здѣсь въ этомъ словѣ понятіе о близости поселенія беретъ верхъ надъ понятіемъ о сродности. Какъ бы то ни было, подъ сильнымъ ли давленіемъ русскаго вліянія, или же, какъ мы полагаемъ, подъ вліяніемъ причинъ чисто экономическихъ и необходимости жить подъ одною кровлею всѣмъ ближайшимъ сородичамъ семья получила нѣкоторое значеніе у Мордвы Эрзи, хотя въ Городищенскомъ уѣздѣ намъ и пришлось слышать пословицу или поговорку, гласящую, что «*малавиксь афо эрэви, а шабраса эрэмс*» т. е. родня (собств. близкіе) не нужна, а съ шабромъ жить. Чаще всего случается встрѣчать дома съ кровными родственниками и лишь въ видѣ исключенія кровныхъ съ некровными, т. е. напримѣръ двоюродными; впрочемъ даже и два родныхъ брата рѣдко живутъ нераздѣльно, такъ какъ нѣтъ того звѣна, которое ихъ соединяетъ. Напротивъ того, при существованіи въ живыхъ связующаго звѣна очень часто случается видѣть живущими въ одномъ домѣ дѣда, двухъ его сыновей и нѣсколькихъ внуковъ; въ этомъ случаѣ даже если одно изъ лицъ, связующищъ между собою лицъ третьяго поколѣнія, т. е. одинъ изъ отцовъ и умретъ, то дѣти его все же продолжаютъ жить въ одномъ домѣ со всею семьею.

Уже самый обычай устраивать свои дворы у Мордвы даетъ возможность этому народу жить такимъ образомъ, что «вѣтви одного и того же дерева—тоже дерево» («*сюрхнэ тякынь шуфтань—тякашуфта*»); тотъ же почти смыслъ имѣетъ и другая поговорка, записанная въ Макателемѣ и гласящая, что «*ламотарадатпень, а шуфто вейке*», т. е. много вѣтвей, а дерево одно. Въ послѣдствіи мы будемъ имѣть еще воможность говорить подробнѣе объ устройствѣ у Мордвы дома и двора, а потому здѣсь и не будемъ вдаваться въ частности.

Власть мужа надъ женою въ мордовской семьѣ, собственно говоря, не знаетъ никакихъ границъ, такъ какъ онъ можетъ бить ее,

сколько ему угодно, и за это его никто не осудитъ въ смыслѣ наказанія, но всѣ осудятъ его въ отношеніи нравственномъ, признавъ его такимъ человѣкомъ, который не съумѣлъ добромъ ужиться съ женою. Народная мудрость мордовская весьма опредѣленно высказывается на этотъ счетъ и притомъ совершенно противно правиламъ, принятымъ въ семейномъ быту нашего русскаго человѣка. Эрзянинъ говоритъ прямо и безповоротно, что «*шабрасо рублясе, авасо лэлимосо*», т. е. съ сосѣдомъ (обходись) рублемъ, а съ женою—ласкою, а Мокшанинъ смотритъ на распри между женою и мужемъ еще безнадежнѣе и полагаетъ, что «*коса кельгима афподмогаи, афэ ули тіанэ катьмезэ вешка*», т. е. гдѣ любовь непомогаетъ, не имѣетъ дѣлать что либо палка. Ясное дѣло, что имѣя такія воззрѣнія на семейную жизнь, Мордва не можетъ допустить и мысли и возможности битья и, въ особенности, изувѣчиванія и убійства жены мужемъ; даже въ случаѣ измѣны кулачная расправа допускается лишь на мѣстѣ преступленія, такъ какъ «*максатэ быканди валгынданэ, позна ведрасэ дубидындаиэ*», т. е. далъ быку слезть, поздно телку бить. На всѣ вопросы наши о повиновеніи жены мужу мы постоянно слышали одно и тоже и вездѣ намъ говорили, что жена обязана во всемъ повиноваться своему мужу, но если жена его неслушается, то, въ большинствѣ случаевъ, это бываетъ вслѣдствіе неумѣнья самого мужа, который не съумѣлъ ее приманить къ себѣ и заставить уважать свое слово и желаніе, «и собаку приманишь, и кошку приманишь, а бабу труднѣе всего», говоритъ Эрзянинъ («*и песэ карматэ манямсэ, и катка карматэ манямсэ, а ава стака манямсэ весемеде*». Хотя это и признается задачею крайне трудною, тѣмъ не менѣе она въ глазахъ большинства весьма достижима и повиновеніе должно вытекать изъ любви и уваженія. На всѣ распросы наши о томъ, не было ли когда заклада или продажи женъ, намъ отвѣчали изумленіемъ и смотрѣли на меня какъ на человѣка, видимо не знающаго, о чемъ еще бы спросить; случалось, конечно, что робкій мужъ уступалъ на время свою жену доброхоту чиновнику ради выгодъ, но такой мужъ подвергался всегда насмѣшкамъ и даже презрѣнію. Ясное дѣло, что противъ бога чоловѣкъ не властенъ и потому случаи отнятія женъ у мужей богами, изъ которыхъ въ особенности отличается въ этомъ отношеніи Пургине-Пазъ или богъ грома, крайне часты, при чемъ

шутливый богъ всегда является къ своей смертной избранницѣ подъ видомъ какого нибудь красиваго парня изъ ея и даже мужниныхъ знакомыхъ.

Какъ ни желательны для Мордвы добрыя отношенія между супругами, однако не всегда достигается подобное положеніе дѣлъ и, беря примѣръ со своихъ русскихъ сосѣдей, Мордвинъ (въ особенности Эрзянинъ) зачастую поколачиваетъ свою жену; иногда, если мужъ, поучившись въ отлучкѣ пить, запиваетъ и дома, битье жены учащается и входитъ въ привычку. Были случаи и въ Краснослободскомъ и въ Инсарскомъ уѣздахъ, что жены, вслѣдствіе побоевъ, уходили изъ дому и спасались въ домѣ своихъ родителей; но являлся мужъ, требовалъ выдачи жены и никто не смѣлъ и не смѣетъ удерживать ее у себя; Атяшевскій волостной судъ именно по подобному дѣлу [1]) постановилъ: взыскать съ родителей жены въ пользу мужа пять руб. 20 коп. проторей и убытковъ, а жену вернуть мужу немедленно; въ протоколѣ тутъ же записано, что судьи «щуняли» мужа и учили его, какъ жить съ женою, чтобы она отъ него въ другой разъ не бѣгала. Случаи обращенія женъ прямо въ волостной судъ крайне рѣдки, такъ какъ никто не захочетъ выносить изъ избы соръ или «хвастаться дырявымъ горшкомъ» (*варяуда сяканэда шнякшнянэ*), какъ говоритъ Мокша; если уже не удалось женѣ устроить свою домашнюю жизнь такимъ образомъ, чтобы ей хорошо жилось, то она прямо сознаетъ или свою вину, или свою безпомощность. Вообще узнать какія нибудь подробности о внутренней семейной жизни того или другого дома крайне трудно; вопросы эти будутъ приняты за недостатокъ благовоспитанности и всякій лишь изумится, какъ спрашивающій можетъ думать, что ему на вопросъ его отвѣтятъ. Надо было употреблять цѣлую систему подходовъ для того, чтобы получить ясную и полную картину домашняго мордовскаго быта и только знаніе мордовскихъ нарѣчій дало намъ возможность ловить разкащиковъ на полусловѣ и заставлять ихъ договаривать. Когда однажды въ Кемешкерѣ одинъ словоохотливый старикъ разговорился, разсказывая мнѣ свои отношенія къ домочадцамъ, послышался сначала шопотъ негодованія, а тамъ запросто закричали ему: «сакмедэ»! (замолчи). Ужъ я объя-

---

[1]) 1873 года, № 39.

снялъ имъ, объяснялъ что это не имѣетъ вовсе вида хвастанья дырявымъ горшкомъ, а и спрашивается, и разсказывается спроста, въ простомъ разговорѣ. Только одинъ разъ удалось мнѣ слышать, что жена удавила своего мужа веревкою, да и то, какъ впослѣдствіи оказалось, она лѣтъ 10 страдала ипохондріей. Вообще, изучая семейносупружескія отношенія Мордвы, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что бракъ у этого народа совершается почти всегда по обоюдному согласію, которое идетъ иногда даже наперекоръ волѣ родительской, а потому и понятно, что слюбившимся по всей своей волѣ, въ случаѣ несчастнаго сожительства, остается пенять лишь на свою же неразборчивость и не подобаетъ искать заступы у родителей, а тѣмъ болѣе у суда.

Если ужъ очень жутко придется одному изъ супруговъ, то онъ отправляется со своимъ горемъ къ старикамъ, т. е. къ дѣду или отцу неудобно себя ведущаго супруга; тотъ по неволѣ долженъ выслушать эту жалобу и поговорить съ провинившимся по душѣ, совѣтуя ему исправиться, выставляя ему на видъ всю неблаговидность его поведенія и давая ему добрые совѣты, какъ бы исправиться; но чтобы кто нибудь вздумалъ когда бы то ни было пожаловаться на свое житье бытье чужимъ старикамъ, а тѣмъ болѣе «добросовѣстнымъ», т. е. суду, или чтобы когда нибудь семья (не говоря уже о судѣ) рѣшила отнять у обидчика-мужа главенство въ домѣ и передать обиженной-женѣ, то о такихъ невозможныхъ случаяхъ, по самой сущности мордовскаго семейнаго быта, никто не слыхивалъ, да «врядъ или когда и услышимъ», утверждаютъ всѣ въ одинъ голосъ.

Какъ люди грѣшные, да къ тому же еще и охочіе на походы въ отхожіе промыслы, Мордва не всегда соблюдаетъ супружескую вѣрность; грѣшатъ и мужики, которые зачастую заходятъ за нѣсколько сотъ верстъ отъ своего мѣстожительства, грѣшатъ и бабы молодки, остающіяся долгое время безъ мужей. Ни мужчины, ни женщины особенно не обижаются, когда узнаютъ объ измѣнахъ своихъ возлюбленныхъ, такъ какъ «на то и соха, чтобы орала, на то и поле, чтобы его орали» (*«сексв и иза—сокамсв, сексв и накся—сокавомсв»*); тѣмъ не менѣе однако, такъ какъ *«киіэ — пильыеки, якамаіэ афв ули»*, т. е. на дорогѣ—слѣдъ, на путникѣ—нѣтъ, то конечно жена, приносящая въ домъ чужаго ребека считается го-

раздо болѣе виновною, нежели прегрѣшившій гдѣ нибудь на сторонѣ мужикъ. Какъ бы то ни было, однако и согрѣшившая женщина и замотавшійся мужикъ не подвергаются вовсе общественному презрѣнію, если только дѣло идетъ не о постоянномъ и безстыдномъ развратѣ; бывали случаи, и при томъ очень часто, что жена пожуритъ завертѣвшагося мужа или наоборотъ, и затѣмъ жизнь ихъ снова войдетъ въ обычную колею. Если женщина преступаетъ противъ вѣрности, но не приноситъ въ домъ мужа чужихъ дѣтей, то чаще всего на такой ничтожный фактъ мужъ не обращаетъ ровно никакого вниманія; иногда дѣло оканчивается простою перебранкою, иногда же, преимущественно у Эрзи, не обойдется и безъ колотьбы; у Мокши битья не существуетъ, такъ какъ тамъ можетъ легко случиться, что женщина отвѣтитъ обидчику тѣмъ же и общія симпатіи будутъ на ея сторонѣ. Интересенъ вообще тотъ фактъ, что никогда подобныя дѣла не выходятъ за стѣны того дома, гдѣ они приключились; рѣшительно не бываетъ случая, чтобы мужъ или жена вынесли соръ изъ избы и передали о своемъ домашнемъ горѣ кому нибудь изъ своихъ односельчанъ. Вообще во всѣхъ своихъ домашнихъ дѣлахъ Мордвинъ и въ особенности Мокшанинъ твердо держится своей исконной поговорки, сущность который онъ проводитъ черезъ всю свою жизнь: *«ардась ужасъ кочкакъ, тапъ-тейа сельмэтнень-эсъ шабратненъ»*, т. е. соръ въ углу собирай, не выметай на глаза сосѣдямъ.

Мужъ и жена у себя въ домашнемъ быту являются совершенно ровноправными радѣтелями о своемъ семейномъ благосостояніи; какъ тотъ, такъ и другая работаютъ и подлѣ дома, и въ полѣ, и въ лѣсу за щепеннымъ дѣломъ и даже на отхожихъ промыслахъ; ясно, что женщина легче и скорѣе устаетъ, а потому мужчинѣ и приходится уже по самой природѣ своей работать больше женщины. Такъ какъ дѣти остаются дома и такъ какъ женщинѣ приходится готовить кушанье и т. п., то само собою разумѣется, что ей чаще приходится сидѣть дома и работать преимущественно работу домашнюю, такъ что мужу приходится поневолѣ больше жены работать въ полѣ. Мордовка и жнетъ и пашетъ и исполняетъ всякую полевую работу совершенно наравнѣ съ мужчиною и не было случая, чтобы мужъ наваливалъ на свою жену большую часть трудовъ, а тѣмъ болѣе, всѣ работы домашнія и полевыя. Ясное дѣло, что,

живя въ «добромъ согласѣ между собою», супруги не могутъ поднимать вопроса о томъ, кто кого обязанъ пропитывать, по той простой причинѣ, что въ домашнее благосостоянiе оба супруга вкладываютъ одинаковое количество личныхъ трудовъ; ясное дѣло, что если одинъ изъ супруговъ вслѣдствiе болѣзни или иныхъ какихъ либо независящихъ отъ него причинъ, будетъ не въ состоянiи раздѣлять съ другимъ супругомъ труды по хозяйству, то этотъ послѣднiй долженъ кормить больнаго, но чтобы мужъ былъ обязанъ прокармливать жену и чтобы она въ силу правъ своего пола имѣла право на содержанiе отъ мужа, то Мордва, даже и въ наиболѣе обрусѣвшихъ мѣстностяхъ, не имѣетъ понятiя о такомъ странномъ положенiи и всегда потѣшается надъ такими обычаями, подмѣченными ею у русскихъ; «*пэлясг-кафтава сваива, кудг-кафтава преава*», говоритъ Мокшанинъ (т. е. ворота стоятъ или держатся на двухъ вереяхъ, а домъ на двухъ головахъ), полагая, что домъ держится одинаково обоими супругами. При такихъ воззрѣнiяхъ на отношенiя между супругами понятно, что не можетъ быть и вопроса о томъ, что одинъ изъ нихъ обязанъ кормить другаго или что ничего не дѣлающiй и не получающiй содержанiя супругъ можетъ жаловаться на другаго, не желающаго прокармливать его, дармоѣда. Такъ какъ деньги вездѣ представляютъ собою значительную и несокрушимую въ большинствѣ случаевъ силу, то и у Мордвы богатый супругъ является владыкою другаго—несостоятельнаго; «*авань ярмакв—алянь озалв*», (женины деньги—мужу горе) говоритъ Мокшанинъ, а Эрзянинъ, передѣлавъ пословицу по своему, увѣряетъ, что «*ава шунаев—аляненв уташаказо арась*», т. е. что, коли жена богата—мужу доли нѣтъ (счастья). Въ этихъ случаяхъ, конечно, богатый супругъ играетъ въ домѣ главную роль, распоряжется вполнѣ безконтрольно и если формально не требуетъ, то на дѣлѣ пользуется полнымъ подчиненiемъ другого супруга. Понятно, что неимущiй супругъ смотритъ изъ рукъ богатаго, и въ семьѣ является такая подчиненность, которой обыкновенно мы въ мордовской семьѣ не замѣчаемъ.

Такъ какъ имущество супруговъ составляетъ одно нераздѣльное цѣлое, то никому въ голову не приходитъ считать одно своимъ, а другое чужимъ; такое отношенiе къ семейному имуществу господствуетъ совершенно одинаково у Эрзи и у Мокши. Въ особенности ясно сознаетъ это Мокша, которая увѣряетъ, что «*нилэ-грабляв*

фкэсѣ марсѣ кыргайхтъ», т. е., что четверо граблей въ одну кучу гребутъ, указывая этимъ совершенно ясно, что труды обоихъ супруговъ должны быть направлены на наживу единаго, семейнаго имущества. Бываютъ, конечно, случаи, что мужъ заимствуетъ у жены изъ ея «бабьяго добра» кое что для удовлетворенія неотложныхъ домашнихъ потребностей, но всѣ бы сосѣди расхохотались отъ души, если бы онъ далъ или жена отъ него потребовала какой нибудь документъ на занятое имущество; тутъ, опять таки повторяемъ, все зависитъ отъ отношеній супруговъ между собою, а такъ какъ у Мордвы отношенія эти самыя сердечныя, то у нея и не можетъ быть тѣхъ формальностей, которыя встрѣчаются и въ силу обстоятельствъ должны встрѣчаться въ русскомъ крестьянскомъ быту. Иногда жена на собственныя свои средства покупаетъ разныя носильныя вещи, которыя опять таки ни въ какомъ случаѣ не могутъ поступить въ распоряженіе мужа, хотя бы онѣ и состояли въ носильномъ его же платьѣ; носить его онъ можетъ, конечно, когда ему угодно, но ни продать, ни заложить не можетъ. Въ томъ случаѣ, когда вслѣдствіе склонности къ пьянству мужъ станетъ расточать общесемейное или женино имущество, то у Эрзи жена имѣетъ право жаловаться на него лишь одному старшому, который можетъ пожурить, а иногда по «русскому» обычаю и поучить слегка загулявшаго члена семьи; у Мокши дѣло заходитъ въ этомъ случаѣ гораздо дальше: жена жалуется на мотыгу старикамъ и, если эти послѣдніе убѣдятся, что мужъ растрачиваетъ семейное, т. е. дѣтское имущество, то даже и посѣкутъ виновнаго. Никогда никто изъ мущинъ не стоитъ такъ сильно за свое имущество, какъ стоитъ за свое бабье добро Мордовка; обыкновенно бываетъ такъ, что огородный приплодъ, молочина, птица, пряжа и волна принадлежатъ бабамъ, которыя должны изъ всего этого кормить и одѣвать семейскихъ, а избытокъ имѣютъ право безконтрольно продавать и деньги оставлять въ свою пользу. Чаще всего, въ виду отнюдь не горестнаго положенія своего въ семьѣ, баба не откладываетъ эту выручку въ своей собственный сундукъ, а употребляетъ на своихъ дѣтей или на мужа. Интересно, что бабью непреложную собственность составляетъ головной уборъ и ожерелье, которыя передаются по наслѣдству отъ женщины къ женщинѣ, причемъ каждая изъ владѣвшихъ имъ считаетъ своею непремѣнною обязанностью

прибавить, по силѣ возможности, украшеній, прикупить монетъ и ракушекъ и т. п. Въ Атяшевскомъ волостномъ правленіи случилось судить дѣло о продажѣ 5 золотыхъ съ головнаго украшенія жены мужемъ; судъ оцѣнилъ золотыя монеты не покурсовой ихъ стоимости, а въ виду того, что «Арина Трефолева доказала, что тѣ деньги коплены и пришиты пробабкою ея по матери Анною, то пусть обвиняемый Иванъ Козьминъ Трефолевъ уплатитъ женѣ своей Аринѣ семьдесятъ пять рублей или же достанетъ, какъ онъ обѣщаетъ самъ, въ Пензѣ три золотыхъ катерининскихъ, да десять крестовыхъ рублевиковъ серебряныхъ, а чтобы впредь съ чужимъ добромъ умѣлъ врачаться, дать ему 18 розогъ и арестовать при правленіи на два дня, если наказанія принять не захочетъ. [1]) Изъ этого приговора видно уже какъ смотритъ Мордва на женское имущество; все, что составляетъ бабій доходъ или бабье имущество, не можетъ ни въ какомъ случаѣ растрачиваться мужемъ или старшимъ (*кудъ—азырь*). Въ случаѣ, если мужъ, будучи кудъ-азыромъ или хозяиномъ дома, большакомъ, надѣлаетъ долговъ и затѣмъ умретъ, или же иначе поставленъ будетъ въ невозможность отвѣтствовать за долги, то за всѣ долги, сдѣланные мужемъ для дома, а не лично для своихъ цѣлей, жена, какъ принявшая отъ него домоводство, должна отвѣчать; когда положеніе обратно, т. е. долги будутъ сдѣланы женою на нужды ли всей семьи или ея собственныя, то мужъ—хозяинъ во всякомъ случаѣ является отвѣтчикомъ за эти долги и отвѣчаетъ за нихъ всѣмъ семейнымъ имуществомъ. Въ этомъ случаѣ между обычаями Эрзи и Мокши нѣтъ никакой разницы и, видимо, черта эта составляетъ черту характерно народную. Совершенно иначе смотритъ на дѣло Мордва, когда долгъ сдѣланъ мужемъ и притомъ не для какихъ либо настоятельныхъ нуждъ, а ради пьянства и прогула. У Эрзи напримѣръ жена и тѣмъ болѣе семья никогда и ни въ какомъ случаѣ не плательщикъ подобныхъ долговъ и можетъ вполнѣ игнорировать ихъ; [2]) что касается то Мокши, то у этой отрасли мордовскаго народа вообще семейныя отношенія являются какъ то болѣе тѣсными и основанными на

---

[1]) Приговоры 1873 года, № 76, іюня 16-го.

[2]) Рѣшительно во всѣхъ мѣстностяхъ, населенныхъ Эрзею, за исключеніемъ лишь Городищенскаго уѣзда, гдѣ Эрзя живетъ вмѣстѣ съ Мокшею.

большей взаимной любви; тутъ жена старается какъ нибудь потихоньку продать что нибудь изъ имущества и скрытно ото всѣхъ уплатить прогулъ и кабацкій домъ мужа. Всѣ стали бы косо смотрѣть на ту жену, которая поступила бы иначе и отнеслись бы совершенно равнодушно, если бы не заплатили за отца дѣти и односемьяне [1]).

«Ви тэтя а сайи», т. е. сила отца не беретъ, говоритъ Эрзя [2]) и полагаетъ, что отецъ обладаетъ и долженъ обладать такою властью, противъ которой не можетъ идти никакая сила на землѣ. По этому поводу Мокша составила даже особую поговорку, которая ставитъ волю родительскую даже выше воли царской; *«и отсазыръ йорась, а тэтя ашызъ мэрьга»* т. е., и царь хотѣлъ, а отецъ не велѣлъ [3]). Понятно, что при такомъ отношеніи и взглядѣ на волю отцовскую не можетъ быть случаевъ неповиновенія этой волѣ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы всѣ отношенія дѣтей къ родителямъ основывались лишь на одномъ страхѣ; не даромъ же Мокша полагаетъ, что *песъ тонафтакъ вешказа, жаба—келымаза»*, т. е. собаку учи дубиною, дитя любовію. Мордва очень хорошо знаетъ, что одною силою рѣшительно ничего не сдѣлаешь и что если родители не выкажутъ съ своей стороны весьма сильной, иногда даже безграничной любви, то дѣло воспитанія ни въ какомъ случаѣ не удастся. Понятно, что и дѣти должны прежде всего любить своихъ родителей, такъ какъ Мордва полагаетъ, что главнымъ условіемъ семейнаго благосостоянія слѣдуетъ считать любовное отношеніе другъ къ другу сочленовъ извѣстнаго семейства; высоко поэтическая и глубоко философская пословица мокшанская [4]) гласитъ, что *«ломань аф-пелякъ, пелякъ сонъ кирдяфтанъ»*, т. е. человѣка не бойся, бойся его оскорбить (огорчить). Но, если таково правило, котораго держится народъ въ сношеніяхъ общественныхъ, то, понятно, что въ отношеніяхъ между членами одной и той же семьи взаимная любовь играетъ огромную роль; даже огорчить отца нельзя и главныя старанія всѣхъ семейскихъ должны быть направлены къ

[1]) Краснослоб. уѣздъ, с. Мамалаево и Кузнецкій уѣздъ, с. Кемешкерь.
[2]) Корсунскій уѣздъ, с. Пермисъ, Марья Гудкова.
[3]) Кемешкерь, Степанида Пятаева.
[4]) Городищенскій уѣздъ, с. Катъ.

тому, чтобы въ основаніи хорошихъ отношеній стоялъ не страхъ передъ физическою силою, а страхъ огорчить его, проистекающій изъ чистой любви и изъ сердечной привязанности.

Никакой разницы между дѣтьми по полу въ мордовской семьѣ не полагается, и сыновья и дочери обязаны послушаніемъ какъ матери, такъ и отцу; въ случаѣ неповиновенія сына мать и сама его старается направить на путь истинный и отцу въ случаѣ упорнаго непослушанія пожалуется, благо ей съ взрослыми сынами не справиться. Уже въ силу самого положенія мужчинъ и женщинъ въ семьѣ мы можемъ видѣть, что никакого раздѣленія въ завѣдываніи тѣми или другими быть не можетъ; никогда отецъ не управляетъ мужскою половиною семьи, а мать—женскою, такъ какъ управляющимъ въ дѣйствительности является одинъ лишь отецъ, а мать глядитъ, по большей части, изъ его рукъ; понятное дѣло, что въ тѣхъ работахъ и дѣлахъ, которыя касаются собственно дома, одежды, приготовленія кушанья и т. п. главное завѣдываніе принадлежитъ старшей хозяйкѣ или женщинѣ (*кудь-азырь-ава*) и, само собою, мужчина хозяинъ не вступается въ распоряженіе этими дѣлами; наконецъ, такъ какъ мужикамъ нѣкогда возиться съ недоростками и такъ какъ женщины чаще бываютъ дома, то надзоръ и воспитаніе дѣтей лежитъ до наступленія извѣстнаго возраста на женщинахъ. Нужда неминучая заставила Мокшу придумать особую несовсѣмъ благозвучную пословицу, которая гласитъ, что «*али паксяза инзамаза умань, али жабати нолгать тарганъ*», т. е. или въ полѣ сохою работать, или дѣтямъ сопли сморкать; занимаясь полевыми работами, конечно, мужикъ не можетъ думать о томъ, чтобы воспитать дѣтей малыхъ, пока имъ еще не требуется ученья полевымъ работамъ, а потому и понятно, что Эрзя говоритъ: «*авай тшатшты, авай казынды, тэтяй тонафты*», т. е. мать рождаетъ, мать роститъ, отецъ учитъ. Въ случаѣ смерти роднаго отца будущій работникъ переходитъ въ ученье къ новому «куды-азыру», но мать никогда не беретъ на себя его воспитаніе какъ работника.

Случается иногда, что дочь изъ извѣстной семьи выдается замужъ, но затѣмъ вдовѣетъ и снова возвращается въ домъ родительскій, гдѣ и остается на жительствѣ; положеніе такой дочеривдовы рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ положенія остальныхъ, незамужнихъ еще въ той же семьѣ, дочерей; она совершенно

одинаково съ дочерями-дѣвушками обязана подчиняться «кудъ-азыру», который является главою по отношенію ко всѣмъ безъ исключенія членамъ семьи. Интересно, что Мокшане, на мой вопросъ о положеніи такихъ вдовыхъ дочерей въ семьѣ, постоянно прибавляли, что повиновеніе ея должно быть еще полнѣе и безъусловнѣе, такъ какъ она гораздо болѣе остальныхъ членовъ семьи находится на хлѣбахъ изъ милости [1]).

Власть отца надъ дѣтьми хотя и весьма обширна, но, тѣмъ не менѣе, никогда не идетъ далѣе извѣстныхъ предѣловъ: дурнаго и неисправнаго сына отецъ можетъ отдать на нѣкоторое время «въ люди»; т. е. въ работники, но и въ этомъ случаѣ такое наказаніе не можетъ продолжаться слишкомъ долго, и, въ концѣ концовъ, либо мать, либо семьяне доказываютъ отцу, что пора отданнаго на исправленіе вернуть въ семью, такъ какъ иначе онъ совершенно отъ нея отобьется. Мордва чрезвычайно дорожитъ тѣмь обстоятельствомъ, чтобы отдѣльные члены той или другой семьи не отбивались отъ послѣдней и постоянно чувствовали свою непосредственную связь съ нею, а потому и понятно, что всякій «кудъ-азыръ» дорожилъ пребываніемъ своихъ дѣтей и остальныхъ односемьянъ въ нѣдрахъ уплавляемаго имъ семейства и самъ не охотно удалялъ даже и дѣйствительно провинившихся членовъ изъ семьи; теперь, но и то лишь въ самое послѣднее время, стали появляться случаи принужденія ко вступленію въ бракъ, но такое принужденіе случается такъ рѣдко, что возвести эти случаи въ общераспространенный обычай рѣшительно не представляется никакой возможности. Замѣтимъ, что всѣ эти случаи [2]) отмѣчены нами въ такихъ мѣстахъ, гдѣ чистомордовскій мокшанскій элементъ успѣлъ сильно пострадать подъ давленіемъ весьма значительнаго русскаго вліянія. Пресловутое вліяніе это всегда, вездѣ и во всемъ выражается отнюдь не смягченіемъ, а, напротивъ. нѣкоторымъ ожесточеніемъ и одичаніемъ нравовъ, которое вытекаетъ прямо изъ ужаснаго положенія женщины и несовершеннолѣтнихъ въ нашей русской народной семьѣ.

По народнымъ воззрѣніямъ Мордвы власть отца вовсе не ско-

---

[1]) Мамалаево, Весильчикинъ.

[2]) 6 случаевъ въ Пензенской и 2 случая въ Тамбовской губерн.

ропреходяща; до сихъ поръ еще у Эрзи полагается ей предѣломъ тридцатилѣтній возрастъ сына, послѣ чего этотъ послѣдній освобождается отъ дачи отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, такъ сказать, de jure, но отнюдь не de facto; отецъ всегда съумѣетъ до такой степени заставить уважать себя, что и тридцатилѣтніе сыновья не думаютъ, по большей части, выходить изъ его воли. Въ силу этого наибольшее количество раздѣловъ семейныхъ, которыхъ, скажемъ въ скобкахъ, до такой степени боится хозяйственная и преимущественно земледѣльческая Мордва, совершается у Эрзи, гдѣ установленъ этотъ возрастъ, именно въ этотъ срокъ. Но слѣдуетъ все же замѣтить, что и послѣ тридцати лѣтъ сынъ отнюдь не освобождается вполнѣ отъ отцовской опеки, такъ какъ если прекращается опека матеріальная, то нравственная опека не прекращается никогда и, напротивъ того, отецъ всегда имѣетъ право и даже нравственно обязанъ руководить своимъ сыномъ при посредствѣ совѣтовъ и указаній. Такъ какъ фактическая, матеріальная опека отца прекращается съ тридцатью годами, то и понятно, какимъ образомъ могла у Эрзи сложиться крайне типичная поговорка, гласящая, что «*тэтяде аф-кекшемсь пандо-экшъ, а сакалъ-экшъ*», т. е. что отъ отца не спрятаться за горою, а за бородою. Мокша еще строже посмотрѣла на отношенія отца къ сыну и прямо утверждаетъ, что плохо, если юный сынъ не послушаетъ отца, но еще хуже, если сдѣлаетъ это сынъ сѣдобородый; по мнѣнію Мокши, власть отца не прекращается по достиженіи сыномъ извѣтнаго возраста, такъ какъ «*аля и калмаза муйи*», т. е. отецъ и въ гробѣ найдетъ. При такомъ громадномъ вліяніи, которое можетъ въ силу народныхъ воззрѣній оказывать отецъ на членовъ своего семейства, можно было бы ожидать, что «кудь-азыры» будутъ злоупотреблять этимъ вліяніемъ и властью, но въ виду того, что семейный союзъ у Мордвы основанъ чисто на взаимной любви, случаевъ превышенія или злоупотребленія власти отцовъ и недовольства дѣтей рѣшительно не встрѣчаются на дѣлѣ. У Эрзи власть или, вѣрнѣе, вліяніе, оказываемое на дѣтей родителями, отнюдь не прекращается съ выходомъ замужъ дочери, хотя и не высказывается, конечно, съ такою ясностью и рѣзкостью, какъ прежде. Нельзя предполагать, чтобы проявляющаяся иногда у Эрзи фактически власть родителей была требуема овззрѣніями, искони существовавшими у этого народа, въ виду того,

что у Мокши, которая въ гораздо большей чистотѣ сохранила всѣ свои этическія и бытовыя особенности, прямо заявлялось, что на замужнюю дочь власть ея родителей не можетъ уже распространяться по той простой причинѣ, что, вступая въ новую, мужнину семью, тѣмъ самымъ она tacitu concensu признаетъ надъ собою уже власть новаго «кудь-азыра», въ чей домъ она вышла замужъ.

Понятное дѣло, что при жизни «кудь-азыра» власть матери или, вѣрнѣе, «кудь-азыръ-авы» не можетъ быть значительна; въ дѣла, касающіяся собственно дома и полеваго хозяйства, она вовсе не вмѣшивается у Эрзи и довольствуется лишь тѣмъ, что надзираетъ за женщинами и ихъ работами; въ случаѣ непослушанія со стороны ей подначальныхъ членовъ семьи она должна довести о томъ до свѣдѣнія хозяина, который и распоряжается съ ослушниками въ силу своей власти; совѣтъ, поданный хозяйкою остальнымъ, не подвластнымъ ей непосредственно членамъ семьи, всегда принимается ими весьма охотно и выслушивается съ почтеніемъ, такъ какъ они знаютъ, что совѣтъ этотъ исходитъ, собственно говоря, отъ самого хозяина. Когда отецъ семейства умираетъ и управленіе семьею и домомъ переходитъ къ его вдовѣ, т. е. по нашему русскому выраженію, къ матерой вдовѣ, то эта послѣдняя пользуется въ домѣ полною и притомъ совершенно равною съ хозяиномъ властью: она распредѣляетъ между членами семьи работы, заботится о благосостояніи семьи, занимается, задумываетъ и приводитъ въ исполненіе разныя предпріятія и является въ полномъ смыслѣ слова «кудынь-азыръ-авою». Нѣсколько иначе стоитъ дѣло у Мордвы Мокши; здѣсь жена хозяина пользуется съ нимъ совершенно одинаковыми правами и, если только воля ея не идетъ наперекоръ волѣ хозяина, то наказъ ея священенъ и не послушаться его нѣтъ возможности. Но едва лишь умираетъ хозяинъ, какъ власть матери прекращается и бразды правленія переходятъ старшей снохѣ и ея мужу, а вдова уже ровно ничего не значитъ и является простымъ подчиненнымъ членомъ семьи. Изъ этого явствуетъ, что учрежденіе «матерой—вдовы» вовсе не есть созданіе мордовскаго народнаго духа и, по всѣмъ вѣроятіямъ, занесено къ этому народу отъ русскихъ его сосѣдей, которые сильно вліяютъ вообще на обычаи Мордвы и въ особенности на бытъ наиболѣе подверженной этому вліянію Эрзи.

Понятное дѣло. что ни вотчимъ, ни мачиха не могутъ пользоваться тѣми правами, которыя присущи фактически родителямъ. На обязанности родителей лежитъ кормить, воспитать, содержать дѣтей и учить ихъ уму—разуму; съ своей стороны и дѣти обязаны повиноваться своимъ родителямъ покоить ихъ и кормить, когда они окажутся въ невозможности добывать себѣ насущный хлѣбъ своими собственными трудами. Все это слишкомъ хорошо извѣстно всѣмъ и каждому, чтобы требовалось наблюдать за выполненіемъ этого обыкновенія; но, по всѣмъ вѣроятіямъ, не всегда велось это такъ, и было время, когда родители имѣли право покидать, а, быть можетъ, даже и убивать своихъ слабосильныхъ дѣтей; въ подтвержденіе того, что обычай этотъ существовалъ въ стародавнія времена, мы можемъ привести здѣсь крайне распространенное преданіе о Пургине-Пазѣ и Сыржѣ. «Народился Пургине-Пазъ кривоногій, такъ что гдѣ пройдетъ, тамъ правою ногою землю взроетъ. Задумался Чимъ-Пазъ, задумалась и Анге-Патяй о томъ, что они будутъ съ такимъ уродомъ дѣлать? ни пахать, ни работать онъ не можетъ, и сбросили они его на землю такъ сильно, что онъ какъ молнія упалъ въ Аруну (Волгу) и притомъ такъ сильно шлепнулся объ воду, что ода въ Сурѣ побѣжала вспять. Долго потомъ Пургине-Пазъ не могъ снова взобраться на небо къ своему отцу и матери и жилъ на землѣ до тѣхъ поръ, пока не пришла ему пора уходить на небо. Наступала осень и въ полѣ работала дѣвка Сыржа, толста какъ дубъ кряковистый и ноги какъ полѣнья; хороша была дѣвка Сыржа и много за нею парней ходило, да не съ однимъ она на лисезъ не уговорилась; какъ ни выйдетъ бывало Сыржа работать поднимется буря, загремитъ громъ, заблистаетъ молнія и Пургине шалитъ съ нею, пока не упадетъ дѣвка на землю отъ щекотки. Нельзя родителямъ Сыржи хлѣба убрать — совсѣмъ раззориться имъ надо. «Да возьми ты ее Пургине-Пазъ совсѣмъ»! сказали они разъ за обѣдомъ и вотъ поднялся вдругъ вѣтеръ, растворилось окно, влетѣлъ въ горницу Пургине-Пазъ и унесъ Сыржу съ собою на небо. Такъ и поженился Пургине-Пазъ на простой нашей дѣвкѣ Сыржѣ и породнился съ нами, такъ что Мордвина онъ никогда не убьетъ, а наровитъ убить или скотину или русскаго» [1]). Изъ этого преданія

---

[1]) Ревезень, Кн.ягининскаго уѣзда, Кардавеле, Ардатовскаго уѣзда.

мы видимъ, что даже у боговъ былъ обычай освобождаться тѣмъ или другимъ способомъ отъ неудачливыхъ дѣтей, которыя, по всѣмъ вѣроятіямъ, просто бросались на произволъ судьбы. Никакихъ преданій касательно существованія обычая отдѣлываться отъ престарѣлыхъ родителей убійствомъ послѣднихъ мы не имѣемъ и сомнѣваемся поэтому, чтобы нѣчто подобное могло когда нибудь существовать у той самой Мордвы, которая требуетъ отъ дѣтей такого глубокаго и полнаго почтенія къ родителямъ. Напротивъ того, мы слыхали, что боги не долюбливаютъ тѣхъ людей, которые не оказываютъ почтенія родителямъ и зачастую бывали примѣры тяжкихъ съ ихъ стороны наказаній для такихъ дурныхъ дѣтей. «*Алляти видыптанъ*, *Шкайти видыптанъ*», говоритъ Мокша и вполнѣ убѣждена, что, дѣйствительно, сдѣлать пріятное, угодное (собственно говоря—прямо) отцу все равно, что сдѣлать угодное Богу. Ни разу еще не случалось, чтобы дѣти отказывались давать содержаніе своимъ престарѣлымъ родителямъ, такъ какъ такой фактъ прямо немыслимъ для Мордвина и навлекъ бы на такого человѣка всеобщее презрѣніе; правда, кое гдѣ, подъ вліяніемъ, такъ называемой, культурности (напримѣръ въ Терюшевской волости Нижегородскаго уѣзда) уже стали по временамъ потолковывать о томъ, что отецъ чужой вѣкъ заживаетъ, что пора и честь знать и т. п., но все же огромное большинство съ какимъ-то ужасомъ выслушиваетъ такія рѣчи и, еслибы только подобное дѣло могло дойти до суда, то судъ не только бы отказалъ дурному сыну въ искѣ, но и примѣрно бы наказалъ его, какъ человѣка никуда не годнаго. Когда еще легко было ссылать по приговору обществъ завѣдомыхъ негодяевъ въ Сибирь, намъ не разъ удавалось слышать о томъ, что такой-то сосланъ какъ негодяй, причемъ неизмѣнно повторяли, желая убѣдить насъ въ его негодности: «*а култсонасынзе* (или эзинзе култсонакъ) *тетэти-авати*», т. е. онъ не слушается или не слушался отца-матери. Если при жизни, по народнымъ обычаямъ, полагается кормить и холить родителей, то, понятно, что при глубокомъ почитаніи, которымъ пользуются души умершихъ, требуется отъ дѣтей, чтобы они честь - честью похоронили не только своихъ родителей, но и всѣхъ, кто умретъ у нихъ въ домѣ. Души умершихъ составляютъ пчельникъ Мастыръ-Паза, бога земли, а Мастыръ-Пазъ почти что сильнѣе всѣхъ остальныхъ боговъ, такъ какъ онъ и податель

плодородія, онъ и податель всяческихъ благъ; если кто нибудь явится къ нему не такъ, какъ подобаетъ, то онъ считаетъ это за обиду, лично ему нанесенную, и потому станетъ мстить тѣмъ, кто оказался не оказавшимъ ему почета. Кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что душа человѣка послѣ смерти отнюдь не тотчасъ оставляетъ землю и переселяется въ жилище праведныхъ; она бродитъ всегда въ теченіи извѣстнаго срока по землѣ и въ особенности охотно посѣщаетъ свой родной очагъ въ дни поминокъ; если бы кто нибудь похоронилъ кого либо безъ должнаго уваженія, то покойникъ станетъ несомнѣнно являться къ виновному, всячески мучить его и наносить ему даже матеріальный вредъ. За такими случаями мести покойниковъ ходить не далеко: въ Мамалаевѣ одинъ умершій старикъ обидѣлся, что ему второй сорочины не справили, такъ всѣхъ коней по ночамъ загналъ, такъ что они пали; старуха въ Городищенскомъ уѣздѣ умерла, а при жизни она охотница прясть была,— такъ обидѣлась, что съ нею въ гробъ не положили ея любимаго веретена и съ той поры, какъ, бывало, бабы пряжу оставятъ на ночь, всю перерветъ, а въ ленъ кострики насуетъ; бились, бились, да ужъ тогда успокоились, когда старшуха ей въ могилу веретено сунула. Подобныхъ разсказовъ можно собрать цѣлую кучу, но это вовсе не доказываетъ, что у Мордвы есть склонность не выполнять всѣхъ, освященныхъ временемъ, при похоронахъ обычаевъ, а просто указываетъ на то, что обычаевъ этихъ такая масса, которую иногда остающіеся и не упомнятъ. Великое дѣло, если огорчишь родителей и въ особенности начнешь какое нибудь дѣло безъ ихъ согласія или благословенія, а того еще хуже — противъ ихъ воли; тутъ уже пощады не жди: всякій захулитъ такого человѣка, такъ какъ: «*конашка кудз башка вельхтафтэ*, *тенашка ломань башка йорофтэ тэтянь-аванэ*», т. е. какъ далеко уйдетъ домъ безъ крыши, такъ и человѣкъ безъ воли отца - матери. Ясное дѣло, что безъ родительскаго благословенія не можетъ быть счастья, такъ какъ тотъ, кто не нуждается въ такомъ благословеніи, становится врагомъ Чимъ-Паза, отца боговъ, и Анге-Патяй, ихъ матери. Отецъ есть жрецъ семьи, человѣкъ угодный богамъ, а потому они его и научатъ скорѣе всего уму-разуму; у Мокши до сихъ поръ еще осталась замѣчательная пословица, которая прямо объясняетъ намъ почему родители имѣютъ такое огромное значеніе въ семьѣ. Когда мы спра-

шивали въ Кузнецкомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи, за что именно обязана семья повиноваться отцу, всѣ спрашиваемые повторяли: «*кудинъ павасъ—азырынъ пейели*», т. е. что счастье дома на ножѣ хозяина и затѣмъ объясняли, что на немъ лежитъ обязанность вырѣзать озондамъ—палъ за благосостояніе семьи и, слѣдовательно, ему именно какъ бы свыше вручено благосостояніе всего дома. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что значеніе отца, какъ главы семьи, значительно усиливается тѣмъ, что на немъ же лежали всегда, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ лежатъ еще и до сей поры, обязанности жреца, заступника предъ богами за семью и передатчика ихъ воли всѣмъ домашнимъ. Послѣдняя воля въ особенности обязательна, такъ какъ иначе умершій не даетъ покоя оставшимся въ живыхъ и будетъ посылать на семью всякаго рода несчастія, пока не выполнятъ его волю.

По отношенію къ имущественнымъ правамъ между дѣтьми холостыми и женатыми Мордва, по всѣмъ вѣроятіямъ, дѣлала разницу, которая однако въ настоящее время совершенно сгладилась у Эрзи, находящейся подъ сильнымъ вліяніемъ воззрѣній русскаго народа; стоитъ однако наблюдать Эрзю тамъ, гдѣ вліяніе это не столь значительно, какъ, напримѣръ, въ Городищенскомъ уѣздѣ, гдѣ оно умѣряется противоположнымъ вліяніемъ сосѣдей Мокши, какъ разница эта снова выступаетъ на видъ. У Эрзи все—семейское и ни одинъ изъ членовъ семьи не имѣетъ ничего собственно одному ему принадлежащаго; «*и лэзе семеанень, и коламо семеанень*» (и прибытокъ въ семью, и убытокъ въ семью), полагаетъ Эрзя и не признаетъ даже возможнымъ имѣть что либо свое. Отъ нея же слышали мы и такое присловье: «*конашкасто семеава ерятъ—пэкетъ пешкедзъ, а лисятъ — ватшоматъ*», т. е., пока живешь въ семьѣ—сытъ бываешь, а уйдешь — проголодаешься. Понятное дѣло, что, если подобное убѣжденіе могло народиться и укрѣпиться въ народѣ, то у него и не можетъ проявиться стремленія къ обособленію въ имущественномъ отношеніи отъ семьи; самъ Эрзянинъ никогда не будетъ хлопотать о томъ, чтобы нажить что нибудь лично про себя, а семья уже, конечно, не будетъ поощрять такого сепаратизма своихъ членовъ. Иначе поставлено дѣло среди Мокши, гдѣ хотя семьи не мельче, нежели у Эрзи, и дворовое начало держится еще гораздо крѣпче, но отдѣльные члены семьи имѣютъ полное право

работать лично на себя въ то время, когда не предстоитъ надобности работать на семью; ясное дѣло, что и тутъ не всякому члену дозволятъ личную наживу, но если такой членъ семьи обремененъ своею собственною семьею, то отецъ дозволяетъ ему разныя поделки не на прокормъ, а на одежду, напримѣръ, своихъ дѣтей. Мы сами знаемъ случай, когда одинъ изъ членовъ семьи былъ отпущенъ въ работники ради лишь того, чтобы онъ могъ учить своего сына на образцовой фермѣ, а затѣмъ и въ Москвѣ. Когда случится главѣ семьи отлучиться куда нибудь, то старшій изъ женатыхъ его сыновей занимаетъ его мѣсто и всѣ обязаны его слушать во всемъ, какъ и самого хозяина; одно только не въ его власти: онъ не можетъ ни продать, ни заложить общесемейскаго имущества, что иногда приводитъ къ большимъ затрудненіямъ, какъ это разъ случилось у насъ на глазахъ, когда становой пріѣхалъ за недоимкою и остававшійся, за отъѣздомъ хозяина, старшій его сынъ не могъ ничего продать изъ дома; сколько становой приставъ ни уговаривалъ, заступитель хозяина ничего продать не согласился и должны были приступить къ продажѣ съ аукціона, причемъ добрая корова пошла всего лишь за три рубля. Изстари повелось, что дѣдъ при смерти своей завѣщаетъ младшему внуку свои ульи, а бабка передаетъ младшей внучкѣ свою корову или двухъ-трехъ овецъ; этотъ обычай въ особенности сильно распространенъ у Мокши, но встрѣчается онъ и у Эрзи, хотя здѣсь и успѣлъ уже утерять свое искомое значеніе, такъ какъ подобный даръ поступаетъ тутъ уже въ полную и нераздѣльную собственность семьи и дѣйствительный владѣлецъ пользуется лишь правомъ номинальнаго владѣнія, причемъ однако на продажу такого его имущества всенепремѣнно третребуется его согласіе, хотя бы онъ былъ и малолѣтнимъ. Иначе поставлено дѣло у Мокши, гдѣ дароприниматель имѣетъ фактическое право собственности надъ самымъ подаркомъ и его приплодомъ, но шерсть отъ овецъ и медъ отъ пчелъ составляютъ общее семейское достояніе; если подобный подарокъ заболѣетъ или рой зачахнетъ отъ безмедья и кто либо иной выходитъ больнаго или прокормитъ рой цѣлую зиму своимъ медомъ, то собственникъ подарка теряетъ на него право собственности и онъ принадлежитъ съ той поры тому, кто объ немъ заботился. На эту именно тему и сложена пословица: моя овца—моя бѣда, дареная овца — чужое

счастье, или, по мокшански, «*ревезэ—озалзэ, касяфъ ревесь—илэ павасъ*», т. е., другими словами, что «дареному коню въ зубы не смотрятъ», такъ какъ стоитъ ему заболѣть и онъ по выздоровленіи будетъ принадлежать тому лицу, которое за нимъ ходило. Кромѣ этого случая, неотдѣленные члены семьи могутъ еще имѣть свое имущество, если оно нажито отъ случайныхъ доходовъ въ родѣ сбора грибовъ, ягодъ и т. п. Мы не забудемъ никогда съ какимъ гордымъ видомъ мальчишка лѣтъ 13 отвѣчалъ намъ, на наше предостереженіе, чтобы кто нибудь изъ семьи не отобралъ у него денегъ, подаренныхъ ему за указаніе дороги: «Кіэ йораи варджанъ»? сказалъ онъ и видно было, что дѣйствительно никто не захочетъ попробовать отнять у него деньги. Точно также смотрятъ семейскіе и на тѣ деньги, которыя выручаютъ дѣти за ягоды и грибы на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. Бабка передаетъ старшей внукѣ, а иногда мать—дочери свой, «кыргаксъ»—ожерелье, а также и головной уборъ и, конечно, уже никто и не подумаетъ считать эти украшенія семейнымъ достояніемъ, такъ какъ всякая дѣвушка считаетъ своимъ долгомъ дополнить эти уборы лишнимъ рядомъ монетъ, раковинъ или лишнимъ куньимъ хвостомъ; наконецъ, всѣ подарки, полученные молодою и поѣзжанами отъ молодой на свадьбѣ, тоже составляютъ ихъ личную собственность и не подлежатъ распоряженіямъ главы семейства.

Само собою разумѣется, что если хозяинъ растратитъ семейское имущество, то онъ отвѣтственъ только лишь передъ Богомъ, почему Эрзя и говоритъ, что «сынъ отцу винись, а отецъ — Богу» или «*тсіора тэтяти еряви пулзямсъ, а тэтя Пазти*»; бывали случаи, что дѣти жаловались въ волостной судъ за растрату отцомъ ихъ имущества, но всегда и вездѣ судъ постановлялъ рѣшеніе, мотивированное слѣдующимъ образомъ: «А такъ какъ оное имущество означеннымъ Петромъ Ряббоевымъ нажито, то онъ и воленъ въ немъ распорядиться; сына же его Василія за неспокойный духъ его, постыдивъ, наказать при волостномъ правленіи [1]) и т. д. Такимъ образомъ, Мордва смотритъ на семейное имущество отнюдь не какъ на что-то совершенно неприкосновенное для отца и въ особенности, если оно цѣликомъ имъ же и на-

[1]) Морд. Кемешкерь, Кузнецк. уѣзда, Саратов. губ.

жито. Здѣсь однако намъ слѣдуетъ оговориться, что случаевъ растраты семейнаго имущества почти не встрѣчается по той простой причинѣ, что отцу прямой разсчетъ копить, а не тратить, да притомъ же повелось изстари, что отецъ не предприметъ ничего сколько нибудь важнаго въ имущественномъ отношеніи, не посовѣтовавшись съ остальными членами семьи; «на людяхъ», говоритъ Мокша,—«и дитя уменъ» (*ломаньга и ейкакш йони*), а потом отецъ семейства и спрашиваетъ всѣхъ своихъ домашнихъ о томъ, какъ ему поступить въ томъ или другомъ затруднительномъ случаѣ. Понятное дѣло, что отъ него зависитъ послушаться даваемыхъ ему совѣтовъ или же поступить по своей волѣ; во всякомъ случаѣ, хотя Мордва и не признаетъ великаго значенія рода, а слѣдовательно и родоваго имущества, но власть прямаго главы рода, т. е. отца, чрезвычайно сильна и онъ совершенно безконтрольно можетъ распорядиться семейнымъ имуществомъ, хотя и никогда не сдѣлаетъ этого изъ-за срама предъ «шабрами», которые станутъ относиться къ нему, какъ къ человѣку, ничего не стоющему, не съумѣвшему удержать за собою то, что перешло къ нему отъ отцовъ. И продать, и заложить общее достояніе онъ можетъ вполнѣ спокойно въ случаѣ какихъ нибудь особенныхъ напастей; такъ, напримѣръ, въ Иссѣ одинъ Мордвинъ продалъ 40 ульевъ пчелъ ради того, чтобы снарядить на войну втораго сына, когда въ 1877 году были созваны всѣ льготные; семья прямо высказывалась противъ этой продажи, но отецъ слѣлалъ по своему и, когда сына ему вернули, то всетаки всѣ «шабры» относились къ его поступку совершенно сочувственно по той простой причинѣ, что «въ солдаты, какъ въ гробъ» — *солдатнавса, кода калмаса*»; таже широкая свобода дѣйствій предоставляется отцу или хозяину и въ случаѣ пожаровъ, голода и т. п.

Въ семьѣ однако не безъ урода, и находятся и среди Мордвы такіе старики, которые, забывъ всякій стыдъ и нравственную отвѣтственность предъ міромъ—«шабрами», пьянствуютъ и проживаютъ все, что успѣли нажить и сами они, и ихъ предки. У Эрзи никто не можетъ вступиться въ распоряженія такого расточителя и даже и міръ не властенъ помѣшать ему въ его распоряженіяхъ; ясное дѣло, что кое-гдѣ волостные суды призываются къ защитѣ отъ такихъ отцовъ, но обыкновенно дѣло кончается ничѣмъ, такъ какъ

никто изъ судей не считаетъ себя въ правѣ путаться въ это чисто семейное дѣло, такъ какъ *«шабратъ ванокъ мезе улитсаненъ, афъ мезе уголненъ»*, т. е. «сосѣди смотри что на улицѣ, а не что въ углу». Всякій сторонній свидѣтель постарается дать обиженнымъ совѣтъ уйти отъ грѣха, такъ какъ никто не въ состояніи пособить горю. Нѣсколько иначе поставлено дѣло у Мокши, гдѣ отецъ находится всегда, такъ сказать, подъ контролемъ «шабровъ»; сходъ можетъ присудить, чтобы, въ случаѣ раззоренія хозяйства безпутствомъ и пьянствомъ отца, женатые дѣти-наживщики предприняли съ своей стороны кое какія мѣры къ огражденію общаго имущества; случается даже, что старики лишаютъ на время отца главенства въ домѣ и поручаютъ хозяйство отнюдь не непремѣнно старшему въ семьѣ, а наиболѣе способному къ домоводству члену семьи. Чаще всего такіе случаи можно отмѣтить въ тѣхъ мѣстностяхъ, откуда народъ уходитъ на далекіе заработки; суммы, зарабатываемыхъ такими отходными промыслами, иногда очень велики, а отсутствіе семейной жизни приводитъ къ безпорядочности и къ выпивкѣ, отъ которыхъ трудно потомъ бываетъ отвыкнуть, тѣмъ болѣе, что человѣкъ вскорѣ начинаетъ пить отъ стыда и окончательно спивается съ круга.

«Кули быка кулась, вазнэнъ тэрдедакъ!» совѣтуетъ Мокшанинъ, т. е. «если быкъ палъ, теленка запряги» и крѣпко держится этого правила. Если задолжаетъ отецъ и умретъ, не расплатившись со своимъ кредиторомъ, то всѣ его неотдѣленные дѣти отвѣтственны въ его долгѣ; никто и не подумаетъ захерить долгъ за смертью должника, такъ какъ предполагается, что долгъ всегда дѣлается на общесемейныя нужды, а слѣдовательно и отвѣтственность за подобные долги падаетъ не на какого либо члена этой семьи, а на ея имущество; а такъ какъ это имущество принадлежитъ всѣмъ членамъ семьи нераздѣльно, то всякій членъ семьи является должникомъ за долгъ, сдѣланный покойнымъ отцомъ. Совершенно такой же взглядъ на дѣло мы находимъ и среди Эрзи, причемъ здѣсь замѣчаемъ, что если бы отцу нечѣмъ было уплатить долгъ, но онъ уже работать не можетъ, то даже и отдѣленный сынъ долженъ уплатить долгъ, хотя бы въ разсрочку работой, такъ какъ *«сельгемо тэтяты-сакалненъ тсіоранъ»*, т. е. плевокъ отцу — у сына на бородѣ. Какъ дѣти отвѣчаютъ за отцовъ въ долговыхъ обязатель-

ствахъ, такъ они являются отвѣтственными за нихъ и въ податяхъ и въ повинностяхъ. Мордва отлично понимаетъ, что въ дѣйствительности фискальною единицею обложенія является не душа, а имущество, а потому въ виду того, что отецъ является лишь пожизненнымъ управителемъ этого имущества, народъ и считаетъ отвѣтственность всякаго члена семьи вполнѣ законною; намъ случалось, напримѣръ, въ Борисовѣ Нижегородскаго уѣзда, присутствовать при добровольной продажѣ дареныхъ при свадьбѣ вещей неотдѣленными членами семьи ради уплаты за отца повинностей и притомъ не государственныхъ, а земскихъ и, такъ называемыхъ, волостныхъ. Равнымъ образомъ отецъ обязанъ уплачивать долги своихъ неотдѣленныхъ сыновей, если таковые не задолжали вслѣдствіе распутной жизни; бываютъ однако случаи, когда отецъ является на сходъ и заявляетъ о прекращеніи имъ уплатъ долговъ за сына; шабры являются, такимъ образомъ, послухами факта лишенія довѣрія и тогда новые долги сына дѣлаются уже не обязательными для отца. Никакихъ особыхъ условій относительно отбыванія податей и повинностей между родителями и отдѣленными сыновьями не бываетъ, такъ какъ «*эрвейась-вечкась*», т. е. «женилъ-отрѣзалъ» въ имущественномъ отношеніи.

Такъ какъ Мордва — народъ рабочій, то понятно, что всякій мелкій работникъ, который обязательно до конца своей жизни останется въ семьѣ и будетъ на нее работать, дороже, нежели работница, которая только о томъ и хлопочетъ, какъ бы ей выйти изъ семьи и уйти въ чужую семью; поэтому то рожденіе сына всегда и вездѣ встрѣчается съ большею радостью, нежели рожденіе дочери; «*стирьть коднэ трякв ще аннеке сонв ломаненв, а тсіоратсэ прокс кормилетсэ*», т. е. «дочь, какъ ни холь и корми, она людская, а сынъ всегда твой кормилецъ», говорили намъ въ Мамалаевѣ; но это убѣжденіе вовсе не представляетъ собою нѣчто мѣстное, а распространено повсюду, несмотря на то, что положеніе дѣвушки и женщины у Мордвы гораздо лучше нежели положеніе ихъ у русскихъ крестьянъ. Кое гдѣ у Мокши намъ разсказывали, что когда дѣти спрашиваютъ, откуда появился въ семьѣ новый членъ, то имъ отвѣчаютъ, если родился сынъ; «*Ведьава каязь*»—Ведьава подарила, а коли явилась не свѣтъ божій дочь, то «*Ведьава йафыдясь*», [1]) т. е.

[1]) Адашево, Инсарскаго уѣзда Пензенской губ., Ѳедоръ Эртовъ.

Ведьава бросила; разница въ употребляемыхъ глаголахъ прямо показываетъ ту разницу, которую народъ дѣлаетъ въ рожденіи сына и дочери. Достиженіе совершеннолѣтія праздновать какимъ нибудь особеннымъ образомъ не принято, такъ какъ, повидимому, совершеннолѣтіемъ признается лишь моментъ вступленія въ бракъ или вѣрнѣе достиженіе способности къ брачной жизни, на что мы уже указывали выше; изстари однако повелось, что вступающій впервыя на мірскую сходку обязанъ угостить шабровъ, да и это дѣлается лишь тогда, когда на сходку въ первый разъ является новоженъ, причемъ присутствующіе не преминутъ съострить, что» *«аваланькса—йоньфтемэ, авапреаса—пэлясфтемэ»*, т. е. подлѣ бабы былъ, такъ не было ума, а на бабу легъ—нѣтъ глупости; изъ этого присловья мы уже прямо можемъ заключить, что умъ, т. е. опытность, какъ признакъ правоспособности ставится въ прямую зависимость отъ того—женатъ человѣкъ или же еще не женатъ и слѣдовательно не достигъ зрѣлости.

Всѣ силы семьи вообще, а слѣдовательно и каждаго изъ ея членовъ въ отдѣльности направлены на то, чтобы выгоднѣе для семьи сбыть съ рукъ своихъ дѣвушекъ; такъ какъ существуетъ калымъ, то слѣдовательно приходится показывать свой товаръ лицомъ, раззадоривать имъ покупателей, а потому и говорятъ, что *«омботсетненѣ ведынь, а техтерненѣ—ловзонь»*, т. е. другимъ—воды, а дѣвкѣ молока. Дѣвкѣ, когда она на выдачѣ, и платокъ купятъ по ярче и лентъ не пожалѣютъ и вообще стараются держать ее въ холѣ; въ особенности заботится о ней мать, которая чуетъ близкую разлуку и всячески за нею ухаживаетъ; впрочемъ, такое отношеніе къ выданницѣ замѣчается съ особенною рѣзкостью лишь у Мокши, тогда какъ у Эрзи этой разницы вовсе не замѣчается, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ обрусѣніе сильнѣе, тамъ появляется полное равнодушіе къ дочерямъ, и не разъ приходится слышать, что «всякій горшокъ найдетъ свою ложку» (*«ерьваки шакшѣ кармы муйемсѣ пеньшонзо»*) или всякая дѣвушка, какова бы она ни была, найдетъ себѣ жениха. Разъ дѣвушка объявлена невѣстою, т. е. въ тѣхъ случаяхъ, когда бракъ не совершается умычкою (лисезь), она пользуется въ семьѣ всеобщимъ почетомъ и всякій на перерывъ старается всячески угодить ей, сдѣлать ей что нибудь пріятное, такъ какъ она во все это время находится подъ особеннымъ покровительствомъ

Ведвазыравы, которая можетъ разсердиться, если обидятъ чѣмъ нибудь излюбленную ею дѣвушку; въ глуши Инсарскаго и Краснослободскаго уѣздовъ сномъ такой выданницы пользуется для гаданья, такъ какъ и сонъ ея вѣщій и ниспосылается ея божественною хранительницею. Случается иногда, что дѣвушка вдругъ задуритъ и порѣшитъ остаться безбрачною; бываютъ такіе казусы довольно часто и въ особенности, если на грѣхъ попадется поблизости монастырь; монахини ѣздятъ за сборомъ, отлучаются на работы и разговорами смущаютъ молодыхъ бабъ и дѣвушекъ, которыя, глядишь, и «заскучаютъ»; стоитъ только заскучать, какъ тотчасъ же заскучавшая напускаетъ на себя важность, читаетъ молитвы и наконецъ приступаетъ къ роднымъ по части постройки ей келійки. Если въ семьѣ появится такая «черничка», то семейскіе бываютъ очень довольны, такъ какъ, значитъ, благодать почіетъ на семьѣ; всѣ ухаживаютъ за такою отказавшеюся отъ міра и его радостей, и семья никогда не попрекаетъ нахлѣбницу ея бездѣйствіемъ; какъ на семьѣ лежитъ нравственная обязанность не только кормить черничку, но и доставлять ей рѣшительно все для того, чтобы ей не приходилось думать ни о чемъ житейскомъ, такъ и черничка обязана «умаливать» за семью, чтобы ничто дурное не посѣтило кого нибудь изъ семейскихъ. Такимъ образомъ, между семейскими и черничкою устанавливаются отношенія, основаніемъ которыхъ служитъ правило «рука руку моетъ» и потому ни тѣ, ни другая не считаютъ себя обязанными. Случается, что черничка выходитъ однако, въ концѣ концовъ замужъ; интересно, что тогда семья не беретъ уже выкупа, такъ что, по всѣмъ вѣроятіямъ, она считается уже и безъ того вышедшею изъ семьи, не принадлежащею ей, а потому она и выходитъ замужъ, какъ бы на положеніи вдовы; ясное дѣло, что и приданаго семья не даетъ черничкѣ, да она въ этомъ и не нуждается, такъ какъ за время своего черничества успѣетъ достаточно и сама опериться отъ мірскихъ подаяній, отъ чтенія псалтири надъ покойниками и отъ разныхъ отчитываній по старинному требнику, достать который составляетъ желанную цѣль всякой полуграмотной «Христовой невѣсты». У Мокши однако зачастую семья относится къ появленію чернички лишь, какъ къ неизбѣжному злу; старикъ отецъ, да и остальные работники махнутъ только рукой, такъ какъ идти прямо противъ рѣшенія сдѣлаться черничкою счи-

тается какъ бы неловкимъ. Иногда чернички сходятся по 5—7 человѣкъ въ одну келью, которую выстраиваютъ имъ общими усиліями ихъ семейскіе, но, повидимому, постройкою помѣщенія и оканчиваются всѣ обязательства семейскихъ по отношенію къ черничкамъ, такъ какъ кормиться онѣ обязаны уже своими трудами.

Если нѣкоторые братья будутъ выдѣлены, а остальные останутся не отдѣленными, то послѣдніе конечно будутъ относиться съ почтеніемъ къ первымъ, такъ какъ тутъ играетъ роль не то, что онъ отдѣленъ, а то, что онъ старше ихъ; а такъ какъ пословица учитъ, что «*кудиксъ вирти сюкунаи*» (тростникъ гнется передъ лѣсомъ), то и понятно, что неотдѣленные, т. е. младшіе, обязаны относиться къ старшимъ съ извѣстнымъ почтеніемъ. Эрзя не дѣлаетъ ровно никакого различія между единородными и единоутробными дѣтьми, пріемышами и усыновленными, тогда какъ Мокша признаетъ нѣкоторое различіе, ведущее иногда за собою ссоры и неудовольствія. Прежде всего пріемышъ у Мокши называется «*трэизсіора*», т. е. выкормокъ, а слѣдовательно на немъ какъ бы лежитъ обязанность отплатить за заботы о немъ впослѣдствіи; пріемышъ обязанъ содержать престарѣлыхъ своихъ пріемныхъ родителей, если дѣти ихъ успѣли уже вымереть; что же касается до единокровныхъ и единоутробныхъ, то понятно, что отъ живой жены дѣтей любятъ больше, нежели осиротѣлыхъ, а потому и стараются всячески ихъ какъ можно скорѣе отдѣлить и поставить на свои ноги; «*афъ ули азырава-кулава*» (не хозяйка—мертвая баба), говоритъ Мокша и понятно, что живая жена всегда съумѣетъ совершенно незамѣтнымъ образомъ устроить такъ, что сироты всегда будутъ въ загонѣ, а ея дѣти въ почетѣ. Еще сильнѣе эта разница оказывается въ отношенія второмужницы матери къ дѣтямъ отъ перваго мужа и народъ твердо убѣжденъ въ томъ, что «молодая вдова—не мать» («*левксъ выдава афъ ули дэдя*»), такъ какъ ей некогда думать о сиротахъ вслѣдствіе желанія снова выйти замужъ, а тамъ пойдутъ новыя дѣти и старыя будутъ окончательно заброшены на волю божію и на добрыхъ людей; въ силу именно такого то воззрѣнія Мордва очень высоко ставитъ тѣхъ вдовъ, которыя по смерти мужа болѣе не выходятъ замужъ и отдаются своимъ дѣтямъ, пользуясь по временамъ услугами того или другого мужчины, но не связывая своихъ рукъ новымъ бракомъ.

Къ незаконнорожденнымъ Эрзя относится лучше Мокши, но отнюдь не потому что она развитѣе послѣдней, а потому лишь, что количество незаконныхъ рожденій въ эрзянскихъ мѣстностяхъ гораздо значительнѣе и можно даже сказать, что по мѣрѣ обрусѣнія оно увеличивается съ каждымъ днемъ. Эрзя считаетъ необходимымъ прикрыть грѣхъ, т. е. прямо требуетъ, чтобы виновникъ женился, а если онъ не захочетъ, то всегда найдется желающій жениться на родившей, такъ какъ это только доказываетъ, что она годна къ дѣторожденію. Такъ какъ у Мокши болѣе въ ходу «лисезь» и браки совершаются съ полнаго согласія между собою брачущихся, то случаевъ незаконнорожденій здѣсь бываетъ гораздо меньше, а потому народъ и смотритъ на провинившуюся съ нѣкоторою укоризною; тутъ уже ясно, что виновная совершила грѣхъ не по необходимости, а вслѣдствіе нѣкоторой развратности и потому «*палакста шачфъ*» (въ крапивѣ рожденный) не можетъ пользоваться одинаковыми правами съ законными дѣтьми; нѣтъ ему той холи и почета, да и въ имущественномъ отношеніи его конечно обдѣлятъ, такъ какъ нѣкоторую часть изъ общесемейнаго имущества онъ все таки получитъ. Среди Мокши и Эрзи попадается много такихъ, которые принадлежатъ къ поповщинѣ и даже къ безпоповщинѣ; тутъ уже разницы между законными и незаконными дѣтьми не дѣлается ровно никакой, такъ какъ Мордва увѣряетъ, что незаконныя тѣ дѣти, которыя родились отъ родителей, вѣнчавшихся въ никоніанской церкви. Ни разу не удавалось намъ встрѣтить такихъ незаконнорожденныхъ, которые носили бы фамилію матери и принято вообще, чтобы имъ давали фамилію отца, причемъ разница между Эрзею и Мокшею въ томъ, что у первой берется фамилія законнаго отца, а у второй—дѣйствительнаго и, развѣ если законный отецъ согласится, то своимъ именемъ прикрываетъ грѣхъ. Кормить незаконнорожденнаго обязаны его дѣйствительные родители, но дѣло въ томъ, что и у Мокши зачастую приходится наблюдать слѣдующее явленіе: такъ какъ лишній работникъ въ семьѣ дорогъ, то хозяинъ - мужъ очень часто беретъ незаконнаго сына своей жены въ пріемыши и затѣмъ уже онъ перестаетъ считаться «полакста шачфъ» и переходитъ на права «трэи-тсіора». Коли случится грѣхъ съ малымъ у Эрзи и сдѣлаетъ онъ ребенка, то виновникомъ считается онъ, а не женщина, такъ какъ: «*афъ ули суръ-аш-косынга сурьксенъ*

ускамсэ» (нѣтъ пальца—негдѣ кольца носить), что вполнѣ соотвѣтствуетъ нашей русской пословицѣ о кобелѣ и сукѣ, но наоборотъ; у Эрзи такого баловника не задумаются и посѣчь немного при волости, а у Мокши не обратятъ на это никакого вниманія, такъ какъ «для того и лапоть, чтобы надѣвать на ногу» (*«сясенди и казь, первка пилые карьсянэ»*). Никакого вознагражденія отъ отца матери не полагается, такъ какъ случилось все съ обоюднаго согласія и слѣдовательно вины его передъ нею нѣтъ никакой—чего же она раньше глядѣла? Во всякомъ случаѣ спѣшимъ засвидѣтельствовать, что случаи незаконныхъ рожденій вслѣдствіе гульбы замужнихъ женщинъ очень рѣдки, а «дѣвка», какъ и у русскихъ,—«общая издѣвка» и съумѣетъ сама за себя постоять; провинность эта чаще всего замѣчена у солдатокъ, а имъ и Богъ велѣлъ, такъ какъ онѣ, по всеобщему убѣжденію, отнюдь не виновны, что имъ «пурэ дали—да отняли» (*«пурснэ максасьтэ—да сэзэсьтэ»*), замужъ выдали, да и угнали мужей. Эрзя при разспросахъ прямо стояла на томъ, что грѣха тутъ нѣтъ, такъ какъ *«сывель налкси»* т. е. плоть играетъ, а Мокша смотритъ на сорванца и Донъ-Жуана не совсѣмъ хорошо и потому всякій, съ кѣмъ случился такой грѣхъ, спѣшитъ принять своего незаконнаго ребенка или пріемышемъ или же усыновленнымъ; въ особенности часты подобные случаи между тѣми, кто своихъ, законныхъ дѣтей не имѣетъ.

Вообще случая усыновленія не особенно часты; главною побудительною причиною къ усыновленію является недостатокъ въ семьѣ рабочихъ рукъ, а этого недостатка у Мордвы отнюдь не замѣчается, такъ какъ и плодовита она въ достаточной степени, да и не рѣдко можно встрѣтить здѣсь такъ называемыя «оцю кудъ»—большой домъ, т. е. многотягольныя семьи; иное дѣло, если Богъ не пошлетъ дѣтей, да и то не скоро баба на такой напасти успокоится, сходитъ за помощью къ попу, а коли и тотъ не поможетъ, то обратится къ старухѣ, которая въ праздникъ «Ведьазыравы» заставитъ ее поползать по холсту и вообще употребитъ всѣ усилія, чтобы помочь ея горю. Коли и это средство уже не поможетъ, то въ Саровской пустыни монахи знаютъ какой то секретъ, а ужъ если и отъ того толка не выйдетъ, то приходится взять пріемыша и усыновить его. Усыновляютъ больше мальчиковъ, такъ какъ отъ нихъ семья всегда пользоваться будетъ, а отъ дѣвочки только изу-

бытчишься; у Мокши случается иногда, что, не найдя по близости нигдѣ ребенка, усыновляющій отправляется въ городъ и тутъ уже непремѣнно находитъ искомое, такъ какъ городъ гораздо развратнѣе деревни и тутъ незаконнорожденныхъ можно получить въ изобиліи. Это не бѣда, если въ семьѣ имѣется уже нѣсколько дочерей, такъ какъ «*техтерь — кура, а тсіорать — шотшкоты*», т. е. дѣвка столовая крыша (должна на чемъ нибудь лежать) а сыновья — ножки (сами поддерживаютъ); весь вопросъ въ томъ, чтобы добыть въ семью работника, а потому и случается, что отъ двухъ - трехъ дочерей ищутъ усыновить мальчика. Никакого обычая по отношенію къ годамъ усыновляющаго и усыновляемаго не существуетъ, такъ какъ отъ усыновляющаго требуется лишь, чтобы онъ былъ въ правѣ усыновить, т. е. чтобы онъ былъ главою семьи или же имѣлъ согласіе главы семьи. Понятное дѣло, что усыновляютъ чаще малолѣтнихъ и случаи усыновленія взрослыхъ чрезвычайно рѣдки среди Эрзи, которая охонѣе беретъ въ домъ прямо наймита, батрака, а иногда и нѣсколькихъ, тогда какъ Мокша часто усыновляетъ и взрослыхъ, но тогда требуется всенепремѣнно, чтобы усыновляемый былъ бездѣтенъ, такъ какъ иначе получилось бы двойное, тройное и т. д. усыновленіе, что вовсе не входитъ въ виды усыновляющаго. «*Кафта кеттнэ фкэть курiать треайхтэ*», т. е. двѣ руки одинъ ротъ кормятъ и бѣда, если имъ придется кормить нѣсколько голодныхъ ртовъ. Свой своему поневолѣ братъ и понятно, что всякій (у Эрзи) охотнѣе усыновитъ своего родственника, нежели чужаго ребенка; но Мокша подобной разницы не дѣлаетъ и съ равною охотою принимаетъ въ свою семью, какъ сородичей, такъ и чужеродцевъ, такъ какъ основа усыновленія лежитъ не въ родственныхъ чувствахъ, а прямо въ цѣляхъ чисто-экономическихъ; именно въ силу этого право на усыновленіе принадлежитъ не исключительно одному мужчинѣ, а и женщинѣ, если она глава семьи или же имѣетъ разрѣшеніе на подобное усыновленіе отъ хозяина дома. Никакихъ особенныхъ обрядовъ при усыновленіи не бываетъ и требуется лишь явка факта усыновленія въ волостномъ правленіи; говорили намъ, что прежде «при дѣдахъ» усыновляющій, принося въ домъ усыновленнаго, клалъ его на порогъ или на «кардасьсэрко», т. е. на ту ямку среди двора, гдѣ обитаетъ божокъ—хранитель дома, но такъ какъ теперь этотъ обычай не исполняется,

то о немъ нечего и говорить. Отъ усыновленнаго требуется, чтобы онъ называлъ отцомъ и матерью его усыновившихъ, тогда какъ для нихъ называть его сыномъ отнюдь не обязательно; точно также онъ получаетъ и отцовскую фамилію и тавро, т. е. того отца, которому принадлежитъ тотъ домъ, гдѣ онъ живетъ; положимъ, что бываютъ случаи, когда связь усыновленнаго съ фактическимъ отцомъ не прекращается, но все же это скорѣе единичные случаи, гдѣ слышится не поддающійся никакимъ ухищреніямъ голосъ крови. По большей части, даже самый фактъ усыновленія совершается подъ тѣмъ условіемъ, чтобы фактическіе родители заранѣе отказались отъ всякихъ правъ на своего ребенка, но понятно, что если усыновляется человѣкъ уже взрослый, то его нельзя заставить забыть тѣхъ, кому онъ обязанъ жизнію; на этомъ то именно и расходится Эрзя съ Мокшею, такъ какъ у первой усыновившій называется «большой отецъ» и окончательно рѣшаетъ судьбу усыновленнаго, тогда какъ у второй родной отецъ не теряетъ окончательно своей власти и даже волостные суды [1]) постановляютъ приговоры, чтобы «отдать Кузнецова родному отцу — пусть поучитъ его породительски, какъ онъ долженъ понимать благодѣяніе Петра Кузнецова, который его въ люди вывелъ». Разъ усыновленіе произошло, то между усыновившимъ и усыновленнымъ устанавливаются обыкновенныя отношенія, какъ между отцомъ и сыномъ; усыновленный наслѣдуетъ по своемъ отцѣ и пользуется всѣми имущественными правами наравнѣ съ родными сыновьями; понятное дѣло, что такое положеніе его въ семьѣ обязываетъ его совершенно наравнѣ съ родными дѣтьми покоить и кормить родителей, когда они обезсилятъ и не будутъ уже въ состояніи добыть что нибудь для дома. Обществу, какъ и слѣдовало ожидать, нѣтъ рѣшительно никакого дѣла до того, кого и сколькихъ желаетъ усыновить хозяинъ, татъ какъ надѣлъ усыновленному нарѣзается не отъ общества, а отъ отца, который воленъ отдать усыновленному хотя бы и всю свою землю или же не дать ему ровно ничего при жизни и отказать ему свой надѣлъ или же часть его лишь на смертномъ одрѣ.

Взгляды на взятаго въ домъ зятя различны у Эрзи и у Мокши, но почему явилась эта разница—для насъ представляется темнымъ,

[1]) Верхисъ Инсар. уѣзда Пенз. губ., дѣло 169 за 1875 годъ.

такъ какъ у Эрзи такой зять считается какъ бы усыновленнымъ, тогда какъ у Мокши—«*ов*» не считается усыновленнымъ; быть можетъ, причина этого обстоятельства заключается въ томъ, что *ов*, считается по правамъ выше дѣтей, такъ какъ этимъ же именемъ называется и мужъ сестры; въ виду того, что сестра хозяина выше его дѣтей, быть можетъ, и мужъ ея есть дядя и слѣдовательно ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть усыновляемъ. Такъ какъ разница существуетъ по отношенію къ старшинству въ семьѣ, то понятно, что иногда у Эрзи такой зять, принятый въ домъ, долженъ разстаться со своимъ прозвищемъ и принять прозвище своей жены, тогда какъ у Мокши никогда подобныхъ случаевъ не бываетъ и прозвище остается за зятемъ его собственное. Интересно, что разница эта совершенно не имѣетъ никакого вліянія на права такого зятя надъ его женою и имуществомъ и онъ пользуется въ этомъ отношеніи совершенно одинаково съ тѣмъ зятемъ, который возьметъ жену къ себѣ въ домъ; оно и понятно, такъ какъ онъ, собственно говоря, имѣетъ менѣе правъ по отношенію ко главѣ семьи, но по отношенію ко вновь созидаемой имъ семьѣ онъ самъ является главою. Никакихъ особенныхъ актовъ на пріемъ въ домъ зятя—влазня не совершается, такъ какъ дѣлается это въ силу разъ утвердившагося обычая, а главное не влечетъ за собою никакихъ ограниченій въ имущественныхъ или семейныхъ правахъ для лица, а слѣдовательно и не можетъ давать повода къ спорамъ и дрязгамъ.

Положеніе тѣхъ, кто отслужилъ свой срокъ въ солдатахъ, довольно сносное, такъ какъ народъ смотритъ на военную службу, какъ на жертву, приносимую рекрутомъ за все общество, а семья видитъ въ немъ своего избавителя. Съ тѣхъ поръ какъ для солдата явилась возможность заработать на службѣ, вкралось въ народъ и различное отношеніе къ возвращающимся на родину солдатамъ, опредѣляемое тѣмъ, что онъ принесъ домой со службы; у Эрзи, напримѣръ, тому отставному и почетъ больше, который принесъ больше, а лишившійся руки или ноги и ничего не принесшій для возмѣщенія своего прокорма уже не жди особаго почета и будь доволенъ тѣмъ, что его накормятъ наравнѣ съ остальными членами семьи; у Мокши при раздѣлѣ отставной солдатъ ровно ничего не получаетъ и рѣдко, если вздумается только хозяину, онъ обяжетъ того или другаго отдѣленнаго уже члена прокармливать до смерти

отставного. Если жена и дѣти солдата работаютъ на семью, то они пользуются прокормомъ, но ни въ какомъ случаѣ не могутъ разсчитывать на выдѣлъ наравнѣ съ остальными членами семьи: «*солдатъ афъ кудоньтсти тии, а илэтненди*», т. е. солдатъ не своему дому работаетъ, а чужимъ. Понятное дѣло, что изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы семья не считала себя обязанною содержать солдатку какъ при жизни ея мужа, такъ и послѣ его смерти, въ особенности, если солдатка цѣнитъ заботы о ней семейскихъ и не смотритъ на нихъ, какъ на нѣчто должное, обязательное; тутъ вообще самый широкій просторъ личному добродушію и вывести одного общаго правила рѣшительно невозможно; тѣмъ не менѣе, однако у Эрзи появилось такое обыкновеніе, котораго, видимо, прежде не было, и которое не съ особенно хорошей стороны выставляетъ народное добросердечіе. При насъ получено было извѣстіе о смерти одного солдата изъ села Ричкасы, Ардатовскаго уѣзда, Симбирской губерніи, и вдова съ двумя дѣтьми принуждена была перейти въ домъ своихъ родителей; разсказывавшая намъ этотъ случай Дарья Евреинова утверждала, что подобные факты теперь не рѣдки и въ объясненіе прибавляла неизмѣнно: «развѣ житье въ чужомъ домѣ»? Мокша, повидимому, крѣпче стоитъ за свои стародавніе обычаи и въ томъ случаѣ, если у вдовы есть сыновья, оставляетъ вдову въ домѣ свекра, такъ какъ смотритъ на дѣло прямо съ экономической точки зрѣнія и имѣя въ будущемъ заручку въ рабочей силѣ сиротъ не считаетъ удобнымъ отдавать эту заручку семьѣ вдовы, которая съ удовольствіемъ приметъ такую вдову; иное дѣло, если вдова осталась по смерти мужа бездѣтною, такъ какъ тогда нѣтъ никакой причины удерживать ее у себя. Въ томъ случаѣ, если у солдата есть братья, онъ получаетъ съ ними поровну, такъ какъ представляетъ собою такую же рабочую силу, какъ и они, а слѣдовательно, поставляя въ семью одинаковую съ ними работу, долженъ пользоваться и одинаковыми съ ними имущественными и другими правами. Такимъ образомъ, положеніе бездѣтной вдовы и дѣтной далеко не одинаково, такъ какъ и у Эрзи повелось, что если у вдовы есть взрослые сыновья, то семья не выпуститъ ее изъ рукъ и охотно выпроводитъ за дверь, если она не настолько счастлива; у Мокши случается, что если у вдовы не осталось дѣтей, а мужъ ея былъ при жизни отдѣленъ, то она получаетъ лишь свою седьмую

часть и можетъ идти жить къ своимъ роднымъ; если она не захочетъ выдѣла и оставитъ свою часть въ безраздѣльномъ владѣніи семьи мужа, то никто не намекнетъ ей объ уходѣ и она получаетъ право оставаться на мѣстѣ до своей смерти, хотя и лишается уже права завѣщать своимъ родственникамъ частицу своего вдовьяго имущества. Само собою разумѣется, что обезпеченіе вернувшагося на родину солдата лежитъ не на обязанности семьи, которая и безъ того почти повсюду обдѣлена землею и не можетъ выдѣлить изъ своего надѣла нисколько на долю своего отслужившаго сородича; но за то, если общество не даетъ солдату земли, то онъ не несетъ и никакихъ повинностей; даже и воспользовавшись надѣломъ отъ общества солдатъ освобождается отъ всѣхъ общественныхъ повинностей, если только онъ самъ не захочетъ поступить на общественную службу магазиннымъ сторожемъ и другимъ какимъ нибудь общественнымъ должностнымъ лицомъ за жалованье; солдатъ много на своемъ вѣку видѣлъ и потому общество охотно нанимаетъ его въ пастухи, а также и въ десятскіе, такъ какъ большею частью за постоянною занятостью большихъ эта должность справляется мальчишками, отъ чего страдаетъ самое дѣло. Вообще на отставнаго солдата общество смотритъ такъ, что онъ отслужилъ уже міру и грѣшно заставлять его служить еще. Въ рѣшеніи общественныхъ дѣлъ роль солдата у Эрзи и Мокши снова не одинакова, такъ какъ Эрзя полагаетъ, что по закону, если солдатъ не домохозяинъ, то не можетъ имѣть и права голоса на сходѣ, хотя намъ постоянно говорили: пусть придетъ и скажетъ, какъ добрый человѣкъ—коли умно, такъ послушаютъ. Такимъ образомъ, здѣсь все дѣло сводится къ отсутствію оффиціальнаго права и къ существованію фактическаго обычая, который идетъ въ разрѣзъ съ писаннымъ закономъ и находитъ выходъ именно въ совѣщательномъ, а не рѣшающемъ значеніи солдатскаго голоса. У Мокши отставной солдатъ прямо таки пользуется правомъ голоса на сходѣ и законъ какимъ то образомъ ухитряются обходить.

X.

По всѣмъ вѣроятіямъ отличительнымъ признакомъ стариннаго мордовскаго двора была многотягольность, которая однако съ те-

ченіемъ времени все уменьшается и скоро, быть можетъ, и здѣсь семья по составу своему ровно ничѣмъ не будетъ отличаться отъ нашей русской, преобладающей нынѣ однотягольной семьи; уже самое устройство мордовскаго двора указываетъ на задружное устройство семьи у этого народа, такъ какъ и до сихъ поръ еще можно зачастую встрѣтить по три и даже по четыре избы въ одной общей связи, при чемъ слово *«кудъ»* далеко не значитъ только домъ, а весь дворъ вмѣстѣ взятый, хотя бы въ немъ и было нѣсколько жильевъ. Слова «семья» въ мордовскомъ языкѣ не существуетъ и обыкновенно говорятъ вмѣсто семьи или фамиліи «такое то тавро» или «тавра Пекки Пакарнэ», т. е. тавра Петра Зернова; вся семья, пока она живетъ подъ властію одного домохозяина имѣетъ тавро, напримѣръ колесо, косу, зерно (Колесниковъ, Косачевъ, Зерновъ), причемъ для отличія отдѣльныхъ членовъ этого тавра употребляются различные знаки: лишняя спица, двойная ручка и т. п. Если изъ этого тавра выдѣляется новая отдѣльная семья, то она или беретъ себѣ новое тавро, или же видоизмѣняетъ старое, напримѣръ, отъ Колесниковыхъ могутъ произойти Спицыны, Телегины, Оглоблины и т. п.; иногда ради того, чтобы помнить свое происхожденіе, новая семья лишь дополняетъ старинное свое тавро, причемъ звучитъ фамилія также, но, напримѣръ, для мѣты употребляются уже двѣ накрестъ лежащія косы. Интересно, что для семьи, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, тоже нѣтъ слова въ мордовскомъ языкѣ и семья по стольку лишь составляетъ нѣчто единое, поскольку она—дворъ. Понятное дѣло, что встрѣчаются семьи, какъ многотягольныя, такъ и однотягольныя, но послѣднія все еще довольно рѣдки и въ особенности въ малообрусѣвшихъ уѣздахъ, куда еще не успѣло проникнуть стремленіе къ поминутнымъ раздѣламъ, которые ведутъ къ обнищанію семей. Въ большинствѣ случаевъ среди Эрзи попадаются теперь больше такія семьи, которыя состоятъ изъ отца и сыновей, хотя и бы женатыхъ съ дѣтьми, но недалеко еще то время, когда не рѣдко можно было встрѣтить семьи, гдѣ число членовъ доходило въ 50—60 душъ; къ сожалѣнію, подъ вліяніемъ обрусѣнія такія громадныя семьи насчитываются теперь уже по пальцамъ и переходъ къ односемейности или однотягольности совершится въ недалекомъ будущемъ, если только не совершится какой нибудь экономическій переворотъ, который прекратитъ

губительное вліяніе раздѣловъ. У Мокши большія семьи преобладаютъ; она прекрасно отличаетъ *«оцю семя»* отъ *«йолма семя»* и только въ первой видитъ залогъ благосостоянія; понятное дѣло, что старики никогда и не подумали бы о томъ, чтобы дѣлить своихъ сыновей, и движеніе идетъ прямо отъ молодежи, которая, искушаясь примѣромъ русскихъ крестьянъ, а также и городскою жизнью, требуетъ выдѣла у родителей и при помощи назойливости своихъ бабъ достигаетъ того, что родители, наконецъ, бываютъ вынуждены произвести раздѣлъ общесемейскаго имущества; Мокша и здѣсь однако оказывается похитрѣе Эрзи и такой, принужденный къ раздѣлу, отецъ согласится на требованіе дѣтей и дѣлитъ движимость, но землю оставляетъ неприкосновенною; онъ строитъ своимъ женатымъ дѣтямъ избы въ одномъ съ собою дворѣ и требуетъ лишь общаго выѣзда на полевыя работы; цѣль молодежи, такимъ образомъ, достигается, такъ какъ она живетъ своею, самостоятельною жизнью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и дворъ не раззоряется, а продолжаетъ процвѣтать на вящшую завистъ русскимъ сосѣдямъ, которые иначе не могутъ объяснить мордовскую зажиточность, какъ тѣмъ, что она— Мордва колдуетъ и «не тому богу молится». Очень часто можно встрѣтить семьи, въ которыхъ живутъ дѣдъ—глава семейства, три его сына, изъ которыхъ у одного три сына и одинъ изъ нихъ женатый, у другаго три сына и одинъ изъ нихъ женатый съ дѣтьми, у третьяго три же сына не женатыхъ; вся семья состоитъ изъ 17 человѣкъ; попадались намъ не рѣдко и такія семьи: три родныхъ брата, всѣ женатые, причемъ у одного четверо дѣтей, да два двоюродныхъ ихъ брата съ дѣтьми; никакихъ ссоръ мы не замѣчали и вообще, когда затѣвали разговоръ о возможности для нихъ раздѣлиться, то они отвѣчали намъ: *«ваткакъ пиньгенъ — ведъ бочкаста кармась кольгама»* — сними обручъ — вода изъ бочки потечетъ, и этимъ давали понять, что вполнѣ сознательно живутъ не раздѣляясь, въ виду экономическихъ выгодъ, которыхъ при маломъ количествѣ рабочихъ рукъ должны не минуемо лишиться. Точно такія же воззрѣнія были и у Эрзи, такъ какъ эту же пословицу мы имѣли случай записать и въ одномъ изъ эрзянскихъ уѣздовъ; *«ускакъ пинксенъ — ведъ бочкасто кармазь тшудемсь»*, говорила намъ неоднократно Эрзя, но вслѣдъ затѣмъ начинались безконечныя жалобы на молодежь и, въ особенности, на невѣстокъ—бабъ, которыя

никакъ не могутъ раздѣтить въ печи свои горшки и доводятъ пиленьемъ своимъ мужей до раздѣла. Когда мы разсказывали Эрзянамъ, какъ выходитъ изъ этого труднаго положенія Мокша, то они удивлялись спохватливости «ясачной» Мордвы и говорили, что у нихъ этого нельзя сдѣлать, такъ какъ селятся они не широко и не хватитъ мѣста во дворѣ для нѣсколькихъ избъ; собственно говоря, эта причина совершенно не дѣйствительна, такъ какъ мѣста хватило бы на всѣхъ, но вся бѣда въ томъ, что Эрзя «болѣе культивировалась», а потому и живетъ гораздо беднѣе Мокши. Болѣе 7 членовъ въ одной семьѣ намъ встрѣтить у Эрзи не случалось, тогда какъ не разъ приходилось наблюдать у Мокши семьи въ 25 и до 40 членовъ; какъ на восьмое чудо свѣта намъ указывали въ Иссѣ на дѣда, который выѣзжалъ на десятину въ 21 соху; семья его состояла изъ него и его жены, его брата съ двумя сыновьями, шести его сыновей съ женами и 21 сыномъ, 7 внукъ, и двухъ правнуковъ и 4 правнучекъ, т. е. изъ 51 души; почтенный патріархъ и не думаетъ о смерти и сыновья его также почтительно къ нему относятся, какъ къ нимъ самимъ ихъ малолѣтки; ничто не предпринимается безъ воли хозяина, который однако всегда держитъ предварительно совѣтъ съ женатымъ своимъ потомствомъ.

Въ многотягольной семьѣ бываетъ обыкновенно одинъ глава, такъ какъ «*тійадо сисемнескъ, арсейекъ-фкэ*», т. е. дѣлайте всемеромъ, думай одинъ; понятное дѣло, что если бы было нѣсколько хозяевъ, то порядка въ домѣ не было бы, такъ какъ семья держится только непреклонною волею одного лица, ограниченною желаніемъ общесемейской выгоды. У Эрзи и у Мокши одинаково старшой называется «*сирэ*», т. е. старикъ, а когда члены семьи обращаются къ нему, то называютъ его «*атя*», что тоже значитъ «старѣйшина»; когда хотятъ назвать его по отношенію къ его власти въ домѣ, т. е. въ тѣхъ случаяхъ, когда наши русскіе употребили бы слово «хозяинъ», говорятъ обыкновенно «*кудазыръ*»—хозяинъ дома, а хозяйку называютъ — «*кудазырава*». Кудазыръ — хозяинъ, владыка дома, а потому владыка всего государства есть «великій хозяинъ» - «оцазыръ». Меньшіе члены семьи вообще называются у Эрзи «*менштикатъ*», а у Мокши никакого особеннаго прозвища не носятъ, хотя хозяинъ, обращаясь къ нимъ, и употребляетъ всегда выраженіе «*йолманэтъ*» т. е. малютки, дѣтки. Мы

говорили уже въ началѣ, какъ строго соблюдаетъ Мордва обычныя приличія при обращеніи членовъ семьи другъ къ другу и замѣтимъ лишь здѣсь, что замѣна одного обращенія другимъ, менѣе почетнымъ, влечетъ за собою часто большія семейныя неудовольствія. Понятное дѣло, что случаевъ, когда въ семьѣ имѣются и члены чужеродцы, при всемъ маломъ значеніи рода у Мордвы, никогда наблюдать не приходится, такъ какъ такой чужеродецъ можетъ вступить въ семью или какъ пріемышъ, или какъ усыновленный, или какъ зять—влазень, но тогда онъ перестаетъ уже быть чужеродцемъ и принадлежитъ къ тому роду, который его принялъ; въ силу этого, среди Мордвы не было наблюдаемо и такого факта, что бы нѣсколько совершенно чужихъ другъ къ другу людей сходились для совмѣстнаго жительства и образовывали изъ себя семью. Правда, въ нѣкоторыхъ семьяхъ, которыя обладаютъ большими достатками, существуютъ работники или батраки, но, видимо, это явленіе новое, не имѣющее корней въ старинномъ бытѣ мордовскаго народа, а потому и вышло, что болѣе обрусѣвшая Эрзя переняла у своихъ русскихъ сосѣдей обращаться съ работниками, какъ съ менщиками, тогда какъ у Мокши, хотя работники и ѣдятъ вмѣстѣ съ семейскими и пользуются очень хорошимъ обращеніемъ, все же они не сравнены въ правахъ съ меньшими членами семьи, такъ какъ не связаны общимъ происхожденіемъ или общимъ тавромъ съ главою семьи; оказывается, что даже нѣтъ и слова въ Мордовскомъ языкѣ для выраженія понятія «работникъ» и, когда Мордвинъ отправляется на заработки, на лѣвый берегъ Волги, то онъ не идетъ «*тийксэ*» т. е. дѣлать, творить, а уходитъ «*работамсэ*», т. е. дѣлать на другихъ, все равно за плату или безъ оной. Понятное дѣло, что по нуждѣ, когда всѣ женатые неспособны управлять домомъ или же почему либо не могутъ принять на себя эту обузу, то и у Эрзи и у Мокши обязанности права хозяина переходятъ къ неженатому, который отличается дѣловитостью и умѣетъ найтись тамъ, гдѣ другіе опускаютъ руки предъ обстоятельствами; ясное дѣло, что преимущество все таки же отдадутъ женатому передъ не женатымъ и требуется очень много благопріятныхъ условій для того, чтобы домоправительство перешло къ «малому» лѣтъ восемнадцати, но не успѣвшему еще обжениться; конечно, случаи эти очень рѣдки, но происходитъ это вовсе не потому, чтобы

это было невозможно въ силу установившихся обычаевъ, а потому лишь, что рѣдко можно найти неженатаго Мордвина въ эти годы, такъ какъ, какъ мы выше говорили, правоспособность измѣряется у этого народа половою способностью, а эта послѣдняя наступаетъ гораздо раньше узаконеннаго возраста для совершеннолѣтія. Разница между Эрзею и Мокшею проявляется въ другомъ отношеніи и притомъ чрезвычайно рѣзко, а именно по отношенію къ правамъ женщины. По всѣмъ видимымъ до нынѣ признакамъ мы вправѣ думать, что въ старомордовскомъ бытѣ женщина отнюдь не считалась чѣмъ то низшимъ сравнительно съ мужчиною и пользовалась одинаковыми съ нимъ правами, какъ семейными, такъ и имущественными, но съ теченіемъ времени и по мѣрѣ учащенія сношеній съ русскими, въ которыхъ успѣло уже вкорениться съ одной стороны византійско-аскетическое, а съ другой—восточно-татарское воззрѣніи на женщину, какъ на порожденіе эхиднино и рабу, и среди той Мордвы, которая находилась въ болѣе тѣсныхъ сношеніяхъ съ русскими, стало получать силу убѣжденіе въ неравноправности женщины и мужчины. Эрзя считаетъ совершенно немыслимымъ для женщины быть главою семьи, тогда какъ Мокша полагаетъ, что несомнѣнно вдова—мать несовершеннолѣтнихъ должна быть главою дома, а при случаѣ она же считается «кудазырава» и при совершеннолѣтнихъ дѣтяхъ. Если бы Мокша не уважала материнства, то ни въ какомъ случаѣ не могли бы явиться у нея такія пословицы, какъ напримѣръ: «*алянь вашенэ афъ соды, а элдэнь инькса-чафы*», т. е. отца жеребенокъ не знаетъ, а по кобылѣ ржетъ; или: «*аватнень—лама, дэдясь-фкесь*»—бабъ много, мать—одна; или же наконецъ: «*дэдясь корхтась—Шкаи корхтась*», т. е. мать сказала—Богъ сказалъ. Чувство уваженіе къ матери было не разъ нами наблюдаемо и намъ зачастую приходилось видѣть такія семьи, гдѣ фактическимъ главою была именно мать, такъ какъ хозяинъ ничего не предпринималъ безъ ея согласія. Очень можетъ быть, что это чувство уваженія къ женщинѣ коренится въ самихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ Мордвы, такъ какъ намъ извѣстно, напримѣръ, вполнѣ достовѣрно, что во многихъ случаяхъ жречество находилось въ рукахъ женщинъ, такъ какъ и до сихъ поръ нѣкоторымъ богамъ мужчины справлять «*моляма*» не могутъ; наконецъ, уже самое существованіе богини — матери объясняетъ нѣсколько причину, по-

чему положеніе мордовской женщины должно было отличаться отъ положенія ея у восточныхъ народовъ.

Власть отца — хозяина очень сильна и все находится въ его волѣ. Нигдѣ не случалось, чтобы при жизни такого главы члены семьи вздумали его смѣстить и посадить но его мѣсто другого, такъ какъ такой поступокъ былъ бы равенъ покушенію на священнѣйшія воззрѣнія и убѣжденія всего народа. Такъ какъ для казны нѣтъ дѣла до укоренившихся народныхъ обычаевъ, то случалось иногда, что посредники, а затѣмъ и другіе люди, власть имущіе, смѣщали по своей волѣ главу и сажали на его мѣсто того, кто имъ болѣе нравился и кто, по ихъ мнѣнію, былъ болѣе способенъ управлять домомъ и быть его представителемъ въ сношеніяхъ съ государствомъ; само собою разумѣется, что такіе избранники и не думали стать дѣйствительными хозяевами и, хотя и являлись таковыми предъ начальствомъ, однако у себя дома слушались во всемъ фактическаго главы и дѣлами только то, что онъ прикажетъ; оказывалось такимъ образомъ, что «мѣропріятіе» не удавалось и «распорядительный» прежде Мордвинъ поступалъ точно также, какъ поступалъ и тотъ, что не понравился властямъ. Самъ отецъ однако, чувствуя упадокъ силъ, или же по другимъ какимъ нибудь причинамъ, можетъ отказаться отъ власти и передать ее любому изъ членовъ своей семьи, хотя бы этотъ излюбленникъ и не былъ послѣ него въ семьѣ старшимъ; тѣмъ самымъ всѣ права хозяина переходятъ къ этому новому главѣ, котораго всѣ обязаны слушаться безпрекословно, такъ какъ онъ для остальныхъ членовъ семьи является уже въ качествѣ «кудазыръ». По смерти «кудазыръ'а» приходится приступить къ выбору новаго, причемъ всѣ обращаютъ вниманіе на лѣта и женатость будущаго главы, хотя, главнымъ образомъ, принимаютъ въ разсчетъ, путный ли онъ человѣкъ, ладится ли у него и спорится ли дѣло и не пьетъ ли онъ; если избранникъ отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ и подходитъ подъ эти условія, то онъ, со всеобщаго согласія, признается главою и споры противъ подобнаго избранія становятся невозможными. Большакъ распоряжается имуществомъ семьи вполнѣ безконтрольно, хотя на самомъ дѣлѣ этотъ контроль и существуетъ, такъ какъ ни одинъ путный хозяинъ не предприметъ ничего важнаго, не посовѣтовавшись предварительно съ семейскими; слѣдуетъ

замѣтить, что такой совѣтъ вовсе для азыра не обязателенъ, по тѣмъ не менѣе всѣ хозяева, съ которыми мы объ этомъ говорили, утверждали, что онъ необходимъ такъ какъ *«кудазырг кули, а кудг ули»*, т. е. хозяинъ умираетъ, а домъ остается. Если кто нибудь изъ членовъ семьи провинится, то глава семьи вправѣ дать ему тотчасъ же встряску, а иногда можетъ прибѣгнуть даже и къ розгамъ и не было случая, чтобы кто нибудь жаловался на такое наказаніе, по той простой причинѣ, что никто не выслушалъ бы такой жалобы, а если бы и выслушалъ, то виновнымъ оказался бы самъ жалующійся, такъ какъ, по общенародному убѣжденію, отецъ или хозяинъ не посѣкъ бы его задаромъ. Спѣшимъ однако оговориться, что все, что мы говоримъ о взаимныхъ отношеніяхъ членовъ семьи, касается лишь такихъ семей, которыя стоятъ при нормальныхъ условіяхъ, тогда какъ пословица «въ семьѣ не безъ урода» существуетъ и въ мордовскомъ языкѣ и звучитъ у Мокши: *«и тозырса ардасг улы»*—и въ пшеницѣ есть соръ, а слѣдовательно и тутъ возможны исключительные случаи, которые не подходятъ подъ общее правило. Большакъ является представителемъ семьи предъ властями, предъ общиною и предъ церковью; онъ отвѣчаетъ за свой домъ передъ начальствомъ, онъ уплачиваетъ за всю семью подати и повинности, онъ при нуждѣ вступаетъ въ переговоры со священникомъ и однимъ словомъ ведетъ всѣ дѣла дома; понятно, что онъ же является, нѣкоторымъ образомъ, и отвѣтчикомъ за членовъ своей семьи и намъ не разъ попадались приговоры волостныхъ судовъ, гдѣ штрафъ налагался не на самого виновника, а на его хозяина, который отвѣчаетъ даже и за проступки своихъ работниковъ, съ которыми ему впослѣдствіи предоставляется вѣдаться, какъ знаетъ. Въ Пермисѣ, Корсунскаго уѣзда, намъ попался такой приговоръ: «3 мая сего года (1874) означенный работникъ Петра Гудкова Иванъ Шкуринъ, находившись въ сильномъ иступленіи пьянства пришелъ подъ окно и, увидавъ тутъ Марью Лобову, ударилъ ее бывшею съ нимъ для собакъ палкою, отчего у нея при судьяхъ видимы были на тѣлѣ ударныя пятны и она упала со скамьи, а онъ Шкуринъ, не окончивъ свое неистоство, раму у нея въ окнѣ вышибъ и ушелъ снова въ кабакъ. . . Приговорили его Шкурина наказать при волостномъ правленіи пятнадцатью ударами розогъ и убытки заплатить; за побои пять руб-

лей, да рубль за раму, а какъ у него Шкурина денегъ никогда не было и за пьянствомъ его и посейчасъ нѣтъ, то взять оные шесть рублей съ хозяина его Петра Гудкова, чтобы онъ своимъ работникамъ такой воли не давалъ и безчинствія не допущалъ [1]). Подобныхъ примѣровъ отвѣтственности хозяина за своихъ чадъ и домочадцевъ очень много и обусловливается его отвѣтственность всегда одними и тѣми же мотивами, т. е. чтобы... и воли не давалъ и безчинствія не допущалъ».

Лишить большака его власти у Эрзи не можетъ никто, развѣ если онъ самъ поволитъ отказаться отъ обузы домоправительства; напротивъ того, среди Мокши повелось, что, если хозяинъ окажется не въ состояніи управиться съ дѣлами или же будетъ постоянно лишь бражничать, то всѣ члены семьи собираются на торжественный совѣтъ, гдѣ смѣщаютъ главу и назначаютъ новаго; тутъ соблюдается одинъ крайне интересный обычай, который можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на кажущуюся съ перваго взгляда несообразность смѣны главы съ воззрѣніями народа на его власть. Такой совѣтъ устраивается всегда за обѣдомъ или вообще за какою нибудь ѣдою, причемъ накрывается непремѣнно одинъ лишній приборъ, т. е. кладутъ ложку и кусокъ хлѣба на долю послѣдняго умершаго старшаго. Такимъ образомъ, слѣдуетъ полагать, что члены семьи находятся въ полной увѣренности, что на совѣтѣ присутствуетъ этотъ покойникъ, который своимъ присутствіемъ какъ бы освящаетъ рѣшеніе совѣта. Точно также и при смерти хозяина существуетъ нѣкоторая разница въ обычаяхъ Эрзи и Мокши, такъ какъ у первой, тотчасъ послѣ смерти отца вступаетъ въ отправленіе обязанностей «кудазыръ'а» старшій изъ братьевъ, тогда какъ у второй беретъ въ руки дѣла тотъ, кто поумнѣе изъ семейскихъ, и только по прошествіи поминальнаго срока семья можетъ приступить къ выбору новаго главы, такъ какъ Мокша полагаетъ, что покойникъ не тотчасъ же отправляется въ пчельникъ Масторъ-Паса, а странствуетъ по землѣ и принимаетъ живѣйшее участіе во всѣхъ дѣлахъ своей семьи, пока оставшіеся въ живыхъ не исполнятъ послѣдняго обряда оставленія его на могилѣ и изгнанія изъ дома.

---

[1]) Пермисъ, Корсун. уѣздъ, Симб. губ., дѣло 1874 года, № 61-й.

Большуха существуетъ въ мордовской семьѣ лишь по стольку, по скольку она — жена большака; понятное дѣло, что когда большакъ умираетъ, то его жена-вдова остается большухою, причемъ она сохраняетъ за собою это званіе даже и въ томъ случаѣ, когда въ семьѣ будетъ иной «кудазыръ»; хотя жена этого послѣдняго и будетъ въ дѣйствительности «кудазырава», но она ничего рѣшительно не предприметъ, не спросивши совѣта у вдовы прежняго главы по той простой причинѣ, что *«сирэтъ кирджидыхтъ кофта йонътъ»*, т. е. старики имѣютъ два ума. Выбирать большуху никогда не приходится, такъ какъ женшина дѣлается ею вслѣдствіе назначенія ея мужа, ipso facto, большакомъ. Изстари повелось, что всѣ члены семьи слушаются большуху также точно, какъ и самого большака, такъ какъ *«аля и ервэ фкаста толкевста чаткатъ улыхтъ»* т. е. мужъ и жена изъ одного кремня искры, а семейскія женщины находятся въ полнѣйшей власти большухи и не могутъ ступить шага безъ ея разрѣшенія; мужикъ еще можетъ поумничать, не послушаться ея и сходить за спросомъ къ большаку, тогда какъ бабѣ это ни въ какомъ случаѣ не разрѣшается и она обязана безпрекословно повиноваться большухѣ.

Права и обязанности личныя, имущественныя и хозяйственныя женатыхъ членовъ семьи мужскаго пола и не женатыхъ, но уже взрослыхъ, совершенно одинаковы, такъ какъ опять таки тутъ имѣетъ значеніе не самый фактъ женитьбы, а полная способность къ послѣдней, которая пріобрѣтается обыкновенно раньше оффиціальнаго совершеннолѣтія; поэтому и подати и повинности распредѣляются между женатыми членами семьи поровну, причемъ уплачиваются онѣ изъ общесемейскаго дохода и притомъ самимъ большакомъ. Для того, чтобы получить право совѣщательнаго голоса на домашнемъ совѣтѣ, требуется достиженіе шестнадцатилѣтняго возраста, т. е., приблизительно возраста половой зрѣлости у Мордвы, но конечно не всякій шагъ большака обсуждается семьею, а лишь такіе шаги, которые касаются, такъ сказать, недвижимости; продать или купить домъ или землю большакъ ни въ какомъ случаѣ не рѣшится, не посовѣтовавшись съ семейскими, тогда какъ онъ всегда воленъ своею властью продать что нибудь изъ скотины или нѣсколько бортей и т. п. Интересно, что перенести въ другое мѣсто пчельникъ большакъ тоже никогда не рискнетъ самовольно и всегда посовѣтуется

предварительно съ семейскими; съ приближеніемъ старости большакъ чаще и чаще обращается къ своимъ домочадцамъ за совѣтомъ, такъ какъ онъ становится слабѣе и не можетъ за всѣмъ углядѣть.

Кромѣ кое какихъ бездѣлушекъ, какъ, напримѣръ, свадебныхъ подарковъ, ни одинъ членъ семьи не можетъ имѣть своего личнаго имущества, такъ какъ «пчела ѣстъ медъ изъ улья, а не изъ своего мѣшка» (*мешь йархтси медынь нешкэстэ, афь кэскаустынза*); все, что принадлежитъ семьѣ, принадлежитъ отчасти и ему, но за то и все, что принадлежитъ ему, должно быть общесемейскимъ. Каждый членъ семьи одѣвается, обувается, ѣстъ и пьетъ на счетъ всей семьи и можетъ быть вполнѣ увѣренъ въ томъ, что онъ обезпеченъ и отъ голода, и отъ холода, пока онъ живетъ въ семьѣ; когда вздумается ему, какъ это случается очень часто, уйти куда нибудь на работу, то весь свой заработокъ онъ обязанъ цѣликомъ принести семьѣ, ничего не утаивая, такъ какъ, собственно говоря, онъ утаилъ бы у себя, а не у другихъ. Сколько бы времени такой отходчикъ ни пробылъ на заработкахъ, онъ ни въ какомъ случаѣ не теряетъ своего права на общесемейное достояніе; даже если бы онъ долго не писалъ своимъ домашнимъ, то и тогда они исключать его изъ семьи лишь въ томъ случаѣ, когда получатъ свѣдѣніе о его смерти. Уходя на дальніе и долгіе заработки, не повелось оставлять никакого залога, такъ какъ никому и въ голову не вбредетъ уйти отъ семьи, бросить ее и слѣдовательно всѣ могутъ быть увѣрены въ томъ, что ушедшій на заработки вернется; жена его и дѣти остаются все время и пользуются одинаковыми правами съ остальными членами семьи на общемъ положеніи. Быть можетъ они то и служатъ обезпеченіемъ для семьи въ томъ, что ушедшій на заработки непремѣнно вернется въ семью. Мордва — народъ чрезвычайно трудолюбивый и потому постоянно ищетъ работы; ходитъ она въ астраханскія низовья на рыбную ловлю, ходитъ на лѣвый берегъ Волги на хлѣбныя работы и даже находятся такіе, которые работаютъ по Пермскимъ и Уральскимъ заводамъ; послѣдніе конечно, наперечетъ, и главнымъ отходнымъ промысломъ считается отходъ на время уборки хлѣба въ Самарскую, Саратовскую, Оренбургскую и Уфимскую губерніи. Повелось это такимъ образомъ, что отходчики сбиваются еще дома въ артели, причемъ выбираютъ для каждой артели своего старосту, который ведетъ счеты по рас-

ходамъ и доходамъ своихъ довѣрителей, торгуется за нихъ съ нанимателями, получаетъ заработную плату. Такая артель называется по мордовски (мокш.) — *«кенджэ»*, т. е. табунъ, стадо и уходитъ иногда за тысячу верстъ отъ дома. Старостамъ такой артели (*кенджазырь*) приходится много хлопотать, такъ какъ Мордвинъ привыкъ торговаться не хуже Татарина и намъ не разъ случалось видѣть, что капитаны волжскихъ пароходовъ, поторговавшись съ добрый часъ времени съ кенджазыромъ, соглашались доставить всю артель до мѣста за 25 к. съ головы тамъ, гдѣ по тарифу пришлось бы заплатить копѣекъ по 75 съ человѣка; надо знать гдѣ выйти пароходу на встрѣчу, т. е. не садиться, напримѣръ, въ городахъ, гдѣ никакой торгъ не возможенъ, а выходить къ такимъ пристанямъ, гдѣ нельзя ждать ни грузовъ, ни пассажировъ; тутъ капитанъ поневолѣ долго упрямиться не будетъ и кэнджазырь съ торжествомъ выторгуетъ добрый полтинникъ съ рубля. Безъ дѣла артель никогда не будетъ, такъ какъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда она направляется, и безъ того рабочихъ рукъ мало: а Мордва считается лучшими работниками и мордовской артели всегда отдадутъ преимущество передъ русскою, хотя и не передъ татарскою.

Права и обязанности женщинъ въ многотягольной семьѣ, конечно, не совсѣмъ тожественны съ правами и обязанностями мужчинъ, но мы уже говорили, что женщина въ мордовской семьѣ все же поставлена гораздо лучше, нежели въ семьѣ русской; положимъ, она не участвуетъ въ общесемейскомъ совѣтѣ, но дѣло въ томъ, что она пользуется извѣстнымъ нравственнымъ вліяніемъ на мужа и дѣйствуетъ черезъ него; среди Эрзи и Мокши почти не бываетъ браковъ вслѣдствіе лишь того, что парню и дѣвкѣ пришла пора обжениться и большинство браковъ совершается по любви, а по этому отношенія между мужемъ и женою здѣсь очень хороши и мужъ совѣтуется съ женою очень часто; русскихъ присловій въ родѣ короткости бабьяго ума и подобія его куриному намъ слышать не удавалось, а, напротивъ того, мы слышали во многихъ мѣстахъ, что *«мирьде кохты козика арсы»* (эрз.), т. е. мужъ говоритъ, а жена думаетъ; Мокша, видимо, думаетъ точно также и полагаетъ, что *«афз чэйендакв алнши - кизифтакs эрвенs»* (не вѣрь мужу, спроси у жены) и *«валs алянs - арзевs эрвенs»* (говоръ мужа, дума жены). Вся разница въ положеніи женщины и

мужчины состоитъ въ томъ, что она является помощницею мужа, а слѣдовательно и семьи, а причина такого не равнаго отношенія лежитъ прямо въ томъ, что женщина—не жилица въ семьѣ и только и норовитъ, что уйти изъ нея, тогда какъ мужчина-вѣчный работникъ на семью. Что все это такъ, это подтверждается очень хорошимъ положеніемъ въ семьѣ замужнихъ женщинъ, которыя слѣдовательно вступили уще въ семью и изъ нея болѣе не выйдуть; имъ и почетъ и холя, тогда какъ дѣвка, того и гляди, уйдетъ изъ дома. Само собою разумѣется, что женщина вступая въ семью можетъ принести съ собою кое что изъ имущества, состоящаго въ носильномъ платьѣ, разнаго рода украшеніяхъ и т. п., но, кромѣ того, онѣ могутъ имѣть и своихъ куръ и даже корову, которыя лишь номинально отдаются въ семью, тогда какъ яйцами и молочными скопами онѣ пользуются сами; впрочемъ, послѣднее наблюдается очень рѣдко и, по большей части, женщины отдаютъ все это на всю семью, не дѣлая различія между своимъ и семейскимъ; ясное дѣло, что своею личною собственностью баба можетъ распорядиться, какъ ей угодно, но если она баба хорошая, то она никогда не рѣшится ни на какое дѣло, не спросивши совѣта у мужа; мы имѣли передъ глазами нѣсколько примѣровъ отдачи въ семью денегъ, вырученныхъ бабами на станціяхъ за продажу пассажирамъ молока и ягодъ, хотя продавщицы могли бы по обычаю оставить эти деньги у себя; также точно деньги, которыя намъ приходилось платить за постой и ѣду, попадали бабамъ, такъ какъ мужики отъ нихъ отказывались, говоря, что это «*аватнень павасъ*», т. е. бабье счастье; приходилось отдавать деньги большухѣ или же той бабѣ, которая наиболѣе хлопотала, а слѣдовательно и была старшая между равными. Такъ какъ повелось, что хорошая баба всякую выручку отдаетъ въ семью, то одежда и обувь для нихъ лежитъ не на ихъ обязанности, а составляетъ заботу всей семьи; конечно, семья не станетъ тратить очень большихъ денегъ на это и не подумаетъ о разныхъ украшеніяхъ, да оно, собственно говоря, и не нужно, такъ какъ у каждой бабы найдется свой собственный праздничный нарядъ, цѣнностью въ 30 — 150 рублей, а иногда доходящій и до 800 р.; эти украшенія переходятъ отъ матери къ дочери и такъ какъ имъ нѣтъ износа, то они могутъ лишь увеличиваться въ цѣнности прибавкою золотыхъ и серебрянныхъ монетъ, а

никакъ не изнашиваться. Семья обязана дать лапти, но не разноцвѣтное сукно, которымъ они привязываются къ ногѣ; отъ семьи идетъ полотняная рубаха, а вышить ее разными вычурными рисунками предоставляется на волю самой бабы. Что то нигдѣ не слыхать, чтобы жены и дочери мордовскія уходили на сторонніе заработки и если попадается въ городахъ нѣкоторая часть прислуги мордовскаго происхожденія, то она больше изъ Эрзи, тогда какъ Мокша крѣпко держится возлѣ своего дома, гдѣ найдется вдоволь работы для всякаго, кто отъ работы не сторонится; да и самую Эрзю только неволя заставляетъ иногда уходить изъ дома, такъ какъ, напримѣръ, въ Нижегородскомъ уѣздѣ богатые мѣстные помѣщики такъ ловко ухитрились устроить крестьянскій надѣлъ, что земледѣльческому народу не надъ чѣмъ работать, а слѣдовательно нечѣмъ и жить. Какъ и слѣдовало предполагать, дѣвушкѣ хуже въ семьѣ нежели бабѣ, такъ какъ она никакого голоса не имѣетъ по той простой причинѣ, что «баба на домъ, а дѣвка на голову, да на ноги» (*ава кудонь инькса, а стирь превнъ инькса, ште пилгетнень инькса*); даже и женщина только тогда начинаетъ что нибудь значить въ семьѣ, когда она забеременѣетъ, такъ какъ и Эрзя и Мокша убѣждена вполнѣ, что «мужику почетъ растетъ съ бородою, а бабѣ — съ брюхомъ» (*«Аляти комама касы сакалынъ мархта, а авати—потманъ мархта»*). Такимъ образомъ, какъ мужикъ получаетъ полную правоспособность въ моментъ половой зрѣлости, такъ и женщина дѣлается правоспособною въ тотъ моментъ, когда она докажетъ свою половую зрѣлость; это воззрѣніе объясняетъ намъ, почему дѣвкѣ нѣтъ стыда родить, такъ какъ этимъ она лишь доказала свою половую зрѣлость и способность быть хорошею женою, которой не придется ждать беременности для того, чтобы пользоваться почетомъ въ семьѣ. Всѣ распоряженія, касающіяся женщинъ дѣлаются большухою, которой всѣ обязаны безпрекословно повиноваться; въ ея распоряженія мужики не вступаются никогда, такъ какъ не ихъ это дѣло, но въ случаѣ неповиновенія остальныхъ женщинъ дѣло поступаетъ на судъ большака, который усовѣщиваетъ ослушницу и совѣтуетъ ея мужу научить ее уму разуму. Всѣ работы распредѣляются между женщинами сообразно съ ихъ наклонностями, но поровну, безъ обремененія той или другой особенно тяжкою работою, хотя, конечно, бываетъ, что

большуха и не взлюбитъ ту или другую бабу и приналяжетъ на нее. Впрочемъ, мордовскія женщины стараются жить въ мирѣ съ большухою и потому случаи ненавистничества очень рѣдки; онѣ вполнѣ сознаютъ, что *«афъ алянъ мархта эряма, а кудазыраванъ мархта»*, т. е. жить не съ мужемъ, а съ хозяйкою. Въ каждой отдѣльной семьѣ и притомъ у каждой отдѣльной дѣвушки существуетъ ея собственное имущество, до котораго никому нѣтъ дѣла, какимъ образомъ оно пріобрѣтается; у Эрзи это имущество состоитъ изъ всевозможныхъ принадлежностей праздничнаго туалета и носитъ названіе *«паркь»* отъ *«паре»*—сундукъ, т. е. то, что въ сундукѣ; тоже самое находимъ мы и у Мокши. Съ раннихъ лѣтъ дѣвушка начинаетъ вышивать себѣ рубахи и мало по малу пополнять свое приданое, подбирая бусы, пуговицы, ракушки и т. п., собирая теньки, дѣлая полотна, полотенца, сукно и т. п. Ясно, что матеріалъ она или беретъ изъ семейнаго имущества, въ чемъ ей запрета нѣтъ, или же покупаетъ на свои деньги, которыя она выручаетъ разными мелкими послугами, продажею ягодъ, грибовъ и т. п.

Какъ ни завидна жизнь большою, нераздѣленною семьею, какъ ни печальны послѣдствія раздѣловъ, все же однако, въ особенности вблизи городовъ, станцій желѣзныхъ дорогъ и торговыхъ центровъ, Мордва начинаетъ дѣлиться; уже среди Эрзи намъ удавалось слышать разсказы о томъ, что «сынъ на отца, какъ на медвѣдя, съ топоромъ ходитъ» и явленіе это отмѣчено отнюдь не въ одномъ только мѣстѣ, а слышится и близъ Арзамаса, и близъ Саранска. Какъ ни жалуется народъ на это явленіе, а все же бороться съ нимъ не можетъ и съ прискорбіемъ лишь утверждаетъ, что *«кодакъ йаустъ, такъ туйстъ нищтейксъ»*, какъ раздѣлились, такъ ушли нищими. Причина раздѣловъ заключается въ порчѣ молодежи, а молодежь портится отъ того, что культура проникаетъ въ Мордву кабакомъ, публичнымъ домомъ и другими подобными прелестями, а не тѣми ея проявленіями, которыя могутъ содѣйствовать улучшенію народной нравственности и народнаго быта.

XI.

Опека и попечительство.

Когда помрутъ родители то, приходится назначить или избрать

опекуна къ малолѣтнимъ дѣтямъ и ихъ имуществу; эта забота прямѣе всего касается родственниковъ сиротъ, которые или дѣйствуютъ сами и потомъ обращаются къ міру лишь за санкціей своего рѣшенія, или же обращаются прямо къ старикамъ, которые и обязаны назначить опекуна какъ можно скорѣе, такъ какъ время не терпитъ и могутъ случиться большія упущенія по хозяйству и дому сиротъ. Чаще всего опекуншею назначается мать, а если умерла и она, то дядя малолѣтнихъ, которые прямо берутъ въ свое завѣдываніе имущество и домъ малолѣтнихъ и впослѣдствіи лишь утверждаются въ званіи опекуновъ мірскимъ сходомъ; у Мокши бываетъ, что такимъ опекуномъ ipsa nativitate дѣлается иногда и двоюродный братъ сиротѣлыхъ, на что у Эрзи онъ не имѣетъ никагого права. Такимъ образомъ, участіе міра въ заботахъ о судьбѣ сиротъ, собственно говоря, совершенно пассивное, и рѣдко когда ему случается быть иниціаторомъ въ дѣлѣ назначенія опекуна для охраненія имущества малолѣтнихъ; родственники сами знаютъ, какъ охранить это имущество и, по воззрѣніямъ мордовскимъ, съумѣютъ лучше собранія стариковъ распорядиться на пользу сиротъ. Если сиротки очень малы, то приходится отдать ихъ кому нибудь на воспитаніе, но тутъ то и можетъ встрѣтиться препятствіе, въ особенности, если по смерти родителей осталась дѣвочка; часто бываетъ, что родственники отказываются взять на воспитаніе такихъ малолѣтнихъ, и у Эрзи дошло до того, что заставить ихъ не въ состояніи даже и сходъ, который приступаетъ въ этомъ случаѣ къ выбору какого нибудь сторонняго человѣка, которому и поручаетъ «привести сиротъ въ возрастъ»; у Мокши, видимо, родственныя связи сохранились лучше, такъ какъ тутъ сходъ можетъ прямо обязать того или другаго родственника взять сиротъ на воспитаніе и единственною отговоркою допускается лишь неимѣніе собственнаго дома. Конечно, міръ обязанъ по закону слѣдить за обращеніемъ опекуновъ и взявшихъ на воспитаніе, но на самомъ дѣлѣ этого не бываетъ у Эрзи, потому что у міра и своихъ дѣлъ не передумаешь и не передѣлаешь, такъ что ему некогда возжаться со всякимъ сиротою и приходится ждать для заступничества съ его стророны жалобы, а у Мокши потому, что здѣсь опекуномъ или воспитателемъ назначается всегда «хорошій старикъ», на котораго, по мнѣнію схода, даже и жалобъ то никакихъ быть не можетъ. Опека не прекращается до

самаго достиженія совершеннолѣтія т. е. до 17 лѣтъ, но. собственно говоря, такъ бываетъ только лишь на бумагѣ, а не на самомъ дѣлѣ; кое гдѣ семнадцатилѣтніе сами требуютъ снятія съ нихъ опеки, но Мокша поступаетъ такимъ образомъ, что лѣтъ 17—18 женитъ сиротъ, да тогда уже и снимаетъ опеку, такъ какъ самымъ фактомъ вступленія въ бракъ человѣкъ доказываетъ, что вышелъ изъ малолѣтства. Никакого вознагражденія за труды опекуну не полагается потому, что, по словамъ Эрзянъ намъ, онъ поступаетъ такъ по жалости къ сиротамъ; у Мокши дѣло поставлено нѣсколько иначе и опекунъ, хоть и не получаетъ ничего опредѣленнаго за свои труды, но имѣетъ право вознаграждать себя частью приплода и урожая; такъ, напримѣръ, всякій найдетъ вполнѣ естественнымъ, если за обработку сиротской земли онъ будетъ пользоваться частью урожая, за уходъ за скотиною — частью скоповъ, а за уходъ за пчелами—частью меда и воска; интересно, что, если бы онъ воспользовался теленкомъ отъ коровы сиротской, или же поставилъ сиротскій отстроившійся улей на свою пасѣку, то всякій отнесся бы къ этому факту, какъ къ недобросовѣстному, и мокшанская пословица «плодъ—не приплодъ» (*«касафъ-афъ ули шачтфъ»*) получаетъ именно въ этомъ случаѣ подобающее ей значеніе. Воспитаніе тѣхъ сиротъ, которые не имѣютъ имущества, производится на счетъ дяди или другихъ родственниковъ, которые стараются вознаградить себя за издержки, сдѣланныя на сироту, тѣмъ, что едва онъ достигнетъ извѣстнаго восраста, какъ отдаютъ его въ наймы, въ пастухи по преимуществу, или же заставляютъ исправлять за свою семью обязанности десятскаго и т. п.; когда малолѣтній дѣлается способнымъ къ работѣ, то онъ обязанъ возблагодарить своихъ воспитателей тѣмъ, что работаетъ на нихъ на правахъ пріемышей; тутъ то именно и кроется причина того, что дѣвочекъ на воспитаніе берутъ крайне не охотно и стараются всячески отклонить отъ себя эту горькую чашу, тогда какъ мальчики, въ большей части случаевъ, являются желанными, такъ какъ всякій видитъ въ нихъ будущую рабочую силу. Народъ не смотритъ вовсе съ укоромъ на ту вдову, которая, имѣя очень малолѣтнихъ дѣтей, выходитъ снова замужъ и дѣлаетъ лишь разницу въ томъ, какъ велики при этомъ дѣти. У Эрзи и у Мокши вдова, уважающая себя, ни за что не выйдетъ вторично замужъ, если дѣти ея уже «понимаютъ», но охотно возь-

метъ втораго мужа, если дѣти очень малы, такъ какъ безъ мужика все таки живется плохо; Эрзя привыкла къ тому, что вдова въ случаѣ выхода снова замужъ забираетъ съ собою и дѣтей и имущество малолѣтнихъ и тогда вотчимъ является уже не опекуномъ имущества малолѣтнихъ, а настоящимъ хозяиномъ его; только въ тѣхъ случаяхъ, когда она нарочно выберетъ себѣ мужа изъ неимущихъ, онъ занимаетъ какое то среднее мѣсто между хозяиномъ и опекуномъ, такъ какъ не въ правѣ продать и заложить имущество безъ согласія на то жены; такая вдова носитъ названіе *«винава»*, т. е. богатая баба и находится большое количество мужчинъ, ищущихъ ея расположенія. У Мордвы Мокши вдова прямо таки переводитъ и дѣтей и имущество въ домъ своего новаго мужа, который дѣлается полнымъ распорядителемъ этого имущества и судьбы ея дѣтей; если ей приходится войти въ нераздѣленную семью, то она обязана послушаніемъ кудазыръ'у совершенно также, какъ слушается его и ея мужъ.

Такъ какъ всегда бываютъ люди хорошіе и дурные, то и среди Мордвы попадаются такіе опекуны, которые отличнѣйшимъ образомъ нагрѣваютъ руки подлѣ сиротскаго добра, да притомъ и ухитряются такъ устроить дѣло, что поймать ихъ на мошенничествѣ рѣшительно невозможно; найдутся добрые люди, чаще всего изъ близкихъ къ сиротамъ, которые не потерпятъ такого поведенія и пожалуются міру; само собою разумѣется, что міръ вступится за малолѣтнихъ и отниметъ награбленное, а у Мокши опекунъ можетъ попользоваться лишь плодами имущества, а не самымъ имуществомъ и, если захочетъ продать что либо, то вырученныя деньги обязанъ представить въ волостное правленіе. Случаи недобросовѣстнаго опекунства впрочемъ, спѣшимъ оговориться, по всеобщему увѣренію очень рѣдки и никогда не случается, чтобы такія дѣла доходили до суда и разбирательства въ волостномъ судѣ, такъ какъ народъ никогда несогласится *«гульканзо ломанятненень невтемсэ»*, т. е. свой срамъ людямъ показывать, и во многихъ случаяхъ, имѣющихъ нѣсколько щекотливый характеръ, избѣгаютъ суда и прямо обращаются къ старикамъ, рѣшеніе которыхъ обязательно и окончательно и не допускаетъ аппеляціи.

Кому же и пожлаѣть сиротъ, какъ не ихъ ближайшимъ родственникамъ, думаетъ міръ, а потому опекуны и избираются всегда

изъ нихъ, и Эрзя только въ томъ случаѣ прибѣгаетъ къ чужимъ людямъ, когда у сиротъ не имѣется вовсе родственниковъ. У Мокши не полагается рѣшительно никакого различія въ назначеніи опекуновъ въ большой и малой семьѣ и старики всячески стараются сначала заинтересовать въ судьбѣ малолѣтнихъ ихъ родственниковъ; затѣмъ, если таковыхъ не находится, то міръ избираетъ опекуна изъ стороннихъ людей и при этомъ обращаетъ особенное вниманіе на то, чтобы избранникъ отличался всѣмъ извѣстною добросовѣстностью и былъ человѣкомъ, если не богатымъ, то, покрайней мѣрѣ, состоятельнымъ; все это дѣлается ради того, чтобы добросовѣстность удерживала его отъ хищенія, а богатство личное дѣлало бы такое хищеніе не нужнымъ и лишнимъ. Интересно, что если останутся дядья сиротскіе, т. е. братья мужа, то вдовѣ полагается лишь выдѣлъ нѣкоторой части изъ движимаго имущества покойнаго, тогда какъ земля остается въ пользу малолѣтняго; дѣлается это, какъ намъ не разъ заявляли, въ томъ предположеніи, что бы удержать вдову отъ вторичнаго вступленія въ бракъ и посредствомъ имущественныхъ выгодъ оставить ее матерью сиротъ и пестуньей за ними до той поры, когда они придутъ сами въ возрастъ [1]).

XII.

Раздѣлы и наслѣдство.

Всѣ виды раздѣла имущества существуютъ у Мордвы, носятъ особыя названія и влекутъ за собою совершенно различныя имущественныя отношенія для тѣхъ, кого они касаются. Раздѣлъ или «*явума*» (по мокш.) и «*явмо*» или «*ямо*» (по эрз.) есть ничто иное, какъ полюбовное соглашеніе между равными членами извѣстной семьи, клонящееся къ равному распредѣленію между ними имущества, оставшагося въ ихъ общую пользу послѣ смерти главы этой семьи; тутъ все основано на дѣйствіи bona fide, и нѣтъ мѣста никакимъ спорамъ и пререканіямъ по той простой причинѣ, что всѣ члены раздѣла обязательно получаютъ равныя части; если бы однако при такомъ полюбовномъ раздѣлѣ возникъ какой нибудь спеціальный вопросъ о раздѣлѣ той или другой части движимаго имущества, то дѣлящіеся обращаются къ суду стариковъ, рѣшеніе

[1]) Мамалаи, Краснослоб. уѣздъ, Васильчикинъ.

которыхъ безаппеляціонно; старики являются здѣсь простыми экспертами, знающими людьми и разъ кто либо къ ихъ рѣшенію обратился, нельзя «смѣяться надъ сѣдыми бородами» («*пейджамсъ шарджутнень сакалхнень*») и, выслушавъ ихъ приговоръ, все таки сдѣлать по своему. Иначе смотритъ народъ на «выдѣлъ» имущества («*аксердама*»), гдѣ дѣятелемъ является одинъ лишь отецъ семейства; вслѣдствіе своихъ личныхъ соображеній или же побуждаемый постоянными ссорами и свадами въ семьѣ, онъ рѣшается, наконецъ, положить предѣлъ такому неудобному для совмѣстнаго хозяйства порядку и дѣлаетъ выдѣлъ или «выкидку» нѣкоторой части имущества неспокойному члену семьи; тутъ уже все зависитъ отъ воли производящаго выдѣлъ, такъ какъ что онъ хочетъ, то и даетъ, и выдѣляемый долженъ быть благодаренъ за все, что получитъ. Можетъ однако разгнѣванный отецъ и прямо выдѣлить самого лишь смутьяна изъ семьи и отослать его безъ ничего изъ дому; суда на такое изгнаніе не существуетъ, такъ какъ глава семьи воленъ и въ этомъ; однако совсѣмъ не лишаютъ таковыхъ наслѣдства и впослѣдствіи, когда сердце уляжется, даютъ и такому раньше выдѣленному кое что, чтобы онъ могъ жить и не нищенствовалъ. Если со стороны кого либо изъ членовъ семьи никакого смутьянства и грубости нѣтъ, а глава семьи почему либо сочтетъ нужнымъ отдѣлить кого нибудь изъ своихъ семейскихъ, то происходитъ «*максама*» или отдѣлъ; здѣсь отдѣленіе отъ семьи совершается вполнѣ полюбовно, и отдѣляемый членъ получаетъ свою часть вполнѣ (по эрз. «*максмо*»), не обращая вниманія на то, въ какой степени родства онъ находится по отношенію къ главѣ семьи; такіе отдѣлы совершаются вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія, изъ за сварливости жены отдѣляемаго и т. п. Наконецъ, существуетъ еще и четвертый видъ выхода изъ большой семьи, а именно, такъ называемый «*сэсэма*» («*сэсмо*» по эрз.), что по мокшански значитъ—обрывъ и соотвѣтствуетъ нашему отходу; тутъ выходъ изъ семьи совершается самимъ членомъ, безъ дозволенія или согласія главы семьи, а иногда даже и совершенно въ разрѣзъ его волѣ; само собою разумѣется, что такое самовольство должно караться семьею, которая терпитъ отъ этого нѣкоторые убытки, и на самомъ дѣлѣ, слѣдствіемъ отхода является полное лишеніе наслѣдства и части въ имуществѣ; подобные случаи, по

счастью, еще рѣдки, въ особенности среди Мокши, но и Мордва начала уже заражаться этимъ послѣдствіемъ извращенной культуры. Намъ случалось видѣть такія семьи, въ которыхъ можно было наблюдать всѣ виды раздѣловъ большой семьи, но за то были и такія, гдѣ всѣ члены стояли противъ какого бы то ни было акта, могущаго разрушить ихъ общесемейное благосостояніе, которое зиждется слогою и скопомъ.

Такимъ образомъ только «явума» и «максама» являются вполнѣ нормальными переходами отъ большой, нераздѣльной семьи къ малой, но санктифируется и аксердама, такъ какъ и она принадлежитъ къ расторженіямъ по согласію; только «сэсэма« не требуетъ никакой санкціи, такъ какъ тутъ человѣкъ видимо идетъ противъ всего освященнаго обычаями и обычай какъ бы игнорируетъ такого возставшаго противъ него человѣка. Обыкновенно вся семья собирается къ столу, на которомъ положена коврига хлѣба; глава семьи беретъ ковригу и ножъ и съ трехъ ударовъ вырѣзаетъ «озондамъ-палъ», который поднимаетъ надъ головою съ молитвою: «*Шкай-кормилетсь! Тонъ маскать павасъ теинэ и кутти! Максакъ павасъ. козефъ, шумбрафъ и теинза! улеза кирджидамсъ мезъ максама жабанзынди и уныкзынди! максакъ теинза лама жабатнень, текара жабатненъ, мезара ули почфтъ низмбраса кшиса. Тонъ йамйамистъ!*» т. е. Богъ-кормилецъ! Ты далъ счастье мнѣ и моему дому! Дай счастье, богатство, здоровье и ему! пусть будетъ имѣть что дать дѣтямъ своимъ и внукамъ своимъ! дай ему много дѣтей, столько дѣтей, сколько муки въ ковригѣ. Помилуй насъ!» Затѣмъ коврига раздѣляется между всѣми участниками обряда также точно какъ и озондамъ-палъ, если дѣло идетъ объ общемъ раздѣлѣ; но если отдѣляется одинъ членъ, то озондамъ-палъ передается ему на ножѣ и онъ долженъ взять этотъ священный кусокъ и снести въ свое новое жилище, гдѣ и положить подъ порогъ на долю своего «кардась-сярко». При отходѣ священный кусокъ съѣдается всѣми членами семьи, а частица, приходящаяся на долю отходчика выбрасывается за окно.

Поводами и причинами дѣлежей являются семейныя ссоры, большею частью, возбуждаемыя сварливостью бабъ и не желаніемъ младшихъ членовъ семьи подчиняться желаніямъ и приказаніямъ старшихъ; такъ какъ никакихъ другихъ причинъ нѣтъ, да и быть

но можетъ, то понятно, что народъ смотритъ на дѣлежъ, какъ на несчастье и какъ на вѣрный путь къ раззоренью, которое и дѣйствительно является обыкновеннымъ послѣдствіемъ всякаго раздѣла, конечно, въ большей или меньшей степени.

Если раздѣлъ произошолъ «по согласію», то дружественныя или вѣрнѣе шаберскія отношенія поддерживаются между отдѣлившимися и оставшимися въ семьѣ членами; но, если раздѣлъ совершился по винѣ одного изъ членовъ, то остальные не признаютъ въ немъ даже шабра, не ходятъ къ нему въ гости и вообще всячески чураются, сознавая что они именно ему обязаны нѣкоторымъ уменьшеніемъ своего благосостоянія. Интересно, что такихъ случаевъ, чтобы разъ отдѣлившіеся члены вновь принимались въ семью, никогда не бываетъ, такъ какъ повидимому Мордва опасается возбужденія новыхъ раздоровъ и увѣряетъ, что «изъ кусковъ говядины быка не дѣлаютъ» *сускомостотъ сивелень а теитъ буканъ*», т. е., разъ уже раздѣленное не можетъ снова сдѣлаться единымъ и цѣльнымъ, а если это и возможно, то все же соединеніе будетъ лишено главнаго, а именно не будетъ жизненно.

Народъ дѣлаетъ значительную разницу когда и при какихъ условіяхъ происходитъ раздѣлъ, т. е. совершается ли онъ при жизни отца и по согласу или безъ согласа, или же по смерти отца семейства. Разница условій влечетъ за собою и разницу въ частяхъ. Чаще всего все имущество ставится въ цѣну и тогда дѣлежъ производится на основаніи стоимости имущества; въ случаѣ невозможности подѣлить одну лошадь тотъ, кто ее получаетъ, обязанъ вознаградить остальныхъ или деньгами, или какими нибудь иными имущественными предметами на сумму стоимости части лошади. Чрезвычайно рѣдко случается, чтобы отцу вздумалось подѣлить своихъ дѣтей при жизни, но если и приведется гдѣ такой странный, по народнымъ воззрѣніямъ, случай, то имущество дѣлится по ровну, какъ бы отца вовсе не было въ живыхъ, причемъ его часть приходится на долю того изъ сыновей, который выразитъ желаніе успокоить его у себя на старости лѣтъ. Когда стоимость частей опредѣлена, но все же одному хотѣлось бы преимущественно получить именно ту, а не другую часть, то, во избѣжаніе споровъ и неудовольствій, мечутъ обыкновенно жребій, причемъ поступаютъ слѣдующимъ образомъ: каждый изъ односемьянъ вырѣзаетъ на ко-

пейкѣ свое тавро и отмѣтку, затѣмъ всѣ эти копейки зарываютъ въ горшокъ съ золою и ставятъ горшокъ на порогѣ; когда всѣ приготовленія окончены, то старшій изъ дѣлящихся или же самъ отецъ выходитъ на улицу и приглашаетъ перваго встрѣчнаго помочь имъ «узнать волю Божію»; сторонній человѣкъ вынимаетъ изъ горшка съ золою первую, попавшуюся ему подъ руку копейку и спорная часть отдается тому, чья мѣта выставлена на вынувшемся жребіи; жеребьеваться можно еще и такъ: всѣ садятся за столъ и старшій зажигаетъ лучину, которую передаетъ своему сосѣду на лѣво; тотъ, у кого въ рукахъ лучина погаснетъ, выбываетъ изъ жеребьеванья, а за оставшимся въ концѣ концовъ признается спорная часть. Домами, мельницами и другими строеніями Мордва дѣлится разно, и прежде всего Эрзя признаетъ необходимымъ оцѣнить такое имущество и дѣлить уже не его самаго, а его цѣнность; случается и такъ еще, что, если дѣлятся по согласу, то отцовскій домъ поступаетъ старшему изъ братьевъ, который обязанъ помочь остальнымъ выстроить дома и кромѣ того выплатить имъ стоимость ихъ частей въ недѣлимомъ имуществѣ. Землю дѣлятъ обыкновенно подесятинно, скотъ по головамъ, а деньги поровну; садовъ Мордва не разводитъ, а у кого они имѣются, то тутъ дѣлежка идетъ по корнямъ; пчелы идутъ по колодкамъ. Мокша устраиваетъ раздѣлъ нѣсколько иначе; прежде всего изба отцовская со всѣмъ надворнымъ строеніемъ переходитъ къ старшему сыну, тогда какъ младшимъ предпочитаютъ давать за это побольше деньгами; постройка домовъ для остальныхъ членовъ семьи обязательна для всѣхъ, причемъ не было еще случаевъ, чтобы кто нибудь отказался строить избу другому по той простой причинѣ, что тутъ все основано на круговой порукѣ и если одинъ изъ членовъ откажется отъ такой «пособлямa», то ему придется сидѣть безъ жилья, такъ какъ и всѣ остальные не захотятъ для него работать. Дѣлежъ земли, скота и денегъ у Мокши происходитъ прямо «по братски», какъ выражались тѣ, кого мы объ этомъ спрашивали, т. е. другими словами, по взаимному соглашенію, а садъ полагается всегда при домѣ и потому дѣлежу не подлежитъ, а переходитъ къ старшему сыну, т. е. тому, кто владѣетъ и домомъ.

Изстари, вѣроятно, повелось у Мордвы дѣлиться по тягламъ, т. е. такимъ образомъ, что, напримѣръ, дѣлежъ происходитъ между

тремя женатыми сыновьями съ дѣтьми, однимъ неженатымъ сыномъ, однимъ дядей и двумя дѣтьти, оставшимися сиротами по смерти одного изъ женатыхъ сыновей, то все имущество дѣлится на шесть частей, такъ какъ предполагается, что хотя одинъ изъ сыновей и не женатъ, но современемъ и онъ можетъ образовать тягло, а сироты сами по себѣ были бы немыслимы, если бы не было въ началѣ тягла ихъ породившаго. Интересно, что Мокша до сихъ поръ еще сохранила свое собственное слово для обозначенія тягла не въ смыслѣ единицы обложенія, а въ смыслѣ производительной четы и называетъ тягло—«*пакарьнэ*» (зерно, ядро) и, когда мы спрашивали, какъ именно дѣлятъ: по головамъ, или по отцамъ, прямо отвѣчали «пакарьнэса» т. е. по тяглам, ядрамъ, зародышамъ будущихъ семей. При дѣлежѣ имущества не принимается никогда въ разсчеть то обстоятельство, кто болѣе трудился въ пользу дома и хотя въ имуществѣ и дѣлается разница по способу его пріобрѣтенія, но способъ пріобрѣтенія отнюдь не вліяетъ на самый раздѣлъ. Мордва совершенно сознательно отличаетъ въ имуществѣ дѣдину, вотчину и личную наживу, но въ раздѣлъ идетъ все безъ различія и притомъ по стоимости каждой отдѣльной вещи. Дѣдина называется—«*атьу*» (мокш.) и «*атевъ*» (эрз.); вотчина — «*альу*» (мокш.) и «*алевъ*» (эрз.) и, наконецъ, нажива — «*покылъ*» (мокш.) и «*коворе*» (эрз.).

Понятное дѣло, что если раздѣлъ происходитъ по согласу, то можетъ случиться, что какая нибудь часть имущества, представляющая собою доходную статью лишь въ цѣломъ и не могущая вынести дѣлежа, можетъ по взаимному соглашенію дѣлящихся остаться въ общемъ владѣніи до удобнаго времени или же на всегда; къ числу такихъ недѣлимыхъ статей слѣдуетъ отнести, напримѣръ, перевозъ черезъ Суру въ Корсунскомъ уѣздѣ, которымъ владѣютъ три давно уже раздѣлившіеся брата сообща, такъ какъ контрактъ съ земствомъ пишется всегда на одно отвѣтственное лицо. Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ замѣтить, что такіе случаи очень рѣдки, такъ какъ, если можетъ остаться нераздѣленною нѣкоторая часть имущества, то слѣдовательно между членами семьи царствуетъ полное согласіе, а въ такомъ случаѣ не пришлось бы и вовсе дѣлиться. Что касается до общесемейныхъ долговъ, податей и повинностей, то они распредѣляются между дѣ-

лящимися совершенно по ровну, по братски и споровъ изъ за этого никогда не бываетъ никакихъ и притомъ никогда, такъ какъ Мокша, напримѣръ, и до сихъ поръ еще полагаетъ, что «прежде долгъ отдай, а потомъ рубаху купи» (*инмелэ шуманз максакз, а мелэ понарзнз рамсякз*»).

Такъ какъ большинство раздѣловъ совершается по взаимному согласію дѣлящихся, или же по желанію самого главы семейства, то понятно, что никакихъ документовъ при раздѣлѣ не требуется и не пишется и никакихъ записей не составляется. Если захотятъ какъ нибудь закрѣпить дѣло или же просто доказать людямъ, что все при раздѣлѣ сдѣлано правильно и обиженныхъ нѣтъ, то и Эрзя и Мокша созываетъ на раздѣлъ для присутствованія и, такъ сказать, освященія этимъ своимъ присутствіемъ самаго акта раздѣла, сродниковъ, старосту и иногда даже десятскихъ; эти присутствующіе, конечно, не участвуютъ въ ѣдѣ хлѣба и озондамъ-пала и лишь слушаютъ и одобряютъ безмолвными кивками головы распоряженія дѣлящаго или дѣлящихся. Коли возникнетъ при дѣлежѣ какой нибудь споръ, то поневолѣ приходится обратиться къ стороннимъ людямъ за помощью; въ этомъ случаѣ сообща избирается какой нибудь изъ пользующихся всеобщимъ уваженіемъ родственниковъ въ посредники; тогда онъ какъ бы облекается властью главы дома, такъ какъ онъ вырѣзаетъ священный кусокъ и читаетъ просительную молитву; какъ онъ присудитъ, такъ тому и быть и никакихъ споровъ противу его рѣшенія быть не можетъ. Такое участіе сторонняго человѣка въ чужомъ дѣлѣ, конечно, ничѣмъ не оплачивается, такъ какъ онъ беретъ на себя этотъ трудъ по человѣчеству, а никакъ не въ ожиданіи какого нибудь вознагражденія, которое сдѣлало бы судъ его подкупнымъ и слѣдовательно дало бы возможность иногда оспаривать его рѣшеніе. Никогда еще не было примѣра, чтобы семейскіе обращались не только къ волостному суду, котораго вся Мордва очень тщательно избѣгаетъ, но даже и къ волостному или мірскому сходу, который крайне ею уважается, съ просьбою произвести раздѣлъ, такъ какъ такое обращеніе навсегда уронило бы въ глазахъ всей округи тѣхъ, кто не съумѣлъ обойтись самъ собою или при помощи посредника: вообще на внутреннія, чисто семейныя дѣла ни судъ, ни сходъ не могутъ оказывать никакого вліянія и, напримѣръ, въ дѣлѣ раздѣла, конечно,

никто и не подумаетъ идти спрашивать у нихъ разрѣшенія, такъ какъ ихъ дѣло смотрѣть за тѣмъ, что дѣлается внѣ домовъ, а не затѣмъ, какъ живутъ люди въ домахъ, у себя въ семьяхъ.

Само собою разумѣется, что если въ большой семьѣ живутъ братья и дядя, то послѣдній ни въ какомъ случаѣ не можетъ выдѣлить своего сына помимо воли остальныхъ членовъ семьи; но въ томъ случаѣ, если этотъ дядя состоитъ въ семьѣ въ качествѣ «кудазыръ'а», то раздѣлъ зависитъ вполнѣ отъ него. Конечно, своего племянника дядя выдѣлить не можетъ, если только живъ его братъ, такъ какъ пришлось бы дѣлиться ему съ братомъ, а если тотъ не выразилъ бы на подобный раздѣлъ своего согласія, то никакого раздѣла бы и не было. Требовать раздѣла не имѣетъ права рѣшительно никто, такъ какъ, при несогласіи на это со стороны хозяина дома, такіе неспокойные члены семьи очутились бы просто выдѣленными или были бы принуждены уйти въ отходъ безъ всякихъ средствъ къ жизни. Само собою разумѣется, что братъ отъ брата, племянникъ отъ дяди и дядя отъ племянника могутъ требовать раздѣла, такъ какъ тутъ уже дѣло идетъ между равными, но въ томъ то и дѣло, что требуютъ очень рѣдко, а чаще всего идутъ по согласу и на сожительство и на раздѣлъ и затѣмъ дѣлятся по братски.

Эрзя видимо успѣла уже позаимствоваться отъ русскихъ своихъ сосѣдей именно по отношенію къ правамъ женщинъ на имущество, такъ что разница между обычаями эрзянскими и мокшанскими довольно велика; интересно, что на Мокшу нисколько не повліяли татарскія воззрѣнія, даже и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, въ Тетюшскомъ уѣздѣ Казанской губерніи, Мокша утратила вполнѣ свой родной языкъ. У Эрзи женщина ни въ какомъ случаѣ не получаетъ при раздѣлѣ части, тогда какъ у Мокши, если она имѣетъ дѣтей, то она получаетъ на дѣтей полную часть. Принесенная женщиною въ домъ «коробья» или «паркь» составляетъ ея неотъемлемую собственность и ни въ какомъ случаѣ въ раздѣлъ между членами семьи не поступаетъ; вдова не отвѣтственна коробьею даже и за долги своего покойнаго мужа, хотя каждая добрая Мордовка всенепремѣнно постарается ихъ уплатить, обрѣзавъ монеты на своихъ грудныхъ и шейныхъ украшеніяхъ. Эти украшенія, какъ мы имѣли уже случай говорить выше, никогда не продаются, а

переходятъ изъ рода въ родъ и если кому нибудь изъ путешественниковъ предложатъ купить нѣчто подобное, то пусть онъ такъ и знаетъ, что дѣлается это не вслѣдствіе жадности, а изъ-за нужды хотя бы, напримѣръ, ради уплаты долговъ мужа, если только они таковы, что семья не хочетъ платить за нихъ или же онъ умеръ уже выдѣленнымъ.

Собственно говоря, всѣ члены семьи равны, но отъ хозяина зависитъ тотчасъ же раздѣлить ихъ по ровну или же сдѣлать раздѣлъ предварительный, назначивъ ихъ своими наслѣдниками послѣ смерти; кромѣ того, отъ него же зависитъ дать тому или другому члену семьи меньше или больше, такъ какъ на его судъ не можетъ быть ни неудовольствія, ни какой то ни было и кому бы то ни было жалобы. Ясное дѣло, что для отца всѣ дѣти равны, а потому обдѣлъ одного изъ сыновей и случается чрезвычайно рѣдко, да и то лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, съ сыномъ нѣтъ никакого слада или онъ провинится въ чемъ нибудь такомъ, что окончательно вырветъ его изъ отцовскаго сердца; точно также ни одинъ домохозяинъ не польстится ради своихъ сыновей на ту часть, которая слѣдуетъ, по общепринятому обычаю, его братьямъ, такъ какъ Мордва считаетъ, что въ правѣ наслѣдованія дядя и племянникъ пользуются равными частями. Когда дядя при жизни отца,-домохозяина помретъ и оставитъ сироту племянника, если этотъ послѣдній живетъ съ хозяиномъ въ полномъ согласѣ, то получаетъ при раздѣлѣ полную часть своего отца и, слѣдовательно, рѣшительно ничѣмъ не будетъ отличенъ въ имущественныхъ правахъ отъ роднаго сына по той простой причинѣ, что Мордва привыкла дѣлить по «ядрамъ» или тягламъ. Къ зятьямъ влазнямъ и свойственникамъ, живущимъ въ домѣ производящаго раздѣлъ «кудазыръ'а» Эрзя и Мокша относятся различно, при чемъ первая, въ случаѣ житья въ согласѣ, считаетъ ихъ въ имущественномъ отношеніи совершенно равными съ сыновьями, тогда какъ послѣдняя полагаетъ, что они не могутъ претендовать на равные съ сыновьями паи, такъ какъ они народъ пришлый и не столько внесли въ семью работой, сколько дали ей тѣ, которые жили въ ней со дня своего рожденія. Мокша снисходитъ только къ пріемышамъ и признаетъ ихъ вполнѣ равноправными въ имущественномъ отношеніи съ сыновьями.

Отдѣлившіеся и вышедшіе разъ изъ семьи члены ея, хотя бы

они стояли въ самыхъ близкихъ степеняхъ родства къ домохозяину, пока въ семьѣ еще остаются какіе либо члены, ни въ какомъ случаѣ не могутъ участвовать въ дѣлежѣ общесемейскаго имущества, такъ какъ они или уже получили то, что имъ слѣдовало, или отходомъ своимъ прямо показали желаніе свое разорвать свои отношенія въ семьѣ и впредь не имѣть съ нею никакого дѣла. Воля отца при дѣлежѣ представляетъ собой вполнѣ обязательный для всѣхъ и каждаго законъ и никакая сила не можетъ измѣнить тѣхъ размѣровъ паевъ, которые имъ назначены; больше того, онъ властенъ, въ случаѣ непокорности того или другаго члена семьи и желанія, высказаннаго послѣднимъ, удалиться изъ семьи, отпустить такого смутьяна ни съ чѣмъ, развѣ только оставивъ на немъ носильное платье; когда случается, что такой отошедшій, неспокойный человѣкъ обратится въ волостной судъ, то послѣдній всегда постарается отказать ему въ просьбѣ, а «чтобы впредь суда пустыми своими смутами не безпокоилъ и на роднаго отца ябеду не велъ» (Исса, Пенз. губ. Инсар. уѣзда, дѣло № 13, 1873 года), посѣчетъ и розгами. Сердце однако—не камень и, если такой блудный сынъ, какъ это случается зачастую, пойметъ свою вину и повинится предъ отцомъ, послѣдній смягчается и смѣняетъ гнѣвъ на милость; никто изъ членовъ семьи не смѣетъ помѣшать въ такомъ случаѣ отцу наградить бывшаго отпущенца даже хотя бы и полнымъ паемъ. Мы уже говорили, что ни одинъ изъ мужскихъ членовъ семьи не имѣетъ своей, лично ему принадлежащей, собственности, такъ какъ весь свой заработокъ долженъ вносить цѣликомъ въ семейный достатокъ, а слѣдовательно и не можетъ уйти въ отходъ, унеся что либо изъ дома; разъ уже есть отходъ — онъ является вполнѣ отрѣзаннымъ отъ семьи и все семейское уже не его. Уже по первому оскорбительному слову сына отецъ вправѣ лишить его наслѣдства и выгнать изъ семьи безъ выдачи ему пая изъ общесемейскаго достоянія и никто не рѣшится поставить такой поступокъ въ вину оскорбленному родителю, такъ какъ и Эрзя и Мокша твердо убѣждены, что *«илэ уксендаи—келмаи, а тсіора уксендаи—лакай»*, т. е. «чужой плюетъ—стынетъ, а сынъ плюетъ кипитъ». Гдѣ только возможно, тамъ Мокша лишаетъ даже такого непочтительнаго сына и надѣла, что не удается Эрзѣ, гдѣ и начальство то поближе, да и народъ сталъ по распущеннѣе.

За провинности вообще отецъ имѣетъ право выдѣлить сына даже и при жизни своего отца, но тутъ то именно и выказывается разница между воззрѣніями Эрзи и Мокши. Среди Эрзи повелось такъ, что дѣдово слово имѣетъ въ семьѣ значеніе и если только внукъ съумѣетъ приластиться къ старику, то онъ можетъ наложить veto на желаніе своего сына приступить къ выдѣлу смутьяннаго внука; это уже чисто русское воззрѣніе на силу отцовской власти, которой мы вовсе не встрѣчаемъ обыкновенно у урало-алтайскихъ народовъ, да и у Мокши дѣдъ никогда не вступается въ распоряженія кудазыръ'а и, напротивъ того, если онъ несетъ еще обязанности послѣдняго, то никто, кромѣ него, не можетъ дѣлать какія бы то ни было распоряженія въ домѣ. Конечно, можетъ случиться, что, или по слабости своего здоровья или по старости, отецъ можетъ при жизни своей передать домоправительство своему сыну, но интересно, что нигдѣ этотъ кудазыръ ex efficio не можетъ приступить къ раздѣлу безъ согласія настоящаго кудазыра-престарѣлаго отца, такъ какъ въ этомъ воленъ только одинъ онъ; власть его между прочимъ такъ велика, что онъ вправѣ даже впослѣдствіи отобрать у отдѣленнаго сына его пай, если бы онъ оказался къ нему непочтительнымъ: правда, что это замѣчено только среди Эрзи, тогда какъ мы совершенно не знаемъ, какъ бы поступила въ подобныхъ обстоятельствахъ Мокша, которая прямо заявляла намъ со смѣхомъ на нашъ спросъ: «да развѣ можетъ это быть?»; такъ мы и не могли добиться никакого положительнаго отвѣта. У Эрзи даже возможенъ и такой случай: положимъ, что отецъ приступаетъ къ раздѣлу всѣхъ своихъ сыновей разомъ; тогда онъ дѣлитъ иногда имущество не на равные паи, а на большіе и меньшіе и даетъ больше тѣмъ сыновьямъ, которые къ нему почтительны и меньше тѣмъ, которыми онъ не доволенъ. Среди Мокши ничего подобнаго намъ замѣтить не удавалось и, здѣсь имущество дѣлится всегда на равные паи, такъ какъ непочтительный сынъ былъ бы выдѣленъ или ушелъ бы въ отходъ гораздо раньше. Правда неравность паевъ можетъ произойти, какъ у Эрзи, такъ и у Мокши по другой причинѣ, а именно потому, что отецъ выдѣляетъ пай и себѣ на старость (*«сирэти сакалти»*) или на сѣдую бороду, какъ говоритъ Мокша, и передаетъ этотъ пай тому изъ сыновей, къ которому онъ переходитъ жить; часть эта находится, пока живъ ста-

рикъ, только лишь въ управленіи пріютившаго его сына, и достается ему въ полную собственность только по смерти отца, который однако можетъ, въ случаѣ нехорошаго къ нему отношенія этого сына, передать свою часть и одному изъ другихъ своихъ сыновей или же раздѣлить ее между всѣми сыновьями поровну; понятно, что такой обычай заставляетъ дурныхъ дѣтей почтительно относиться къ своимъ престарѣлымъ родителямъ. Само собою разумѣется, что если бы даже отецъ, раздѣлившій между своими сыновьями имущество, ничего не оставилъ себѣ на сѣдую бороду, то отдѣленные сыновья обязаны содержать его до гробовой доски, или, какъ выражается Мокша, до *«Инешке-Пазынъ перэсъ»*, т. е. до пчельника Инешке Паза. Никакихъ размѣровъ выдаваемаго отцу въ такомъ случаѣ содержанія не опредѣляется по той простой причинѣ, что «отца не хлѣбъ кормитъ, а доброе слово дѣтей» (*аля афъ кши треаи, а тсебэръ валь жабатнень*), а тутъ какія указанія ни давай обычай и народное право, все же отношеній безъ любви не урегулируешь, и всякій кусокъ даннаго дѣтьми хлѣба можетъ отцу показаться горше камня. Бываетъ, что, если семья не отличается особеннымъ согласіемъ и все же по болѣзни или по иной какой причинѣ отцу приходится выдѣлить своихъ дѣтей, то отецъ обращается къ міру, какъ къ постороннему свидѣтелю, своимъ присутствіемъ какъ бы освящающему договоръ съ дѣтьми, и устанавливаетъ при сосѣдяхъ свои отношенія къ отдѣленнымъ сыновьямъ; тогда уже эти старики сосѣди являются какъ бы поручителями въ томъ, что отецъ не будетъ ни въ чемъ нуждаться, но само собою разумѣется, что на самомъ дѣлѣ власти эти поручители никакой не имѣютъ, постыдятъ дѣтей за плохое содержаніе отца, но принудительныхъ мѣръ предпринять не могутъ, такъ какъ «между отцомъ и дѣтьми—судья Богъ» (*алянъ и жабатнень йоткса ули Шкай виды*). Иногда бываетъ и такъ, что тотъ, кому достается домъ отца, обязуется кормить его до смерти и при томъ слѣдуетъ замѣтить, что такое взаимное отношеніе старика—отца съ раздѣленными имъ при жизни дѣтьми наблюдается всего чаще. Вообще домъ, усадьба имѣетъ огромное значеніе въ мордовскомъ быту, а потому и важно для насъ ознакомиться съ этими народными воззрѣніями на этотъ предметъ. *«Коза кудъ—Іоза треа»*, говоритъ Мокша (гдѣ домъ—тамъ голова), а Эрзя идетъ въ

этомъ отношеніи еще дальше и утверждаетъ, что *«козо кудо—тозо верь»*, намекая этимъ на то, что только одну семью признаетъ Мордва за нѣчто цѣлое и единое и границею этого единства, этой связи является именно усадьба, какъ жилище семьи. Какъ мы уже видѣли, Мордва не знаетъ ни рода, ни племени, ни народа, а потому и понятно какое громадное значеніе имѣетъ семейный союзъ, сосредоточенный въ одномъ домѣ и находящійся подъ управленіемъ одного главы; понятно, что, если этотъ глава по своей собственной волѣ отказывается отъ власти, то именно тамъ и будетъ находиться власть, въ чьихъ рукахъ будетъ былое жилище прежней власти и слѣдовательно понятна вполнѣ эрзянская пословица, которая гласитъ, что «не хозяинъ дѣлаетъ домъ, а домъ дѣлаетъ хозяина» (*афз кудонь-азырз тейи кудв, а кудз тейи кудонь-азырз*), такъ какъ, пока у хозяина нѣтъ дома, до тѣхъ поръ у него нѣтъ и настоящаго престижа власти и только, имѣя свой собственный домъ, онъ дѣлается равноправнымъ съ другими хозяевами и въ качествѣ «умной бороды (*йони сакалз*) имѣетъ право участвовать въ рѣшеніи мірскихъ дѣлъ. И дѣйствительно, Мордвинъ не доспитъ и не доѣстъ, откажетъ себѣ во всемъ, въ чемъ угодно, но непремѣнно накопитъ себѣ деньжонокъ на постройку какого бы то ни было дома и никогда еще не случалось, чтобы міръ отказался принять участіе въ общественной постройкѣ дома, такъ какъ «домъ срубить—умъ дать» говоритъ Мокшанинъ (*кудз керсянз—йожу максанз*) [1]). По отношенію къ надѣленію домомъ нѣтъ у Мордвы какого нибудь предпочтенія тому или другому сыну, и все дѣло зависитъ отъ воли отца, который или прямо, безповоротно и даже безъ вознагражденія отдаетъ домъ кому хочетъ и притомъ у Мокши чаще всего старшему, причемъ однако главною причиною такого предпочтенія является то обстоятельство, что старшій опытнѣе и разумнѣе другихъ, а слѣдовательно лучше и поддержитъ наслѣдственную и дорогую для дѣлящаго усадьбу. Бываетъ и такъ, что тому изъ сыновей, кто остался безъ дома, всѣ остальные обязуются отцомъ при жизни его выстроить домъ, причемъ отецъ наблюдаетъ, чтобы обязательство это непремѣнно было выполнено. [2]) Во всякомъ

---

[1]) Инсар. Верхисъ, Никол. Мурзайкинъ.

[2]) Хвал. Лебежайка, Наталья Ананьева и Красносл. Мамалаи, Тихонъ Васильчиковъ.

случаѣ снабженіе домомъ того или другого сына у Мокши прямо, зависитъ отъ отца и онъ оставляетъ его тому изъ сыновей, котораго больше любитъ, который оказываетъ ему большее уваженіе; не даромъ же говорятъ тамъ: «куда червякъ не влезетъ — человѣкъ влезетъ» (*конашка-васта сукся афыленъ-сува—ломанъ сэпэли суваи*) [1]. Нѣсколько иначе поставлено дѣло у Эрзи, хотя и здѣсь все находится во власти отца и отъ него всегда зависитъ кого наградить домомъ; разница состоитъ здѣсь въ томъ, что Эрзя ставитъ обыкновенно въ цѣну помѣстье, уравниваетъ всѣ части между собою и затѣмъ уже предоставляетъ дѣлящимся метать жребій. Бываетъ и такъ, что кому нибудь изъ дѣлящихся въ особенности захочется получить на свою долю домъ и тогда онъ, спросивши согласія у всѣхъ участниковъ дѣлежа подходитъ къ брату, получившему домъ, предлагаетъ ему отступное; если тотъ выражаетъ свое согласіе, то высказываетъ это согласіе тѣмъ, что ведетъ брата къ выходной двери и заставляетъ его взяться рукою за порогъ, причемъ говоритъ «сярко кормилецъ! вотъ тебѣ новый хозяинъ» и за тѣмъ выбирая изъ своихъ умершихъ предковъ самаго счастливаго прибавляетъ: «это прадѣдушки Ивана правнукъ!» [2]) Если получившій домъ на отступное не согласенъ, то приходится мириться со своимъ положеніемъ, такъ какъ заставить его уступить домъ никто не имѣетъ права. Мать живетъ у того изъ сыновей, у кого сама захочетъ, но чаще всего случается, что она остается жить у того, у кого на рукахъ остался домъ, такъ какъ старуха всенепремѣнно желаетъ жить «на старинѣ».—

Современно иначе, нежели сыновья, поставлены въ семьѣ мордовской дочери, которыя считаются прямо таки хорошею рабочею силою и потому какъ можно дольше не выдаются замужъ «*Коза эльдэ аф-ускаи ваксакэ стырь*» (гдѣ кобыла не везетъ—запряги дѣвку), говоритъ Мокшанинъ, но въ тоже время рѣшительно ничѣмъ не вознаграждаетъ дѣвушку за ея труды въ пользу семьи, а, напротивъ того, когда она захочетъ уйти изъ семьи съ согласія родителей или же посредствомъ «лисезь», всѣ домашніе хлопочутъ, чтобы семья получила приличное вознагражденіе за потерю рабочей

---

[1]) Мамалаи, Т. Васильчиковъ.

[2]) Городъ Катлинъ, Елена Гордѣева.

силы. У Мокши, напримѣръ, братья обязуются только кормить сестру и не даютъ ей даже ровно ничего на изготовленіе приданаго и туалетовъ, которые, скажемъ здѣсь въ скобкахъ, обходятся довольно дорого; правда, они же обязаны устроить приличнымъ образомъ и свадьбу, на которую ни одинъ Мордвинъ денегъ не пожалѣетъ. У Эрзи, вѣроятно, вслѣдствіе болѣе интенсивнаго русскаго вліянія, бываетъ такъ, что братья даютъ сестрѣ кое что по согласу, но и тутъ не отецъ является наслѣдователемъ, а наслѣдники по отцѣ, которые, если не желаютъ ничего давать сестрѣ, то всегда могутъ воспротивиться отцовской волѣ и суда на это сопротивленіе нѣтъ, такъ какъ такой взглядъ на дѣло вытекаетъ прямо изъ народныхъ воззрѣній на женщину. Само собою разумѣется, что если у отца остается въ живыхъ только одна лишь дочь, то онъ воленъ отдать ей и домъ, и все свое имѣніе нераздѣльно и тутъ уже никто не имѣетъ права заявлять свое неудовольствіе, такъ какъ дочь въ этомъ случаѣ является единственною представительницею семьи. Коли посѣтитъ семью особое несчастье да останутся отецъ съ матерью совершенно безъ дѣтей, то имущество такой выморочной семьи ни въ какомъ случаѣ не поступаетъ въ собственность міра, а какъ имущество семьи, видимо посѣщенной Божіимъ гнѣвомъ должно идти на добрыя дѣла. У болѣе практичной Эрзи бывали случаи, что значительная часть имущества переходила въ этомъ особенномъ случаѣ къ ближайшимъ родственникамъ выморочной семьи, а именно въ семьи отцовыхъ братьевъ, но и здѣсь толкуютъ, что такое противузаконное наслѣдованіе въ прокъ не шло, а тащило за собой и собственное имущество получившихъ выморочное имущество, причемъ все у нихъ шло прахомъ;[1] *«Ломатнень кулама— Шкайнь валама»* (человѣческая смерть—Божій сказъ), говоритъ Мокшанинъ и твердо убѣжденъ, что воспользоваться имуществомъ наказанной Богомъ семьи великій грѣхъ. У Эрзи выморочное имущество идетъ обыкновенно на церковь и нищимъ, а Мокша отдаетъ его охотнѣе въ монастырь, на вѣчное поминовеніе покойниковъ. Въ каждомъ селеніи найдутся непремѣнно, такъ называемыя черннички, которыя какъ бы отреклись отъ міра и всѣхъ прелестей его, живутъ въ сторонкѣ отъ остальныхъ хатъ въ маленькихъ

---

[1]) Самар. Семейкино, Антонъ Мосѣевъ.

избушечкахъ, построенныхъ имъ то ихъ же семейскими на свой счетъ, то на счетъ доброхотныхъ дателей, ради спасенія души на задахъ деревни; бываетъ, конечно, что такая черничка собираетъ порядочное таки количество холста и денегъ за свое чтеніе «полсалтыри» и живетъ себѣ припѣваючи, не зная ни въ чемъ недостатка. Родители никогда не противятся желанію своей дочери сдѣлаться черничкою и въ случаѣ если бы изъ всей семьи она осталась единственною представительницею, все семейское имущество идетъ въ наслѣдство ей, а она уже дѣлаетъ съ нимъ все, что ей угодно; увѣряютъ что не было еще случая, чтобы черничка воспользовалась лично для себя такимъ наслѣдствомъ, а раздаетъ всегда все по церквамъ и нищей братіи.

Наконецъ, бываетъ, по грѣхамъ, и такъ, что выдѣлитъ отецъ своихъ дѣтей при жизни, да и останется за смертью ихъ одинъ, какъ перстъ. Въ этомъ случаѣ поневолѣ приходится отцу быть наслѣдникомъ своихъ собственныхъ дѣтей, да и по праву, какъ говоритъ Мордва, такъ какъ въ общемъ семейскомъ имуществѣ заключается непремѣнно и то, что пріобрѣтено личнымъ его трудомъ. Если у такого отца останутся дѣти, а умретъ одинъ или двое изъ отдѣленныхъ имъ сыновей и при томъ если они не оставятъ никакого потомства, то выморочное имѣніе переходитъ къ отцу, который можетъ или оставить его въ своемъ владѣніи или же снова раздѣлить между оставшимися въ живыхъ дѣтьми, такъ какъ, все на томъ же основаніи, въ собираніи этого имущества принимали непосредственное участіе и остальныя дѣти. Никакого различія въ имуществѣ, получаемомъ отъ родителей такими дѣтьми и пріобрѣтенномъ ими самими, при этомъ не дѣлается.

Что касается до взаимнаго наслѣдованія супруговъ, то права ихъ въ этомъ отношеніи совершенно различны, такъ что въ то время, какъ на мужа народъ смотритъ, какъ на семейскаго брата, жена по мужѣ остается безправною и находится въ полной зависимости отъ того, будутъ у нея дѣти или нѣтъ. Мужъ по женѣ всегда наслѣдуетъ у Эрзи, а жена прямо таки исключается изъ наслѣдства и имущество умершаго переходитъ его дѣтямъ, т. е., ихъ опекунамъ; Мокша, напротивъ того, видимо пошла подальше въ развитіи своемъ и если только, по смерти мужа, жена осталась «матерою вдовою», то имущество умершаго переходитъ къ ней;

сказалось ли въ этомъ фактѣ русское вліяніе или же такое воззрѣніе выработалось самостоятельно—рѣшить трудно. Если свекоръ не успѣлъ еще отдѣлить своего сына, а этотъ послѣдній, не дождавшись раздѣла, умеретъ, то жена получаетъ, въ томъ случаѣ, если у нея остались дѣти, часть своего мужа; мужу же, какъ видио изъ предъидущаго, нечего и получать, такъ какъ дочери выдѣла нѣтъ, а тряпье то разное да украшенія онъ и самъ безъ спроса возьметъ, если только жена не просила его еще заблаговременно отдать всю ея рухлядь разнымъ родственницамъ, чаще всего младшимъ своимъ сестрамъ; коли мужъ съ женой въ мирѣ-согласѣ жили, то мужъ выполнитъ желаніе покойной, а коли нѣтъ—такъ на него суда нигдѣ не найдешь. Второй бракъ ровно никакого вліянія на это наслѣдованіе не оказываетъ—такъ какъ тутъ имущество переходитъ не остающемуся въ живыхъ супругу, а дѣтямъ, которыя, и въ случаѣ втораго брака, захотятъ ѣсть и пить. Интересна та разница, которая существуетъ въ воззрѣніяхъ народныхъ по отношенію къ имуществу отдѣленнаго сына, оставившаго жену безъ дѣтей при жизни отца покойнаго и послѣ его смерти; здѣсь опять таки Мокша заявилась болѣе человѣчною и опять таки мы рѣшительно отказываемся рѣшить, чисто ли это народное воззрѣніе, или же привнесенное общеніемъ съ сосѣдями, такъ какъ подобныхъ сношеній гораздо болѣе у Эрзи, нежели у Мокши. У Эрзи такое имущество цѣликомъ возвращается въ семью, причемъ жена получаетъ лишь кое что «на память», да и то въ томъ только случаѣ, если всѣ согласятся на такой подарокъ; напротивъ того, у Мокши подобное имущество предоставляется во владѣніе вдовы, не обращая вниманія на то, что у нея не осталось дѣтей отъ умершаго супруга, такъ какъ: «*афв марьлу шуму улы, мезэ марьтнень афулы*» (не яблоня виновата, что яблоковъ нѣтъ), — знать садовникъ плохо ухаживалъ. У Эрзи жена, послѣ смерти мужа, до совершеннолѣтія дѣтей дѣйствуетъ лишь какъ ихъ опекунша; напротивъ того, у Мокши она остается полнѣйшею и безапелляціонною хозяйкою имущества, можетъ вполнѣ самостоятельно имъ распоряжаться, но только не продавать его и не закладывать, татъ какъ въ первомъ случаѣ родственники могутъ вступиться и не позволить, а заложить негдѣ, развѣ только въ частныя руки, а это прямо пахнетъ переходомъ имущества въ руки залогопринимателя, что конечно

заставитъ поднять гвалтъ всѣхъ близкихъ сиротамъ людей. Интересно, что вдова, которой разъ уже удалось остаться опекуншей или полною хозяйкою въ домѣ, никогда уже, до самой своей смерти, не можетъ утерять этого права, даже если дѣти ея сдѣлаются совершеннолѣтними, переженятся и наживутъ своихъ собственныхъ дѣтей; развѣ только, если самой ей надоѣстъ возиться съ хозяйствомъ и она по своей волѣ раздѣлитъ между дѣтьми свое имущество; у Мокши, впрочемъ, и тогда сыновья приходятъ совѣтоваться къ ней, а невѣстки иначе не называютъ, какъ *«оцю-дэдья»* (большая мать) и оказываютъ все возможное почтеніе. Какъ проситъ Мордва «дергать большой языкъ» при смерти прадѣда при живыхъ правнукахъ, также точно благовѣстятъ въ большой сельскій колоколъ и при смерти прабабки при живыхъ правнукахъ; — «самъ родилъ-одинъ разъ Ведьазыръ-ава молилъ, дочь родилъ — два раза молилъ, внучка родилъ — нѣтъ, не молилъ, Ведьава самъ носилъ», какъ объяснили мнѣ въ одномъ мѣстѣ, [1]) понимая подъ этимъ, что старуха видимо, угодила божеству, если дожила до рожденія правнуковъ.

Если у умирающаго наслѣдодателя, имѣющаго свое частное имущество, или же единственнаго представителя всего имущества семьи нѣтъ прямыхъ нисходящихъ родственниковъ, то у Эрзи призываются къ наслѣдству изъ боковой линіи двоюродные братья умершаго мужчины, но отнюдь не женщины, а если таковыхъ не имѣется, то двоюродныя сестры не наслѣдницы и имущество переходитъ уже къ троюроднымъ братьямъ и т. д; напротивъ того, у Мокши наслѣдованіе идетъ въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала призываются двоюродные братья по мужѣ, затѣмъ таковые же по женѣ, затѣмъ двоюродныя сестры мужа, двоюродныя сестры жены, троюродные братья мужа и т. д. до полной выморочности имущества.

Такъ какъ имущество, приносимое въ домъ женою состоитъ преимущественно, если только не полностью, изъ рухляди и нарядовъ, то, понятно, что мужчинамъ оно не представляетъ рѣшительно никакого интереса; они не обращаютъ даже вниманія на материнское имущество и въ томъ случаѣ, если на оставшихся послѣ нея украшеніяхъ понавѣшено извѣстное количество золотыхъ и серебранныхъ монетъ, и охотно предоставляютъ такія украшенія

---

[1]) Город., Катмисъ, Елена Гордѣева.

женщинамъ, которымъ подобныя вещи дѣйствительно пригодны. У Мокши сыновья тоже имѣютъ право на оставшееся послѣ матери имущество, но и здѣсь они никогда не вступаютъ въ препирательства съ сестрами и предоставляютъ все въ полное распоряженіе этихъ послѣднихъ. Само собою разумѣется, что, если у помершей дочерей не осталось, то ея имущество раздѣляется между сыновьями, но въ семью умершей ея имущество у Эрзи никогда не возвращается, а у Мокши только въ томъ случаѣ, если смерть послѣдовала тотчасъ послѣ замужества; такіе случаи, говорятъ, бывали, но рѣдко.

Когда хозяйкою въ домѣ остается матерая вдова, то дѣти ея не могутъ ни въ какомъ случаѣ выходить изъ ея воли, а не то, что подумать о раздѣлѣ дѣдовскаго или отцовскаго имущества помимо ея желанія. Если бы и случился такой невозможный въ Мордовскомъ быту фактъ, то все же онъ ни къ чему не поведетъ, такъ какъ мать запретитъ имъ дѣлиться и отпустить ихъ безо всего въ крайнемъ случаѣ. Иное дѣло, если сама мать поволитъ раздѣлить своихъ дѣтей; тогда она оставляетъ себѣ, сколько ей вздумается, а остальное дѣлитъ между всѣми по ровну, не забывая при этомъ и того, что дочери послѣ ея смерти ничего не получатъ, а потому она и даетъ имъ, хоть не столько же, сколько сыновьямъ, а все таки и не пустяшную дачу; такой раздѣлъ называется «*аватнень йава*» т. е. бабій раздѣлъ и народъ смѣется, что «на бабьемъ раздѣлѣ и чижикъ сытъ» (*аватнень йаваса и нармынь улы топытста*), т. е. всякому, обдѣляемому обыкновенно, достается кусочекъ. Если вдова себѣ при раздѣлѣ ничего не оставитъ, то одному изъ сыновей даетъ болѣе, нежели остальнымъ, и къ тому то и отправляется жить, такъ какъ, если бы она не принесла ему на свою вдовью долю лишечку, то, неравенъ случай, сынокъ то, по нынѣшнему времени, пожалуй, и загонялъ бы ее загономъ, а тутъ она въ его домѣ является желанною гостьею и во всякое время, въ случаѣ непочтенія съ его стороны, можетъ взять выданную ему часть обратно и уйти съ нею къ другому сыну и даже къ замужней дочери, какъ это и бываетъ зачастую.

Положеніе солдата въ семьѣ не особенно красивое, такъ какъ, Мордва почему то убѣждена, что солдата «*пуньэ кормаи*», т. е., пуговица кормитъ, форма его, и въ тоже время увѣряетъ, что «*Оцюзаръ, солдатъ и попъ аф-пидьаихтъ кши, а топытстатъ*» (Царь, сол-

датъ и попъ хлѣба не пекутъ, а сыты). Такого разсужденія, что солдатъ отбываетъ военную повинность за всю свою семью, намъ, признаться сказать, слышать ни разу не удавалось и въ особенности теперь, при всеобщей воинской повинности, когда изъ примѣра послѣдней турецкой войны Мордва воочію убѣдилась, что и льгота перваго разряда не спасаетъ отъ солдатчины, не можетъ въ народѣ укорениться подобное воззрѣніе. Впрочемъ, не вездѣ такъ смотрятъ на солдата и, хотя Мокша создала двѣ выше упомянутыя поговорки, однако она же и считаетъ его равноправнымъ членомъ семьи; только у Эрзи солдатской части не имѣется, да и то со временемъ, вслѣдствіе краткости срока службы, придется измѣнить въ этомъ отношеніи народный обычай и выдѣлять солдату его долю. Обычай созидался, видимо, въ то время, когда солдатъ отслуживалъ 25 лѣтъ, т. е. едва ли когда, развѣ только въ видѣ исключенія, возвращался на родину, а потому и не представлялось необходимости заботиться о его будущности; вотъ почему и выработалась, видно, пословица: «солдатъ въ Царевыхъ рукахъ» (*солдатв оцюзартнень кэштненсв*), т. е. семья не должна уже болѣе заботиться о солдатѣ, такъ какъ о немъ Царь позаботится. Основываясь на такихъ понятіяхъ о солдатѣ и его службѣ, Эрзя прямо таки не выдѣляетъ части на солдатскую долю, а даетъ только ему денегъ на пропой передъ выступленіемъ рекрутовъ, отсыпаетъ кое что на путевыя издержки, да кое когда посылаетъ въ подарокъ, гдѣ рубль, гдѣ два, а гдѣ, за безденежьемъ, и просто лишь «поклоны, да родительское благословеніе на вѣки нерушимое». У Мокши дѣло поставлено иначе и солдатъ получаетъ равную со всѣми часть, да зачастую даже и съ прибавочкою за то, что онъ претерпѣлъ на службѣ — «за зубы» (*пеитнень вастысв*), которые онъ потерялъ на ученьяхъ, какъ остритъ Мокша. Есть различіе между Эрзею и Мокшею еще и въ слѣдующемъ: первая даетъ солдаткѣ съ дѣтьми часть при общемъ раздѣлѣ, но подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы отъ брака были дѣти и чтобы солдатъ на чужбинѣ не позабывалъ семью и повременамъ высылалъ семейскимъ деньги, тогда какъ вторая привыкла къ тому, что солдатъ, поступая на службу, во всякомъ случаѣ не теряетъ своего права на пай изъ семейскаго имущества, все равно, есть ли у него жена, или нѣтъ, имѣются ли у него дѣти, или Богъ ему ихъ не далъ. По большей части,

по возвращеніи своемъ изъ многотрудной службы солдатъ (если имѣетъ на это право) получаетъ свой пай въ томъ размѣрѣ, въ какомъ онъ былъ оставленъ, но конечно никто не мѣшаетъ родственникамъ увеличить размѣры этого пая, только уменьшить его противъ прежнихъ размѣровъ они не имѣютъ права; тутъ вообще все зависитъ отъ добраго согласія, существующаго между семейскими и возвратившимся со службы солдатомъ, а на доброе это согласіе не мало вліяетъ безостановочная присылка на родину рублшиковъ, мошна привезенная солдатомъ домой со службы и, наконецъ, уже способность солдата помогать семьѣ и въ дальнѣйшемъ будущемъ личнымъ трудомъ своимъ и накопленнымъ на службѣ запасцемъ.

Мордва-народъ неграмотный; есть кое гдѣ «образцовыя инородческія училища», но, по всѣмъ вѣроятіямъ, они только «для образца» и устроены, такъ какъ посѣщаются очень мало; правда есть таки нѣсколько человѣкъ Мордвы, которые окончили тамъ курсъ и двое трое пошли даже и дальше; но большинство тщательно избѣгаетъ эти школы, такъ какъ преподаютъ тамъ на русскомъ языкѣ, да Мордва еще и не знаетъ нужно ли все то, что тамъ преподается. Вслѣдствіе неграмотности духовныя завѣщанія совершенно отсутствуютъ, а въ виду пословицы «умеръ—сквозь землю ушелъ» (*кулысъ—моданъ йоткс йаксысъ*) не приходится дожидаться смертнаго часа и для словесныхъ распоряженій. При великомъ значеніи, которымъ пользуется отцовская власть въ мордовской семьѣ, само собою разумѣется, что всякое распоряженіе отца - кудынь-азыра было бы выполнено, какъ воля Божія, но въ томъ то и дѣло, что никогда не представляется для этого подходячихъ случаевъ. Всякій родитель-кудынь азыръ имѣетъ, какъ увѣряла насъ Мордва, полное право, умирая завѣщать наслѣдственное и нажитое имущество одному или нѣсколькимъ изъ всѣхъ наслѣдниковъ, даже притомъ такому, который никакихъ право на наслѣдство не имѣетъ, но на народной памяти никогда ничего подобнаго не случалось, такъ какъ за что же бы онъ обидѣлъ остальныхъ своихъ наслѣдниковъ; иное дѣло, когда старикъ, умирая, еще разъ передъ смертью повторитъ во всеуслышаніе свою волю, какъ слѣдуетъ распредѣлить остающееся послѣ него имущество правильнѣе и ровнѣе—это послѣднее распоряженіе всегда дѣлается и считается священнымъ,

такъ какъ въ случаѣ неисполненія послѣдней воли придется имѣть дѣло съ Мастыръ-Пазомъ, въ пчельникъ котораго переходитъ умершій, [1]) а этотъ шутить не любитъ и тотчасъ у ослушниковъ скотъ подушитъ черною немочью, которая лишь вся въ томъ и состоитъ, что у животнаго являются особые черви, извѣстные подъ именемъ «червей Мастыръ Паза» (*Мастырв-Пазынв сукстъ*). У Эрзи еще кое когда, да и то чрезвычайно рѣдко, бываетъ, что отецъ лишаетъ сына наслѣдства за особенную непочтительность, но у Мокши намъ такихъ примѣровъ вовсе не приводили и какъ бы съ ужасомъ говорили: «какъ это можно!»(*кода маштаи тэ улыма?*). Иное дѣло, коли сынъ отъ дома вовсе отобьется, уйдетъ куда нибудь на низъ, на работу, да и запропадетъ тамъ, благо тамъ руки нужны, и вѣстей о себѣ не даетъ—тогда, пожалуй, черезъ 20 лѣтъ и можно считать его безвѣстно пропавшимъ и части ему не выдѣлятъ; но если онъ даетъ вѣсти, то его кусокъ всегда при немъ останется и особенно въ томъ случаѣ, когда въ числѣ писемъ, отъ него получаемыхъ, имѣются письма съ пятью печатями. Когда отецъ раздѣлитъ своихъ сыновей, но, не полагаясь на ихъ добросовѣстность все таки оставитъ себѣ пай, то этимъ паемъ онъ воленъ уже распоряжаться какъ ему угодно, хотя по большей части и этотъ послѣдній идетъ въ общій раздѣлъ. Что касается до матери, то она имѣетъ право, въ случаѣ полученія особаго пая, отдать его кому угодно, но у Эрзи и тутъ граница ея воли положена, такъ какъ дочерямъ, помимо сыновей, она отказать своего пая не можетъ.

Никто и никогда не опредѣлялъ отношеній наслѣдниковъ къ завѣщателю, а тѣмъ менѣе къ его близкимъ и родственникамъ и все здѣсь полагается на чувство долга и благодарности; урегулировать все это, конечно, невозможно и всякій дѣйствуетъ въ этомъ отношеніи, какъ знаетъ, хотя общія требованія, установленныя какъ бы молчаливымъ согласіемъ, и существуютъ; во всякомъ случаѣ все основано на отношеніяхъ **bona fide**. Само собою разумѣется, что наслѣдникъ обязанъ по возможности безбѣдно содержать наслѣдодателя и всѣхъ его близкихъ, снабдить малолѣтнихъ сродниковъ запасомъ необходимыхъ для крестьянина свѣдѣній, обращаться со всѣми вѣжливо, наслѣдодателя похоронить честь-честью и поми-

---

[1]) Верхисъ, Мамалаи, Семейкино.

нать то 6 недѣль, то годъ, а то и 18 мѣсяцевъ, смотря по послѣдней волѣ умирающаго, дочерей кормить и прилично выдать замужъ, чтобы руки ихъ искали, а не онѣ сами первому встрѣчному на шею вѣшались и т. п.

Если случится, что не угодятъ чѣмъ нибудь мужъ и жена Ведь-авѣ, завѣдующей дѣторожденіемъ и «яблонка» не принесетъ плода, а мужъ почувствуетъ приближеніе смерти, то онъ, не опасаясь никакихъ дрязгъ, имѣетъ полное право отказать свое имущество供 бездѣтной женѣ и родственники мужа ни въ какомъ случаѣ не въ правѣ отобрать у нея наслѣдство, даже если, оплакавши хорошенько своего перваго мужа, она пожелала бы поискать счастья снова, во второмъ бракѣ.

Намъ не разъ приходилось слышать о томъ, какъ ослушниковъ послѣдней воли завѣщателей постигала скорая кара то со стороны Мастыръ-Паза червями, а то и непосредственно со стороны умершаго, который является ночью, душитъ не почтившихъ его волю и устраиваетъ имъ всевозможныя гадости; мучается, мучается ослушникъ да, наконецъ, плюнетъ и выполнитъ послѣднюю волю умершаго въ точности — и какъ рукой все сниметъ. И не только воля отца считается священною, а даже и воля умирающаго дяди; еще хуже бабу не послушать: тутъ такихъ чудесъ насмотришься, что и на—поди! Горшки по ночамъ бить станетъ, конямъ гривы и хвосты сплететъ, улья вверхъ тормашками поставитъ—извѣстно бабьи игрушки! Какъ тутъ нарушить волю завѣщателя, когда потомъ придется маяться! Случалось такъ, что видимо уже несправедливо сдѣланъ раздѣлъ.... пойдутъ къ старикамъ со своимъ горемъ, но и тѣ ничего подѣлать не могутъ, такъ какъ вопервыхъ: завѣщатель все таки старшій, а міръ никогда не захочетъ самъ указывать дорогу, какъ не слушаться старшихъ, а во вторыхъ — и міру тутъ плохо прійтись можетъ: бывали примѣры, что такъ вся скотина и вымретъ, а не то пчела заснетъ.

«Господа, тѣ пишутъ свою волю, да и то ихъ не слушаютъ, а у насъ изстари повелось, что слово дѣло священное — его и топоромъ не вырубишь». И въ доказательство этой истины водили меня къ лѣсу, показывали мѣты на деревьяхъ, срубали ихъ, а я все таки дальше сруба въ древесинѣ видѣлъ отпечатокъ той же срубленной мѣты. Мордвинъ совершенно не нуждается въ освященіи слова пе-

реводомъ его на бумагу, такъ какъ признаетъ таинственное и священное его значеніе; иной разъ слово такъ, безъ ума сорвется — глядь, такъ и сдѣлалось по твоему слову и тутъ приводится обыкновенно масса примѣровъ того, какъ у неосторожной матери, сказавшей въ сердцахъ про ребенка: «чортъ бы его взялъ», этотъ послѣдній и въ самомъ дѣлѣ похитилъ дитятю, а въ концѣ концовъ сдѣлаютъ глубокомысленное лицо и скажутъ: «ты послушай-ка, что попъ объ словѣ то читаетъ—оно прямо отъ Бога». И странное дѣло! тоже таинственное значеніе придается слову и въ мордовскомъ язычествѣ, «Всѣ боги разобрали себѣ всякую тварь, одинъ только Инешке-Пазъ позабылъ, что и ему тоже служители годятся. Одинъ взялъ сильнаго да рогатаго, другой сильнаго да зубатаго, кое кто понасбиралъ остаточки и остался одинъ только плохенькій, голенькій, слабенькій человѣкъ да пчела, что летала въ та поры за медомъ, была на работѣ и богамъ на глаза не попадалась. Какъ увидалъ Инешке-Пазъ пчелку, какъ она съ медомъ на лапкахъ летала, такъ и вскрикнулъ: «вотъ моя работница — святая труженица»! Глядитъ, а въ углу лежитъ кто то; всѣ то его поталкиваютъ, всѣ то его отъ корытъ и корысти отгоняютъ..... «Ну видно и тебя бѣднягу мнѣ взять надо», проговорилъ Инешке-Пазъ, а то тебя безъ меня заторкаютъ! а чтобы тебя не заторкали, дамъ я тебѣ такую отмѣтину, что всѣхъ ты выше и сильнѣе станешь. Подошелъ онъ къ человѣку, а тотъ какъ чижикъ ротъ раскрываетъ, самъ то пищи промыслить не можетъ; дунулъ ему въ ротъ Инешке-Пазъ, а человѣкъ вдругъ къ нему потянулся и сказалъ: «аляй». Съ той поры и до нынѣ первое слово, что дѣти сказываютъ, есть—«аляй» [1]. При такомъ происхожденіи слова отъ дуновенія Инешке-Паза (*Пазынь-пшка*), откуда и глаголъ говорить звучитъ по эрзянски: *пшкадомсв* (фин. puhua), понятно, какое значеніе народъ придаетъ послѣднему слову умирающаго, который какъ бы испускаетъ на всегда дуновеніе Паза. Если бы кто нибудь сталъ спорить противъ словеснаго завѣщанія, то даже и волость не можетъ пойти противъ послѣдней воли завѣщателя, такъ какъ старики возстанутъ, какъ одинъ человѣкъ, если только два свидѣтеля подтвердятъ, что дѣйствительно такова была воля умирающаго. У Мокши даже и этого

[1]) Княгин., Ревезень, Кирила Зайцевъ.

не требуется, а достаточно, чтобы наслѣдникъ поклялся передъ стариками, что если онъ говоритъ неправду, то «пусть мертвый меня накажетъ»! (*кула мувыразамакъ*)! Иногда и у Эрзи и у Мокши призываются «для крѣпости», въ виду усиливающагося шатанія нравственности народной, въ качествѣ свидѣтелей, духовный отецъ, староста или вообще какое нибудь лицо, пользующееся въ мѣстности нѣкоторымъ почетомъ и уваженіемъ, но это вовсе не обязательно. Эрзя все таки полагаетъ, что имѣть троихъ свидѣтелей лучше, а Мокша довольствуется двумя и даже однимъ, если онъ homo bonus; рѣдко, да и то лишь по нуждѣ только, берутъ въ свидѣтели бабъ, но тогда уже меньше трехъ свидѣтелей привести нельзя, такъ какъ у двухъ бабъ одинъ умъ мужика (*кафтаса аватнекеса улы фкань аляць йонь*) [1]. Словесное распоряженіе наслѣдодателя вовсе не нуждается въ какомъ либо утвержденіи со стороны схода или волости, такъ какъ имъ до этого нѣтъ рѣшительно никакого дѣла; иногда, если въ семьѣ идетъ раздоръ, завѣщатель самъ является къ старикамъ или къ сосѣдямъ и высказываетъ на случай свою волю при свидѣтеляхъ, но это въ его власти и вовсе не является conditio sine qua non; само собою разумѣется, что если въ распоряженіи завѣщателя найдутся такіе пункты, которые идутъ въ разрѣзъ съ интересами міра, дѣлаютъ ущербъ, напримѣръ, круговой порукѣ, то такое завѣщаніе прямо таки не приводится въ исполненіе. Кое гдѣ среди Эрзи бываютъ душеприкащики, но Мокша никакъ еще не можетъ понять ихъ назначенія, такъ какъ она менѣе затронута тѣмъ, что называется культурою, т. е. не считаетъ возможнымъ не выполнить послѣдней воли завѣщателя. Коли затѣетъ какой нибудь чудакъ написать свое духовное завѣщаніе, то ужъ лучше мѣста не найти, какъ въ церкви, но всѣ примѣры тутъ на перечетъ. Распоряженія завѣщателей приводятся въ исполненіе сообща всѣми семейскими, а если при приведеніи въ дѣйствіе начнутся споры и раздоры, то тутъ одно только средство—обратиться за помощью и совѣтомъ къ старикамъ — шабрамъ, слово которыхъ будетъ несомнѣнно признано всѣми спорщиками, хотя бы рѣшеніе и послѣдовало не въ ихъ пользу.

---

[1]) Инсар., Адашево, Ѳедоръ Эртовъ.

Никакихъ особенныхъ обыкновеній, касающихся охраненія наслѣдства, переходящаго какъ по наслѣдству, такъ и по обычаю, у Мордвы не существуетъ; охрана имущества предоставляется самому богу смерти, а съ нимъ шутить не удобно. Обычаевъ по вступленію въ права наслѣдства тоже не имѣется; только въ томъ и штука, что на 41 день по смерти наслѣдодателя новый хозяинъ, стоя на порогѣ, хватается обѣими руками за косяки дверей, а всѣ домашніе проходятъ у него подъ руками въ знакъ признанія его управленія домомъ; затѣмъ онъ вырѣзаетъ «озондамъ-палъ», раздаетъ всѣмъ присутствующимъ членамъ по кусочку и самъ съѣдаетъ таковой же со словами: «Шкай-кормилетсь, благословомысть»! и тогда уже вступаетъ прямо въ управленіе домомъ.

Если умретъ вдова и оставитъ малолѣтнихъ дѣтей, то никакой росписи ихъ имуществу не составляется, такъ какъ до сихъ поръ еще среди Мордвы не слышно было примѣровъ, чтобы кто нибудь воспользовался имуществомъ малолѣтнихъ, которые всѣ находятся подъ покровительствомъ Ведь-ззыръ-авы, а она никогда не допуститъ посягательства на собственность сиротъ и страшно накажетъ преступившаго обычай: у него жена умретъ родами и всѣ дѣти перемрутъ въ одинъ годъ.

ВЕЩНОЕ ПРАВО.

«*Парши*», у Эрзи—*паротши*, т. е. имущество, можетъ быть разнаго рода и прежде всего Мокша различаетъ имущество «*кудѣ*», (домъ), *мода* (земля), *шваташ* (скотъ) и *сьора* (хлѣбъ); никакого понятія о движимомъ и недвижимомъ имуществѣ Мордва не имѣетъ, а когда желаетъ обобщить нѣсколько эти подраздѣленія, то говоритъ: *казаву* (эрз. казовъ) и *афказаву*, т. е. плодоприносящее и безплодное. Къ первому роду имущества относятся: земля, скотъ и хлѣбъ, а ко второму — только домъ. По происхожденію Мордва умѣетъ различить въ имуществѣ: дѣдину (*оцюаляи*), къ которому относится все то, что нажито семьею до дѣда — хозяина, отчину (*аляи*), т. е. все, что нажито до отца-хозяина и, наконецъ, наживу (*лъзе*), т. е. все, что нажито отцомъ-хозяиномъ съ его семейскими. Эрзя имѣетъ для этихъ имуществъ особыя слова, а именно: *пок-*

иттэйксь, *тэтэйксь* и *лэзе*. Интересно, что вполнѣ безконтрольно отецъ-хозяинъ можетъ распоряжаться только лэзе, тогда какъ для остальныхъ родовъ имущества онъ уже по обычаю держитъ совѣтъ съ семейскими и вообще нѣсколько ограниченъ въ этомъ отношеніи народными воззрѣніями на оцюаляи и аляи, какъ на нѣчто, принадлежащее нераздѣльно всей семьѣ.

Мокша знаетъ «*моньтсень мода*» и «*иляньмода*», т. е. своя, собственная и чужая земля, тогда какъ Эрзянинъ для слова «владѣніе» подобралъ особое обозначеніе «*коймо*»; за то, съ другой стороны, Мокшанское нарѣчіе выработало слово «*сявама*»—заимка, до которой преимущественно помѣщичья Эрзя ни въ какомъ случаѣ добраться не могла, такъ какъ и сами господа, и въ особенности ихъ приказчики, зорко слѣдили, чтобы народъ не захватывалъ новыхъ мѣстъ подъ себя. И Эрзянинъ и Мокшанинъ знаетъ—первый: «*совамо*», а второй: «*сувама*», т. е. то, что наши крестьяне обозначаютъ названіемъ входа; въ силу этого обычая, вплоть до самого освобожденія, крестьяне спокойно отправлялись въ барскій лѣсъ, гдѣ имѣли право собирать сухоподстой, грибы и ягоды; само собою разумѣется, что теперь отъ этого обычая осталось лишь пріятное воспоминаніе.

Крайній интересъ представляетъ изученіе. такъ называемыхъ «тэшксъ-сьорма» (эрз.) или «тэштсъ-сьорма» (мокш.), другими словами, народныхъ мѣтъ или знаковъ, которые ставятся на всѣхъ рѣшительно предметахъ, когда желаютъ обозначить, кому именно они принадлежатъ. Намъ случилось отмѣтить около 150 такихъ знаковъ и для того, чтобы показать, каковы они, мы приводимъ на прилагаемой таблицѣ нѣкоторые изъ нихъ.

Всякая семья имѣетъ всенепремѣнно одинъ изъ такихъ знаковъ, которымъ и отмѣчаетъ свои дѣлянки, свой скотъ и т. п. Мордва идетъ даже дальше и умѣетъ различить, напримѣръ, втораго сына въ семьѣ «ведъ» или третью дочь въ семьѣ «керьсяфъ», отмѣчая ихъ знакомъ *а* (см. таблицу), т. е. подставляя цифру подъ знакомъ, а дѣвочку отмѣчая покрышкою; жена крестьянина, имѣющаго знакъ *б*, отмѣчается знакомъ *в*. Если одинъ или нѣсколько изъ членовъ семьи основываютъ свои дворы, то они немедленно должны и выбрать себѣ особыя «сьорма», чтобы ихъ имущества нельзя было смѣшать съ имуществомъ отца; при этомъ страшій въ родѣ пользуется отцов-

свою «сьормою» безъ перемѣны, а остальные какъ нибудь видоизмѣняютъ мѣту, какъ мы видимъ это на знакѣ «лисима», гдѣ черта посерединѣ добавочная; случалось намъ видѣть и знакъ «кафта пандатъ» (см. знакъ *г*); носящій же его назывался «Горкинъ» и происходилъ изъ семьи, имѣвшей мѣту «гора». У всѣхъ Кузнецовыхъ мнѣ приходилось видѣть знакъ—тсіотмаръ, но или онъ удвоивался, или былъ обращаемъ въ какую нибудь сторону. У одного Мордвина изъ семьи «Пятаевыхъ» я нашелъ знакъ пяты «*пильгэ кэдь*», но перечеркнутый два раза діагонально (см. знакъ *д*). Мы сомнѣваемся, чтобы знаніе всѣхъ мѣтъ извѣстной мѣстности составляло необходимость, такъ какъ знать ихъ каждому вовсе не нужно и совершенно достаточно, если только кто либо, увидавъ такой знакъ, не смѣшаетъ его со своимъ знакомъ и отнесется къ вещи, какъ къ недосягаемой святынѣ,—такъ, какъ подобаетъ относиться по пословицѣ: «*илянь тешксэ—сьорма кеттнэ полхтан*», т. е. чужая мѣта руки жжетъ [1]).

Самымъ употребительнымъ среди Мордвы средствомъ обозначить границу является межа, съ лежащимъ на каждомъ изъ поворотовъ ея камнемъ; подъ камнемъ положена зола изъ очаговъ обоихъ сосѣдей и ихъ мѣты, вырѣзанныя на кирпичахъ. Такая мѣта на кирпичикѣ, лежащая подъ межевымъ камнемъ должна несомнѣнно обезопасить собственность отъ захвата, такъ какъ кладется она съ вырѣзаніемъ «озондамъ-пала» и слѣдующею молитвою: «*Шкай-кормилетсяэ! Инешке-Цазэ аляи! Мастырь-Пазэ рауджа! кода тинтинтсэ пешкэ-перэттнэ ванатада, илянтесэ афсуватада, станэ ванада и тоньтсэ нярши!*» [2]) т. е. Шкай-кормилецъ! Инешке-Пазъ батюшка! Черный Мастырь-Пазъ! какъ вы свои пчельники оберегаете, въ чужіе не вступаетесь, такъ поберегите и мое добро! Само собою разумѣется, что если бы кто послѣ подобнаго воззванія и вздумалъ перепахать межу, то имѣлъ бы дѣло со всѣми тремя главными божествами мордовскими, а съ ними шутки плохія. Да и вотъ что еще замѣчено старыми людьми: на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ положены межевые кирпичи, ночью, поглядишь, огонекъ теплится—это Мастырь-Пазъ со свѣчкой ходитъ дозоромъ. Зорко блюдутъ

---

[1]) Красносл., Шингарино, Степанъ Атяшкинъ.

[2]) Мамалаи.

старые боги границы, такъ какъ задумають ли дѣвушки о суженыхъ погадать, только пусть ночью сядутъ на межевой камень и увидятъ все воочію, что съ ними станется; колдуна гдѣ найти? поди только ночью на межу, къ межевому камню — тутъ ты его ужъ непремѣнно застанешь, потому что гдѣ же ему и искать боговъ, какъ не здѣсь, на межѣ. Нечего и усиливать въ памяти народной значеніе межевыхъ знаковъ, какъ это бываетъ у русскихъ, сѣченіемъ, такъ какъ и безъ того Мордвинъ, желая увѣрить человѣка, что онъ говоритъ истинную правду, торжественно произноситъ: «*кода педявэ йовтань*» (какъ на межѣ говорю). Бываетъ и такъ еще, что Мордвинъ запримѣтитъ борть свою мѣтою на ближайшемъ деревѣ или просто колъ поставитъ и на немъ свою мѣту выставитъ — это тоже святое дѣло и никто до его добра не коснется, такъ какъ и колъ этотъ не безъ молитвы ставленъ.

Способовъ пріобрѣтенія собственности Мордва знаетъ очень мало по той простой причинѣ, что разгуляться ей негдѣ. Въ хорошихъ мѣстахъ, гдѣ не понатыкано на десятинѣ цѣлая уйма народу, бываетъ пріобрѣтеніе въ собственность посредствомъ «сявамо», т. е. заимки, но въ густо населенныхъ губерніяхъ этотъ способъ давнымъ давно пересталъ уже практиковаться. Можно пріобрѣсти вещь и находкою «Пазынъ-ява», т. е. божьей частью или долей, при посредствѣ даренія, покупки («*волафтама*») и, наконецъ, забора за незаплаченный долгъ. Есть еще у Мокши одинъ способъ пріобрѣтенія собственности — «*мутсяма*», то, что у насъ называется «старательствомъ»; ищутъ они борти въ лѣсахъ, руду отыскиваютъ изъ части и т. п. Ясное дѣло, что за всеобщимъ малоземельемъ не можетъ быть и вопроса о томъ, чтобы бывали случаи завладѣнія полями, лугами, лѣсами, рыболовными мѣстами и другими промысловыми угодьями, такъ какъ никому не принадлежащаго имущества не имѣется и мнѣ зачастую говорили посмѣиваясь: «куда не ткнись — либо полѣсовщикъ, либо довѣренный? У насъ Божьяго нѣту: все либо царское, либо барское, а нашего 4 десятины, да и изъ нихъ 1½ гуляетъ, потому неудобица.» Слыхать слыхали, что однокоренники, которые переселились на вольныя земли къ Китай-народу (Башкиры), заимки дѣлаютъ и, что ни годъ, свою запашку усиливаютъ, потому Китай-народъ къ землѣ не льнетъ, а гунитъ со скотомъ то здѣсь, то тамъ, благо есть гдѣ разгуляться.

А если кто и завладѣетъ чужимъ добромъ, то немедленно, по первому спросу, долженъ возвратить его, развѣ если онъ имъ владѣлъ два двадесята лѣтъ, ну ужъ тогда, дѣлать нечего, приходится со своимъ добромъ проститься—зачѣмъ раньше не спорилъ, не доказывалъ по мѣтамъ и стариками, которые всегда на такое дѣло идутъ безъ отказа.

Въ находкахъ въ обычаяхъ мордовскихъ есть значительная разница отъ подобныхъ же обычаевъ русскихъ, такъ какъ здѣсь вы уже не услышите ни «треть за находку», ни «чуръ—первый!» Божья доля, лежащая на дорогѣ, считается какъ res nullius до тѣхъ поръ, пока не объявится къ ней хозяинъ, которому вещь и возвращается, если только онъ докажетъ, что потерянное дѣйствительно принадлежитъ ему. Само собою разумѣется, что если хозяинъ вещи не отъищется или онъ не сможетъ ясно доказать, что потерянное принадлежитъ ему, что во избѣжаніе перекоровъ и споровъ производится обыкновенно при старикахъ-шабрахъ, то находка поступаетъ въ собственность нашедшаго, что бы ни было потеряно, кромѣ вещей съ извѣстною на селѣ мѣтою. Если нашедшихъ объявится двое, то ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ исключительнаго права на находку, такъ какъ, видимо, Богъ посылаетъ имъ обоимъ свою часть. Коли явится на чужую землю пришлый скотъ, то хозяинъ земли вовсе не обязанъ отъискивать хозяина скота и во все время пребыванія пригульной животины у него имѣетъ право пользоваться имъ, какъ рабочею силою и молокомъ, если то будутъ коровы или козы; когда явится хозяинъ, то онъ получаетъ свой скотъ обратно и если только будетъ доказана потрава хлѣба, то онъ обязанъ уплатить безпрекословно протори и убытки, такъ какъ иначе ему могутъ невозвратить скота; само собою разумѣется, что если скотъ найденъ на незасѣянной землѣ, то пусть его гуляетъ—бѣды въ томъ большой нѣтъ и убытокъ самый пустяшный, о которомъ и толковать нечего. Хозяинъ скота узнается по сказаннымъ имъ мѣтамъ, а если таковыхъ на скотинѣ не окажется, то онъ долженъ привести съ собою двоихъ свидѣтелей, которые клянутся такъ: «пусть намъ не лежать въ землѣ» (*тьазатама уда модаса*), а это считается самою сильною клятвою, такъ какъ она грозитъ клятвопреступнику тѣмъ, что онъ вѣчно будетъ послѣ смерти скитаться по землѣ. Коли долго скотъ пригульный стоитъ у

кого, да и разсчета ему нѣтъ кормить его, то лучше всего по стародавнему обычаю идти къ старостѣ, который сдастъ неудобную для прокорма пригульную скотину полевому, а этотъ послѣднiй всенепремѣнно обязанъ продержать ее годъ и затѣмъ можетъ заявить старикамъ, что годъ прошелъ и слѣдуетъ продать ее; продаютъ на «чья горка» (*кинь панда?*) и полевой можетъ оставить скотину за собою или уступить предложившему наибольшую цѣну; во всякомъ случаѣ, прокормъ и храненiе ставится на счетъ и полевой вознаграждается полностью. Такъ какъ среди Мордвы чрезвычайно распространено пчеловодство, то понятно, что бываютъ частые случаи залета роя въ чужія борти, но тутъ народный обычай чрезвычайно ясенъ, такъ какъ онъ выраженъ въ чрезвычайно распространенной поговоркѣ гласящей: «*кинь нешке — тень веле*,» т. е. чья борть, того и рой. При этомъ учащенный залѣтъ чужихъ роевъ къ человѣку считается видимымъ признакомъ особаго благоволенiя Божiя. Въ случаѣ находки денегъ, лучше всего заявить о находкѣ двумъ шабрамъ и тогда, если явится хозяинъ потеряннаго, то по заведенному среди Эрзи обычаю онъ уплачиваетъ нашедшему, смотря какъ признаютъ его шабры, богатымъ или бѣднымъ, отъ 5 до 10 рублей со ста; у Мокши повелось это нѣсколько иначе и шабры просто, смотря по состоянiю потерявшаго, назначаютъ извѣстное вознагражденiе нашедшему. Въ дѣло находокъ начальство ни въ какомъ случаѣ не вступается, да оно ему вовсе и не подвѣдомственно, а вершится оно на основанiи народныхъ обычаевъ совершенно полюбовно.

Когда ходила Литва, гуляли по Волгѣ атаманы-молодцы и набѣгали Татаровья, то и русскiе и иные люди, а въ особенности царьки мордовскiе во время похода Ивана IV на Казань (*Тюштянь*, *Велазырь*, *Пургасъ* и другiе), клали въ землю свои богатства, довѣряли ихъ подъ вышеприведеннымъ заклятiемъ береженью Мастыръ-Паза; прошли года, но заклятiя еще не сняты и рѣдко случается примѣръ, чтобы какой нибудь Мордвинъ настолько угодилъ земляному богу, чтобы онъ отдалъ ему довѣренное ему имущество въ руки; иное дѣло, если кладъ положенъ безъ заклятiя мордовскаго, а подъ какимъ нибудь русскимъ или татарскимъ словомъ—тогда дѣло дѣлается просто и стоитъ только счастливцу узнать это слово, чтобъ кладъ дался ему въ руки. Искать клада

можно повсюду, по той простой причинѣ, что если его искать безъ знанія «слова», то проищешь весь вѣкъ, а найти—ничего не найдешь; иное дѣло, если какъ нибудь случайно узнаешь это слово, тогда иди смѣло хотя бы и на чужую землю, рой и добивайся своего счастья; тутъ хозяину земли дѣлать рѣшительно нечего, такъ какъ онъ не зналъ слова и счастье выпало не на его долю; говорятъ, бывали случаи, что нѣкоторые господа, на чьей землѣ были находимы клады, выхлопатывали себѣ части, но въ томъ то и бѣда, что какъ только они деньги домой принесутъ — глядь, анъ тамъ не деньги, а черепки битые. Бываетъ конечно, что идутъ кладъ искать и двое—тогда и находка дѣлится поровну, но только подобные случаи очень рѣдки, а ищутъ больше въ одиночку, тайкомъ, чтобы кто не узналъ да не помѣшалъ; у иного такой глазъ, что и слово нужное знаешь, а какъ посмотритъ — замѣсто денегъ то въ горшкѣ однѣ перегорѣлыя кости окажутся.

Даритъ Мордвинъ лишь то, что можно передать изъ рукъ въ руки, причемъ, конечно, самый фактъ передачи можетъ быть и символизированъ; однако землю не дарятъ (по крайней мѣрѣ, подобныхъ примѣровъ не бывало), да не дарятъ еще и такихъ вещей, отъ которыхъ можно ждать какой либо напасти; такъ, напримѣръ, Мордвинъ не даритъ ни ножа, ни ружья, ни пороху, ни пули, ни горькаго, ни кислаго; про послѣднее даже и пословица подходящая у Эрзи нашлась, такъ какъ когда стрясется какая нибудь не разсчитанная бѣда въ домѣ, то говорятъ: «видно мнѣ кто нибудь горькое подарилъ (*вансазо! кодамойакв казамамв тшапамо!*). Само собою разумѣется, что купить такую вещь не представляетъ никакой опасности и, благодаря этому, Мордва употребляетъ такую хитрость, что за подарокъ даетъ хотя бы копейку, которая совершенно уничтожаетъ опасность. Разговоровъ особенныхъ и въ особенности ритуала какого нибудь при дареніи не бываетъ, да и какой же тутъ ритуалъ, когда все дѣлается въ силу взаимнаго согласа: подарокъ въ руку, а то какую нибудь часть его или непремѣнную принадлежность — и дѣло съ концомъ! Особыхъ постановленій, когда давать подарки, тоже не имѣется, а дѣлаются они, когда вздумается, причемъ, конечно, стараются для этого найти подходящій случай, праздникъ семейный или что нибудь подобное. Мы говорили уже о свадебныхъ подаркахъ, а теперь прибавимъ,

что при рожденіи ребенка дарятъ матери его «на соху» для новорожденнаго, а, если это дѣвочка, то на «прялку»; бабкѣ дарятъ «за пупъ», который она всегда въ этихъ случаяхъ отдаетъ слѣдующей за матерью незамужней теткѣ новорожденнаго, со словами: «дай Богъ на будущій годъ и твоего дождаться!» дѣвушка должна подарить ей за это «понаръ». На крестинахъ никому ничего не дарятъ, а, глядя на русскихъ, даютъ платокъ попу и деньжонокъ причту, тогда какъ бабка уже тутъ не при чемъ. Первые штаны мальчику обязанъ подарить дѣдъ, а дѣвочкѣ бабка дарить рубаху тотчасъ послѣ ея перваго періода; при этомъ и штаны и рубаха ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть цвѣтные, какъ увѣряетъ Мокша, чтобы всѣ видѣли, что они достигли уже подобающаго возраста, такъ какъ у одного штаны незапятнаны, а у другой рубаха носитъ слѣды ея возмужалости [1]). Никакихъ письменныхъ условій при дареніи не полагается, да Мордва думаетъ, что подусловное дареніе не есть дареніе въ строгомъ смыслѣ слова, а мѣна или купля, продажа, такъ какъ оба понятія обозначаются однимъ и тѣмъ же словомъ —«*полафтама*». Если нѣтъ условій при дареніи, то слѣдовательно изъ факта принятія подарка для дароприниматели не вытекаетъ никакихъ обязанностей. Разъ подарокъ сдѣланъ, то такого срамника ни въ какомъ случаѣ не найдется, чтобы отобрать дареное назадъ; во первыхъ, отбирать вѣдь придется силой, а во вторыхъ и самъ не захочетъ мараться, такъ какъ: «*казазь— масторсв тшувазь*», т. е. «подарилъ — въ землю зарылъ»; иной отецъ пожалуй, видя непокорность своего сына и отниметъ дареное, но и тутъ сынъ, хотя и отдастъ безпрекословно дареное, все же скажетъ: «ты бы ужъ вовсе не давалъ, коли отбирать думалъ»; а ужъ чтобы кто другой вздумалъ отбирать дареное, такъ такого сраму никто не захочетъ брать на свою голову, да и главное— никто не отдастъ.

Часто случается по Мордовскимъ рѣкамъ, что тамъ, гдѣ въ прошломъ году была глубина, на слѣдующій годъ образуется перекатъ, который доходитъ зачастую до берега, а рѣка образуетъ новую «волошку»; рѣку бѣжать тамъ или здѣсь человѣкъ заставить не въ силахъ, а потому и полагаютъ, что тутъ, въ этомъ

---

[1]) Кузнец., Кемешкерь, Степанида Пятаева.

фактѣ, проявляется чисто Божія воля; значитъ, хозяинъ берега угодилъ Богу, который одинъ властенъ у одного отнять и отдать другому; въ силу такого воззрѣнія установилось за правило, что, если по рѣку лежала граница, то послѣдняя по ней же и лежать будетъ, но тамъ, гдѣ она потечетъ. Когда мы спрашивали разъясненій, то намъ очень логично объясняли, что это въ природѣ вещей: вѣдь человѣкъ самъ же предоставляетъ оберeганіе границъ богамъ, такъ какъ же онъ будетъ спорить, если тѣ же боги не поволятъ, чтобы граница проходила тамъ то? Да и къ тому же, если есть приращеніе, то есть и потеря, такъ какъ рѣки здѣсь перемѣнчивы и на слѣдующій годъ рѣка можетъ перемѣнить русло. Какъ прежде оба рыбу въ рѣкѣ ловили, такъ, и по измѣненіи русла, оба же могутъ ловить, но не безъ пути, а по согласу, такъ что если одному вздумается ловить во время икромета, то другой можетъ запретить такой варварскій ловъ, а если не послушаетъ слова, то старики прикажутъ. Рѣку дѣлятъ такимъ образомъ, что половина ея принадлежитъ одному хозяину, а другая половина другому, такъ что если рѣка подшутитъ да нанесетъ островокъ новенькій, который всегда для скотины хорошъ, то отмѣриваютъ на чьей онъ половинѣ пришелся, а если какъ разъ посередкѣ, то оба хозяина могутъ имъ пользоваться на равныхъ правахъ и если тутъ перепадетъ кому нибудь чужаго, то бѣды въ этомъ большой нѣтъ— дѣло шаберское. Коли озеро выдастся, то только про берега моги говорить: мое, а середина—Божія и всѣ прибрежные хозяева могутъ въ такомъ озерѣ рыбачить, только опять таки по закону, а не травить рыбу и мелкою сѣткой не вылавливать до чиста.

Если случится кому нибудь по ошибкѣ, не разобравши мѣты, засѣять чужую землю, или домъ по незнанію на чужой землѣ выстроить, то разсчетъ тутъ самый простой: доспѣетъ хлѣбъ и хозяинъ земли сниметъ его, обмолотитъ, отдастъ сѣмена съ особенною аккуратностью, вѣсъ въ вѣсъ, такъ какъ зерно годъ въ годъ качествомъ не выходитъ, а труды и прибытокъ пропали; домъ тоже: возьми, разбери, а за пропавшимъ трудомъ—проходи мимо, такъ какъ надо было разбирать раньше, да мѣты потверже помнить. Шаберское дѣло, конечно, дѣло дружеское, но тоже шаберъ шабру рознь и иной такой несуразный подвернется, что то и дѣло привязываться станетъ. Да вотъ не далеко ходить: строишь ты

себѣ домъ—темновато будто выходитъ: сейчасъ взялъ да оконце и прорубилъ на его мѣсто, а онъ и пошелъ: какое ты имѣешь право? Конечно, по закону то я права не имѣю къ нему во дворъ смотрѣть, но все же между шабрами можно бы было; коли дойдетъ до стариковъ—заставятъ окно заложить. Какъ можно въ чужой дворъ окна дѣлать! вотъ какъ относится Мордва повсемѣстно къ этому вопросу, хотя въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ все это происходитъ отъ малоземелья и гдѣ строиться поневолѣ приходится тѣсно, тамъ на такой фактъ смотрятъ спокойно и спорить не станутъ. Также водостокъ тоже на чужой дворъ выводить не ладно, но по нуждѣ и на это смотрятъ по шаберски, сквозь пальцы, такъ какъ ничего не подѣлаешь: и тому тоже податься некуда—хоть и мокро и грязно, а терпѣть надо. Бываютъ, конечно, споры на этотъ счетъ, но рѣдко случается, чтобы дѣло доходило до волостнаго суда, а, по большей части, сосѣди довольствуются рѣшеніемъ стариковъ. Впрочемъ, въ с. Кемешкери намъ удалось разъ наткнуться на такое дѣло: [1]) спорили два Мордвина о томъ, что одинъ изъ нихъ Петръ Кизяевъ поднялъ такъ высоко свою крышу, что нижній конецъ ея приходился надъ крышей сосѣда Алексѣя Кизяева; вода стекала прямо на крышу послѣдняго и поэтому его крыша постоянно прогнивала; судили старики и присудили, чтобы Петръ помогалъ ежегодно Алексѣю соломою для крыши. Алексѣй подалъ въ волостной судъ; Петръ объяснилъ, что хочетъ имѣть высокія горницы. «Какъ Петръ Кизяевъ желаетъ имѣть горницу выше, то пусть по его желанію и будетъ, а чтобы отъ того не было Алексѣю Кизяеву убытковъ, то и ему онъ, Петръ, пусть такую же высокую крышу сдѣлаетъ или же, если на это не пойдетъ, то пусть по боку пуститъ жолубъ, да по немъ на улицу воду съ крыши и выведетъ. А чтобы оба они, и Петръ и Алексѣй, знали, что на то и старики, чтобы ихъ слушать и безпокойства не дѣлать, а жить добрыми шабрами, какъ то слѣдуетъ, то Петру сдѣлать строгій выговоръ, а Алексѣю дать 10 розогъ, а того наказанія избыть ему тутъ же.»—Иное дѣло, если Богъ подастъ да дерево съ чьей нибудь земли вѣтви на чужую переброситъ, чье дерево тогда, того и плодъ: конечно, можно и сосѣду съ того дерева яблочкомъ попользоваться, однако тоже

---

[1]) Дѣло № 56, іюня 9 1874 года.

всю перевѣсившуюся часть яблони обрывать не годится—за это не похвалятъ. Въ селѣ Атяшевѣ былъ такой случай: одинъ крестьянинъ доказывалъ, что яблоки росли на его сторонѣ; старики спросили его: какъ на дерево взлезаютъ? По стволу, говоритъ. Ну и лезь. Да какъ же я на его дворъ пойду ствола искать—онъ не пуститъ. Ну какъ водится—помирили, а виновнаго все таки постегали [1]). Если плоды ко мнѣ на землю повалятся, тогда я вправѣ ихъ ѣсть, сколько моей душенькѣ угодно, такъ какъ они уже не на деревѣ и мнѣ за ними идти на чужой дворъ не требуется; иной злобливый шаберъ и тутъ судиться станетъ—скажетъ: мои яблоки оборвалъ! такъ тутъ его можно донять червоточиной развѣ, а старики за такую ябеду не похвалятъ, а коли до волости дойдетъ, такъ и постегаютъ.

Мордва какъ то не особенно долюбливаетъ водяныя мельницы и крѣпко держится за хорошія, англійскаго пошиба вѣтрянки, такъ какъ рѣки удачливы, а если вздумается кому нибудь строить мельницу на рѣкѣ и выводить плотину, то тоже это въ одиночку своею волею дѣлать не годится: и у нижнихъ спросить ся надо да и у верхнихъ, такъ какъ отъ запруды и тѣмъ и другимъ могутъ быть убытки; обыкновенно дѣло улаживается на томъ, что мельнику укажутъ границу подтопа и заставятъ платить ежегодныя протори, какъ верхимъ за подтопъ, такъ и нижнимъ за безрыбье и маловодье — однако послѣднимъ поменьше первыхъ. Въ послѣднее время стали этимъ заниматься купцы, а потому и слышатся уже жалобы, такъ какъ говорятъ о подкупахъ и т. п. неблаговидностяхъ. Да и плотину строй тоже, спросившись, такъ какъ противубережный хозяинъ можетъ и не позволить примыкать плотину къ его берегу опять таки изъ за подтопа; коли найдется такой озорникъ, то старики непремѣнно присудятъ плотину раскопать и воду пустить по старому, да еще и оштрафуютъ. Тутъ опять таки до волости дѣло не доводятъ, такъ какъ оно само по себѣ слишкомъ ясно и достаточно 3 — 5 человѣкъ стариковъ, чтобы установить вполнѣ безапелляціонное для обоихъ сторонъ рѣшеніе.

Дорога, а также и межа Божья, а что Божье—то предоставлено

---

[1]) Атяшево, № 102, сентября 12 1871 года.

на пользованіе всему міру и одинъ человѣкъ не въ правѣ заказывать то, что сдѣлано на общую потребу. Въ силу подобнаго воззрѣнія на дѣло, Мордва полагаетъ, что проѣздъ и проходъ по дорогамъ и межамъ доступенъ для всѣхъ и каждаго—пусть только добрый хозяинъ на поворотахъ да въ узкихъ мѣстахъ ямочки понароетъ, чтобы въ хлѣбъ не заѣзжали. Въ распутицу и непремѣнно таки съ дороги съѣхать придется, такъ какъ по ней проѣзду нѣтъ отъ грязи; ну ужъ въ этихъ случаяхъ держи путевой человѣкъ по межѣ, поѣзжай съ оглядкою и никто ему слова не скажетъ, такъ какъ всякій пойметъ, что не слѣдъ же ему губить животину. Что касается до водопоя, стойла, и прогона, то тутъ дѣло прямо вершится по согласу и никакихъ особенныхъ правъ и обязанностей не установлено; не виноватъ же тотъ, кому Богъ воды не далъ, и дѣло шаберское—подѣлиться; иной за все это беретъ что нибудь деньгами или припасомъ, а иной и безъ всякихъ денегъ дозволяетъ, такъ какъ съ прогона, водопоя и стойла (гдѣ скотина стоитъ въ жаръ, когда она ѣсть не можетъ) весь навозъ принадлежитъ ему, а это тоже въ хозяйствѣ годится. Что касается до входнаго права въ лѣса, то тутъ нѣтъ общаго правила, а такъ какъ помѣщики почти повсемѣстно ухитрились отрѣзать себѣ лѣса, то рѣдко гдѣ можно найти лѣсъ, принадлежащій крестьянскому обществу; въ этихъ послѣднихъ право входа по грибы, ягоды, валежникъ существуетъ въ полной мѣрѣ, а чтобы захватить сухоподстой, то на это требуется разрѣшеніе стариковъ, такъ какъ это большихъ денегъ стоитъ. Въ господскихъ лѣсахъ кое гдѣ дозволяютъ собирать ягоды и грибы безпошлинно-безданно, гдѣ берутъ третью коробью, а гдѣ и вовсе не дозволяютъ. Изъ за этого идутъ у Мордвы постоянные споры и пререканія, такъ какъ она никакъ понять не можетъ, какой разсчетъ давать гнить грибамъ и ягодамъ лучше, нежели позволить ими крещеному попользоваться; дѣлать нечего, кое гдѣ стали обществомъ скупать право входа на ягоду и грибъ, такъ какъ послѣдній (груздь и подгруздь) даетъ очень хорошій заработокъ промышленному Мордвину, который никогда не удовольствуется своимъ землепашествомъ и всегда найдетъ какое нибудь иное прибыльное дѣло. Ни валежника, ни травы въ господскихъ лѣсахъ не трогай и бортей въ нихъ не ставь, такъ какъ за это станутъ таскать въ волость, а волость и рада бы рѣшить дѣло

въ пользу Мордвина, потому что тоже не можетъ понять, что руководитъ собакою, лежащею на сѣнѣ, но не можетъ, такъ какъ довѣренный такъ въ законъ пальцемъ и тычетъ; иное дѣло лѣсъ общественный—тутъ запрета нѣтъ, только не захватывай много, а дай и другому поживиться отъ Божьяго куска. Само собою разумѣется, что всѣ эти охраны барской собственности все же не всегда приводятъ къ цѣли и на свой страхъ и рискъ крестьяне изъ Мордвы забѣгаютъ часто въ запретныя мѣста, если только полѣсовщикъ какъ нибудь зазѣвается или же если у нихъ съ нимъ заведены шашни; да, наконецъ, и сами полѣсовщики, какъ ни бьются строгіе господа, никакъ не могутъ проникнуться тою идеею, чтобы никто не смѣлъ брать того, что пропадомъ пропадаетъ иначе. Такъ, напримѣръ, въ мокшанскихъ мѣстностяхъ очень часто установлены такія отношенія между крестьянами и помѣщиками, что первые имѣютъ право прямо таки входить въ барскій лѣсъ только бы не за дровами и притомъ всенепремѣнно напередъ сказавшись, а при выходѣ — показавшись, т. е. уплативши съ собраннаго нѣкоторую табару полѣсовщику, обыкновенно холостяку, которому для домашняго его обихода некому набрать ни ягодокъ, ни грибковъ. У Эрзи дѣло слаживается нѣсколько иначе: за мохомъ, напримѣръ, прямо таки ни одинъ полѣсовщикъ идти не дозволитъ, такъ какъ мохъ то онъ оберетъ, да и оголитъ корень; тогда какъ, съ другой стороны, вѣники дѣлать—ступай себѣ съ Богомъ безъ всякаго запрета. Само собою разумѣется, что прежде, до освобожденія, по словамъ Мордвы, гораздо лучше были порядки, такъ какъ на барскій лѣсъ никакого запрета не было—господа еще не озлобились. На охоту и рыбную ловлю на чужой землѣ смотрятъ господа, а слѣдовательно и ихъ довѣренные, очень разнообразно; иные безусловно запрещаютъ и то и другое какъ въ Эрзянскихъ, такъ и въ Мокшанскихъ мѣстностяхъ, другіе охоту не запрещаютъ, тогда какъ рыбную ловлю строго преслѣдуютъ, увѣряя, что рыболовы топчутъ траву, наконецъ, третьи (но такихъ чрезвычайно мало) дозволяютъ и то и другое подъ условіемъ приноса къ нимъ первымъ добычи, по барскому обычаю, чтобы мужикъ ею поклонился барину, а ужъ онъ тамъ, что другіе платятъ, заплатитъ или скажетъ: мнѣ не нужно. Коли безъ позволенія промышляешь, да поймаютъ, такъ отберутъ и ружье и сѣти, а иной очень ужъ усердный блюститель отберетъ и торбу съ

хлѣбомъ и припасомъ охотничьимъ. Между собою Мордва не запрещаетъ другъ другу промысла въ чужомъ лѣсу и въ чужой водѣ, такъ какъ полагаетъ, что добыча ни мха, ни ягодъ, ни грибовъ, ни птицы и рыбы Божіей не раззоритъ человѣка, только бы дѣлалось это все съ разумомъ, а не зря, чтобы досталось и на домохозяина и другихъ добрыхъ людей, которымъ тоже ѣсть пить хочется.

Пользованіе чужою собственностью, напримѣръ, лошадью, телѣгою и т. п. допускается, если хозяинъ остается неизвѣстенъ, притомъ до той самой поры, какъ онъ объявится; никакого вознагражденія за это не полагается, такъ какъ и лошадь въ это время кормилась, и телѣга чинилась; на присталой лошади хоть годъ цѣлый ѣзди— до хозяина, а какъ объявился хозяинъ—отдавай. Въ случаѣ общественной ли нужды, выражающейся напримѣръ въ пожарѣ, наводненіи, но иногда и въ пріѣздѣ исправника, можно за спѣшностью прихватить чужую лошадь и телѣгу, не сказавшись, но все это съ непремѣннымъ условіемъ телѣгу не ломать и лошадь не загонять; иногда можно взять ихъ по своей собственной нуждѣ, когда некогда своихъ искать и дѣло спѣшное: тутъ уже конечно, еще осторожнѣе быть надо, такъ какъ мірская бѣда—бѣда, а своя бѣда— полбѣды (*«шабертнень осаль — осаль, а моньтсень осаль — кафтува осаль»*).

Случаи общаго владѣнія довольно ограничены среди Мордвы и намъ случалось лишь видѣть подобное владѣніе колодцами, банями, кое какими заводиками, мельницами и у Мокши часто «дегтегонами» и «смолосидными»; тутъ въ этихъ случаяхъ раздѣлъ самый простой: и работа и польза раскладываются совершенно поровну, а дѣтская часть (въ дегтярномъ дѣлѣ) идетъ за $^1/_2$ полнаго пая, какъ работы, такъ и барышей На одномъ изъ такихъ заводиковъ (щепнаго товара) намъ пришлось застать слѣдующій разсчетъ: только что вернулись возчики изъ Саратова, гдѣ они прекрасно расторговались посудою, такъ что приходилось дѣлить 384 рубля; къ разсчету представлено было $164^2/_3$ дня; тотчасъ же разочли, что $^1/_3$ рабочаго дня дала 77 к., такъ что Алексѣй Братцевъ получилъ за 24 своихъ, за 23 жениныхъ и за 12 сыновнихъ—55 р. 44 к., 35 р. 42 к. и 9 р. 24 к., а всего 100 р. 10 к. На заводѣ тутъ работало 4 семьи шабровъ, которые, будучи поселены среди лѣса, не имѣли

возможности жить хлѣбопашествомъ. Только по Мокшѣ да по Сурѣ случалось намъ встрѣчать шабровые невода, которые, какъ и всѣ общія вещи, носятъ названіе «*марсякс*» (вмѣстное). Эрзя успѣла уже утерять это подходящее словечко и оно снова встрѣчается только по мѣрѣ удаленія отъ Нижняго, тамъ, напримѣръ, гдѣ Эрзя близко столкнулась съ Мокшею, а также и на новыхъ мѣстахъ, на Волгѣ, гдѣ мы успѣли записать это слово, какъ разъ таки для невода, у Царскаго кургана, близь Семейкина. Распоряжаются такою общею вещью всѣ, но все же и тутъ одинъ верховодитъ съ согласа всѣхъ остальныхъ вслѣдствіе своей большей опытности и умѣнья; никто его верховодой не назначаетъ, а случается это какъ то само собой, «tacitu consensu», и затѣмъ уже рѣшаютъ, удаченъ ли оказался верховода въ дѣлѣ или нѣтъ. Каждый изъ совладѣльцевъ можетъ пользоваться и самъ по себѣ общею вещью, подъ тѣмъ однако непремѣннымъ условіемъ, что бы въ это время на нее не претендовали бы другіе вмѣстники «*марсяфтэ*», такъ какъ въ такомъ случаѣ онъ тотчасъ же долженъ предоставить марсяксъ въ пользованіе всѣмъ вмѣстникамъ. Если одинъ воспользуется общею вещью, то добытокъ отъ невода не цѣликомъ поступаетъ въ его собственность, такъ какъ $^1/_3$ часть онъ долженъ предоставить остальнымъ вмѣстникамъ, а это дѣлается въ томъ разсчетѣ, что отъ лишняго употребленія неводъ рвется, такъ чтобы не было обидно впослѣдствіи остальнымъ чинить его. Когда получится добыча, то каждый вмѣстникъ имѣетъ право продать отдѣльно свою часть добытка, но прежде онъ обязанъ заявить объ этомъ своимъ сотоварищамъ, которые имѣютъ преимущественное право покупки и затѣмъ уже, если они откажутся, онъ можетъ продать на сторону; однако, такихъ отстальцевъ не особенно долюбливаютъ и всячески стараются оттереть ихъ отъ общаго дѣла, уплативши имъ стоимость ихъ пая въ марсяксѣ. Бываетъ случайно, что плодовое дерево выростетъ какъ разъ на межѣ, между владѣніями двухъ владѣльцевъ; тогда, если владѣльцы живутъ между собою дружно, то плодами оба пользуются наравнѣ, но если заспорятъ, такъ кто сажалъ — того дерево; простыя деревья дѣлятъ такимъ образомъ, что сѣкутъ, приноравливаясь, чтобы оно упало по срединѣ межи, а затѣмъ, такъ какъ прямо оно никогда не ляжетъ, то и разбираютъ, въ чью сторону корень смотритъ; рубка производится третьимъ лицомъ изъ

шабровъ, причемъ, въ качествѣ присяги въ вѣрности, онъ кладетъ себѣ на голову топоръ остріемъ и говоритъ: «пусть я тѣмъ деревомъ буду, если солгу» (*«улылксылень тяксь шуфтаксь, вась кафкяндэрэнь»*)! [1])

Изстари завелся у Мордвы такой порядокъ, что общими покосами и лугами пользуются двояко: или прямо дѣлять на дѣлянки, если не надѣются на сохраненіе добраго согласія, или же траву скосятъ на заказномъ мѣстѣ и потомъ раздѣлятъ по душамъ, а тамъ уже вмѣстяхъ и скотину пустятъ; на луга тоже пускаютъ скотъ вмѣстяхъ до первой свады, а коли кому не понравится, такъ сейчасъ и предложатъ выдѣлить ему дѣлянку, на которую смутьянъ, конечно, не пойдетъ, такъ какъ на своей дѣлянкѣ онъ скотину поморитъ, и слѣдовательно образумится и перестанетъ смутьянить. Озерами и рѣками пользуются сообща, т. е. ловятъ рыбу всѣ по одиночкѣ, причемъ однако строго воспрещается: лученье рыбы, отрава, заставы и мелкоячейныя сѣти.

Мордва чрезвычайно тонко умѣетъ отличить дѣйствительно незавѣдомое завладѣніе чужою вещью отъ недобросовѣстнаго и виновникъ въ послѣднемъ пользуется всеобщимъ презрѣніемъ; кромѣ того. при добросовѣстномъ завладѣніи никакихъ послѣдствій для завладѣвшаго не бываетъ, кромѣ отдачи вещи хозяину, а кто недобросовѣстно завладѣлъ вещью, тотъ подвергается предварительнымъ побоямъ, да кромѣ того еще и волостному суду, который за такую продѣлку не поскупится на березовую кашу, которую, не въ примѣръ прочимъ, помимо писаннаго закона и отпуститъ въ чрезвычайно усиленной дозѣ. Если кто нибудь посѣетъ на чужой землѣ по недосмотру, то бѣда его, такъ какъ не въ обычаѣ Мордвы, чтобы дѣлить грѣхъ пополамъ: гляди въ оба, знай мѣты! сѣмена непремѣнно отдадутъ, а иной, подобрѣе, такъ пожалуй и трудъ высчитаетъ, но на послѣднее правила нѣтъ и все зависитъ отъ доброй воли. Такого обычая, чтобы добросовѣстно завладѣвшій чужимъ имуществомъ по прошествіи извѣстнаго срока получалъ на него право собственности, рѣшительно нѣтъ у Мордвы и когда бы хозяинъ ни явился съ ясными доказательствами, что вещь принадлежитъ ему, онъ получаетъ ее безспорно. При нась въ Семейкинѣ

[1]) Мамалая, Васильчиковъ.

былъ примѣръ возврата лошади, находившейся у нашего хозяина въ теченіи 8 лѣтъ; 8 лѣтъ тому назадъ она пропала въ Бугурусланскомъ уѣздѣ, но старый хозяинъ узналъ ее по мѣтамъ, ими же доказалъ старикамъ, что лошадь его, и старики постановили: возвратить лошадь прежнему хозяину; рѣшительно никакой давности владѣнія Мордва не признаетъ, такъ какъ считаетъ самый фактъ владѣнія собственностью, даромъ боговъ. Бываютъ, конечно, и среди Мордвы такіе люди, которые добромъ не захотятъ вернуть чужую собственность и въ этомъ случаѣ народъ обрѣтается въ полномъ невѣдѣніи того закона, который воспрещаетъ самоуправство относительно имущества, находящагося въ чужомъ владѣніи, хотя бы и незаконномъ. Повелось такъ, что если ты увѣренъ, что вещь твоя, да еще и доказать это можешь, то прямо иди и бери и въ такомъ только случаѣ дѣло до стариковъ доводи, если встрѣтишь сопротивленіе, но въ томъ то и дѣло, что такое сопротивленіе встрѣчается чрезвычайно рѣдко.

ДОГОВОРЫ.

Мы говорили уже выше о томъ значеніи, которое придается Мордвою слову; прибавимъ теперь еще, что выраженія «честное слово» Мордва не имѣетъ, потому что иного не знаетъ и всѣ очень удивлялись, когда мы предлагали имъ вопросъ: «считаетъ ли Мордва за грѣхъ или за стыдъ неисполненіе даннаго слова?» Намъ говорили, что, конечно, попадаются такіе люди, но они на счету и никогда никто не позоветъ ихъ для рѣшенія какого нибудь дѣла и всѣ будутъ косо смотрѣть на нихъ, если имъ вздумается прійти на сходку стариковъ». Человѣкъ вокругъ слова тоже, что ворота вокругъ вереи: крутятся, а не срываются — вотъ какъ думаетъ Мордва (*«Ломань пшкадомантсз перьть соньтсз—мезз ортадювентсз перьть: пурдаи, а афз-мэнаи»*) и полагаетъ, что человѣкъ, измѣнившій своему слову хотя одинъ разъ въ жизни, въ другой разъ не можетъ уже отвѣчать за то, что устоитъ противъ искушенія.

Вся суть въ томъ, по коренному убѣжденію Мордвы, чтобы не обнадеживать человѣка, а ужъ если сказалъ слово—исполни (*«азыстъ валтсынь пишкидкз»!*,) и никакого извиненія получить отъ людей не

жди, если обманешь; хотя бы даже и не по своей волѣ человѣкъ не выполнилъ своего слова, то и въ такомъ случаѣ дѣло сосѣдей разобрать, насколько онъ старался его выполнить. Договоръ, всякій, хотя и словесный, такъ какъ иныхъ Мордва не знаетъ, — святое дѣло, такъ какъ при всякомъ договорѣ договаривающіеся произносятъ чрезвычайно важную въ ихъ глазахъ формулу: «Богъ насъ связалъ—пусть онъ насъ и развяжетъ» (*«Шкай тердедамазь — и тердедазамазь»*), причемъ связываются поясами другъ съ другомъ, а въ одномъ мѣстѣ выдергиваютъ у себя по два волоса изъ головы и сплетаютъ ихъ вмѣстѣ [1]). Кстати сложилась по этому поводу еще и другая пословица, но на этотъ разъ уже Эрзи, которая утверждаетъ, что «на договорѣ крѣпокъ—въ бѣдѣ не быть» (*алтавкштень віеви — ватшомоштень арась*). Договоръ вообще всякій называется *«алтавксъ»*, что собственно говоря значитъ — обѣтъ, а договоръ, сопровождающійся вышеупомянутымъ заклинаніемъ, носитъ названіе *«пульфэ»*—связь, союзъ.

По всѣмъ вѣроятіямъ, Мордва съ давнихъ поръ имѣла слова для обозначенія всякаго рода договоровъ; такъ, напримѣръ, Мордва знаетъ договоръ *«преасьезга»*—головою, ручательство головою, который состоялъ въ томъ же займѣ, но съ кабалою, а быть можетъ и со смертью въ случаѣ неуплаты, слѣдовательно—залогъ; *«сиведьма»* — съемка, наемка; *«туйкама»*—собственно: подачка, а затѣмъ — заемъ; *«преасьпитнэ»* — собственно: цѣна головы или, по нынѣшнимъ понятіямъ, отступное. Слышали мы также очень любопытное названіе «задатка», которое звучитъ *«кенджэ»*, что слово въ слово значитъ—ноготь; [2]) въ другихъ мѣстахъ вошло уже въ употребленіе слово *«ингелэ»*, что значитъ — передовое. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заемъ называется *кэпидинь*, а отступное—*«катса»*. Изстари повелось, что всякаго рода договоры не могутъ быть заключаемы когда угодно, а лишь въ такіе дни, которые посвящены высшимъ божествамъ, которые въ силу этого и принуждаются договаривающимися сторонами какъ бы къ санкціонированію договора, къ его закрѣпленію и соблюденію; такими днями у Мордвы считаются: время, соотвѣтствующее приблизительно нашему Егорію или ихнему празднику

---

[1]) Кемешкерь.

[2]) Тотъ же Кемешкерь.

Пиргинэ-Паза и Велъ-ӧзксъ и осенью—Покровъ или день Михаила Архангела, т. е. праздникъ смерти Пургинэ-Паза. Вотъ почему вѣроятно при исправномъ выполненіи договора и принято говорить: «*Пургинэ-Пазэ керякэ*»! т. е. теперь руби громовержецъ—фраза, которая замѣняется иногда другою, а именно: «*Шкай палакэ*»! т. е. солнечный богъ сожги нашъ договоръ, уничтожь его.

Собственно говоря, заключить какой бы то ни было договоръ не долго, но долгое время проходитъ въ предварительномъ обдумываніи его условій и въ переговорахъ объ этихъ условіяхъ: когда все уже оговорено, то заключающіе договоръ клянутся въ вѣрности его выполненія или одною изъ упомянутыхъ выше формулъ, или же еще говоря: «Связались мы кушаками—свяжи насъ, Боже, цѣпями; кто ту цѣпь разрубитъ — чтобы кровь изъ насъ текла», или «какъ волосы наши связаны, такъ и мы связаны; кто волосы развяжетъ—чужую кровь прольетъ» (*сюмнадизэ карксенкетэ—сюлмымизэ, Оцю-Пазэ, цынзеркетэ; кона нетэ цынзерть кери—верь миньсестесь тшудятэ*» и «*кода преапонанькэ сотняфтэ, сенарсэ минтсэ сотняфтэ; кіэ преапонанькэ лихты — иляњь верь валы*»). Формулы эти ясно намекаютъ на кровавый отвѣтъ за невыполненіе договора, но теперь онѣ повторяются народомъ въ качествѣ переживаній, безъ взвѣшиванія чѣмъ именно онѣ угрожаютъ, хотя тѣмъ самымъ значеніе ихъ отнюдь не умаляется. Полагается, конечно, при всякомъ договорѣ и выпить или какъ, Мордва называетъ, «обмыть кровь» (*верь муськамэ*), такъ какъ, какъ объяснялъ мнѣ одинъ Мокшанинъ [1]) «въ стародавнія времена договаривающіяся у себя на шеѣ ставили въ моментъ заключенія договора мѣту того, съ кѣмъ договаривались»; если говорившій это и увлекался, то выдумка довольно остроумна. При договорѣ найма рабочей силы нанимающій кладетъ руку на нанимаемую силу: человѣка, лошадь, быка, даже ударяетъ ихъ и говоритъ: «хочу—ляжешь, хочу—встанешь» (*йоранэ—маташ, йоранэ—кепсятэ*). Во всякомъ случаѣ и при томъ по всей землѣ мордовской, куда бы не занесла судьба Мордвина, онъ не обойдется при заключеніи какого нибудь договора безъ того, чтобы не отрѣзать горбушку отъ ковриги хлѣба, ополамить ее со своимъ содоговаравающимся и не съѣсть этого хлѣба, зарывъ по кусочку каж-

---

[1]) Тихонъ Васильчиковъ въ Мамалаяхъ.

дый въ землю. Бѣда, если по произнесеніи только что приведенныхъ формулъ и съѣденія хлѣба кто нибудь вздумаетъ порушить условія договора: кто кушаками связывался—нутро выйдетъ (грыжа), кто волосами—кровь горломъ пойдетъ, кровью изойдетъ или огнемъ сгоритъ (горячка), а если этого всего не случится, то внутренняя молнія (ударъ) или, по мордовски, «потма йондымъ» убьетъ; для послѣдняго конца достаточно просто ополамить горбушку. «Кровь обмываетъ» тотъ, кто первый предложилъ заключеніе договора, или же во время переговоровъ условливаются въ особину о томъ, на чей счетъ должны быть могарычи; объ этомъ уже спору никогда не бываетъ, такъ какъ кому нибудь да договоръ выгоденъ и тотъ, конечно, уже не постоитъ за какимъ нибудь полтинникомъ, въ который обойдется обмыванье. Кромѣ вышеприведенныхъ формулъ, закрѣпленія заключенныхъ договоровъ существуетъ еще и рукобитье но преимущественно повидимому, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Мордва въ достаточной мѣрѣ руссифицирована; тутъ однако есть и маленькое различіе: при рукобитьѣ мало еще ударить по рукамъ, но во первыхъ, рукобитье совершается обѣими руками вокругъ, затѣмъ слѣдуетъ потрясти другъ другу руки и въ третьихъ — разнимать руки полагается только тогда, когда люди бьются объ закладъ. Когда трудно передать вещь немедленно новому хозяину, то передается часть ея: пригоршня земли, волосъ; иногда, если это возможно, съ нея срѣзается тавро (мѣта) и новый хозяинъ ставитъ уже на нее свою мѣту, но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что символомъ вещи служитъ непремѣнно какая нибудь часть ея, а никакъ не принадлежность, въ родѣ повода при продажѣ лошади и т. п.

По части возраста, сообщающаго правоспособность къ совершенію договоровъ, оба племени Мордвы смотрятъ различно и намъ кажется, что болѣе затронутая, такъ называемою, «культурою», Эрзя вѣрнѣе всего отклонилась отъ стародавняго обычая, по которому полной правоспособности человѣкъ достигаетъ лишь при достиженіи имъ физической возмужалости; такъ, напримѣръ, у Эрзи и всякій малолѣтокъ можетъ войти въ условіе, договоръ, такъ какъ она увѣряетъ, что не въ годахъ дѣло, а въ самой рядѣ; напротивъ того, Мокша полагаетъ, что помѣшать рядиться съ малолѣтнимъ она не можетъ, но если бы впослѣдствіи оказалось, что малолѣтній умышленно втянутъ въ договоръ, что послѣдній былъ прямо заклю-

чемъ во вредъ малолѣтнему, пользуясь его непониманіемъ дѣла, то всѣ невыгодныя послѣдствія договора рушатся стариками; когда же договоръ оказывается заключеннымъ въ пользу малолѣтняго и, наоборотъ, во вредъ взрослому, то онъ непремѣнно долженъ быть выполненъ, такъ какъ попавшійся въ просакъ самъ виноватъ—дуракъ съ дуракомъ взялся. Если случается необходимость, что, впрочемъ, бываетъ крайне рѣдко, ввести въ договоръ личность малолѣтняго, то договариваются обыкновенно съ его родителями или старшими родственниками, которые представляютъ собою интересы и личность малолѣтка. Только договоры, касающіеся земли, повелось облекать въ форму письменную, такъ какъ этого требуетъ законъ, остальные же всѣ совершаются на словахъ и отнюдь соблюдаются не слабѣе документальныхъ. Для крѣпости договора, конечно, не мѣшаетъ призвать и свидѣтелей (*куляфз* — послухъ), въ особенности если дѣло идетъ о деньгахъ, да и еще и о значительныхъ; въ этихъ случаяхъ призываются обыкновенно сосѣди, преимущественно старики, но за нуждою можно взять и не ихъ и даже бабу; число такихъ свидѣтелей, смотря по уваженію, которымъ они пользуются, колеблется между 2 и 5. Роль куляфовъ—отнюдь не санктифирующая договоръ, такъ какъ, по исполненіи символическихъ обрядовъ, онъ уже болѣе не нуждается ни въ какой и ни въ чьей санкціи, но съ той поры «какъ Пургасъ на небо ушелъ» (*шкасто Пургась менели ланьксе йакась*), народъ сталъ слабѣе, завелись споры и свады, стали люди Бога не бояться и чаще и чаще отлынивать отъ выполненія договоровъ; вотъ для этой то цѣли и необходимы бываютъ свидѣтели, такъ какъ если только они есть, то никакого спора быть не можетъ и волей или неволей, а выполнить договоръ приходится.

Существуютъ у Мордвы еще и нѣкоторыя другія средства обезпеченія договоровъ, какъ то: порука (*кедь кединева стыса*—рука за руку), задатокъ (*иньзелз* — переднее), залогъ (*кэмезз* — не отъ *кэме*-сапогъ?) и, наконецъ, изрѣдка, и притомъ въ особенности у Эрзи, неустойка (*керямо* — зарѣзъ, битье). Легкость или трудность обрѣтенія попечителя, само собою разумѣется, находится въ прямой зависимости отъ того, кто именно договаривается; если это люди хорошіе, отъ которыхъ нельзя ожидать, чтобы кто нибудь изъ нихъ отказался со временемъ отъ выполненія принятыхъ на себя обязательствъ, то само собою разумѣется, что такіе люди всегда легко

найдутъ себѣ поручителей, но въ томъ то и бѣда, что для такихъ людей не бываетъ обыкновенно необходимости въ чьемъ нибудь поручительствѣ, а требуютъ послѣдняго именно отъ такихъ людей, въ которыхъ нельзя быть увѣрену; такіе люди, конечно, долго должны искать, пока найдется человѣкъ, который захочетъ добровольно надѣвать на себя обузу поручительства, а обуза эта не малая и практика научаетъ, что «порука — не дождь, подъ дерево не спрячешься [1]) (*кедь кединвастыса афулы висемь—шуфтасала афкекшасакз*). Поручитель или просто лишь присутствуетъ при заключеніи договора, или даетъ въ обезпеченіе бирку со своею мѣтою, или же, наконецъ, отрѣзаетъ ноготь и даетъ его въ подтвержденіе вѣрности выполненія условія. Какъ и вездѣ, въ томъ случаѣ, если бы договоръ остался не выполненнымъ, идетъ въ отвѣтъ поручитель, такъ какъ съ своей стороны обязанъ выполнить то, что не выполнилъ поручникъ. «Порука — спиною платитъ» (*кедь кединвастыса—копырз панды*) говоритъ и Эрзянинъ и Мокшанинъ одинаково и увернуться отъ выполненія договора не представляется никакой возможности; само собою разумѣется, что если условіе заключалось въ отбытіи какой нибудь работы, то съ поручителя ея выполненія требовать не станутъ, такъ какъ доброе, подходящее для него время пропущено, но все же стоимость этой работы почтутъ въ деньги и взыщутъ цѣликомъ съ довѣрчиваго человѣка, а оцѣнка тутъ бываетъ всегда уже выше дѣйствительности, такъ какъ невыполненіе работы въ срокъ непремѣнно должно было повлечь за собою извѣстные протори и убытки. Поручительство—дѣло сосѣдское, а не представляетъ собою предпріятія, оплачиваемаго деньгами; никогда поручитель не намекаетъ даже на вознагражденіе, никогда и ищущій поручителя не подумаетъ предложить денегъ тому, кто соглашается быть по немъ порукою, такъ какъ это значило бы совершенно оскорбить добраго человѣка; повелось уже съизстари, что когда согласится человѣкъ быть по комъ либо порукою, то подносятъ ему водочки, но вотъ и все, чѣмъ обязанъ отблагодарить поручникъ, а коли поручителю извѣстно, что финансовое положеніе его не дозволяетъ ему сдѣлать и этой любезности,

---

[1]) Городищ. уѣздъ. Пичелея, Дарья Евреинова.

то дѣло обходится даже и безъ угощенія, и. лучше того, угощаетъ отъ себя самъ поручитель.

Задатокъ для небогатаго, хотя часто и болѣе состоятельнаго, нежели окрестные русскіе, Мордвина, — вещь не шуточная, такъ какъ все же и въ его хозяйствѣ дорога каждая копейка, которой при промышленномъ духѣ этого народа всегда найдется мѣсто для того, чтобы извлечь изъ нея подобающую выгоду. Значеніе задатка очень велико, такъ какъ если онъ взятъ, то никакой иной договоръ раньше выполненія перваго, невозможенъ. «Задатокъ въ руки — камень на шею» (*ингелъ кедетненесъ — кевъ кыргазынза*), такъ какъ тутъ уже какъ ни вертись, какія бы ни стали дѣлать привлекательныя предложенія, а договоръ выполнить приходится. Все же однако нельзя не замѣтить, что тутъ играетъ огромную роль не столько сумма, выданная въ задатокъ, сколько нравственная обязанность выполнить условія договора; намъ, напримѣръ, случилось разъ услышать, что самъ говорившій съ нами Эрзянинъ-Мордвинъ получилъ отъ наемщика задатку 30 копѣекъ, а нанимался онъ работникомъ на все лѣто и хотя ему предлагали гораздо болѣе выгодныя условія, однако онъ никуда въ иное мѣсто не пошелъ, а остался у перваго наемщика. Впрочемъ взглядъ народа на договоръ до такой степени строгъ, что рѣдко даже случается, чтобы кто нибудь другой рѣшился предложить человѣку, разъ уже взявшему задатокъ, вновь такой же; подбивать на отказъ отъ прежде взятаго задатка равняется оскорбленію, да и въ самомъ предлагающемъ подобное дѣло не выказываетъ особенно высокую степень нравственности. Задатокъ всегда дается хозяиномъ, такъ какъ иначе это будетъ уже не ингелъ, а кэмезъ, т. е. залогъ. Выгоды особенной отъ полученія или отъ дачи задатка никакой не представляется, такъ какъ задатокъ есть вещь второстепенная, охотно даже не практикуемая и обходимая, при чемъ старики иначе не относятся къ задаткамъ, какъ къ чему то доказывающему нѣкоторую порчу нравовъ и потребность разныхъ обезпеченій тамъ, гдѣ, собственно говоря, достаточно одного слова. По части возврата задатковъ Эрзя и Мокша значительно различествуютъ во взглядахъ; у Эрзи, напримѣръ, вѣроятно при помощи весьма значительнаго русскаго вліянія, задатокъ началъ пріобрѣтать значеніе или дѣйствительнаго и единственнаго обезпеченія выполненія договора,

а потому здѣсь онъ и выше всегда по суммѣ, или же какого то подобія на возвышеніе и пониженіе, причемъ стали проявляться стремленія возвратить задатокъ, если выполненіе договора невыгодно и увеличить его сумму на всякій случай про неравенъ часъ. Все же однако и здѣсь еще не дошло до того, что самъ нанимающійся можетъ по своей волѣ вернуть задатокъ во всякое время; для нарушенія всякаго договора, обезпеченнаго задаткомъ, требуется всенепремѣнно согласіе хозяина-нанимателя или покупателя, причемъ кое когда ему предлагаютъ цѣликомъ возвратить задатокъ, а кое когда всего лишь половину (*синдемо* — переломъ); въ виду того, что сумма задатку здѣсь уже, какъ мы сказали, бываетъ очень значительна, то наемщику бываетъ выгодно даже и это послѣднее условіе, хотя, само собою разумѣется, что человѣка, предложившаго «синдемо», будутъ впередъ уже обходить и вступать съ нимъ въ какія либо договоры лишь по нуждѣ, когда будетъ некуда сунуться въ иное мѣсто. У Мокши если же будетъ такой грѣхъ, то нарушающій договоръ идетъ къ выдавшему задатокъ виниться (несетъ руку — «*кедыпь канни*»); здѣсь онъ объясняетъ тѣ причины, по которымъ онъ не въ состояніи выполнить договора, и почти всегда задаткодатель освобождаетъ его отъ выполненія договора, или какъ говорится, «отдаетъ ему руку» (*кэдыпь максома*); тутъ уже о возвратѣ задатка никакихъ разговоровъ не полагается, такъ какъ если подобный отказъ отъ выполненія договора совершается, то совершается онъ именно вслѣдствіе полнѣйшей невозможности (преимущественно вслѣдствіе постигшаго вдругъ несчастія или раззоренія) его выполнить; если же только представляется хотя малѣйшая возможность выполнить договоръ впослѣдствіи, а главнымъ образомъ возвратить полностью задатокъ, то наемникъ всенепремѣнно такъ и сдѣлаетъ и вступаетъ въ новую ряду, но уже безъ всякаго задатка; такой новый договоръ, въ родѣ нашего: «отработаю, когда смогу», называется «на Божью помощь» (*Шкайнь лезэнэ* — когда Богъ поможетъ). Нигдѣ еще не видано и не слыхано, чтобы писались договоры на задатокъ, да и писать то ихъ некому, а за мѣсто гербовой бумаги Мордва прекраснѣйшимъ образомъ употребляетъ еще и понынѣ свои бирки, по которымъ простой смертный не разберетъ рѣшительно ничего, а они разбираютъ и ведутъ по нимъ крайне запутанную бухгалтерію, которой на этотъ

разъ гораздо болѣе приличествовало бы названіе «штангалтеріи»; намъ самимъ случалось нерѣдко видѣть у старостъ на одной и той же биркѣ или же на связкѣ маленькихъ бирочекъ, причемъ каждая представляетъ собою счета извѣстнаго двора, счета по 8 — 10 различнымъ суммамъ, съ разновременными уплатами, вычетами, подведеніемъ итоговъ и съ возможностью въ данный день вывести наличность и дебетъ; въ этой граматѣ Мордва отнюдь не уступаетъ русскимъ счетоводамъ. Неустойка и размѣръ ея зависитъ отъ ряды, но встрѣчается до сихъ поръ все еще довольно рѣдко, такъ какъ въ ней до сихъ поръ не представляется еще особенной надобности. Что касается до залоговъ, то они бываютъ до чрезвычайности разнообразны; такъ какъ залогомъ можетъ быть все то, что имѣетъ извѣстную цѣну, но изъ особенно интересныхъ вещей, дѣлающихся залогами, слѣдуетъ упомянуть прежде всего: клокъ волосъ, который впослѣдствіи при выполненіи договора служитъ самымъ обезчещивающимъ укоромъ, такъ что сказать Мордвину: у меня твои волосы! значитъ назвать его безчестнымъ человѣкомъ; интересно, что даже на волостномъ судѣ подобный человѣкъ лишается права свидѣтельства, какъ это значится въ одномъ изъ протоколовъ [1]) Иссинскаго волостнаго правленія: «онъ же, Иванъ Мокеевъ, когда позванъ былъ Петръ Кошкинъ, сталъ его отводить и упрекать: у меня-де его волосы, почему Петръ Кошкинъ къ свидѣтельству и не допущенъ». Великое дѣло тоже въ качествѣ залога и лапоть или оборка отъ лаптя; недаромъ же пошла поговорка: «*кемезасы пилгэпашкасы*» (заложился — обезножилъ); по всѣмъ вѣроятіямъ, пословица эта, какъ и обычай, давшій ей начало, народились въ глубокой древности, когда заложившійся или дѣйствительно лишался ноги, или же не могъ уходить никуда до момента выполненія имъ договора. Употребляется также вмѣсто залога и бирка съ вырѣзанною на нею мѣтою, что, какъ намъ кажется, не представляетъ собою лишь простую росписку, а служитъ символомъ самого вошедшаго въ договоръ, тѣмъ болѣе что намъ разсказывали еще объ обычаѣ давать въ качествѣ залога утиральникъ (чѣмъ лицо вытираютъ, когда моются), на которомъ, будто, въ случаѣ неисполне-

---

[1]) Исса, дѣло № 23, 23 февраля 1871 года.

нія договора, отпечатывается лицо виновнаго, а самъ онъ ходитъ уже безъ тѣни (*чилфпашка* — такихъ чилфпашка намъ удавалось и самимъ видѣть; они воображаютъ, что лишились тѣни: это маніаки, причемъ манія всегда является слѣдствіемъ или содѣяннаго преступленія, или же сильнаго душевнаго потрясенія). Что касается до того, чтобы кому нибудь вздумалось, не спросясь, по своей волѣ, послѣ совершенія договора въ обезпеченіе его выполненія, насильственно взять какую либо вещь, то объ этомъ въ Мордвѣ пока еще ничего не слышно, хотя въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она сталкивается съ русскими, подобный обычай и практикуется: Мордва же полагаетъ, что, пока человѣкъ не доказалъ воочію своей неблагонадежности, до тѣхъ поръ никто не имѣетъ права сомнѣваться въ его честности и употреблять насиліе, которому никто не подъищетъ никакого оправданія, а, напротивъ того, которое можетъ возстановить всѣхъ и каждаго противъ такого самовольнаго человѣка и надѣлаетъ ему много вреда, лишивши всеобщаго уваженія.

Когда случается Мордвину закабалиться еще и неустойкою, то она не представляется дѣломъ шуточнымъ, что прямо вытекаетъ изъ народныхъ воззрѣній на необходимость выполненія заключеннаго договора. Обычнѣе всего тотъ случай, что неустойка (*керямо*) равняется половинной цѣнности договора, а это и доказываетъ, что не даромъ Мордва прозвала ее «зарѣзомъ». Эти размѣры неустойки существуютъ одинаково у обоихъ половинъ мордовскаго народа, но взгляды ихъ на сущность неустойки и ея значеніе различны. Эрзя прямо говорила мнѣ, что, накладывая такую высокую неустойку, меня штрафуютъ — «а не то, что я плачу за то, что изубыточилъ, потому ему убытку чуть, а только чтобы впредь умнѣе былъ»; напротивъ того, Мокша, допуская даже уменьшеніе и увеличеніе размѣра неустойки по согласу, стоитъ за то, что неустойкою вознаграждаются убытки, такъ какъ неисполненное въ срокъ обязательство не можетъ не отозваться проторями въ хозяйствѣ нанимателя. Мы говорили уже, что неустойка не только не является необходимостью каждаго договора, но встрѣчается и вообще довольно рѣдко, причемъ при совершеніи договора она всенепремѣнно должна быть оговорена, такъ какъ неустойка налагается только по рядѣ и по согласу и никогда не присуждается крестьянскимъ судомъ, если о

ней не было разговора при самомъ заключеніи договора. Рѣдко, очень рѣдко дѣла о договорахъ достигаютъ волостнаго суда и опять таки чаще всего въ тѣхъ мѣстахъ, куда успѣла уже проникнуть «культурность»; такъ, напримѣръ, въ Темниковскомъ и Кадомскомъ уѣздахъ, въ особенности въ послѣднемъ, гдѣ Мордва прямо и неотлынно называетъ себя «русскими», такія дѣла встрѣчаются очень часто, а, напротивъ того, въ Краснослободскомъ, Инсарскомъ, Княгинискомъ, Кузнецкомъ и Городищенскомъ уѣздахъ, гдѣ Мордва до сихъ поръ еще извѣстна у русскихъ подъ именемъ «ясачной», на волость приходится не свыше 5 — 10 дѣлъ въ годъ. Во первыхъ самое заключеніе договора такъ обставленно, что неисполненіе онаго ведетъ за собою оскорбленіе священныхъ вѣрованій народныхъ, которыхъ народъ и до сихъ поръ еще, по старой памяти, держится, хотя и считается «православнымъ», а во вторыхъ—неисполнившаго договоръ станутъ преслѣдовать всеобщимъ презрѣніемъ, а это наказаніе почище всякаго волостнаго суда будетъ. Понятное дѣло, что разъ уплачена неустойка, не можетъ быть и разговора о какихъ бы то ни было убыткахъ, такъ какъ ради удовлетворенія въ матеріальномъ отношеніи нанимателя и подняты до такой степени самые размѣры неустойки. Иное дѣло—исполненіе самого договора. Иной бы, пожалуй, не отказался уплатить неустойку, да и отгулять тѣмъ самымъ отъ выполненія первоначально заключеннаго договора, но подобные случаи предвидѣлись народною практичностью и для того, чтобы отнять охоту у случайнаго недобросовѣтнаго человѣка, Мордва непремѣнно требуетъ и выполненія самаго договора: «*керямо — керямоксо, алтавксо — алтавксенксо*» (штрафъ—штрафомъ, а ряда—рядою). Почти не бываетъ случаевъ отлынивaнія отъ исполненія взятыхъ на себя обязательствъ и въ этомъ случаѣ, а если бы таковой примѣръ и имѣлъ бы мѣсто, то старики принудятъ артачащагося къ уваженію договора.

Есть у Мордвы и отступное (*сясуванэ ярмакэ*-отрывныя деньги), которое здѣсь даже въ очень большомъ ходу при разнаго рода покупкахъ, принявъ чрезвычайно интересную форму нѣкотораго подобія займа за процентъ. Чаще всего, конечно, отступное взимается и предлагается при куплѣ — продажѣ, но бываетъ и такой случай: представляется возможность пріобрѣсти сходно какой нибудь необходимый для обихода предметъ, но у покупщика въ данный мо-

ментъ не имѣется достаточнаго количества денегъ; тогда онъ обращается къ кому нибудь изъ состоятельныхъ односельчанъ и предлагаетъ слѣдующую сдѣлку: тотъ покупаетъ животное или какую либо вещь, а когда хотѣвшій купить «справится съ дѣлами (черезъ мѣсяцъ, иногда и черезъ два»), то получаетъ въ свое владѣніе и собственность купленную вещь, причемъ платитъ отступнаго отъ 5 до 10 процентовъ съ сотни. Такой договоръ получилъ даже у Мокши и Эрзи особое наименованіе «*афтоподома*», что значитъ «недохватка». Интересно, что если покупаемый предметъ былъ корова, лошадь, то первоначально купившій имѣетъ право пользоваться молокомъ и ихъ работою и обязанъ возвратить лишь приплодъ, если таковой явится въ періодъ владѣнія имъ покупкою. Въ особенности часто подобные договоры заключаютъ на базарахъ въ торговые дни и притомъ именно съ цѣлію воспользоваться приплодомъ отъ хорошей крови.

Изъ самаго уже описанія взглядовъ Мордвы на сущность договора и его значенія явствуетъ съ поразительною очевидностью, что договоръ можетъ быть признанъ несостоявшимся, поконченнымъ только лишь по обоюдному согласію, такъ какъ только обоюдное согласіе можетъ снять клятву добровольно принятую на себя обѣими договаривающимися сторонами. Такихъ случаевъ, чтобы люди обращались къ суду, что то не слышно, да и такое прекращеніе, собственно говоря, никогда не будетъ признано народомъ, если только въ условіяхъ договора или въ обстановкѣ его заключенія нѣтъ чего нибудь, что бы исключало возможность для обѣихъ сторонъ заключать равноправную и равнообдуманную, разумную ряду или согласъ. Судъ, конечно, все можетъ сдѣлать, и мѣшать ему никто не станетъ, но человѣкъ, отказавшійся отъ выполненія договора при помощи суда, точно также долженъ потерять свою тѣнь, какъ и всякій другой, кто просто, по своей личной волѣ, не выполнилъ условій договора. Иное дѣло, если договоръ былъ заключенъ съ человѣкомъ, находившимся въ опьяненіи, въ неполномъ разумѣ или въ такихъ обстоятельствахъ, которыя могли ввести его въ ошибку по части выгодности для него договора; зачастую случалось намъ видѣть въ протоколахъ волостныхъ судовъ обычную формулу прекращенія обязательности условій договора: «а такъ какъ онъ..... въ ту пору былъ выпивши» и всеобщее презрѣніе обраща-

лось всегда на того человѣка, который воспользовался съ корыстною цѣлію состояніемъ невмѣняемости, въ которомъ находилась другая договаривавшаяся сторона. Вообще, въ противность воззрѣніямъ писаннаго закона, народъ признаетъ опьяненіе состояніемъ полной невмѣняемости и приравниваетъ пьянаго къ безумному. «*Комлэнэ—афэ йону*» [1]) (хмѣльный—безумный), говоритъ Мокшанинъ и полагаетъ, что всякій договоръ, заключенный съ такимъ человѣкомъ, всегда можно нарушить; Эрзя говоритъ, что «*комоля афэ улы прэвe*» [2]) (хмѣль—не умъ) и тоже признаетъ несостоятельность и недобросовѣстность договора съ пьянымъ, считая подобный договоръ какъ бы не имѣвшимъ вовсе мѣста. Еще хуже и грѣшнѣе обидѣть неразумнымъ договоромъ малолѣтка, дитя не разумное, которое находится подъ особеннымъ покровительствомъ Ведынь - азыравы и Инешке-паза; тутъ даже не требуется никакого суда и достаточно, чтобы узнали о существованіи подобнаго договора старики—шабры, которые своею собственною властью могутъ порушить эту вопіющую несправедливость. Человѣкъ, пошедшій на мошеннический договоръ съ пьяными, малолѣтнимъ несмысленочкомъ и съ малоумнымъ считается во всемъ околодкѣ за отъявленнаго негодяя, такъ какъ «онъ хуже разбойника: этотъ трезваго глушитъ, а тотъ неразумнаго». Можно впрочемъ, даже и переговоривъ объ условіяхъ, порушить договоръ, до того момента, когда договаривающіяся стороны связываются клятвою и молитвою; дальнѣйшія обряды только усиливаютъ значеніе принятыхъ на себя ими обязательствъ, но не представляютъ собою такихъ моментовъ, которые имѣли бы рѣшающее окончательное вліяніе на непреложность договора. Рушится обязательность договора еще и въ томъ случаѣ, если одна изъ сторонъ будетъ посѣщена какимъ нибудь выходящимъ изъ ряда вонъ несчастіемъ, которое лишитъ ее возможности свято и нерушимо выполнить всѣ взятыя ею на себя обязательства; къ числу такихъ невзгодъ относятся: полный неурожай, градобитіе, выморъ пчелы, смерть и т. п. Въ этихъ случаяхъ договоръ не исполняется или въ какой нибудь части своей или же во всей своей цѣлости и невыполненное по договору прямо вычитается изъ условленной платы.

[1]) Хвалынскъ, Лебежайка, Наталья Ананьева.

[2]) Арзамаск. уѣз., Кардавеле, Θедоръ Ильцовъ.

Точно также договоръ считается невыполненнымъ bona fide, когда одна изъ договаривающихся сторонъ «неосилитъ» условій договора, употребивъ однако всѣ зависящія отъ нея мѣры къ добросовѣстному его исполненію. Въ Иссѣ, напримѣръ, намъ случалось наблюдать такой примѣръ: крестьянинъ Павелъ Пандямовъ (Муравьевъ) подрядился у мѣстнаго-цѣловальника съ осени 1875 года посѣять и убрать 2½ десятины тридцатной мѣры озимаго хлѣба; при заключеніи условія Павелъ Пандямовъ имѣлъ 2 лошади и 2 сыновей, взрослыхъ работниковъ при двухъ же бабахъ; зимою 1875—76 годовъ оба сына Павла умерли отъ горячки (*потьма йондылг*) и одна лошадь околѣла. Тѣмъ не менѣе Павелъ не отказывался отъ выполненія принятыхъ имъ на себя обязательствъ и выѣхалъ на работу, причемъ однако ни одной работы окончить не успѣвалъ «за малолюдствомъ и безконностью». Цѣловальникъ нанялъ ему въ помощь работника, но осенью подалъ въ волость жалобу, требуя проторей и убытковъ. «Видя рачительность Павла Пандямова и что не въ силахъ онъ былъ по волѣ Всевышняго, а не по своему охальству, Кузьмѣ Дрягину съ нимъ тягаться перестать, денегъ не требовать, а увидать бы, что человѣкъ изъ силъ выбился» [1]). Все же, какъ ни строго относится Мордва къ невыполненію условій договора, она не признаетъ личнаго взысканія съ виновнаго въ нарушеніи условія; онъ обязанъ возвратить все то, что было взято имъ впередъ подъ договоръ, но, если человѣкъ не выполнилъ договора, то, по понятіямъ Мордвы, онъ «или такой дурной человѣкъ, что его уже розгами да арестой ни выправишь», или же такой, что почему либо не могъ дѣйствительно выполнить принятыхъ на себя въ лучшія времена обязательствъ,—а такого и подавно наказывать и не за что и не за чѣмъ.

Строго разграничить собственно договоръ купли—продажи отъ мѣны почти является невозможнымъ, такъ какъ и то и другое юридическо-экономическое дѣйствіе называется безразлично: *полафтама*, что, собственно говоря, представляетъ продуктъ дѣйствія глагола *полафтанг* — я мѣняю, обмѣниваю. Мордва не видитъ рѣшительно никакой разницы между мѣною вещей на вещи и мѣною вещей на вещь общецѣнную или деньги, которыя у нихъ подраздѣляются

---

[1]) Исса, дѣло № 132, окт. 26 1876 года.

на два совершенно отличныя разряда: «*видстэнэ ярмакъ*» и «*кеньели ярмакъ*» (настоящія и фальшивыя деньги), причемъ подъ первымъ наименованіемъ они понимаютъ золото и старое серебро, а подъ вторымъ—новую серебряную, размѣнную монету и депозитки; видя, что бумажный рубль своей постоянной цѣны не имѣетъ, они не признаютъ его вещью общецѣнною, а золотомъ съ ними не разсчитываются. Сама по себѣ и купля-продажа можетъ быть двоякая: она можетъ быть совершена на вѣчныя времена и только лишь на время; разница между этими двумя договорами такова, что при помощи перваго пріобрѣтается полное право собственности, тогда какъ второй—лишь право болѣе или менѣе продолжительнаго владѣнія. Кромѣ того, Мордва умѣетъ различать между собою дѣйствительную продажу, запродажу и поставку. При посредствѣ купли—продажи нельзя, по мнѣнію Мордвы, пріобрѣсть (*раманъ*) право собственности на будущую, фиктивную въ данную минуту, вещь, такъ какъ тогда не можетъ быть и *рамафъ*, т. е. дѣйствительнаго пріобрѣтенія; затѣмъ всѣмъ на Мордвѣ извѣстна пословица «*осалъ* (или озалъ) *полафты йурга и потьмаса*» (бѣда продаетъ на корню и въ утробѣ), а это прямо доказываетъ, что такія продажи нерѣдки; наконецъ, существуютъ и особыя названія для различныхъ видовъ договора купли—продажи: *полафтамо ркманэ*, запродажа или «*мійама* (иначе *пиньвэ полафтамо*) и, наконецъ, «*ускснянэ*» (вытащенное) или поставка, иначе называемая еще и «*утсяскава полафтамо*» (т. е. продажа на счастье). Уже изъ этихъ чрезвычайно характерныхъ названій видно, что именно понимаетъ Мордва подъ этими различными видами договора купли—продажи; первый договоръ есть дѣйствительная купля—продажа со всѣми ея признаками, составомъ и послѣдствіями, такъ какъ, по заключеніи такого договора, вещь тотчасъ же переходитъ въ собственность новаго собственника и онъ «пріобрѣтаетъ» ее, что и обозначается прилагательнымъ «раманэ»; «мійама» соотвѣтствуетъ запродажѣ и значитъ, собственно, предшествующее условіе, такъ какъ когда я заключаю и другой какой либо договоръ, то прежде я «мійанъ», т. е. условливаюсь, что совершу то то и то то въ такой то срокъ; наконецъ, «ускснянэ», характерно указываетъ на отличительный признакъ подобныхъ договоровъ, а именно «вырвать, урвать» у счастья, на которое прямо уже намекаетъ самое послѣднее Эрзянское названіе этого договора —

«*утсяскава полафтамо*» или мѣна на счастье, въ отличіе отъ «*виньвэ полафтамо*» или мѣна на время, не въ томъ смыслѣ, что этимъ договоромъ право собственности передается на время, а въ томъ, что окончательный договоръ будетъ заключенъ по истеченіи извѣстнаго времени.

Мы сказали уже выше, что у Мордвы не имѣется всего ряда символовъ передачи права собственности, которые мы можемъ наблюдать у русскаго населенія; такъ, напримѣръ, Мордва считаетъ не только не мыслимымъ, что бы образа переносили вмѣстѣ съ домомъ къ новому собственнику, но удивляется даже, какимъ образомъ можно вообще продать образъ. Съ другой стороны, Мордва вовсе не прочь символизировать собственность при передачѣ другому лицу права на нее, но при этомъ ставится то непремѣнное условіе, чтобы въ качествѣ символа употреблялась всенепремѣнно неотъемлемая часть передаваемаго имущества; такъ, напримѣръ: клокъ шерсти съ барана, лошади, коровы и т. д. Кромѣ того, такъ какъ у Мордвы фактъ наложенія руки, видимо, прообразуетъ собою фактъ овладѣнія, то всѣ эти символическія передачи и не могутъ въ мордовскомъ юридическомъ быту играть такой важной роли, какую они играютъ въ русскомъ быту; рѣдко случается, чтобы пріобрѣтающій право собственности былъ въ далекомъ разстояніи отъ пріобрѣтаемаго имъ въ собственность предмета, а потому и не приходится такъ часто символизировать, и наложеніе руки происходитъ непосредственно на самый продаваемый предметъ. Почему то, когда мы говорили объ уздечкѣ, какъ символѣ права собственности на лошадь, намъ отвѣчали всегда, что это цыганское повѣрье и ухватка, и острили дальше на эту тему, говоря, что въ такомъ случаѣ отчего же не отдавать всего стойла, когда продана корова? Условія относительно размѣра уплаты стоимости вещи, а такъ же и времени уплаты бываютъ чрезвычайно различны и вполнѣ зависятъ отъ согласа и ряды, которые, какъ можно видѣть изъ всего предъидущаго, играютъ огромную роль въ юридическомъ быту Мордвы; уплата можетъ быть или цѣликомъ отсрочена до извѣстнаго момента, или разсрочена на нѣсколько сроковъ и притомъ каждый разъ размѣръ можетъ быть увеличенъ или уменьшенъ, смотря по удобствамъ покупателя и продавца. Едва лишь является уплата за вещь натурою, какъ

купля—продажа уступаетъ мѣсто чистому договору мѣны, который существуетъ у Мордвы и даже чрезвычайно развитъ у этого народа; въ особенности часто приходится встрѣчать мѣну случайную, бездоговорную (предварительно необдуманную) *«полафтамо сельме а пешкеди»* [1]) — т. е. мѣну на завидущій глазъ. Эта мѣна случается на ярмаркахъ, на большой дорогѣ, на улицѣ; мѣняются по преимуществу лошадьми, но часто и чѣмъ либо другимъ, какъ, напримѣръ, бортями; подобная мѣна бортями и ульями подъ названіемъ *«полафтама севрменеңъ»* [2]) — мѣны на гулъ; участвующіе въ этомъ рискованномъ дѣлѣ стоятъ вдвоемъ возлѣ улья и стараются не издать ни одного звука; рискующій мѣняться внимательно прислушивается къ гукоту пчелы (*ухурама* отъ глаг. *ухуранъ* — гудѣть) и по интенсивности его рѣшаетъ сколько въ немъ пчелы и что можетъ улей стоить. Впрочемъ, при этомъ есть еще одно обстоятельство, которое вліяетъ на мѣну; оба мѣняющіеся стоятъ, конечно, возлѣ ульевъ безъ сѣтокъ и затѣмъ, если хоть одна пчела ужалитъ своего будущаго собственника, то договоръ считается несостоявшимся. Чаще всего такая мѣна происходитъ изъ за того, что данные ульи пришлись не ко двору хозяину и онъ желаетъ попробовать счастья на новыхъ, которые могутъ и облюбить его. Въ тотъ моментъ, когда происходитъ самый торгъ и разговоръ объ условіяхъ купли—продажи, считается совершенно неподходящимъ вмѣшиваться въ неоконченное дѣло третьему лицу; «двѣ собаки снюхались» — говоритъ Мордва — «третью укусятъ» (*кафта пинэтъ жиксязъ—колмытсесь порйяхтъ*) [3]) но, когда договоръ уже заключенъ, никто не мѣшаетъ человѣку, пришедшему съ добрыми намѣреніями и съумѣвшему воздержаться на время отъ вмѣшательства, предложить новый договоръ на отступное; случаи эти очень часто попадаются въ мордовской жизни въ особенности при мѣнѣ на завидущій глазъ, такъ какъ всякій Мордвинъ большой охотникъ на этого рода рискъ. Къ числу пословицъ, относящихся именно къ договору купли — продажи, кромѣ вышеприведенныхъ, слѣдуетъ еще отнести и слѣдующія: *«Полафты — срякъ паро!»* (продалъ —

---

[1]) Городищ., Катмисъ, Елена Гордѣева.

[2]) Ibidem.

[3]) Городищ., Пичилен, Дарья Гордѣева.

прощай); — *Иля петикя—афв улатанокв вирось!»* (не рѣжь — мы не въ лѣсу); — *«Полафтемсв — Оцюпазти молемсв»* (торговать — Богу молиться); — *«Лвзеломань — шайтанненв ойменв полафты»* (барышникъ чорту душу продалъ); теперь мокшанскія: *Полафтай— тяшв аварьда!»* (продалъ—не плачь); *«Питнэ оляса тевв»* (цѣна— вольное дѣло) и наконецъ: *«Васькафтаньдэрэлетв—афылетв козагада!»* (если бы ты обманулъ—не нажилъ бы). Изъ этого ряда мордовскихъ пословицъ для насъ становится совершенно ясенъ взглядъ этого народа на куплю—продажу вообще, которая, видимо, считается находящеюся подъ покровительствомъ Боговъ, на что указываютъ и сопровождающіе заключеніе этого договора обряды; тутъ же видимъ мы, до какой степени не расположена Мордва къ сильному запросу, и въ особенности, если онъ дѣлается, когда продавцу ясно, что покупщику вещь необходима; съ другой стороны, возвышеніе цѣны, не выходящее изъ ряда вонъ и при томъ сдѣланное не при видѣ неминучей нужды покупателя считается дѣломъ свободнаго согласія и сговора; наконецъ, мы видимъ изъ тѣхъ же пословицъ, что обманъ и барышничество возбуждаютъ въ мордовскомъ народѣ полное отвращеніе, которое сквозитъ и въ мордовскомъ повѣрьѣ, что Шайтанъ дѣйствительно съ цѣлію испортить людей—Божіе созданіе—наслалъ на нихъ барышниковъ и деньги.

По всей землѣ мордовской не приходилось ни разу слышать намъ о существованіи обычая продажи дома старыми людьми съ условіемъ, чтобы покупатель содержалъ ихъ, кормилъ и поилъ до смерти; такой случай немыслимъ, такъ какъ всегда найдутся хотя бы и дальніе, но все же наслѣдники, которые, правда, возьмутъ у старика его домъ, но и позаботятся о его содержаніи вплоть до гробовой доски. По увѣренію Мордвы настаютъ и въ скоромъ времени окончательно наступятъ такія дѣла, что отецъ у себя въ дому— не отецъ, а чужой, такъ что же бы онъ дѣлалъ у чужихъ людей (*аляне кудсынза—иляно*).

Въ быту своемъ Мордва употребляетъ мѣры, которыя употребляются и русскими, и своихъ особенныхъ мѣръ не имѣетъ, хотя въ глухихъ мѣстахъ и идетъ счетъ разстояній на семисотенныя версты.

Чаще всего договоръ купли—продажи совершается словесно, но если дѣло идетъ о землѣ или объ избѣ, то необходимость застав-

вляетъ прибѣгать къ бумагѣ, которая и составляется про такой случай въ волости. Тутъ опытъ успѣлъ уже показать Мордвѣ, что безъ «дукамена» не обойдешься и что закону мало слова старыхъ людей, а требуется бумага, отъ которой въ иныхъ случаяхъ народъ такъ тщательно открещивается. Повелось однако и на письменномъ договорѣ подписать 2 — 3 свидѣтелямъ, которые, по мнѣнію народному, никогда дѣла не испортятъ, а на неровенъ часъ еще и пригодиться могутъ; «умъ хорошъ», говоритъ Мокшанинъ,— «а глаза да уши лучше» (*префъ—мазы, а сильмэтъ да пилэтъ сяда мазы*) и прибавляетъ: «*префъ нэйи менельсъ, а сильмэтъ да пилэтъ—перфка*» [1]) (умъ смотритъ въ небо, а глаза и уши—по сторонамъ). При составленіи письменнаго условія требуется и еще одна формальность, которая появилась, впрочемъ, на Мордвѣ очень недавно; а именно покупщикъ, уплачивая деньги, требуетъ непремѣнно, чтобы до заключенія форменнаго договора въ волости продавецъ представилъ ему страховой полисъ на домъ; видно горькій опытъ научилъ народъ этой уловкѣ. Всѣ споры между продавцами и покупателями разрѣшаются обыкновенно, не доводя дѣло до суда, своими стариками, слово которыхъ играетъ и здѣсъ огромную роль и никакихъ другихъ для рѣшенія подобныхъ споровъ касательно, напримѣръ, качества или цѣны проданнаго имущества, не полагается, при чемъ даже и сельскія власти, если являются таковыми свидѣтелями, то отнюдь не въ качествѣ представителей власти, а въ качествѣ простыхъ, заурядныхъ шабровъ, какъ и всѣ остальные.

Какъ только условныя формулы сказаны и рукобитье выполнено, такъ поворота уже нѣтъ и самая передача купленнаго въ руки покупщика является дѣломъ второстепеннымъ, такъ какъ купленный предметъ можетъ находиться даже за нѣсколько десятковъ верстъ отъ мѣста заключенія договора, причемъ ряда идетъ уже ясно на согласѣ, bona fide. Но тутъ то вотъ и бываетъ бѣда! Кажется, все сдѣлано и покупка на дворѣ и все бы должно идти отлично, да какъ придется и иной разъ дорогую сотенную покупку приходится отдавать чуть ли не «за ради Бога возьми!», а во всемъ этомъ виноватъ «кардась — сярко», хорошій, добрый божокъ, а только своенравный, и если не угодитъ ему чѣмъ бы то ни было

---

[1]) Краснослоб., Шингарино, Степанъ Атяшкинъ.

самъ ли хозяинъ, а то иногда и скотина неразумная, осерчаетъ и проку не жди. Что кому «ко двору»! Иногда кардась-сярко вдругъ, ни съ того ни съ сего, сивыхъ коней не взлюбитъ, какъ это и было у отца разскащика въ Мамалаевѣ; ну бился человѣкъ, бился — взялъ да и перевелъ всѣхъ сивыхъ коней, причемъ послѣднюю сивую лошадь за гривенникъ продалъ..... Перевелъ да съ озондамъ-паломъ пришелъ къ жилищу кардась-сярки, положилъ, какъ и подобаетъ поклонъ, закопалъ озондамъ его въ норку и выговорилъ «полюби гнѣдыхъ!», купилъ пару гнѣдыхъ коней и тѣла то нѣтъ и красы то никакой, а какъ посмотрѣли черезъ мѣсяцъ, такъ и узнать нельзя, какая въ нихъ красота да сила сказалась. Иной разъ чудить онъ начинаетъ: заставитъ курицу пѣтухомъ кричать, а пѣтуха — квохтать; тутъ добра не жди; какъ семь разъ это случится, такъ гробъ и готовь подъ семейскаго покойника — всѣхъ лучше рѣжь скорѣй и отнюдь не ѣшь, а къ нему снеси на умилостивленіе. Не любитъ онъ еще лошадей двужильныхъ и коли у коровы рогъ сшибленъ—отъ двужильной лошади на дворѣ 12 коней сгаснетъ, а отъ такой коровы молока настоящаго никогда не дождешься. Понятное дѣло, что если съ кардась-сяркою жить въ мирѣ и держать его въ почетѣ, такъ тогда что ни купи — все ко двору будетъ и все пойдетъ такому хозяину впрокъ.

Мы говорили уже выше объ обезпеченіяхъ договора купли—продажи задаткомъ и неустойкою. Задатокъ или «ингелъ» чаще всего употребляется въ этихъ случаяхъ, причемъ дается онъ покупщикомъ, а никакъ не продавцомъ. Дается иногда нѣчто въ родѣ задатка лишь при договорѣ личнаго найма, но и здѣсь вѣдь продавцомъ своего труда является работникъ, т. е. нанимающійся, а хозяинъ—покупателемъ. Такихъ обычаевъ, чтобы, какъ у русскихъ, продавецъ давалъ задатокъ при продажѣ имъ скотины, что то не слышно. Если проданная вещь окажется на повѣрку обманною или никуда негодною, то само собою разумѣется, что тутъ уже дѣло не обойдется безъ свады и раздора, рѣшеніе которыхъ зависитъ отъ того, гдѣ мы будемъ искать этого рѣшенія, у Эрзи или у Мокши. Эрзя опять такъ выдается своею большею цивилизаціею, выражающеюся, какъ намъ не разъ случалось видѣть, въ меньшей строгости нравовъ; тутъ, обыкновенно, бываетъ такъ, что купившій уже не можетъ отказаться отъ купленнаго, такъ какъ народъ увѣряетъ,

что «*полафтомонь сильметъ икеле, арась улы ектъ*» (у покупки глаза спереди, а не сзади), т. е. гляди сначала, когда покупаешь, такъ какъ на то и глаза даны. Иначе взглянула на дѣло Мокша и въ этомъ случаѣ покупатель, правда, лишается задатка, но вовсе не обязанъ брать никуда негодную ему вещь. Въ тѣхъ случаяхъ, когда покупщикъ по какимъ бы то ни было причинамъ (не bona fide) не уплатитъ въ срокъ покупной суммы, обыкновенно договоръ считается несостоявшимся, но уплаченный имъ задатокъ ему не возвращается; напротивъ, отказъ добросовѣстный, какъ мы видѣли, не влечетъ за собою подобныхъ непріятныхъ послѣдствій и все идетъ по согласу.

Интересно, что родственники, хотя бы и самые близкіе, никакихъ особенныхъ правъ передъ остальными шабрами не имѣютъ и Мордва удивлялась существованію права перекупа; конечно, всякій родственникъ можетъ перекупить вещь тутъ же на базарѣ предложивши отступнаго, но чтобы онъ могъ, обязательно для только что купившаго ее, взять вещь по той же цѣнѣ, то это у Мордвы не дѣлается, что несомнѣнно указываетъ опять таки на отсутствіе понятій родоваго права у этого народа.

Что касается до мѣны недвижимыми имуществами, то объ таковыхъ слышать не приводилось; у Эрзи, напримѣръ, она считается даже дѣломъ вполнѣ невозможнымъ вслѣдствіе вообще бумажности всякихъ дѣлъ съ недвижимыми имуществами, тогда какъ у Мокши существуетъ подобная мѣна, но только здѣсь не передается право собственности и право владѣнія и притомъ на болѣе или менѣе продолжительные сроки; такъ, напримѣръ, у Мокши въ большомъ ходу мѣна сѣнокосами, дѣлянками полей и угодьями, причемъ условливаются на 3,7 и 14 лѣтъ даже, но при этомъ право собственности остается ненарушимымъ. Чаще всего подобная мѣна происходитъ вслѣдствіе относительныхъ удобствъ обработки; если, напримѣръ, извѣстная дѣлянка лежитъ далеко отъ того села, гдѣ живетъ ея хозяинъ, а не подалеку отъ нея живетъ иной человѣкъ, дѣлянка котораго тоже расположена для него неудобно; подобные случаи могутъ быть очень часты, если мы припомнимъ только условія удовлетворенія крестьянъ надѣломъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ живетъ Мордва, и престранныя очертанія казенныхъ надѣловъ. Мѣна движимымъ имуществомъ совершается крайне охотно, чуть

не каждый день, но чтобы можно было резюмировать способы заключенія этихъ сдѣлокъ, то это является совершенно немыслимымъ, по причинѣ чрезвычайнаго разнообразія ихъ условій; тутъ все рѣшительно зависитъ отъ согласа: то мѣна идетъ голова въ голову, то требуется надбавка или придача и т. п. Никакихъ регламентовъ, хотя бы и коренящихся только въ общемъ обычаѣ, Мордва для этогѣ рода сдѣлокъ не придумала, такъ какъ предоставляетъ мѣну на полную волю договаривающихся сторонъ; иное дѣло, если впослѣдствіи будетъ доказано, что мѣна совершилась недобросовѣстно, тогда старики могутъ вступиться въ дѣло по заявленію пострадавшей стороны, но до той поры все это дѣло только лишь въ волѣ и рукахъ обѣихъ договаривающихся сторонъ, которыя и ставятъ себѣ какія имъ угодно условія и облекаютъ договоръ въ какую имъ угодно форму.

Имущественный наемъ довольно часто встрѣчается у Мордвы, съ тою лишь разницею, что Эрзя не признаетъ почему то пользы найма скотины изъ за работы, молока и приплода и дѣлаетъ это, повидимому, скорѣе всего вслѣдствіе меньшей своей обезпеченности и большей обдѣленности землею. Напротивъ того, арендованіе (въ языкѣ все тоже «*полафтама*») пахатныхъ, сѣнокосныхъ и отчасти пастбищныхъ земель случается очень часто и притомъ вездѣ, во всѣхъ мѣстахъ, населенныхъ Мордвою; не менѣе часто можно встрѣтить наемъ дома для открытія лавки, кабака или промышленнаго заведенія, причемъ страховку зданія неизмѣнно беретъ на себя наниматель; снимаютъ также и рѣки подъ рыбную ловлю, выкормку къ Рождеству птицы и выстройку мельницы, снимаютъ сады и огороды, послѣдніе чаще всего подъ посѣвъ бахчи и табаку, которымъ на югѣ охотно занимаются Мордовки. Само собою разумѣется, что съемка рѣки подъ мельницу или подъ выкормку птицы зависитъ не отъ одного лица, а испрашивается на этотъ случай разрѣшеніе всего сельскаго общества, которое, впрочемъ, всегда охотно идетъ на такую сдѣлку, понимая на сколько она выгодна для общесельскихъ интересовъ. Въ послѣднее время общества вообще стали больше входить въ договоры о наймѣ, заключаемые ихъ членами, и притомъ съ тою цѣлію, чтобы не пустить къ себѣ въ качествѣ съемщика такого человѣка, который можетъ сдѣлать селенію какой нибудь вредъ; прежде чѣмъ впускать напримѣръ бахчевника—мѣща-

нива, стали подсылать въ городъ своихъ стариковъ на развѣдки, а большею частью обзавелись постоянными мѣщанами съемщиками, помимо которыхъ не происходитъ ни одна сдача; Мордва всегда охотнѣе сдаетъ землю такому излюбленному человѣку, хотя тотъ за эту обезпеченность долгимъ знакомствомъ и урѣзываетъ арендную плату. Земля подъ бахчи и табакъ, сады и городы обыкновенно сдаются съ выговоромъ и Мордва охотно сдѣлаетъ уступку въ цѣнѣ, только былъ бы выговоръ: такъ, напримѣръ, въ Лебежайкѣ Хвалынскаго уѣзда мѣщанинъ Носковъ разсказывалъ намъ, что у него чуть дѣло съемки не разошлось (а дѣло выгодное) изъ за того, что хозяева требовали дозволенія «ѣсть досыта», и онъ соглашался, но ставилъ непремѣнную прибавку и оговорку — «падалицу»; дѣло однако сладилось. У Мокши повелось сдавать въ аренду и скотину. Такъ, напримѣръ, очень часто нанимаются лошади на развозку въ дальніе города дегтя, смолы и щепеннаго товара; сдаются коровы изъ за скота, а если есть особый договоръ, то и изъ за приплода; тутъ же сдаются и пчельники, но всегда на годъ и притомъ съ обозначеніемъ точнаго количества и качества (вѣса) роевъ. Условія относительно срока найма, цѣны, сроковъ уплаты, правъ и обязанностей хозяина и наемщика, правилъ пользованія арендованнымъ имуществомъ, отвѣтственности за ущербъ, передѣлку, порчу, пропажу имущества и т. п. до такой степени разнообразны и находятся въ зависимости отъ личныхъ желаній договаривающихся, что суммировать ихъ не представляется никакой возможности, хотя мы и скажемъ нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ особенностяхъ, вытекающихъ изъ этого рода договоровъ. Такъ, напримѣръ, нанимаютъ корову на одинъ и два потёла (*вазама*); коней для извоза на срокъ никогда не нанимаютъ, а уговариваются глухо: «съѣздить съ товаромъ въ Царицынъ», а то и еще глуше «объѣхать Низу, а можетъ и Казачину». Срокъ уплаты или назначается съ чрезвычайною точностью или, наоборотъ, оговаривается неопредѣленно: «какъ Богъ благословитъ», или «какъ расторгуюсь». Права и обязанности хозяина и наемщика не требуютъ особаго уговора, по той простой причинѣ, что они издавна укоренились въ народныхъ обычаяхъ и составляютъ дѣло вполнѣ общеизвѣстное; интереснаго въ этихъ правахъ и обязанностяхъ развѣ только постановленія, касающіяся возврата вещи невредимою; предполагается, напримѣръ, что наемщикъ

не имѣетъ права бить нанятое животное и мы знаемъ, напримѣръ, нѣсколько случаевъ о возвратѣ наемной скотины потребованію то хозяина, а то и стариковъ, вслѣдствіе дурнаго съ нею обращенія. Что касается до предметовъ, то они ни въ какомъ случаѣ не должны въ рукахъ нанимателя измѣнить своего внѣшняго вида, если только это не дѣлается съ благою цѣлію соблюсти предметъ отъ порчи; за всякій ущербъ въ нанятомъ имуществѣ наемщикъ обязанъ платить проторы и убытки, но если ему удастся доказать, что этотъ ущербъ произошелъ не по его винѣ и въ противность его строгому надзору, то отвѣтственность съ него снимается, какъ въ этомъ мы могли убѣдиться изъ приговора волостнаго суда [1]) въ с. Кемешкеръ, гдѣ значится: «а такъ какъ оная кобыла пала отъ воли Божіей по грозѣ и отъ стрѣлы небесной, то за нее ему, Аѳиму Кобозеву, въ отвѣтѣ не быть и проторей за исчасъ той кобылы не платить». Иное дѣло, если кто нибудь вздумаетъ придать нанятому предмету иной видъ изъ за личной своей фантазіи, такъ какъ въ этомъ случаѣ, по истеченіи срока найма, онъ обязанъ представить вещь въ томъ же видѣ, а если это невозможно, то уплатить хозяину полную стоимость вещи, оставивъ передѣланную вещь за собою.

Мордва—народъ крайне любящій земледѣліе, а въ большинствѣ случаевъ въ землѣ то и чувствуется недостатокъ; поэтому народъ всячески старается раздобыться какимъ бы то ни было образомъ землею то у окрестныхъ помѣщиковъ, а то и у русскихъ крестьянъ. Подобныя наемки дѣлаются чаще всего изъ втораго снопа (изъ-полу), хотя и бываютъ въ особенно малонадѣльныхъ мѣстностяхъ случаи найма изъ третьяго снопа, на что, напримѣръ, охотно идетъ Эрзя Нижегородскаго, Арзамасскаго и Ардатовскаго уѣзда Нижегородской губерніи, гдѣ аренда очень высока. Нѣчто подобное мы видимъ на заливныхъ лугахъ, по рр. Мокшѣ и Сурѣ, гдѣ Мокша снимаетъ помѣщичьи покосы изъ третьяго пуда, что уже гораздо, впрочемъ, выгоднѣе, такъ какъ эта наемка требуетъ гораздо меньше работы и вовсе не требуетъ сѣмянъ. Случалось намъ нападать и на наемъ коровъ на такихъ условіяхъ: наемщикъ обязуется доставлять хозяину съ коровы 1 или $1^1/_2$ пуда масла и приплодъ, а все

---

[1]) Дѣло № 46, 1871 г. Августа 8. Кемешкеръ, Кузнецкаго уѣзда.

что онъ можетъ получить лишняго идетъ, уже въ его пользу; на эту аферу пускается Мордва, обирая скотину и сосѣднихъ такихъ же, какъ и она, обездоленныхъ крестьянъ, ради того, чтобы скопить побольше навозу, до пользы котораго русскіе крестьяне, словно будто, еще недодумались. Пчельники тоже отдаются изъ-полу, но только никогда Мордвинъ не сдаетъ такимъ образомъ своего пчельника, а нанимаетъ, напротивъ того, пчельникъ у русскаго крестьянина. Если случится, сверхъ чаянія, споръ объ арендной ли платѣ или о другихъ какихъ либо условіяхъ договора, то дѣло никогда не доводится до суда, а рѣшается самими сторонами, иногда обращающимися къ старикамъ, которые рѣшаютъ дѣло безповоротно, такъ какъ условія договора всегда всѣмъ на селѣ извѣстны и каждый домовладѣлецъ на селѣ знаетъ въ точности и цѣну и всѣ подробности всякаго договора, такъ что тайны ни въ какомъ случаѣ соблюсти нельзя. Коли хочешь не возобновлять договора на будущее время, то обыкновенно слѣдуетъ заранѣе заявить объ этомъ хозяину; для движимости достаточно, если такое предупрежденіе будетъ сдѣлано за недѣлю до срока, тогда какъ, если предметомъ найма была земля, то заявка обязательно должна быть сдѣлана за двѣ недѣли до посѣва и за двѣ недѣли до пашни пара, такъ какъ, быть можетъ, у хозяина не имѣется готовыхъ сѣмянъ, да къ тому же приходится или собраться съ силами и самому обработать бывшій въ сдачѣ или же подъискать новаго съемщика и снова отдать ему землю — а на все это нужно время и время. Словесность договора или оформливаніе въ волости зависитъ вполнѣ отъ воли договаривающихся сторонъ, хотя и повелось обычаемъ, что всѣ договоры, объектомъ которыхъ является земля, совершаются письменнымъ, документальнымъ порядкомъ. Въ томъ случаѣ, когда та или другая сторона не исполнитъ условій договора, прежде всего стараются опредѣлить основную причину такого нарушенія слова и если только нарушеніе это являются слѣдствіемъ «Божьей воли», т. е. неотразимаго ни чѣмъ несчастья, моментальнаго обѣднѣнія, смерти рабочихъ силъ и т. п., то нарушеніе договора такому лицу на счетъ не ставится; напротивъ того, если подобное недобросовѣстное отношеніе къданному слову вытекаетъ изъ испорченности одной изъ сторонъ, то принимаются мѣры къ тому, чтобы заставить уклоняющагося выполнить условія во всей ихъ строгости и договоръ

во всемъ объемѣ; само собою разумѣется, что прежде всего старается объ этомъ другая сторона, которая, съ случаѣ неудачи, обращается къ старикамъ, а затѣмъ уже и въ волость; коли окажется, что съ человѣка взять нечего, то обходятся тѣмъ, что посрамятъ и иногда употребятъ и свою расправу—*«тырнафтайхть»*, какъ выражались Мокшане съ улыбочкой, т. е. по нашему «потреплять».

Въ сосѣдскомъ обиходѣ часто случается обращаться къ шабрамъ за временною ссудою на подержаніе того или другаго предмета, но Мордва смотритъ на это дѣло прямо таки даже не какъ на договоръ, а просто лишь какъ на обыденное дѣло. *«Шаберсэть и пэдямо и скалъ весевеленьтъ»* [1]) (въ шабрахъ и подойникъ и корова общіе), говоритъ на этотъ случай Эрзя, а Мокша, съ своей стороны, прибавляетъ крайне убѣдительно, что *«Максафтэрэть — афъ максайхтъ* (если не дашь — не дадутъ) и, кромѣ того, что *«Траксезенъ недякъ есвездытъ и енэлдяфинди»* [2]) (корову дой на себя и на просящаго); изъ этихъ пословицъ можно уже заключить, что Мордва охотно даетъ другимъ на подержаніе вещи, причемъ считаетъ это какъ бы исполненіемъ нѣкотораго долга. Ссудѣ на подержаніе могутъ подлежать предметы самые разнобразные и перечислять ихъ здѣсь невозможно, потому что пришлось бы перечислить всѣ предметы домашняго крестьянскаго обихода, но для насъ гораздо важнѣе то обстоятельство, что самая ссуда всегда бываетъ даровая, а не денежная, такъ что первымъ дѣломъ, если ссуженный захочетъ чѣмъ нибудь отблагодарить ссудившаго, послѣдній заартачится и скажетъ: «далъ — не продалъ« (*максась аныська лафта*); затѣмъ онъ, послѣ нѣкотораго времени, согласится, опять таки «пошаберски», принять угощеніе виномъ или же запросто *«пурэ»* (смѣсь пива и меда). Взять за ссуженную вещь вознагражденіе, кромѣ небольшаго угощенія, считается столь же постыднымъ какъ и барышничать вообще и потому понятнымъ становится смыслъ слышанной нами въ Эрзѣ пословицы, что «въ нуждѣ за руку тащатъ, а не за карманъ» (*сернямосо тарытъ кэдинъ кувалмо, а*

---

[1]) Сарлеи, Нижегор. уѣздъ.

[2]) Мамалаи, Красносл. уѣздъ.

аволь сепене кувалмо)[1]. Въ случаѣ, если взятый на подержаніе обиходный предметъ, а также изрѣдка даже и скотина, подвергнется какому нибудь изъяну или убыли, то вопросъ объ отвѣтственности взявшаго рѣшается опять таки по согласу, очень рѣдко доходя до суда. По большей части, требуется удовлетвореніе хозяина въ полной цѣнѣ ссуды, а оцѣнку эту производитъ самъ хозяинъ, причемъ оцѣнка эта отнюдь не является чѣмъ нибудь безповоротно обязательнымъ для противной стороны, которой предоставляется право, въ случаѣ неудовлетворенности хозяйской оцѣнкою, обратиться къ старикамъ, которые, сообразуясь съ обстоятельствами, установляютъ какъ общіе размѣры убытковъ, такъ и степень отвѣтственности ссудопринимателя. Если порча или убыль вещи случилась помимо небрежности взявшаго ее на подержаніе, то онъ не подвергается никакой отвѣтственности; но если есть въ этомъ его вина, то его всенепремѣнно заставятъ заплатить хозяину то половину, а то и полную стоимость вещи, если только ссудоприниматель не голый бѣднякъ, который и радъ бы отдать, да у него нѣтъ и мѣднаго гроша въ карманѣ.

То за отъѣздомъ, а то и за другимъ какимъ либо недосугомъ повелось въ Мордвѣ отдавать, на время своего отсутствія, нѣкоторое имущество, требующее въ особенности постояннаго ухода, на сохраненіе. Въ условіяхъ и подробностяхъ этого договора Эрзя и Мокша между собою не сходятся. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что подобные случаи попадаются гораздо рѣже среди Эрзи, которая вообще, согласно нашимъ наблюденіямъ, не обладаетъ тѣмъ промышленнымъ духомъ, который съ перваго же дня пребыванія среди Мокши бросается въ глаза; Эрзя, конечно, знаетъ о существованіи подобныхъ юридическихъ дѣйствій, но признаетъ ихъ лишь въ томъ случаѣ, какъ, напримѣръ, безпріютность вещей вслѣдствіе пожара, выморочность имущества и т. п., тогда какъ добровольной поклажи по взаимному соглашенію она почти не признаетъ, такъ какъ лишь по великой нуждѣ оставляетъ свою деревню и слѣдовательно въ поклажѣ не нуждается.

Во всякомъ случаѣ, если и случается въ Эрзянскомъ быту подобная поклажа, то пользованіе отданнымъ на сохраненіе имуще-

[1]) Корсунс. у., Пермисъ, Марья Гудкова.

ствомъ считается хотя и не тяжкимъ преступленіемъ, но проступкомъ, доказывающимъ полную недобросовѣстность человѣка; другое дѣло, если отъ непользованія можетъ произойти вредъ для сохраняемого имущества, какъ, напримѣръ, болѣзнь для недоимой коровы и т. п.; въ этомъ случаѣ, если только не выговорено, чтобы скопы собирались, продавались и хранитель вознаграждался за уходъ за имуществомъ изъ полученной отъ продажи суммы, хранитель имѣетъ право употреблять въ свою пользу удой; шерстью съ овецъ онъ можетъ пользоваться лишь въ томъ случаѣ, если онъ можетъ представить шерсть съ одной стрижки по первому требованію; лошадь употреблять въ ѣзду можно, но, конечно, вполнѣ добросовѣстно, относясь къ ней съ особеннымъ вниманіемъ и бережностью. Тутъ за добросовѣстное сохраненіе въ цѣлости полагается небольшое хотя, но все же вознагражденіе то деньгами, а то и приплодомъ отъ сбереженной скотины или облюбованною хранителемъ вещью; размѣръ этого вознагражденія въ случаѣ личной поклажи зависитъ отъ согласа, а въ случаѣ мірской — отъ приговора стариковъ. Кое на какія вещи ставятся мѣты той семьи, которой принадлежитъ сберегаемое имущество, но, во всякомъ случаѣ, сдѣлка поклажи никогда и ни въ какомъ случаѣ не облекается въ документальную форму, которой избѣгаютъ равно старательно обѣ отрасли Мордовскаго народа. Если существовалъ уговоръ о порчѣ имущества, конечно, добросовѣстной порчѣ, то хранитель подвергается отвѣтственности, но если онъ успѣетъ представить старикамъ доказательства добросовѣстнаго отношенія своего къ чужому имуществу, или же если никакого договора о порчѣ предварительно сдѣлано не было, то дѣло предоставляется волѣ Божіей и отвѣтственности нѣтъ. Нѣсколько иначе обстоитъ это дѣло у Мокши; тутъ поклажа практикуется довольно часто и притомъ по всевозможнымъ поводамъ, въ родѣ отъѣзда въ торгъ, отъѣзда за искомъ новыхъ сележныхъ мѣстъ (въ Томскую въ особенности губернію), ухода на отсидку въ острогъ, простой отлучки изъ мѣстажительства и т. п. Нерѣдко въ этихъ случаяхъ сдается на храненіе и хлѣбъ (*селкэ иньгса*)—изъ за ковша, который полагается за храненіе съ каждой осьмины (½ четверти = 4 четверика), причемъ только за него и полагается вознагражденіе, существованіе котораго Мокша объясняла намъ только промѣромъ и

утечкою, такъ какъ иначе пришлось бы хранителю платиться за храненіе своимъ собственнымъ достояніемъ. Никакого вознагражденія за другую поклажу ни подъ какимъ видомъ не полагается въ томъ случаѣ, если храненіе не представляетъ никакихъ убытковъ для хранителя; ведется подробный бирочный счетъ съѣденному скотиною корму и затѣмъ хранитель вознаграждается за этотъ потравленный кормъ, причемъ, однако, обязанъ представить всю шерсть съ овецъ, весь приплодъ, а также и скопы, за исключеніемъ лишь нѣкотораго количества молока, которымъ полагается ему пользоваться; по возвращеніи хозяина, дѣло, конечно, не обойдется и здѣсь безъ благодарности въ видѣ поднесенія, но это вполнѣ зависитъ отъ воли хозяина. Пришлось намъ видѣть имущество, бывшее на храненіи [1]) въ теченіи двухъ лѣтъ въ силу того, что двое вдовыхъ братьевъ ушли на новыя мѣста искать себѣ земли и по то время не возвращались; узнали мы объ этомъ случаѣ вслѣдствіе того, что Мордвинъ—повозчикъ на просьбу нашу ѣхать скорѣе отвѣчалъ, что не можетъ, такъ какъ у него «лошади чужія» — слово за слово, и мы узнали о вышеуказанномъ случаѣ. Оказалось, что Мокша признаетъ возможнымъ пользоваться имуществомъ, отданнымъ на храненіе, но съ разрѣшенія хозяина и притомъ съ особенною осторожностью, дабы не нанести этому имуществу ущерба и возвратить по первому же требованію въ полной сохранности. Поклажа на храненіе—опять таки дѣло шаберское и никому въ голову не придетъ требовать какого нибудь вознагражденія за храненіе, если только храненіе это ничего не стоитъ хранителю; для этого вовсе не требуется оформливанія въ волости и все дѣло стоитъ на словесномъ договорѣ, а потому и имѣющіе породиться споры, какъ они ни рѣдки, разрѣшаются безповоротно судомъ шабровъ — стариковъ, которые могутъ заставить хранителя вещи, въ случаѣ доказаннаго недобросовѣстнаго храненія, уплатить полную стоимость вещи ея хозяину и, съ другой стороны, освободить хранителя отъ всякой отвѣтственности въ случаѣ добросовѣстнаго съ его стороны храненія.

Заемъ займу рознь; есть заемъ шаберскій, а есть и такой, который ужасенъ по размѣрамъ взимаемыхъ процентовъ; шабер-

[1]) Инсарскій уѣздъ, Исса.

скомъ займѣ, не простирающемся далѣе очень небольшой суммы и притомъ на короткій срокъ, такъ что близко подходитъ къ нашему русскому «сусѣдскому перехвату», мы распространяться не будемъ, такъ какъ тутъ единственное условіе—отдача въ срокъ и неотказъ въ перехватѣ при случаѣ съ своей стороны, а перейдемъ къ займу на болѣе продолжительные сроки,—къ займу несостоятельнаго у богатаго, къ форменному процентному займу—и такъ какъ разницы въ обычаяхъ обоихъ племенъ особенной нѣтъ, то мы и разсмотримъ ихъ воззрѣнія на этотъ договоръ параллельно. Какъ народъ рабочій, Мордва знаетъ цѣну деньгамъ, а какъ народъ предпріимчивый, она цѣнность денегъ повысила до чрезвычайности. Повелось такъ здѣсь, какъ и вездѣ, что деньги въ займы даетъ тотъ, кто живетъ побогаче и успѣлъ скопить капиталъ; такихъ хозяевъ по Мордовскимъ селамъ встрѣтить не рѣдкость и если посчитать, то окажется много людей, обладающихъ капиталомъ до трехъ тысячъ рублей. Мордва умѣетъ однако различить простаго заимодавца отъ ростовщика и, понимая, что деньги родятъ деньги и при мѣстныхъ условіяхъ истраченныя съ умомъ легко могутъ дать 25 (у Эрзи) и 36 (у Мокши) процентовъ — эту то норму и полагаетъ границею между дачею денегъ въ займы и ростовщичествомъ, безъ котораго тоже дѣло не обходится. Ростовщика не любятъ, не считаютъ его человѣкомъ добросовѣстнымъ, но человѣка торгующаго деньгами за громадный по нашимъ воззрѣніямъ, но въ крестьянскомъ быту вполнѣ «христіанскій процентъ», Мордвинъ и не подумаетъ обвинить, такъ какъ такой торговецъ деньгами, если не дастъ денегъ за проценты, пуститъ ихъ въ оборотъ и получитъ тоже самое на меду, хлѣбѣ, ободьяхъ и т. п., такъ какъ простая штука, лапоть съ двойною подковыркою, хорошій мордовскій лапоть, извѣстный на югѣ подъ именемъ «мордвиновскаго» и «пензенскаго», стоитъ на мѣстѣ за сотню паръ—6 руб., а, напримѣръ, въ Бобровѣ, Воронежской губерніи, за пару платятъ 20 коп. Займы совершаются, по большей части, до расторговки хлѣбомъ и медомъ, а человѣку работящему и состоятельному дадутъ охотно и безъ срока; при этомъ проценты никогда не взимаются впередъ и Мордва очень удивлялась, когда мы спрашивали ее объ этомъ, такъ какъ, если вычесть проценты, говорили сказывальщики, то заемъ въ 100 руб. будетъ равняться уже не этой суммѣ,

а 75 и даже 64 руб. и, слѣдовательно, обычно взимаемый процентъ достигнетъ 33,3 и даже 56 ¼ процентовъ, а это было бы уже чистымъ ростовщичествомъ. Отдача долга можетъ быть совершена какъ чистыми деньгами, такъ и хлѣбомъ въ натурѣ, причемъ принимается въ разсчетъ стоящая на рынкѣ цѣна, безъ вычета стоимости доставки или съ вычетомъ, или же, наконецъ, работою, такъ какъ способъ расплаты зависитъ отъ условія, заключаемаго при передачѣ денегъ, отъ добровольнаго согласа между кредиторомъ и должникомъ; тутъ работа ставится въ счетъ опять таки по стоялымъ цѣнамъ, тогда какъ намъ разсказывали, что ростовщики нерѣдко берутъ четверикъ на четверть да на каждую четверть по 5 рабочихъ дней, такъ что при займѣ въ 50 р., при цѣнѣ ржи въ 6 р. за четверть, должникъ уплачиваетъ въ ½ года процентовъ 36 р. 75 к., а на сто рублей въ годъ однихъ процентовъ 147 рублей. И все таки берутъ и на этихъ условіяхъ, когда нужда заставитъ. Чаще всего, какъ мы уже сказали, займы заключаются передъ весною до хлѣба, т. е. на срокъ немного болѣе, а иногда и какъ разъ на полгода, причемъ есть излюбленные дни, къ которымъ и подгоняется уплата долга; такими днями являются: Покровъ, если уславливались отдать долгъ изъ продажи озими и чистый понедѣльникъ, если отдать предполагалось изъ яри. На эту привычку разсчитываться въ эти дни прямо указываютъ записанныя нами у Мокши пословицы; «*Тавадьманши — шуматъ тавади*» (Покровъ день долги покрываетъ) и «*Маникоуши — шуматъ шти*» [1]) (Чистый понедѣльникъ долги очищаетъ); обычная, какъ это явствуетъ изъ поговорки «суббота долги считаетъ», русскимъ расплата по субботамъ не можетъ имѣть мѣста у Мордвы, потому что исконнымъ священнымъ днемъ у нея является пятница. Разъ деньги отданы кому либо на процентное пользованіе, то уже никакихъ залоговъ не полагается, такъ какъ деревенскій мордовскій заемъ представляетъ собою дѣло вѣрное и вполнѣ достаточно обезпеченное нежеланіемъ потерять вслѣдствіе обмана тѣнь, а слѣдовательно и всеобщее довѣріе; Мордва прямо на вопросъ нашъ о залогѣ говоритъ, что это русскій обычай, и не могла намъ объяснить значенія мордовскаго слова, обозначающаго залогъ — *кэмезь*; нѣкоторое указаніе, хотя и далеко не положительно вѣрное, даетъ намъ

[1]) Кемешкеръ Кузнец. уѣздъ.

обычай, соблюдающійся при наемкѣ рабочихъ на уборку хлѣба, гдѣ всѣ подряжающіеся отдаютъ нанимателю въ видѣ залога по сапогу; намъ объясняли, что это дѣлается ради того, чтобы лишить нанимающагося возможности уйти въ другое мѣсто и быть безотлучно у нанявшаго разъ хозяина (*кэме*—сапогъ), но опять таки повторяемъ, что это объясненіе не вполнѣ достовѣрно, тѣмъ болѣе что мы слышали его отъ очень ловкаго и хитраго человѣка, который, быть можетъ, просто хотѣлъ играть намъ въ руку. Совершенно безъ процентовъ займовъ почти что не бываетъ вслѣдствіе вышеобъясненной дороговизны денегъ, за исключеніемъ развѣ краткосрочныхъ шаберскихъ перехватовъ. Взгляды народа на ростовщиковъ мы уже передали выше, а теперь скажемъ лишь, что въ добросовѣстной торговлѣ деньгами Мордва рѣшительно не видитъ никакого грѣха, но въ то же время нуждающемуся, т. е. бѣдняку всегда даетъ денегъ безъ всякихъ процентовъ или же, какъ выражаются здѣсь, «*стеава*»—на подъемъ, причемъ возврата, въ этомъ случаѣ, конечно, уже съ процентами, ожидаютъ очень долго, до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не поправится обстоятельствами, не станетъ на ноги; въ виду этого обычая давать «стеава» мордовская торговля деньгами и со стороны не представляетъ ровно ничего предосудительнаго, производясь чаще всего между людьми, если и не совсѣмъ равными между собою по состоянію, все же не между богачемъ и бѣднякомъ; эксплуатація при этомъ рѣшительно никакой не бываетъ, такъ какъ процентъ идетъ по согласу, а согласъ этотъ основывается не на безъисходной нуждѣ, а на желаніи человѣка расширить въ данный моментъ свою дѣятельность при неимѣніи однако на это собственныхъ своихъ средствъ. При такомъ положеніи дѣла самая продажа имущества должника за долгъ не представляется до такой степени отталкивающею, такъ какъ ясно, что если долгъ не отданъ во время, то это могло произойти или вслѣдствіе какого либо несчастія, которое ни въ какомъ случаѣ не влечетъ за собою продажу имущества, а какъ бы обязуетъ кредитора вступить въ добровольное соглашеніе съ должникомъ о способахъ уплаты лежащаго на немъ долга (*ваймэ* — передышка) работою или же инымъ какимъ либо способомъ,—или же вслѣдствіе недобросовѣстности должника, которая несомнѣнно должна быть наказана. Когда попадается именно подобный недобросовѣстный должникъ, то, само собою разумѣется,

съ нимъ кредиторъ добромъ ничего не подѣлаетъ, да не особенно послушаетъ онъ и стариковъ, такъ какъ это человѣкъ безъ стыда, а потому въ этомъ случаѣ поневолѣ приходится обращаться въ волость, которая обыкновенно никакихъ документальныхъ доказательствъ существованія долга не требуетъ, а довольствуется спросомъ шабровъ, посѣчетъ недобросовѣстнаго должника за ослушаніе стариковъ, если послѣдніе совѣтовали ему войти въ соглашеніе съ заимодавцемъ, и приступаетъ къ продажѣ его имущества, которое и достается обыкновенно потерпѣвшему, имѣющему преимущественное право покупки передъ всѣми остальными покупателями. Эрзя полагаетъ совершенно немыслимымъ требовать отдачу долга раньше наступленія уговорнаго срока, да оно и понятно, такъ какъ это племя почти всѣ займы свои дѣлаетъ на усиленіе посѣвовъ и, слѣдовательно, только по уборкѣ, т. е. въ моментъ лишь наступленія срока, является возможность разсчитаться съ долгомъ; иначе стоитъ дѣло у Мокши, которая кромѣ земледѣльческихъ предпріятій имѣетъ въ виду и другія уже чисто промышленнаго пошиба, а потому и невидитъ причины, почему бы и не вернуть занятыя деньги раньше срока, если только дѣло, на которое совершенъ былъ заемъ окончено и должникъ успѣлъ расторговаться. Обыкновенно кредиторъ предлагаетъ отдать ему деньги по той или другой причинѣ; должникъ можетъ согласиться на это предложеніе или же требовать строгаго выполненія условія; если онъ соглашается немедленно выплатить деньги, то тутъ же на биркѣ дѣлается разсчетъ времени и проценты за неистекшее время вычитаются, причемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлается еще и 10% скидки со всей суммы процентовъ. Въ случаѣ, если бы захотѣлъ самъ должникъ разсчитаться до срока, то было бы особенною милостью со стороны кредитора вычесть проценты, такъ какъ по установившемуся обычаю онъ имѣетъ право требовать уплаты процентовъ полностью по той простой причинѣ, что онъ могъ бы пустить эту сумму въ оборотъ и она принесла бы ему такой же, если только еще не большій процентъ. Всѣ дѣла по займамъ до сихъ поръ велись на словахъ при свидѣтеляхъ и только съ очень недавняго времени стали входить въ употребленіе (да и то въ Нижегородской губерніи и въ сѣверной части Симбирской) росписки, которыя свидѣтельствуются въ волости; въ большомъ ходу были еще бирки, которыя впрочемъ

врядъ ли когда нибудь имѣли значеніе долговыхъ обязательствъ, такъ какъ подобное значеніе ихъ совершенно излишие при существованіи свидѣтельскаго удостовѣренія, а дѣлались, по всѣмъ вѣроятіямъ, лишь для памяти. Для примѣра приводимъ бирку Ивана Журавлева, которую мы получили отъ него въ с. Адашевѣ Инсарскаго уѣзда. (Знаки, изображенныя на этой биркѣ, смотри на таблицѣ).

Читается эта мудреная бирка слѣдующимъ образомъ: *Ива Карганв—пильэ сявань кафта—сяттв—рупельњкень мартынв коунв* (сбоку) *комсв колмо шинв* (опять въ ряду) *вехксанв коунень велксысв—максома кафта — сяттв сисиемень кафта рупельнень*, т. е. Иванъ Журавлевъ взялъ двѣсти рублей, марта мѣсяца (сбоку) двадцать третьяго дня (опять въ ряду) на девять мѣсяцевъ впередъ,—заплатить двѣстисемьдесять два рубля. По этой биркѣ заплачено было однако всего лишь 243 руб. 20 коп., такъ какъ заимодавецъ Филиппъ Эртовъ пожелалъ получить деньги свои по прошествіи шести мѣсяцевъ, почему и было изъ 272 руб. вычтено 24 рубля процентовъ, да 10°/₀ остающихся процентовъ или 4 руб. 80 коп., а всего 28 руб. 80 коп. Обыкновенно бирка, по которой деньги уплачены не ломается и не срѣзается, а бросается въ печь, что на этотъ разъ не было выполнено, такъ какъ Иванъ Журавлевъ бралъ эти деньги на сиротское счастье по пасѣчному дѣлу, покупалъ медъ и возилъ его въ Пензу, гдѣ и продалъ съ хорошимъ барышомъ и потому долженъ былъ беречь бирку для отчета предъ стариками въ сиротскихъ дѣлахъ. Когда хотятъ посрамить кого либо тѣмъ, что онъ медлитъ уплатою долга, что впрочемъ случается очень рѣдко, то говорятъ: «*о! кадатэ тештсѣ—сьорманв пашка*»! т. е. берегись! я тебя оставлю безъ мѣты, причемъ заимодавецъ собирается срѣзать передовую и заднюю мѣты; а такъ какъ мы знаемъ уже значеніе мѣты, то поэтому понятно, какая сильная угроза заключается въ этихъ словахъ; отсюда и пошли выраженія: «*максась нечкавимы пашка! максась вейкень нечкавынв ланьга! максась кавтонв нечкавынв ланьга*»*!* т. е. отдалъ безъ рѣза, отдалъ по первому рѣзу и отдалъ по второму рѣзу. Плохой однако тотъ человѣкъ, который довелъ себя до стыда выслушать первое предостереженіе о срѣзѣ мѣты, такъ какъ ему не только никто и никогда не повѣритъ болѣе денегъ, но его будутъ даже обходить въ случаѣ необходимости собрать шабровъ—кулявынъ или пóслуховъ.

Что касается до договора личнаго найма, то Мордва признаетъ два рода подобныхъ договоровъ, причемъ дѣленіе это основывается на количествѣ объектовъ договора; если одинъ человѣкъ договаривается выполнить ту или другую работу, то такой договоръ называется *«сиведема»*—наемка, тогда какъ если за какую нибудь работу берутся нѣсколько лицъ на тѣхъ или другихъ условіяхъ, про это уже *«преаса—сявамо»*—подрядъ (собственно — наборъ). — Есть еще разница и въ свойствахъ отвѣтственности, вытекающей изъ полнаго или частнаго невыполненія договоровъ этихъ, такъ какъ въ наймѣ единственнымъ отвѣтчикомъ является нанимающееся лицо, тогда какъ за невыполненіе договора подряда отвѣчаютъ всѣ подрядившіеся и притомъ всѣ совершенно въ равной степени; тутъ то именно и можно наблюдать одну крайне интересную черту удовлетворенія нанимателя, а именно, въ случаѣ неисправнаго выполненія договора и заявленія убытковъ, приступаютъ къ продажѣ у одного изъ подрядившихся по жребію чего нибудь изъ скотины или иного имущества для уплаты проторей; если этого мало, то продаютъ у другого, по возможности, такой же точно предметъ и идутъ такимъ образомъ далѣе, пока не уплатится долгъ сполна. Положимъ теперь, что подрядившихся было семеро; продано по коровѣ у двоихъ; остальные пятеро уплачиваютъ приходящіяся на ихъ части деньги уже тѣмъ, чьи коровы были проданы и, такимъ образомъ, терпятъ отъ безвременной продажи только двое, а не всѣ. Но и при этихъ условіяхъ не особенно весело попасть подъ жребій, а потому жребій у Мордвы и считается чѣмъ то въ родѣ священнодѣйствія, такъ что передъ метаньемъ жребія вынимается со всѣми не разъ уже описанными обрядами озондамъ-палъ и всѣ участники ѣдятъ его по кусочку. Передъ вырѣзаніемъ озондамъ-пала читается молитва: «Шкай, оцю Шкай! видыптакъ минъ афъ-выликсъ»! (Шкай, великій Шкай! суди насъ правдиво!), затѣмъ всѣ становятся въ кружокъ, причемъ кому нибудь изъ стариковъ ранѣе образованія круга завязываютъ глаза и ставятъ его посреди образующагося круга; онъ четыре раза кланяется на всѣ четыре стороны, поднявъ руки вверхъ, а затѣмъ, дотрогиваясь поочередно до груди стоящихъ вокругъ него, говоритъ:

Келивэ маривэ,—На широкомъ морѣ,
Тюжавэ кевгэ — На желтомъ камнѣ

Уиндай Шкай: — Плаваетъ Шкай.
Уиндай вырхтафъ, — Плаваетъ сожигающій
Уиндай, шерхкайзъ, — Плаваетъ, покачиваясь,
Шарсяи Ши-Шкайсъ. — Разъѣзжаетъ Солнце—Богъ.
Йоралксылъ Шкай — Захотѣлъ Шкай
Визыптама видыптанъ, — Судъ судить,
Вала валдыптанъ, — Свѣтъ освѣтить,
Валъ валдындалъ. — Слово возвѣстить.
Сисемъ естіинза — Семерыхъ себѣ
Сисемъ кырдасисе — Семь разъ семь
Терняи кыртафъ, — Зоветъ сожигающій,
Терняи терняндындаи, — Зоветъ — призываетъ;
Тевынъ тіяи. — Дѣло дѣлаетъ.
Куляйхтъ соньтсъ, — Слышатъ его,
Куляйхтъ вырхтавынъ, — Слышатъ сожигающаго,
Курыкста культсындайхтъ. — Скоро слушаются,
Кода терияи толкырдяфъ, — Когда зоветъ огненосецъ,
Кода терняи тернядындаи; — Зоветъ — призываетъ,
Йорама йорамста, — Волю волй,
Йондылетъ йордаи. — Молніи бросаетъ:
Первайсти мэрьгаи: мазы! — Первому говоритъ: хорошо!
Омытсесь марисъ йафыдяи;—Втораго — въ море бросаетъ;
Станэ йорама йораи, — Такъ волю волитъ;
Йорама йорамста, — Волю волй,
Иондылетъ йордаи. — Молніи бросаетъ.
Колмытсести мэрьгаи: мазы! — Третьему говоритъ: хорошо!
Нилетсесь марисъ йафыдян — Четвертаго въ море бросаетъ.
Станэ йорама йораи, — Такъ волю волитъ,
Йорама йорамста, — Волю воля,
Йондылетъ йордаи. — Молніи бросаетъ.
Вететсести мерьгаи: мазы! — Пятому говоритъ: хорошо!
Котытсесь — марисъ йафыдяи — Шестаго — въ море бросаетъ
Станэ йорама йораи, — Такъ волю волитъ,
Йорама йорамста, — Волю волй,
Йондылетъ йордаи. — Молніи бросаетъ.
Сисемтсесь сисемкстъ — Седьмаго семь разъ
Сырхкаи сиваста, — Поднимаетъ за воротъ,

Симындань симдаи — Напиваться подноситъ —
Соньтсъ — естіэнза сяваи [1]). — Себѣ самому беретъ. —

Это хотя и очень длинное метанье жребія представляетъ громадный интересъ, такъ какъ въ немъ несомнѣнно сохранились черты глубочайшей древности, которыя замѣтны въ образѣ гнѣвнаго бога, а также и нѣкоторыя попытки въ аллитераціи. Тотъ, на комъ придется слово «сяваи», выходитъ изъ круга, такъ какъ Богъ ему и судилъ платиться, подпасть жребію. У Эрзи подряды больше всего снимаются на постройки, тогда какъ у Мокши мы встрѣчаемъ гораздо болѣе значительное распространеніе договора подряда; здѣсь отдается съ подряда и обработка полей, и отвозъ хлѣба въ дальній хлѣбноторговый пунктъ и другія дѣла. Рѣдко когда подрядное условіе доходитъ до волости, такъ какъ завелось изстари среди Мордвы, чтобы насколько возможно избѣгать всякаго начальства; помѣщики еще иногда заставляютъ подрядившихся идти въ волость, но у купцовъ такого обычая не существуетъ и, насколько намъ удалось узнать, они не жалуются на то, что не оформливаютъ своихъ договоровъ. Тотъ, кто нанимаетъ подряжающихся отнюдь не является нашимъ подрядчикомъ, а хозяиномъ дѣла и того типа кулака-подрядчика, который успѣлъ создаться у насъ на Руси, на Мордвѣ что то незамѣтно; вся артель прямо договаривается съ хозяиномъ и только послѣ окончательнаго рѣшенія выбираетъ изъ своей среды «*кэлломань*»—(языкъ—человѣкъ), который сносится съ хозяиномъ за всю артель и управляетъ дѣлами артели подъ условіемъ отдачи строгаго отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ предѣлахъ договора хозяинъ является полнымъ владыкою договорившейся съ нимъ артели, но всякое излишнее требованіе разсматривается сначала всѣми членами артели, которая и рѣшаетъ, выполнить ли это требованіе или оставить невыполненнымъ; чуть только хозяинъ «хорошъ», то артель никогда непостоитъ за уступкою, но у придирчиваго и дурнаго ни одной уступки противъ договора не будетъ. О способахъ отвѣтственности за неисполненіе условій договора мы говорили уже выше, а тутъ замѣтимъ только, что, по словамъ спрошенныхъ нами хозяевъ—купцовъ, такіе случаи очень

[1]) Кузн. у. Кемешкерь, Степанида Пятаева; — Краснослоб. у. Шингарино, Степанъ Атянкинъ.

рѣдки, такъ какъ артели прямой разсчетъ выполнить въ точности предпринятый ею подрядъ ради не оставленія ея безъ работы и на будущее время, такъ какъ иначе работа будетъ предоставлена другой артели, которые болѣе добросовѣстно относится къ принятымъ ею на себя обязательствамъ.

Изстари уже повелось, что земледѣльческая Мордва не охотно идетъ на нѣкоторыя мастерства и, напротивъ того, по всей Руси прославились нѣкоторые села извѣстнаго рода промышленностью: такъ, напримѣръ, въ Пензенской губерніи въ Инсарскомъ уѣздѣ какъ разъ натолкнулись на спорный пунктъ между Кимряцкими и Бутурлиновскими сапожниками; въ Саранскѣ проходитъ граница сѣверовосточнаго распространенія Воронцовскихъ шерстобитовъ, которые встрѣчаются здѣсь съ Казанскими; вплоть до Ардатовыхъ Нижегородской и Симбирской губерніи заходятъ Бирюченскіе и Оскольскіе красильщики. Тѣмъ не менѣе, этотъ фактъ вовсе не доказываетъ полнаго отсутствія такихъ промысловъ среди самой Мордвы, которые занимаются всѣми вышеупомянутыми мастерствами, хотя и не славятся тою ловкостью въ нихъ, какою отличаются всѣ эти великорусскіе ходебщики; замѣтно однако, что Мордва начинаетъ тяготиться переплатою массы денегъ какъ бы въ уходные карманы и потому намъ нерѣдко случалось слышать жалобы на то, что русскіе мастеровые не охотно берутъ на выучку мордовскихъ ребятъ, которые, въ большинствѣ случаевъ, по незнанію русскаго языка доставляютъ мастерамъ не мало хлопотъ. У Эрзи еще не такъ замѣтно, но у Мокши намъ приводилось наблюдать стараніе залучить русскаго ходебщика на болѣе долгій срокъ, причемъ они поневолѣ уже должны довольствоваться помощью мордовскихъ ребятъ, отдаваемыхъ имъ на выучку. Мы говорили со многими изъ этого захожаго русскаго люда и, по ихъ словамъ, ребята мордовскіе очень понятливы,—только много времени уходитъ на изученіе русскаго языка; если бы не эта причина, то они охотно бы брали ихъ на выучку, такъ какъ рѣдко какой «балуется», всегда «норовитъ хозяину потрафлять» и наконецъ «чистую отдѣлку любитъ». Работы, какъ захожимъ мастерамъ, такъ и своимъ землякамъ, отдаются обыкновенно съ подряда на самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, для которыхъ никакой постоянной нормы обычаемъ не выработано и гдѣ все зависитъ отъ ряды. Одна лишь странность бросается въ

глаза всякому стороннему наблюдателю, а именно то, что всѣ заказы шерстобитамъ, швецамъ, ткачамъ, красильщикамъ, овчинникамъ и сапожникамъ дѣлаются старшею въ домѣ женщиною, на которой и лежитъ уже обязанность присматривать за добросовѣстною работою нанявшагося и вообще всѣ заботы по этому дѣлу; само собою разумѣется, что все это дѣлается съ предварительнаго совѣта или согласія хозяина, который однако не вступается ни въ переговоры и ряду, ни въ дальнѣйшія подробности дѣла; иное дѣло отдача въ ученье малолѣтка, такъ какъ тутъ, какъ и вездѣ, хозяину приходится выдерживать серіозную борьбу съ бабушками и тетушками, которыя или не признаютъ пользы ученія или же увѣряютъ, что ребенокъ слишкомъ слабъ и не вынесетъ науки. Чаще всего при отдачѣ этихъ работъ соблюдается у обоихъ племенъ такой обычай, что съ фунта идетъ осьмушка и до восьми фунтовъ съ пуда; очень рѣдко плата производится деньгами, да она и не считается шерстобитами особенно желательною, такъ какъ у него на случай разсчета всегда найдутся подъ рукою вѣсы, а на этихъ вѣсахъ и осьмушка отъ четвертки не далеко уходитъ. Въ прежнія времена въ ходу было платить шерстобитную работу на ухватъ (*довама*), причемъ уплата производилась такимъ образомъ, что шерсть клалась кучею и мастеровому предлагалось взять одною или двумя руками, смотря по трудности и количеству работы, а то брать и нѣсколько разъ изъ кучи, сколько войдетъ въ одинъ ухватъ; теперь, когда и дрова на пуды стали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ продаваться, плата ухватомъ замѣнена вѣсомъ, что не особенно пріятно мастеровому ходебщику. Ткачи получаютъ плату опять таки натурою и плата эта разсчитывается съ аршина, въ размѣрѣ отъ 2 вершковъ съ аршина и до четверти, смотря по трудности работы, по качеству пряжи и по рисунку; остальные получаютъ плату отъ штуки или отъ пары и притомъ, по большей части, уже деньгами, которыя все же переводятся охотнѣе всего на хлѣбъ, масло, медъ и т. п. Отдача въ ученье дѣлается у Эрзи нѣсколько иначе, нежели у Мокши; первая, видимо, не успѣла еще хорошенько понять всю невыгодность захожихъ мастеровъ и потому отдаетъ дѣтей съ условіемъ первый годъ кормить, одѣвать и обувать ихъ, а на второй годъ требуетъ уже нѣкоторой платы, тогда какъ Мокша отдаетъ парня года на три съ условіемъ кормить, одѣвать и обувать его, но никакой платы не

требуетъ; такъ какъ на долю Мокши приходятся болѣе южные ходебщики, то у нихъ и чаще встрѣчаются ученики-Мордвины; на подобныхъ же условіяхъ находили мы Мордвиновъ-мальчиковъ въ ученьи по городамъ, а разъ видѣли даже отданнаго обучаться живописи къ странствующему живописцу. Мордва, и въ особенности Мокша, крайне сожалѣетъ объ отсутствіи ремесленныхъ и сельско-хозяйственныхъ школъ и не разъ приходилось намъ слышать, что они охотно поотдавали бы дѣтей, въ особенности въ послѣднія; поступленіе въ казенныя школы при образцовыхъ фермахъ сопряжено съ такими трудностями, что мордовскому мальчику, плохо знающему по русски, и думать нечего поступать туда. Большею частью мастерскія работы производятся на дому у давальца: а потому и не требуется особаго удостовѣренія въ дѣйствительной отдачѣ матеріала: напротивъ того, въ случаѣ, если работа дѣлается не на дому у давальца, то матеріалъ увязывается въ мѣшокъ или веретье, на которые и наносится хозяйская мѣта. Случаи обмана и утраты матеріала довольно рѣдки, но во всякомъ случаѣ мастеръ за то и другое отвѣчаетъ деньгами, которыя взимаются съ него волостнымъ судомъ, причемъ свидѣтельство двухъ видоковъ достаточно для рѣшенія дѣла въ пользу истца. Такъ какъ ходебщики изъ года въ годъ посѣщаютъ разъ облюбованный околодокъ, то понятно, что имъ нѣтъ разсчета ославить себя со стороны обмановъ и неисправности, и поэтому и дѣла по подобнымъ искамъ встрѣчаются по волостямъ до чрезвычайности рѣдко, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на наши спросы объ нихъ намъ отвѣчали съ удивленіемъ: «какъ можно? того не бываетъ!»

Особенно часто подряжаются Мордвины на отвозку хлѣба къ примокшанскимъ, присурскимъ и приволжскимъ пристанямъ; здѣсь у нихъ все налажено, такъ какъ это дѣло бывалое и потому нѣтъ частности, которая не была бы предъусмотрѣна. Повелось за обычай, что артель возчиковъ является въ нѣкоторомъ родѣ чѣмъ то постояннымъ; члены ея могутъ выбывать и прибывать, но ядро ея остается неизмѣннымъ и блюдетъ разъ установившіяся традиціи; разъ такая артель «сбилась» или, по мордовски, «состадилась» (*куртась*), рѣдко случается, чтобы она окончательно разбилась; у нея есть излюбленный съ давнихъ поръ опытный староста (*ускафь* — вожакъ), которому извѣстны всѣ уловки торга, всѣ кратчайшія до-

роги, всѣ постоялые дворы, знакомы всѣ хозяева на этихъ дворахъ; человѣкъ онъ испытанной честности и потому артель (*марь*—куча) крѣпко держится за него. На время договоровъ его посылаютъ договариваться объ условіяхъ въ качествѣ *келломань* и онъ горою стоитъ за интересы артели. Наемка бываетъ обыкновенно отъ воза, причемъ въ возу зерна бываетъ отъ 25—30 пудовъ; впрочемъ, иной, надѣясь на силу своихъ лошадей, готовъ наложить и побольше, а потому въ послѣднее время и пошелъ договоръ не на возъ и не на четверть, а на пуды. По части отборки паспортовъ дѣло устраивается разно: если наемщикъ не успѣлъ еще ознакомиться съ членами артели или не знаетъ еще народныхъ воззрѣній на важность и силу договора, то онъ отбираетъ ради вѣрности паспорта, но разъ наемщикъ знаетъ мѣстные обычаи, онъ просто *вяжется* кушакомъ съ келломань и считаетъ дѣло нерушимымъ; никакихъ задатковъ съ возчика не берется и, напротивъ того, они получаютъ часто нѣкоторую часть платы впередъ, тогда какъ вся плата полностью выдается лишь по доставленіи квитанціи получателя. Дорогою всѣми путевыми расходами заправляетъ ускафъ, который между прочимъ на ночь назначаетъ караульныхъ при возахъ (*варджафэ*—отъ варджанъ—смотрѣть), но и самъ особеннаго покоя не имѣетъ. Накладная на весь грузъ находится на рукахъ у ускафа, который имѣетъ также при себѣ и бирку съ разсчетомъ, сколько кто принялъ грузу, сколько взялъ задатку, сколько кормовъ конскихъ и людскихъ ложится на долю каждаго и т. п.; такъ какъ окончательный разсчетъ дѣлается гуртомъ за весь грузъ, то бирка эта чрезвычайно важна для взаимныхъ разсчетовъ артельщиковъ и для учета (*кочкама*— очистка) ускафа по возвращеніи въ село изъ поѣздки.

Наемка сельскохозяйственныхъ рабочихъ производится различно: издѣльно, поденно и, наконецъ, въ лѣто. Рѣдкій Мордвинъ нанимается въ лѣто, такъ какъ тутъ цѣна бываетъ значительно уменьшена; у него есть всегда возможность уйти на заработки за Волгу, да наконецъ, какъ мы уже кажется имѣли случай говорить, на Мордвина всегда цѣна стоитъ выше, нежели на Русскаго (Татаринъ стоитъ еще дороже); ясное дѣло, что бѣдняку по неволѣ приходится иногда закабалить себя на все лѣто, но и это случается до чрезвычайности рѣдко, такъ какъ бѣдняку еще легче уйти за Волгу. За обработку одной десятины озимаго хлѣба установилась

плата до восьми рублей, которая иногда можетъ пасть, вслѣдствіе ли слуховъ о неурожаѣ за Волгой или мѣстнаго неурожая: за яровую десятину платятъ до семи рублей; если хлѣбъ приходится жать, то жнитво идетъ въ особую плату, причемъ косьба вычитается изъ общей цѣнности десятины. Поденная плата колеблется для мужчины отъ 50 коп. до 1 руб. 50 коп. съ лошадью, а бабу можно найти то за 30 коп., то за 75 коп. и рубль. Все тутъ зависитъ конечно отъ урожая, отъ количества предлагаемой рабочей силы и отъ нѣкоторыхъ другихъ условій. Вышеприведенная издѣльная плата, само собою разумѣется, касается только предварительной, преимущественно зимней наемки, на которую однако Мордвинъ идетъ очень неохотно, такъ какъ знаетъ, что лѣтомъ его же наймутъ въ розницу на десятину озими за 10 и 12 руб., а на десятину яроваго—за 8 и за 10 руб. Разсчеты за работу всегда производятся на деньги и работъ изъ за такого то снопа нигдѣ не слышно; точно также и молотьба изъ части не въ обычаѣ, что и понятно, такъ какъ говоря сравнительно, Мордвинъ болѣе или менѣе обезпеченъ хлѣбомъ и понимаетъ, что разсчетъ хлѣбомъ и зерномъ будетъ сдѣланъ всеконечно въ ущербъ ему. Что касается до помола, то плата за него полагается неравная по мѣстности; если мы возьмемъ сѣверныя поселенія Мордвы, то здѣсь (преимущественное Эрзянское населеніе) принято отдавать по 2, и при спѣшкѣ только по 3 ф. съ мѣры, что составитъ одну двадцатую и одну четырнадцатую часть, или, переводя плату на деньги—5 и 7 коп. съ рубля; на югѣ помолъ стоитъ гораздо дешевле и съ четверти платится всего лишь 15 и 20 коп., т. е. $1^1/_2$ и до $2^1/_4$ коп. съ рубля; такая разница въ цѣнахъ объясняется тѣмъ, что на югѣ есть много довольно большихъ рѣкъ и вѣтряныхъ мельницъ, которыя притомъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ, такъ называемыя, англійскія, т. е. мелющія несравненно болѣе и спорѣе обыкновенныхъ, русскихъ. Мельникъ водяной мельницы, какъ и у насъ водится, ipso facto, колдунъ, такъ какъ онъ находится подъ особеннымъ покровительствомъ Ведь—азыравы, которая держитъ ему настоящую воду, споритъ дѣло и т. п. Вслѣдствіе такихъ отношеній мельника къ былой богинѣ, понятно, что онъ пользуется и у бабъ и у дѣвушекъ особеннымъ почтеніемъ, такъ какъ никто, какъ онъ, не облегчитъ бабѣ родовъ, никто, какъ онъ, не вымолитъ безплодной молодицѣ

поносъ понести, а дѣвушкѣ жениха подходящаго; отъ бабъ перешелъ почетъ и къ мужикамъ, которые ходятъ къ нему лечиться отъ лихорадки подъ колесо и, пожалуй, въ нѣкоторыхъ дѣлахъ не преминутъ съ нимъ посовѣтоваться. Не слѣдуетъ пренебрегать и вѣтрянымъ мельникомъ, такъ какъ по занятію своему онъ служитель и любимецъ древняго бога вѣтровъ—Пургине-паза, а потому у него и лечатся отъ всякаго «повѣтрія», приходятъ къ нему гадать подъ крылья мельницы, а отъ рожи подставляютъ больное мѣсто подъ сыпь муки. Хоть и повелось на Мордвѣ молоть по череду, но не безъ того, чтобы попу, начальству и знакомому человѣку не услужить помимо очереди въ видѣ почета; особыхъ поговорокъ на это не имѣется, такъ какъ дѣлается это по желанію самого мельника, а не по убѣжденію народному, а съ нимъ вступать въ препирательство не представляется выгоднымъ, такъ какъ все отъ чего онъ можетъ помочь, тоже можетъ онъ и наслать, намолить на того человѣка, который ему не уважилъ.

Мудреное дѣло въ крестьянскомъ быту пастушина, такъ какъ скотина для мужика все, а найти подходящаго человѣка, который съумѣлъ бы угождать Велень-пазу и другимъ богамъ, завѣдующимъ приплодомъ, а въ особенности почиталъ «*Чимз-Паза*», который какъ «*Чимз*» или «*Шимерьла*» [1]) или «повелитель, податель жизни» воленъ въ жизни и смерти всякого животнаго и человѣка. Быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ пастухомъ также необходимо, какъ необходимо вообще заботиться о своемъ благосостояніи, по той простой причинѣ, что если только онъ попроситъ своего покровителя «*Оцю-Ваны Велень-Пазз*», т. е., великаго пастуха Велень-Паза, то скотина вся перемретъ и крестьянинъ раззорится. Поэтому пастушина—*ваныма* обставлена такъ, чтобы пастухъ ни въ какомъ случаѣ не былъ обиженъ. Обыкновенно пастухъ заработываетъ до 90 рублей въ лѣто, которые уплачиваются всѣмъ обществомъ по числу чередовъ (*йавама*), которые были выгнаны каждымъ домохозяиномъ. Повелось уже изстари начинать выгонять скотъ на корма съ Егорья, день празднованія котораго совершенно совпадаетъ съ мордовскимъ языческимъ празднованіемъ Велень-Пазу и нѣкоторымъ другимъ

---

[1]) Мокшанская форма: «*Шимарьва*»; эрз. форма отъ глагола *мерьлемс*—приказываю, повелѣваю, подаю, а мокш. отъ *марьмань*, что значитъ тоже самое.

божествамъ; пастухъ уже нанятъ и стоитъ въ ожиданіи своего стада на полянкѣ передъ церковью; хозяева гонятъ свою скотину изъ скотнаго двора по семи разъ ударяя вѣткою краснотала и проговариваютъ слѣдующую молитву: «*О! Шкай оцю Шкай, Шимарга! вэрэ Шкай, Шимарга! Мезэ антама максьтэ! вэрдэ писемэ, алда лихтима, паксасэ сіора, кутсэ сембенди шумбраши, калдасысэ йолматнэ! ванымасьтэ куртынэ озалда вергездэ, озалда сельмэдэ, озалда ломанда, сембэдэ озалдадэ! Оцю Шкай! кульхтасьтэ! ванымасьтэ*»! т. е. О Боже, Великій Шкай — податель жизни! Всевышній Шкай, податель жизни! Что намъ нужно, дай! Сверху — дождь, снизу — ручьи, на полѣ — зерно, дома — всѣмъ здоровье, въ скотномъ дворѣ — приплодъ, защити стадо отъ злаго волка, дурнаго глаза, злаго человѣка, отъ всего злаго (несчастья). Великій Шкай! услыши! защити»! Въ другихъ мѣстахъ эта молитва нѣсколько измѣняется, хотя сущность ея и остается таже самая; она читается такъ: «*Оцю Ваны Велень Пазэ ватштакэ калдазень! Оцю Шкай Шимарга! максакэ тсеберень нарень, писемень парà, шинь парà, йолматнень павасэ! Ульхтама жабатьнэ минэ— ды калгатэдэзэ, каванятэдэзэ, сюкунафтатэдэзэ — ды минтсэ, жабанэды, оцюжабанэды, кода минь илянэ тонафтамазэ*». «О великій пастухъ Велень-Пазъ! блюди скотный дворъ мой! О Великій Шкай податель жизни! дай хорошей травы, дождя во время, солнца во время, приплода счастливаго! мы твои дѣти и мы любимъ тебя, почитаемъ и кланяемся, мы сами и дѣти наши и внучки наши, какъ насъ отцы наши учили». Уже послѣ этой молитвы скотина направляется на молебствіе и окропленіе къ священнику, безъ чего тоже дѣло необходится, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ насъ совершенно добродушно увѣряли, что священникъ «*оцю душманэ содафэ*», т. е. великій колдунъ и знахарь. Въ этотъ день также, какъ и на Фрола и Лавра, пастухъ собираетъ яйца и хлѣбъ, которые въ извѣстномъ количествѣ и даются ему съ каждаго череда. Только въ Петровъ день наступаетъ время взяться за разсчетъ; до той поры скотина была принята какъ бы, бездоговорно, tacitu consensu, а на Петровъ день пастухъ отправляется по дворамъ съ *падкомэ*, т. е. биркою, на которой нанесено точно и подробно отъ какого двора сколько чередовъ принято и сколько получередовъ; тутъ, кромѣ уплаты денегъ или нѣ-

которой ихъ части, полагается пастуху опять поборъ натурою, а именно: по яйцу съ череда и по 2 фун. хлѣба. Кормится пастухъ опять-таки за чередъ по дню и переходитъ все лѣто изъ избы въ избу. Обыкновенная плата за паству, если только онъ не нанятъ въ лѣто, а нанимается отъ головы, какъ это принято преимущественно у Мокши, съ лошади и коровы по пятидесяти коп., съ овцы пятьнадцать, а со свиньи 25 коп.; причемъ за ягнятъ не берутъ вовсе пастушины, а телята никогда въ стадо не гоняются. Корова и лошадь—чередъ, свинья—полчереда, а овца—четверть: отмѣтки на падкѣ дѣлаются знаками въ родѣ обозначенныхъ на таблицѣ: [1]), т. е. отъ Петра Дугина (Йонксъ) принято: череда — лошадь, 2 череды коровъ, три получереды—свиньи, да 7 четвертокъ—овецъ, а всего $6^1/_4$ чередовъ. Подпасковъ пастухъ уже обязанъ нанимать отъ себя, а при многочисленности мордовскихъ стадъ количество таковыхъ доходитъ до 5 и 6 человѣкъ. У Эрзи, если только въ Петровъ день не уплатятъ денегъ сполна, то вторымъ окончательнымъ срокомъ полагается первый снѣгъ, причемъ какъ-то не водится, чтобы деньги вносились частями, такъ какъ это, какъ мнѣ объясняли, слишкомъ усложняетъ разсчеты; напротивъ того, у Мокши существуетъ обычай производить уплату пастушины именно частями, хотя окончательный разсчетъ и не откладывается никогда позже перваго снѣга; такъ, напримѣръ, упомянутый Петръ Дугинъ уплатилъ своему пастуху на Егорья—30 к., на Петровъ день—2 руб., да на 15 августа остальной рубль; кромѣ того 12 яицъ и ковригу хлѣба фунтовъ въ 12 давалъ два раза. Если пастухъ не нравится домохозяевамъ, то они вольны взять скотину свою изъ стада, причемъ много значитъ, попала ли она на падокъ или нѣтъ: въ первомъ случаѣ пастухъ получаетъ за взятую скотину деньги полностью, а въ послѣднемъ—платы ему за нее не полагается; все это крайне выгодно устроено для обѣихъ сторонъ: такъ и пастуха хозяева тѣснить не могутъ, да и хозяевамъ невыгодно, если они съ самого начала замѣтятъ, что пастухъ относится къ своему дѣлу безпечно,— не умѣетъ нагуливать скотъ, не подладился къ перегонамъ. Если пастухъ считаетъ себя кѣмъ нибудь обиженнымъ, что случается до чрезвычайности рѣдко именно вслѣдствіе миѳическихъ воззрѣній на пастуха, то всякій споръ разрѣшается стариками, а

[1]) См. таблицу.

въ крайнемъ случаѣ доходитъ до старосты, который однако никогда не рискнетъ самъ рѣшить дѣло, а призоветъ все тѣхъ же стариковъ. Если скотина пропадетъ по недосмотру пастуха или если онъ не отобьетъ ее у волка при существованіи къ тому возможности, то онъ отвѣчаетъ за нее изъ своего жалованья по оцѣнкѣ, произведенной стариками, но едва лишь ему удастся доказать, что съ его стороны вины въ наличности нѣтъ, или что онъ долженъ былъ уступить по невозможности бороться съ превосходящей силой, то онъ не подвергается рѣшительно никакой отвѣтственности; по самой силѣ обстоятельствъ, въ этомъ случаѣ и малолѣтніе пастушенки могутъ явиться свидѣтелями въ пользу пастуха, такъ какъ достать другихъ онъ не можетъ. Также точно, если по его винѣ произойдетъ потрава, то онъ подвергается уплатѣ убытковъ изъ причитающагося ему жалованья или почередной платы. Само собою разумѣется, что не всегда пастуху удается отбить скотину у звѣря, но въ этомъ несчастномъ случаѣ требуется, чтобы онъ въ удостовѣреніе своей невиновности принесъ хозяину сгасшей скотины ея шкуру, а что тутъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть ни подмѣны, ни какой либо хитрости, то ручательствомъ въ этомъ служитъ умѣнье разобрать, что именно звѣриная дрань, а что сдѣлано нарочно, чтобы ввести хозяевъ въ заблужденіе и воспользоваться мясомъ животнаго при помощи проѣзжихъ шабаевъ изъ мѣстныхъ мѣщанъ.

Отношенія между хозяиномъ и его рабочимъ нельзя сказать, чтобы были особенно точно опредѣлены и даже на вопросы наши мы то получали отвѣтъ, что хозяинъ относится къ рабочимъ, какъ къ дѣтямъ, а то «какъ господинъ»; впрочемъ, эта послѣдняя форма отношеній отнюдь не должна быть понимаема въ смыслѣ особенной строгости, а просто лишь, какъ намъ кажется и какъ выяснилось изъ дальнѣйшихъ разспросовъ, въ смыслѣ хозяина дѣла; конечно, здѣсь уже открывается широкій просторъ личному характеру и добротѣ или, напротивъ того, злобности характера, но по внѣшности всѣ рабочіе чувствуютъ себя очень хорошо, ѣдятъ вмѣстѣ съ хозяевами, да даже и спятъ въ той же избѣ; когда, при разговорахъ нашихъ съ работниками, мы нарочно наводили на манеру хозяевъ тѣснить своихъ рабочихъ, сосать изъ нихъ сокъ, то намъ заявляли, что подобные хозяева составляютъ рѣдкость и что на боль-

шинство изъ нихъ жаловаться не приходится. Конечно, если хозяева бываютъ дурнѣе, то и между работниками найдется не мало лѣнивыхъ и запивающихъ, но во всякомъ случаѣ хозяинъ, за какую бы провинность ни было, не смѣетъ и пальцемъ тронуть работника; «*вететскэнди вететскэ ули*», говорятъ Мордвины, полагая, что на «всякую пятерню другая пятерня есть». Тутъ, намъ кажется, будетъ умѣстно замѣтить, что во все долгое пребываніе среди Мордвы ни разу я не видалъ, чтобы отецъ или мать, а въ особенности уже кто нибудь изъ родственниковъ билъ дѣтей и когда мы обратились разъ къ одной старухѣ въ Пичилеяхъ за разъясненіемъ этого обстоятельства, то получили въ отвѣтъ: «*жабанэ мукырэ йакстергадаи вачкедаизэ, сирэтнень шама йакстергадаи йевидяизэ*» т. е. спина дитяти краснѣетъ отъ удара, лицо родителей краснѣетъ отъ стыда. Понятно, что при такихъ воззрѣніяхъ битье работниковъ является совершенно уже не мыслимымъ и единственными для нихъ наказаніями могутъ быть вычеты изъ заслуженнаго жалованья, да и то если на этотъ случай была сдѣлана оговорка при наймѣ и, наконецъ, немедленный разсчетъ, не дожидаясь окончанія срока найма. Точно также и работникъ не станетъ (мы не говоримъ, конечно, объ исключеніяхъ) никогда грубить хозяину, портить на зло его вещи или его работу, но, въ случаѣ неспокойнаго своего характера, защиты онъ ни у кого не найдетъ и единственнымъ средствомъ освободиться отъ службы, которая не по нутру,—это все таки отжить свой срокъ и отойти; отходы раньше срока не въ обычаѣ, хотя въ настоящее время и начинаютъ кое гдѣ практиковаться и хозяева не требуютъ возстановленія своихъ правъ, такъ какъ рабочій остающійся по неволѣ, конечно, уже будетъ нерадиво относиться къ своему дѣлу и принудитъ такимъ путемъ хозяина не удерживать его у себя. Собственно говоря, хозяинъ рѣшительно ничѣмъ не обезпеченъ отъ убытковъ, причиняемыхъ ему нерадивостью или проступками рабочихъ; требовать не у кого, такъ какъ волостныя правленія неохотно вступаютъ въ разбирательство этихъ дѣлъ, а къ мировымъ судьямъ обращаться не выгодно по той простой причинѣ, что придется возить раза два на судбище свидѣтелей и, въ концѣ концовъ, не получишь своего, да заплатишь еще и свидѣтелямъ, такъ какъ на повѣрку окажется, что съ рабочаго нечего взять. Хорошо, если жалованье не забрано впередъ

и можно сдѣлать вычетъ на основаніи предварительной ряды, а въ противномъ случаѣ приходится терпѣть. Ни хозяинъ не имѣетъ права отказать рабочему раньше срока найма, ни рабочій не имѣетъ права отказаться отъ выслуги срока полностью; но на самомъ дѣлѣ обычай этотъ въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда происходятъ изъ за этого столкновенія между нанимателями и наемниками, обращается цѣликомъ въ пользу послѣднихъ и въ убытокъ первымъ, такъ какъ разъ рабочій падумалъ отойти, то онъ найдетъ сотни случаевъ такъ досадить хозяину, что этотъ по неволѣ согласится уволить недовольнаго до истеченія срока найма. Договоръ личнаго найма обязателенъ только для тѣхъ лицъ, которые его заключили и ни въ какомъ случаѣ не обязателенъ для наслѣдниковъ договорившихся рабочихъ; напротивъ того, наслѣдники хозяина обязаны додержать всѣхъ нанятыхъ покойнымъ рабочихъ до истеченія срока, такъ какъ рабочему трудно будетъ въ срединѣ лѣта искать новой работы тѣмъ болѣе, что тогда всѣ уже успѣютъ заручиться достаточнымъ количествомъ рабочихъ, а отходники всѣ уйдутъ на косовицу за Волгу. Ходовая цѣна рабочему очень не равная, такъ какъ все здѣсь зависитъ отъ того, извѣстенъ ли человѣкъ за хорошаго работника или же онъ съ грѣшкомъ; такимъ образомъ, намъ удавалось видѣть рабочихъ, получавшихъ и 50 и 60 и даже до 90 рублей въ лѣто, но послѣдняя цѣна рѣдко встрѣчается и среднею цѣною слѣдуетъ признать 60 р.; кромѣ жалованья рабочій получаетъ 5 паръ лаптей и бѣлый балахонъ—*«понарг»*, который употребляется Мордвинами на работѣ и на молянѣ, какъ и поется объ нихъ въ пѣснѣ: *«афг килеитв вирсо сукуньтѣ—Метшоратв Пазындв озныте»*. (не березы въ лѣсу качаются—Мордвины Богу молятся»)

Во силу крайне распространеннаго права сосѣдства завелся у Мордвы издавна обычай звать и ходить на толоку или помочь (*йалгаксо* — подружье). Зачастую хозяинъ видитъ, что онъ рѣшительно не успѣетъ справиться съ работами, а между тѣмъ нанять работниковъ негдѣ, такъ какъ всѣ безземельные заняты, а хозяева не пойдутъ на чужую работу ни за какія деньги, такъ какъ, дай Богъ, со своею управиться; вотъ въ этихъ то случаяхъ такой хозяинъ и объявляетъ, что у него въ такой то день будетъ йалгаксъ; нѣтъ никакого сомнѣнія, что у всякаго на дому есть своя ѣда и потому не угощеніе привлекаетъ сосѣдей, а сознаніе необходимости

помочь человѣку, такъ какъ придетъ чередъ и самому созывать помочь. Еще съ вечера наканунѣ начинается въ домѣ всякая стряпня и варка; считается совершенно необходимымъ, чтобы было приготовлено въ избыткѣ *пуре* (на два штофа пива кладется одинъ штофъ меда и смѣсь варится въ закрытомъ на глухо горшкѣ, обмазанномъ тѣстомъ), пьяная брага, пироги съ зайчиной (*нумылень-пача*)—одно изъ любимыхъ блюдъ мордовскихъ, нѣсколько яичницъ (съ лукомъ, съ мясомъ, съ саломъ и т. п.) и всякое другое яство. Съ вечера рѣжутъ и варятъ лапшу, которая подается вареною въ молокѣ или жареною въ маслѣ и смѣтанѣ. Утромъ рано до восхода солнечнаго хозяинъ зажигаетъ *«озксъ—штатолцъ»*, т. е. священную свѣчу, сдѣланную изъ чистаго воска и молится съ семьею и съ пришедшими къ нему на йалгаксъ сосѣдями о поданіи Богомъ и на будущій годъ урожая; наконецъ, вырѣзавши «озондамъ-палъ» и раздѣливъ его между присутствующими, хозяинъ и помочане отправляются въ поле. Обычай требуетъ, чтобы въ этотъ день ѣды въ положенное время не было, а чтобы во всякое время дня работающіе, подойдя къ тому мѣсту, гдѣ расположилась хозяйка съ припасами, могли плотно закусить и хорошо выпить; полагается тутъ и водка, но въ довольно ограниченныхъ размѣрахъ, такъ какъ она плохо ютится съ пуре, а до пуре всѣ великіе охотники; все время и хозяйка и хозяинъ должны упрашивать гостей сходить закусить и выпить и увѣрять ихъ, что они ничего не ѣдятъ и не пьютъ; точно также помочанамъ вмѣняется въ непремѣнную обязанность церемониться, увѣрять, что они сыты по горло и всячески ломаться передъ всякою ѣдою и выпивкою. Бѣда той хозяйкѣ, про которую потомъ пойдутъ разсказывать на селѣ, что она мало просила гостей—къ мужу ея на другой разъ уже неохотно пойдутъ на помочь. Хозяинъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ понуждать помочанъ къ работѣ, а тѣмъ болѣе не рискнетъ на кого нибудь изъ работающихъ прикрикнуть, да ничего этого и не нужно, такъ какъ, если онъ лѣзетъ изъ кожи вонъ для того, чтобы накормить и напоить помочанъ, то и эти послѣдніе работаютъ, сколько хватитъ силъ; само собою разумѣется, что, смотря по угощенью, бываетъ и работа и жадному хозяину никогда не сработаютъ столько, сколько сдѣлаютъ тароватому, ласковому и хлѣбосольному, такъ какъ всякій думаетъ о томъ, что, быть можетъ, и ему придется

не сегодня-завтра созывать помочь. Общихъ помочей нигдѣ въ Мордвѣ не слышно и, кромѣ годовыхъ моляновъ въ разныя времена года, никакихъ складчинъ не бываетъ. Всякая помочь можетъ быть устроена лишь вслѣдствіе нарочитаго созыва, формула котораго такая: «*сайада, минг внэлдятэдэзг, паксяненеса кшинь — салынв йархтсамсз*», т. е. приходите, просимъ васъ, на нашемъ полѣ хлѣба соли откушать.

Никакихъ товариществъ между парнями и молодыми дѣвушками ради отправленія общихъ работъ, а также и для добыванія денегъ на какую либо благотворительную цѣль или на устройство пирушки не бываетъ на Мордвѣ никогда; но, по нашему мнѣнію, тутъ именно будетъ у мѣста описать способъ устройства общихъ моляновъ, а также и «салтанъ-штатолца», такъ какъ и то и другое носитъ на себѣ всѣ признаки древнихъ братчинъ, которыя однако, какъ мы полагаемъ, отнюдь не заимствованы Мордвою у русскихъ, а ведутъ свое начало изъ сѣдой старины и вполнѣ туземнаго происхожденія. Когда наступаетъ время отбыванія общаго моляна, которое всѣмъ хорошо извѣстно, то во всякомъ мордовскомъ домѣ начинаются усиленныя хозяйственныя хлопоты по варкѣ пурэ и браги, по изготовленію яичницъ, блиновъ, пироговъ и огромнаго количества лапши; кушанья эти установлены обычаемъ уже разъ на всегда и потому никакой разницы въ приготовленіи ихъ по разнымъ домамъ не существуетъ; затѣмъ яичницы и блины складываются горками и надѣваются на чистые красноталовые прутья, концы которыхъ связываются; лапша насыпается въ мѣшки, а въ другіе мѣшки укладываются пироги и, если только не предполагается жертвоприношеніе, куски мяса; захватываютъ кстати нѣсколько куръ и крупы для варки каши; все это берется въ такомъ разсчетѣ, чтобы не только хватило на всю семью безъ исключенія до отвалу, но и на нѣкоторое число лишнихъ людей. Когда все изготовлено, то въ назначенный день всѣ отправляются съ запасами на «*кереметь*» (мѣсто жертвоприношеній), если таковой при селѣ имѣется, или на другое какое либо мѣсто, указанное издавна обычаемъ или же назначенное для даннаго случая «*пирендяйтомз*» (жрецомъ) [1]. Куры убиваются въ честь боговъ

[1]) О молянахъ, кереметяхъ, жрецахъ и вообще о религіи Мордвы мы на-

каждою семьею отдѣльно, а бараны и быкъ или корова приносятся въ жертву самими жрецами отъ имени всѣхъ присутствующихъ; такъ какъ было бы неудобно брать для этого жертвоприношенія животныхъ у того или другого домохозяина, то обыкновенно еще заранѣе покупаются всѣ жертвенныя животныя и стоимость ихъ раскладывается по дворамъ, сообразно съ количествомъ душъ въ этихъ послѣднихъ. Ни одна семья не имѣетъ права съѣсть свои припасы, а всѣ должны выложить ихъ и затѣмъ уже ѣдятъ сообща. Если бы случилось, что заготовленное для моляна животное, находившееся у кого нибудь до поры до времени на сохраненіи и прокормѣ, пало, то тотъ у кого это случилось, обязанъ купить точно такое же животное, почему и пошла въ народѣ поговорка, что *«озындазъ кильде а кулы»*, т. е. молянное животное не умираетъ. Почти на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ устраивается и «салтанъ-штатолцъ», свѣча, которая зажигается въ честь нарождающагося и затѣмъ освобождающаго отъ обуявшей его черной силы юнаго бога,-бога огня, плодородія и добра. Кадка, которая служитъ вмѣстилищемъ для «салтанъ-штатолца», всегда должна быть ежегодно возобновляема; стоитъ она по очереди то въ томъ, то въ другомъ дворѣ, но это вовсе не мѣшаетъ кому бы то нибыло устраивать свой собственный салтанъ-штатолцъ. Когда начинается вырѣзка меда, то первый добытый воскъ въ томъ или другомъ количествѣ, смотря по достаткамъ и по усердію жертвователя, бросается въ кадку, въ которой посрединѣ укрѣплена толстая веревка, свитая изъ льняной пряжи, которую доставляетъ опять-таки всякій дворъ по пасмѣ, такъ что сколько дворовъ на селѣ, столько и пасмъ въ фитилѣ салтанъ штатолца. Такимъ образомъ, кадка все наполняется и наполняется, а хозяинъ того дома, гдѣ въ томъ году стоитъ она, обязанъ ежедневно чистымъ пестомъ изъ яблоноваго дерева уколачивать куски воска по сторонамъ фитиля, чтобы образовалась въ кадкѣ дѣйствительно сплавная свѣча. Конечно приносъ воска не обязателенъ, но богъ не замедлитъ наказать того, кто пожалѣетъ для его прославленія воска, а именно

мѣренъ, вслѣдствіе обилія матеріаловъ, написать особую монографію *«Религіозныя воззрѣнія Мордвы»*, которая появится сначала на финскомъ языкѣ въ сборникѣ, издаваемомъ Финскимъ Литературнымъ Обществомъ по случаю пятидесятилѣтія Калевалы.

у такого жаднаго хозяина сгаснутъ всѣ пчелы и домъ спалитъ огнемъ; въ силу этого то убѣжденія и не бываетъ повидимому случаевъ, чтобы кто нибудь хитростью уклонился отъ выполненія исконнаго обычая и салтанъ-штатолцъ достигаетъ поэтому огромныхъ размѣровъ. Юный богъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и богъ-воитель, а потому никто лучше его не можетъ защитить человѣка на войнѣ, а такъ какъ мы жили среди Мордвы именно во время турецкой войны 1877—1878 годовъ, то и понятно, что въ это время воздвигались штатолцы особенно колоссальныхъ размѣровъ; такъ напримѣръ, намъ случалось видѣть штатолцы въ 20 и даже 25 пудовъ вѣсомъ чистаго воска, съ фитилемъ въ четверть въ діаметрѣ, что стоило по мѣстнымъ продажнымъ цѣнамъ отъ 250 до 300 р. Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ то время, когда «салтанъ-штатолцъ» горитъ, а горитъ онъ иногда недѣлю и даже двѣ недѣли, вѣрующіе снова приносятъ воскъ и бросаютъ его въ кадку поближе къ фитилю, гдѣ вслѣдствіе жара образуется въ этой гигантской свѣчѣ впадина, заполненная горячимъ, расплавленнымъ воскомъ. Въ день такъ называемой «бабань—кши», подобный же штатолцъ, только, конечно, гораздо меньшихъ размѣровъ, устраиваютъ старухи, такъ какъ это ихъ собственный праздникъ; на дѣвичій праздникъ Ведь азыръ авы устраиваютъ штатолцъ въ складчину дѣвушки, а на Пургине-Паза зажигаютъ тоже сборный штатолцъ парни. Такіе же штатолцы устраиваются по случаю общественныхъ бѣдствій въ родѣ голода, тифа повальнаго и скотьей чумы; по дошедшимъ до насъ слухамъ, огромный штатолцъ, въ 40 пудовъ воска, горѣлъ во время знаменитаго Самарскаго голода, а когда года три или четыре тому назадъ на хлѣбѣ появился червь, то въ Пензенской губерніи горѣлъ въ Инсарскомъ уѣздѣ такой же штатолцъ, хотя и нѣсколько меньшихъ размѣровъ.

Выше было уже упомянуто о нѣкоторыхъ предпріятіяхъ на артельныхъ началахъ, которыя однако у Мордвы отнюдь не пользуются такимъ распространеніемъ, какъ мы это видимъ въ селахъ съ чисто русскимъ населеніемъ; слѣдуетъ еще сказать нѣсколько словъ о земледѣльческихъ артеляхъ, которыя чрезвычайно распространены по всему мордовскому краю, а затѣмъ сообщить и объ устройствѣ переселенческихъ артелей, которыя сбиваются все чаще и чаще, благодаря добрымъ вѣстямъ изъ Томской губерніи отъ тѣхъ

кто переселился туда раньше и успѣлъ хорошо устроиться. Уже съ конца іюля по всѣмъ пристанямъ праваго берега Волги можно видѣть болѣе или менѣе значительныя толпы Мордвы, которую привычный глазъ тотчасъ отличитъ отъ великорусса, черемисина, симбирскаго татарина и чуваша, какъ ни сильна племенная нивеллировка, совершаемая совершенно одинаковою жизненною обстановкою; всѣ эти кучки располагаются на берегу въ ожиданіи прихода парохода, по преимуществу американскаго типа, который поднимаетъ огромный грузъ и притомъ беретъ небольшія цѣны; среди ожидающихъ всегда можно замѣтить одного, который видимо хозяинъ кучки: онъ и бойчѣе остальныхъ, хорошо говоритъ по русски,—видимо, человѣкъ бывалый. И дѣйствительно, это никто иной какъ «келломань», избранный еще въ селѣ, дома въ заправилы артели, такъ какъ ему извѣстны по имени и отечеству всѣ пароходные капитаны и агенты, всѣ большія хозяйства за Волгою, гдѣ несомнѣнно потребуется рабочая сила, а также и пути, всегда окольныя, по проселкамъ, а не по большимъ дорогамъ; келломань чуть ли не съ малолѣтства ежегодно ходитъ за Волгу, а потому и нѣтъ ничего мудренаго, что ему хорошо знакомы всѣ порядки и что его опытность полезна для артели; у него на рукахъ всѣ артельныя деньги, въ которыхъ онъ, конечно, обязанъ предъ товарищами отчетомъ, у него въ силу новыхъ стѣснительныхъ мѣръ увольнительные билеты, выданные волостнымъ правленіемъ; онъ дѣйствительно языкъ артели, потому что въ то время, какъ всѣ молчать, онъ говоритъ за всѣхъ. Только начнется нагрузка дровъ, какъ келломань уже хлопочетъ подлѣ капитана; для него нѣтъ никакихъ таксъ — онъ не признаетъ ихъ и правъ, потому что всякому капитану пріятно залучить къ себѣ на пароходъ всю эту прорву самой невзыскательной по части размѣщенія публики, хотя бы и со значительною скидкою съ обозначенной въ таксѣ цѣны. Торгъ идетъ упорный, капитанъ нѣсколько разъ гонитъ докучливаго оберегателя артельныхъ выгодъ съ траппа, а тотъ все стоитъ и нѣтъ нѣтъ да и подниметъ предлагаемую цѣну на пятачекъ. Такъ тянется дѣло до свистка, когда побѣжденный капитанъ махаетъ, наконецъ, рукой и вся, ожидавшая конца переговоровъ, толпа хлынетъ по знаку языка на палубу. Добивались иногда скидки съ таксовой цѣны въ 60 и даже въ 75%. Все это движется въ Самару, въ Балаково,

Покровское и другія лѣвобережныя низовыя пристани, гдѣ прихожіе работники расходятся по давно проторенным дорогамъ въ большія помѣщичьи и купеческія хозяйства; намъ не разъ случалось заставать такія артели уже на пути близь Иргиза, а также и по направленію къ Бугуруслану и Уфимской губерніи и тутъ келломань не поступается своими правами, такъ какъ онъ ставитъ на ночлегъ, онъ сговаривается съ хозяевами и расплачивается съ ними, если только не пришлось заночевать гдѣ нибудь въ степи. Уговаривается по приходѣ на мѣсто въ цѣнѣ опять же все тотъ же вожакъ, который получаетъ и деньги отъ хозяевъ и оканчивается его многотрудная служба только тогда, когда вся артель возвратится въ родное село по окончаніи заволжскихъ работъ, не терпящихъ проволочки и не знающихъ овиновъ. Тутъ онъ отдаетъ полный отчетъ въ произведенныхъ имъ въ оба конца и на мѣстѣ расходахъ; всѣ эти расходы дѣлятся между членами артели по ровну, а за тѣмъ уже выводится счетъ и того, что было забрано у вожака каждымъ отдѣльнымъ членомъ артели. Интересно, что если въ артели случаются больные (которыхъ, скажемъ кстати, если только артель составилась изъ новичковъ или первоходовъ, бываетъ очень много), то выработанныя артелью деньги дѣлятся на общее количество рабочихъ артели; такимъ образомъ больные получаютъ также свою долю, а доли умершихъ выдаются на руки вдовамъ и сиротамъ. Никто и не думаетъ, чтобы сбой артели былъ возможенъ по письменному договору, такъ какъ, по мнѣнію народа, это вовсе не укрѣпитъ силы ряды, а между прочимъ поведетъ къ проволочкѣ въ волости и къ уплатѣ нѣкоторой суммы за засвидѣтельствованіе документа; артели ходятъ за Волгу испоконъ вѣка, а волости открылись, сравнительно, недавно, говоритъ Мордва.—такъ какъ же было безъ нихъ-то? Намъ, впрочемъ, ни разу не приходилось слышать, чтобы среди членовъ артели возникали какія бы то ни было недоразумѣнія и смѣна келломаня въ громадномъ большинствѣ случаевъ происходитъ только вслѣдствіе его смерти или же затяжной болѣзни. За весь свой немалый трудъ келломань не остается безъ вознагражденія, такъ какъ, кромѣ своего собственнаго пая, онъ имѣетъ еще «*калдау*» или «*колдамо*» (Эрзя) «*сепэ*», что собственно значитъ, «пострадавшій карманъ, протори»; этотъ калдау—сепэ равняется всегда среднему паю и составляется изъ равныхъ взносовъ

Къ страницѣ 196:

а — [signs], [sign].

б — Р

в — [sign]

Къ страницѣ 197:

г — [sign]

д — [sign]

Къ страницѣ 244:

[signs]
сбоку
[signs]

Къ страницѣ 255:

[signs] ΛΛΛ IIIIIII

наказанія. Артель, собравшись въ полномъ составѣ своихъ членовъ, можетъ потребовать отъ келломаня во всякое время отчета и учета и въ случаѣ обнаруженія какихъ нибудь нехорошихъ дѣлъ смѣнить его, но такъ какъ должность эта, какъ видно изъ предъидущаго, хорошо оплачивается, то подобныя прорухи на вожаковъ и случаются до чрезвычайности рѣдко, тѣмъ болѣе, что онъ заинтересованъ въ возможно меньшихъ расходахъ артели и напротивъ того, въ возможно большемъ заработкѣ, такъ какъ съ тѣмъ вмѣстѣ увеличивается и «калдау—сепэ», заслуженное имъ вознагражденіе.

Точно такой же келломань избирается и тѣми, которые задумываютъ переселяться на новыя мѣста (преимущественно въ Томскую губернію, гдѣ въ настоящее время образовалось уже нѣсколько мордовскихъ поселковъ); онъ или бывалъ уже въ этихъ мѣстахъ или же нарочито отправляется туда, причемъ тратитъ свои деньги, которыя возмѣщаются ему переселенцами. Облюбовавъ извѣстное мѣсто, онъ ведетъ дѣло съ волостнымъ и инымъ начальствомъ въ качествѣ повѣреннаго, собираетъ съ переселенцевъ деньги на путевые расходы и выступаетъ, наконецъ, во главѣ партіи въ походъ; обыкновенно Мордва направляется на Самару, Оренбургъ и Омскъ и необходимо, чтобы отъ Оренбурга до Омска вожакъ хорошо зналъ и дорогу и постоялые дворы. Во все время пути положеніе его ничѣмъ не отличается отъ артельнаго келломаня съ тою развѣ лишь разницею, что смѣнить его, хотя бы и было желаніе, невозможно, такъ какъ другого знатока пути и мѣстныхъ условій обыкновенно не имѣется. Интересно, что во всѣхъ описаніяхъ бѣдствующаго положенія переселенцевъ по разнымъ промежуточнымъ городамъ намъ ни разу не попадалось упоминаніе о томъ, что страдальцы эти Мордва; да, насколько намъ извѣстны условія мордовскихъ переселеній, такихъ страданій не можетъ и быть, потому что переселяется Мордвинъ чаще всего состоятельный, ради возможности еще болѣе возвысить свое благосостояніе и къ тому Мордва идетъ не на обумъ, а совершенно порѣшивши всѣ дѣла по закону у себя дома и впередъ намѣтивши себѣ мѣсто для поселенія въ Сибири; по этому то, какъ мы полагаемъ, съ Мордвою и не можетъ случаться такихъ бѣдъ, какія случаются съ несчастными русскими крестьянами, ищущими новыхъ сельбищъ вслѣдствіе голода и безденежья.

Таковы правовыя отношенія Мордовскаго народа, сохранившія почти цѣликомъ всю свою оригинальность, несмотря на вѣковое сожительство съ русскими. Да не будетъ намъ поставлено въ вину, если картина эта не полна—мы сдѣлали все отъ насъ зависѣвшее, чтобы дать, по крайней мѣрѣ, хотя этотъ скромный трудъ по юридическому быту мильоннаго народа, для того чтобы возможны были дальнѣйшія изслѣдованія въ этомъ направленіи. Мы будемъ вполнѣ счастливы, если эта во многихъ отношеніяхъ неполная и несовершенная работа вызоветъ подобныя же изслѣдованія среди остальныхъ приволжскихъ финскихъ народовъ и поправки и дополненія, въ которыхъ, безъ всякаго сомнѣнія, недостатка не будетъ.

В. Майновъ.

Гельсингфорсъ
26-го Октября 1883 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нѣкоторыя изъ свѣдѣній, составляющихъ содержаніе предлагаемаго выпуска, были уже напечатаны въ XX томѣ Извѣстій Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Но въ виду того, что всѣ свѣдѣнія о Вотякахъ, доставленныя авторомъ, составляютъ одно цѣлое, пришлось по необходимости перепечатать здѣсь и ранѣе опубликованный матеріалъ.

Неодновременное поступленіе дополнительныхъ свѣдѣній во время печатанія послужило препятствіемъ къ строго послѣдовательному расположенію ихъ по отдѣламъ этнографической программы Географическаго Общества.

П. Соколовскій.

ВОТЯКИ СОСНОВСКАГО КРАЯ.

Сосновскій край, населенный вотяками, составляетъ одну изъ восточныхъ частей Сарапульскаго уѣзда Вятской губерніи. Центръ края—село Сосновка стоитъ въ 100 верстахъ отъ уѣзднаго города Сарапула и въ 64 отъ р. Камы. Въ этомъ краѣ самое густое вотское населеніе. Здѣсь болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, сохранились и остатки язычества. Есть здѣсь также и русскія селенія, но они основаны уже послѣ обращенія вотяковъ въ христіанство переселенцами изъ Вятской стороны. Причиной переселенія русскихъ къ вотякамъ было безлѣсье и плохой грунтъ земли въ родной странѣ, а здѣшній край славился плодородіемъ и лѣсами. И нынѣ еще русскіе, слыша такую же славу о здѣшнемъ краѣ, охотно переселяются сюда чуть не каждый годъ, расходуя на это значительную сумму денегъ. Расходы по перечисленію на лучшее мѣсто простираются иногда до тысячи рублей, именно: вотякамъ того селенія, въ которое перечисляется новожилъ, приходится заплатить подчасъ рублей шестьсотъ; на угощеніе водкой каждаго селенія, входящаго въ составъ сельскаго общества, уходитъ рублей по двадцати; въ подарокъ волостному писарю за составленіе пріемнаго приговора нужно бываетъ дать рублей сто; старшинѣ за подпись—рублей пятьдесятъ; засѣдателю, старостѣ и т. д. рублей по пяти и по десяти. И безъ этого никто и не думай о перечисленіи на хорошее мѣсто. Иной новожилъ, т. е. новый членъ вотскаго общества, какъ ободранная до гола липка, переѣхавши на новое мѣсто со всѣмъ семействомъ и скарбомъ, купитъ на послѣдніе рубли какую нибудь

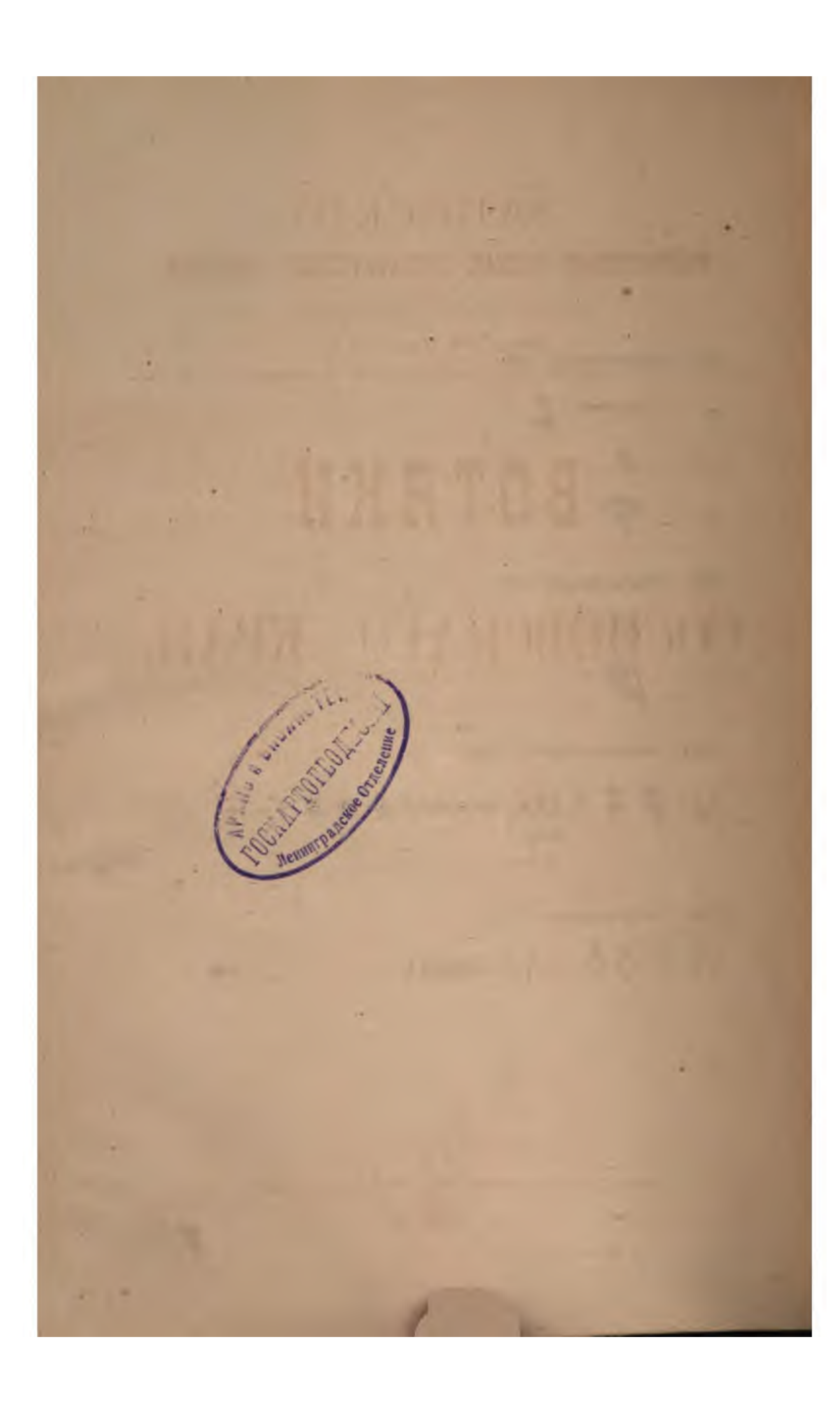
ближній родственникъ, и живетъ, какъ и прежде, молчаливо покоряясь судьбѣ; собирать по міру идетъ онъ только въ случаѣ крайней нужды, когда уже не можетъ достать себѣ насущный хлѣбъ; поэтому нищаго вотяка приходится видѣть очень рѣдко. Деньги, особенно серебро, любятъ беречь, но, когда нужно, не жалѣютъ денегъ. Мужья со своими женами живутъ согласно, обращаются съ ними ласково и мужъ, не испросивъ согласія жены, не предпринимаетъ ничего. Женщины-вотячки цѣломудреннѣе сосѣднихъ русскихъ женщинъ, а мужчины трезвѣе. Вотякъ, хотя и выпьетъ, но до безчувствія не напивается. Зайдя въ кабакъ, онъ больше стакана водки не выпьетъ и когда зашумитъ въ головѣ, ходитъ между своими единоплеменниками съ трубкой во рту, слегка покачиваясь и извиняясь: кудзи́, кудзи́! энъ лекатэ! (распьянѣлъ, распьянѣлъ! не судите!). Если вотякъ увидитъ ссорящихся собратьевъ, то обыкновенно говоритъ: пинальёсъ! энъ тышъ-каськѐ, урчѐ улонѐ! (ребята, не ругайтесь, не ссорьтесь! надо жить мирно). Счастье полагаютъ только въ дѣтяхъ, особенно въ сыновьяхъ; поэтому, у кого есть дѣти, тотъ считаетъ вправѣ назвать себя счастливымъ, довольнымъ судьбой. Воспитаніе сына лежитъ на обязанности отца, а дочери—на обязанности матери. Находясь при работахъ и занятіяхъ родителей съ малолѣтства, дѣти ихъ скоро и легко привыкаютъ къ работѣ; сынъ находится постоянно при отцѣ, а дочь—при матери. Съ семи лѣтъ сыновья уже боронятъ, ѣздятъ за дровами, за сѣномъ и т. п., а съ десяти владѣютъ сохой и съ этого времени вотскій мальчикъ уже замѣняетъ большаго работника во всѣхъ полевыхъ работахъ. Дѣвочки тоже съ семилѣтняго возраста много помогаютъ матерямъ въ трудахъ ихъ.

Вотяки народъ миролюбивый, спокойный; всѣ ихъ пирушки, сколько дней бы онѣ не продолжались—проходятъ безъ шуму, безъ ссоръ. Чтобы познакомиться съ семейной жизнію ихъ, войдите въ жилище вотяка зимой и всмотритесь въ жизнь его въ кругу семьи. Вошедши днемъ, на лавкахъ у оконъ увидите мужиковъ, сидящихъ въ шапкахъ и зипунахъ или же въ шубахъ, а не рѣдко и въ рукавицахъ, какъ будто готовы они броситься къ мѣсту пожара по первому удару набатнаго звона. Въ сторонѣ отъ нихъ увидите бабъ, прядущихъ коноплю или ленъ для холста. Ночью тѣхъ же мужиковъ увидите въ однѣхъ бѣлыхъ холщевыхъ рубахахъ безъ шапокъ и каждый изъ нихъ на из-

Къ страницѣ 196:

/ |, ||, ||| тяпки — „тулатъ“
[лежащій] — „удаф-тула“
уши — „пилотъ“
солнце — „иш“
заячья нога — „кумилен-пильгэ“
колодезь — „мисима“
журавль — „карга“
птица — „кармынъ“
гора — „панда“
скоба — „ганджыгна“
вилы — „тсянга“
полсъдёлки
съделка — „кишиие“
капканъ — „кундама“
дуга — „йонькоъ“
журавлиная лапа — „кареанъ-пильгэ“
коса — „поеъше“
человѣкъ — „ломанъ“
лошадь — „мисимо“
домъ — „кудъ“
береза — „келу“
сосна — „пиче“
быкъ — „бука“
молотъ — „тсіотмаръ“
топоръ — „керъсяфъ“ и „ужыръ“
серпъ — „тарвасъ“
костеръ — „томбамъ“
сѣтки — „сюркстъ“
заборъ — „пэльтъ“
колесо — „шари“
лодка — „венисъ“
дымъ — „катшамо“
вода — „ведъ“

монету мѣдную, причемъ что то говоритъ про себя. Положивши монету въ уголъ и покрывши ее мхомъ, хозяинъ отрѣзываетъ отъ цѣльнаго коровая небольшую горбушку и дѣлитъ между всѣми, участвующими въ подъемѣ. У кого есть состояніе—угощаетъ водкой, если нѣтъ кумышки. Угощеніе помочанамъ бываетъ простое: кисель, щи, пирожки и проч.; поятъ еще кумышкой и пивомъ. Когда изба срублена, опять приглашаютъ сосѣдей на помочь бить печь изъ сѣрой глины. Предпочитаютъ обыкновенно молодыхъ людей, въ разсчетѣ, что молодые немного выпьютъ кумышки. Мальчишки и дѣвчонки возятъ глину, а взрослые бросаютъ ее чрезъ окна лопатами въ избу, если окна не высоки; въ противномъ же случаѣ носятъ на носилкахъ. Дѣвушки же, собравшись въ одну группу, толкутъ глину палками, при чемъ поютъ пѣсни чтобы работа шла весело; толченую глину бросаютъ мужики на деревянные своды, сдѣланные въ родѣ опрокинутаго ящика и тамъ бьютъ деревянными молотами, называемыми чокмаръ. Сбивши печь, садятся за общій столъ и начинаютъ обѣдъ, во время котораго женщины безпрерывно угощаютъ гостей кумышкой, а изрѣдка и пивомъ. Къ ночи въ сбитую печь запираютъ пѣтуха и выпускаютъ его около обѣда. Въ избѣ выше оконъ, вдоль стѣнъ, устраиваются полки, а ниже оконъ—лавки для сидѣнья; въ переднемъ углу—божница съ одною или нѣсколькими иконами Николая Чудотворца, Богородицы или Спасителя; больше иконъ съ изображеніемъ Николая Чудотворца, такъ какъ къ нему имѣютъ особенное усердіе и уваженіе; въ переднемъ же углу стоитъ столъ своей работы, а у стола—стулъ, на который женщины, особенно снохи, не имѣютъ права садиться; здѣсь сидитъ только хозяинъ дома во время обѣдовъ и угощеній гостей. Печь стоитъ въ углу на заднемъ планѣ. По угламъ, кромѣ передняго, устраиваются пустыя нары въ родѣ ящиковъ и здѣсь лежатъ постели женатыхъ; въ нарахъ хранится разная рухлядь и кумышка, а у нѣкоторыхъ—шкатулки съ деньгами. Третью часть пространства выше оконъ и дверей вровень съ полками занимаютъ палати, на которыя взбираются по лѣстницѣ, устроенной у самыхъ дверей, ведущихъ въ избу; у печи сдѣлана дверь съ заборкою, изъ которой спускаются по лѣстницѣ въ подполье. На вышку взбираются по веревкамъ, привязаннымъ къ стропиламъ крышъ.

онучи; 5) биналъ-тонъ—суконныя подвертки; 6) Гынъ-сапèгъ—бѣлые валенки; 7) кутъ—лапти и 8) кутторъ—шерстяные наличники, надѣваемые поверхъ онучи на ступню.

Въ праздничные дни взрослые и молодые люди опоясываются цвѣтными гарусными опоясками, и иные на руки надѣваютъ перчатки, а на шею шарфъ. Болѣе зажиточные покрываютъ полушубки чернымъ и сѣрымъ сукномъ, и это составляетъ для нихъ своего рода щегольство.

Женщины и дѣвушки носятъ лѣтомъ въ будни: 1) бѣлую холщевую рубаку съ красными каймами; 2) сшитый изъ лоскутковъ нагрудникъ—мурезъ-азъ; 3) штаны; 4) холщевый или ситцевый фартукъ—азъ-кышетъ; 5) тонкій бѣлый сукманъ; 6) бѣлые холщевые чулки—дэра-чуглесъ, сшитые мѣшкомъ; 7) кутторъ—надѣваемые на ступню наличники и 8) лапти. Голову покрываютъ татьею—подургà, которая спереди спускается до половины лба, а сзади—ниже поясницы; на подургу накидываютъ ситцевый платокъ—кышèтъ.

Въ праздники надѣваютъ еще 1) бѣлое холщевое, отдѣланное по подолу разными вышивками, платье съ ситцевыми рукавами; 2) конь-доло-вèсь—ожерелье изъ крупныхъ серебряныхъ монетъ цѣнностью до 40 рублей; ожерелье это покрываетъ грудь до пояса; 3) угы—серьги изъ рублевыхъ монетъ по двѣ штуки у каждаго уха. Серьги эти женщины привязываютъ къ подургѣ, а дѣвушки къ татьѣ. Дѣвушки съ 13 лѣтъ носятъ татью изъ мелкихъ серебряныхъ монетъ, рублей на 30. Кромѣ дѣвушекъ татьи носятъ и молодыя женщины до беременности. 4) Посъ-кесъ—браслеты мѣдные или бронзовые.

Дѣвушки волосы заплетаютъ въ одну косу, какъ и русскія, а женщины въ двѣ косы и эти косы завиваютъ въ кружки рядомъ съ ушами. Старухи носятъ на головѣ, поверхъ подурги—небольшой шелковый платокъ—іыръ-котыръ и іыръ-іылъ-кышетъ—бѣлую холщевую повязку съ красными концами. Повязку эту надѣваютъ на темя, а концы спускаютъ по спинѣ.

Зимою женскую одежду составляютъ, кромѣ холщевой рубахи, штановъ и фартука, еще 1) дукèсъ—зипунъ съ борами, бѣлый или сѣрый; 2) сукманъ—бѣлый или сѣрый съ борами. Эти два платья надѣваются одно на другое: или сукманъ на зипунъ, или зипунъ

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Второй выпускъ XIV тома Записокъ Импер. Русск. Геогр. Общества по отдѣленію Этнографіи изданъ подъ наблюденіемъ дѣйствительнаго члена П. А. Соколовскаго.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нѣкоторыя изъ свѣдѣній, составляющихъ содержаніе предлагаемаго выпуска, были уже напечатаны въ XX томѣ Извѣстій Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Но въ виду того, что всѣ свѣдѣнія о Вотякахъ, доставленныя авторомъ, составляютъ одно цѣлое, пришлось по необходимости перепечатать здѣсь и ранѣе опубликованный матеріалъ.

Неодновременное поступленіе дополнительныхъ свѣдѣній во время печатанія послужило препятствіемъ къ строго послѣдовательному расположенію ихъ по отдѣламъ этнографической программы Географическаго Общества.

П. Соколовскій.

вядины. 4) Нугылізяъ шыдъ—щи съ горохомъ и тѣстомъ, скатаннымъ въ катышки на подобіе піявокъ. 5) Лапшá—тоже, что и русская лапша изъ мелко искрошеннаго слоенаго тѣста. 6) Ело джуыъ—каша на молокѣ. 7) Кисáль, и 8) керчáлъ—овсяный кисель. 9) Сезь пыяь—завариха изъ толокна или ячменной муки; ѣдятъ съ масломъ. 10) Пельняњ—пельмени со свининой, но тѣсто изъ ржаной муки, безъ яицъ. 11) Перепéчь—маленькія мясныя ватрушки, т. е. шаньги. Приготовляютъ ихъ такъ: изрубятъ въ корытѣ не такъ мелко, какъ на пельмени, жирную говядину, положатъ туда нѣсколько яицъ и посоливъ, разводятъ на водѣ жиже, чѣмъ на пельмени; затѣмъ дѣлаютъ изъ тѣста круглые сочни, какіе дѣлаютъ для маленькихъ шанегъ, на подобіе крышекъ отъ банокъ изъ подъ помады, величиной около вершка и болѣе въ поперечникѣ; сочни эти кладутъ на горячія сковороды и наполняютъ ихъ посредствомъ ложекъ изрубленной и разведенной говядиной и потомъ жарятъ на горячихъ угольяхъ въ печи. Такіе же перепечи стряпаютъ и съ кровью животныхъ и съ конопляныиъ сѣменемъ. 12) Кварнянь—прѣсные небольшіе пирожки съ изрубленной говядиной или съ кишками животныхъ. 13) Табáнь—большія овсяныя и яровыя лепешки, покрывающія всю поверхность сковороды. 14) Пичи табáнь,—маленькія лепешки изъ пшеничной муки. 15) Кеньызю пичи́ табáнь—такія же лепешки съ крупой. 16) Картовкоэнъ пичи́ табàнь—лепешки съ картофелемъ. 17) Мильымъ—блины яичные или пшеничные. 18) Шаньги́—шанги съ картофелемъ или крупой, на кисломъ тѣстѣ. 19) Пичи шаньги́—ватрушки, т. е. маленькія шанежки съ картофелемъ или крупой. 20) Шу кисáль,—калиновый кисель; варятъ на водѣ съ солодомъ. 21) Шу энь нáнь—пироги съ калиной. Дѣлаютъ чашкообразные сочни и наполняютъ ихъ калиной, смѣшанной съ равнымъ количествомъ солоду; разводятъ эту смѣсь на водѣ такъ, чтобы было густо, какъ каша; наполнивши сочни этой массой, сверху покрываютъ круглыми плоскими сочнями и края нижнихъ и верхнихъ сочней защипываютъ пальцами такъ, чтобы изъ пирога наружу воздухъ не проходилъ. Пироги эти величиной, какъ короваи хлѣба, пекутся въ печи съ утра до вечера, но ѣдятъ ихъ на другой день. 22) Съиленъ-нянъ—пирогъ съ говядиной. 23) Палэзенъ-нянъ—пирогъ съ рябиной. 24) Эмазéнъ-нянь—пирогъ съ малиной. 25) Губіэнъ-нянь—пирогъ съ грибами.

26) Вэйнъ пезь тэшъ—калачики, изжаренные въ маслѣ. 27) Юача—овсяный хлѣбъ, величиной съ калачъ, но круглый, съ небольшой ямкой въ срединѣ, куда, во время печенья, кладутъ небольшой кусокъ сала. 28) Чарыгень-нянь—пирогъ съ рыбой. 29) Колзё—сырое тѣсто изъ овсяной муки съ ягодами: съ черемухой, смородиной или рябиной. Это—десертъ. 30) Кэнэменъ пезьтэмъ—конопляное сѣмя, сваренное въ суслѣ такъ густо, какъ икра; цвѣтомъ темнокоричневое. Это тоже десертъ.

Напитки.

1) Сюкась—квасъ. Приготовляютъ его такъ: нальютъ въ горшокъ или въ чугунку воды, всыплютъ туда мякины съ отрубями горсти двѣ три солоду, смѣшаютъ все это и поставятъ на ночь въ печь. Утромъ эту кашицу перельютъ въ кадцу, разведутъ ее холодной водой—и чрезъ однѣ сутки квасъ готовъ. Цвѣтомъ этотъ квасъ бѣловатъ.

2) Суръ—пиво. Способъ приготовленія таковъ же, какъ и у русскихъ, но часто безъ хмѣля; на вкусъ этотъ напитокъ какъ плохой уксусъ, смѣшанный съ водой; нѣкоторые вмѣсто хмѣлю кладутъ древесные грибы, изъ которыхъ дѣлаютъ трутъ для добыванія огня.

3) Кумушка—кумышка. Это любимый охмѣляющій напитокъ у всѣхъ вообще вотяковъ; онъ мутнаго цвѣта, съ непріятнымъ сивушнымъ запахомъ и кисловатымъ вкусомъ. Кумышку варитъ каждая женщина для себя, лѣтомъ и зимой; лѣтомъ варятъ въ поляхъ и у лѣсовъ, гдѣ протекаетъ рѣчка, а зимой—въ шалашахъ, находящихся на дворахъ позади всѣхъ строеній. На кумышку дѣлаютъ солодъ изъ охвостьевъ, отдѣляемыхъ отъ хорошаго жита при вѣяніи, поэтому и кумышка отъ такого хлѣба хорошо не удается. Заводъ для кумышко-куренія устраивается такъ: по срединѣ шалаша на подставкахъ кадца вышиной около полуторыхъ аршина и шириной около аршина, а въ разстояніи трехъ четвертей аршина отъ кадцы—чугунный котелъ, вмѣщающій ведеръ пять или болѣе жидкости; котелъ этотъ закрывается двумя деревянными полукружіями; на одномъ изъ этихъ полукружій—гвоздь, служащій ручкой, для того, чтобы удобно было закрывать полукружіемъ котелъ и откры-

вядины. 4) Нугылiэнъ шыдъ—щи съ горохомъ и тѣстомъ, скатаннымъ въ катышки на подобiе пiявокъ. 5) Лапшá—тоже, что и русская лапша изъ мелко искрошеннаго слоенаго тѣста. 6) Ело джукъ—каша на молокѣ. 7) Кисáль, и 8) керчáлъ—овсяный кисель. 9) Сезь пыяъ—завариха изъ толокна или ячменной муки; ѣдятъ съ масломъ. 10) Пельнянь—пельмени со свининой, но тѣсто изъ ржаной муки, безъ яицъ. 11) Перепéчь—маленькiя мясныя ватрушки, т. е. шаньги. Приготовляютъ ихъ такъ: изрубятъ въ корытѣ не такъ мелко, какъ на пельмени, жирную говядину, положатъ туда нѣсколько яицъ и посоливъ, разводятъ на водѣ жиже, чѣмъ на пельмени; затѣмъ дѣлаютъ изъ тѣста круглые сочни, какiе дѣлаютъ для маленькихъ шанегъ, на подобiе крышекъ отъ банокъ изъ подъ помады, величиной около вершка и болѣе въ поперечникѣ; сочни эти кладутъ на горячiя сковороды и наполняютъ ихъ посредствомъ ложекъ изрубленной и разведенной говядиной и потомъ жарятъ на горячихъ угольяхъ въ печи. Такiе же перепечи стряпаютъ и съ кровью животныхъ и съ конопляннымъ сѣменемъ. 12) Кварнянь—прѣсные небольшiе пирожки съ изрубленной говядиной или съ кишками животныхъ. 13) Табáнь—большiя овсяныя и яровыя лепешки, покрывающiя всю поверхность сковороды. 14) Пичи табáнь,—маленькiя лепешки изъ пшеничной муки. 15) Кеньызю пичи табáнь—такiя же лепешки съ крупой. 16) Картовкоѐнъ пичи табáнь—лепешки съ картофелемъ. 17) Мильымъ—блины яичные или пшеничные. 18) Шаньгú—шанги съ картофелемъ или крупой, на кисломъ тѣстѣ. 19) Пичи шаньгú—ватрушки, т. е. маленькiя шанежки съ картофелемъ или крупой. 20) Шу кисáль,—калиновый кисель; варятъ на водѣ съ солодомъ. 21) Шу энь нáнь—пироги съ калиной. Дѣлаютъ чашкообразные сочни и наполняютъ ихъ калиной, смѣшанной съ равнымъ количествомъ солоду; разводятъ эту смѣсь на водѣ такъ, чтобы было густо, какъ каша; наполнивши сочни этой массой, сверху покрываютъ круглыми плоскими сочнями и края нижнихъ и верхнихъ сочней защипываютъ пальцами такъ, чтобы изъ пирога наружу воздухъ не проходилъ. Пироги эти величиной, какъ коровай хлѣба, пекутся въ печи съ утра до вечера, но ѣдятъ ихъ на другой день. 22) Съиленъ-нянъ—пирогъ съ говядиной. 23) Палэзенъ-нянъ—пирогъ съ рябиной. 24) Эмазéнъ-нянь—пирогъ съ малиной. 25) Губiэнъ-нянь—пирогъ съ грибами.

26) Вэйнъ пезь тэшъ—калачики, изжаренные въ маслѣ. 27) Юача—овсяный хлѣбъ, величиной съ калачъ, но круглый, съ небольшой ямкой въ срединѣ, куда, во время печенья, кладутъ небольшой кусокъ сала. 28) Чарыгень-нянь—пирогъ съ рыбой. 29) Колзё—сырое тѣсто изъ овсяной муки съ ягодами: съ черемухой, смородиной или рябиной. Это—десертъ. 30) Кэнэменъ пезьтэмъ—конопляное сѣмя, сваренное въ суслѣ такъ густо, какъ икра; цвѣтомъ темно-коричневое. Это тоже десертъ.

Напитки.

1) Сюкась—квасъ. Приготовляютъ его такъ: нальютъ въ горшокъ или въ чугунку воды, всыплютъ туда мякины съ отрубями горсти двѣ три солоду, смѣшаютъ все это и поставятъ на ночь въ печь. Утромъ эту кашицу перельютъ въ кадцу, разведутъ ее холодной водой—и чрезъ однѣ сутки квасъ готовъ. Цвѣтомъ этотъ квасъ бѣловатъ.

2) Суръ—пиво. Способъ приготовленія таковъ же, какъ и у русскихъ, но часто безъ хмѣля; на вкусъ этотъ напитокъ какъ плохой уксусъ, смѣшанный съ водой; нѣкоторые вмѣсто хмѣлю кладутъ древесные грибы, изъ которыхъ дѣлаютъ трутъ для добыванія огня.

3) Кумушка—кумышка. Это любимый охмѣляющій напитокъ у всѣхъ вообще вотяковъ; онъ мутнаго цвѣта, съ непріятнымъ сивушнымъ запахомъ и кисловатымъ вкусомъ. Кумышку варитъ каждая женщина для себя, лѣтомъ и зимой; лѣтомъ варятъ въ поляхъ и у лѣсовъ, гдѣ протекаетъ рѣчка, а зимой—въ шалашахъ, находящихся на дворахъ позади всѣхъ строеній. На кумышку дѣлаютъ солодъ изъ охвостьевъ, отдѣляемыхъ отъ хорошаго жита при вѣяніи, поэтому и кумышка отъ такого хлѣба хорошо не удается. Заводъ для кумышко-куренія устраивается такъ: по срединѣ шалаша на подставкахъ кадца вышиной около полуторыхъ аршина и шириной около аршина, а въ разстояніи трехъ четвертей аршина отъ кадцы—чугунный котелъ, вмѣщающій ведеръ пять или болѣе жидкости; котелъ этотъ закрывается двумя деревянными полукружіями; на одномъ изъ этихъ полукружій—гвоздь, служащій ручкой, для того, чтобы удобно было закрывать полукружіемъ котелъ и откры-

вать въ случаѣ надобности; на другомъ полукружіи, лежащемъ въ той сторонѣ, гдѣ стоитъ кадца, продѣлано круглое отверстіе съ четверть аршина въ поперечникѣ; отверстіе это закрывается глиняннымъ горшкомъ, опрокинутымъ на края отверстія; въ срединѣ опрокинутаго горшка опять небольшое круглое отверстіе; въ это отверстіе вкладывается деревянная трубка, другой конецъ которой соединяется съ мѣдной трубой, проведенной чрезъ отверстія кадцы наклонно. Въ котелъ наливаютъ приготовленный заторъ и варятъ до тѣхъ поръ, пока чрезъ горшокъ и трубы не пойдетъ одна кисловатая вода; потомъ брагу изъ котла выливаютъ и вмѣсто нея наливаютъ опять свѣжаго затору; когда кончится заторъ, тогда, вмѣсто него, наливаютъ полученную кисловатую воду и отъ этой воды первой гонки получается уже кумышка; эту кумышку еще перегоняютъ и получаютъ кумышку опять крѣпче; чѣмъ больше перегоняютъ, тѣмъ кумышка бываетъ крѣпче, но за то кумышки получается меньше. Края полукружій, соединяющихся съ краями котла и деревянной трубы съ горшкомъ и съ мѣдной трубой, замазываются тѣстомъ для того, чтобы воздухъ изъ котла въ наружу и изъ наружи въ котелъ не могъ проходить. Заторъ приготовляютъ такъ: горячую воду льютъ въ кадцу и разводятъ ее холодной водой такъ, чтобы она была не теплѣе парнаго молока; потомъ въ эту кадцу сыплютъ солоду и даютъ остынуть; въ эту массу кладутъ ковша два три дрожжей, называемыхъ шэмъ и чрезъ сутки заторъ готовъ. Дрожжи дѣлаютъ такъ: въ горячую воду сыплютъ солоду и даютъ остынуть; послѣ этого кладутъ туда квасную гущу и даютъ этой массѣ однѣ сутки времени на броженіе; если пѣна поднимется кверху хорошо, то значитъ дрожжи удались. Надъ кумышкой вотяковъ Сосновскаго края сосѣдніе вотяки Поломскаго края Глазовскаго уѣзда смѣются, говоря, что сосновская кумышка— зынъ ву, зынъ сюкась, т. е. вонючая вода, вонючій квасъ. Дѣйствительно, кумышка здѣшнихъ вотяковъ уступаетъ кумышкѣ вотяковъ Глазовскаго уѣзда. Глазовская кумышка, особенно изъ Балезинско-Поломскаго края (по Вятско-Пермскому тракту) не уступитъ и очищенной водкѣ, какъ крѣпостью, такъ запахомъ и прозрачностью: они очищаютъ ее черезъ березовый уголь, сукно и песокъ, чего Сосновскіе вотяки не умѣютъ дѣлать.

4) Мумъ-сўръ—медовое. Въ бураки и другія посудины, въ ко-

торыхъ былъ медъ, льютъ теплую воду, квасъ или пиво (а иные кладутъ еще туда комка два воску, изъ котораго выжатъ медъ) и этими жидкостями ополаскиваютъ посудину и медовое готово. Хорошаго меду на это не употребляютъ.

5) Шунытъ кумушка́—теплая кумышка. Кумышку наливаютъ въ чайникъ и ставятъ въ печь или на горячую золу съ угольями; когда согрѣется кумышка, подслащиваютъ ее медомъ или сахаромъ и напитокъ готовъ. Такой кумышкой потчуютъ только болѣе милыхъ гостей.

6) Шеръ бетъ—простая вода, подслащенная медомъ; это, впрочемъ, не напитокъ, а кушанье, потому что его подаютъ на обѣдъ.

7) Суръ ву—березовая вода, получаемая весной изъ березъ. Чтобы получить изъ березы эту воду, дѣлаютъ на ней насѣчки, а чтобы вода бѣжала въ посудину—въ буракъ или ведро, подъ насѣчки придѣлываютъ небольшіе желобки.

Содержаніе семьи.

Содержаніе семьи, состоящей примѣрно изъ 10 человѣкъ, считая и дѣтей съ 7 лѣтъ, стоитъ въ годъ около 200 рублей.

Всѣ жизненныя средства жители получаютъ съ хлѣба, который, за исключеніемъ потребнаго количества на свое пропитаніе, продаютъ на мѣстахъ хлѣбнымъ торговцамъ; на прихоти и домашніе расходы выручаютъ деньги за сѣно, дрова, льняное и конопляное сѣмя, за медъ, воскъ и проч. Вышеозначенная сумма по предметамъ нужды распредѣляется такъ:

	Руб.	Коп.
1) Хлѣба 60 пуд. въ годъ *)	48	—
2) Соли 5 пуд.	2	—
3) Говядины 20 пуд.	40	—
4) Желѣза (ножъ, топоръ, ральники, косы, серпы и проч.)	3	—
5) Толокна 5 пуд.	10	—
6) Гороху 8 пуд.	6	—
7) Крупы 10 пуд.	8	—
8) Одежда	10	—

*) Количество хлѣба, нужное для прокормленія 10 человѣкъ, должно быть больше указаннаго авторомъ. *Ред.*

9) Обувь	5	—
10) Деготь	—	40
11) Свѣчи и керосинъ	1	50
12) Вино	20	—
13) Табакъ	1	50
14) На чай и сахаръ	5	—
15) На уплату податей, земскихъ и мірскихъ сборовъ	30	—

Изъ этихъ предметовъ: хлѣбъ, говядина, толокно, горохъ, крупа, одежда (кромѣ женскихъ платковъ, мужскихъ опоясокъ, шапокъ, рукавицъ), обувь (кромѣ сапоговъ) получаются дома, а остальное пріобрѣтается за деньги въ Ижевскомъ и Воткинскомъ заводахъ и на базарахъ.

Занятія жителей.

Жители занимаются только хлѣбопашествомъ; другихъ коренныхъ занятій у нихъ нѣтъ. Сѣютъ озимую рожь и яровые хлѣба: ячмень, овесъ, пшеницу, горохъ; кромѣ того, сѣютъ еще ленъ и коноплю; если есть у кого новыя расчистки, сѣютъ рѣпу. Тридцатая часть жителей имѣетъ и пчелъ отъ двухъ до двадцати чурокъ и изъ каждой чурки добываютъ меду каждый годъ отъ 10 фунтовъ до 2 пудовъ; соты подрѣзываютъ два раза въ годъ: весной послѣ Благовѣщенія и осенью послѣ страды. Озимую рожь сѣютъ около 5-го августа, а яровые хлѣба послѣ Егорьева дня (23-го апрѣля): конечно и ленъ сѣютъ послѣ яровыхъ посѣвовъ, а рѣпу—еще позже.

Занятія жителей по временамъ года распредѣляются такъ:

а) Занятія весеннія и лѣтнія. Послѣ окончанія молотьбы хлѣба, пока не просохнетъ земля, мужчины рубятъ въ лѣсахъ дрова, возятъ сѣно съ луговъ и полей, а женщины ткутъ холсты; затѣмъ, когда просохнетъ земля, мужчины сѣютъ хлѣбъ, а женщины бѣлятъ холсты, шьютъ новое бѣлье, варятъ кумышку, а тамъ садятъ въ огородѣ картофель, лукъ, рѣдьку, свеклу, морковь, калегу и капусту. Дѣвушки по вечерамъ, до самаго сѣнокоса, поютъ на площадяхъ хороводныя пѣсни; туда же ходятъ и парни съ гармониками. Съ Петрова дня по Ильинъ день идетъ сѣнокосъ, а съ Ильина дня наступаетъ жатва; сначала жнутъ рожь, а потомъ—

овесъ; снопы вѣшаютъ на колья, а грудокъ и суслоновъ не кладутъ. Около 5-го августа, когда мужчины сѣютъ рожь, на полосахъ увидишь только однѣхъ женщинъ. Пчеловодъ въ жаркіе дни, во время сѣнокоса, караулитъ рои въ своихъ пчельникахъ и пересаживаетъ ихъ въ новыя чурки.

б) Занятія осеннія. Послѣ уборки хлѣбовъ мочатъ въ рѣчкахъ коноплю и липовые лубья на мочало; женщины снимаютъ ленъ, который стелятъ по воскресеньямъ во время страды; снявши его, сушатъ въ баняхъ и ломаютъ; когда ленъ готовъ, у дѣвокъ начинаются посидѣлки въ баняхъ; туда же ходятъ и парни плесть лапти и любезничать съ дѣвушками. Мужчины взрослые въ избахъ плетутъ лапти, вьютъ веревки, дѣлаютъ сани и проч., а днемъ ѣздятъ въ лѣсъ за дровами, возятъ навозъ, расчищаютъ новыя мѣста; нѣкоторые занимаются звѣроловствомъ въ лѣсахъ, принадлежащихъ казнѣ и заводамъ, Воткинскому и Ижевскому, въ которыхъ водятся медвѣди, волки, лисицы, рыси, олени и мелкіе звѣри: бѣлки, куницы, горностаи, выдры и проч. Женщины по вечерамъ какъ и дѣвушки, прядутъ ленъ, коноплю, сучатъ нитки.

в) Занятія зимнія. Съ наступленіемъ зимы до масляницы продолжается молотьба хлѣба, за исключеніемъ ненастныхъ дней; по вечерамъ женскій полъ прядетъ ленъ и пеньку, а мужчины плетутъ лапти, вяжутъ варежки. Днемъ кто занимается звѣроловствомъ, ставитъ капканы для зайцевъ, лисицъ, волковъ и ловушки для горностаевъ и чрезъ день, два ходитъ по снѣгу на длинныхъ лыжахъ смотрѣть эти ловушки, а кто возитъ дрова, снопы и проч. Произведенія своей сельской промышленности сбываютъ въ Воткинскій и Ижевскій заводы (тотъ и другой въ 40 верстахъ отъ села Сосновки).

Охота на птицъ и звѣрей.

Такъ какъ охота служитъ жителямъ только вмѣсто развлеченія, то и занимаются ею немногіе и то въ свободное время, именно осенью послѣ уборки хлѣбовъ и зимой въ воскресные дни.

Осенью стрѣляютъ изъ ружей, покупаемыхъ въ Ижевскомъ оружейномъ заводѣ, бѣлокъ, зайцевъ, рябчиковъ, тетеревей, глухарей и утокъ; для рябчиковъ, тетеревей и глухарей дѣлаютъ также волосяные силки, называемые *вы*. Силки эти ставятся на землѣ

или на кокорѣ (лежащее на землѣ дерево, вырванное съ корнемъ), или же на деревѣ. Устройство силковъ на землѣ таково: расчищають мѣсто около одного аршина въ длину и полъаршина въ ширину и посыпають его пескомъ. Среди этого мѣста вбиваются два небольшихъ колышка, одинъ отъ другаго на разстояніи съ четверть аршина; на эти колышки сверху кладуть перекладину, а по бокамъ колышковъ дѣлають заборчики вдоль всего посыпаннаго пескомъ мѣста; пространство между колышками представляеть маленькія ворота. Къ срединѣ перекладины привязывають силокъ, который, образуя петлю, снизу поддерживается слегка воткнутымъ въ землю сучкомъ длиною около одного вершка. Для глухарей и тетеревей такіе силки дѣлають побольше, чѣмъ для рябчиковъ. Птицы эти любять порыться въ пескѣ; увидя мѣсто, посыпанное пескомъ, спускаются къ нему, не замѣчая устроенной западни, сами лѣзуть головой въ петлю и задушаются. На деревѣ или на кокорѣ силки дѣлають такъ: привязывають кисти красныхъ ягодъ (рябины или калины) въ двухъ мѣстахъ, около одного аршина одна отъ другой; между этими кистями, въ срединѣ, дѣлають посредствомъ кончика ножа небольшую щель и въ эту щель втыкають заостренный конецъ тоненькаго сучка, длиною съ вершокъ, верхній конецъ котораго расщепленъ ножомъ; затѣмъ надъ этимъ сучкомъ или спичкой дѣлають перекладину или, вмѣсто перекладины, пользуются живой вѣткой сосѣдняго дерева; къ этой перекладинѣ или вѣткѣ привязывають силокъ, который и вкладывается нижнимъ концомъ въ расщепленный конецъ сучка такъ, чтобы силокъ только чуть могъ держаться на немъ. Голодная птица, склевавши одну кисть ягодъ, идетъ къ другой, встрѣчаетъ на пути силокъ и, сунувъ голову, задушается. Для тетеревей дѣлають у лѣсовъ конусообразныя ловушки, называемыя туръ-мордà; вбивають въ землю нѣсколько кольевъ, образующихъ обращенный конусъ; круглое отверстіе вверху имѣетъ въ діаметрѣ около одного аршина, дно же воронки равняется только тремъ-четыремъ вершкамъ; отверстіе конуса покрывается овсяной соломой съ колосьями, а поверхъ ея кладуть еще нѣсколько овсяныхъ колосьевъ. Голодная птица, увидя на соломѣ колосья съ зернами, садится на солому и падаетъ внизъ и оттуда при всѣхъ усиліяхъ не можетъ подняться кверху; пространство между стѣнками конуса не дозво-

ляетъ ей распустить крылья и она попадаетъ въ руки охотника живою.

Мелкихъ птицъ ловятъ въ особенные силки съ пружинками, называемые пижны. Срубятъ молодую елочку, вышиной не менѣе двухъ аршинъ, очистятъ ее отъ верхнихъ сучьевъ, а на нижнемъ концѣ, въ разстояніи двухъ четвертей отъ него, оставятъ одинъ длинный сучекъ; къ этому сучку привязываютъ волосяной силокъ, пригибаютъ сучекъ къ колышку и продѣваютъ силокъ чрезъ небольшую дырочку, проверченную шиломъ въ концѣ колышка, по другую сторону котораго образуется кольцеобразная петля; со стороны петли въ дырочку втыкаютъ небольшую вѣточку такъ легко, чтобы только держалась петля до времени своего дѣйствія; а для того, чтобы птичка не могла садиться на конецъ колышка, его дѣлаютъ острымъ какъ шило. Прилетѣвши къ ловушкѣ, птичка садится на вѣточку, которая подъ тяжестью птички падаетъ и сучекъ-пружина, принимая прежнее положеніе, тянетъ силокъ и прижимаетъ ножки птички къ колышку. Птичка попадаетъ живою въ руки человѣка. Ловушки эти втыкаютъ по нѣсколько штукъ въ снѣгъ близь лѣсовъ и гуменъ, а для приманки бросаютъ мякины и сѣмянъ.

Кромѣ этихъ ловушекъ на гумнахъ ставятъ для голубей и прочихъ птицъ, напримѣръ, куропатокъ, опять особаго рода силки. Къ небольшимъ дощечкамъ, аршинъ длиной и полъаршина шириной, прибиваютъ штукъ двадцать силковъ длиною съ четверть и, сдѣлавъ изъ нихъ петли, ставятъ ловушку на то мѣсто, гдѣ болѣе водится птицъ; а чтобы птицы не подозрѣвали покушеній, доску засыпаютъ мякиной и на верхъ сыплютъ зерна. Чтобы запутаться въ силокъ, птицѣ стоитъ только пройти одинъ разъ по доскѣ.

Для зайцевъ ставятъ капканы и дѣлаютъ, такъ называемые, кечькоры. Для такихъ ловушекъ выбирается въ лѣсу мѣсто, гдѣ стоитъ небольшая группа деревьевъ; между ними расчищается площадка длиною въ сажень и шириною въ полъаршина; по продольнымъ сторонамъ этой площадки кладутъ два бревна около одной сажени длиною, а между ними вбиваютъ два столбика одинъ противъ другаго, вышиною около полутора аршина; по сторонамъ бревенъ дѣлаютъ изгородь, какъ и у силковъ для глухарей; въ промежуткѣ между столбиками помѣщаютъ два длинныхъ бревна, каждое толщиною около четверти аршина въ поперечникѣ; передніе концы этихъ

бревенъ связываютъ веревкою, свитою изъ тонкихъ вѣтокъ, а заднie концы скрѣпляются съ лежащими параллельно съ ними боковыми бревнами; сверху столбики скрѣпляются перекладиной, на которую кладется палка длиною три четверти аршина; переднiй конецъ этой палки всовывается подъ веревку, связывающую бревна, которыя при этомъ съ земли подымаются, а къ заднему концу привязываютъ молодую ивовую вицу толщиной съ гусиное перо; другой конецъ вицы пропускается промежъ бревенъ и привязывается къ небольшому прутику, всунутому подъ лежащiя бревна, поперекъ ихъ. Ловушка эта представляетъ пасть и зѣвъ звѣря; заяцъ, бѣгая въ поискахъ за пищею, видитъ вицу, заходитъ въ пасть и перегрызаетъ вицу; подъ тяжестью бревенъ палка сбрасывается съ перекладины и пасть, закрываясь, убиваетъ зайца.

Лисицъ, куницъ и норокъ ловятъ въ обыкновенные капканы, а волковъ въ большie. На бѣлокъ ходятъ осенью съ собаками и бьютъ ихъ изъ ружей.

Горностаевъ ловятъ въ маленькie капканы и въ простыя, но остроумно выдуманныя, ловушки подъ названieмъ налькъ. У изгородей, гдѣ бѣгаютъ эти звѣрки, кладутъ деревянную доску шириной съ полъаршина и длиной въ аршинъ и болѣе; у одного изъ ея концовъ, по бокамъ этой доски, вколачиваютъ одинъ противъ другаго два столбика, вышиною въ три четверти аршина; на этихъ столбикахъ скрѣпляютъ перекладину, а на другомъ концѣ доски, у самой средины ея, вколачивается въ землю колъ длиною въ четверть аршина. Къ этому гвоздю привязываютъ ободранное лыко шириною не менѣе одного дюйма и проводятъ его по срединѣ доски до другаго ея конца; на свободномъ концѣ лыка дѣлаютъ ножомъ нѣсколько зарубокъ; если же нѣтъ лыка, то вмѣсто него привязываютъ мочало, а вмѣсто зарубокъ дѣлаютъ узлы; къ лыку, по срединѣ его длины, привязываютъ кусокъ мяса или рыбы для приманки звѣрка; къ срединѣ верхней перекладины привязываютъ мочалку или веревочку, а къ другому концу веревочки привязываютъ небольшой клинышекъ величиною съ указательный палецъ; на нижнюю доску кладутъ другую такой же величины, но нѣсколько тяжелѣе; затѣмъ верхнюю доску поднимаютъ до половины столбиковъ и подпираютъ верхнимъ тупымъ концомъ клинышка, острый конецъ котораго задѣвается за зарубку на лыкѣ. Чуть только звѣ-

рокъ дотронется до приманки, клинъ соскакиваетъ съ зарубки, верхняя доска падаетъ на звѣрка и убиваетъ его.

На медвѣдей охотятся очень рѣдко.

Сватовство и свадебные обряды.

Когда жениху исполнится 16—17 лѣтъ, отецъ его, пригласивши кого-нибудь изъ родныхъ, ѣдетъ сватать присмотрѣнную для сына невѣсту, которую женихъ, можетъ быть, и не знаетъ, но согласія его не спрашиваютъ. Пріѣхавши къ невѣстѣ, садятся на лавку, говорятъ о томъ, о семъ; какъ гостей, ихъ сажаютъ за столъ, потчуютъ кумышкой, обѣдомъ и, если есть самоваръ, то и чаемъ. Если это первые сватовщики и случится при нихъ на столѣ цѣльный коровай хлѣба, то говорятъ, что это къ счастью, и невѣсту выдаютъ за перваго жениха; если же случится не цѣльный коровай, то выдаютъ невѣсту обыкновенно лишь за третьяго жениха. Послѣ обѣда товарищъ женихова отца вынимаетъ изъ-за пазухи табакерку съ табакомъ и потчуетъ табакомъ отца и мать невѣсты, давая тѣмъ знать, по заведенному обычаю, цѣль своего пріѣзда (впрочемъ, у иныхъ переговоры идутъ раньше). Родители невѣсты, по обычаю, не должны отказываться отъ понюшки табаку; нюхая табакъ, говорятъ, что отправить одну понюшку не бѣда. Попотчивавши табакомъ, товарищъ женихова отца кладетъ въ пазуху невѣстиной матери серебряный рубль и та, если согласна, беретъ монету, завертываетъ ее въ лоскутокъ кумачу и передаетъ невѣстѣ, которая отказаться уже не можетъ; затѣмъ послѣ матери, по старшинству, сватъ даетъ и прочимъ въ семействѣ кому 20 коп., кому 10, кому 5, а маленькимъ ребятишкамъ по 2 или по одной копѣйкѣ; если ребятишки недовольны подачкой, то просятъ прибавки. Кто изъ сосѣдей знаетъ, что въ домѣ идетъ сватовство, идетъ смотрѣть, за что получаетъ отъ сватовщиковъ копѣйку денегъ; потомъ сватовей сажаютъ за столъ и потчуютъ кумышкой, варятъ мясо и во время обѣда поютъ пѣсни; кумышкой сначала потчуетъ мать невѣсты, потомъ сама невѣста. Въ концѣ сидѣнія за столомъ невѣста подноситъ женихову отцу рюмку съ кумышкой и тотъ, взявши рюмку, говоритъ: я, таберé лу мыны́мъ кенъ! (ну, теперь будь мнѣ сноха!) и, выпивъ рюмку кумышки, даритъ невѣстѣ серебряный рубль; невѣста, принявши даръ

на правый рукавъ платья, кланяется будущему свекру въ ноги; попировавши до вечера, уѣзжаютъ.

Если женихъ и невѣста другъ друга еще не видѣли, то въ первый же праздникъ женихъ ѣдетъ къ невѣстѣ въ гости и тамъ смотрятъ другъ друга; а какъ поглянутся другъ другу, невѣста даритъ жениху кисетъ своей работы (кошелекъ для денегъ). Когда жениху исполнится узаконенное для брака число лѣтъ (или раньше, если разрѣшитъ обвѣнчать по прошенію архіерей), отецъ жениха выряжаетъ калымъ отъ 20 до 100 рублей, а съ невѣсты выряжаютъ приданое изъ бѣлья, платья и проч. и затѣмъ вѣнчаютъ. Послѣ вѣнца никакихъ пирушекъ не бываетъ и молодые уѣзжаютъ каждый къ своимъ родителямъ, и такъ какъ, по понятіямъ ихъ, это еще не свадьба, то живутъ попрежнему, какъ чужіе; настоящая свадьба бываетъ въ Петровъ день, 29-го іюня, или на масляной недѣлѣ. Иные мало семейные сватаютъ когда жениху не болѣе пятнадцати лѣтъ и увозятъ невѣсту къ жениху до вѣнца; вѣнчаютъ, когда женихъ съ невѣстой уже успѣютъ пожить и послѣдняя забеременѣетъ.

Наканунѣ Петрова дня (а если свадьба бываетъ зимой на масляной недѣлѣ, то во вторникъ), отецъ жениха приглашаетъ изъ своей родни или знакомыхъ на свадьбу человѣкъ десять поѣзжанъ, изъ коихъ половина мущинъ и половина женщинъ; кромѣ того, приглашается въ тысяцкіе крестный отецъ жениха съ женой. Запрягаютъ самыхъ лучшихъ коней по парѣ въ каждую телѣгу, привязываютъ къ дугамъ по два колокольчика, а нѣкоторые къ уздамъ бубенчики; въ каждую телѣгу садится по два человѣка, одѣтыхъ въ лучшія платья; изъ двора на свадьбу провожаютъ сосѣди съ кумышкой и разными восклицаніями: дзечь вѣтлэ! тудо-буро! (благополучно! счастливо!): жениха съ собой не берутъ.

Свадьба къ невѣстѣ обыкновенно пріѣзжаетъ вечеромъ; въ этотъ день никакихъ угощеній, кромѣ кумышки, не бываетъ; выпрягаютъ коней и отдыхаютъ. Невѣста бываетъ одѣта просто, какъ будто она не невѣста; поѣзжане на нее и она на поѣзжанъ не обращаютъ никакого вниманія. Вечеромъ одинъ изъ старшихъ поѣзжанъ спитъ на невѣстиной постели, а другіе гдѣ попало; невѣста спитъ съ матерью или съ другими женщинами, или же съ подружками. Тотъ, кто ночевалъ на невѣстиной постели, вставши утромъ, кладетъ одну или нѣсколько мелкихъ серебряныхъ монетъ подъ по-

душки невѣсты. Утромъ старшихъ поѣзжанъ сажаютъ за столъ, кормятъ завтракомъ и поятъ кумышкой; а молодые люди, составивши на полу кругъ, поютъ пѣсни изъ однихъ слоговъ: айдо шнэно и проч. При этомъ медленно расхаживаютъ кругомъ по солнцу; затѣмъ, когда выйдутъ изъ-за стола старшіе, сажаютъ молодыхъ; около обѣда идутъ въ баню; сначала сходятъ мужики, а потомъ—женщины.

Въ другихъ деревняхъ дѣлается такъ: когда пріѣдетъ свадьба, невѣста, нарядившись въ лучшій нарядъ, въ сопровожденіи своихъ подружекъ, идетъ прятаться въ поле во ржи, если свадьба бываетъ лѣтомъ, а если зимой, то на гумно; подружки ея берутъ съ собой кумышки; гдѣ спряталась невѣста, указываетъ кто-нибудь изъ семейныхъ, за что получаетъ въ даръ серебряную монету въ 20 или 10 копѣекъ. Нашедши невѣсту, поютъ пѣсни и надѣваютъ на нее платокъ съ кистями, которыя покрываютъ все лицо невѣсты, и идутъ домой; пришедши въ избу, говорятъ: гербэръ сиська шедьтъимъ! (нашли Петровскій цвѣтокъ); само собою разумѣется, что это говорятъ только тогда, когда свадьба бываетъ въ Петровки.

Если кто изъ сосѣдей позоветъ въ гости, идутъ къ нему всѣ съ пѣснями; тамъ потчуютъ ихъ кумышкой и обѣдомъ.

Подъ вечеръ втораго дня накрываютъ большой столъ разною стряпней и щами; въ передній уголъ сажаютъ тысяцкаго рядомъ съ невѣстой. Ставятъ на столъ четвертную бутыль съ кумышкой и разные дары передъ каждымъ: женскому полу платки и шали, а мущинамъ сапоги, рукавицы и опояски. Получающіе подарки кладутъ на нихъ серебряныя деньги, кто сколько желаетъ, смотря по тому, каковы подарки; потомъ, взявши подарки въ руки, зовутъ къ столу отца и мать невѣсты и подносятъ имъ деньги на подаркахъ, а тѣ, поцѣловавши деньги, берутъ ихъ въ ротъ и изо рта кладутъ на правый рукавъ, а съ рукава въ лѣвую руку; при этомъ за подарки и за деньги другъ друга благодарятъ; кромѣ подарковъ, означенныхъ выше, даютъ по полотенцу каждому мущинѣ поѣзжанину, который и опоясывается имъ. Во все время обѣда дѣвушки и женщины поютъ пѣсни, а невѣста, сидя въ послѣдній разъ за столомъ родителей, воетъ во всеуслышаніе, причитывая жалобныя слова на родителей, что они отдаютъ ее въ чужія руки; тысяцкій, крестный отецъ невѣсты, утѣшаетъ ее, говоря, что не вѣкъ же ей

быть въ дѣвушкахъ. Тѣмъ временемъ неучаствующіе въ обѣдѣ мущины запрягаютъ коней и выносятъ сундуки и прочее приданое невѣсты; предъ выносомъ сундуковъ, братья или сестры невѣсты, садятся на нихъ и говорятъ, что они даромъ не дадутъ приданое; поѣзжане должны выкупить приданое, заплативъ копѣекъ пять или и того меньше. Когда все готово къ отъѣзду, невѣста выходитъ изъ-за стола, кланяется въ ноги отцу, матери и прочимъ въ семействѣ, прощается съ нѣкоторыми неодушевленными предметами въ избѣ и затѣмъ направляется къ двери; при этомъ отецъ, мать и прочіе плачутъ слезами, утѣшаютъ ее, говоря: не скучай милая, будемъ ѣздить къ тебѣ часто. Къ шапкамъ поѣзжанъ подружки невѣсты пришиваютъ лоскутки. Невѣсту провожаетъ столько же человѣкъ, сколько пріѣзжало отъ жениха.

Наконецъ свадебный поѣздъ трогается; если на пути случится деревня, въ которой есть знакомые или родственники жениха или невѣсты, то останавливаются на дорогѣ противъ ихъ дома и хозяева выходятъ потчивать поѣзжанъ кумышкой. Поѣзжане же изъ телѣгъ своихъ до мѣста не выходятъ. Къ пріѣзду свадьбы, дома у жениха, приготовляется обѣдъ и разныя угощенія. Свадьбу встрѣчаютъ въ иныхъ деревняхъ съ хлѣбомъ-солью отецъ и мать жениха, а въ другихъ—выходятъ встрѣчать только съ кумышкой нарядно одѣтыя женщины.

У жениха, какъ и у невѣсты, вечеромъ въ день пріѣзда никакихъ особенныхъ угощеній не бываетъ; выпрягаютъ коней, убираютъ приданое невѣсты и послѣ разговоровъ и пѣсенъ, продолжающихся около двухъ часовъ, ложатся спать; невѣста спитъ съ провожатыми женщинами на постели свекрови своей или золовокъ, а прочіе изъ поѣзжанъ спятъ на постели невѣсты, за что кладутъ утромъ подъ подушки деньги. На другой день утромъ, послѣ завтрака, идутъ съ пѣснями по сосѣдямъ, гдѣ угощаютъ ихъ кумышкой и обѣдомъ; женихъ же до вечера бываетъ въ сторонѣ. Подъ вечеръ накрываютъ большой столъ разными яствами и раздаютъ провожатымъ подарки отъ жениха, такъ же какъ раздавались и у невѣсты. Вечеромъ укладываютъ молодыхъ спать въ клѣтѣ или въ отдѣльную избу на постель, при этомъ у присутствующихъ мущинъ отбираютъ шапки, а у женщинъ платки или фартуки и все это бросаютъ подъ подушки молодыхъ, говоря: пусть

будетъ молодымъ спать мягко. Шапки и платки выкупаютъ на другое утро женщины съ кумышкой, каковой потчуютъ поѣзжанъ, которые укладывали молодыхъ спать. Если провожатые встанутъ утромъ прежде молодыхъ, то молодаго штрафуютъ кумышкой, которой долженъ онъ выставить четверть ведра; пропировавши до вечера, запрягаютъ провожатымъ коней и въ послѣдній разъ молодой выставляетъ имъ еще четверть водки или кумышки, за что ему даютъ денегъ кто 2 коп., кто 5 и т. д,; выпивши четверть ведра, провожатые уѣзжаютъ.

По отъѣздѣ провожатыхъ сосѣди жениха, мущины и женщины, идутъ поздравлять молодыхъ; молодушка потчуетъ ихъ, за что получаетъ денегъ отъ кого 1 коп., отъ кого 5 и т. д.; сосѣди говорятъ ей: ну теперь будь наша, не скучай! Свекоръ и свекровь даютъ ей по одному рублю. При угощеніи каждый говоритъ: курытъ! (горько!) и молодой долженъ поцѣловать молодушку. Всѣхъ денегъ у молодушки накопляется рублей 5—6, а у богатыхъ около 20 руб.

Когда провожатые пріѣдутъ домой, сосѣди съ женами идутъ ихъ потчивать кумышкой, говоря, что у нихъ съ похмѣлья болитъ голова; при этомъ смотрятъ подарки, полученные отъ жениха.

Куккóнъ (кража невѣстъ).

Кое гдѣ у вотяковъ, преимущественно въ Большепургинской сторонѣ, существуетъ обычай красть невѣстъ. Крадутъ невѣстъ или во избѣжаніе расходовъ на свадьбу или въ случаѣ несогласія родителей выдать дочь за избраннаго ею жениха,—въ послѣднемъ случаѣ съ согласія невѣсты; часто, впрочемъ, крадутъ и за нелюбимыхъ невѣстами, но богатыхъ жениховъ, когда родители невѣсты, предвидя большой кушъ калыма, изъявляютъ полное согласіе на бракъ противъ желанія невѣсты. Кража происходитъ обыкновенно ночью и на другой же день въ мѣстной церкви совершается обрядъ вѣнчанія. Если невѣста украдена безъ согласія родителей, послѣдніе во всякомъ случаѣ вознаграждаются калымомъ щедрѣе обыкновеннаго и дѣло оканчивается миромъ; а невѣста, неизъявившая согласія на вступленіе въ бракъ и объявив-

шая объ этомъ священнику, увозятся обратно къ родителямъ. Въ одной изъ деревень Большепургинскаго прихода (кажется, въ Сепожѣ) украли невѣсту за богатаго, но не любимаго невѣстой, жениха и невѣста, не смотря ни на какія уговариванія со стороны жениха и родителей, на бракъ не согласилась. Женихъ же давалъ родителямъ и самой невѣстѣ 200 рублей.

При такихъ свадьбахъ никакихъ пирушекъ не бываетъ.

Обряды при рожденіи дѣтей.

Женщина вотячка, на четвертомъ или на пятомъ мѣсяцѣ беременности, считаетъ непремѣнною обязанностію наварить ко времени разрѣшенія своего отъ бремени, ведра три-четыре кумышки.

Чувствуя приближеніе родовъ, она посылаетъ за бабушкой, занимающейся повивальнымъ дѣломъ и велитъ топить баню; пока семейные топятъ баню, бабушка дѣлаетъ вокругъ постельки больной занавѣсъ, чтобы никто не видалъ больную, особенно новорожденнаго младенца, котораго, по понятіямъ жителей, всякъ можетъ сглазить.

Какъ только родится младенецъ, бабушка, исполнивъ всѣ свои обязанности, сообщаетъ отцу новорожденнаго; тотъ ставитъ на столъ вино или кумышку и всѣ семейные пьютъ, поздравляя новорожденнаго, который лежитъ въ пеленкахъ при матери. Односельцы, узнавши, что въ домѣ есть новорожденный, идутъ поздравлять его отца. Женщины идутъ со стряпней кормить роженицу, а мущины даютъ денегъ: кто копѣйку, кто двѣ, кто пять и т. д.; такимъ образомъ, набирается рублей до пяти, не болѣе. Затѣмъ начинается пирушка, которую называютъ *кабакв*; продолжается она день и ночь безпрерывно въ теченіи трехъ-четырехъ сутокъ и во все время пирушки въ избѣ стоитъ табачный дымъ отъ куримыхъ трубокъ, во вредъ здоровью новорожденнаго. Если подъ конецъ не достанетъ кумышки, приходится брать уже въ питейномъ заведеніи.

Черезъ годъ или полтора, за каждаго ребенка приносятъ Воршуду рыбную жертву. Для каждой деревни родъ рыбы опредѣленъ давно, поэтому каждая деревня знаетъ свою рыбу, и, въ случаѣ нужды, платитъ за нее дорого, лишь бы найти.

Обряды надъ умершими.

Такъ какъ вотяки, особенно вотячки, вообще боятся мертвыхъ, то какъ только кто разстался съ душей, приглашаютъ сосѣдей; семейные оплакиваютъ покойника, а приглашенные дѣлаютъ гробъ, обмываютъ умершаго, надѣваютъ на него чистое бѣлье и на шею—мѣдный крестикъ. Положивъ тѣло въ гробъ, кладутъ мущинѣ шапку, рукавицы, денегъ, коточикъ и, кто курилъ табакъ, трубку и проч., приговаривая, что пусть онъ тамъ не нуждается въ этихъ вещахъ; женщинѣ кладутъ серебряныя монеты.

Когда покойникъ будетъ уже въ гробѣ, сосѣди идутъ провожать его съ кумышкой и, выпивая ее, говорятъ: дзечь улъ соязъ дунье ынъ (хорошо живи на томъ свѣтѣ), затѣмъ отвозятъ покойника въ усыпальницу, находящуюся при церкви въ селѣ. Провожать покойника считаютъ обязанностію, говоря, что, если провожать покойника, то онъ, по смерти твоей, будетъ тебя встрѣчать на томъ свѣтѣ такъ же, какъ ты провожалъ его на землѣ, и будетъ онъ знакомить тебя съ тѣми мѣстами, гдѣ живутъ умершіе. Вѣря въ безсмертіе души, жители говорятъ, что кто жилъ на землѣ хорошо, т. е. богато, тамъ будетъ жить худо; кто жилъ худо, т. е. бѣдно, тотъ тамъ будетъ жить хорошо; грѣшниковъ будутъ мучить въ кипящей смолѣ.

Всѣ оставшіяся послѣ покойника вещи и немытую одежду бросаютъ на лубянкѣ въ лѣсъ или въ логъ.

Религія жителей.

Вотяки—христіане [1]), но при смутномъ понятіи о христіанской вѣрѣ, они совершаютъ молитвы и по языческимъ обрядамъ, перешедшимъ отъ предковъ.

Не имѣя никакого понятія о Пресвятой Троицѣ, вотяки говорятъ, что есть одинъ только Богъ—Инмаръ Кылдысинъ и что все сотворено имъ: но въ своихъ языческихъ молитвахъ они упомина-

---

[1]) Христіанство приняли здѣшніе вотяки назадъ тому около двухъ сотъ лѣтъ.

ютъ и другихъ боговъ. Такихъ боговъ у нихъ считается нынѣ шестнадцать, именно: 1) Гудырймумы—богиня грома, молній и тучъ; 2) Инъ вожо—богъ полдня; онъ господствуетъ только въ полдень, съ 20 іюня по 20 іюля; ему никакой жертвы не приносятъ, а почитаютъ его только однимъ соблюденіемъ тишины въ полдни; онъ не любитъ чернаго цвѣта, шуму, работы; поэтому въ полдни не велятъ рвать цвѣты, траву, рыть землю. Если кто нибудь во время Инъ-вожо будетъ рвать травv, цвѣты, или вынесетъ изъ избы котелъ, чугунъ и проч., будетъ черпать ими воду изъ рѣчекъ и взойдетъ послѣ этого туча, говорятъ, что онъ прогнѣвалъ Инъ вожо, показавъ черный цвѣтъ; 3) Инъ вў—богъ дождя; 4) Му кылдысинъ—богъ земли. 5) Утысь—богъ-хранитель скота; болѣзнь колтунъ, состоящую въ перепутываніи гривы у лошадей, приписываютъ его продѣлкамъ; говорятъ: «любитъ, потому и путаетъ»; 6) Кереметъ—богъ зла. 7) Шайтанъ—нечистый духъ: ему приносятъ жертву въ случаѣ болѣзней людскихъ, по совѣту ворожецовъ; 8) Акшанъ—богъ сумерекъ. Онъ не любитъ во время сумерекъ никакой работы, ни шуму, ни ѣды и проч., а требуетъ, чтобы въ эту пору только лежали; 9) Воршудъ — богъ счастія семейной жизни. 10) Нюлэсъ-Муртъ—богъ лѣсовъ и вѣтровъ (у русскихъ—лѣшій); его представляютъ страшнымъ великаномъ, ходящимъ въ вихрѣ; въ завѣдываніи его всѣ звѣри и птицы лѣсные; 11) Ву Муртъ—богъ озеръ, рѣкъ, прудовъ (у русскихъ—водяной дѣдушка); онъ злой; топитъ купающихся въ водѣ, прорываетъ мельницы, особенно когда бываетъ у водяныхъ свадьба. Чтобы умилостивить его и получить хорошій уловъ рыбы, бросаютъ ему деньги: 12) Черъ—богъ болѣзней, особенно скотскихъ; 13) Калдыкъ-Мумы богиня покровительница вотячекъ; ей жертвъ не приносятъ, а только обращаются со словами: «Э, калдыкъ мумы»! Это значитъ, что вотячка обращается къ ней подъ покровительство: 14) Кутысь—богъ людскихъ болѣзней, преимущественно коросты: онъ находится при ключахъ и рѣчкахъ; чтобы очиститься отъ коросты, бросаютъ завязанными въ тряпкахъ жертвы: крупу, яйца, блины и проч., а иногда и живыхъ птицъ со связанными ножками: при этомъ говорятъ: ме, си тае́ монэ энъ си (на, ѣшь это, меня не тронь) и съ этими словами идутъ, не оглядываясь назадъ. Это бросаніе называется Куяськонъ. Какого ключа Кутысь поразилъ коростой, про то сказываетъ ворожецъ,

тунò.—Ворожбой занимаются обыкновенно старики и старухи; поэтому къ нимъ идетъ, не стѣсняясь, всякій, съ какими нибудь двумя тремя копѣйками денегъ, а нерѣдко и съ однимъ грошомъ. Ворожатъ такъ: нальютъ въ чашку воды и смотрятъ туда пристально, какъ будто видятъ что въ водѣ или берутъ въ руки монету и смотрятъ въ нее, повертывая на всѣ стороны съ четверть часа; послѣ того ворожцы сказываютъ, гдѣ человѣка поймала боль и что надо подарить Кутысью, чтобы не было коросты. 15) Акташъ; это, по отзыву нѣкоторыхъ, мѣстопребываніе какого-то божества, которому приносятъ жертвы по совѣту ворожца. Ворожцы говорятъ: «Акташъ вэсянò» (надо принести жертву въ Акташъ). Вотякъ поч. Малого Казеса, Шарканскаго прихода, Степанъ Васильевъ Широбоковъ объяснилъ, что Акташъ подобенъ Керемету; а Иванъ Емельяновъ, изъ села Шаркана, подтвердилъ, что Акташъ—злѣйшее изъ всѣхъ божество; если онъ наведетъ на человѣка болѣзнь—непремѣнно требуется жертва, иначе вылечить ничѣмъ нельзя. Другіе отозвались въ такомъ же смыслѣ и въ результатѣ получилось слѣдующее: Акташъ—богъ зла, напускающій болѣзни преимущественно съ захожденіемъ солнца. Кереметъ же—злой духъ, могущій повредить во всякое время дня или, говоря славянскимъ языкомъ, Кереметъ—бѣсъ полуденный. 16) Вожò—богъ страха и привидѣній: ему приносятъ въ жертву кодъ по случаю болѣзни ногъ и въ женскихъ болѣзняхъ, получаемыхъ отъ страха. Раза три въ вотской деревнѣ автору этого описанія приводилось слышать поздно вечеромъ такія слова: «кэшке малодъ, вожóѐсъ ветлò (испугаешься, вожои ходятъ): такими словами предостерегали матери дѣтей, собиравшихся выйдти изъ избы въ началѣ ночи.

Праздники и жертвоприношенія въ честь нѣкоторыхъ изъ этихъ боговъ совершаются каждый годъ, по два и по три раза; другимъ богамъ только по случаю какихъ нибудь несчастій, посѣтившихъ вотяковъ: Черу—во время скотскихъ болѣзней и падежей по совѣту ворожца; Шайтану—во время людскихъ болѣзней; Кутысю—когда случится сильная короста на тѣлѣ; Акшану никакихъ жертвъ не приносятъ, а угожденіемъ ему считается одно лежаніе на боку во время сумерекъ; часто случается слышать въ это время: зъибышъ улъ—Акшанъ дыръ! (смирно, время Акшана)!

Кромѣ вышепоименованныхъ шестнадцати боговъ, вотяки имѣютъ еще другихъ миѳическихъ лицъ, напримѣръ: 1) Палэсъ муртъ; это—половинный человѣкъ, какъ будто разсѣченный на-двое вдоль позвоночнаго столба; у него одинъ глазъ, одна рука, одна нога; онъ въ лѣсу пугаетъ людей хуже медвѣдя, крикъ его раздается далеко въ лѣсу, въ ночное время, въ ту самую пору, когда кричитъ филинъ; кричитъ онъ: о! о! о! о!!!. Однажды привелось мнѣ слышать отъ молодыхъ ребятъ деревни Нырошура слѣдующій разсказъ: «Мы ночевали въ лѣсу на небольшой полянкѣ, у разложеннаго костра. Были сумерки. Закусили хлѣба и лежимъ, грѣемся у огня... вдругъ откуда ни возмись Палэсъ муртъ съ однимъ большимъ глазомъ. Мы страшно перепугались и не знали, что и дѣлать; къ счастію, одинъ изъ насъ былъ смѣлѣе и сказалъ: Остэ, Инмаре! (благослови Господи) и вдругъ Палэсъ муртъ плюнулъ и ушелъ, а обуглившіяся головешки костра разметались вѣтромъ кругомъ. Мы всю ночь не спали». 2) Бабасыръ—лѣсной шутъ, чудакъ. Онъ вдругъ засмѣется, захохочетъ въ лѣсу и опять замолкнетъ. 3) Бустурганъ—домовой, сусѣдко. Онъ во время сна давитъ людей ради шутки; кого любитъ, у того перепутываетъ волосы и бороду. Если случается кошмаръ, говорятъ, что давитъ Бустурганъ. 4) Кузьпине-муртъ,—длиннозубый. Онъ живетъ въ лѣсахъ; онъ—діаволъ, людоѣдъ. 5) Искальпыдо муртъ—людоѣдъ; онъ съ коровьими ногами. 6) Нулълъись кысь. Это сказочное существо представляется четвероногимъ животнымъ въ родѣ кота. Оно, по повѣрью жителей, есть у очень рѣдкихъ; тотъ, кого оно любитъ, не нуждается ни въ чемъ: Нулълъись кысь таскаетъ ему хлѣбъ изъ чужихъ амбаровъ. Говорятъ, что если оно будетъ убито кѣмъ нибудь, человѣкъ, пользовавшійся его помощью, долженъ умереть. 7) Кукри—баба. Это существо женскаго пола, живетъ въ лѣсахъ; соотвѣтствуетъ русской бабѣ-ягѣ.

Во время состоянія жителей въ язычествѣ, почти для каждаго бога были особые храмы или молельни, называемыя куа. Въ настоящее время число молелень уменьшилось и въ одной молельнѣ отправляется языческое служеніе нѣсколькимъ богамъ, Такихъ молелень нынѣ три [1]). Первая и самая главная молельня: Быдзимъ куа (великій храмъ). Она бываетъ при каждой деревнѣ, въ лѣсу

[1]) Т. е. три въ каждой деревнѣ. *Ред*

или въ полѣ; если въ полѣ, то при молельнѣ всетаки долженъ быть небольшой лѣсокъ или хоть нѣсколько елокъ. Это шалашъ, покрытый лубьями и тесомъ, безъ оконъ, съ одною дверью; въ срединѣ шалаша—очагъ, гдѣ раскладывается костеръ для варки жертвы; въ переднемъ углу небольшая старая икона съ изображеніемъ какого либо святаго. Въ храмѣ этомъ молятся богамъ: Инву, Гудыри мумы, Му Кылдышну.

Вторая молельня посвящена Керемету. Устройство ея такое же, какъ и у Быдзимъ-куа, но здѣсь иконы нѣтъ, а вмѣсто нея шкурка красной векши (а въ иныхъ ничего не бываетъ). Мольбище это находится въ болѣе скрытомъ мѣстѣ, въ лѣсу; въ срединѣ — три очага, а въ углу столикъ въ родѣ скамейки; на столикѣ три берестянныхъ коробочки, чашки, ложки и проч. Вся посуда находится здѣсь со времени устройства храма. Если при какой нибудь деревнѣ нѣтъ шалаша въ честь Керемета, то замѣняетъ его избранное разъ навсегда мѣсто. Третій храмъ—бога Воршуда. Онъ есть у каждаго домохозяина вотяка на дворѣ и называется куа; здѣсь есть икона. Лѣтомъ этотъ храмъ служитъ кухней и столовой: здѣсь варятъ обѣдъ, пируютъ, угощаютъ гостей въ лѣтнее время, пока стоитъ теплая погода. Прочимъ богамъ, напримѣръ, Шайтану, Черу, Нюлэсъ мурту особыхъ храмовъ нѣтъ; имъ приносятъ жертвы вездѣ, преимущественно въ лѣсахъ; а Нюлэсъ мурту приносятъ иногда въ храмѣ Быдзимъ куа. Самыя жертвоприношенія совершаются не вездѣ одинаково: здѣсь дѣлаютъ то, тамъ—другое, а въ иномъ мѣстѣ опять по своему. Въ тѣхъ храмахъ, которые находятся въ лѣсахъ, всегда хранятся деньги, собранныя на праздникъ на покупку жертвенныхъ животныхъ; поэтому храмы тѣ всегда бываютъ заперты на замокъ. Чтобы воришки не воспользовались деньгами, вотяки распускаютъ слухи, что если кто возьметъ деньги, находящіяся въ ихъ храмѣ, тотъ умретъ или ослѣпнетъ. Вѣря этимъ слухамъ, даже русскіе къ храмамъ ихъ не подходятъ и денегъ не крадутъ. Мѣста мольбищъ, гдѣ нѣтъ храмовъ (или шалашей), бываютъ расчищены, выметены и утоптаны такъ, что не потеряется иголка.

Олицетвореніе болѣзни горячки и причина таковаго. Между повѣрьями инородцевъ не послѣднее мѣсто занимаетъ повѣрье о болѣзни-горячкѣ, именуемой *кыль*. Олицетворяя эту болѣзнь, больные

Кромѣ вышепоименованныхъ шестнадцати боговъ, вотяки имѣютъ еще другихъ миѳическихъ лицъ, напримѣръ: 1) Палэсъ муртъ; это—половинный человѣкъ, какъ будто разсѣченный на-двое вдоль позвоночнаго столба; у него одинъ глазъ, одна рука, одна нога; онъ въ лѣсу пугаетъ людей хуже медвѣдя, крикъ его раздается далеко въ лѣсу, въ ночное время, въ ту самую пору, когда кричитъ филинъ; кричитъ онъ: о! о! о! о!!!. Однажды привелось мнѣ слышать отъ молодыхъ ребятъ деревни Нырошура слѣдующій разсказъ: «Мы ночевали въ лѣсу на небольшой полянкѣ, у разложеннаго костра. Были сумерки. Закусили хлѣба и лежимъ, грѣемся у огня... вдругъ откуда ни возмись Палэсъ муртъ съ однимъ большимъ глазомъ. Мы страшно перепугались и не знали, что и дѣлать; къ счастію, одинъ изъ насъ былъ смѣлѣе и сказалъ: Остэ, Инмаре! (благослови Господи) и вдругъ Палэсъ муртъ плюнулъ и ушелъ, а обуглившіяся головешки костра разметались вѣтромъ кругомъ. Мы всю ночь не спали». 2) Бабасыръ—лѣсной шутъ, чудакъ. Онъ вдругъ засмѣется, захохочетъ въ лѣсу и опять замолкнетъ. 3) Бустурганъ—домовой, сусѣдко. Онъ во время сна давитъ людей ради шутки; кого любитъ, у того перепутываетъ волосы и бороду. Если случается кошмаръ, говорятъ, что давитъ Бустурганъ. 4) Кузьпине-муртъ,—длиннозубый. Онъ живетъ въ лѣсахъ; онъ—діаволъ, людоѣдъ. 5) Искальпыдо муртъ—людоѣдъ; онъ съ коровьими ногами. 6) Нульлысь кысь. Это сказочное существо представляется четвероногимъ животнымъ въ родѣ кота. Оно, по повѣрью жителей, есть у очень рѣдкихъ; тотъ, кого оно любитъ, не нуждается ни въ чемъ: Нульлысь кысь таскаетъ ему хлѣбъ изъ чужихъ амбаровъ. Говорятъ, что если оно будетъ убито кѣмъ нибудь, человѣкъ, пользовавшійся его помощью, долженъ умереть. 7) Кукри—баба. Это существо женскаго пола, живетъ въ лѣсахъ; соотвѣтствуетъ русской бабѣ-ягѣ.

Во время состоянія жителей въ язычествѣ, почти для каждаго бога были особые храмы или молельни, называемыя куа. Въ настоящее время число молелень уменьшилось и въ одной молельнѣ отправляется языческое служеніе нѣсколькимъ богамъ, Такихъ молелень нынѣ три[1]). Первая и самая главная молельня: Быдзимъ куа (великій храмъ). Она бываетъ при каждой деревнѣ, въ лѣсу

---

[1]) Т. е. три въ каждой деревнѣ. *Ред*

или въ полѣ; если въ полѣ, то при молельнѣ всетаки долженъ быть небольшой лѣсокъ или хоть нѣсколько елокъ. Это шалашъ, покрытый лубьями и тесомъ, безъ оконъ, съ одною дверью; въ срединѣ шалаша—очагъ, гдѣ раскладывается костеръ для варки жертвы; въ переднемъ углу небольшая старая икона съ изображеніемъ какого либо святаго. Въ храмѣ этомъ молятся богамъ: Инву, Гудыри мумы, Му Кылдышну.

Вторая молельня посвящена Керемету. Устройство ея такое же, какъ и у Быдзимъ-куа, но здѣсь иконы нѣтъ, а вмѣсто нея шкурка красной векши (а въ иныхъ ничего не бываетъ). Мольбище это находится въ болѣе скрытомъ мѣстѣ, въ лѣсу; въ срединѣ — три очага, а въ углу столикъ въ родѣ скамейки; на столикѣ три берестянныхъ коробочки, чашки, ложки и проч. Вся посуда находится здѣсь со времени устройства храма. Если при какой нибудь деревнѣ нѣтъ шалаша въ честь Керемета, то замѣняетъ его избранное разъ навсегда мѣсто. Третій храмъ—бога Воршуда. Онъ есть у каждаго домохозяина вотяка на дворѣ и называется куа; здѣсь есть икона. Лѣтомъ этотъ храмъ служитъ кухней и столовой: здѣсь варятъ обѣдъ, пируютъ, угощаютъ гостей въ лѣтнее время, пока стоитъ теплая погода. Прочимъ богамъ, напримѣръ, Шайтану, Черу, Нюлэсъ мурту особыхъ храмовъ нѣтъ; имъ приносятъ жертвы вездѣ, преимущественно въ лѣсахъ; а Нюлэсъ мурту приносятъ иногда въ храмѣ Быдзимъ куа. Самыя жертвоприношенія совершаются не вездѣ одинаково: здѣсь дѣлаютъ то, тамъ—другое, а въ иномъ мѣстѣ опять по своему. Въ тѣхъ храмахъ, которые находятся въ лѣсахъ, всегда хранятся деньги, собранныя на праздникъ на покупку жертвенныхъ животныхъ; поэтому храмы тѣ всегда бываютъ заперты на замокъ. Чтобы воришки не воспользовались деньгами, вотяки распускаютъ слухи, что если кто возьметъ деньги, находящіяся въ ихъ храмѣ, тотъ умретъ или ослѣпнетъ. Вѣря этимъ слухамъ, даже русскіе къ храмамъ ихъ не подходятъ и денегъ не крадутъ. Мѣста мольбищъ, гдѣ нѣтъ храмовъ (или шалашей), бываютъ расчищены, выметены и утоптаны такъ, что не потеряется и иголка.

Олицетвореніе болѣзни горячки и причина таковаго. Между повѣрьями инородцевъ не послѣднее мѣсто занимаетъ повѣрье о болѣзни-горячкѣ, именуемой *кыль*. Олицетворяя эту болѣзнь, больные

подвергаются особеннымъ силамъ, подобнымъ силѣ магнетизма. Силы эти на больныхъ проявляются въ дѣйствіи воображенія. Больные видятъ воображаемыхъ и во снѣ, и на яву; разговариваютъ съ ними, слышатъ голосъ ихъ, какъ голосъ человѣка. Такъ, напримѣръ, по словамъ Осипа Егорова, во время болѣзни горячки на людяхъ въ мартѣ и апрѣлѣ 1885 года, больнымъ являлись самыя болѣзни въ человѣческомъ образѣ и совѣтовались между собой при больныхъ о томъ, куда имъ идти для пораженія здоровыхъ? Видали ихъ даже здоровые. Причина такихъ явленій—воображеніе, которое на вѣрящихъ въ разныя миѳическія существа дѣйствуетъ какъ магнетизеръ. Кто не вѣритъ въ разныя сказочныя существа, тому не возможны видѣнія. Это видимъ на образованномъ классѣ народа; образованные люди, отвергая существованіе такихъ лицъ, не говорятъ, что видѣли, напримѣръ, водяныхъ чертей и лѣшихъ. Напротивъ, въ некультурномъ народѣ вѣра въ такихъ лицъ на столько крѣпка, что едва ли что можетъ ее искоренить. Поживите среди некультурнаго народа, напримѣръ, въ вотякахъ, освойтесь съ языкомъ ихъ и повѣрьями въ связи съ обрядностью ихъ —и вы будете представлять себя въ какомъ то другомъ мірѣ, гдѣ лѣса переполнены нюлэсъ-муртами, кузьпинёмуртами; въ рѣкахъ, озерахъ и прудахъ живутъ разные ву-мурты; воздухъ населяютъ гудыри мумыи; людей окружаютъ кереметы, черы, различные духи зла, а скотъ—утыси; даже земля въ своемъ лонѣ имѣетъ особаго бога. Словомъ,—всякое мѣсто, всякая стихія имѣютъ свои отдѣльныя божества. Не въ однихъ вотякахъ, и въ русскихъ есть вѣра въ миѳическихъ лицъ: одинъ говоритъ: «меня давитъ суcѣдко», что «онъ мохнатый какъ обезьяна»; другой увѣряетъ, что видѣлъ лѣшаго огромной величины.

Праздники и жертвоприношенія.

Праздники у вотяковъ нераздѣльны съ жертвоприношеніями: одно безъ другаго бываетъ рѣдко. Такъ, если кто сдѣлаетъ общую пирушку, то долженъ устроить и жертвоприношеніе, и наоборотъ: если есть жертвоприношеніе, то должна быть и пирушка; изъ этого исключаются только зимніе праздники, когда, по случаю стужи и снѣга, нельзя или неудобно бываетъ принести жертву. Не отставая

отъ русскихъ въ пирахъ и попойкахъ по случаю христіанскихъ праздниковъ, вотяки, отдѣльно отъ русскихъ, справляютъ и свои языческіе праздники въ честь своихъ боговъ.

Религіозные обычаи и обряды я описываю здѣсь по порядку, начиная съ весны, такъ какъ новолѣтіе вотяки считаютъ съ этого времени, когда начинаются работы по земледѣлію. Первымъ днемъ новолѣтія у нихъ считается Великій Четвертокъ; объ этомъ говоритъ и гаданіе ихъ въ ночь на означенный день посредствомъ выслушиваній разныхъ звуковъ, чтобы придать имъ какое нибудь значеніе относительно будущности въ новомъ лѣтѣ. Первое число января они хотя и называютъ новымъ годомъ (выль аръ), но оно у нихъ значенія новаго года не имѣетъ; называютъ же его новымъ годомъ только потому, что общественныя должности по выборамъ и вообще всякая срочная служба ограничиваются этимъ числомъ.

Гырны-потонъ—выѣздъ на пашню. Праздникъ этотъ отправляется обыкновенно на Ѳоминой недѣлѣ, или на недѣлѣ св. Пасхи, если рано просыхаетъ земля. Наканунѣ праздника все селеніе собирается въ одну избу для общаго сужденія о предстоящемъ праздникѣ Гырны-потонъ. Сужденіе продолжается около двухъ часовъ и во все это время въ избѣ стоитъ до полу табачный дымъ отъ куримыхъ трубокъ; здѣсь въ началѣ всякій толкуетъ со своимъ сосѣдомъ о сельскохозяйственныхъ дѣлишкахъ, о всходахъ травъ и озимей на своихъ полосахъ, а въ концѣ бываетъ сужденіе общее: готовы ли всѣ домохозяева на праздникъ? Сварена ли кумышка, пиво? Выѣзжаютъ ли сосѣднія селенія? Просохла ли земля? Но въ виду Егорьева дня (23 апрѣля), до котораго никогда не выѣзжаютъ на пашню, рѣшаются выѣхать на пашню въ завтрашній день; мысль объ этомъ первоначально даютъ зажиточные старики. Пришедши домой, заставляютъ въ квашнѣ растворить хлѣбъ изъ пшеничной муки. На другой день во всѣхъ избахъ начинается стряпня перепечей, лепешекъ, блиновъ и проч. Когда поспѣетъ стряпня, женщины стелютъ на столъ скатерть и ставятъ на нее бутылки съ кумышкой и рюмки, кладутъ цѣльный коровай хлѣба; затѣмъ старшій въ семействѣ садится за столъ въ передній уголъ, въ шапкѣ; ему подноситъ женщина, его жена, рюмку съ кумышкой и пиво, и онъ, принявши рюмку, держитъ ее въ лѣвой рукѣ, а правой рукой поглаживаетъ бороду, взявши ее въ кулакъ и бор-

мочетъ свои молитвы, прося у Воршуда счастія, хлѣба, скота, мирной жизни и всякаго добра; когда кончитъ молитву, беретъ рюмку въ правую руку и, обращаясь ко всѣмъ семейнымъ, говоритъ протяжно: я, сябась, пинальёсъ! (ну, будьте здоровы, ребята!) затѣмъ выпиваетъ рюмку; послѣ этого подходятъ съ рюмками другія женщины; между тѣмъ, какъ молится онъ за столомъ въ шапкѣ, другіе запрягаютъ коней въ соху и борону. Окончивши этотъ обрядъ, онъ выходитъ изъ-за стола, сыплетъ въ мѣшокъ жита, беретъ лукошко и выѣзжаетъ съ ребятишками въ поле, а за нимъ чрезъ четверть часа или позже тянутся со стряпней группы бабъ и дѣвокъ. Вспахавши небольшое пространство, которое можно засѣять пудомъ жита, глава семейства останавливается и ждетъ бабъ. Пришедши со стряпней, бабы стелютъ на полосу войлокъ, ставятъ на него бутылки съ кумышкой, бураки съ пивомъ и кладутъ всю стряпню; хозяинъ-пахарь между тѣмъ насыпаетъ въ лукошко жита, кладетъ туда яицъ числомъ около пятнадцати (окрашенныхъ или бѣлыхъ), выкапываетъ въ бороздѣ подъ сохой небольшую ямку съ четверть глубиной и затѣмъ приступаетъ къ жертвоприношенію Му Кылдысину слѣдующимъ образомъ: кладетъ на бережокъ ямки нѣсколько пихтовыхъ сучковъ, беретъ въ лѣвую руку такой же сучекъ и становится на колѣни на приготовленные сучья, лицомъ къ ямкѣ; женщина, его жена, даетъ ему яйцо, кусокъ говядины, блинъ личный и проч. и все это кладетъ онъ въ ямку; потомъ та же женщина подноситъ ему стаканъ пива, которое выливаетъ онъ въ ямку; потомъ получаетъ отъ нея же рюмку кумышки и также выливаетъ ее въ ямку; затѣмъ, держа въ лѣвой рукѣ сучокъ, а правой поглаживая бороду, взявши ее въ кулакъ, бормочетъ свои молитвы, смотря на сучекъ и откашливаясь черезъ каждыя 5—10 секундъ. Молитва его такая: Господи благослови! Дай, Господи, хорошій урожай въ полѣ, чтобы на каждомъ корнѣ было 30 колосковъ, чтобы хлѣбъ былъ высокъ и густъ—могли бы бѣгать по хлѣбу векша, рябчикъ; зерно бы было, какъ куриное яйцо; лѣтомъ не было бы червя, грозы и проч. Окончивши молитву, онъ проситъ рюмку съ кумышкой; ему подаетъ жена его; взявши рюмку, онъ обращается ко всѣмъ предстоящимъ кругомъ и говоритъ протяжно: сябась пинальёсъ! (будьте здоровы, ребята!) и, выпивъ рюмку, встаетъ. Тѣмъ и оканчивается его жертвоприношеніе. Потомъ беретъ лукошко съ житомъ и на-

чинаетъ сѣять. Сначала онъ бросаетъ яйца своимъ ребятишкамъ, а потомъ и чужимъ, собравшимся съ сосѣднихъ полосъ; видя его жертвоприношеніе, дѣти собираются на полосу заранѣе и ждутъ раздачи яицъ. Разбросавъ горсти двѣ-три жита, онъ бросаетъ яйцо; разбросавъ опять двѣ-три, бросаетъ другое и т. д.; собравшіеся ребятишки хватаютъ яйца, перебѣгая съ одного мѣста на другое съ шумомъ и крикомъ, а кто побойчѣе—отнимаетъ яйцо у другаго, пока оно еще не за пазухой нашедшаго. Сѣятель, когда выйдутъ всѣ яйца, обращается къ ребятишкамъ съ извиненіемъ, говоря имъ: я, энъ лекатэ пинальёсъ: курегъ-ёсъ со лэсяна эвэлъ пузальямъ! (ну, не судите, ребята: курицы больше не нанесли яицъ), а тѣ, въ свою очередь, говорятъ: тау тужъ тау! медъ дзечь потѐзъ (спасибо, большое спасибо! пусть хорошо растетъ). Засѣявши вспаханное мѣсто, взбораниваютъ, выпрягаютъ лошадей и начинается пирушка; пирующіе переходятъ съ полосы на полосу группами, пьютъ кумышку, пиво, закусывая перепечами, лепешками и проч. Попировавши съ полчаса времени, уходятъ домой. Взрослые—старики и бабы ходятъ изъ избы въ избу, а молодежь (парни и дѣвушки) отправляется кататься на верховыхъ лошадяхъ по деревнѣ съ пѣснями; заѣзжаютъ во дворъ чуть не къ каждому домохозяину и тамъ хозяева, вышедши съ кумышкой изъ избы, потчуютъ ихъ. Вечеромъ собираются въ поле, въ которое выѣзжали пахать: варятъ тамъ кашу, пируютъ съ пѣснями; попъ [1]) молится съ сучкомъ въ лѣвой рукѣ, стоя въ шапкѣ; женщины потчуютъ его кумышкой. Попировавши часа два и съѣвши кашу, уходятъ домой. Это сборище и обѣдъ называютъ *Геры-шидъ*—обѣдъ вычесть сохи.

На другой день Герны-потона собираются въ полѣ и составляютъ тамъ пирушку *Гуждоръ*—«край, начало лѣта». На этомъ праздникѣ я самъ имѣлъ случай присутствовать. 27 апрѣля 1882 года я случайно получаю отъ знакомаго мнѣ крестьянина-вотяка деревни Кайсыгурта, Назара Васильевича, записку, въ которой, между прочимъ, читаю слѣдующее: «пріѣзжайте на нашъ вотскій праздникъ Гуждоръ!» Прочитавши записку, я началъ собираться въ ту-же минуту; подвода была послана за мной готовая и къ тому же ямщикъ, привезшій записку, торопилъ меня, увѣряя,

---

[1]) Вотяки зовутъ попами и своихъ языческихъ жрецовъ.

что на Гуждоръ уже собираются. Медлить я не сталъ,—сѣлъ и поѣхалъ съ женой. Въ дорогѣ, отъ нечего дѣлать, я вошелъ въ разговоръ съ ямщикомъ-вотякомъ.

— Весело должно быть у васъ на Гуждорѣ?—спросилъ я его.

— Какъ не весело: дѣвки одѣты хорошо, потчуютъ кумышкой, а кумышка все съ медомъ,—отвѣтилъ онъ.

— А меня будутъ потчивать?

— Какъ же! для того и праздникъ, чтобы дѣвки потчивали; только дай имъ немного денегъ.

— Денегъ? а зачѣмъ это?

— У насъ обычай такой; поэтому на Гуждоръ безъ денегъ никто не ходитъ.

— Ну, братъ, я этого не зналъ, поэтому и денегъ съ собой не взялъ.

— Попросишь у кого нибудь,—дадутъ.

— Ужели надо дать каждой? Ихъ тамъ, можетъ быть, пятьдесятъ человѣкъ и болѣе?

— Зачѣмъ каждой! Только дай копѣекъ пять или десять и— довольно! благодарны будутъ.

— Кто же беретъ деньги?

— Попъ; ему даютъ въ руки, а онъ дѣлитъ послѣ праздника, кому сколько причтется.

— А много ли причтется каждой дѣвкѣ въ праздникъ?

— Въ который годъ причтется десять копѣекъ, въ который пятнадцать... вѣдь не равно: какъ будутъ давать и сколько будетъ дѣвокъ.

— Много ли выходитъ у каждой дѣвки кумышки?

— Тоже не равно: когда выйдетъ четверть, когда—больше, а когда и меньше: какъ будутъ пить и сколько будетъ народу.

— Такъ; но вѣдь попъ можетъ утаить дѣвичьи деньги?

— Зачѣмъ таить? у насъ дѣвки выбираютъ честныхъ и зажиточныхъ.

— Вотъ что, попа у васъ выбираютъ дѣвки!

— Дѣвки: тутъ ни мужики, ни бабы не касаются, потому что праздникъ дѣвичій.

— А если праздникъ дѣвичій, то зачѣмъ ходятъ туда мужики и бабы?

— А кто будетъ пить кумышку? вѣдь дѣвки не будутъ пить сами, межъ собой; у насъ такое заведеніе, чтобы дѣвки потчивали, а мужики—пили; а бабы ходятъ потчивать вмѣсто дѣвокъ, которыхъ у нихъ нѣтъ.

Разговаривая такимъ образомъ, мы доѣхали до деревни Кайсыгурта, въѣхали во дворъ, зашли въ избу, помолились, поздоровались и сѣли. Въ избѣ было пусто, безлюдно, только одна дряхлая старушка—мать Назара Васильевича, сидѣла на лавкѣ, изрѣдка покашливая сухимъ старушечьимъ кашлемъ. Намъ недолго привелось сидѣть молча въ ожиданіи хозяина: чрезъ нѣсколько минутъ онъ явился и, поздоровавшись съ нами, пригласилъ насъ въ другую комнату, называемую горницей. За хозяиномъ вошла и его жена неся на рукахъ сильно шумящій самоваръ и принялась хлопотать около него. Зная сколько должно пройти времени за чаемъ, я обратился къ хозяину со словами:

— А вѣдь такъ, Назаръ Васильевичъ, времени пролетитъ немало и мы не увидимъ Гуждоръ.

— Ничего, отвѣтилъ онъ,—на Гуждоръ собираются только сейчасъ.

— А зачѣмъ ямщикъ намъ сказалъ, что Гуждоръ начался еще тогда, когда онъ отправлялся за нами?

— «Вретъ», отвѣтилъ онъ улыбаясь: «онъ думалъ, что отстанетъ отъ дѣвокъ, поэтому и торопилъ васъ». Въ самомъ дѣлѣ, взглянувши въ окно, я увидѣлъ группы разряженныхъ вотячекъ идущихъ, вѣроятно, на Гуждоръ. Напившись чаю, мы всей компаніей отправились на праздникъ. Во всѣхъ избахъ, видимо, было пусто, лишь изрѣдка въ окна нѣкоторыхъ выглядывали дряхлые старики и старушки, которымъ силы уже не дозволяли плестись на Гуждоръ. Въ деревнѣ царствовала тишина; только по временамъ нарушалъ эту тишь кашель старыхъ людей, сидящихъ у растворенныхъ оконъ. По деревнѣ мы шли не долго и чрезъ четверть часа были уже въ широкомъ полѣ, покрытомъ холмами. Гдѣ же Гуждоръ? спросилъ я своего спутника.—А вотъ на горѣ, сказалъ онъ, указывая пальцемъ на возвышенное мѣсто, гдѣ, какъ видно, росли елочки, верескъ и пихта, а на краю возвышалась видная ель со сломленной вѣтромъ вершиной. Дѣйствительно, взглянувши на указанное Назаромъ Васильевичемъ мѣсто, я увидѣлъ подъ елью

синій дымокъ, а около него—толпу пестраго народа. Дорожка, по которой мы шли, повернула прочь отъ Гуждора, потому мы свернули съ нея и направились къ Гуждору на прямикъ черезъ бархатистое зеленое поле озими, надъ которымъ щебеталъ жаворонокъ. Мы еще шли, а до насъ уже доходили унылые звуки пѣсни вотскаго попа. Когда мы наконецъ дошли до Гуждора, глазамъ моимъ представилась слѣдующая картина: передъ елью, обратившись къ ней лицомъ, стоятъ два попа въ бѣлыхъ сукманахъ и въ бѣлыхъ же шляпахъ на подобіе татарскихъ; каждый изъ нихъ держитъ въ лѣвой рукѣ небольшой пихтовый сучекъ, а правой рукой поглаживаетъ бороду, взявши ее въ кулакъ, и читаетъ на распѣвъ свои вотскія молитвы, откашливаясь чрезъ каждыя 10—15 секундъ и кланяясь слегка ели. Передъ ними, у подножія ели, постлана бѣлая скатерть, а на ней лежатъ: блины, перепечи, лепешки, каравая хлѣба съ воткнутыми въ средину пихтовыми сучками; тутъ же стоятъ бураки съ какою-то жидкостью (вѣроятно съ пивомъ) и деревянное блюдо; шагахъ въ двухъ отъ поповъ стоитъ неподвижный столикъ, въ родѣ палатки изъ еловыхъ сучьевъ, положенныхъ на перекладины, которыя держатся на четырехъ колышкахъ, вбитыхъ въ землю; это трапеза для предложенія жертвенныхъ яствъ; у этого столика стоитъ низенькая скамейка съ сажень длиной; это бревно, котораго сучья служатъ ножками; неподалеку отъ скамейки надъ костромъ въ котлѣ варится жертвенное мясо утки. Попамъ подносятъ женщины и дѣвушки рюмки съ кумышкой и тѣ, взявши въ правыя руки рюмки, читаютъ надъ ними молитвы, подходятъ къ костру отливаютъ по нѣсколько капель этой кумышки на огонь, тоже что-то бормоча про себя; имъ опять доливаютъ, а они выпиваютъ, оставляя нѣсколько капель на днѣ; эти остатки вливаютъ обратно въ бутылку. Къ нимъ подходятъ мужчины и даютъ денегъ, кто копѣйку, кто двѣ и т. д., деньги попы принимаютъ на правый рукавъ сукмана, цѣлуютъ ихъ и кладутъ въ деревянную чашку, которая стоитъ на скатерти подъ елью; потомъ говорятъ дающимъ: я та̀у, тужъ та̀у! тыро̀съ медъ лу̀оъ уксеэдъ (ну, спасибо, большое спасибо! пусть будетъ много денегъ у тебя). Послѣ этого опять подносятъ имъ рюмки съ кумышкой; а они, взявши рюмки, говорятъ давшимъ денегъ: я сйба̀съ (ну, будь здоровъ) и обернувшись лицомъ къ елкѣ, кланяются опять, читая на распѣвъ свои молитв

въ это время женщины и дѣвушки подносятъ жертвователямъ за здравныя рюмки. Чрезъ нѣсколько минутъ попы даютъ имъ частички крупяныхъ лепешекъ; взявши эти частички, тѣ держатъ ихъ въ рукахъ, пока попы не кончатъ объ нихъ молитвы; а когда кончатъ, опять выпьютъ по рюмкѣ кумышки и говорятъ имъ: сябáсь! только послѣ этого жертвователи ѣдятъ частички лепешекъ и пьютъ кумышку отъ каждой дѣвки и женщины; затѣмъ подходятъ другіе, третьи и т. д. и во все время предъ попами стоятъ женщины или дѣвушки по очереди съ кумышкой. Чтобы понять нѣсколько словъ попа, я подошелъ къ костру и сталъ у него. Вдругъ подходитъ ко мнѣ низенькій вотячекъ съ трубкой во рту и, не вынимая трубки, говоритъ: клади деньги! даромъ не пей кумышку! Но денегъ я при себѣ не имѣлъ, надо было занять у кого нибудь; къ счастью, тутъ же рядомъ со мною стоялъ знакомый вотякъ; я занялъ у него десять копѣекъ, и подошедши къ елкѣ, бросилъ на скатерть два пятака и отошелъ... Кто-то изъ стоящихъ замѣтилъ мнѣ: «не ладно даешь, надо дать попу на руки»; другой же, рядомъ съ нимъ, на это сказалъ опять: «ладно, все равно, онъ вѣдь не знаетъ». Пожертвовавши въ дѣвичью кружку десять копѣекъ, я опять сталъ у костра. Не прошло и минуты времени, какъ я былъ окруженъ группой дѣвушекъ, подносящихъ мнѣ кумышку; дѣлать было нечего, надо было уважить ихъ,—я взялъ у одной, хлебнулъ... отдаю обратно, но она не принимаетъ, говоритъ: ю, ӧйдо ю (пей, пей-же); за ней подходитъ другая, третья, четвертая и т. д., такъ что въ теченіи минуты я отвѣдалъ понемногу отъ пятнадцати дѣвушекъ. Когда дѣвушки съ бутылками отошли, я все вниманіе обратилъ на поповъ, стоящихъ подъ елью. Одинъ изъ нихъ уже довольно нагрузился кумышкой; другой попъ былъ еще въ силахъ владѣть собой, и я понялъ у него слѣдующія слова: пудӧэнъ животэнъ, ю энъ нянѐнъ тыръ медъ луӧсны! «скотиной животиной, житомъ, хлѣбомъ были бы довольны». Теперь посмотримъ что дѣлается въ сторонѣ: ближе къ попамъ мужики, раздѣлившіеся на группы; въ каждой группѣ чѣмъ нибудь да заняты: кто сидитъ и разсказываетъ сказки, кто стоитъ и слушаетъ разсказывающихъ, кто борется, кто куритъ трубки. Подалѣе отъ поповъ играютъ в поютъ хороводныя пѣсни дѣвушки, одѣтыя въ свои лучшіе наряды, а недалек[illegible]ъ стоятъ старухи, смотря на нихъ и

слушая ихъ пѣсни—импровизаціи въ родѣ: ой дой шумы, яламе гивэнд! Задній планъ кипитъ молодыми парнями и мальчишками: имъ бросаютъ «на драку» крендели и деньги. Насмотрѣвшись на эту кутерьму, я отошелъ въ сторону и сѣлъ къ сидѣвшему тамъ, повидимому, русскому мужику.

— Вотъ мыши что дѣлаютъ! сказалъ онъ, обратившись ко мнѣ.

— Зачѣмъ мыши? возразилъ я.

— А посмотри: кому кланяются?—елкѣ.

Моленье, видимо, приходило къ концу. Попы уже не бормотали своихъ молитвъ, а можетъ и не кланялись ели. Въ это время одинъ изъ стоящихъ съ ними мужиковъ, вѣроятно ихъ помощникъ, взялъ со скатерти чашку, вынулъ изъ котла мясо утки и, положивъ въ чашку, поставилъ на столъ. Тогда попъ собралъ со скатерти блины лепешки, короваи хлѣба, положилъ все это на столъ и искропилъ мясо; мужчины начали обѣдать, не снимая шляпъ; тутъ же сѣлъ и Назаръ Васильевичъ. Отвѣдавъ мяса, всякій благодарилъ поповъ и отходилъ въ сторону. Я спросилъ у одного вотяка: «зачѣмъ утку ѣдятъ только мужики? «У насъ обычай такой», отвѣтилъ онъ,— «тутъ ни у дѣвокъ, ни у бабъ дѣла нѣтъ; колятъ утку, чистятъ, стряпаютъ, потчуютъ мужиковъ—одни попы». «А когда съѣдятъ утку, что тогда будутъ дѣлать?» спросилъ я опять.—«Тогда уйдутъ домой», сказалъ онъ,—«попы съ дѣвками, мужики съ мужиками, а бабы съ бабами. Дѣвки непремѣнно должны проводить поповъ до дому, а ничуть не оставлять».

Въ третій день Гырны-потона совершается обрядъ благодаренія за начало лѣта подъ названіемъ *Тау-каронъ*. Этотъ обрядъ тѣсно связанъ съ Гуждоромъ, бывшимъ наканунѣ, поэтому попами служатъ тѣже, которые были на Гуждорѣ. Дѣвушки, бывшія на Гуждорѣ, собираются съ кумышкой у одного изъ поповъ, который старше прочихъ лѣтами; туда же приглашаются и прочіе попы, если ихъ нѣсколько человѣкъ. Угостивши поповъ кумышкой, дѣвушки приглашаютъ ихъ съ собой въ другіе дома. Если который нибудь изъ поповъ еще не доволенъ угощеніемъ дѣвушекъ, то говоритъ имъ, почесывая затылокъ: «іыръ висе, гыдыёсы!» (голова болитъ, милыя!) и дѣвушки опять угощаютъ того попа кумышкой; изъ за него достается угощеніе и прочимъ. Затѣмъ выходятъ изъ избы и идутъ на конецъ деревни съ пѣснями; попы обыкновенно

идутъ впереди дѣвушекъ. Зашедши въ избу, попы не снимая шапокъ, садятся за столъ, на которомъ лежитъ положенный заранѣе цѣлый коровай хлѣба. Жена хозяина или снохи его чрезъ нѣсколько времени, когда соберется довольное число гостей изъ другихъ домовъ, накрываютъ столъ разною стряпней; потомъ тѣ же хозяйскія женщины подносятъ попамъ по рюмкѣ кумышки. Попы, взявши рюмки въ правыя руки, а лѣвыми поглаживая свои клинообразныя бородки, взявши ихъ въ кулаки, читаютъ на распѣвъ свои молитвы—импровизаціи, между которыми заключаются такія слова: «ȯстэ, Инмарѐ—Калдысинѐ, Утьысѐ-Вордысѐ! Ачи́дъ калыктэ возьма; ю-нȧнь дзьѐчъ медъ потȯзъ,—медъ луȯзъ куамы̀нъ куроѐнъ, дасъкыкъ ёзэнъ, азвѐсь шепѐнъ зарни́ тысѐнъ. Остэ иськѐ Инмарѐ! Сябȧсь, бускельёсъ! сябȧсь!» (благослови, Господь—Вседержитель, Хранитель—Питатель! Самъ людей своихъ храни; пусть хлѣбъ ростетъ хорошо;—было бы на одномъ корешкѣ тридцать стебельковъ, каждый стебелекъ въ двѣнадцать колѣнъ; колосокъ былъ бы серебряный, зерно-золотое. Ну такъ благослови, Господи! Будьте здоровы, сосѣди! будьте здоровы!). Во время молитвы поповъ дѣвушки поютъ пѣсни, угощаютъ кумышкой и прочихъ мужиковъ но только старшихъ, въ виду того, что бутылки кумышки не хватитъ на всѣхъ. Хозяйскія же женщины обязаны угощать всѣхъ вообще. Предъ окончаніемъ молитвы одинъ изъ поповъ отрѣзываетъ отъ коровая горбушку и дѣлитъ между всѣми, находящимися въ избѣ въ знакъ мира и согласія. Окончивши молитву, попы приглашаютъ дѣвушекъ садиться за столъ. Отобѣдавши, они выходятъ, а послѣ нихъ садятся другіе. Затѣмъ идутъ въ другіе дома.

Послѣ пашни, оканчивающейся посѣвомъ льна, слѣдуетъ жертвоприношеніе въ шалашѣ Быдзимъ-куамъ подъ названіемъ *Тулысв куалипыронв* (весенній входъ въ куалу). Собравшись всей деревней мущины и женщины, выбираютъ изъ среды мужиковъ двухъ *парчасевв* *) и двухъ поповъ. Первые колютъ приведенныхъ животныхъ: одного барана да одну овцу (а въ нѣкоторыхъ деревняхъ гуся да

*) Парчась—помощникъ попа; должность его—зарѣзать животныхъ и варить. Вообще, на немъ лежитъ обязанность приготовленія обѣда. *Авт.*

утку), потрошатъ ихъ и, изрѣзши въ куски, варятъ въ особыхъ котлахъ; другіе же, т. е. попы, взявши въ лѣвыя руки по древесной вѣткѣ, становятся въ передній уголъ, лицомъ къ иконѣ, за которой находится коробка съ монетой, означающей символъ бога Инву́. Передъ попами на столикѣ или на скамейкѣ, накрытой скатертью, лежатъ яичные блины, короваи хлѣба и проч. Тутъ же стоитъ и коробка *мушъ куды*, предназначенная для кумышки изо всѣхъ бутылокъ. Женщины безпрерывно подносятъ попамъ рюмки съ кумышкой и попы, взявши таковыя въ руки, читаютъ свои молитвы, содержаніе которыхъ уже извѣстно изъ Тау карона; но здѣсь просятъ, между прочимъ, и о томъ, чтобы семейства сосѣдей во время страды были здоровы; работали бы съ охотой, прилежаніемъ. По истеченіи примѣрно двухъ минутъ попы отливаютъ по нѣсколько капель отъ каждой женщины въ коробку мушъ-куды, а остальную допиваютъ сами; потомъ даютъ мужчинамъ по частичкѣ яичнаго блина въ знакъ молитвы за семейства ихъ и частички эти принявшими съѣдаются, а нѣкоторые предъ принятіемъ ихъ говорятъ: «Я иськè остэ̀, Инмаре!» (ну такъ благослови, Господи!). По окончаніи молитвы попы садятся за столъ и приглашаютъ сѣсть прочихъ. Кумышку изъ коробки мушъ-куды попы выпиваютъ сами, оставляя на днѣ только нѣсколько капель. Во время яденія жертвы соблюдается тишина. По понятіямъ ихъ самихъ, тишина при яденіи жертвы отзывается на страдномъ времени т. е. если при этомъ соблюдалась тишина, лѣто будетъ тихое, и, наоборотъ, если при яденіи шумѣли—лѣто будетъ бурливое. Обглоданныя попами кости зарываются ими же въ землю, а прочими бросаются въ огонь. По окончаніи жертвоприношенія, собравшись домой, попы закрываютъ лица руками и, поклонившись слегка куалѣ, говорятъ: «остэ, Кылдысинэ! дзьѐчъ уть—ворды» (благослови, Кылдысинъ! Храни, питай). Это же дѣлаютъ и прочіе мужчины.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ Тулысъ куала пырона приносится жертва подъ названіемъ *Сьизькдні* (обѣщаніе жертвы, которую приносятъ уже осенью). Для исполненія этого жертвоприношенія собираются въ полѣ одни мужики—домохозяева. Мѣстомъ для жертвоприношенія служитъ давно избранное для этого мѣсто подъ елью. Приводятъ туда купленаго на собранныя деньги барана и избираютъ изъ своей среды одного парчася и одного попа. Кладутъ подъ

елью костеръ, зажигаютъ его и устраиваютъ неподвижные столики, скамейки и проч. Между тѣмъ, какъ парчась исполняетъ свои обязанности, попъ дѣлаетъ изъ древесной коры коробку мушъ-куды, устраиваетъ на ели полочку и ставитъ на нее коробку. Подъ дерево стелятъ скатерть и кладутъ на нее коровая—хлѣба, блины, бутылки съ кумышкой и проч. Вотъ и костеръ запылалъ; надъ нимъ на перекладинѣ виситъ котелъ съ изрѣзанными кусками мяса. Попъ беретъ въ лѣвую руку еловую вѣтку и встаетъ, не снимая шапки, подъ ель, обернувшись къ ней лицомъ. Мужикъ подноситъ ему рюмку съ кумышкой и онъ, отливши нѣсколько капель въ коробку мушъ-куды, читаетъ свои молитвы, подобные молитвамъ на Таукаронѣ, но здѣсь прибавляетъ нѣсколько словъ о томъ, чтобы деревня съ живущими въ ней избавилась отъ всякаго несчастія, отъ шайтана и прочихъ духовъ зла; потомъ, сказавши протяжно: «я, сябась, бускельёсъ!» (ну, будьте здоровы сосѣди!), остальную кумышку допиваетъ самъ и даетъ угостившему кумышкой мужику частичку блина. Затѣмъ подходятъ другіе, третьи и т. д. Когда сварится жертва, парчась отрѣзываетъ отъ грудины небольшой кусокъ, беретъ ложку и, почерпнувъ въ нее бульёну, подаетъ вмѣстѣ съ кускомъ попу. Принявши это, попъ съѣдаетъ и садится за столъ, приглашая садиться и прочихъ. Во время ѣды соблюдается тишина. Попъ обглоданныя имъ кости зарываетъ въ землю, а прочіе бросаетъ въ огонь.

Уходя съ мѣста жертвоприношенія, попъ въ послѣдній разъ, закрывъ лицо руками, кланяется ели, говоря: «ӧстэ иськѐ Кылдысинэ! дзьечъ уть—ворды» (ну такъ благослови, Кылдысинъ! храни, питай). Его примѣру слѣдуютъ и прочіе. Такіе поклоны напоминаютъ поклоны Магометанъ, и должно замѣтить, что во время жертвоприношенія крестное знаменіе вовсе неупотребительно; хотя въ молитвахъ изрѣдка и поминаютъ Бога, но обряды—чисто языческіе. По отзывамъ самихъ поповъ, каждая молитва требуетъ жертвоприношенія, и чѣмъ больше съѣдается жертвы и выпивается кумышки, тѣмъ пріятнѣе воображаемымъ божествамъ молитва. Впрочемъ, есть молитвы и безъ жертвы, которую замѣняетъ яичный блинъ и кумышка, но такія молитвы значенія жертвоприношеній не имѣютъ, а служатъ только какъ бы памятованіемъ о божествахъ въ предотвращеніе гнѣва за забытіе. Будь у нихъ много свободнаго вре-

мени и больше состоянія, они по лѣтамъ съѣдали бы по нѣсколько десятковъ скота. Болѣзнь ли на людяхъ или на скотѣ, начало ли или конецъ полевымъ работамъ—требуется жертвоприношеніе, и это жертвоприношеніе не можетъ быть и не бываетъ безъ яичнаго блина и кумышки; блинъ и кумышка—необходимыя принадлежности жертвоприношеній. Придавая жертвоприношеніямъ спасительную силу, во время скотскихъ падежей съѣдаютъ по нѣскольку головъ скота. Такъ напримѣръ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1885 года вотяки деревни Кыквы Сосновскаго прихода, по случаю скотскаго падежа, по словамъ одного изъ жителей этой деревни, съѣли мяса на 50 рублей.

Тулысъ-суръ—весеннее пиво. Праздникъ этотъ бываетъ послѣ весеннихъ посѣвовъ и исправленія полевыхъ изгородей. Предъ праздникомъ выбираютъ двухъ-трехъ человѣкъ сборщиковъ для сбора денегъ съ каждой наличной души мужскаго пола, или вмѣсто денегъ—муки, которую потомъ и продаютъ; если собираютъ муку, то ходятъ сборщики по домамъ съ мѣшками и безмѣнами, на которыхъ и вѣсятъ муку, сколько положено обществомъ собрать на праздникъ. На собранныя или вырученныя за собранную муку деньги покупаютъ для жертвы животныхъ, которыхъ и колютъ на мѣстѣ молельни. Женщины пекутъ блины, лепешки, перепечи и проч., стряпню эту кладутъ въ лукошко или въ пестерь и отправляются на мѣсто молельни съ ребятишками, которые, если могутъ, несутъ бураки съ пивомъ, а дѣвушки берутъ бутылки съ кумышкой; мужчины же уводятъ или увозятъ купленныхъ животныхъ: овцу черную или сѣрую, чернаго быка, — въ жертву Инмару, гуся — въ жертву Инву; кромѣ этихъ животныхъ колютъ еще утку — въ жертву умершимъ старикамъ. Пришедши на мѣсто молельни, мужчины кладутъ костеръ, колютъ животныхъ, потрошатъ ихъ, кладутъ мясо въ котлы и варятъ съ крупой и солью. Попъ беретъ въ лѣвую руку сучекъ и молится въ шапкѣ, обратившись лицомъ къ елкѣ, а если въ шалашѣ, то къ углу; передъ нимъ на полу или на столикѣ вся бабья стряпня: перепечи, блины, лепешки, короваи хлѣба; женщины потчуютъ попа кумышкой, какъ и на Гуждорѣ, съ пѣснями, чтобы было весело. Попъ въ молитвѣ говоритъ: «Господи благослови! Вотъ мы теперь обсѣялись, кончили пашню, исправили, какъ слѣдуетъ, изгороди,—старый хлѣбъ съѣдаемъ, оканчиваемъ,—пусть новый родится хорошо. Дай, Господи,

дождя, хорошую погоду! избави отъ червя, града, засухи! Жили бы мы богато, счастливо, весело; пили, ѣли бы съ сосѣдями такъ же, какъ и теперь»... Поминая умершихъ стариковъ, говорятъ: «не сердитесь на насъ, старики! ничего противъ нашего желанія не дѣлайте». Другіе, сидящіе въ сторонѣ, ведутъ между собой разговоры, курятъ трубки, а молодежь играетъ, не обращая вниманія на взрослыхъ. Женщины постоянно потчуютъ кумышкой, говоря: ю, юя! (пей, ну пей!) Когда сварится жертвенное мясо, вынимаютъ его въ чашки и попъ беретъ по небольшой частичкѣ отъ сердца, печени и легкихъ каждаго и бросаетъ на огонь, говоря: тылъяськò пельяськò! (очищаю посредствомъ огня и дуновенія). Затѣмъ начинаютъ всѣ ѣсть. Что останется—несутъ домой и тамъ доѣдаютъ, давая и тѣмъ,кто не былъ на молельнѣ;кости животныхъ бросаютъ въ огонь чтобы не нашла собака или лѣсной звѣрь и хищная птица. Пируютъ три-четыре дня, расхаживая по улицамъ деревни группами, мужики съ мужиками, бабы съ бабами, а молодые съ молодыми; заходятъ въ избы, гдѣ ихъ угощаютъ кумышкой и пивомъ. Ребятишки на улицахъ играютъ въ городки и бабки, а парни около двадцати лѣтъ трутся около дѣвушекъ или играютъ въ карты, собравшись въ избу.

Третій праздникъ — *Бусы вэсь* (напольная жертва). Это тоже, что и Тулысъ-суръ; но подъ словомъ Тулысъ-суръ должно разумѣть вообще деревенскую пирушку, сопряженную съ жертвоприношеніемъ въ полѣ. Бусы вэсь же собственно значитъ только напольное жертвоприношеніе. Это жертвоприношеніе во многихъ селеніяхъ совершается по своему, а причиной этому—племенная разница вотяковъ, которые, какъ и русскіе, раздѣляются на разныя племена, и каждому племени съ давнихъ временъ присвоено особое названіе; такъ напримѣръ въ Сосновскомъ краѣ, по отзывамъ самихъ жителей, есть нѣсколько племенъ и племена эти имѣютъ такія названія: бэнà, пупъà, пургà, ворчà, веньà и проч. У каждаго племени божество Воршудъ особое; поэтому каждое племя въ молитвахъ обращается къ божеству своего племени. Нѣкоторыя племена, говорятъ, размножаются быстро, а нѣкоторыя могутъ произвести только опредѣленное число; если же приростъ перейдетъ извѣстное число, племя начинаетъ вымирать. Такимъ образомъ, народъ такого племени не можетъ размножиться никогда.

И такъ, опишемъ это напольное жертвоприношеніе, которое отправ-

что на Гуждоръ уже собираются. Медлить я не сталъ,—сѣлъ и поѣхалъ съ женой. Въ дорогѣ, отъ нечего дѣлать, я вошелъ въ разговоръ съ ямщикомъ-вотякомъ.

— Весело должно быть у васъ на Гуждорѣ?—спросилъ я его.

— Какъ не весело: дѣвки одѣты хорошо, потчуютъ кумышкой, а кумышка все съ медомъ,—отвѣтилъ онъ.

— А меня будутъ потчивать?

— Какъ же! для того и праздникъ, чтобы дѣвки потчивали; только дай имъ немного денегъ.

— Денегъ? а зачѣмъ это?

— У насъ обычай такой; поэтому на Гуждоръ безъ денегъ никто не ходитъ.

— Ну, братъ, я этого не зналъ, поэтому и денегъ съ собой не взялъ.

— Попросишь у кого нибудь,—дадутъ.

— Ужели надо дать каждой? Ихъ тамъ, можетъ быть, пятьдесятъ человѣкъ и болѣе?

— Зачѣмъ каждой! Только дай копѣекъ пять или десять и—довольно! благодарны будутъ.

— Кто же беретъ деньги?

— Попъ; ему даютъ въ руки, а онъ дѣлитъ послѣ праздника, кому сколько причтется.

— А много ли причтется каждой дѣвкѣ въ праздникъ?

— Въ который годъ причтется десять копѣекъ, въ который пятнадцать... вѣдь не равно: какъ будутъ давать и сколько будетъ дѣвокъ.

— Много ли выходитъ у каждой дѣвки кумышки?

— Тоже не равно: когда выйдетъ четверть, когда—больше, а когда и меньше: какъ будутъ пить и сколько будетъ народу.

— Такъ; но вѣдь попъ можетъ утаить дѣвичьи деньги?

— Зачѣмъ таить? у насъ дѣвки выбираютъ честныхъ и зажиточныхъ.

— Вотъ что, попа у васъ выбираютъ дѣвки!

— Дѣвки: тутъ ни мужики, ни бабы не касаются, потому что праздникъ дѣвичій.

— А если праздникъ дѣвичій, то зачѣмъ ходятъ туда мужики и бабы?

— А кто будетъ пить кумышку? вѣдь дѣвки не будутъ пить сами, межъ собой; у насъ такое заведенiе, чтобы дѣвки потчивали, а мужики—пили; а бабы ходятъ потчивать вмѣсто дѣвокъ, которыхъ у нихъ нѣтъ.

Разговаривая такимъ образомъ, мы доѣхали до деревни Кайсыгурта, въѣхали во дворъ, зашли въ избу, помолились, поздоровались и сѣли. Въ избѣ было пусто, безлюдно, только одна дряхлая старушка—мать Назара Васильевича, сидѣла на лавкѣ, изрѣдка покашливая сухимъ старушечьимъ кашлемъ. Намъ недолго привелось сидѣть молча въ ожиданiи хозяина: чрезъ нѣсколько минутъ онъ явился и, поздоровавшись съ нами, пригласилъ насъ въ другую комнату, называемую горницей. За хозяиномъ вошла и его жена неся на рукахъ сильно шумящiй самоваръ и принялась хлопотать около него. Зная сколько должно пройти времени за чаемъ, я обратился къ хозяину со словами:

— А вѣдь такъ, Назаръ Васильевичъ, времени пролетитъ немало и мы не увидимъ Гуждоръ.

— Ничего, отвѣтилъ онъ,—на Гуждоръ собираются только сейчасъ.

— А зачѣмъ ямщикъ намъ сказалъ, что Гуждоръ начался еще тогда, когда онъ отправлялся за нами?

— «Вретъ», отвѣтилъ онъ улыбаясь: «онъ думалъ, что отстанетъ отъ дѣвокъ, поэтому и торопилъ васъ». Въ самомъ дѣлѣ, взглянувши въ окно, я увидѣлъ группы разряженныхъ вотячекъ идущихъ, вѣроятно, на Гуждоръ. Напившись чаю, мы всей компанiей отправились на праздникъ. Во всѣхъ избахъ, видимо, было пусто, лишь изрѣдка въ окна нѣкоторыхъ выглядывали дряхлые старики и старушки, которымъ силы уже не дозволяли плестись на Гуждоръ. Въ деревнѣ царствовала тишина; только по временамъ нарушалъ эту тишь кашель старыхъ людей, сидящихъ у растворенныхъ оконъ. По деревнѣ мы шли не долго и чрезъ четверть часа были уже въ широкомъ полѣ, покрытомъ холмами. Гдѣ же Гуждоръ? спросилъ я своего спутника.—А вотъ на горѣ, сказалъ онъ, указывая пальцемъ на возвышенное мѣсто, гдѣ, какъ видно, росли елочки, верескъ и пихта, а на краю возвышалась видная ель со сломленной вѣтромъ вершиной. Дѣйствительно, взглянувши на указанное Назаромъ Васильевичемъ мѣсто, я увидѣлъ подъ елью

синій дымокъ, а около него—толпу пестраго народа. Дорожка, по которой мы шли, повернула прочь отъ Гуждора, потому мы свернули съ нея и направились къ Гуждору на прямикъ черезъ бархатистое зеленое поле озими, надъ которымъ щебеталъ жаворонокъ. Мы еще шли, а до насъ уже доходили унылые звуки пѣсни вотскаго попа. Когда мы наконецъ дошли до Гуждора, глазамъ моимъ представилась слѣдующая картина: передъ елью, обратившись къ ней лицомъ, стоятъ два попа въ бѣлыхъ сукманахъ и въ бѣлыхъ же шляпахъ на подобіе татарскихъ; каждый изъ нихъ держитъ въ лѣвой рукѣ небольшой пихтовый сучекъ, а правой рукой поглаживаетъ бороду, взявши ее въ кулакъ, и читаетъ на распѣвъ свои вотскія молитвы, откашливаясь чрезъ каждыя 10—15 секундъ и кланяясь слегка ели. Передъ ними, у подножія ели, постлана бѣлая скатерть, а на ней лежатъ: блины, перепечи, лепешки, каравая хлѣба съ воткнутыми въ средину пихтовыми сучками; тутъ же стоятъ бураки съ какою-то жидкостью (вѣроятно съ пивомъ) и деревянное блюдо; шагахъ въ двухъ отъ поповъ стоитъ неподвижный столикъ, въ родѣ палатки изъ еловыхъ сучьевъ, положенныхъ на перекладины, которыя держатся на четырехъ колышкахъ, вбитыхъ въ землю; это трапеза для предложенія жертвенныхъ яствъ; у этого столика стоитъ низенькая скамейка съ сажень длиной; это бревно, котораго сучья служатъ ножками; неподалеку отъ скамейки надъ костромъ въ котлѣ варится жертвенное мясо утки. Попамъ подносятъ женщины и дѣвушки рюмки съ кумышкой и тѣ, взявши въ правыя руки рюмки, читаютъ надъ ними молитвы, подходятъ къ костру отливаютъ по нѣсколько капель этой кумышки на огонь, тоже что-то бормоча про себя; имъ опять доливаютъ, а они выпиваютъ, оставляя нѣсколько капель на днѣ; эти остатки вливаютъ обратно въ бутылку. Къ нимъ подходятъ мужчины и даютъ денегъ, кто копѣйку, кто двѣ и т. д., деньги попы принимаютъ на правый рукавъ сукмана, цѣлуютъ ихъ и кладутъ въ деревянную чашку, которая стоитъ на скатерти подъ елью; потомъ говорятъ дающимъ: я тȧу, тужъ тȧу! тырȯсъ медъ луȯзъ уксеэдъ (ну, спасибо, большое спасибо! пусть будетъ много денегъ у тебя). Послѣ этого опять подносятъ имъ рюмки съ кумышкой; а они, взявши рюмки, говорятъ давшимъ денегъ: я сябȧсь (ну, будь здоровъ) и обернувшись лицомъ къ елкѣ, кланяются опять, читая на распѣвъ свои молитвы;

въ это время женщины и дѣвушки подносятъ жертвователямъ за здравныя рюмки. Чрезъ нѣсколько минутъ попы даютъ имъ частички крупяныхъ лепешекъ; взявши эти частички, тѣ держатъ ихъ въ рукахъ, пока попы не кончатъ объ нихъ молитвы; а когда кончатъ, опять выпьютъ по рюмкѣ кумышки и говорятъ имъ: сябáсь! только послѣ этого жертвователи ѣдятъ частички лепешекъ и пьютъ кумышку отъ каждой дѣвки и женщины; затѣмъ подходятъ другіе, третьи и т. д. и во все время предъ попами стоятъ женщины или дѣвушки по очереди съ кумышкой. Чтобы понять нѣсколько словъ попа, я подошелъ къ костру и сталъ у него. Вдругъ подходитъ ко мнѣ низенькій вотячекъ съ трубкой во рту и, не вынимая трубки, говоритъ: клади деньги! даромъ не пей кумышку! Но денегъ я при себѣ не имѣлъ, надо было занять у кого нибудь; къ счастью, тутъ же рядомъ со мною стоялъ знакомый вотякъ; я занялъ у него десять копѣекъ, и подошедши къ елкѣ, бросилъ на скатерть два пятака и отошелъ... Кто-то изъ стоящихъ замѣтилъ мнѣ: «не ладно даешь, надо дать попу на руки»; другой же, рядомъ съ нимъ, на это сказалъ опять: «ладно, все равно, онъ вѣдь не знаетъ». Пожертвовавши въ дѣвичью кружку десять копѣекъ, я опять сталъ у костра. Не прошло и минуты времени, какъ я былъ окруженъ группой дѣвушекъ, подносящихъ мнѣ кумышку; дѣлать было нечего, надо было уважить ихъ,—я взялъ у одной, хлебнулъ... отдаю обратно, но она не принимаетъ, говоритъ: ю, ȯйдо ю (пей, пей-же); за ней подходитъ другая, третья, четвертая и т. д., такъ что въ теченіи минуты я отвѣдалъ понемногу отъ пятнадцати дѣвушекъ. Когда дѣвушки съ бутылками отошли, я все вниманіе обратилъ на поповъ, стоящихъ подъ елью. Одинъ изъ нихъ уже довольно нагрузился кумышкой; другой попъ былъ еще въ силахъ владѣть собой, и я понялъ у него слѣдующія слова: пудо́энъ животэнъ, ю энъ нянѐнъ тыръ медъ луȯсны! «скотиной животиной, житомъ, хлѣбомъ были бы довольны». Теперь посмотримъ что дѣлается въ сторонѣ: ближе къ попамъ мужики, раздѣлившіеся на группы; въ каждой группѣ чѣмъ нибудь да заняты: кто сидитъ и разсказываетъ сказки, кто стоитъ и слушаетъ разсказывающихъ, кто борется, кто куритъ трубки. Подалѣе отъ поповъ играютъ и поютъ хороводныя пѣсни дѣвушки, одѣтыя въ свои лучшіе наряды, а недалеко отъ нихъ стоятъ старухи, смотря на нихъ и

слушая ихъ пѣсни—импровизаціи въ родѣ: ой дой шуомы̀, вламѐ гивэнд̀! Заднiй планъ кишитъ молодыми парнями и мальчишками: имъ бросаютъ «на драку» крендели и деньги. Насмотрѣвшись на эту кутерьму, я отошелъ въ сторону и сѣлъ къ сидѣвшему тамъ, повидимому, русскому мужику.

— Вотъ мыши что дѣлаютъ! сказалъ онъ, обратившись ко мнѣ.

— Зачѣмъ мыши? возразилъ я.

— А посмотри: кому кланяются?—елкѣ.

Моленье, видимо, приходило къ концу. Попы уже не бормотали своихъ молитвъ, а можетъ и не кланялись ели. Въ это время одинъ изъ стоящихъ съ ними мужиковъ, вѣроятно ихъ помощникъ, взялъ со скатерти чашку, вынулъ изъ котла мясо утки и, положивъ въ чашку, поставилъ на столъ. Тогда попъ собралъ со скатерти блины лепешки, короваи хлѣба, положилъ все это на столъ и искрошилъ мясо; мужчины начали обѣдать, не снимая шляпъ; тутъ же сѣлъ и Назаръ Васильевичъ. Отвѣдавъ мяса, всякiй благодарилъ поповъ и отходилъ въ сторону. Я спросилъ у одного вотяка: «зачѣмъ утку ѣдятъ только мужики? «У насъ обычай такой», отвѣтилъ онъ,— «тутъ ни у дѣвокъ, ни у бабъ дѣла нѣтъ; колятъ утку, чистятъ, стряпаютъ, потчуютъ мужиковъ—одни попы». «А когда съѣдятъ утку, что тогда будутъ дѣлать?» спросилъ я опять.—«Тогда уйдутъ домой», сказалъ онъ,—«попы съ дѣвками, мужики съ мужиками, а бабы съ бабами. Дѣвки непремѣнно должны проводить поповъ до дому, а ничуть не оставлять».

Въ третiй день Гырны̀-потона совершается обрядъ благодаренiя за начало лѣта подъ названiемъ *Тау-каронъ*. Этотъ обрядъ тѣсно связанъ съ Гуждоромъ, бывшимъ накануне, поэтому попами служатъ тѣже, которые были на Гуждорѣ. Дѣвушки, бывшiя на Гуждорѣ, собираются съ кумышкой у одного изъ поповъ, который старше прочихъ лѣтами; туда же приглашаются и прочiе попы, если ихъ нѣсколько человѣкъ. Угостивши поповъ кумышкой, дѣвушки приглашаютъ ихъ съ собой въ другiе дома. Если который нибудь изъ поповъ еще не доволенъ угощенiемъ дѣвушекъ, то говоритъ имъ, почесывая затылокъ: «iыръ висе, гыдыёсы̀!» (голова болитъ, милыя!) и дѣвушки опять угощаютъ того попа кумышкой; изъ за него достается угощенiе и прочимъ. Затѣмъ выходятъ изъ избы и идутъ на конецъ деревни съ пѣснями; попы обыкновенно

идутъ впереди дѣвушекъ. Зашедши въ избу, попы не снимая шапокъ, садятся за столъ, на которомъ лежитъ положенный заранѣе цѣлый коровай хлѣба. Жена хозяина или снохи его чрезъ нѣсколько времени, когда соберется довольное число гостей изъ другихъ домовъ, накрываютъ столъ разною стряпней; потомъ тѣ же хозяйскія женщины подносятъ попамъ по рюмкѣ кумышки. Попы, взявши рюмки въ правыя руки, а лѣвыми поглаживая свои клинообразныя бородки, взявши ихъ въ кулаки, читаютъ на распѣвъ свои молитвы—импровизаціи, между которыми заключаются такія слова: «ȯстэ, Инмарѐ—Калдысинѐ, Утысѐ-Вордысѐ! Ачи́дъ калыктэ возьма; ю-нӓнь дзьѐчъ медъ потȯзъ,—медъ луȯзъ куамӹнъ куроѐнъ, дасъкӹкъ ёзэнъ, азвѐсь шепѐнъ зарни́ тысѐнъ. Остэ искѐ Инмарѐ! Сябӓсь, бускельёсъ! сябӓсь!» (благослови, Господь—Вседержитель, Хранитель—Питатель! Самъ людей своихъ храни; пусть хлѣбъ ростетъ хорошо;—было бы на одномъ корешкѣ тридцать стебельковъ, каждый стебелекъ въ двѣнадцать колѣнъ; колосокъ былъ бы серебряный, зерно-золотое. Ну такъ благослови, Господи! Будьте здоровы, сосѣди! будьте здоровы!). Во время молитвы поповъ дѣвушки поютъ пѣсни, угощаютъ кумышкой и прочихъ мужиковъ но только старшихъ, въ виду того, что бутылки кумышки не хватитъ на всѣхъ. Хозяйскія же женщины обязаны угощать всѣхъ вообще. Предъ окончаніемъ молитвы одинъ изъ поповъ отрѣзываетъ отъ коровая горбушку и дѣлитъ между всѣми, находящимися въ избѣ въ знакъ мира и согласія. Окончивши молитву, попы приглашаютъ дѣвушекъ садиться за столъ. Отобѣдавши, они выходятъ, а послѣ нихъ садятся другіе. Затѣмъ идутъ въ другіе дома.

Послѣ пашни, оканчивающейся посѣвомъ льна, слѣдуетъ жертвоприношеніе въ шалашѣ Выдзимъ-куамъ подъ названіемъ *Тулысъ куалипыронъ* (весенній входъ въ куалу). Собравшись всей деревней мущины и женщины, выбираютъ изъ среды мужиковъ двухъ *парчасевъ* *) и двухъ поповъ. Первые колютъ приведенныхъ животныхъ: одного барана да одну овцу (а въ нѣкоторыхъ деревняхъ гуся да

*) Парчась—помощникъ попа; должность его—зарѣзать животныхъ и варить. Вообще, на немъ лежитъ обязанность приготовленія обѣда. *Авт.*

утку), потрошатъ ихъ и, изрѣзши въ куски, варятъ въ особыхъ котлахъ; другіе же, т. е. попы, взявши въ лѣвыя руки по древесной вѣткѣ, становятся въ передній уголъ, лицомъ къ иконѣ, за которой находится коробка съ монетой, означающей символъ бога Инву́. Передъ попами на столикѣ или на скамейкѣ, накрытой скатертью, лежатъ яичные блины, короваи хлѣба и проч. Тутъ же стоитъ и коробка *мушъ куды́*, предназначенная для кумышки изо всѣхъ бутылокъ. Женщины безпрерывно подносятъ попамъ рюмки съ кумышкой и попы, взявши таковыя въ руки, читаютъ свои молитвы, содержаніе которыхъ уже извѣстно изъ Тау карона; но здѣсь просятъ, между прочимъ, и о томъ, чтобы семейства сосѣдей во время страды были здоровы; работали бы съ охотой, прилежаніемъ. По истеченіи примѣрно двухъ минутъ попы отливаютъ по нѣсколько капель отъ каждой женщины въ коробку мушъ-куды, а остальную допиваютъ сами; потомъ даютъ мужчинамъ по частичкѣ яичнаго блина въ знакъ молитвы за семейства ихъ и частички эти принявшими съѣдаются, а нѣкоторые предъ принятіемъ ихъ говорятъ: «Я иськѐ остэ, Инмаре!» (ну такъ благослови, Господи!). По окончаніи молитвы попы садятся за столъ и приглашаютъ сѣсть прочихъ. Кумышку изъ коробки мушъ-куды попы выпиваютъ сами, оставляя на днѣ только нѣсколько капель. Во время яденія жертвы соблюдается тишина. По понятіямъ ихъ самихъ, тишина при яденіи жертвы отзывается на страдномъ времени т. е. если при этомъ соблюдалась тишина, лѣто будетъ тихое, и, наоборотъ, если при яденіи шумѣли—лѣто будетъ бурливое. Обглоданныя попами кости зарываются ими же въ землю, а прочими бросаются въ огонь. По окончаніи жертвоприношенія, собравшись домой, попы закрываютъ лица руками и, поклонившись слегка куалѣ, говорятъ: «остэ, Кылдысинэ! дзьѐчъ уть—ворды» (благослови, Кылдысинъ! Храни, питай). Это же дѣлаютъ и прочіе мужчины.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ Тулысъ куала пырона приносится жертва подъ названіемъ *Свизькдна* (обѣщаніе жертвы, которую приносятъ уже осенью). Для исполненія этого жертвоприношенія собираются въ полѣ одни мужики—домохозяева. Мѣстомъ для жертвоприношенія служитъ давно избранное для этого мѣсто подъ елью. Приводятъ туда купленаго на собранныя деньги барана и избираютъ изъ своей среды одного парчася и одного попа. Кладутъ подъ

елью костеръ, зажигаютъ его и устраиваютъ неподвижные столики, скамейки и проч. Между тѣмъ, какъ парчась исполняетъ свои обязанности, попъ дѣлаетъ изъ древесной коры коробку мушъ-куды, устраиваетъ на ели полочку и ставитъ на нее коробку. Подъ дерево стелятъ скатерть и кладутъ на нее короваи—хлѣба, блины, бутылки съ кумышкой и проч. Вотъ и костеръ запылалъ; надъ нимъ на перекладинѣ виситъ котелъ съ изрѣзанными кусками мяса. Попъ беретъ въ лѣвую руку еловую вѣтку и встаетъ, не снимая шапки, подъ ель, обернувшись къ ней лицомъ. Мужикъ подноситъ ему рюмку съ кумышкой и онъ, отливши нѣсколько капель въ коробку мушъ-куды, читаетъ свои молитвы, подобные молитвамъ на Тауaронѣ, но здѣсь прибавляетъ нѣсколько словъ о томъ, чтобы деревня съ живущими въ ней избавилась отъ всякаго несчастія, отъ шайтана и прочихъ духовъ зла; потомъ, сказавши протяжно: «я, сябàсь, бускельёсъ!» (ну, будьте здоровы сосѣди!), остальную кумышку допиваетъ самъ и даетъ угостившему кумышкой мужику частичку блина. Затѣмъ подходятъ другіе, третьи и т. д. Когда сварится жертва, парчась отрѣзываетъ отъ грудины небольшой кусокъ, беретъ ложку и, почерпнувъ въ нее бульёну, подаетъ вмѣстѣ съ кускомъ попу. Принявши это, попъ съѣдаетъ и садится за столъ, приглашая садиться и прочихъ. Во время ѣды соблюдается тишина. Попъ обглоданныя имъ кости зарываетъ въ землю, а прочіе бросаетъ въ огонь.

Уходя съ мѣста жертвоприношенія, попъ въ послѣдній разъ, закрывъ лицо руками, кланяется ели, говоря: «ȯстэ иськѐ Кылдысинэ! дзьечъ уть—ворды» (ну такъ благослови, Кылдысинъ! храни, питай). Его примѣру слѣдуютъ и прочіе. Такіе поклоны напоминаютъ поклоны Магометанъ, и должно замѣтить, что во время жертвоприношенія крестное знаменіе вовсе неупотребительно; хотя въ молитвахъ изрѣдка и поминаютъ Бога, но обряды—чисто языческіе. По отзывамъ самихъ поповъ, каждая молитва требуетъ жертвоприношенія, и чѣмъ больше съѣдается жертвы и выпивается кумышки, тѣмъ пріятнѣе воображаемымъ божествамъ молитва. Впрочемъ, есть молитвы и безъ жертвы, которую замѣняетъ яичный блинъ и кумышка, но такія молитвы значенія жертвоприношеній не имѣютъ, а служатъ только какъ бы памятованіемъ о божествахъ въ предотвращеніе гнѣва за забытіе. Будь у нихъ много свободнаго вре-

мени и больше состоянія, они по лѣтамъ съѣдали бы по нѣскольку десятковъ скота. Болѣзнь ли на людяхъ или на скотѣ, начало ли или конецъ полевымъ работамъ—требуется жертвоприношеніе, и это жертвоприношеніе не можетъ быть и не бываетъ безъ яичнаго блина и кумышки; блинъ и кумышка—необходимыя принадлежности жертвоприношеній. Придавая жертвоприношеніямъ спасительную силу, во время скотскихъ падежей съѣдаютъ по нѣскольку головъ скота. Такъ напримѣръ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1885 года вотяки деревни Кыквы Сосновскаго прихода, по случаю скотскаго падежа, по словамъ одного изъ жителей этой деревни, съѣли мяса на 50 рублей.

Тулыс-сур—весеннее пиво. Праздникъ этотъ бываетъ послѣ весеннихъ посѣвовъ и исправленія полевыхъ изгородей. Предъ праздникомъ выбираютъ двухъ-трехъ человѣкъ сборщиковъ для сбора денегъ съ каждой наличной души мужскаго пола, или вмѣсто денегъ—муки, которую потомъ и продаютъ; если собираютъ муку, то ходятъ сборщики по домамъ съ мѣшками и безмѣнами, на которыхъ и вѣсятъ муку, сколько положено обществомъ собрать на праздникъ. На собранныя или вырученныя за собранную муку деньги покупаютъ для жертвы животныхъ, которыхъ и колютъ на мѣстѣ молельни. Женщины пекутъ блины, лепешки, перепечи и проч., стряпню эту кладутъ въ лукошко или въ пестерь и отправляются на мѣсто молельни съ ребятишками, которые, если могутъ, несутъ бураки съ пивомъ, а дѣвушки берутъ бутылки съ кумышкой; мужчины же уводятъ или увозятъ купленныхъ животныхъ: овцу черную или сѣрую, чернаго быка, — въ жертву Инмару, гуся — въ жертву Инву; кромѣ этихъ животныхъ колютъ еще утку — въ жертву умершимъ старикамъ. Пришедши на мѣсто молельни, мужчины кладутъ костеръ, колютъ животныхъ, потрошатъ ихъ, кладутъ мясо въ котлы и варятъ съ крупой и солью. Попъ беретъ въ лѣвую руку сучекъ и молится въ шапкѣ, обратившись лицомъ къ елкѣ, а если въ шалашѣ, то къ углу; передъ нимъ на полу или на столикѣ вся бабья стряпня: перепечи, блины, лепешки, короваи хлѣба; женщины потчуютъ попа кумышкой, какъ и на Гуждорѣ, съ пѣснями, чтобы было весело. Попъ въ молитвѣ говоритъ: «Господи благослови! Вотъ мы теперь обсѣялись, кончили пашню, исправили, какъ слѣдуетъ, изгороди,—старый хлѣбъ съѣдаемъ, оканчиваемъ,—пусть новый родится хорошо. Дай, Господи,

дождя, хорошую погоду! избави отъ червя, града, засухи! Жили бы мы богато, счастливо, весело; пили, ѣли бы съ сосѣдями такъ же, какъ и теперь»... Поминая умершихъ стариковъ, говорятъ: «не сердитесь на насъ, старики! ничего противъ нашего желанія не дѣлайте». Другіе, сидящіе въ сторонѣ, ведутъ между собой разговоры, курятъ трубки, а молодежь играетъ, не обращая вниманія на взрослыхъ. Женщины постоянно потчуютъ кумышкой, говоря: ю, юя! (пей, ну пей!) Когда сварится жертвенное мясо, вынимаютъ его въ чашки и попъ беретъ по небольшой частичкѣ отъ сердца, печени и легкихъ каждаго и бросаетъ на огонь, говоря: тылъяськò пельяськò! (очищаю посредствомъ огня и дуновенія). Затѣмъ начинаютъ всѣ ѣсть. Что останется—несутъ домой и тамъ доѣдаютъ, давая и тѣмъ,кто не былъ на молельнѣ;кости животныхъ бросаютъ въ огонь чтобы не нашла собака или лѣсной звѣрь и хищная птица. Пируютъ три-четыре дня, расхаживая по улицамъ деревни группами, мужики съ мужиками, бабы съ бабами, а молодые съ молодыми; заходятъ въ избы, гдѣ ихъ угощаютъ кумышкой и пивомъ. Ребятишки на улицахъ играютъ въ городки и бабки, а парни около двадцати лѣтъ трутся около дѣвушекъ или играютъ въ карты, собравшись въ избу.

Третій праздникъ — *Бусы вэсь* (напольная жертва). Это тоже, что и Тулысъ-суръ; но подъ словомъ Тулысъ-суръ должно разумѣть вообще деревенскую пирушку, сопряженную съ жертвоприношеніемъ въ полѣ. Бусы вэсь же собственно значитъ только напольное жертвоприношеніе. Это жертвоприношеніе во многихъ селеніяхъ совершается по своему, а причиной этому—племенная разница вотяковъ, которые, какъ и русскіе, раздѣляются на разныя племена, и каждому племени съ давнихъ временъ присвоено особое названіе; такъ напримѣръ въ Сосновскомъ краѣ, по отзывамъ самихъ жителей, есть нѣсколько племенъ и племена эти имѣютъ такія названія: бэня̀, пупъя̀, пурга̀, ворча̀, венья̀ и проч. У каждаго племени божество Воршудъ особое; поэтому каждое племя въ молитвахъ обращается къ божеству своего племени. Нѣкоторыя племена, говорятъ, размножаются быстро, а нѣкоторыя могутъ произвести только опредѣленное число; если же приростъ перейдетъ извѣстное число, племя начинаетъ вымирать. Такимъ образомъ, народъ такого племени не можетъ размножиться никогда.

И такъ, опишемъ это напольное жертвоприношеніе, которое отправ-

ляется съ большимъ торжествомъ. Старый и малый обоего пола собираются въ полѣ подъ священной старой елью, гдѣ прежде отправлялись такія жертвоприношенія съ основанія деревни. Приводятъ туда двухъ жеребятъ, двухъ телятъ и двухъ барановъ и поручаютъ ихъ четыремъ выбраннымъ парчасямъ. Между тѣмъ какъ парчаси колютъ и потрошатъ животныхъ, другіе устраиваютъ на колышкахъ неподвижные столики и скамейки, кладутъ костры. Женщины кладутъ подъ ель короваи хлѣба съ воткнутыми въ средину ихъ древесными вѣтками, яичные блины, перепечи и проч. Попы дѣлаютъ три берестяныхъ коробки мушъ-куды и ставятъ ихъ на прибитые къ дереву гвозди. Вотъ костры запылали, — мясо въ котлахъ варится. Попы берутъ въ лѣвыя руки по древесной вѣткѣ и, не снимая шапокъ, становятся предъ елью, обратившись къ ней лицомъ. Началась молитва. Со всѣхъ сторонъ подходятъ къ нимъ съ бутылками женщины и угощаютъ ихъ. Взявши рюмки въ руки, попы нѣсколько капель отливаютъ въ коробки мушъ-куды, а остальную выпиваютъ сами; затѣмъ опять читаютъ нараспѣвъ свои молитвы, напоминающія унылые звуки монотонной пѣсни татарскаго муллы. Пѣсня попа въ переводѣ на русскій языкъ приблизительно такова: «Благослови, Господи, Хранитель-Питатель! Самъ своихъ людей храни, питай; избавь отъ всякаго зла, несчастія, бѣдствія. Вотъ мы теперь обсѣялись, исправили изгороди; старый хлѣбъ съѣдаемъ, пусть новый уродится хорошо. Что Тебѣ приносимъ въ жертву, пусть то будетъ пріятно. Хлѣбъ бы былъ съ тридцатью стебельками на одномъ корнѣ, съ двѣнадцатью-колѣнной соломой, съ серебрянымъ колоскомъ, съ золотымъ зерномъ; могли бы по нови бѣгать векша, рябчикъ... Дай, Господи, дождя, хорошую погоду; избави нивы отъ града, червя, ржавчины и проч. Жили бы мы весело, богато, мирно, согласно; были бы довольны хлѣбомъ, скотиной, дѣтьми. Благослови, Господи, благослови!» Окончивши молитву, предъ поднесеніемъ кумышки, обращаются ко всѣмъ участвующимъ въ празднествѣ, говоря: «ну, будьте здоровы, сосѣди со всѣми домочадцами!» Молитва попа часто прерывается подходящими къ нему мужиками, которые даютъ имъ денегъ—кто копѣйку, кто двѣ и т. д. Принимая коровай хлѣба и зашедши въ избу отдаетъ женѣ новаго десятника. Старый и новый десятникъ садятся за столъ и новый молится о благополучномъ отправленіи должности.

деньги на правый рукавъ платья, попъ благодаритъ дающаго и бросаетъ монету въ чашку, которая стоитъ у ногъ его на скатерти. Тѣмъ, которые жертвуютъ денегъ, попъ даетъ по частичкѣ блина, которыя принявшими и съѣдаются благословясь. Деньги идутъ въ пользу тѣхъ, кто отдалъ животныхъ на жертву. Во время молитвы женщины поютъ пѣсни, не имѣющія никакого значенія; другія ведутъ между собой разговоры или угощаютъ прочихъ мужиковъ кумышкой; въ сторонѣ отъ поповъ и взрослыхъ играютъ ребятишки и дѣвченки. Когда сварится мясо, парчаси отрѣзываютъ отъ грудины каждаго животнаго по кусочку, берутъ по ложкѣ и, почерпнувши бульону, даютъ попамъ; а попы, отливая, по нѣскольку капель на огонь, говорятъ: «тылъ яськӧ, пельяськӧ» (очищаю посредствомъ огня и дуновенія); а предъ принятіемъ мяса говорятъ: «ӧстэ Инмарѐ-Кылдысинэ!» (благослови Инмаръ-Кылдысинъ!) Затѣмъ попы садятся за столъ, приглашая сѣсть и прочихъ. Пѣсни смолкли — и всякъ старается занять мѣсто удобнѣе для себя. Мужчины садятся съ мужчинами, женщины—съ женщинами. Вынувши изъ котловъ мясо, парчаси сыплютъ въ бульонъ крупы столько, чтобы изъ этой крупы и бульону сдѣлалась каша. Изъ коробокъ мушъ куды кумышку пьютъ попы съ парчасями и самыя коробки съ нѣсколькими каплями кумышки оставляютъ на гвоздяхъ, прибитыхъ къ ели. Послѣ мяса ѣдятъ кашу. Обглоданныя попами кости зарываются въ землю, а другими бросаются въ огонь. Оставляя мѣсто молельни, попы и мужики въ послѣдній разъ говорятъ, поклонившись слегка ели: «ӧстэ искѐ, Кылдысинэ! даьечъ утъ-вӧрды».

Такъ какъ праздникъ Тулысъ суръ продолжается не менѣе четырехъ дней, то нѣкоторыя деревни жертву приносятъ въ каждый изъ четырехъ дней отдѣльно по божествамъ; напримѣръ, въ Шарканскомъ приходѣ, по отзыву крестьянина Павла Михайлова, въ *первый* день приносится жертва въ Быдзимъ куалѣ божеству *Инву*; въ тотъ же день еще приносится въ *Лудъ кенѐръ Нюлэсъ мурту*, чтобы не было сильныхъ вѣтровъ; во *второй* день приносится въ полѣ *Инмару* и *Гудырй мумыу*, чтобы не было граду; въ *третій* день приносится опять Нюлэсъ мурту и въ *четвертый* день—*Инмаръ-Кылдысину*.

На другой день Бусы вэся отправляется *Таӱ-кардэ* (благода-

ренье) такимъ же образомъ, какъ отправлялось на другой день Гуждора.

Кромѣ этихъ жертвоприношеній ходятъ всей деревней мужики и бабы съ блинами и кумышкой въ шалашъ Быдзимъ-куалъ въ слѣдующіе дни: въ *Петровъ день, при началѣ страды*. Обряды такіе же, какіе соблюдаются въ другихъ случаяхъ.

Геръ-беръ—Петровка (29 іюня). Праздникъ этотъ продолжается четыре дня. Такъ какъ свадьбы у вотяковъ преимущественно бываютъ въ этотъ праздникъ, то отправляютъ его весело и шумно. Мужики и бабы ходятъ изъ избы въ избу, пьютъ кумышку и пиво; молодые парни и дѣвушки ходятъ на рѣку купаться, гулять; мальчишки на улицахъ играютъ въ бабки, городки и мячики. Пьютъ и ѣдятъ въ шалашахъ, гдѣ хозяева молятся Воршуду, прося у него счастья и мирной жизни; попомъ бываетъ самъ хозяинъ, которому во все время моленья женщины подносятъ кумышку, съ пѣснями, чтобы было весело. Пропировавши дня четыре-пять, въ шестой вяжутъ вѣники, а вечеромъ выходятъ на сѣнокосъ — кладутъ начало полевой страдѣ. Когда во время праздника вотяковъ стоитъ хорошая погода, тогда русскіе косятъ траву и убираютъ сѣно въ скирды заблаговременно, а какъ только начнутъ косить вотяки — пойдутъ дожди и сѣно вотяковъ гніетъ подъ дождемъ.

Первый зимній праздникъ *Толъ-суръ*—зимнее пиво. Этотъ праздникъ продолжается съ Рождества Христова до Новаго года. Днемъ взрослые (мужчины и женщины) ходятъ группами изъ избы въ избу, пьютъ кумышку, пиво, а гдѣ и обѣдаютъ, если случится при нихъ обѣдъ съ гостями. Въ избахъ въ это время стоитъ табачный дымъ, запахъ кумышки и молосныхъ щей, каковыя варятся у нихъ, во время праздника, съ утра до вечера въ котлахъ надъ горячими угольями горна. Женщины, составляя свое общество, сидятъ въ углу у печи и потчуютъ другъ друга кумышкой, пивомъ и вареньмъ конопляныиъ сѣменемъ; мужчины сидятъ около стола въ шапкахъ или стоятъ съ трубками во рту, покачиваемые слегка кумышкой; имъ подносятъ рюмки съ кумышкой по двѣ и по три; поговорятъ они, поблагодарятъ хозяевъ и опять идутъ въ другую избу за такимъ же угощеніемъ. Дѣвушки, раздѣлившись на группы, ходятъ обнявшись изъ избы въ избу и угощаютъ другъ друга пи-

вомъ, а гдѣ и кумышкой. Холостые парни трутся около дѣвушекъ, угощаютъ ихъ пряниками, или, собравшись въ одну избу, проводятъ время въ картежной игрѣ на деньги, а мальчишки отъ 10 до 12 лѣтъ играютъ въ лодыжки, бѣгаютъ изъ избы въ избу или ходятъ тоже за дѣвушками вмѣстѣ съ совершеннолѣтними парнями; маленькія дѣвочки играютъ въ куклы (по вотски мынё).

По ночамъ взрослые изъ избы не ходятъ; зато парни и дѣвушки главнымъ образомъ играютъ по ночамъ. Какъ только зажгутся огни во всѣхъ избахъ, всѣ дѣвушки собираются въ одну избу гдѣ нибудь въ концѣ селенія, туда же идутъ и холостые парни, а кто музыкантъ—несетъ свою музыку—балалайку, гармонику, кречъ (гусли о 14 струнахъ). Какъ только соберутся всѣ, начинается шумъ, говоръ, смѣхъ, пляски, пѣсни и музыка; когда одинъ изъ лучшихъ игроковъ закричитъ на шумящихъ мальчишекъ: «энъ мудэ! зъибытъ» (не играйте! смирно), водворяется тишина, всѣ садятся на лавки и игрокъ начинаетъ играть на своемъ инструментѣ плясовую игру въ родѣ «барыни», дѣвушки выходятъ плясать на средину избы и пляшутъ, ходя зигзагами другъ противъ друга, причемъ похлопываютъ въ ладоши. Другаго рода плясокъ у нихъ нѣтъ. Съ дѣвушками иногда пляшутъ и парни, когда послѣднихъ пригласятъ сами дѣвушки; другіе или смотрятъ на пляшущихъ, или любезничаютъ гдѣ нибудь въ углу или въ сѣняхъ, а мальчишки играютъ въ лодыжки. Поигравши съ полчаса или больше, идутъ съ пѣснями въ другую избу, обнявшись парни съ дѣвушками, но заходятъ только въ тѣ избы, гдѣ есть взрослая молодежь; когда обойдутъ всѣ дома, дѣвушки расходятся по своимъ домамъ, до которыхъ провожаютъ ихъ парни. Эту ночную игру называютъ: уйбытъ ветлонъ, уйбытъ юонъ (ночное хожденіе, ночная пирушка).

Второй зимній праздникъ *Вэй масленча*, т. е. масляница, начинается обыкновенно съ четверга и продолжается до чистаго понедѣльника. Во время этой пирушки ходятъ группами изъ избы въ избу, ѣздятъ по гостямъ, катаются на саняхъ по улицамъ; ребятишки катаются съ горъ на салазкахъ и корытахъ, политыхъ снизу водой; а въ нѣкоторыхъ деревняхъ на горахъ устраиваютъ шесты, на подобіе рельсовъ желѣзныхъ дорогъ; шесты эти кладутъ на полѣнья въ разстояніи одинъ отъ другаго одного аршина и соединяютъ посредствомъ зарубокъ; внизу, на одномъ концѣ ихъ

стелютъ, или просто бросаютъ солому, для того, чтобы катающіеся не могли ушибиться въ случаѣ паденія; а чтобы шесты были гладки поутрамъ поливаютъ ихъ водой. Катанье производится только по вечерамъ и утрамъ слѣдующимъ образомъ: два человѣка (обыкновенно парень съ дѣвушкой) становятся на верхніе концы этихъ шестовъ одинъ противъ другаго и взявши другъ друга за руки, катятся книзу. Взрослые мужики и бабы ходятъ изъ избы въ избу пить кумышку.

Третій праздникъ *Будзӥмъ нунáлъ*—Великій день, т. е. Пасха. Въ этотъ праздникъ пируютъ три дня. Наканунѣ праздника, вечеромъ, идутъ въ село; переодѣвшись на квартирѣ у духовныхъ, молодежь собирается въ церковь слушать чтеніе дѣяній апостольскихъ, хотя и не понимаетъ буквально ничего. Лавки у мелкихъ торговцевъ не запираются на Пасху всю ночь и бываютъ наполнены молодымъ народомъ, парнями и дѣвушками; первые угощаютъ послѣднихъ пряниками и конфектами. Послѣ обѣдни группы лицъ обоего пола гуляютъ по улицамъ, ходятъ изъ избы въ избу пить кумышку, пиво; молодые парни звонятъ на колокольнѣ. Мужчины привѣтствуютъ другъ друга словами: Креистосъ воскресе (Христосъ воскресе) и цѣлуются другъ съ другомъ, снявши шапки, троекратно; женщины же не имѣютъ обыкновенія привѣтствовать другъ друга и цѣловаться, считая это за стыдъ. Мальчишки ходятъ по духовнымъ, прося яицъ на праздникъ.

Кромѣ этихъ восьми праздниковъ отправляютъ пирушки по одному дню и въ слѣдующіе праздники: въ Новый годъ, въ Крещенье, въ Троицынъ день, въ Спасовъ день; а гдѣ есть часовни или церкви, посвященныя имени какого либо святого, пируютъ по три и по четыре дня.

Жертва Инмару приносится въ случаѣ засухи. Съ этою цѣлью собираются нѣсколько селеній на край поля, если нѣтъ шалаша; колютъ одного бычка, одну телку, утку, двухъ гусей и двухъ жеребятъ. Попъ дѣлаетъ три небольшія берестяныя коробочки, кладетъ ихъ подъ елку и, взявъ въ лѣвую руку сучекъ, молится въ шапкѣ, обратившись лицомъ къ елкѣ; женщины подносятъ ему рюмки съ кумышкой и онъ, отливши по нѣскольку капель отъ каждой женщины въ коробочки, остальную выпиваетъ самъ; угостивши сначала попа, женщины потчуютъ кумышкой прочихъ мужиковъ:

другіе между тѣмъ варятъ мясо животныхъ въ особыхъ котлахъ. Первую струйку крови каждаго животнаго попъ цѣдитъ въ ложку и льетъ на огонь. Во время молитвы онъ даетъ каждому мужику по частичкѣ блина, въ знакъ того, что молится за всѣхъ. Когда сварится мясо, попъ беретъ по частичкѣ отъ печени и сердца каждаго животнаго и бросаетъ въ огонь, говоря: тылъ ясько, пельясько, и затѣмъ начинается обѣдъ. Коробочки съ кумышкой оставляются на суку елки. Жертвоприношеніе это продолжается иногда три дня и каждый день съѣдаютъ по нѣскольку штукъ вышеозначенныхъ животныхъ.

Жертва Нюлэсъ Мурту. Этому богу приносятъ жертву два раза въ годъ весной и осенью. Опишемъ вкратцѣ весеннее жертвоприношеніе. Избравши изъ своей среды попа, идутъ съ женщинами въ лѣсъ, кладутъ костеръ, колютъ сѣраго барана и сѣраго гуся. Попъ дѣлаетъ коробочки и, взявши въ лѣвую руку сучекъ, молится въ шапкѣ, обратившись лицомъ къ елкѣ; а другіе варятъ мясо заколотыхъ животныхъ въ особыхъ котлахъ. Женщины всю стряпню кладутъ къ ногамъ попа подъ елку и потчуютъ его кумышкой; отъ каждой женщины попъ по нѣскольку капель отливаетъ въ коробочки, а остальную кумышку допиваетъ самъ; угостивши попа, женщины потчуютъ кумышкой прочихъ мужчинъ. Въ молитвѣ попъ проситъ, чтобы лѣтомъ не было сильныхъ вѣтровъ. Послѣ обѣда кости бросаютъ въ огонь и попъ дѣлаетъ на сучьяхъ елки полочку, кладетъ туда перья гуся и ставитъ коробки съ кумышкой. Это— общее жертвоприношеніе; такое же жертвоприношеніе бываетъ и осенью, когда просятъ у Нюлэсъ Мурта зайцевъ, бѣлокъ, рябчиковъ и проч., но бываютъ и частныя жертвоприношенія, когда приносятъ жертву Нюлэсъ Мурту охотники, прося звѣрей и птицъ.

Жертва Керемету. Ему приносятъ жертву три раза въ годъ: весной послѣ пашни, около Петрова дня (29 іюня) и осенью послѣ страды. Обрядъ жертвоприношенія таковъ же, какъ прочіе обряды, но съ тѣмъ только различіемъ, что попъ и прочіе стоятъ безъ шапокъ; здѣсь женщины не допускаются. Попъ молится на еловыхъ сучьяхъ съ еловымъ въ рукѣ сучкомъ и проситъ, чтобы участвующіе въ жертвоприношеніи избавились отъ всякаго зла. Колютъ жеребенка, козу и утку и варятъ ихъ въ отдѣльныхъ котлахъ.

Жертва Черу. Этому богу скотскихъ болѣзней приносятъ жертву только въ случаѣ болѣзней лошадей. Время жертвоприношенія избираютъ около 8 ноября, когда еще бываетъ немного снѣга. Выбравши изъ своей среды попа, надѣваютъ на худую, старую лошадь ветхую сбрую и запрягаютъ въ худыя сани; въ пестери кладутъ хлѣба, блиновъ и прочее, нужное для жертвоприношенія, берутъ котелъ и отправляются въ лѣсъ, гдѣ такое жертвоприношеніе обыкновенно уже прежде бывало. Пріѣхавши на мѣсто, выпрягаютъ лошадь, колютъ ее и потрошатъ; между тѣмъ попъ беретъ въ лѣвую руку сучекъ и, обратившись лицомъ къ елкѣ, молится, прося у Чера избавленія отъ болѣзней скота. Когда поспѣютъ щи, тогда искрошатъ мясо коня и ѣдятъ. Послѣ ѣды, втыкаютъ между оглоблями саней, подъ елкой, четыре кола, вѣшаютъ на эти колья шкуру принесенной въ жертву лошади и оставляютъ на произволъ судьбы. Окончивши жертвоприношеніе, на которомъ могутъ присутствовать одни только мужики, домой идутъ пѣшкомъ.

Жертва Шайтану. Ему приносятъ въ жертву черныхъ птицъ и утокъ только отдѣльныя семьи, въ случаѣ болѣзней кого либо изъ семейныхъ, по совѣту ворожцовъ.

Въ *первый день сѣнокоса*, по приходѣ съ луговъ, около четырехъ часовъ вечера, каждая семья ѣстъ въ шалашѣ Воршудъ *заварихy* съ масломъ. Это тоже своего рода жертва Воршуду, какъ покровителю семейства и виновнику счастья. До начала ѣды хозяинъ дома, принимая на себя роль жреца, обращается къ воображаемому божеству Воршуду съ просительной молитвой, стоя предъ стѣной, гдѣ находится коробка съ монетой. Во время молитвы онъ держитъ въ рукѣ рюмку съ кумышкой, а по окончаніи таковой говоритъ своимъ домочадцамъ во всеуслышаніе: «я, сябась, пиналъ ёсъ!» (ну, будьте здоровы, ребята!)

Къ Воршуду, какъ особенно чтимому божеству, покровителю семейнаго счастія, хозяинъ дома обращается до *шестидесяти* разъ въ годъ, именно:

1) въ каждый *воскресный* день;

2) въ *Новый* годъ;

3) въ одинъ изъ дней *масляницы*;

4) утромъ до восхода солнца въ *великій Четвертокъ* и

5) въ *Пасху*.

По воскресеньямъ ходитъ съ тремя лепешками или табанями на деревянной тарелкѣ, а въ Новый годъ, Масляницу, Великій Четвертокъ и Пасху - съ блинами; въ Великій Четвертокъ къ блинамъ присовокупляется еще кумышка. По приходѣ изъ шалаша лепешки или блины ѣдятъ всѣ, такъ равно и кумышку пробуетъ каждый.

Осенью послѣ страды всей деревней совершается въ шалашѣ Быдзимъ-куалѣ жертвоприношеніе *Сэизьылъ куала-пырднъ*. Въ жертву приносятъ тѣхъ животныхъ, которыхъ обѣщали на Съизьконѣ послѣ пашни. Въ молитвѣ просятъ счастія, мира, денегъ для исправнаго платежа податей. Обрядъ жертвоприношенія такой же, какъ и обряды при другихъ жертвоприношеніяхъ.

Чтобы не утомить читателя однообразнымъ содержаніемъ описаній обрядовъ жертвоприношеній, я буду стараться по возможности сокращать такія описанія.

Ульчапумѐ вэсяна (жертва на концѣ улицы или деревни). Жертва приносится осенью, преимущественно въ октябрѣ, въ предотвращеніе болѣзней людскихъ и скотскихъ; но кому приносится жертва—я, при всемъ своемъ стараніи, еще не могъ узнать, такъ какъ самое воображаемое божество, которому приносится жертва, стараются скрыть, тѣмъ менѣе объяснять что нибудь объ немъ. Самое жертвоприношеніе совершается въ концѣ деревни, ночью. Приносится въ жертву черный баранъ или черная утка. При жертвоприношеніи участвуютъ мужчины и женщины, а гдѣ только мужчины.

Зегудэ вылэ чежэ вэсяна (жертва на озимь). Осенью послѣ всхода на поляхъ озимей, ночью, хозяинъ дома, взявши въ пестерѣ *) хлѣба, блинъ, кумышки и живую утку, идетъ съ сыновьями въ поле; кладетъ тамъ небольшой костеръ, закалываетъ утку и варитъ ее въ принесенномъ котелкѣ. Во время варки жертвы становится на колѣни и молится, прося у воображаемаго божества хорошаго урожая въ полѣ.

Вукд-азэ чежэ-вэсяна (жертвоприношеніе предъ мельницей); это—случайное жертвоприношеніе по случаю прорыва плотины отъ напора воды. Запрудивши воду, пайщики идутъ на плотину съ хлѣбомъ, кумышкой и проч.; избираютъ изъ своей среды попа, ко-

*) Плетется изъ лыкъ сумка на подобіе солдатскаго ранца.

торый и закалываетъ принесенную утку и, выпотрошивши ее, изрѣзываетъ въ куски; прочіе же кладутъ костеръ, зажигаютъ его и варятъ утку въ котлѣ на перекладинѣ, утвержденной на колышкахъ по краямъ костра. Когда варится жертва, всякъ толкуетъ между собой о предметахъ, касающихся сельскаго хозяйства, а кто куритъ трубки. Черезъ нѣсколько времени, въ продолженіи котораго должна свариться утка, попъ стелетъ къ углу мельницы скатерть, кладетъ на нее блинъ и короваи хлѣба; затѣмъ онъ беретъ въ правую руку кусокъ мяса а въ лѣвую древесную вѣтку и становится, не снимая шапки, къ блину и короваямъ хлѣба. Мужики-пайщики, заинтересованные въ дѣлѣ пользованія мельницей, подносятъ ему рюмки съ кумышкой и онъ молится, прося у воображаемаго божества милости не прорывать больше плотины, не разрушать мельницы. Хотя въ молитвѣ, между прочимъ, и говоритъ: «Утьысь-Вордысь», но, должно полагать, что жертва приносится Ву-Мурту, такъ какъ бульонъ выливается въ прудъ, куда бросаются и кости. Жертву и блинъ ѣдятъ всѣ участвующіе въ жертвоприношеніи. Отошедши отъ мельницы послѣ жертвоприношенія, каждый закрываетъ лицо руками и говоритъ, поклонившись слегка въ сторону мельницы: «я, таберѐ медàзъ вуко-мѐсъ кыръ» (ну, пусть теперь не прорываетъ плотину).

Куриськонъ (прошеніе счастія). Черезъ каждые два мѣсяца, а гдѣ черезъ недѣлю, всей деревней мужчины и женщины собираются въ домѣ зажиточнаго вотяка и варятъ тамъ кашу. Выбранный попъ сидитъ за столомъ въ шапкѣ; его угощаютъ женщины кумышкой, причемъ поютъ пѣсни. Попъ проситъ счастія, мира и всѣхъ благъ земныхъ. Кашу ѣдятъ съ масломъ, сначала мужчины, потомъ—женщины. Это — общій куриськонъ, но есть еще частные куриськоны въ каждой семьѣ отдѣльно.

Чорыгъ мыжъ (рыбная жертва). За страдающихъ глазной болѣзнію и поносомъ дѣтей приносится въ шалашѣ Воршуда, въ кругу семьи, рыбная жертва. Приглашенный особый жрецъ, или самъ хозяинъ проситъ у представляемаго въ умѣ божества здоровья больному, причемъ и упоминаетъ имя больного. Рыбу, блинъ ѣдятъ всѣ семейные.

Въ глазныхъ болѣзняхъ взрослыхъ приносится особымъ жрецомъ въ шалашѣ Быдзимъ-куалѣ жертва изъ птицъ—глухаря или тете-

рева. За каждаго родившагося живаго или уже умершаго до восьмилѣтняго возраста приносится въ жертву въ каждой семьѣ баранъ.

Быдзймъ-нуналъ шыдъ (Пасхальные щи). Послѣ полудня извѣщаются всѣ односельцы мужчины и женщины о сборѣ къ одному изъ служившихъ попомъ на пасхальный обѣдъ. При видѣ собирающихся гостей, жена хозяина или снохи его стелютъ на столъ чистую скатерть и кладутъ на нее цѣлый коровай хлѣба; по сборѣ же гостей попъ-хозяинъ садится за столъ въ шапкѣ и молится о счастіи и благоденствіи и вообще о мирной жизни. Ему подносятъ женщины изъ его семьи въ рюмкахъ кумышки и онъ, отвѣдавши отъ каждой, обращается ко всѣмъ предстоящимъ со словами: «я, сябàсь, пиналъ ёсъ!... бускельёсъ!» (ну, будте здоровы, ребята!.. сосѣди!) и выпиваетъ кумышку. Помолившись съ полчаса, онъ отрѣзываетъ отъ коровая горбушку и даетъ одному изъ мужчинъ, а тотъ обноситъ прочихъ мужчинъ, которые, отщипывая по крошкѣ, пробуютъ этого хлѣба въ знакъ мира и согласія. Послѣ молитвы, женщины накрываютъ столъ разною стряпней, ставятъ на столъ чашку со щами или кашей и хозяинъ приглашаетъ гостей садиться. Послѣ мужчинъ садятся женщины. Послѣ обѣда, за тѣмъ же угощеніемъ идутъ въ другіе дома. На такіе обѣды, сопровождаемые молитвой, собираются и въ слѣдующіе праздники:

1) въ *Петровъ день* (Гербѐръ-шыдъ);
2) въ *Рождество Христово* (Толъ суръ шыдъ);
3) въ *Масляницу* (масленчà шыдъ) и
4) въ *храмовые праздники.*

Коркà-пырдòнъ (новоселье). Родственники и знакомые, когда вздумается и дозволитъ удобное время, но только въ томъ же году, въ которомъ хозяинъ перешелъ на житье въ новый домъ, ѣдутъ на новоселье; причемъ, по заведенному обычаю, везутъ съ собой какие нибудь подарки изъ посуды, мебели, животныхъ и стряпни. Для пріѣзжихъ гостей готовится разное угощеніе, состоящее изъ щей, говядины и стряпни. Къ гостямъ присоединяются и сосѣди. По сборѣ гостей, хозяинъ дома садится за столъ и проситъ у Бога благословенія на жизнь въ новомъ домѣ. Его угощаютъ снохи кумышкой, а послѣ нихъ—другія женщины, пришедшія со своей кумышкой. На столѣ передъ хозяиномъ—яичный блинъ, коровай хлѣба, солонка съ солью. По окончаніи молитвы, женщины покрываютъ

столъ разною стряпней и приглашаютъ садиться пріѣзжихъ гостей и сосѣдей, но послѣдніе обыкновенно довольствуются однимъ угощеніемъ кумышкой. Въ комнатахъ говоръ, пѣсни, толкотня, а воздухъ наполненъ дымомъ отъ куримыхъ трубокъ и запахомъ молосныхъ щей, жаркихъ и проч. Кто имѣетъ самоваръ — до обѣда угощаютъ чаемъ. Хозяина всякій поздравляетъ съ новосельемъ, желаетъ ему счастія, умноженія семейства. Болѣе почетные гости вбиваютъ въ столъ или въ матицу (перекладина на потолкѣ) мѣдныя монеты съ лоскутками краснаго ситцу или же даютъ въ руки хозяйкѣ, которая, принявши монету на правый рукавъ платья, благодаритъ дающаго, желая ему богатства. Подарившій монету получаетъ особенное угощеніе кумышкой. Такъ равно вбиваютъ монеты съ лоскутками въ знакъ памяти и въ ворота, и въ клѣтяхъ, особенно новобранцы, прощаясь съ родными и знакомыми. Угощеніе хозяина новаго дома кумышкой чужими женщинами называется *коркà сектанъ* (угощеніе новаго дома). На угощеніе гостей по случаю новоселья выходитъ хозяйской кумышки не болѣе ведра.

Послѣ новоселья или до него хозяинъ съ женой заходятъ въ подполье съ однимъ блиномъ и кумышкой, берутъ съ собой молоденькую ёлочку съ аршинъ вышиной и начинаютъ обрядъ «обѣщанія» — *Гулбечè свизьконъ*. Хозяинъ втыкаетъ ёлочку въ передній уголъ и отламываетъ отъ нея небольшую вѣтку или просто сучёкъ и становится на колѣни передъ ёлочкой; жена его стелетъ предъ нимъ скатерть и кладетъ на нее блинъ; затѣмъ она беретъ бутылку съ кумышкой, наливаетъ въ рюмку и подаетъ мужу, и тотъ, взявши въ правую руку рюмку, а въ лѣвой держа вѣтку, читаетъ свои молитвы, между которыми заключаются такія слова: «остэ, инмаре макè коркà сётъидъ, медъ дзьечъ улò; татынъ медъ пересьмò, медъ кулò» (благослови, Господи! какую избу далъ, пусть въ ней буду жить хорошо; пусть въ ней состарѣю и умру). Чтобы Бустурганъ не наводилъ на живущихъ въ домѣ страхъ, обѣщаетъ принести въ жертву чернаго барана или другихъ четвероногихъ животныхъ. По окончаніи молитвы пьетъ кумышку и закусываетъ блинкомъ.

Обѣщанную жертву приносятъ чрезъ нѣсколько лѣтъ или въ избѣ или тутъ же въ подпольѣ. Пока варится жертва, хозяинъ молится на колѣняхъ, прося счастія въ домѣ, богатства и всѣхъ благъ земныхъ, и говоря, что обѣщанную жертву уже приноситъ;

кости животнаго зарываетъ въ землю. Это жертвоприношеніе называется *Гулбечѐ така̀ вэся̀нэ* (жертвоприношеніе въ подполье̇).

Чуме пырдо̀нэ (вхожденіе въ клѣть). Здѣсь особенныхъ церемоній нѣтъ. Хозяинъ стоитъ предъ иконой, которая имѣется въ клѣти каждаго вотяка, и проситъ въ молитвѣ счастія въ новой клѣти. Во время молитвы жена угощаетъ его кумышкой, а по окончаніи таковой ѣдятъ блины.

Куала̀ пырдо̀нэ (вхожденіе въ новую куалу Воршуда). Прежде, чѣмъ сказать кое что объ обрядахъ по случаю вхожденія въ новую куалу, нужно познакомить читателя съ мѣстомъ боготворимой коробки, символомъ Воршуда. Въ срединѣ передней стѣны ставится четырехъугольный столбъ вышиной въ четыре аршина; на верху этого столба устраиваются двѣ или три полочки. Въ самый день вхожденія въ куалу хозяинъ ставитъ на верхнюю полочку небольшую икону съ изображеніемъ святителя Николая или Богородицы, а за икону ставитъ берестяную коробку съ серебряной монетой; это, какъ мы сказали выше, — символъ Воршуда. На нижнія полочки кладутъ липовыя вѣтки. Зашедши съ блиномъ въ куалу, хозяинъ становится предъ иконой и, обратившись лицомъ къ ней, а мысленно — къ Воршуду, читаетъ свои молитвы, прося у воображаемаго божества счастія въ новой куалѣ. Во время молитвы находятся въ куалѣ всѣ семейные; жена его угощаетъ кумышкой; помолившись, отрѣзываетъ отъ принесеннаго цѣльнаго коровая небольшую горбушку, отрываетъ отъ блина частичку и бросаетъ ихъ въ огонь, тоже что-то говоря.

Виро̀ (жертва съ кровію). Это жертвоприношеніе основано на томъ повѣріи, что умершіе старики могутъ насылать болѣзни на лошадей и рогатый скотъ; поэтому самая жертва приносится имъ въ новой конюшнѣ. Заколовши овцу, варятъ ее въ конюшнѣ же. Хозяинъ беретъ въ лѣвую руку древесную вѣтку и, не снимая шапки, становится въ передній уголъ. Предъ нимъ на скатерти или просто въ рукѣ его яичный блинъ. Жена его подноситъ ему рюмку съ кумышкой и, между прочимъ, говоритъ: «старики (умершіе)! жертву свою берите въ руки и ноги; лошадей не давите, коровъ не мучьте». Послѣ молитвы дѣлитъ между всѣми блинъ, а съѣвши мясо, кости зарываютъ въ передній уголъ.

Жертва умершему. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти взро-

слаго приносится въ жертву жеребчикъ въ избѣ или въ лѣсу, чаще въ избѣ. Въ послѣднемъ случаѣ жертва приносится такимъ образомъ: когда сварится въ котлѣ надъ горячими угольями горна конина, тогда хозяинъ зажигаетъ предъ иконой восковую свѣчу и вся семья становится предъ иконой на молитву; молясь за упокой души умершаго, представляя ее присутствующей при молитвѣ, говоритъ: «я, таберѐ азядъ медъ усёзъ; дзьѐчъ мѣстà—адъ умòй улъ» (ну, теперь пусть жертва будетъ пріятна тебѣ; на хорошемъ мѣстѣ живи счастливо). Помолившись и положивши по три земныхъ поклона, вся семья садится за столъ. Женщины приносятъ въ чашкѣ съ кусками грудины щи подъ названіемъ «мэля-лымъ» и начинаютъ ѣсть. Кто питаетъ отвращеніе къ мясу коня, тотъ уходитъ въ сторону. Выхлѣбавши щи, опять выходятъ изъ за-стола и встаютъ на молитву; затѣмъ приносятъ остальное мясо; во время яденія соблюдается строжайшая тишина. Послѣ ѣды кости собираются въ одно мѣсто, а въ головной черепъ кладется копѣйка. Жертвоприношеніе это совершается около полуночи скрытно; входъ въ избу для постороннихъ въ это время бываетъ недоступенъ. Чрезъ нѣсколько минутъ послѣ ѣды двое изъ мужиковъ уносятъ кости въ пестеряхъ въ лѣсъ; берутъ еще съ собой рюмку съ кумышкой и оставляютъ ее вмѣстѣ съ костями въ лѣсу подъ ёлкой.

Мѣста, гдѣ бросаютъ кости жертвы, служатъ для вотскихъ дѣтей предметами страха и на этомъ страхѣ основаны разные повѣрья и разсказы. Вотъ одинъ изъ такихъ разсказовъ, слышанный отъ вотскаго мальчика дер. Урдогурта.

— Когда мы лѣтомъ искали лошадей, разсказывалъ мальчикъ, привелось проходить мимо того мѣста, куда бросаютъ кости умершимъ старикамъ. Вдругъ изъ-подъ ёлки кто-то началъ бросать въ насъ костями. Мы страшно перепугались—и давай бѣжать въ сторону деревни; такъ бѣжали, что одинъ изъ насъ и узду чуть не потерялъ, а о лошадяхъ и думать забыли; людей же тамъ не было.

Поминка—поминовеніе умершихъ. Усопшихъ отцовъ и братьевъ жители поминаютъ два раза въ году: въ радоницу послѣ Пасхи вмѣстѣ съ русскими, служа въ церкви панихиды, и осенью послѣ страды. Послѣднія поминки они считаютъ главными, поэтому сзываютъ родню, стряпаютъ разные пирожки, перепечи, шаньги и проч., и пьютъ, и ѣдятъ за столомъ съ пѣснями и разговорами.

Обѣду предшествуютъ земные и поясные поклоны предъ иконами, въ чемъ участвуютъ всѣ хозяева и гости, а потомъ хозяинъ, взявши рюмку съ кумышкой въ руки, произноситъ вслухъ протяжно: я, сябàсь, старикъ èсъ! дзечь улэ со ӥзъ дуны-ӹнъ (ну, будьте здоровы, старики! хорошо живите на томъ свѣтѣ); послѣ этого проситъ гостей сѣсть за столъ. Кромѣ главныхъ поминокъ нѣкоторыя семьи отправляютъ между собой въ зимнее время и частныя поминки безъ всякихъ пирушекъ и попоекъ за ужиномъ, состоящимъ изъ щей или каши, въ которыхъ сварено мясо утки или другой птицы; а иные дѣлаютъ поминки по случаю болѣзни кого-либо изъ семейныхъ, думая тѣмъ сдѣлать облегченіе больному; они вѣрятъ, что умершіе послѣ смерти могутъ имѣть вредное вліяніе на живыхъ, если послѣдніе забудутъ ихъ и не станутъ поминать).

Урвèсь—обрядъ изгнанія шайтановъ и болѣзней. Этотъ обычай основанъ на повѣріи, что болѣзнь ходитъ въ человѣческомъ образѣ изъ деревни въ деревню, напуская на людей разную хворость. Болѣзни служатъ спутниками шайтана—духа зла, витающаго около людей. Урвèсь, по отзыву вотяка поч. Малаго Казеса Шарканскаго прихода, Степана Широбокова, отправляется два раза въ году—въ послѣднихъ дняхъ декабря и іюня—въ предотвращеніе горячки, а самый обрядъ совершается такимъ образомъ: несовершеннолѣтніе ребята въ сопровожденіи одного взрослаго отправляются на возвышенное мѣсто въ полѣ, взявши съ собой говядины, крупы, яицъ и кумышки. На избранномъ мѣстѣ подъ елью кладутъ костеръ, зажигаютъ его и варятъ надъ нимъ въ принесенномъ котелкѣ кашу и яица. Взрослый стоитъ подъ елью, читая молитвы, въ которыхъ проситъ здоровья и проч. Каждый мальчикъ подноситъ ему кумышки и онъ, принявши рюмку, нѣсколько капель отливаетъ на огонь, а остальную выпиваетъ самъ. Съѣвши кашу и прочее, берутъ по сухой хворостинѣ (обыкновенно пихтовой съ сухими легко воспламеняющимися хвоями) и оставляютъ мѣсто, гдѣ ѣли кашу. Отошедши нѣсколько саженей отъ ёлки, останавливаются всѣ и смотря въ сторону еще дымящагося костра, кричатъ хоромъ о! о! о!!!! и этотъ крикъ отдается по окрестностямъ продолжительнымъ эхомъ. Это повторяется до трехъ разъ, думая, что болѣзнь—горячка и сопутствующіе ей шайтаны, движимые страхомъ, удалятся отъ

слаго приносится въ жертву жеребчикъ въ избѣ или въ лѣсу, чаще въ избѣ. Въ послѣднемъ случаѣ жертва приносится такимъ образомъ: когда сварится въ котлѣ надъ горячими угольями горна конина, тогда хозяинъ зажигаетъ предъ иконой восковую свѣчу и вся семья становится предъ иконой на молитву; молясь за упокой души умершаго, представляя ее присутствующей при молитвѣ, говорятъ: «я, таберѐ азядъ медъ усёзъ; дзьѐчъ мѣстà—адъ умòй улъ» (ну, теперь пусть жертва будетъ пріятна тебѣ; на хорошемъ мѣстѣ живи счастливо). Помолившись и положивши по три земныхъ поклона, вся семья садится за столъ. Женщины приносятъ въ чашкѣ съ кусками грудины щи подъ названіемъ «мэля-лымъ» и начинаютъ ѣсть. Кто питаетъ отвращеніе къ мясу коня, тотъ уходитъ въ сторону. Выхлѣбавши щи, опять выходятъ изъ за-стола и встаютъ на молитву; затѣмъ приносятъ остальное мясо; во время яденія соблюдается строжайшая тишина. Послѣ ѣды кости собираются въ одно мѣсто, а въ головной черепъ кладется копѣйка. Жертвоприношеніе это совершается около полуночи скрытно; входъ въ избу для постороннихъ въ это время бываетъ недоступенъ. Чрезъ нѣсколько минутъ послѣ ѣды двое изъ мужиковъ уносятъ кости въ пестеряхъ въ лѣсъ; берутъ еще съ собой рюмку съ кумышкой и оставляютъ ее вмѣстѣ съ костями въ лѣсу подъ ёлкой.

Мѣста, гдѣ бросаютъ кости жертвы, служатъ для вотскихъ дѣтей предметами страха и на этомъ страхѣ основаны разные повѣрья и разсказы. Вотъ одинъ изъ такихъ разсказовъ, слышанный отъ вотскаго мальчика дер. Урдогурта.

— Когда мы лѣтомъ искали лошадей, разсказывалъ мальчикъ, привелось проходить мимо того мѣста, куда бросаютъ кости умершимъ старикамъ. Вдругъ изъ-подъ ёлки кто-то началъ бросать въ насъ костями. Мы страшно перепугались—и давай бѣжать въ сторону деревни; такъ бѣжали, что одинъ изъ насъ и узду чуть не потерялъ, а о лошадяхъ и думать забыли; людей же тамъ не было.

Поминка—поминовеніе умершихъ. Усопшихъ отцовъ и братьевъ жители поминаютъ два раза въ году: въ радоницу послѣ Пасхи вмѣстѣ съ русскими, служа въ церкви панихиды, и осенью послѣ страды. Послѣднія поминки они считаютъ главными, поэтому сзываютъ родню, стряпаютъ разные пирожки, перепечи, шаньги и проч., и пьютъ, и ѣдятъ за столомъ съ пѣснями и разговорами.

Обѣду предшествуютъ земные и поясные поклоны предъ иконами, въ чемъ участвуютъ всѣ хозяева и гости, а потомъ хозяинъ, взявши рюмку съ кумышкой въ руки, произноситъ вслухъ протяжно: я, сябàсь, старикъ ѐсъ! дзечь улэ со ӥзъ дуны-ӥнъ (ну, будьте здоровы, старики! хорошо живите на томъ свѣтѣ); послѣ этого проситъ гостей сѣсть за столъ. Кромѣ главныхъ поминокъ нѣкоторыя семьи отправляютъ между собой въ зимнее время и частныя поминки безъ всякихъ пирушекъ и попоекъ за ужиномъ, состоящимъ изъ щей или каши, въ которыхъ сварено мясо утки или другой птицы; а иные дѣлаютъ поминки по случаю болѣзни кого-либо изъ семейныхъ, думая тѣмъ сдѣлать облегченіе больному; они вѣрятъ, что умершіе послѣ смерти могутъ имѣть вредное вліяніе на живыхъ, если послѣдніе забудутъ ихъ и не станутъ поминать).

Урвѐсь—обрядъ изгнанія шайтановъ и болѣзней. Этотъ обычай основанъ на повѣріи, что болѣзнь ходитъ въ человѣческомъ образѣ изъ деревни въ деревню, напуская на людей разную хворость. Болѣзни служатъ спутниками шайтана—духа зла, витающаго около людей. Урвѐсь, по отзыву вотяка поч. Малаго Казеса Шарканскаго прихода, Степана Широбокова, отправляется два раза въ году—въ послѣднихъ дняхъ декабря и іюня—въ предотвращеніе горячки, а самый обрядъ совершается такимъ образомъ: несовершеннолѣтніе ребята въ сопровожденіи одного взрослаго отправляются на возвышенное мѣсто въ полѣ, взявши съ собой говядины, крупы, яицъ и кумышки. На избранномъ мѣстѣ подъ елью кладутъ костеръ, зажигаютъ его и варятъ надъ нимъ въ принесенномъ котелкѣ кашу и яица. Взрослый стоитъ подъ елью, читая молитвы, въ которыхъ проситъ здоровья и проч. Каждый мальчикъ подноситъ ему кумышки и онъ, принявши рюмку, нѣсколько капель отливаетъ на огонь, а остальную выпиваетъ самъ. Съѣвши кашу и прочее, берутъ по сухой хворостинѣ (обыкновенно пихтовой съ сухими легко воспламеняющимися хвоями) и оставляютъ мѣсто, гдѣ ѣли кашу. Отошедши нѣсколько саженей отъ ёлки, останавливаются всѣ и смотря въ сторону еще дымящагося костра, кричатъ хоромъ о! о! о!!!! и этотъ крикъ отдается по окрестностямъ продолжительнымъ эхомъ. Это повторяется до трехъ разъ, думая, что болѣзнь—горячка и сопутствующіе ей шайтаны, движимые страхомъ, удалятся отъ

окрестностей деревни по удаляющемуся звуку. Пришедши въ деревню, заходятъ въ первую избу и, если нѣтъ опасности, зажигаютъ хворостины въ избѣ; потомъ выходятъ изъ избы съ шумомъ и визгомъ, заходятъ въ другія, но только въ тѣ, изъ которыхъ ходили мальчики на Урвѐсь и имѣютъ въ рукахъ хворостины; ударяютъ хворостинами по лѣстницамъ, стѣнамъ и проч. чтобы произвести шумъ, а для бо̀льшаго эффекта кричатъ: «Урвѐсь вуйзъ! Урвѐсь вуйзъ! (Урвѐсь поспѣлъ! Урвѐсь поспѣлъ!). Обошедши такимъ образомъ дома, идутъ къ рѣчкѣ, бросаютъ въ нее хворостины и кричатъ до трехъ разъ о! о! о!!!!! И послѣ этого крика говорятъ: «куда голосъ и хворостины идутъ, туда удаляются и шайтаны». Въ полѣднихъ числахъ декабря Урвѐсь отправляется въ лѣсу, а хворостины бросаются въ логъ, на конецъ деревни.

Въ Сосновской сторонѣ обрядъ изгнанія шайтановъ и болѣзней, подобный Урвѐсю, совершается иначе, и называется *Чокма̀ръ*.

Слово «Чокма̀ръ» происходитъ отъ слова «молотокъ», который употребляется при этомъ обрядѣ.

На третій день Рождества Христова ребята ходятъ по домамъ съ флягой или боченкомъ, собирая кумышку для отправленія Чокма̀ра. Обошедши дома, выбираютъ изъ своей среды попа; дѣлаетъ каждый для себя небольшой деревянный молотокъ; берутъ нѣсколько кусковъ мяса, языкъ коровій, хвостъ (тоже коровій), крупы и идутъ за деревню, гдѣ есть хвойныя деревья. Пришедши на мѣсто, кладутъ костеръ, зажигаютъ его и варятъ въ принесенномъ котелкѣ кашу. Избранный попъ беретъ въ лѣвую руку древесную вѣтку и, обратившись лицомъ къ ели, бормочетъ свои молитвы, между которыми заключаются такія слова: «я иськѐ шайтанъ ёсъ медъ кошко̀зы инъй» (ну такъ пусть уже шайтаны уходятъ отъ насъ). Во время молитвы товарищи попа потчуютъ кумышкой, а другіе варятъ кашу; кто изъ ребятъ не будетъ угощать попа, того ударяютъ легонько по головѣ молоткомъ. Кашу ѣдятъ всѣ безъ шуму. Оставшуюся кумышку послѣ обѣда допиваютъ и напившись, подъ вліяніемъ кумышки, поднимаютъ крикъ, визгъ, смѣхъ и проч. и съ такимъ шумомъ идутъ въ деревню. Заходятъ въ первую избу и просятъ кумышки; кто по скупости не удовлетворитъ ихъ требованію, у того производятъ имѣющимися въ рукахъ молотками страшнѣйшую стукотню—и хозяинъ поневолѣ долженъ подать по рюмкѣ, а

выгнать непрошеныхъ гостей, по заведенному обычаю, не можетъ; если же кто, недовольный поступкомъ ихъ, какимъ нибудь образомъ пригрозитъ имъ, тому показываютъ разные загадочные знаки. Выпивши по рюмкѣ, шумная ватага выходитъ изъ избы и хозяинъ, зажегши лучину, бросаетъ ее въ слѣдъ уходящимъ со словами: «шайтанъ ёсты серады медъ кошкдзы» (пусть шайтаны ваши идутъ за вами). Когда такимъ образомъ обойдутъ всѣ дома, молотки бросаютъ за деревню.

Шортъ-моськонъ—мытье мотовъ. Когда женщина напрядетъ нѣсколько мотовъ пряжи, сзываютъ родню, кумовей, сватовъ съ молодыми людьми; настряпаютъ разныхъ шанегъ, перепечей, блиновъ, пирожковъ и проч., запрягутъ въ сани по одной лошади и провожаютъ гостей на рѣку мыть моты, смоченные предварительно въ щелоку съ золой. Пріѣхавши съ рѣки, моты развѣшиваютъ на шестахъ, сами переодѣваются въ лучшіе наряды и начинаютъ пирушку. Всю стряпню ставятъ на столъ, садятъ гостей и потчуютъ говоря имъ: «я, сучьке, сіе» (ну доставайте, ѣшьте); передъ гостями стоятъ женщины съ бутылками кумышки; а чтобы гости не скучали, поютъ пѣсни; въ сторонѣ у печи сидятъ бабы-старухи, тоже угощая другъ друга кумышкой и разговаривая между собой; непрошеные гости, т. е. пришедшіе поглядѣть на пирующихъ или попить готовой кумышки, сидятъ на лавкахъ или стоятъ, куря трубки: если хмѣль войдетъ въ голову, то и они вторятъ пѣснямъ женщинъ, кто какъ можетъ, и говорятъ женщинамъ: «я, кырзалэ, кырзалэ (ну, пойте, пойте!); ребятишки тоже трутся около мужиковъ. Пирушка продолжается до вечера; расходятся по домамъ не всѣ вдругъ, а одинъ за другимъ. Праздникъ этотъ обыкновенно бываетъ на масляной недѣлѣ или великимъ постомъ.

Десятнйкъ—Шыдъ (десятническій обѣдъ). Вечеромъ 30 числа декабря, по заведенному обычаю, всей деревней (мужчины и женщины) собираются у стараго десятника отпраздновать исполненіе имъ годичной службы десятника. Каждая женщина беретъ съ собой бутылку кумышки, а мужчина—домохозяинъ—денегъ, кто копѣйку, кто двѣ и т. д, а болѣе зажиточные—по серебряной монетѣ копѣекъ въ двадцать. Для собравшихся гостей жена хозяина варитъ кашу съ зайчиной. Изба кишитъ собравшимися и разговаривающими гостями, а воздухъ пропитанъ табачнымъ дымомъ отъ куримыхъ,

трубокъ. Когда поспѣютъ щи—хозяинъ (старый десятникъ) садится за столъ. Жена его приноситъ въ чашкѣ на столъ кашу и зайчины; въ чашку хозяинъ кладетъ масла, а по краямъ каши—куски зайчины; потомъ отрѣзываетъ отъ цѣльнаго коровая горбушку и молится, держа ее въ рукѣ. Въ молитвѣ проситъ счастія новому десятнику, благодаритъ Бога за исправное отправленіе должности, желаетъ здоровья и всѣхъ благъ односельцамъ. По окончаніи молитвы горбушку даетъ одному изъ своихъ односельцевъ и тотъ обноситъ ею другихъ, и каждый отламываетъ для себя небольшой кусокъ и съѣдаетъ; затѣмъ онъ беретъ въ ложкѣ каши и опять начинаетъ свою молитву; жена его подноситъ ему кумышки въ рюмкѣ. Послѣ хозяйки подходятъ къ нему другія женщины и угощаютъ его своей кумышкой. Принимая рюмку, онъ молится за другое семейство; нѣсколько капель кумышки изъ рюмки отливаетъ въ бутылку женщины, а остальную допиваетъ самъ; послѣ этой женщины идутъ другія, третьи и т. д. Исполнивши весь обрядъ моленья, выходитъ изъ-за стола и проситъ мужчинъ садиться за столъ. Когда мужчины сядутъ за столъ, хозяйка дома ставитъ на столѣ для гостей четвертную бутыль съ кумышкой, и къ бутылкѣ каждый сидящій за столомъ кладетъ принесенную съ собой монету. Одинъ изъ гостей, который сидитъ въ переднемъ углу, принимая на себя, по обычаю, роль хозяина, наливаетъ въ рюмку кумышки и подноситъ хозяину и тотъ, взявши въ руку рюмку, обращается ко всѣмъ со словами: «ну, будьте здоровы, милые гости—сосѣди! дай Богъ вамъ счастія, мира; какъ я исправно отправилъ свою должность, такъ желаю отправить и другимъ». Выпивши до капли, опрокидываетъ рюмку и, показывая ее гостямъ, говоритъ: «ну, тàкъ пейте всѣ». Гости благодарятъ его за это. Принявшій роль хозяина угощаетъ кумышкой сидящихъ за столомъ и всѣхъ вообще мужчинъ. Женщины тоже угощаютъ хозяина своей кумышкой и поютъ пѣсни, подошедши къ столу. Гости пьютъ, ѣдятъ, разговариваютъ за столомъ. Наѣвшись выходятъ изъ-за стола; послѣ нихъ садятся женщины. Къ 12 часамъ 1 Января старый десятникъ идетъ съ своей женой къ новому съ падожкомъ, служащимъ знакомъ десятнической должности и рубежами, на которыхъ значатся числа выставленныхъ домохозяевами подводъ. Жена его беретъ съ собой бутылку кумышки, цѣльный коро-

вай хлѣба и, зашедши въ избу, отдаетъ женѣ новаго десятника. Старый и новый десятникъ садятся за столъ и новый молится о благополучномъ отправленіи должности.

Такія же поздравленія и обѣды отправляются въ честь вступающихъ въ разныя по выборамъ должности и прослужившихъ таковыя; но для уволенныхъ по распоряженію начальства за какую-нибудь вину и не прослужившихъ положеннаго срока этой чести нѣтъ.

Повѣрья и преданія.

Ночь на Великій Четвертокъ. Въ ночь на Великій Четвертокъ, по повѣрью жителей, дана воля всѣмъ колдунамъ, чертямъ и всякой нечистой силѣ ходить вездѣ, напуская болѣзнь на людей Чтобы обезпечить свое жилище отъ нечистой силы и колдуновъ, приносятъ вечеромъ въ Великую Среду изъ ближайшихъ лѣсовъ различныя растенія, которымъ приписывается сила отгонять нечистыхъ духовъ и колдуновъ, особенно верескъ и шипицу, и втыкаютъ ихъ около оконъ и дверей: верескъ у каждаго окна около ставень, а шипицу—подъ дверью. Кромѣ этихъ растеній нѣкоторые кладутъ на косякъ дверей траву *чуньы-быжв* «жеребячій хвостъ» противъ Чера (Черъ божество болѣзней). Кто занимается колдовствомъ, тотъ въ эту ночь, въ самую полночь, когда въ домѣ спятъ всѣ семейные, оборачивается въ сороку и вылетаетъ чрезъ трубу и, вылетѣвъ, напускаетъ болѣзнь на всѣхъ, кто ляжетъ спать не благословясь или до кого Богъ допуститъ за грѣхи. Поэтому, какъ только наступятъ сумерки, никто изъ избы одинъ не выходитъ на дворъ, кромѣ стариковъ и безстрашныхъ: всѣмъ въ это время что-то чудится. Колдуны, говорятъ, оборачиваются въ свиней, сорокъ и кошекъ, а шайтаны (бѣсы) ходятъ въ образѣ ободранныхъ коровъ и прочихъ животныхъ.

Послѣ сумерекъ (а иные и въ самую полночь), если благопріятствуетъ хорошая погода, вооружившись топорами, ножами и заряженными ружьями, идутъ за деревню въ поле, ничего не говоря между собой, чтобы не услышали колдуны и бѣсы. Остановившись на перекресткѣ нѣсколькихъ дорогъ, одинъ изъ мужиковъ, постарше прочихъ лѣтами, очерчиваетъ товарищей своихъ три раза

топоромъ, ножемъ и ружьемъ, чтобы никакая нечистая сила и колдуны не могли перейти за черту; затѣмъ слушаютъ, кто что услышитъ. Если услышатъ въ полѣ скрипъ телѣгъ съ тяжелымъ грузомъ, то, значитъ, въ этомъ году будетъ урожай хлѣбовъ; если услышатъ стукъ и скрипъ пустыхъ телѣгъ, то будетъ годъ не урожайный; при этомъ каждому шороху, каждому звуку, пѣнію птицъ, даже направленію вѣтра даютъ какое нибудь значеніе. Оставшіеся дома, тоже вооруженные топорами, ножами и заряженными ружьями, взбираются на крыши домовъ и прочихъ зданій и сидятъ тамъ всю ночь какъ статуи, не шевелясь и не говоря ничего другъ съ другомъ; изрѣдка они стрѣляютъ изъ заряженныхъ ружей, думая тѣмъ навести страхъ на колдуновъ и на нечистую силу. Въ эту ночь до утренняго пѣтлоглашенія ходить по вотской деревни, не сказываясь сидящимъ на строеніяхъ или не распѣвая пѣсенки, весьма опасно, такъ какъ одно появленіе на улицѣ человѣка, если фигура и черты его въ темнотѣ не будутъ разсмотрѣны, можетъ вызвать выстрѣлъ изъ ружья въ проходящаго, который будетъ принятъ за колдуна или шайтана. Были случаи, что выстрѣломъ изъ ружья неосторожнаго человѣка убивали на повалъ. Кто слылъ въ деревнѣ колдуномъ и утромъ въ Четвертокъ случайно заболѣвалъ, то болѣзнь приписывалась дробинкѣ, попавшей въ него изъ ружья въ то время, когда онъ, колдунъ, какъ полагали, бродилъ ночью въ образѣ какого нибудь животнаго, не успѣвши или позабывши заговориться отъ дроби. Въ промежуткахъ между выстрѣлами изъ ружей, всякій старается выслушать что нибудь, какъ и тѣ, которые слушаютъ на перекресткѣ дорогъ въ полѣ. Если услышатъ въ чьемъ либо домѣ плачъ взрослыхъ или звукъ вколачиванія въ доски гвоздей и проч., то, значитъ, будетъ въ домѣ покойникъ; если гдѣ нибудь будутъ пѣть свадебныя пѣсни, то тамъ будетъ свадьба; въ чьемъ домѣ будетъ плакать новорожденный, тамъ будетъ прибыль въ семьѣ; если у кого на гумнѣ будутъ молотить, тотъ будетъ богатъ хлѣбомъ словомъ, каждому звуку и шороху придаютъ значеніе. Женщины, оставшіяся дома, подметаютъ соръ подъ лавками, подъ столомъ и въ переднемъ углу подъ божницей, гдѣ стоятъ иконы; стелютъ на столъ чистую скатерть, ставятъ на нее бутылку съ кумышкой, рюмку, солонку съ солью; кладутъ цѣлый коровай хлѣба и все это оставляютъ на столѣ до утра. Утромъ рано, какъ только начнетъ

заниматься заря, старый и малый встаютъ съ постелей, умываются (а иные кладутъ въ умывальницу серебро, чтобы лицо было чисто какъ серебро) и ищутъ подъ столомъ и подъ лавкой въ переднемъ углу хлѣбныя зерна, которыхъ съ вечера не было тамъ. Если найдутъ зерна какихъ нибудь хлѣбовъ, то значитъ, что въ этомъ году будетъ урожай такихъ хлѣбовъ: какихъ зеренъ будетъ больше, такихъ хлѣбовъ будетъ довольно, а какихъ будетъ меньше, такихъ будетъ мало. Дѣвицы, между тѣмъ, затопляютъ баню, варятъ тамъ кашу и когда она сварится—ѣдятъ ее съ масломъ, подчуя и тѣхъ, кто придетъ къ нимъ за угощеніемъ. Когда закроютъ баню и не будетъ въ ней дыму, тогда идутъ съ вѣниками мужики; остановившись предъ баней, они зажигаютъ приготовленную тутъ солому и, перескакивая чрезъ огонь по три раза, говорятъ: медàмъ та арÿнъ вись, медъ табÿръ капчи луðзъ (чтобы въ этомъ году не хворалось, чтобы не болѣла поясница); затѣмъ заходятъ въ баню и парятся. Женщины дѣлаютъ тоже, что и мужчины. Послѣ бани мужчины и женщины пьютъ кумышку изъ той бутылки, которая всю ночь простояла на столѣ и закусываютъ хлѣбомъ-солью, чтобы въ этомъ году были довольны кумышкой и хлѣбомъ съ солью. Соль эту называютъ: четверикъ сылàлъ (четверговая соль) и въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣзней лечатъ ею, вѣря въ цѣлительную силу ея. Страдающіе чесоткой бросаютъ вѣникъ, которымъ парились въ банѣ, по выходѣ изъ послѣдней, на рѣку (вотяцкія бани строятся обыкновенно по берегамъ рѣкъ), приговаривая: «пусть чесотка пойдетъ по водѣ и въ новомъ лѣтѣ тѣло будетъ чистое». Скажемъ нѣсколько подробнѣе объ упомянутыхъ выше зернахъ.

Таинственныя зерна. Извѣстно, что гаданье относительно того, каковъ будетъ новый годъ, т. е. урожайный или неурожайный и вообще счастливый ли, совершается въ ночь на Великій Четвертокъ, посредствомъ выслушиваній разныхъ звуковъ на крышахъ строеній. Гаданье же о томъ, какого хлѣба будетъ мало и какого довольно, производится утромъ до восхода солнца по найденнымъ подъ столомъ и подъ лавками въ переднемъ углу зернамъ хлѣбныхъ растеній, которыхъ, говорятъ, тамъ не бываетъ съ вечера; напротивъ, чтобы не было сору и вообще было бы прилично ко времени появленія таинственныхъ зеренъ, въ избѣ, особенно подъ столомъ и подъ лавками въ переднемъ углу, подметаютъ дочиста.

При такомъ гаданіи пишущій эти строки присутствовалъ однажды самъ и крайне былъ удивленъ, увидѣвъ появившіеся подъ столомъ хлѣбныя зерна, которыхъ, по увѣренію гадающихъ и даже божбѣ ихъ, съ вечера не было. Дѣло было такъ: проснувшись утромъ до восхода солнца, я съ преднамѣренною цѣлью посмотрѣть на гаданье, зашелъ въ хозяйскую половину дома (я квартировалъ въ другой половинѣ) и засталъ ребятишекъ подъ столомъ, подъ руководствомъ старшихъ искавшими въ переднемъ углу *таинственныхъ зеренъ* съ зажженными въ рукахъ лучинками.

— Чего это они ищутъ тамъ, спросилъ я хозяина квартиры, смотря на гомозящихся около стола и подъ лавками ребятишекъ.

— Хлѣбныхъ зеренъ ищутъ—отвѣтилъ хозяинъ.

— Какихъ?

— А какія попадутъ..

Зачѣмъ зерна должны быть тутъ и на что ихъ, спросилъ я. Тутъ хозяинъ разсказалъ мнѣ подробно о томъ, какъ появляются подъ столомъ зерна хлѣбныхъ растеній, какъ гадаютъ по нимъ объ урожаяхъ хлѣбовъ.... Въ то время, какъ мы разговаривали съ хозяиномъ, ребятишки, при каждомъ нахожденіи, вѣроятно, зеренъ вскрикивали радостно: «нашелъ!.. опять нашелъ!..» и проч. Это исканіе таинственныхъ зеренъ длилось при мнѣ около пяти минутъ и когда оно прекратилось, всякій передавалъ хозяину найденныя зерна различныхъ родовъ, и хозяинъ, смотря на нихъ, съ какимъ-то непонятнымъ для меня благоговѣніемъ, говорилъ: «вотъ этого хлѣба Богъ дастъ! Этого будетъ мало» и проч. Первыя слова произносились на большее число зеренъ, а послѣднія—на самое меньшее.

— Какъ онѣ очутились тамъ? Обратился я опять къ хозяину.

— Ихъ послалъ Богъ (Кылдысинъ); по нимъ можно узнать впередъ, какого хлѣба будетъ много и какого мало.

— Куда же теперь ихъ положите? Хранить будете?

— Унесемъ въ амбаръ и положимъ зерна ржи въ сусѣкъ съ рожью, зерна овса—въ овесъ и т. д.

— Однако я не вѣрю, что онѣ тутъ очутились сами; ихъ, должно быть, набросалъ туда вечеромъ кто нибудь изъ семейныхъ. Такими словами я выражалъ недовѣріе къ таинственному появленію зеренъ и хозяинъ мой на это возразилъ:

— О нѣтъ! зачѣмъ бросать! Вечеромъ у насъ нарочно метутъ въ избѣ подъ столомъ и подъ лавками чисто.

Противъ этого говорить не считалъ я удобнымъ, такъ какъ это могло вызвать пренебреженіе ко мнѣ самому, какъ невѣрующему, по понятію ихъ, въ дѣла Божіи.

Когда я зашелъ къ нимъ при исканіи дѣтьми таинственныхъ зеренъ, никого спящимъ на постели не засталъ,—всякій былъ занятъ уже какимъ нибудь дѣломъ или стряпней. По повѣрью, если въ это утро до солнца не встанешь—будешь весь годъ лѣниться; вотъ поэтому каждый, не желая слыть лѣнтяемъ, оставаться въ лежачемъ положеніи считалъ дѣломъ непохвальнымъ. Кто былъ старше, вставалъ прежде и будилъ молодыхъ.

Ночь на Вербное Воскресенье, Когда зажгутся во всѣхъ избахъ огни, парни и дѣвушки, собравшись у кого нибудь въ концѣ деревни, берутъ въ руки по ивовому прутику, идутъ съ шумомъ, визгомъ и гиканьемъ на другой конецъ деревни и заходятъ въ послѣднюю избу; зашедши, хлещутъ имѣющимися въ рукахъ прутиками или вицами стѣны, лавки, полъ, углы и людей, особенно лежащихъ на постеляхъ, говоря при этомъ: нервачъ! нервачъ! Если кто спитъ съ молодушкой, бросаютъ въ нихъ комьями снѣга, говоря тоже: нервачъ! нервачъ! Затѣмъ хозяинъ дома зажигаетъ лучину и выходитъ съ ней на дворъ, за нимъ идетъ и вся толпа молодежи; сошедши съ лѣстницы, хозяинъ бросаетъ лучину на землю и мгновенно вся толпа обступаетъ ее; одинъ изъ толпы беретъ ее въ руки и бросаетъ ею въ товарища, а тотъ опять бросаетъ въ другаго, такъ что пока искрится на ней огонекъ, всѣ бросаютъ ею другъ въ друга, а въ промежуткахъ между бросаніемъ прочіе, если успѣваютъ, стегаютъ ее на землѣ вицами, говоря: нервачъ! нервачъ! «стегай! стегай» (шайтана)! Затѣмъ, когда не будетъ на лучинкѣ никакихъ признаковъ огня, говорятъ хозяину: «ну, ступай въ избу: шайтана выгнали». Хозяинъ входитъ въ избу, а нервачники, взявши огарокъ лучины съ собой, идутъ въ другую избу и дѣлаютъ тоже, что дѣлали въ первой избѣ, и отъ каждаго хозяина берутъ по огарку лучины, которою бросали другъ въ друга. Когда обойдутъ всѣ дома—идутъ съ огарками за деревню и жгутъ тамъ остатки своихъ прутьевъ и вицъ. Окончивши и эту церемонію, идутъ по домамъ.

Ночь на Ивановъ день (*24 іюня*). Вечеромъ на закатѣ солнца женщины-лекарки ходятъ на лужокъ за Ивановской травой; рвутъ ее только въ трехъ мѣстахъ. Травы эти, между которыми могутъ быть и ядовитыя, по мнѣнію лекарокъ, вылечиваютъ человѣка отъ многихъ болѣзней; настаиваютъ ими кумышку, водку или просто воду и подаютъ больнымъ, говоря имъ: остэ шу! Въ другихъ деревняхъ вечеромъ топятъ баню и вяжутъ вѣники изъ желтыхъ цвѣтовъ купальницы и березовыхъ вѣтокъ; вѣниками этими парятся въ банѣ, и выпарившись, бросаютъ вѣники на крышу бани. Черезъ три дня идутъ смотрѣть эти вѣники; если чей нибудь вѣникъ пожелтѣлъ, человѣкъ, который парился имъ въ банѣ, въ этомъ году умретъ или, если не умретъ, то будетъ страдать болѣзнью—желтухой; если чей вѣникъ не пожелтѣлъ, тотъ будетъ живъ и здоровъ. Одержимый болѣзнью въ эту ночь выходитъ за околицу, ложится на траву и перевертывается на ней, подобно бревну, три раза. Этимъ онъ, по повѣрью избавляется отъ болѣзни.

Повѣрья животныхъ и растеніяхъ и друг. предметахъ Медвѣдь произошелъ отъ человѣка, поэтому онъ слова человѣка понимаетъ такъ же, какъ понимаетъ человѣкъ человѣка, но только говорить не можетъ. При внезапной встрѣчѣ съ медвѣдемъ слѣдуетъ только сказать ему: у тебя, большой человѣкъ, своя дорога, а у меня своя; иди ты своей дорогой, меня не тронь—и медвѣдь уйдетъ, не тронувъ человѣка. Говорятъ, что медвѣди крали женщинъ и, уводивъ ихъ съ собой въ берлогу, приживали съ ними дѣтей. Медвѣдь, если увидитъ слѣдокъ молодушки, съ радости пляшетъ какъ подъ музыку, а если увидитъ беременную женщину съ мальчикомъ, который долженъ быть звѣроловомъ, ту женщину живой не оставитъ. Если медвѣдь будетъ давить чью нибудь скотину и увидитъ это хозяинъ скотины, — медвѣдь уйдетъ; а если увидитъ чужой—медвѣдь опасенъ.

Надъ убитымъ медвѣдемъ смѣяться не должно: Нюлэсъ—муртъ разсердится. Въ подтвержденіе этого приводятъ такой случай: однажды молодые охотники убили медвѣдя и, содравши съ него кожу, взобрались на ёлку, чтобы посмѣяться надъ нимъ; а они знали, что смѣяться не надо. Вотъ они говорятъ медвѣдю сверху: «что, каково? будешь ли еще задирать скотину, воровать медъ изъ чурокъ и пугать людей?» Вдругъ медвѣдь одѣлся опять въ свою кожу, заревѣлъ и началъ взбираться на ёлку. Охотники со страху

чуть не упали. Что дѣлать? Вотъ одинъ изъ нихъ пришелъ въ себя и посулилъ Нюлэсъ-мурту черную утку,—и медвѣдь опять легъ, и опять съ него сползла кожа. Послѣ этого охотники никогда не смѣялись. Медвѣдь ложится въ свою берлогу въ ночь на Воздвиженье (14 сентября), поэтому называютъ этотъ праздникъ гондыръ кэлдонъ (засыпаніе медвѣдя); а встаетъ онъ въ Благовѣщенье. Но бываютъ иногда и бродячіе медвѣди (это рѣдкость); медвѣди эти въ чемъ нибудь виноваты предъ Нюлэсъ муртомъ, поэтому и мѣста не получили.

Перепелка (бэдено̀). Перепелка—птица жирная; свари ее въ ведрѣ воды—бульонъ будетъ отличный. Кто первый разъ лѣтомъ услышитъ крикъ этой птицы, у того лошади будутъ жирны.

Коростель (куажы́). Если услышишь крикъ этой птицы прежде перепелки—лошади будутъ тощи, а самъ худъ.

Кукушка (кины́). Кукушка пользуется славой предвѣстницы несчастья; такъ, напримѣръ, если весной въ первый разъ кукованіе ея услышишь во время испражненія, то кто нибудь въ семьѣ твоей или близкой роднѣ умретъ.

Метла (чуждо̀нъ). Если знающій колдовство броситъ худую метлу кверху, т. е. въ воздухъ, то она оборотится въ сороку и сядетъ на чей нибудь домъ. Въ томъ домѣ будутъ умирать.

Скворецъ (юбе́ръ). На правомъ крылѣ этой птицы сидятъ ангелы, а на лѣвомъ—бѣсы (Я. Г.).

Журавль и *Синица* (тури̇̀ и пежа́). Синица встрѣтилась съ журавлемъ и говоритъ ему: «экій ты долгоногій, мясистый! Какъ подходитъ зима—улетаешь въ теплую страну, а придетъ весна—опять прилетаешь. Такая огромная птица, а не можешь стужи терпѣть! Посмотри-ко на меня, какова я ростомъ! А терплю большіе морозы лучше всякой птицы».

Муха и *пчела* (кутъ и мушъ). Муха сказала пчелѣ: «ты работаешь, работаешь—трудишься все лѣто, а сама сладко не ѣшь». Пчела отвѣчаетъ: «эхъ ты дрянь! Тебя кто не увидитъ—все норовитъ убить, а меня не убиваютъ—еще хранятъ».

Человѣкъ и *муравей* (адами̇̀ и кузили). Однажды человѣкъ вступилъ въ разговоръ съ муравьемъ, а человѣкъ этотъ былъ первый на свѣтѣ.

— Кто изъ насъ проворнѣе, муравей? Ты или я, спрашиваетъ человѣкъ.

— Я могу нести желѣзо величиной съ себя, а ты можешь ли нести? Попробуйка, отвѣчаетъ муравей.

Ласточка и комаръ (ваёбы́жъ и нымы́) *). Во время оно былъ на землѣ страшный змѣй, который питался кровію животныхъ. Однажды змѣй этотъ послалъ по свѣту комара пробовать у животныхъ кровь, а должно замѣтить, что у комара языкъ въ то время былъ длиннѣе чѣмъ нынѣ; комаръ, постранствовавши по свѣту, прилетѣлъ къ змѣю.

— Ну комаръ, чья кровь слаще, спрашиваетъ змѣй.

— Кровь лошади слаще, отвѣчаетъ комаръ.

— Ступай еще, пробуй кровь у всѣхъ животныхъ—говоритъ змѣй.

Комаръ улетѣлъ.

Черезъ нѣсколько времени прилетаетъ комаръ и говоритъ змѣю, что человѣческая кровь слаще крови всѣхъ животныхъ на землѣ...

Комаръ не докончилъ рѣчи; въ это время прилетѣла ласточка и оторвала комару языкъ, чтобы онъ не говорилъ на человѣка. Комаръ полетѣлъ и запинькалъ; змѣй разсердился на ласточку и схватилъ ее за хвостъ; ласточка вырвалась изъ рукъ змѣя и оставила въ рукахъ его средину хвоста. И остался у ласточки хвостъ навсегда въ такомъ видѣ, въ какомъ нынѣ есть.

Ласточка у инородцевъ пользуется большимъ уваженіемъ, какъ приносящая съ собой счастье; поэтому подъ крышами куалы устраиваютъ гнѣзда изъ берестяныхъ ящиковъ, чтобы привлечь этимъ пернатыхъ къ своему жилищу. Понятно, что такое повѣрье воспрещаетъ ихъ убивать подъ страхомъ несчастья. Говорятъ, что ласточка въ куалѣ поетъ:

Кичиваჵчи кичивачи кабачи
Камъ сутари Василей!
Кузонэ ветлъи, Ваткае ветлъи,—
Кусо вай, сюрло шетьтъ й.

Первые два стиха не имѣютъ никакого смысла, и послѣдніе два въ переводѣ гласятъ такъ:

Въ Казань ходила, въ Вятку ходила,—
Косу принесла, серпъ нашла.

---

*) По Глазовскому нарѣчію *Чибинь*. *Авт.*

Въ Глазовскомъ уѣздѣ нами слышана такая пѣсенка ласточки:

Кичѝвачи каратурымъ,
Билярмасынъ—кирякмасынъ...
Вятскихъ не тронь...

Эта пѣсенка сложена только для звукоподражанія пѣнію ласточки; она сложилась изъ нѣсколькихъ нарѣчій: татарскаго, русскаго и другихъ. На послѣднемъ словѣ «не тронь» дѣлается удареніе.

Ворона и *голубь* (куака̀ и дыдыкъ). Ворона сказала голубю: «Экой ты дармоѣдъ! Только пшеницу ѣшь: сладко любишь». Голубь отвѣтилъ: «какъ мнѣ не ѣсть пшеницу? Сначала землю я нашелъ... *) Меня никто не убиваетъ, еще держатъ при домахъ, а тебя стрѣляютъ, всякій норовитъ убить: ты и цыплятъ таскаешь и посѣянный хлѣбъ разрываешь».

Заяцъ и *лягушка* (лудъ-кечъ и эбѐкъ). Заяцъ жаловался на свою участь, говоря: «судьба моя—всякаго бояться! Кто меня не бьетъ? Кто̀ меня не гонитъ, не преслѣдуетъ? Нѣтъ, невыносимо! Лучше я убью самъ себя». Рѣшившись на самоубійство, онъ поскакалъ къ рѣкѣ, чтобы утопиться; а на берегу этой рѣки былъ огородъ. Перескочилъ заяцъ чрезъ огородъ и въ это время лягушка, испугавшись его, бросилась въ воду. «Э, да и меня боятся! сказалъ заяцъ, увидѣвши испугавшуюся лягушку, а я думалъ, что хуже моей участи не имѣетъ никакой звѣрь. Лучше буду жить, какъ живутъ другіе». И живетъ заяцъ на свѣтѣ, терпя всякія напасти.

Инъвожо—время съ 20 іюня по 20 іюля. Кто не соблюдаетъ инъ-вожо, у того градомъ бьетъ хлѣбъ на поляхъ; вообще, съ нимъ случаются какія нибудь несчастія.

Сказочная рыба. Во время оно была огромнѣйшей величины рыба. Однажды легла она поперекъ рѣки Камы въ три ряда и потопила городъ. Какъ быть? Люди думали, думали—рѣшили поставить на берегъ Камы бочку съ порохомъ; поставили ее и зажгли свѣчу; бочку закрыли шубой и ушли. Рыба думала, что на берегу

---

*(См. «Ноевъ ковчегъ».

лежитъ животное и проглотила бочку. Когда огонь дошелъ до пороха—порохъ вспыхнулъ и рыбу разорвало. Такъ и спаслись люди отъ такого чудовища (Я. Г.).

Койыкъ—баснословное животное. Былъ сильный звѣрь койыкъ (нынѣ ужъ нѣтъ его), и деревья толщиной въ поперечникѣ ломалъ онъ пинками какъ кусты. Въ одно время койыкъ былъ съ медвѣдемъ въ лѣсу и вели они рѣчь о человѣкѣ.

— Что за человѣкъ? спрашиваетъ койыкъ медвѣдя.

— Человѣкъ—тоже животное да не нашего сорта, отвѣчаетъ медвѣдь. Онъ проворенъ какъ лѣшій, хитеръ какъ чортъ.

Въ это время шелъ къ лѣсу старичекъ.

— Не онъ ли человѣкъ?

— Человѣкъ да старый.

Идетъ опять мальчикъ.

— Не онъ ли настоящій человѣкъ?

— Человѣкъ да малый.

Идетъ сопливый дуракъ лѣтъ 20.

— Не онъ ли человѣкъ?

— Человѣкъ да сoплякъ.

Идетъ стрѣлокъ съ ружьемъ, топоромъ, ножемъ въ ножнахъ.

— Не онъ ли?

— Да, онъ,—говоритъ медвѣдь; я съ нимъ борюсь.

— Тьфу! его стоитъ только пнуть—и онъ улетитъ за вершину елки, говоритъ съ презрѣніемъ койыкъ, плюнувши въ сторону человѣка и, смотря на вооруженіе его, продолжаетъ: «одно ребро длинное (т. е. ружье), другое—покороче (топоръ), третье—еще короче (ножъ). Какой онъ уродъ! Стрѣлокъ подошелъ къ койыку; взялъ его за длинный хвостъ и обмоталъ имъ елку; потомъ отошелъ и разстрѣлялъ койыка». Вотъ и уродъ! (Я. Г.).

Свинья и *лошадь* (парсь и валъ). Свинья сказала: я человѣка погубила бы, да не могу смотрѣть кверху. Лошадь на это говоритъ: я тоже погубила бы человѣка, да зимой пропаду съ голоду. Гдѣ я найду корму безъ человѣка?

Мельница и *музыка* (вукȯ и шудȯнъ). Мельницу сдѣлалъ діаволъ, а музыку—ангелъ. Мельница діавола не стала дѣйствовать, а музыка ангела играетъ. Діаволу стало завидно. Вотъ діаволъ говоритъ ангелу: «ангелъ! Давай ты мнѣ свою музыку, бери мель-

ницу». Ангелъ далъ ему музыку и взялъ мельницу. У ангела мельница стала дѣйствовать (Я. Г.).

Кошка и векша. Эти животныя, во время оно, жили вмѣстѣ въ лѣсу. Однажды онѣ между собой изъ за чего-то разсорились и разодрались. Увидѣлъ это, вотякъ и говоритъ имъ: «идите жить ко мнѣ; у меня драться не будете». Векша говоритъ: «я не пойду, буду жить въ лѣсу». Вотякъ отвѣчаетъ ей: «если не пойдешь—мы будемъ стрѣлять васъ, векшъ, какъ рябчиковъ»; а кошка говоритъ, «возьми меня съ собой: здѣсь отъ звѣрей житья нѣтъ».—«Ладно», отвѣчаетъ кошкѣ вотякъ: «я сдѣлаю тебя царемъ и судьей надъ мышами и хомяками». Кошка пошла за вотякомъ, а векша осталась въ лѣсу. Съ тѣхъ поръ вотяки векшъ стрѣляютъ какъ рябчиковъ, а кошекъ держатъ при себѣ. (Записано отъ крестьянина поч. Сюрсовеля, Шаркинскаго прихода, Андрея Перевощикова).

Коза (кечъ). Діаволъ хотѣлъ умудриться сотворить человѣка и составилъ четвероногое животное съ рогами и бородой, но оно было безъ движенія: жизни въ немъ не было. Діаволъ старался, старался—животное не могъ оживить и бросилъ. Богъ дунулъ на животное и оно ожило. Вотъ съ той поры и появилась коза (Я. Г).

Щавель или кисленица (кузьы̆тъ турынъ). Травѣ этой нѣкоторые приписываютъ силу возбуждать въ человѣкѣ похоть, и поэтому иногда называютъ ее не очень скромнымъ названіемъ.

Бѣлоцвѣтъ или *одномѣсячная трава* (кечъ-сйнъ «заячій глазъ»). Если кто увидитъ первый цвѣтокъ этой травки, долженъ травку съѣсть: у него во время страды не будетъ болѣть спина; но, чтобы съѣсть травку, надо сначала сказать: остэ, инмаре! Медàзъ жàды кускы̆ (Господи, благослови! чтобы не болѣла спина); срывать же травку руками не слѣдуетъ: пользы не будетъ; а надо, откинувъ руки назадъ, кисть лѣвой руки взять въ кулакъ правой, потомъ наклониться къ землѣ, гдѣ стоитъ травка, взять ее въ зубы и съѣсть.

Желтая бабочка (чужъ бубылѝ). Если увидишь въ первый разъ это насѣкомое, поймай ее, высуши, истолки въ порошокъ и скорми съ чѣмъ нибудь кобылицѣ. Кобылица принесетъ жеребчика—иноходца (юргò), за котораго въ продажѣ дадутъ большія деньги.

Косатка (зоръ поськы̆). Поймай эту птичку, зарѣжь ее, ощипай перья, высуши и истолки. Этотъ порошокъ скорми вмѣстѣ съ ов-

сомъ кобылицѣ; она принесетъ жеребчика сильнаго и быстраго въ ѣздѣ.

Шмель (мойсы). Нѣкоторые, увидѣвши въ первый разъ шмеля, убиваютъ его и хранятъ при себѣ или въ домѣ. Это—амулетъ, предохраняющій отъ несчастья.

Земляныя пчелы (музъемъ-мумъ). Извѣстно, что пчелы раздѣляются на земляныхъ (совершенно дикихъ) и бортевыхъ: первыя жилище устраиваютъ въ горахъ, гдѣ и дѣлаютъ соты для меду, а послѣднія—соты лѣпятъ въ бортахъ и ульяхъ. Медъ земляныхъ пчелъ вотское повѣрье воспрещаетъ ѣсть; говорятъ, что кто съѣстъ хотя небольшой кусочекъ меду земляныхъ пчелъ или разрушитъ ихъ жилище, тотъ будетъ пораженъ слѣпотой. Напротивъ, медъ бортевыхъ пчелъ служитъ еще отличнымъ лекарствомъ въ опасныхъ болѣзняхъ; напримѣръ, если кто сдуритъ отъ укушенія бѣшеной собаки, покорми трехълѣтнимъ медомъ и больной выздоровѣетъ.

Черные тараканы пользуются уваженіемъ какъ и ласточки. Они обыкновенно выходятъ изъ своихъ убѣжищъ ночью, днемъ же скрываются, не показываясь людямъ. «Черные тараканы живутъ въ счастливомъ домѣ», говорятъ Вотяки.

Молочайная гусеница сѣраго цвѣта. Насѣкомое залетаетъ въ комнату при свѣтѣ огня вечеромъ. Ее называютъ *кулэмъ-муртъ бубыли*, т. е. бабочка покойниковъ. Убивать ее воспрещается подъ страхомъ наказанія, посылаемаго умершими.

Синеватое пятно на тѣлѣ. Если на тѣлѣ появится синеватое пятно около гривенника шириной, то говорятъ «кулэмъ-муртъ-родня чепыльтъ изъ», т. е. ущипнулъ покойникъ-родственникъ.

Мизгирь (ченарй). Кто убьетъ мизгиря лбомъ, тому простятъ 40 грѣховъ.

Пѣтухъ домашній (атáсъ). Шайтаны боятся пѣнія пѣтуха, какъ самого Бога. Въ одной деревнѣ разсказывали намъ такъ: хозяинъ съ хозяйкой уѣхали въ гости, а домовничать остались дѣти ихъ—братъ съ сестрой. Комнатъ въ домѣ было около пяти, такъ какъ домъ былъ въ нѣсколько стѣнъ. Двери въ каждую комнату были заперты благословясь, поэтому шайтаны ихъ ужъ не могли отперетъ. Было около полуночи; братъ съ сестрой сидѣли въ передней, въ ожиданіи отца и матери; вдругъ слышатъ въ дальней комнатѣ

стукъ въ дверь, какъ будто стучитъ человѣкъ, просясь въ другую комнату; между тѣмъ тамъ никого не было. Братъ съ сестрой сидятъ и со страху блѣднѣютъ, какъ полотно, а стукъ не прекращается. Вотъ слышатъ они, что дверь кто-то грызетъ; прогрызъ, вѣроятно, дверь, пролѣзъ въ отверстіе и подошелъ къ другой комнатѣ; опять стучитъ. Братъ съ сестрой не молвятъ ни слова. Опять грызетъ дверь. Тутъ они вздумали о пѣтухѣ, пѣніе котораго, какъ они слышали, отгоняетъ нечистую силу, какъ солнце темноту. Взяли они сковороду; накалили ее огнемъ и поставили на нее пѣтуха, который былъ съ курицами подъ залавкомъ (это было зимой). Пѣтухъ запѣлъ ку-ку-реку! и шайтанъ исчезъ. А прогрызъ было и другую дверь, подошелъ къ послѣдней.

Радуга (ву юысь). Бѣги къ одному изъ концовъ радуги; если добѣжишь—найдешь котелъ съ деньгами.

Сѣверное сіяніе. Это явленіе природы, по повѣрью, служитъ предзнаменованіемъ кровопролитной войны.

Комета (быжо казилй). Міръ долженъ ожидать какого нибудь несчастія. Несчастія будетъ болѣе тамъ, куда будетъ обращена комета.

Внезапный свѣтъ среди ночи. Кого освѣтитъ среди ночи внезапный свѣтъ, какъ отъ молніи, тотъ долженъ просить у Бога желаемаго счастія. Одинъ человѣкъ, говорятъ, сказалъ при этомъ «душъ шудъ» (счастіе въ семьѣ, т. е. просилъ онъ размноженія своей семьи), а Господь понялъ иначе, именно: будто Ему послышалось слово «тушъ шудъ» (счастье въ бородѣ), и Богъ отростилъ ему бороду до колѣнъ. Нѣкоторые говорятъ, что это небо отверзается, показываетъ Богъ грѣшнымъ рай, чтобы они благочестивой жизнію готовили для души своей мѣсто въ раю.

Собака (пуны). Собаки весьма живучи. Если убьешь собаку палкой или рычагомъ—орудіе оставь на ней; иначе она оживетъ. Охотничьей собакѣ, бѣгущей съ охотникомъ, покажи, забѣжавши впередъ, кукишъ изъ-промежъ ногъ,—и собака въ этотъ день будетъ лишена всѣхъ способностей къ открытію звѣря и вообще дичи.

Звѣзда (кизилй). Чья овца вдругъ захворала такъ, что пришла въ состояніе пораженнаго параличемъ, то говорятъ, что на овцу упала звѣзда (кизили усйзъ).

Щука (чипей). Въ эту рыбу часто оборачиваются Ву-Муртъ, по-

этому, если ночью во время рыбачества острогой увидишь въ рѣкѣ большую щуку, лежащую головой къ берегу—не тронь ее: Ву-Муртъ притянетъ къ себѣ. О такомъ повѣрьи мы слышали слѣдующій разсказъ: осенью два рыбака рыбачили острогой на рѣкѣ и увидѣли огромную щуку, лежащую головой къ берегу; а они слыхали, что такую рыбу трогать нельзя. Проплыли они рыбу и спустились книзу. Порыбачили кое гдѣ и вернулись обратно мимо той же щуки. Она все лежитъ на старомъ мѣстѣ. Одинъ изъ нихъ, держащій острогу, ударилъ въ рыбу... Вдругъ на рѣкѣ поднялись волны и острогу унесло въ воду. Рыбаки живо причалили къ берегу и вышли; взошли на берегъ и тамъ одинъ изъ нихъ снялъ съ себя сукманъ и накрылъ имъ пень, стоящій, къ счастію ихъ, тутъ же на берегу; отошли сколько могли дальше; обвели около себя черту и стоятъ—смотрятъ въ сторону сукмана. Вдругъ глазамъ ихъ представилось страшное зрѣлище: изъ воды выходитъ съ острогой въ рукахъ не то человѣкъ, не то звѣрь... Подошелъ къ пню и ударилъ въ него острогой; подъ сукманомъ очутился пень. «А, догадливы!» сказало чудовище и, оставивъ острогу, ушло опять въ воду.

— Кто же это былъ? спросилъ слушающій разсказчика.

— Кто, какъ не водяной (Ву-Муртъ). Счастливые еще, что знали, какъ поступить въ такомъ случаѣ, а не то водяной прокололъ бы острогой насквозь.

Утопленникъ. Если утопшій на днѣ рѣки не отыскивается долго, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ставятъ на воду горшокъ съ иконой Св. Николая съ зажженной вѣнчальной свѣчей. Горшокъ, говорятъ, останавливается надъ утопшимъ и поэтому находятъ его легко.

Человѣческая кровь (адями вӥръ). Гдѣ пролита человѣческая кровь, тамъ силится? (пэртмаськѐ) кровь человѣческая, пролитая рукой убійцы,—вопіетъ объ отмщеніи и, обыкновенно, рано ли, поздно ли, убійца будетъ наказанъ.

Лихорадка (кезекъ-ѐнъ). Одержимый лихорадкой въ весеннее время долженъ перейдти бродомъ рѣку и, снявши съ себя рубаху, оставить ее на другомъ берегу, а самъ долженъ перейти нагимъ, не оглядываясь назадъ. Тогда лихорадка прекращается.

Новый огонь (выльтӹлъ). Эта стихія получается треніемъ сухаго дерева о такое же дерево и приложеніемъ къ задымившемуся

мѣсту трута. Если въ домѣ какое нибудь несчастье, напримѣръ болѣзни, то новый огонь возстановитъ здоровье.

Покойникъ. Во время повальныхъ болѣзней, оканчивающихся смертію, надо вынести покойника, вопреки обыкновенію, головой впередъ и послѣ того болѣзнь прекратится.

Яичная скорлупа. Шайтанъ грозы боится; если взойдетъ туча онъ ищетъ мѣста вездѣ и находитъ убѣжище только въ яичной скорлупѣ, изъ которой выпита смятка чрезъ небольшое отверстіе Поэтому яичную скорлупу слѣдуетъ разбивать по крайней мѣрѣ пополамъ, чтобы Шайтанъ не могъ отъ грозы скрываться въ ней. Яичныя скорлупы женщины бросаютъ въ рѣчку, чтобы курицы не перестали нестись.

Чортовъ палецъ (Ву-Муртъ чиньы́). Находимому въ водѣ сѣрому камню цилиндрической формы величиною съ палецъ приписываются чудесныя свойства заживлять раны; для этого камень, скобля ножомъ, обращаютъ въ порошокъ и этимъ порошкомъ посыпается порѣзанная рана.

Млечный путь (зязесъ егорѐсъ). Если бы не было этой дороги, то дикіе гуси, при перелетѣ съ запада на сѣверъ и съ сѣвера на западъ, могли бы заблудиться и оттого перевелись бы всѣ.

Рядовой червь (висъ нумы́ръ). Повѣрье объ этомъ червѣ позаимствовано, вѣроятно, отъ русскихъ или, наоборотъ, русскіе позаимствовали отъ вотяковъ, такъ какъ тѣми и другими этому червю приписываются одинаковыя свойства влiять благотворно на жизнь человѣка.

Громовая стрѣла (чашъемъ кэлы́). Приписываютъ тоже благотворныя свойства. По повѣрью русскихъ, громовая стрѣла съ молніей уходитъ въ землю и оттуда выходитъ уже черезъ три года.

Жаба (эбѐкъ)—болѣзнь въ горлѣ. Кто желаетъ избавиться отъ этой болѣзни, тотъ по три утра и вечера подходитъ къ ретирадному мѣсту и лижетъ языкомъ уголъ; при этомъ говоритъ: «проглочу сортиръ со всѣми находящимися въ немъ нечистотами». Также иные подходятъ къ елкѣ и, вдыхая въ себя воздухъ, говорятъ: «проглочу елку внизъ вершиной». Этимъ, говорятъ, избавишься отъ горловой болѣзни. Нѣкоторые вырѣзываютъ изъ бересты подобіе лягушки и привязываютъ къ больному мѣсту. Говорятъ, что иные въ болѣзни этой ѣдятъ лягушку какъ лекарство.

Шершень (шекы́чъ) Шершень гнѣздится въ дуплахъ старыхъ деревъ. Если это насѣкомое ужалитъ человѣка однихъ съ нимъ лѣтъ, то человѣкъ умретъ.

Изношенный лапоть (исни-ку́тъ). Колдуны бросаютъ изношенный лапоть въ трубу и таковой, оборотившись въ сороку, вылетаетъ чрезъ трубу и напускаетъ болѣзнь на человѣка, къ которому посылаетъ колдунъ. Вернувшись обратно, сорока оборачивается опять въ лапоть.

Быкъ и корова (ошъ и скалъ). Кто услышитъ отъ этихъ животныхъ звукъ, каковой онѣ издадутъ отъ находящагося въ заднепроходныхъ кишкахъ воздуха, тотъ человѣкъ, т. е. услышавшій звукъ, умретъ. Если же человѣкъ не умретъ, то животныя сами околѣютъ.

Вихрь (тэмъ перй). Въ вихрѣ ходитъ лѣшій. Если сказать вихрю: «чортъ, разметай крышу!»—то вѣтеръ разбросаетъ крышу, даже цѣлую избу. Такое повѣрье существуетъ и у русскихъ. Вотяки Сарапульскаго уѣзда во время бурь приносятъ Нюлэсъ-Мурту въ жертву утокъ. Въ Глазовскомъ уѣздѣ повѣрье говоритъ, что во время бури надо выйти во дворъ и кричать: «дѣдушка (лѣшій), не тронь меня» и буря не будетъ касаться строенія.

Человѣческіе волосы. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ Сарапульскаго уѣзда нами слышаны весьма странныя повѣрья о человѣческихъ волосахъ, угодныхъ, будто бы, Шайтану. Это повѣрье основано по на преданіи о кладахъ, требующихъ человѣческой головы. Нѣкоторыя вотскія деревни пользуются недоброй молвой о приносящихъ въ жертву людяхъ, которыхъ, по повѣрью, требуетъ Шайтанъ за предлагаемые имъ клады. Но такъ какъ кровь человѣка вопіетъ объ отмщеніи, то, говорятъ, иные срѣзываютъ съ человѣка только прядь волосъ и приносятъ ее въ жертву Шайтану. Человѣкъ, лишившійся своихъ волосъ, не проживетъ и трехъ дней. Объ одной изъ вотскихъ деревень намъ разсказывали такъ: скрывались отъ Пугачева богатые купцы; одинъ изъ такихъ купцовъ (одни говорятъ—онъ былъ русакъ, другіе—татаринъ) и попался въ лапы Вотяковъ и они рѣшили его убить, чтобы раздѣлить между собой капиталъ. Купецъ просилъ оставить душу на покаянье, отдавалъ всѣ деньги, но они остались неумолимы. Тогда купецъ передъ смертью имъ сказалъ: «будьте вы и внуки, и правнуки ваши

и весь родъ вашъ прокляты на землѣ! Дай Богъ такимъ дѣломъ (убійствами) заниматься вашему роду вѣчно, пока будетъ существовать вашъ родъ! И сколько у меня на головѣ волосковъ, столько бы человѣкъ погубить вамъ». Послѣ убіенія этого купца, будто бы, они и начали убивать людей, а не убивать нельзя: нечистая сила вертитъ, крутитъ ихъ какъ нитку, требуя человѣка. Разсказъ этотъ конечно—басня, основанная на какомъ нибудь повѣрьи или преданіи о кладахъ, требующихъ въ жертву людей. Естественно, что если бы существовалъ подобный обычай жертвоприношенія, то рано ли, поздно ли—преступленіе было бы уже обнаружено.

Собачье ухо (пуны-нéль) Эта часть головы служитъ, по повѣрью, лекарствомъ для самой же собаки. Въ предотвращеніе бѣшенства или въ началѣ таковаго, если не прошло еще время, слѣдуетъ обрѣзать ухо у собаки, изрубить его и искрошить самой собакѣ съ хлѣбомъ. Собака не будетъ дурѣть.

Первый громъ (гудырй). Если услышишь первый громъ весной, валяйся на землѣ какъ пьяный: этимъ избавишься отъ спинной боли во время страды.

Ежъ (чушъ-ялъ). Это животное, по повѣрью, рыло показываетъ человѣку только къ несчастью.

Смерть (езéль). Жилъ былъ человѣкъ и пришла ему на умъ смерть. Смерти онъ не боялся, напротивъ, желалъ умереть, потому что жизнь на этомъ свѣтѣ ужасно надоѣла. Думалъ, думалъ-рѣшилъ сдѣлать гробъ. Сдѣлалъ его изъ крѣпкаго дерева и смотритъ-любуется; говоритъ: «жилъ я на свѣтѣ—всего желалъ: и денегъ, и имѣнья, и строенія; одно меня не удовлетворяло, другого было мало, третье не нравилось; а теперь, если умру—ничего кромѣ этого домовища не надо». Вдругъ пришла къ нему смерть и спрашиваетъ:

— Что это ты сдѣлалъ?

— Гробъ: умирать хочу, отвѣчалъ человѣкъ.

— Я—смерть; ложись въ гробъ, душу твою возьму.

— У человѣка опять отошла охота умереть.

— Напрасно я сказалъ смерти, что хочу умереть; пожилъ бы на этомъ свѣтѣ годъ, другой, можетъ быть на томъ свѣтѣ жизнь будетъ еще хуже.

Такъ помыслилъ въ себѣ человѣкъ при видѣ смерти и, чтобы запереть въ гробъ смерть, говоритъ ей:

— Ложись-ка въ гробъ, померяй его; если тебѣ не будетъ въ немъ тѣсно—и мнѣ ладно,—значитъ, я угадалъ; лягу въ него и ты возьми мою душу.

Смерть легла въ гробъ человѣка, и человѣкъ закрылъ гробъ. Смерть сколько не билась—вылѣзть не могла.

Человѣкъ положилъ гробъ на полку и чрезъ нѣсколько времени перенесъ его въ чуланъ, который и заперъ.

Прошло съ того времени сорокъ лѣтъ. Человѣкъ сгорбился, одряхлѣлъ, и жизнь ему опостылѣла. Отперъ онъ чуланъ, гдѣ находился гробъ со смертію, открылъ гробъ и видитъ смерть чуть живой; на ней только сухія кости да безцвѣтная кожа.

Смерть поправилась здоровьемъ и съ голоду начала косить людей. Если бы ее не выпустилъ старикъ,—она все бы тутъ была. (Кат. Ис.)

Козелъ (кечъ). Отруби у козла хвостъ и онъ не можетъ перескочить черезъ заборъ и прясла въ огородъ ѣсть капусту.

Печь (гуръ). Извѣстно повѣрье не только у вотяковъ, но и у Русскихъ, что печь недоступна для нечистой силы. На этомъ повѣрьи основаны различные разсказы, касающіеся простой русской печи, гдѣ обыкновенно пекутъ хлѣбъ. Вотъ одинъ изъ такихъ разсказовъ, слышанный нами около Сарапульско-Глазовской границы за селомъ Большой Пургой.

Въ одномъ изъ волостныхъ правленій Глазовскаго уѣзда въ сторону по ночамъ *силилось* сильно, такъ что одному ночью оставаться въ комнатахъ правленія иногда было опасно. Однажды (это было въ какой-то праздникъ) всѣ волостные начальники и писаря, а за ними и разсыльные ушли пировать,—остался только одинъ сторожъ - старикъ изъ отставныхъ солдатъ, который былъ не очень труслив, какъ прошедшій на службѣ сквозь огонь и воду. Были сумерки. Сторожъ лежалъ на печи и, кажется, курилъ трубку. Вдругъ входитъ къ нему въ сторожевскую съ шумомъ исправникъ и кричитъ: «гдѣ голова (должность, соотвѣтствующая нынѣшнимъ старшинамъ)? Я подъ судъ его отдамъ... въ Сибирь упеку!» Походилъ, походилъ—обратился къ сторожу «слѣзай съ печи, негодяй! ступай за головой!» Сторожъ хотя и былъ не изъ того десятка, который называютъ трусливымъ, однако при такомъ страшномъ привидѣніи трухнулъ не мало. Онъ зналъ, что исправнику

быть нельзя, и что если бы и былъ исправникъ, то, во всякомъ случаѣ, въ сторожевскую бы не зашелъ да и пріѣхалъ бы онъ съ шикомъ—въ повозкѣ и съ колокольцами. Это, заключилъ онъ, никто иной какъ духъ, привидѣніе. Избави Богъ сойти съ печи!

И онъ рѣшилъ не только не сходить съ печи, но и слово молвить счелъ опаснымъ; да и языкъ-то у него со страху прильнулъ къ гортани. Исправникъ-бѣсъ походилъ, походилъ—и вышелъ; а сойди сторожъ съ печи—бѣсъ задавилъ бы его.

Неотпѣтый покойникъ. Покойникъ, если не будетъ отпѣтъ, въ землѣ не гніетъ и духъ его блуждаетъ по землѣ, не находя покоя. По временамъ духъ его входитъ въ тѣло и горюетъ тамъ.

Касательно такого повѣрья мы слышали слѣдующій разсказъ:

Богачъ построилъ огромный домъ, да жить въ немъ стало вовсе нельзя: около полуночи бывало идетъ въ домъ колодникъ, гремя кандалами и наводитъ на хозяевъ необычайный страхъ. Никакіе запоры, никакіе замки не спасаютъ отъ такого привидѣнія, все при появленіи его разлетается въ пухъ и прахъ. Хозяинъ бросилъ домъ и заколотилъ всѣ двери и окна. Однажды по какому-то случаю хозяинъ означеннаго дома зашелъ въ кабакъ и тамъ у стойки увидѣлъ пьяницу, просящаго вина въ долгъ ради Христа: съ похмѣлья онъ дрожалъ какъ отъ лихорадки. Богачъ, ради шутки, говорилъ пьяницѣ: «выживи изъ моего дома нечистую силу — и я тебѣ дамъ денегъ».

— Выживу, только опохмѣли меня сейчасъ-же—говоритъ пьяница.

Богачъ опохмѣлилъ пьяницу и разсказалъ ему сущность дѣла о заброшенномъ домѣ.

Пьяница говоритъ:

— Возьми для меня штофъ водки и довольно: я съ тебя больше просить не буду.

— Когда же пойдешь ты выживать?

— Завтра.

— Днемъ?

— Нѣтъ; уйду туда къ ночи и буду ждать нечистую силу. Къ сумеркамъ ты принеси туда листъ бумаги, свѣчу, водки со стаканомъ и уйди, а я, оставшись, буду тамъ дѣлать свое дѣло.

Сказано—рѣшено.

Богачъ вечеромъ слѣдующаго дня отперъ домъ, принесъ туда все, чего требовалъ пьяница и вышелъ; а пьяница, оставшись одинъ, какъ пришла ночь, зажегъ свѣчу и сѣлъ къ столу писать имена людей.

Сидитъ онъ—пишетъ имена и выпиваетъ, а вина принесъ богачъ цѣлую четверть; не хочешь да пей, только не запивайся; впрочемъ, пьяницу учить было ненужно: онъ зналъ, какъ надо пить вино и хоть его называли пьяницей, но до безчуствія не напивался. Вотъ около полуночи, когда, вѣроятно, пьяница записалъ на бумагу имя колодника, въ сѣняхъ застучали и забрякали кандалы... входитъ въ избу колодникъ... жутко пьяницѣ!... хотя и шумитъ у него въ головѣ, морозъ всетаки пробѣгаетъ по кожѣ. Колодникъ подошелъ къ пьяницѣ, взглянулъ черезъ лѣвое плечо и сказалъ: «отпой же меня!» и съ этими словами вернулся назадъ. Пьяница взялъ свѣчу и пошелъ за колодникомъ. Колодникъ, дошедшій до рундука, исчезъ. У пьяницы въ головѣ мелькнула мысль, что подъ рундукомъ что нибудь есть. Вернулся на свое мѣсто и началъ распивать. Повеселѣло у него на сердцѣ и онъ запѣлъ; видѣній больше не было. Уснулъ пьяница на полу и проспалъ чуть не до обѣда.

Богачъ, между тѣмъ, ждалъ пьяницу и думалъ, что онъ уже не живъ; но вотъ является къ нему пьяница и говоритъ.

— Скажи: слава Богу!

— Слава Богу! ну что?

— Ничего кромѣ хорошаго нѣтъ.

Тутъ онъ разсказалъ подробно о явленіи колодника, о словахъ его и исчезновеніи на рундукѣ и заключилъ, что вся суть привидѣнія находится подъ рундукомъ.

Богачъ пригласилъ мастера, разобрали рундукъ и тамъ нашли камень; подъ камнемъ нора, идущая въ землю отвѣсно. Наняли землекопа и стали копать, пока не докопались до колодника въ кандалахъ. На трупѣ его не было и признаковъ разложенія: щеки горѣли румянцемъ, словомъ онъ былъ спящій. По распоряженію ли начальства или по просьбѣ богача, трупъ этотъ священникъ отпѣлъ и совершилось чудо: трупъ колодника превратился въ прахъ. Послѣ этого никакихъ видѣній болѣе не было; богачъ опять перешелъ на житье въ домъ, а пьяницу наградилъ щедро.

Повѣрья о лунѣ. Смотря на луну, молодежь говоритъ: «тутъ стоитъ дѣвица съ ведрами» и это объясняютъ такимъ разсказомъ: была несчастная дѣвица, которую въ семьѣ не любилъ никто; били ее, какъ собаку, каждый день, ругали, бранили и человѣкомъ не считали. Однажды ночью ее посылаютъ за водой на ключъ. Она не идетъ,—говоритъ, что боится ночью; ее выпроваживаютъ пинками, тычками.... На улицѣ было свѣтло, хоть книгу читай: луна на небѣ блестѣла, какъ серебряная тарелка. Дошла она, дѣвица, до угара и видитъ: съ неба спускается желѣзная цѣпь съ чашей, какъ у вѣсовъ. Она сѣла на эту чашу и поднялась на луну. Вотъ и живетъ-блаженствуетъ она тамъ, смотря на земной міръ.

Вызываніе души мертворожденнаго младенца. Объ этомъ вызыніи авторъ передаетъ со словъ очевидца—священника Сосновской церкви, о. Василья Богданова.

— Пріѣзжаетъ ко мнѣ, разсказывалъ о. Василій. для напутствованія больной прихожанинъ - вотякъ и торопитъ меня, увѣряя, что женщина лежитъ при смерти. Медлить я не сталъ, сѣлъ и поѣхалъ съ нимъ въ деревню. Пріѣхали въ деревню, въѣхали во дворъ. Ямщикъ мой остался во дворѣ выпрягать лошадь, а я зашелъ въ избу. Въ углу избы при входѣ въ неё я замѣтилъ что-то *особенное* и узналъ, что женщина разрѣшилась при самомъ моемъ входѣ въ избу отъ бремени, родивши неживаго младенца. А такъ какъ отдѣльныхъ комнатъ не было, то я, чтобы не поставить бабушку и роженицу въ неловкое положеніе своимъ присутствіемъ, долженъ былъ бы удалиться. Но выйдти изъ избы, обратно я не могъ, такъ какъ долженъ былъ проходить мимо бабушки и роженицы; впрочемъ, я могъ выйдти, но неиначе, какъ только спиной къ мѣсту, гдѣ находилась роженица, или закрывши глаза, а это я нашелъ для себя неудобнымъ. Что дѣлать? Этотъ животрепещущій вопросъ вь моментъ разрѣшаетъ блеснувшая въ умѣ мысль—стоять до времени лицемъ къ стѣнѣ. Итакъ, я стою у стѣны. Вдругъ кто-то взобрался на печь... открылъ трубу и, сошедши опять съ печи, началъ ударять сильно въ желѣзную заслонку какимъ-то попавшимъ въ руку орудіемъ; а бабушка-вотячка, вѣроятно, покачивая неживаго младенца въ рукахъ, заговорила во всеуслышаніе, не стѣсняясь меня: «перевёсъ! дядяёсъ! лулэ сётэ» (старики! братья (умершіе)! душу дайте). Ре-

бенокъ заревѣлъ. Въ голосѣ бабушки слышались страхъ, надежда и вмѣстѣ сомнѣніе.

Сомнамбулисты. Между инородцами нерѣдко встрѣчаются и одержимые сомнамбулизмомъ, но причины этой болѣзни неизвѣстны. Укажемъ для примѣра на одного изъ сомнамбуловъ. Во время квартированія моего въ домѣ причетника Сосновской церкви, изумилъ меня своимъ «хожденіемъ во снѣ» крестьянинъ-вотякъ изъ дер. Ныромури, Тимоѳей Михайловъ. Было около полуночи; я, пишущій эти строки, спалъ уже такимъ сномъ, въ какой погружаются только утомленные усидчивымъ трудомъ. Все кругомъ было тихо, безмятежно, какъ будто подъ обаяніемъ волшебной силы. Вдругъ я былъ разбуженъ сильнымъ стукомъ въ дверь моей квартиры. Сначала, конечно, я не обратилъ на это вниманія, думая, что это продѣлки вѣтра надъ ветхой крышей; но когда стукъ повторился нѣсколько разъ, я долженъ былъ соскочить съ постели и подойти къ двери; спрашиваю: кто тамъ? Голосъ знакомый... Отперъ и вижу: предо мной стоитъ Тимоѳей Михайловъ, ночующій у причетника. «Что тебѣ надо, Тимоѳей?» спрашиваю я его, желая скорѣе узнать цѣль его прихода. Въ отвѣтъ на это ничего опредѣленнаго онъ не сказалъ, а только пробормоталъ что-то про себя и вернулся опять. Чрезъ минуту я ушелъ провѣдать его въ домъ причетника. Захожу въ домъ... Тихо, всѣ спятъ крѣпко; посмотрѣлъ на Тимоѳея Михайлова — онъ тоже спитъ. Утромъ я призываю его къ себѣ и спрашиваю, зачѣмъ онъ приходилъ ко мнѣ ночью? Получаю отвѣтъ: «ночью?... зачѣмъ?... я не ходилъ». Спрашиваю товарищей, и товарищи говорятъ, что онъ никуда не выходилъ, а все спалъ съ ними. Изъ этого я понялъ, что Тимоѳей Михайловъ одержимъ сомнамбулизмомъ.

Объ одной женщинѣ мнѣ разсказывали, что она во время крѣпкаго сна вдругъ встаетъ съ постели, беретъ прясницу и начинаетъ прясть; потомъ, попрявши, опять ложится и погружается въ такой же сонъ. Утромъ спрашиваютъ ее, но она не помнитъ. Въ починкѣ Новополинскомъ, среди Вотяковъ Большепургинскаго прихода, есть женщина русская, которой сомнамбулистическіе поступки весьма странны. Женщина эта во время сна соскакиваетъ съ постели и принимается за стряпню—какъ на яву, совершенно здоровая и, постряпавши, ложится спать; видя ее въ такомъ положеніи, семей-

ные говорить съ ней считаютъ для нея вреднымъ. Припадки сомнамбулизма встрѣчались съ ней болѣе предъ пріѣздомъ или послѣ отъѣзда гостей; поэтому семейные говорили, что стряпаетъ она для гостей, которыхъ видитъ во снѣ.

Преданіе о томъ, почему вотяки начали приносить въ жертву жеребятъ. Въ древнія времена вотяки не приносили въ жертву жеребятъ. Вѣръ было много на землѣ; каждый народъ молился по своему. Вдругъ въ одно время вездѣ сдѣлалось темно; всякій думалъ, что наступило время представленія свѣта и начали молиться каждый народъ по своему—просить у Бога свѣта. Въ числѣ прочихъ молились и вотяки; молились они, просили свѣта, но свѣта все нѣтъ. Вотъ одинъ ворожецъ сталъ гадать. Углубившись въ свои мысли, онъ долго ничего не говорилъ, какъ будто бесѣдовалъ съ духомъ предвѣденія. Погадавши, наконецъ, сказалъ: «надо принести въ жертву жеребенка». Принесли—и стало свѣтло. Съ той поры вотяки начали приносить въ жертву жеребятъ. Преданіе это записано со словъ крестьянина Шаркинскаго прихода, Якова Степанова.

Тунд (ворожецъ - прорицатель). Такъ какъ ворожецъ между инородцами играетъ главную роль въ ихъ вѣрѣ и обрядностяхъ, то нелишне будетъ познакомить съ нимъ. Ворожецъ, Туно, пользуется большимъ авторитетомъ: по его предсказанію избираютъ въ жертву животныхъ; онъ указываетъ мѣсто, гдѣ какому божеству, должно принести жертву и что требуется принести; гдѣ больнаго постигла болѣзнь; кто виновникъ болѣзни, кто испортилъ больнаго; какія черты этого человѣка, цвѣтъ волосъ и проч.; кто укралъ потерянное. Ворожцу д арятъ разные подарки и, если что по слову его исполнится, онъ получаетъ большую извѣстность. Они обыкновенно уважаются народомъ; пользуясь уваженіемъ, иные ведутъ себя гордо, вполнѣ сознавая свои достоинства прорицателей. Изъ нихъ очень немногіе посѣщаютъ церковь. Не будь ихъ среди инородцевъ — чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ языческіе обычаи вотяками забылись бы навсегда.

Между ворожцами-прорицателями были прежде и заговаривающіе отъ злыхъ собакъ и вообще отъ всѣхъ хищныхъ звѣрей и змѣй. Первыя на сколько были для прочихъ злы, на столько же кротки для знатоковъ, а ядовитыя змѣи, положенныя за па-

зуху, не дѣлали никакого вреда. Знатоки, ради шутки, останавливали свадебный поѣздъ, тушили пожары, заставляли воровъ украденное приносить обратно: застилали путь проѣзжихъ туманомъ и проч. Волшебныя знанія они получали отъ своихъ же единоплеменниковъ-знатоковъ чрезъ странныя видѣнія. Вотъ какъ объ этомъ передавали намъ на границѣ Глазовскаго уѣзда: былъ въ Глазовскомъ уѣздѣ такой знатокъ, какой еще едва ли будетъ: онъ застилалъ дорогу туманомъ, вызывалъ духовъ, сушилъ лѣса, звѣрей и птицъ собиралъ въ одно мѣсто,—словомъ былъ мастеръ на всякіе фокусы. Позавидовалъ ему одинъ человѣкъ и пожелалъ учиться у него волшебнымъ наукамъ. Знатокъ вызвалъ его за околицу и говоритъ:

— Будешь ли исполнять то, что я тебѣ велю?

— Буду.

— Проклинай отца, мать, солнце, луну, звѣзды, землю и весь бѣлый свѣтъ.

Клятва была произнесена.

Предъ ними явился необыкновенной величины заяцъ и разинулъ пасть

— Ну, залѣзь въ пасть этого звѣря,—говоритъ знатокъ.

Ученикъ сунулъ голову въ пасть зайца и зайца стало не видно.

Потомъ явилась лисица, разинула пасть. Волшебникъ приказалъ сунуть голову въ пасть этого звѣря и приказаніе было исполнено: затѣмъ прибѣжалъ волкъ и тотъ тоже сунулъ голову въ пасть его. Наконецъ, явился страшной величины медвѣдь, сталъ на дыбы и разинулъ пасть. Ученикъ со страху палъ въ обморокъ. Когда же онъ пришелъ въ чувство—ни волшебника, ни звѣря уже не было. Вскорѣ послѣ этого желающій быть волшебникомъ сошелъ съ ума и блуждалъ по лѣсамъ какъ звѣрь.

— Откуда же вотскіе волшебники брали свои науки? спросилъ я одного изъ переселившихся уже въ вѣчность стариковъ, который охотно разсказывалъ о предметахъ, интересующихъ этнографа.

Были [illegible] такъ сказать [illegible]—искатели приключеній, не [illegible] ни кола, ни двора. Лѣнь и мотовство ихъ доводили до того, что они [illegible] рѣшиться на все, лишь бы [illegible] матеріальныя средства лежа на боку. Ходили-бродили они [illegible] какъ нахо-

дить легко деньги. Нашелся, наконецъ, такой человѣкъ и указалъ имъ мѣсто въ дремучемъ лѣсу, сказавъ, что тамъ живутъ знатоки, получающіе деньги «съ вѣтру». Дошли они до этихъ знатоковъ чрезъ путеводителя и увидѣли среди лѣса огромной величины каменный домъ. Зашли они въ этотъ домъ и ихъ приняли какъ гостей.

— Зачѣмъ пришли къ намъ? спрашиваютъ знатоки.

— Мы люди бѣдные, сказали они, ищемъ добрыхъ людей, которые бы помогли намъ въ нуждѣ.

— Хорошо, мы поможемъ вамъ, только будете ли исполнять то, что мы велимъ вамъ?

— Будемъ.

— Проклинайте весь міръ и мать, которая родила васъ.

Братья прокляли.

Знатоки добыли изъ безымяннаго пальца каждаго крови, обмарали ею лоскутки бумаги и таковые прибили къ стѣнѣ вмѣсто картинъ; и сказали знатоки тремъ братьямъ:

— Кто изъ васъ будетъ думать о Богѣ—кровь его почернѣетъ и мы выстрѣлимъ изъ ружья въ эту кровь; тогда душа того человѣка, чья кровь, будетъ томиться въ сильной тоскѣ и человѣкъ умретъ. Чья кровь будетъ алая—значитъ, о Богѣ не думаетъ и будетъ счастливъ на землѣ.—Затѣмъ знатоки повели ихъ въ какое-то темное мѣсто для поклоненія статуѣ сатаны. Какъ растворились двери—предъ ними предсталъ сатана ужаснѣйшаго вида. Два брата обмерли, а третій не упалъ духомъ, поклонился сатанѣ и получилъ 30 серебряныхъ рублевиковъ. Кому ихъ не отдастъ—они все идутъ къ нему обратно: что ни купитъ на нихъ, они все въ карманѣ. Это и значитъ получать деньги «съ вѣтру»; такъ прожилъ онъ вѣкъ въ свое удовольствіе. Умеръ онъ и душа его переселилась на житье къ сатанѣ, статуѣ котораго поклонился онъ.

— Что же сдѣлалось съ братьями? спросилъ я разсказщика.

Ихъ прогнали знатоки безчестнымъ образомъ, отвѣтилъ онъ.

Какіе были это люди и въ какихъ лѣсахъ—никто объ этомъ не говоритъ. Подобные же расказы, но въ другомъ смыслѣ, слышаны были нами и отъ русскихъ. Послѣдніе называютъ ихъ, знатоковъ, «фармазонами».

Пычкосъ. Колдуны раздѣляются на нѣсколько категорій. Между

зуху, не дѣлали никакого вреда. Знатоки, ради шутки, останавливали свадебный поѣздъ, тушили пожары, заставляли воровъ украденное приносить обратно; застилали путь проѣзжихъ туманомъ и проч. Волшебныя знанія они получали отъ своихъ же единоплеменниковъ-знатоковъ чрезъ странныя видѣнія. Вотъ какъ объ этомъ передавали намъ на границѣ Глазовскаго уѣзда: былъ въ Глазовскомъ уѣздѣ такой знатокъ, какой еще едва ли будетъ: онъ застилалъ дорогу туманомъ, вызывалъ духовъ, сушилъ лѣса, звѣрей и птицъ собиралъ въ одно мѣсто,—словомъ былъ мастеръ на всякіе фокусы. Позавидовалъ ему одинъ человѣкъ и пожелалъ учиться у него волшебнымъ наукамъ. Знатокъ вызвалъ его за околицу и говоритъ:

— Будешь ли исполнять то, что я тебѣ велю?

— Буду.

— Проклинай отца, мать, солнце, луну, звѣзды, землю и весь бѣлый свѣтъ.

Клятва была произнесена.

Предъ ними явился необыкновенной величины заяцъ и разинулъ пасть

— Ну, залѣзь въ пасть этого звѣря,—говоритъ знатокъ.

Ученикъ сунулъ голову въ пасть зайца и зайца стало не видно.

Потомъ явилась лисица, разинула пасть. Волшебникъ приказалъ сунуть голову въ пасть этого звѣря и приказаніе было исполнено; затѣмъ прибѣжалъ волкъ и тотъ тоже сунулъ голову въ пасть его. Наконецъ, явился страшной величины медвѣдь, сталъ на дыбы и разинулъ пасть. Ученикъ со страху палъ въ обморокъ. Когда же онъ пришелъ въ чувство—ни волшебника, ни звѣря уже не было. Вскорѣ послѣ этого желающій быть волшебникомъ сошелъ съ ума и блуждалъ по лѣсамъ какъ звѣрь.

— Откуда же вотскіе волшебники взяли свои науки? спросилъ я одного изъ переселившихся уже въ вѣчность стариковъ, который охотно разсказывалъ о предметахъ, интересующихъ этнографа.

— Были давнымъ давно, сказалъ онъ, три брата—искатели приключеній, не имѣвшіе ни кола, ни двора. Лѣнь и мотовство ихъ довели до того, что они готовы были рѣшиться на все, лишь бы получить матеріальныя средства, лежа на боку. Ходили-бродили они вездѣ, ища такого человѣка, который бы поучилъ ихъ какъ нахо-

то говорятъ, что его испортилъ колдунъ. Колдовство, по словамъ жителей, переходитъ по наслѣдству отъ родителей къ дѣтямъ. Какъ ни страшенъ колдунъ для смирныхъ и незнающихъ людей, но есть противъ него и амулеты. Такъ, напримѣръ, первымъ амулетомъ служитъ серебряный рубль старинныхъ временъ, подъ названіемъ «противникъ», съ изображеніемъ императора или императрицы съ лицомъ, обращеннымъ противъ солнца. Такія монеты хранятся, какъ рѣдкость. Монеты эти цѣнятся до 5 рублей.

Колдунъ или колдунья. Кто занимался колдовствомъ, по смерти духъ его по временамъ входитъ въ тѣло и выходитъ изъ него. На такомъ повѣрьи основанъ слѣдующій разсказъ, слышанный нами отъ крестьянина дер. Титова, Шарканскаго прихода, Петра Никонова: воняка отдали въ солдаты и жена его-колдунья безъ него умерла. По окончаніи срока службы мужъ ея вернулся на родину, не зная о смерти жены. Жили они до службы вдвоемъ съ женой; когда же жена умерла, родственники заперли домъ ихъ на замокъ и ключъ отъ замка взяли себѣ. Мужъ подошелъ къ дверямъ и двери отперла ему жена [illegible]о (уже умершая); она настряпала ему разныхъ пирожковъ и [illegible]анекъ и потчуетъ его; онъ ѣстъ, прося жену тоже ѣсть съ нимъ; [illegible]а отказывается отъ ѣды подъ разными предлогами. Накормила [illegible] мужа и взяла изъ шкафа какую-то мазь; помазала ею грудь и [illegible]летѣла въ трубу. Мужъ вышелъ на улицу и тамъ видитъ жену: [illegible]а идетъ по улицѣ; онъ за ней. Прошли улицу и жена [illegible]рнулась въ собаку; изъ собаки—въ кошку а изъ кошки—въ сѣ[illegible]о мышь. Идетъ онъ за мышью... Мышь дошла до кладбища и заш[illegible]въ нору, идущую въ могилу; чрезъ нѣсколько времени она вышла [illegible]уда съ косточкой, погрызла кость и пошла обратно; обернулась [illegible]кошку, изъ кошки—въ собаку, а въ деревнѣ—въ человѣка—его [illegible]у; идетъ мужъ ея позади, а жена не замѣчаетъ его. Зашла [illegible] въ избу и онъ за ней. Тамъ другъ друга обманули, кто какъ [illegible]: мужъ сказалъ: былъ въ сосѣдяхъ, а жена отвѣтила: гуляла [illegible]колицей. Жена опять ему стряпаетъ—изводитъ муку и бро[illegible]ъ даромъ, а сама не ѣстъ. Кончила муку и посылаетъ мужа къ [illegible]нику съ чашкой за мукой. Мужъ получилъ муку и вѣтромъ [illegible]сло ее; она въ другой разъ посылаетъ съ руганью; мужъ [illegible] и опять приходитъ безъ муки. При возвращеніи отъ [illegible]ника мужъ встрѣчается съ лѣшимъ. «На тебѣ сундукъ; тамъ

ними особенно страшны колдуны, напускающіе болѣзни по вѣтру. Какой колдунъ напустилъ на человѣка болѣзнь—знать, кромѣ ворожца, по повѣрью, никто не можетъ; возвратить же здоровье больному можетъ только одна жертва. Поэтому, если человѣкъ сильно захворалъ, родные обращаются къ ворожцу и онъ говоритъ, что болѣзнь на больномъ напущенная (пычкемылъ) и велитъ принести въ жертву барана или другое животное какому нибудь божеству. Если послѣ одного жертвоприношенія больной не получаетъ облегченія—ворожецъ велитъ жертвоприношеніе повторить. Въ тяжкихъ болѣзняхъ приносятъ жертву Акташу и самое жертвоприношеніе нѣкоторые называютъ *Уллане-сетонэ* (отданіе внизъ). Такое названіе дано, вѣроятно, потому, что кусокъ жертвеннаго мяса попъ бросаетъ въ рѣку со словами: «куда идетъ мясо, туда иди и боль».

Пельтысь, пельяськысь (шептунъ, знахарь). Второе мѣсто между вредными самозванцами занимаютъ знахари-шептуны. Ихъ дѣятельность въ гигіеническомъ отношеніи весьма вредна. Прибѣгая къ помощи ихъ, инородцы затягиваютъ болѣзнь до того, что самая маловажная боль, требующая легкой медицинской помощи, запущенная въ началѣ, переходитъ въ хроническое состояніе и леченіе такой болѣзни выходитъ уже изъ круга фельдшерскихъ знаній, а нерѣдко и самого врача. Знахарей возятъ къ больнымъ, какъ священника съ требой на своихъ лошадяхъ, платятъ имъ, угощаютъ ихъ, какъ почетныхъ гостей.

Вегйнэ (колдунъ или колдунья). Колдуны, по отзывамъ жителей, враги семейнаго благосостоянія; но въ то же время колдуны не для всѣхъ опасны: кто обладаетъ смѣлостью и знаніемъ молитвъ, особенно, молитву «Да воскреснетъ Богъ», тому колдуновъ бояться нечего: одно знаніе молитвы сохранитъ отъ порчи колдуна. Иные говорятъ, что если кто и не знаетъ никакихъ молитвъ, да ударитъ колдуна по носу такъ, чтобы изъ него побѣжала кровь, то колдунъ не опасенъ. Порчу колдуны напускаютъ на человѣка или по вѣтру, или прикосновеніемъ къ человѣку, или же нашептываніемъ на напитки, которые человѣкъ пьетъ, а нерѣдко и дуновеніемъ. Иного больнаго, если онъ испорченъ, никто, кромѣ самого колдуна, вылечить не можетъ. Особенно придаютъ большую силу колдовства колдуну тогда, когда онъ будетъ ласкаться къ человѣку и потреплетъ его по спинѣ. Если вскорѣ послѣ этого захвораетъ человѣкъ,

то говорятъ, что его испортилъ колдунъ. Колдовство, по словамъ жителей, переходитъ по наслѣдству отъ родителей къ дѣтямъ. Какъ ни страшенъ колдунъ для смирныхъ и незнающихъ людей, но есть противъ него и амулеты. Такъ, напримѣръ, первымъ амулетомъ служитъ серебряный рубль старинныхъ временъ, подъ названіемъ «противникъ», съ изображеніемъ императора или императрицы съ лицомъ, обращеннымъ противъ солнца. Такія монеты хранятся, какъ рѣдкость. Монеты эти цѣнятся до 5 рублей.

Колдунъ или колдунья. Кто занимался колдовствомъ, по смерти духъ его по временамъ входитъ въ тѣло и выходитъ изъ него. На такомъ повѣрьи основанъ слѣдующій разсказъ, слышанный нами отъ крестьянина дер. Титова, Шарканскаго прихода, Петра Никонова: вотяка отдали въ солдаты и жена его-колдунья безъ него умерла. По окончаніи срока службы мужъ ея вернулся на родину, не зная о смерти жены. Жили они до службы вдвоемъ съ женой; когда же жена умерла, родственники заперли домъ ихъ на замокъ и ключъ отъ замка взяли себѣ. Мужъ подошелъ къ дверямъ и двери отперла ему жена его (уже умершая); она настряпала ему разныхъ пирожковъ и шанекъ и потчуетъ его; онъ ѣстъ, прося жену тоже ѣсть съ нимъ; она отказывается отъ ѣды подъ разными предлогами. Накормила она мужа и взяла изъ шкафа какую-то мазь; помазала ею грудь и вылетѣла въ трубу. Мужъ вышелъ на улицу и тамъ видитъ жену: она идетъ по улицѣ; онъ за ней. Прошли улицу и жена обернулась въ собаку; изъ собаки—въ кошку а изъ кошки—въ сѣрую мышь. Идетъ онъ за мышью... Мышь дошла до кладбища и зашла въ нору, идущую въ могилу; чрезъ нѣсколько времени она вышла оттуда съ косточкой, погрызла кость и пошла обратно; обернулась въ кошку, изъ кошки—въ собаку, а въ деревнѣ—въ человѣка—его жену; идетъ мужъ ея позади, а жена не замѣчаетъ его. Зашла жена въ избу и онъ за ней. Тамъ другъ друга обманули, кто какъ могъ; мужъ сказалъ: былъ въ сосѣдяхъ, а жена отвѣтила: гуляла за околицей. Жена опять ему стряпаетъ—изводитъ муку и бросаетъ даромъ, а сама не ѣстъ. Кончила муку и посылаетъ мужа къ мельнику съ чашкой за мукой. Мужъ получилъ муку и вѣтромъ разнесло ее; она въ другой разъ посылаетъ съ руганью; мужъ идетъ и опять приходитъ безъ муки. При возвращеніи отъ мельника мужъ встрѣчается съ лѣшимъ. «На тебѣ сундукъ; тамъ

всякаго добра найдешь»,—говоритъ лѣшій, указывая на сундукъ; лѣшій отдалъ сундукъ мужу колдуньи и отправилъ его домой. Жена удивилась и говоритъ мужу: есть ли мука?—Есть, отвѣчаетъ мужъ. — Есть ли чай? — Есть; всего теперь у меня много.—Закипѣла колдунья завистью и злобой и оборотила мужа въ воробья. Воробей присталъ къ другимъ воробьямъ и всѣ они улетѣли къ Нюлэсъ-Мурту. Воробьи сѣли на домъ Нюлэсъ-Мурта, только одинъ не сѣлъ. Нюлэсъ-Муртъ поймалъ его и сдѣлалъ человѣкомъ, мужемъ колдуньи. Вернулся человѣкъ домой, а жена опять сдѣлала собакой. Собаку поймалъ прикащикъ и не зналъ ей цѣны. Всякій торгуетъ эту собаку, но прикащикъ не продаетъ. Однажды собака поймала вора и стала кричать по человѣчьи. Хозяинъ выбѣжалъ и вора поймали. Услышалъ о собакѣ царь и посылаетъ торговать придворнаго. Прикащикъ все-таки не согласился продать; Нюлэсъ-Муртъ сдѣлалъ изъ собаки человѣка и человѣкъ въ могилу своей жены-колдуньи вколотилъ осиновый колъ. Съ тѣхъ поръ колдунья не стала выходить изъ своей могилы.

Былъ въ Шарканской сторонѣ давнымъ давно, разсказываетъ крестьянская дѣвица поч. Сушкова, Катерина Исаева, колдунъ, весьма искусный въ дѣлахъ колдовства. Бывало кого онъ не залюбитъ—сживетъ со свѣту, кто его оскорбитъ—руку или ногу испортитъ. Впрочемъ, кто его не трогалъ, онъ тѣмъ ничего не дѣлалъ· Захотѣлъ быть колдуномъ одинъ молодой человѣкъ и проситъ его научить колдовству. Колдунъ согласился и завелъ его въ баню, которая была истоплена вечеромъ для желающихъ париться. Зашли въ баню; колдунъ велитъ ученику раздѣться. Раздѣлся ученикъ и ждетъ далѣе приказаній колдуна, а до этого колдунъ взялъ съ него слово исполнять то, что онъ прикажетъ. Колдунъ что-то пошепталъ и изъ банной печи выпрыгнула огромная жаба; разинула ротъ и, видимо, проситъ ѣсть.

— Ну пройди чрезъ эту жабу, говоритъ колдунъ. Ученикъ испугался... взялъ одежду и убѣжалъ домой. Съ тѣхъ поръ онъ больше не просилъ колдуна учить колдовству.

Преданіе о томъ, почему вотяки при жертвоприношеніяхъ начали употреблять блины. Во время оно, на одномъ стебелькѣ было семь колосковъ; хлѣба сѣяли мало, а было его много. Но вотъ нашлась женщина—злодѣйка и прогнѣвала Бога такъ, что никакія молитвы

онъ не сталъ принимать и на одномъ стебелькѣ остался навсегда одинъ колосокъ. А вотъ что сдѣлала эта женщина: будучи въ одно время въ лѣсу, женщина эта испражненія своего ребенка завернула въ блинъ и положила въ щель дерева. Богъ прогнѣвался и оставилъ за это на стебелькѣ одинъ колосокъ; извѣстно, хлѣбъ—даръ Божій. Съ той поры вотяки начали употреблять при жертвоприношеніяхъ блины, убѣдившись въ пріятности ихъ Богу.

Хлѣбъ инородцы считаютъ величайшимъ изъ всѣхъ даровъ Божіихъ на землѣ; поэтому не поднять съ полу хлѣбную крошку и попирать ее ногами считаютъ за величайшій грѣхъ, влекущій за собой наказаніе Божіе. (Записано со словъ Захара Кондратьева и Ивана Иванова—крестьянъ села Сосновки).

Клятва. Въ частной жизни, для утвержденія вѣры въ своихъ единоплеменникахъ, питающихъ недовѣріе или подозрѣвающихъ въ чемъ нибудь, инородцы, особенно женскій полъ, клянутся слѣдующими словами: «Инмаръ понна!.. нянь понни!..·шунды понни!... толызь понна! кизили понна! (Клянусь Господомъ... хлѣбомъ... солнцемъ... мѣсяцемъ... звѣздами)... Сверхъ сего грамотные клянутся церковнымъ крестомъ. Клятвѣ же, установленной православной церковью для вступающихъ въ общественныя должности и свидѣтелямъ предъ судомъ, значеніе даютъ только грамотѣи.

Въ одно время я, пишущій эти строки, слышалъ между ссорящимися инородцами такую клятву: «Инмаръ медъ шуккозъ... татцыкъ медъ куло» (пусть меня Господь громомъ убьетъ... пусть на этомъ же мѣстѣ умру, если ложь говорю).

Преданія. ***Жертвоприношеніе на горѣ.*** Въ силу своихъ молитвъ и религіозныхъ обычаевъ инородцы еще вѣрятъ крѣпко; въ этой вѣрѣ они утверждены, говорятъ, дѣйствительными фактами, о чемъ среди нихъ существуетъ много разсказовъ и преданій, доказывающихъ силу молитвы. Вотъ одно изъ такихъ преданій, слышанное нами съ селѣ Шаркинѣ.

Во время оно, говоритъ преданіе, послѣ Петровокъ (29-го Іюня) появились на поляхъ въ несмѣтномъ числѣ сверчки и кузнечики (должно полагать саранча) и стали ужасно пожирать поспѣвшіе хлѣба. Что дѣлать? Истребить ихъ никакими средствами немыслимо—вредъ отъ нихъ ужасающій. Вотяки въ этомъ видѣли явную кару Верховнаго Существа и рѣшили принести Ему жертву на самой

высокой горѣ, какъ самому высочайшему Существу. Собрались многочисленной толпой и принесли жертву, въ надеждѣ умилостивить Верховное Существо. На другой день пошелъ снѣгъ; и земля и нивы покрылись имъ толщиною на полъаршина, отчего насѣкомыя перемерли всѣ. Гору потомъ назвали дзёзо и каждый годъ совершали тамъ жертвоприношеніе объ избавленіи хлѣбныхъ растеній отъ вредныхъ насѣкомыхъ. Гора (въ 3 верстахъ отъ с. Шаркана) свое названіе получила отъ слова дзезъ, что значитъ сверчокъ, а отсюда произошло слово дзёзо (сверчковатое мѣсто), такъ какъ жертвоприношеніе началось по случаю появившихся насѣкомыхъ (Козьма Степановъ). Этотъ разсказъ напоминаетъ нѣсколько событіе изъ жизниВарлаама Хутынскаго, когда онъ въ Петровъ день ѣздилъ на саняхъ въ одинъ монастырь по приглашенію. Св. Варлаамъ, по дару прозорливости, предсказалъ снѣгъ въ это необыкновенное время приглашающему его иноку, сказавъ, что онъ, св. Варлаамъ, пріѣдетъ къ нему на саняхъ. Предсказаніе его сбылось въ точности: снѣгу выпало такъ много, что имъ покрылась вся нива на поляхъ, отчего пригласившій Варлаама инокъ печалился за земледѣльцевъ, нивы которыхъ, по заключенію инока, должны были подъ снѣгомъ погибнуть и населенію угрожалъ неизбѣжный голодъ. Святой же Варлаамъ утѣшилъ инока, говоря, что снѣгъ, напротивъ, избавитъ ниву отъ червя и насѣкомыхъ, которыя появились на поляхъ. Такъ и сдѣлалось: нива освободилась отъ червя и насѣкомыхъ, снѣгъ растаялъ и все приняло прежній видъ.

Избраніе мѣста подъ шалашъ Быдзимъ Куалъ. Къ послѣднимъ временамъ состоянія вотяковъ въ язычествѣ относится и другое преданіе объ избраніи мѣста подъ шалашъ Быдзимъ Куалъ.

За нынѣшнимъ селомъ Большой-Пургой, около Сибирскаго тракта, въ предѣлахъ владѣній крестьянъ села Зуры, было нѣкогда мѣсто языческаго жертвоприношенія вотяковъ. Однажды лѣтомъ собрались туда для жертвоприношенія вотяки чуть не со всѣхъ сторонъ и между прочими животными, приведенными для закланія, былъ одинъ быкъ. Быкъ этотъ какимъ - то образомъ сорвался и побѣжалъ по направленію къ селу Полому. Тутъ жрецы заключили что быкъ сорвался—значитъ, мѣсто неугодно богамъ. Вслѣдствіе этого рѣшили выбрать изъ своей среды нѣсколько человѣкъ и по-

слать ихъ вслѣдъ за быкомъ. Сказано—рѣшено. Послали они нѣсколько человѣкъ. Быкъ прошелъ село Поломъ (22 версты отъ села Зуры) и повернулъ направо, не останавливаясь нигдѣ. Посланные все идутъ за нимъ... Дошелъ онъ, быкъ, до горы въ трехъ верстахъ отъ села и остановился. Вернулись посланные къ своимъ и разсказали имъ о результатахъ своего путешествія за быкомъ. Тогда общимъ совѣтомъ рѣшили мѣсто жертвоприношенія перенести туда гдѣ остановился быкъ. Построили тамъ шалашъ и назвали его *Будзимъ куа* (или куалъ). Жертвоприношеніе тамъ совершалось еще послѣ принятія вотяками христіанской вѣры, но когда въ глазахъ духовенства языческое моленье принявшими христіанство стало нетерпимо, шалашъ сожгли. На мѣстѣ пепелища, говорятъ, долго еще по временамъ были слышны вопли языческаго бога. Въ настоящее время гора, на которой былъ шалашъ, называется Быдзимъ куа гуредь (быдзимъ-великій куа или куалъ-шалашъ, мѣсто молитвы, гуредь-гора) что значитъ: гора, на которой былъ великій шалашъ или храмъ.

Остатки древней религіи. Вотяки или Отяки, какъ они называются въ Вятскихъ лѣтописяхъ и древнихъ актахъ, въ древнія времена обожали огонь т. е. они были *огнепоклонниками*, а потомъ перешли въ *идолопоклонство* и стали обожать, кромѣ болвановъ, *силы природы* и *растенія*. Слѣды огнепоклонства видны и теперь: при жертвоприношеніяхъ въ даръ огню бросаютъ куски мяса и льютъ на огонь кумышку и пиво; утромъ въ Великій Четвертокъ предъ баней перескакиваютъ черезъ огонь; клянутся огнемъ и играть имъ считается какъ бы за грѣхъ; зола изъ очага у нѣкоторыхъ племенъ составляетъ часть божества Воршудъ (см. «Сожженіе Воршуда» въ настоящей статьѣ). Кромѣ этого есть еще другіе слѣды прежняго огнепоклонства ихъ. Объ идолопоклонствѣ болѣе можно судить только по исторіи Вятскаго края, которая ясно доказываетъ идолопоклонство вотяковъ по Болвановкѣ, гдѣ до пришествія въ Вятскую страну Новгородцевъ были идолы вотяковъ. Сами же вотяки объ идолопоклонствѣ не помнятъ, а нѣкоторые еще отрицаютъ это, говоря, что они идолопоклонниками не были; но этому вѣрить нельзя: въ настоящее время слѣды идолопоклонства такъ же свѣжи, какъ свѣжи слѣды огнепоклонства, именно: во время жертвоприношенія жрецы кланяются дереву,

чему былъ свидѣтелемъ самъ пишущій эти строки *). Хотя сами вотяки это и не считаютъ идолопоклонствомъ, но несомнѣнно, что такіе поклоны — остатки прежняго поклоненія кумирамъ, напоминающіе нѣсколько поклоненіе русскихъ Перуну. Что касается остатковъ обожанія силъ природы и растеній, то они настолько очевидны, что въ виду современнаго существованія жертвоприношеній и повѣрій не требуютъ доказательствъ. Возьмемъ примѣръ изъ любаго жертвоприношенія: жрецы, сопровождая молитвы поклонами дереву (ели), въ рукахъ держатъ древесныя вѣтви и ихъ втыкаютъ въ короваи хлѣба. Во время господства божества Инъвожо воспрещается рвать траву, цвѣты и растенія. По словамъ вотяковъ (Захара Кондратьева и Ивана Иванова, села Сосновки) въ древнія времена особенно была чтима въ жилищахъ вотяковъ трава *осока*, которую держали въ переднемъ углу, гдѣ нынѣ устраиваются божницы для иконъ. Громъ принимаютъ тоже за божество, называя его Гудыри-мумы (мать-громовъ). Слѣдовательно нѣтъ никакихъ сомнѣній въ вѣрности нашихъ предположеній.

Въ настоящее время вотяки, какъ уже извѣстно, христіане, но въ душѣ большая часть ихъ остается язычниками или, покрайней мѣрѣ, двоевѣрцами. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ только болѣе развитые, но ихъ, при отсутствіи успѣха въ грамотности, мало. Двоевѣрцами мы называемъ тѣхъ, которые, исповѣдуя христіанскую вѣру, при смутномъ объ ней понятіи, усердно кланяются своимъ вымышленнымъ богамъ въ мѣстахъ языческихъ моленъ. Говоря объ нихъ, мы должны замѣтить, что глазовскіе вотяки отъ сарапульскихъ отличаются рѣзко какъ костюмомъ, такъ и нарѣчіемъ, а причиной этому—другія племена, раннее просвѣщеніе христіанскою вѣрою, грамотность, вліяніе русскихъ и отчасти духовенства. Кто бывалъ у вотяковъ Глазовскаго уѣзда, особенно по тракту, тотъ, несомнѣнно, былъ пріятно пораженъ чистотой въ домахъ ихъ, комфортомъ домашнимъ и развитіемъ ихъ самихъ, чего незамѣтно и у русскихъ, живущихъ въ сосѣдствѣ съ ними. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ предпочтенія инородцы старинныхъ селъ до Елова по Вятско-Пермскому тракту. Въ приходахъ этихъ селъ уже давно не существуетъ и жертвоприношеній, какія нынѣ

*) Извѣстія Импер. Русск. Геогр. Общ. т. XX стр. 527, 528 и 529.

совершаются открыто въ Сосновскомъ краю; но мы не говоримъ, что забыты всѣ обычаи: слѣды ихъ еще будутъ существовать долго, но, по крайней мѣрѣ, нѣтъ тамъ такихъ обрядностей, какія совершаются въ другихъ мѣстахъ открыто.

Исторія Вотяковъ и князьки ихъ. Извѣстно, что у вотяковъ, какъ народа некультурнаго, отъ появленія ихъ въ Вятской странѣ до сего времени, лѣтописи не существовало, да и не могла она существовать, такъ какъ своего алфавита и грамматики ими не изобрѣтено, русскаго же алфавита для нихъ недостаточно, а за неимѣніемъ грамоты, какая же можетъ быть словесность, кромѣ устной? О прошедшей судьбѣ ихъ можно судить лишь по настоящему быту и отчасти преданію, указывающему на тѣ обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ сложился ихъ характеръ. Большая часть устныхъ преданій, сохранившихся въ памяти этого народа, приняла характеръ сказочныхъ легендъ. Это видимъ и изъ разсказовъ о богатыряхъ ихъ, которымъ приписываются необыкновенныя силы, мужество и проч., между тѣмъ какъ, судя по этому народу (по крайней мѣрѣ, въ Сосновскомъ краю), ни того, ни другого имъ нельзя приписать. Если бы среди нихъ была замѣчательная личность, то она, несомнѣнно, не ускользнула бы отъ вниманія русскихъ историковъ.

Вотяки принадлежатъ къ финскому племени къ Чуди и Мери, также, какъ Эстонцы, Лапланцы и проч., и о древнемъ происхожденіи ихъ «Исторія Вятскаго края» приводитъ такія данныя: «Изъ скандинавскихъ сагъ и путешествія Отера знаемъ» говоритъ названная Исторія, «что Киріаландія и Біармія были сильныя государства, населенныя Финнами и что Біармія (отсюда слово Пермь) была въ сѣверо-восточной части Россіи. Никакого племени нѣтъ старобытнѣе Финновъ въ сѣверныхъ и восточныхъ климатахъ Россіи, говоритъ Карамзинъ. Извѣстный путешественникъ Фишеръ полагаетъ, что Самоѣды и Остяки составляютъ остатокъ Чуди— древнихъ жителей Сибири. А Мальтъ - Брэнъ и Гумбольдтъ находятъ нѣкоторыя рѣзкія черты сходства между Остяками и Тунгузами и дикими племенами сѣверной Америки». Основываясь на этихъ данныхъ, упомянутая нами Исторія дѣлаетъ такія общія заключенія: «вѣроятно нѣкогда, гораздо ранѣе переселенія народовъ при паденіи Римской имперіи, Финны составляли племя сильное и очень многочисленное, занимавшее огромную полосу на сѣверѣ

Европы, Азіи (и, быть можетъ, Америки); но при появленіи новыхъ племенъ съ востока Финны тотчасъ уступили имъ мѣсто. Цѣль бытія ихъ какъ бы окончилась; они расчистили землю, обновили ее, доказали ея обитаемость и, тѣснимые другими племенами, разбѣжались, скрываясь отъ побѣдителей за Карпатскими горами въ странахъ Прибалтійскихъ, оставляя часть своего племени на прежде бывшемъ мѣстѣ жительства. Павши совершенно, они должны были придти въ дикость. Такими-то ихъ и застали новгородцы на берегахъ Камы и Вятки и малочисленная ватага новгородцевъ ихъ побѣдила, точно такъ какъ горсть Испанцевъ завоевала цѣлыя страны въ Америкѣ, ибо отличительныя черты падшихъ племенъ—страдательность, какая свойственна болѣе чѣмъ кому либо Вотякамъ». Вотяки до пришествія новгородцевъ въ Вятскую страну (прежде Хлыновская область) были почти въ дикомъ состояніи, такъ какъ удаленные отъ общества народовъ цивилизованныхъ и не имѣющіе никакихъ сношеній съ болѣе развитыми племенами, они должны были тупѣть и прозябать. Какимъ образомъ они управлялись и какое было у нихъ главное занятіе до пришествія новгородцевъ—неизвѣстно; но вотъ новгородцы узнали, что занимаемая вотяками страна изобилуетъ всѣми дарами природы, что жители ея стоятъ по развитію далеко ниже ихъ. Объ этомъ передавали имъ купцы, ведшіе торговлю, чрезъ земли вотяковъ, съ народами Біарміи и земли Югорской, и новгородцы возгорѣли желаніемъ переселиться въ Вятскія земли. И вотъ въ 1174 году нѣкоторые изъ нихъ рѣшились оставить свое отечество и искать мѣста поселенія въ Вятской странѣ. Вытѣснивши оттуда прежнихъ обитателей, они поселились въ ней навсегда.

Вотяки, оставивши свою родину, избрали мѣста для поселеній среди лѣсовъ, удаленныхъ отъ селеній и большихъ дорогъ и, живя, какъ и прежде, безъ всякаго стремленія къ улучшенію своего быта, тупѣли больше и больше. При такихъ условіяхъ они не могли оставить по себѣ никакихъ памятниковъ кромѣ валовъ и насыпей, которыми защищали свои жилища отъ нападеній иноплеменниковъ. Такіе валы и насыпи свидѣтельствуютъ о томъ, что они, вотяки, во время оно, вели войну съ своими врагами, вытѣснившими ихъ изъ родной страны, и впослѣдствіи такіе вещественные остатки старины приняли названія *городищъ*, потому что

около нихъ сосредоточивались главныя массы ихъ и самыя городища служили резиденціей князьковъ, называемыхъ *батырами*, самыя же городища назывались *карами*. Батыръ въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ богатырь, а каръ—городъ. Послѣднее названіе позаимствовано отъ вотскаго же слова *кузили-каръ*, т. е. городокъ или жилище муравьевъ (кузилй—муравей), и слово каръ впослѣдствіи присоединилось къ именамъ князьковъ.

Городища вотскихъ князьковъ, послѣ появленія новгородцевъ въ Хлыновской Области возникали преимущественно около нынѣшняго города Глазова и назывались по имени самихъ князьковъ, и мѣста тѣ по сіе время сохранили за собой названія городковъ вотскихъ князьковъ. Такъ, напримѣръ, около Глазова и Балезина и теперь существуютъ деревни: Идна-каръ, Гуръя-каръ, Донды-каръ, Весья-каръ и проч. На мѣстахъ этихъ деревень, по преданію, имѣли городища князьки: Идна (см. Идна-батырь въ нашей статьѣ), Гуръя, Донды, Весья. Одни городища принимаютъ характеръ валовъ, другія—мысовъ, третьи—простыхъ бугровъ и проч. Одинъ изъ такихъ валовъ находится въ пяти верстахъ отъ Глазова на восточной сторонѣ рѣки Чепцы. Съ западной стороны защищаетъ его крутизна горы, на югъ лежитъ глубокая долина, по которой течетъ рѣчка Киза, соединяющаяся съ источникомъ Чепцы. Говорятъ, что прежде находили тамъ серебряныя и мѣдныя вещи и земледѣльческія орудія. Второй подобный же валъ находится близь села Балезина, при небольшомъ истокѣ, впадающемъ въ рѣку Инзу.

Хотя упомянутыя нами выше мѣстности и валы и не входятъ въ кругъ описываемаго края, но въ историческомъ отношеніи они тѣсно связаны съ судьбою вотяковъ Сосновскаго края, заключающаго въ себѣ до семи приходовъ или волостей, населенныхъ вотяками. По преданію ихъ самихъ, послѣ вытѣсненія ихъ предковъ изъ Хлыновской Области, главная масса осталась въ Причепетскомъ краѣ, т. е. орошаемомъ рѣкой Чепцой и притоками ея, а нѣкоторые пожелали переселиться за Каму; туда же посылало ихъ и начальство на казенныя работы. Съ теченіемъ времени закамскіе единоплеменники вотяковъ Глазовскаго или Причепетскаго края опять пришли въ предѣлы нынѣшняго Сосновскаго края, *) Осо-

*) Извѣстія Импер. Русс. Геогр. Общ., т. XX 1884 г., стр., 497.

бенно замѣчателенъ въ устной исторіи Вотяковъ названнаго края бѣглецъ Ожмегъ *), съ которымъ въ послѣдствіи сроднился Бехтеміръ изъ Глазовской стороны.

При селѣ Поломѣ, Глазовскаго уѣзда (около 60 верстъ отъ села Сосновки), находятся два мысообразныхъ *городища* вотскихъ князьковъ. Это, между прочимъ, достопримѣчательныя древности и памятники старины. Первое городище называется *Чемошуръ*; оно въ трехъ верстахъ отъ села, по направленію къ городу Глазову по вятско-пермскому тракту, но находится не у самаго тракта, а примѣрно въ одной верстѣ отъ него ниже возвышенія, называемаго *Красной горой*, подъ которой протекаетъ рѣчка-Чемошурка, впадающая въ рѣку Чепцу (около полуверсты отъ тракта). Если вы пойдете вверхъ по теченію рѣчки Чемошурки — придете въ логъ; вотъ этотъ логъ и есть искусственный ровъ городища, т. е. вырытый человѣческими руками. Городище представляетъ, какъ сказали мы выше, мысъ; оно окружено рвами около двадцати саженъ глубины и столько же ширины отъ одного берега до другаго, и очертаніе его имѣетъ нѣкоторое сходство съ половиной овала, упирающагося вершиной къ юго-западу. Площадь городища пересѣкаетъ перпендикулярно валъ сажени четыре вышиной, столько же шириной и десять длиной. Длина рва отъ носа городища до насыпи около одной версты. Во рву, противъ одного изъ концовъ насыпи, назадъ тому болѣе ста лѣтъ виднѣлся еще входъ въ пещеру и были, какъ помнятъ старики, двери. Второе городище, называемое *Гыркесь-туръ*, имѣетъ ту же форму и находится на той же сторонѣ, въ одной верстѣ отъ Чемошура, саженяхъ въ 30 отъ большой дороги. Проѣзжающій можетъ видѣть его съ дороги. Въ городищахъ этихъ, по преданію, жили вотскіе богатыри-князьки. Въ прежнія времена при воздѣлываніи земли находили тамъ разныя серебряныя вещи: кольца, подковы и проч. но, къ сожалѣнію, находки ни у кого не сохранились. Говорятъ, что въ городищахъ этихъ хранится множество серебряныхъ вещей, а о деньгахъ преданіе умалчиваетъ. Рвы городищъ уже заросли деревьями и по лѣтамъ, какъ говорятъ мѣстные жители, служатъ убѣжищемъ для бродягъ, почему въ жителяхъ иногда поселяютъ страхъ.

---

*) Смотри далѣе, стр. 103 и слѣд.

Такіе вещественные остатки старины, какъ туземные слѣды древности, въ Вотскомъ краѣ раздѣляются на два періода: первый заключаетъ въ себѣ время до водворенія новгородскихъ выходцевъ въ Вятской странѣ и второй—съ основанія ими поселеній. Поломскія городища, какъ полагаютъ нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей, принадлежатъ къ послѣднему. Но не одни вещественные остатки свидѣтельствуютъ о прошедшихъ военныхъ временахъ вотяковъ; есть мѣста и безъ всякихъ валовъ и насыпей, въ которыхъ происходили у вотяковъ стычки съ иноплеменниками.

Такъ около села Полома указываютъ мѣсто битвы Вотяковъ съ татарами, называемое *Бигеръ-гучинъ*. Съ какими татарами имѣли военныя дѣла вотяки—неизвѣстно.

Населенныя вотяками мѣстности въ древнія времена были покрыты дремучими лѣсами, поэтому и памятники старины не могутъ быть многочисленны и таковые преимущественно сосредоточиваются въ Глазовскомъ уѣздѣ, а внутри Сосновскаго края замѣчательныхъ городищъ до сихъ поръ еще не открыто; только близъ камско-воткинскаго завода есть одно городище. Оно находится на правомъ берегу Вотки, при деревнѣ Бродищѣ, получившей названіе, вѣроятно, отъ городища, при которомъ находится деревня. Городище представляетъ возвышенное мѣсто, окруженное съ двухъ сторонъ болотами, а съ другихъ двухъ обнесенное землянымъ валомъ. Оно имѣетъ форму мыса, поднимающагося перпендикулярно на шесть саженъ. Съ рѣки Вотки представляется гора крутая, неудобовосходимая, покрытая кустарникомъ, а съ твердой земли виденъ валъ, идущій тремя грядами. Этотъ окопъ идетъ отъ сѣвера къ югу саженъ на 50, потомъ поворачиваетъ къ востоку и занимаетъ около шестидесяти саженъ. Три земляные вала доселѣ хорошо сохранились; глубина рвовъ между ними одинакова; спускъ въ первый удобенъ, во второй труденъ, въ третій, котораго глубина сажени полторы, весьма труденъ. Площадь возвышенія имѣетъ въ длину и въ поперечникѣ по 70 саженъ. Отсюда видны всѣ заводскія зданія, заводскій прудъ, горы, лѣса и поля, лежащія по теченію рѣки Вотки, неподалеку отъ этого мѣста впадающей въ рѣку Сиву. Слѣды жизни человѣческой на этомъ мѣстѣ совершенно исчезли; самое преданіе о немъ ничего не сохранило; только нѣкоторые изъ заводскихъ старожиловъ говорили, что издревле здѣсь

обитала Чудь бѣлоглазая. Когда былъ основанъ камско-воткинскій заводъ, на этомъ мѣстѣ уже не было слѣдовъ человѣческаго жилища.

Прежде тамъ находили желѣзныя орудія, а назадъ тому около 80 лѣтъ при распашкѣ земли вырыли два топора особенной формы, похожіе на тѣ, какіе работались на заводѣ для американской компаніи.

Къ какому времени принадлежитъ основаніе этого городища, опредѣлить, конечно, трудно. Если дѣйствительно обитала здѣсь, какъ говоритъ преданіе, Чудь, то, можетъ быть, народъ этотъ принадлежалъ къ тѣмъ племенамъ, которыя населяли Хлыновскую область до пришествія новгородцевъ, когда тамъ были уже города Чудскіе, какъ, напримѣръ, Кошкаровъ, гдѣ нынѣ стоитъ городъ Котельничъ. Слово Кошкаръ существуетъ и въ вотскомъ языкѣ (Вотяки—остатокъ Чуди); оно составляется изъ двухъ словъ: кошъ и каръ (кошъ—ступай, убирайся, а каръ—городъ, жилище).

Водворившись послѣ разгрома новгородцевъ въ Глазовскомъ краѣ, вотяки раздѣлились на нѣсколько партій и большая часть ихъ поселилась около рѣки Чепцы. Партіи, которыя были малочисленны, соединились съ другими и такимъ образомъ составились какъ бы отдѣльныя племена и каждое такое племя избравши себѣ князька-батыра, къ мѣсту поселенія избрало свое направленіе. Водворившись на избранныхъ мѣстахъ, для безопасности строили укрѣпленія и таковыя служили резиденціей князьковъ. Князьки ихъ управляли народомъ не деспотически, а какъ бы республиканскимъ порядкомъ, при которомъ старшиною былъ батыръ. Въ случаѣ нападенія иноплеменниковъ взяться за оружіе обязанъ былъ каждый мужчина, и при этомъ племя племени помогало какъ сосѣдъ сосѣду; поэтому въ обществѣ у нихъ требовался миръ и согласіе; племя за племя должно было стоять горой и обида единоплеменника считалась обидой брата.

Въ мирѣ и согласіи каждый сознавалъ ту пользу, что при нихъ всякія невзгоды переживаются легче и всякая опасность со стороны враждебныхъ племенъ общими силами отражается легко: напротивъ, несогласіе, вражда бываютъ причиною общихъ бѣдствій. Такъ понимали вотяки, вытѣсняемые новгородскими выходцами изъ Хлыновской области и поселившіеся въ глухихъ мѣстахъ, удален-

ныхъ отъ народовъ болѣе развитыхъ; да и не должны были понимать иначе, когда положеніе ихъ требовало мира и согласія. Вотъ поэтому и сложился у нихъ такой характеръ, какой видимъ въ нихъ теперь, и основная черта котораго миролюбіе, а отсюда уживчивость въ многочисленной семьѣ. Это видимъ особенно тамъ, гдѣ нѣтъ еще среди ихъ русскихъ и, слѣдовательно, гдѣ послѣдніе не могли еще повліять на нихъ ничѣмъ. Напротивъ, всмотритесь въ жизнь Вотяковъ тѣхъ селеній, гдѣ живутъ съ ними и русскіе — и вы увидите совершенно другое, уже несвойственное миролюбивому характеру: семейства малочисленны, прежняго миролюбія уже нѣтъ, словомъ—черты характера совершенно иныя. А что тому причиной? вліяніе русскихъ, которые вращаются среди и около нихъ. Гдѣ нѣтъ русскихъ, тамъ нѣтъ и пороковъ, противоположныхъ миролюбію, напримѣръ: ссоръ, буянства отъ пьянства, вражды и воровства, не услышите и сквернословій отъ вотяка; не увидите тамъ и нищаго, протягивающаго къ вамъ руку за подаяніемъ, что для вотяка составляетъ позорное ремесло—тунеядство. Только въ религіозномъ отношеніи русскіе глумленіемъ надъ вѣрованіями вотяковъ заставляютъ нынѣ забывать нѣкоторые чисто-языческіе обычаи.

Родоначальники вотскаго народа. Сначала вотяки населяли Вятскую страну, а потомъ, когда вытѣснили ихъ изъ Вятской страны русскіе, они начали селиться въ Глазовскомъ уѣздѣ. Между ними особенно замѣчателенъ былъ въ описываемой нынѣ авторомъ странѣ Бехтеміръ, который стремился со своими единоплеменниками къ рѣкѣ Камѣ, съ цѣлью переправиться за эту рѣку. Бехтеміру сопутствовалъ богатырь Идна̀ (Идна̀—батыръ). Когда отъ русскихъ не стало житья, Бехтеміръ удалился въ нынѣшнюю Шарканскую сторону, а богатырь Идна̀ остался около нынѣшняго села Банезини Глазовскаго уѣзда. Иные смѣлые, притомъ сильные и богатые переѣхали на житье за Каму. Шарканская же сторона, которая входитъ въ Сосновскій край, оставалась ненаселенною.

Въ одно время понадобились царю солдаты, а солдатъ въ тѣ времена набирали не такъ, какъ нынѣ: кого могли поймать, того и дѣлали солдатомъ. Въ это страшное для вотяковъ время былъ за Камой - рѣкой, между прочимъ, одинъ здоровый, крѣпкій тѣлосложеніемъ вотякъ, Ожмѐгъ, изъ племени сурьмы. Вдругъ

до ушей его дошла молва, что солдатчины не миновать и ему, такъ какъ солдатъ начали набирать изъ племени сурьмы. Что дѣлать? Этотъ животрепещущій вопросъ въ нѣсколько минутъ разрѣшаетъ ворожецъ Тунò, который говоритъ, что ему, Ожмегу, нужно, не теряя времени, переправиться за рѣку Каму и тамъ предать себя волѣ судьбы; иначе ему солдатчины не миновать, а солдатчина въ то время была хуже горькой рѣдьки *). И вотъ, вооружившись для безопасности, всѣми нужными орудіями, онъ отправился на перевозъ къ берегамъ рѣки Камы; а на берегу этой рѣки, гдѣ находился перевозъ, стояли перевощики и сторожа; послѣдніе обязаны были хватать всѣхъ бѣглецовъ изъ племени сурьмы. Сторожа спросили его—изъ какого онъ племени? Ожмегъ сказалъ, что онъ изъ племени пупъи; однако перевощики не рѣшались его переправить за рѣку. Ожмегъ, видя приближающуюся опасность, пошелъ по берегу внизъ по теченію рѣки и тамъ нашелъ множество ободранныхъ лыкъ; изъ нихъ сдѣлалъ плотикъ и переправился за рѣку: опасность миновала. Онъ сказалъ себѣ: пусть меня теперь называютъ пупъёй. Слово пупъя происходитъ отъ вотскаго слова «пуппы», что значитъ, въ переводѣ на русскій языкъ, ободранное лыко, т. е. лутошки, какъ ихъ называютъ вообще крестьяне Вятской губерніи. Переплывши Каму, бѣглецъ Ожмегъ за неимѣніемъ хлѣба питался дудками травы *узьы—гумы* **). Пошелъ вверхъ по рѣкѣ Воткѣ, получившей названіе отъ слова «вотякъ», прошелъ около 50 верстъ отъ рѣки Камы и присталъ на ночлегъ. Уснулъ и видитъ во снѣ какого-то человѣка, который говоритъ ему, что онъ, Ожмегъ, долженъ остаться въ этихъ мѣстахъ. Проснулся и началъ размышлять о видѣніи во снѣ. Думалъ долго—и рѣшился поселиться на житье около рѣки Вотки. Выбралъ въ лѣсу удобное для поселенья мѣсто и построилъ шалашъ; назвалъ его *Быдзймъ—куàлъ* и началъ молиться воображаемому божеству *Инвў*. Итакъ онъ живетъ тамъ, около Вотки.

Чрезъ нѣсколько времени онъ пошелъ въ лѣсъ и нашелъ тамъ тропинку. Идетъ по этой тропинкѣ и встрѣчается съ неизвѣстнымъ

*) Туземное выраженіе.

Авт.

**) Трава эта употребляется вотяками какъ капуста во щахъ, а въ сыромъ видѣ ѣдятъ ея дудки. Русскіе называютъ ее *пиканами*, *дѣшлемъ* и *чирсомъ*.

Авт.

человѣкомъ - мужчиной, по одеждѣ вотякомъ. Разговорились; неизвѣстный назвалъ себя Бехтеміромъ, и, между прочимъ, сказалъ, что онъ изъ племени бэня, живетъ отъ жилища Ожмега въ девяти верстахъ на мѣстѣ, называемомъ *Вушъ-пыштьі*. Бехтеміръ предложилъ Ожмегу засватать за себя его дочь. Ожмегъ согласился и пошелъ за Бехтеміромъ; взялъ его дочь и зажилъ. Вотъ эти два вотяка суть *родоначальники* вотскаго народа въ Шарканской сторонѣ Сосновскаго края, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ, которые пришли изъ Малмыжской и Глазовской сторонъ. Отъ Бехтеміра, по словамъ стариковъ, произошло въ Хревичіи 1000 душъ, а отъ Ожмега 500. Въ настоящее время шалашъ Ожмега принадлежитъ вотякамъ деревни Быги, Шарканскаго прихода, какъ племени его. Въ шалашѣ этомъ, сказываютъ, моленье совершается иначе, но какимъ образомъ — неизвѣстно, такъ какъ входъ въ шалашъ во время жертвоприношенія постороннимъ бываетъ недоступенъ. Тамъ хранится будто бы и посуда, и одежда, которыя остались отъ Ожмега. Мѣсто жилища Бехтеміра находится въ полуторы верстахъ отъ починка Ляльмура. Оно болѣе замѣчательно тѣмъ, что не далеко отъ него пролегаетъ древняя Арская дорога. Дорога эта, пролегая по цѣпямъ холмовъ и возвышенностей системы Уральскихъ горъ, идетъ изъ Казани на Ирбитъ чрезъ Сиву. (Это записано со словъ крестьянъ поч. Арланова, Шарканскаго прихода, Павла Михайлова и Петра Иванова).

Изъ разсказовъ вотяковъ извѣстно, что главная резиденція богатырей была въ Балезинскомъ краѣ Глазовскаго уѣзда, преимущественно около нынѣшняго города Глазова. Богатырей у вотяковъ было много, но между ними замѣчателенъ Идна. Другіе богатыри въ то же время служили и князьями, поселившись въ особо-укрѣпленныхъ городищахъ; въ числѣ такихъ городищъ замѣчательны при селѣ Поломѣ Глазовскаго уѣзда два городища, глубина рвовъ которыхъ простирается до 20 саж. Эти городища будутъ описаны въ особой статьѣ.

Про богатыря Идну въ Сосновскомъ краѣ разсказываютъ такъ.

Ихъ было два брата. За Идной была жена вотячка, а за братомъ его меньшимъ — русская. Они ѣздили на Севӧжъ *) стрѣлять

*) Севожъ — перевозъ около устья рѣчки Вотки, какъ полагаютъ вотяки, но тамъ нынѣ никакихъ перевозовъ нѣтъ. *Авт.*

стрѣлами и ловить въ ловушки—пижны—клестовъ. Около Севожа жили русскіе, враждовавшіе съ вотяками. Вотскіе богатыри, въ томъ числѣ и Идна, ѣздили, между прочимъ, на Севожъ и для развѣдыванія о закамскихъ вотякахъ, съ цѣлью защиты ихъ въ случаѣ притѣсненія русскими. Ѣздили они весьма быстро на хорошихъ богатырскихъ коняхъ, такъ что взятый изъ печи при отъѣздѣ и положенный за пазуху горячій хлѣбъ по пріѣздѣ на Севожъ еще не простывалъ. Итакъ, братъ Идны пріѣхалъ на Севожъ. Туда же въ одно время пріѣхали и русскіе съ своимъ богатыремъ.

— «Дома ли братъ твой Идна!» спрашиваетъ русскій богатырь брата Идны.

— «Дома»—отвѣчаетъ тотъ.

— «Давно ли ты изъ дому?»

— «Недавно»;—и въ доказательство справедливости своихъ словъ вынимаетъ изъ-за пазухи теплый хлѣбъ, испеченный дома его женой.

— «Скажи Иднѣ, что мы пріѣдемъ къ нему въ гости *); пусть насъ ждетъ»; и при этомъ назначили время, когда ихъ долженъ встрѣтить Идна.

— «Ладно, скажу»—отвѣчаетъ братъ Идны.

Наловивши клестовъ, братъ Идны вернулся домой и передаетъ брату слова русскаго богатыря.

Въ назначенный день Идна приготовился ко встрѣчѣ *гостей* и дожидается. Ждалъ, ждалъ Идна—богатыря нѣтъ. Разсердился онъ на своего брата и убилъ его. Между тѣмъ русскій богатырь съ своей дружиной уже велъ военный совѣтъ за рѣкой - Чепцой, чрезъ которую былъ, такъ называемый, поплавной мостъ, утвержденный на перекладинахъ. Жена брата Идны, вдова, узнала, что русскій богатырь находится за Чепцой и ведетъ тамъ совѣтъ съ своей дружиной. Вотъ она изъ мести къ Иднѣ рѣшилась предать убійцу русскому богатырю, и, улучивъ время, ушла къ богатырю и сказала, что воевать съ Идной ему и думать нечего: онъ на конѣ летаетъ какъ орелъ, силенъ какъ медвѣдь, хитеръ какъ чертъ и что кони его одинъ другаго лучше. Если имъ хочется погубить его — надо подпилить

---

*) «Пріѣхать въ гости» значило тогда у богатырей—пріѣхать воевать, а у разбойниковъ—пріѣхать грабить. *Авт.*

ночью перекладины поплавного моста — и дѣлу конецъ: тутъ онъ и попался; иначе нечего и думать съ нимъ сражаться. Они такъ и сдѣлали: ночью подпилили перекладины моста и убрались отъ него. Идна, жаждущій битвы, не спалъ всю ночь. Утромъ, какъ только взошло солнце и разогнало съ луговъ туманъ, онъ сѣлъ на коня-гнѣдка и поскакалъ на встрѣчу русскому богатырю; доѣхалъ до моста — конь остановился; разсердился на гнѣдка и отрубилъ ему голову; вернулся домой—сѣлъ на сивка и поѣхалъ; по мосту не пошелъ и сивко. Онъ отрубилъ и этому голову и вернулся домой. Взялъ лукъ и стрѣлы, сѣлъ на пѣгаго коня и поѣхалъ. Пѣгій конь какъ только доскакалъ до средины моста—началъ тонуть. Тутъ Идна сказалъ: «пѣганая лошадь только за неимѣніемъ лошади—лошадь». Услыхалъ это русскій богатырь съ своей дружиной и поймалъ Идну. Видя неминуемую смерть, Идна натянулъ лукъ направилъ стрѣлу къ одной изъ горъ близь нынѣшняго села Бемезиля и сказалъ русскому богатырю: гдѣ упадетъ эта стрѣла, тутъ поставьте мнѣ белоди *). Сказавши это, онъ пустилъ стрѣлу; русскіе увидѣли, куда упала стрѣла и замѣтили мѣсто. Убили его русскіе, вынули изъ него внутренности, испекли на горячихъ угольяхъ сердце и печень; потомъ принесли нѣсколько вицъ жимолости—и начали его, Идну, проклинать, говоря: «когда изъ жимолости будутъ дѣлать чурки для пчелъ, тогда у вотяковъ пусть родятся богатыри». Въ заключеніе своихъ словъ съѣли сердце и печень богатыря, а его самого сожгли. Послѣ этого русскіе пошли искать его стрѣлу; нашли ее на горѣ и на мѣстѣ этой стрѣлы поставили столбъ и отправились во свояси.

Прошли вѣка—и столбъ на мѣстѣ стрѣлы все тутъ, но отъ времени ушелъ далеко въ землю.

Съ тѣхъ поръ у вотяковъ не стало богатырей.

Послѣ убійства Идны, мать его удалилась на островъ Заріизъ-шоръ-мучъ. Она носила одежду шелковую, имѣла много посуды золотой и все это взяла съ собой. Удаляясь на островъ, она причитывала слова, но какія были ея слова—припомнить разсказчики не могутъ. (Записано со словъ крестьянъ поч. Арланова, Шаркин. прихода, Павла Михайлова и Петра Иванова).

---

*) Столбъ, служащій памятникомъ. *Авт.*

Въ сказкахъ и легендахъ вотяки своимъ бывшимъ богатырямъ приписываютъ необыкновенную силу и храбрость: говорятъ, что лошадь подъ собой они останавливали на бѣгу, упираясь ногами въ землю; пущенная стрѣла попадала въ цѣль на разстояніи нѣсколькихъ верстъ; на медвѣдей они ходили одни. Впрочемъ, на медвѣдей охотились одни и обыкновенные звѣроловы, въ числѣ которыхъ около села Полома былъ замѣчателенъ Вавило: говорятъ, что на своемъ вѣку онъ убилъ 40 медвѣдей безъ особеннаго труда и опасности; только послѣдній, т. е. сороковой, едва не погубилъ его самого. По повѣрью, съ сороковымъ медвѣдемъ бороться весьма опасно: или человѣкъ съ трудомъ побѣдитъ его, или медвѣдь задеретъ человѣка.

Въ мирное время для развлеченія вотскіе богатыри ѣздили въ Усть-Лекму (по вотски Люкмы-вожъ), отстоящую отъ села Полома въ 113 верстахъ, а отъ Глазова—въ 43, стрѣлять клестовъ (кайсы ыбылыны).

Къ сказкамъ о богатыряхъ присоединились и баснословныя сказанія о кладахъ, находящихся около городищъ богатырей; впрочемъ, клады эти преданіе приписываетъ не богатырямъ, а разбойникамъ, свирѣпствовавшимъ въ вотскихъ краяхъ, и на столько вкоренилась вѣра въ существованіе ихъ, что, желающіе богатства пытались нѣсколько разъ вырыть ихъ, но это не удавалось. Особенно изобилуетъ кладами лѣсъ подъ названіемъ Коркагъ, (домовой боръ), находящійся въ 15 верстахъ отъ села Полома къ городу Глазову у самаго вятско—пермского тракта. Объ этихъ кладахъ мы будемъ говорить особо.

РАЗЛИЧНЫЕ ОБРЯДЫ И ПРИМѢТЫ.

Выживаніе клоповъ. Объ этомъ обрядѣ выживанія домашнихъ паразитовъ авторъ передаетъ какъ очевидецъ. Въ послѣднихъ недѣляхъ великаго поста въ 1885 году у меня въ новой квартирѣ развелось множество клоповъ, противъ которыхъ никакихъ антипаразитовъ я не нашелъ. Клоповъ особенно много было въ кухнѣ около палатей и печи. Въ это время жила у меня старушка-вдова. Старушки, разумѣется, любя тепло, обрѣтаются больше около печей да палатей; такъ и моя старушка находилась больше около этихъ мѣстъ; но клопы, враги сна, по ночамъ заставляли ее переходить съ печи на палати, съ палатей на полъ и вообще не давали спать.

И вотъ вечеромъ въ Лазареву Субботу она вернулась отъ вечерни и передаетъ мнѣ радостную для нея новость.

— Клоповъ, говоритъ она, можетъ выжить церковный сторожъ Шаркинской церкви, вотякъ Емельянъ, который, между прочимъ, сказалъ, что у него тоже было множество клоповъ, но онъ, наученный знахаремъ, ихъ выжилъ мигомъ и теперь ни одного клопа въ домѣ его не найдешь. Только, говоритъ онъ, надо идти къ вамъ очень рано утромъ въ Великій Четвертокъ, поймать нѣсколько штукъ клоповъ, бросить ихъ въ рѣчку—и дѣлу конецъ: чрезъ нѣсколько времени клопы всѣ выйдутъ изъ избы.

— Ладно, сказала я, выживи—хозяинъ тебя угоститъ виномъ. —Выжить клоповъ—мое дѣло, отвѣтилъ онъ и прибавилъ: приготовь только небольшой дѣтскій колоколецъ, бѣлую холщевую тряпку, бадожокъ—и жди меня утромъ рано.

Старушка на другой же день приготовила все нужное, поймала нѣсколько живыхъ клоповъ, спустила ихъ въ склянку и заткнула пробкой.

Пришла ночь на Великій Четвертокъ; небо одѣлось темнотою, какъ чернымъ покрываломъ. Я вышелъ на улицу и сталъ у воротъ; но вышелъ я не просто подышать свѣжимъ воздухомъ, а прямая цѣль моя была—послушать, какъ будутъ стрѣлять вотяки изъ ружей, чтобы навести страхъ на колдуновъ, шайтановъ и на всю нечистую силу, которая, по повѣрью вотяковъ, ходитъ въ эту ночь вездѣ около людей. Вездѣ царствовала мертвая тишина, какъ будто вся деревня была заколдована, заключенная въ крѣпкія узы сна. Огней въ избахъ не было нигдѣ. На небѣ горѣли миріады яркихъ звѣздъ, напоминающихъ собой люстру со множествомъ зажженныхъ въ церкви во время всенощной свѣчей. Воздухъ былъ такъ неподвиженъ, что во все время моего стоянія у воротъ ни однажды не обдалъ мое лицо холодкомъ вѣтерокъ. Вдругъ гдѣ-то въ деревнѣ раздался выстрѣлъ изъ ружья:.. за нимъ въ тоже мгновеніе повторился другой... третій—и опять все смолкло. Простоявши еще нѣсколько минутъ, я зашелъ въ избу. Чрезъ полчаса и у меня въ комнатахъ водворилась полнѣйшая тишина.

Утромъ рано, какъ только начало разсвѣтать, я проснулся, но проснулся не добровольно, какъ обыкновенно просыпается выспавшійся человѣкъ: меня разбудилъ скрипъ дверей, легкая

стукотня и т. п. звуки, доносившіеся изъ кухни... Я сталъ вслушиваться; но при всемъ напряженіи органовъ слуха, что за стукотня въ кухнѣ—я не могъ понять. Вдругъ моя комната освѣтилась и предо мной, въ сопровожденіи старушки, явился Емельянъ, обѣщавшійся выжить клоповъ, и начали они искать что-то около стѣнъ.

— Чего вы ищете? спросилъ я старушку, озадаченный страннымъ исканіемъ ихъ около щелей стѣны, а о клопахъ, признаться, я и забылъ.

— Ищемъ клоповъ, да не можемъ найдти, отвѣтила старушка, продолжая шарить въ щеляхъ и въ моху.

— Клоповъ не можете найдти?! повторилъ я слова старушки съ удивленіемъ, зная, что около печи и палатей клоповъ водится множество.

— Да, не можемъ, былъ опять отвѣтъ старушки.

— Теперь трудно ихъ поганыхъ найдти, проговорилъ Емельянъ и прибавилъ: они узнали, канальи, что я зашелъ выживать ихъ и скрылись.

— Можетъ ли быть, чтобы не нашлись клопы? сказалъ я знахарю Емельяну и соскочилъ съ постели, чтобы *набрать* сколько имъ угодно клоповъ, которые съ вечера около стѣнъ ползали какъ тараканы или, какъ называютъ ихъ вотяки, красныя пшенички. Но представьте себѣ мое удивленіе, когда я подошелъ съ огнемъ къ щелямъ! Не только множества, но и одного клопа не нашелъ. Между тѣмъ знахарь Емельянъ все твердилъ: «ахъ, поздно! не будетъ толку... Свѣтло, не выжить теперь». Искали, шарили вездѣ—нашли двѣ штучки такихъ пузатенькихъ отъ старушечьей крови, какъ настоящія ягодки травы-костяницы; вѣроятно они отъ своей полноты уже были не въ силахъ скрыться отъ Емельяна въ своихъ убѣжищахъ.

— Не достаетъ еще одного — сказалъ Емельянъ, продолжая шарить въ щеляхъ то лучинкой, то проволокой отъ своей трубки.

— Скрылись, падины! издохнуть бы всѣмъ вамъ! — ворчала старушка.

Вотъ Емельянъ нашелъ еще одного, тощаго отъ долговременнаго голода клопа и говоритъ:

— Довольно! будетъ теперь,—и съ этими словами ушелъ къ столу, на которомъ лежали: тряпка, колоколецъ и бадожокъ, и сталъ завязывать клоповъ въ тряпку.

Всѣ поступки его при этомъ мнѣ показались до того странными и смѣшными, что я невольно разразился хохотомъ.

— Зачѣмъ смѣешься? Самъ говоришь: «ненадо клоповъ», а смѣешься,—замѣтилъ мнѣ знахарь, посмотрѣвши на меня не особенно дружелюбно.

Вотъ онъ тряпку съ тремя клопами привязалъ къ концу бадожка, а пониже тряпки привязалъ небольшой мѣдный колоколецъ.

— Говорить что будешь? спросилъ я знахаря.

— Буду не буду—знаю самъ, отвѣтилъ онъ неохотно, но съ важностію знахаря.

— Куда же ты ихъ унесешь? опять осмѣлился я спросить его.

— На рѣку; только будетъ ли толкъ? Ты смѣялся, да и на улицѣ уже свѣтло. Ну, попробуемъ.

Сказавши это, онъ сѣлъ верхомъ на бадбжокъ, преобразивъ его въ коня, а себя въ всадника, и пошелъ изъ избы, распѣвая вотскую свадебную пѣсенку: дуй, дуй, дуй! и проч. Вотъ онъ вышелъ изъ воротъ и скрылся подъ горой, гдѣ протекаетъ небольшая рѣчка. Но что онъ дѣлалъ тамъ—осталось для меня неизвѣстнымъ. Пришла святая недѣля—клоповъ, напротивъ, стало у меня больше.

Однажды на Ѳоминой недѣлѣ знахарь этотъ зашелъ ко мнѣ видимо за угощеніемъ за свои труды по выживанію клоповъ.

— Нѣтъ, Емельянъ, обратился я къ нему: сколько ты не пѣлъ «дуй! дуй!» клоповъ всетаки не выдулъ.

— Погоди ужò, не скоро, будетъ время — выйдутъ всѣ. Если не выйдутъ — значитъ силы не стало: ты смѣялся и на улицѣ было свѣтло; а надо такъ, чтобы лишніе и не смотрѣли, не только не смѣялись, и на улицѣ было бы только, какъ въ сумеркахъ.

— Вотъ доживу до слѣдующаго Великаго Четверга—и выживу всѣхъ, сказалъ мнѣ недавно знахарь Емельянъ, встрѣтившись со мной случайно.

— Ну, будемъ ждать! отвѣтилъ я ему.

Предразсудки о болѣзняхъ. Если кто захвораетъ въ семействѣ, тотъ во все время болѣзни, до выздоровленія, лежитъ въ одномъ

бѣльѣ, въ которомъ постигла его болѣзнь, отчего около больнаго заводится множество паразитовъ, которые, къ довершенію страданій больнаго, щекотятъ его безпрестанно, отнимая потребный для здоровья сонъ; волосъ больному не расчесываютъ, не водятъ его въ баню, золу изъ печи не выгребаютъ, пола не моютъ. Если этого не исполнять, то, говорятъ, больному будетъ еще хуже, или захвораетъ въ семействѣ кто нибудь другой. Автору этого описанія случилось однажды квартировать въ отдѣльной избѣ вотяка села Сосновки. Въ семействѣ хозяина квартиры захворала женщина и лежала уже третью недѣлю. Жена квартиранта, не зная о ихъ предразсудкахъ, во время отлучки хозяевъ изъ дому, выгребла изъ печи золу для щелока на стирку бѣлья. Хозяева узнали это, но сначала ничего не сказали; когда же захворалъ въ семействѣ мальчикъ, причину его болѣзни свалили на квартиранку: «эхъ ты, Ивановна ненадо бы трогать золу: вотъ ужь другой захворалъ!»

Примѣты. Если отправляешься въ дорогу и перейдетъ чрезъ нее женщина, воротись: счастья не будетъ. Если куда отправляешься и пойдетъ дождь—къ счастью. Курицы, бродящія по двору въ сумеркахъ и ночью, предвѣщаютъ несчастье. Если осенью на деревьяхъ останутся листья, будетъ годъ тяжелый. Небо, ясное въ ночь на Великій Четвертокъ, означаетъ годъ хорошій. Конецъ міру будетъ тогда, когда кончики ушей у зайца не будутъ черны. На то мѣсто, гдѣ прежде была дорога, строеніе не ставь: будетъ несчастье. Бревенъ, назначенныхъ для постройки мельницы, не употребляй въ постройку избы и надворныхъ строеній: будетъ несчастье. Въ новый домъ переходи ночью. Если больной смотритъ на пальцы, или лежитъ лицомъ къ стѣнѣ—умретъ. Если заблудишься въ лѣсу и увидишь корову, ступай за ней: она выведетъ, а за лошадью не ходи: не выведетъ. Курица поетъ пѣтухомъ — не къ добру. Кто внезапно гдѣ нибудь услышитъ свое имя, будто зовутъ его, тотъ до трехъ разъ не долженъ откликаться — иначе умретъ. Собака воетъ, будетъ покойникъ. Если сядетъ воронъ на домъ — будетъ покойникъ. Если встрѣтятся на одномъ мѣстѣ въ передній и обратный путь двое, одинъ изъ нихъ умретъ. Въ избѣ не свисти: будетъ пуста. Если весной въ первый разъ услышишь натощакъ пѣніе кукушки—будешь цѣлый годъ бѣденъ хлѣбомъ.

Значеніе первой рюмки. Посѣщая дома вотяковъ Сосновскаго

края съ цѣлью ознакомленія съ ихъ бытомъ и обычаями, я не обращалъ вниманія на то, что, угощая гостя кумышкой, они первую рюмку всегда выпиваютъ сами. Впрочемъ, дѣло не въ томъ, что первую рюмку выпиваетъ самъ хозяинъ—это ведется и у русскихъ какъ обычай, освященный временемъ,—а вотъ въ чемъ: если знакомая вамъ женщина-вотянка вынесла изъ своего потайнаго мѣста бутылку съ кумышкой для угощенія васъ, то, наливши кумышки въ рюмку, сначала поднесетъ, если нѣтъ мужа или кого нибудь взрослыхъ, ребенку мужескаго пола; если же и его нѣтъ—непремѣнно нѣсколько капель отопьетъ сама. Значеніе первой рюмки объяснили мнѣ такъ:

— Подать сначала чужому—значитъ отдать ему свое счастье, семейное согласіе.

— А развѣ въ кумышкѣ счастье? спросилъ я.

— Положимъ не въ кумышкѣ, да кумышка на время даетъ человѣку веселье, побѣждаетъ тоску и печаль; слѣдовательно, напитокъ этотъ служитъ человѣку какъ бы благодѣтелемъ, дающимъ веселье, а счастье заключается въ весельи. Подать такой напитокъ чужому, какъ говорятъ у насъ, значитъ отдать ему счастье.

Кумышка у вотяковъ находится въ распоряженіи женщинъ; поэтому, если дома только мущины, гость и не долженъ думать, что его угостятъ кумышкой; такъ равно не думай и о томъ, что кумышкой будетъ угощать самъ хозяинъ,—этого у нихъ нѣтъ; угощать будетъ васъ изъ своихъ рукъ непремѣнно жена хозяина или его дочь. Если вы желаете отъ хозяина заслужить хорошее мнѣніе о себѣ—положите на правый рукавъ угощающей кумышкой какую нибудь мѣдную монету, и это будетъ для нихъ благодарностью отъ гостя; а для бо́льшаго эффекта вбейте въ столъ ихъ серебряную монету копѣекъ въ 10 и они, исполненные благодарности, запотчуютъ васъ чѣмъ могутъ, какъ самаго дорогаго гостя.

Разсказы.

Знакомство мельника съ Ву-Муртомъ. Зналъ я одного мельника лѣтъ около пятидесяти. Вотъ ужъ былъ человѣкъ дошлый такъ дошлый! Ужъ какіе кӯдеси (фокусы) онъ не дѣлалъ! Сидитъ, бывало, въ гостяхъ да вдругъ захочетъ пошумѣть—показать свое

знаніе людямъ,—и пустить въ избу воду. Всякъ взбирается на лавки, на палати и смотритъ — ждетъ, что будетъ дальше. Конечно кудесникъ только обманываетъ глаза: чрезъ минуту, другую опять въ избѣ будетъ сухо. Это еще ничего; а вотъ что диво я вамъ скажу: захочетъ, бывало, онъ отдохнуть—и уйдетъ въ прудъ отдыхать. Однажды онъ былъ пьяненькій, веселенькій и говоритъ знакомцу своему съ улыбкой: «не хочешь ли идти со мной къ Ву-Мурту?»—«Ой, что ты говоришь! Къ Ву-Мурту? избави Богъ и видѣть его», отвѣчаетъ ему знакомый. «Ничего,—только ничего не говори, стой какъ будто тебя и нѣтъ». Знакомый не согласился. Въ другой разъ, когда они выпили довольно вина и въ головѣ у знакомаго зашумѣло, онъ согласился идти къ Ву-Мурту. Стали у берега пруда и мельникъ говоритъ своему знакомому: «если ты увидишь большихъ и страшныхъ рыбъ, пальцемъ на нихъ не указывай: будетъ плохо».—«Ладно, говоритъ знакомый, что велишь, то и буду дѣлать». Зашли въ прудъ и около нихъ не стало воды, какъ будто идутъ они въ пузырѣ. Сквозь пузырь видно, какъ плаваютъ около нихъ большія рыбины съ открытыми ртами. Вотъ зашли въ избу Ву-Мурта и тамъ дочери его мажутъ себѣ глаза какою-то мазью изъ бутылки; вымазали и ушли куда-то, а бутылку забыли взять. Мельникъ съ Ву-Муртомъ ушли въ другую комнату, а онъ, знакомый мельника, взялъ изъ бутылки мази да и вымазалъ ею одинъ глазъ. Мельникъ съ Ву-Муртомъ вышли. Мельникъ говоритъ своему знакомому: «закрой, братъ, глаза»! Онъ закрылъ... Потомъ чрезъ нѣсколько минутъ опять велѣлъ открыть. Открылъ и чтоже? они стоятъ на берегу прудка.

Чрезъ нѣсколько времени знакомому мельника случилось ѣхать на Нижегородскую ярмарку за товаромъ. Идетъ онъ по базару и вдругъ встрѣчается съ Ву-Муртомъ, у втораго былъ онъ съ мельникомъ.—А, знакомый, здравствуй! сказалъ знакомый мельника, увидѣвъ Ву-Мурта.—Какъ ты меня узналъ?—спрашиваетъ его Ву-Муртъ.—Узналъ вотъ этотъ глазъ — говоритъ онъ Ву-Мурту, указывая на тотъ глазъ, который помазалъ мазью. Ву-Муртъ, ничего не говоря, подошелъ къ нему, вырвалъ тотъ глазъ и скрылся. Такъ и окривѣлъ знакомый мельника; а все проклятый мельникъ виноватъ. (Разсказъ этотъ услышанъ отъ работника Петра въ Большепургинскомъ приходѣ).

По повѣрью жителей, безъ Ву-Мурта не проходитъ ни одна порядочная ярмарка. Ву-Мурта узнаютъ по мокротѣ лѣваго бока. Онъ празднуетъ свадьбу шумно, такъ что, по разсказамъ Алексѣя Павлова, крестьянина Сосновскаго прихода, прорываетъ водой самыя крѣпкія плотины, чтобы перебраться къ низу мельницы.

Разсказы о кладахъ. *При деревнѣ Нижнихъ Коварахъ* есть прозрачный ключъ, «а въэтомъ ключѣ есть проклятый кладъ», говорятъ вотяки; кладъ этотъ нѣкоторымъ дается и безъ исполненія завѣта, да расходовать его нельзя: человѣка вертитъ какъ колесо, крутитъ какъ нитку.

Одинъ вотякъ лѣтомъ искалъ лошадей и долженъ былъ проходить мимо этого ключика. День былъ жаркій, и вотякъ, томимый жаждою, подошелъ къ ключу напиться. Пьетъ онъ воду и видитъ на днѣ ключа что-то блестящее. Взялъ палку и тычетъ ею въ блестящій предметъ; предметъ оказался серебряной монетой. Поковырялъ палкой на днѣ и тамъ оказалось множество серебряныхъ монетъ. Поднялъ рукавъ платья и собираетъ денежки... денегъ цѣлый мѣдянникъ. Взялъ онъ мѣдянникъ и унесъ домой; спряталъ деньги и женѣ не сказалъ, а они съ женой жили не очень дружно. Вдругъ черезъ трое сутки вотякъ захворалъ и такъ сильно, что на выздоровленіе не было и надежды. Передъ смертью сталъ ему грезиться кладъ и онъ, позвавши жену, велитъ ей унести мѣдянникъ съ деньгами обратно въ ключъ; а жена рада деньгамъ—мужа не любила.—«Пропадай ты, не больно тебя и нужно», думаетъ въ себѣ его жена и ждетъ смерти мужа. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого вотякъ умеръ. Похоронила жена мужа и захворала сама. Болѣзнь достигла такой степени, что выздоровленіе казалось невозможнымъ. Вспомнила больная о кладѣ и велитъ сыну отнести его на ключъ. Сынъ послушался матери—и мать поправилась здоровьемъ.

Взялъ ли кто этотъ кладъ и расходуетъ ли на свои нужды — никто ничего не знаетъ. Нѣкоторые толкуютъ, что онъ опять спрятался до своего времени, такъ какъ иные клады показываются по срокамъ. Если бы, говорятъ одни, исполнить завѣтъ, съ которымъ положены деньги, то кладомъ можно бы пользоваться, но завѣтъ неизвѣстенъ. Другіе заключаютъ, что деньги эти проклятые; не только пользоваться ими, но и держать ихъ въ домѣ нельзя: кладъ накличетъ на живущихъ въ домѣ всякое несчастье. (Василій Петровъ Фроловъ).

*

На Кыквинскомъ полѣ. Этотъ кладъ уже найденъ. Любопытенъ разсказъ о нахожденіи его. Старики передавали, что подъ межой на Кыквинскомъ полѣ есть кладъ и что онъ по временамъ кажется горящей свѣчкой. Одинъ мѣстный вотякъ во что бы то ни стало рѣшился достать его; и сталъ онъ по ночамъ ходить на межу—караулить кладъ. Пришла овсяная страда, какъ называютъ въ деревняхъ то время, въ которое уже жнутъ овесъ. Ушелъ онъ однажды, ночью, на межу и сидитъ—ждетъ, не покажется ли кладъ. Вдругъ показался огненный шаръ изъ синяго огня и покатился къ вотяку... Не докатившись до него, поднялся кверху и опять упалъ, а тутъ сдѣлался мѣшечкомъ съ серебромъ. Взялъ вотякъ мѣшечекъ и ушелъ. (Василій Фроловъ).

Въ деревнѣ Кыквѣ. Говорило преданіе, что у воротъ двора одного Кыквинскаго вотяка хранится котелокъ съ деньгами. Завѣтомъ, будто бы, требуется одна человѣческая голова, т. е. для того, чтобы взять кладъ, надо убить одного человѣка. Одинъ сосѣдъ того вотяка, у воротъ котораго находился кладъ, ночью рѣшился копать кладъ. Это было лѣтомъ; ночью тогда было не очень темно. Копалъ, копалъ вотякъ (звали его Иваномъ)—и выкопалъ котелокъ съ серебряными монетами. Смотритъ въ котелокъ и видитъ серебро; а возьметъ въ руки—гальки. «Что за диво!» думаетъ вотякъ: «въ землѣ онѣ деньги, а на рукахъ—гальки». Однако наклалъ онъ галекъ въ полу платья и хотѣлъ было уйти. Вдругъ кто-то съ крыши кричитъ ему: «что ты дѣлаешь?» Иванъ испугался и, высыпавши гальки обратно въ яму, поспѣшно зарылъ и ушелъ домой. Легъ спать онъ и думаетъ о кладѣ. Явился къ нему сѣдой старикъ и говоритъ: «зачѣмъ, Иванъ, ходилъ безъ подарка (просилъ, видно, онъ человѣка); смотри, въ другой разъ такъ не дѣлай». И старикъ исчезъ какъ дымъ. Ивана стала трясти лихорадка и онъ пролежалъ въ ней двѣ недѣли. (Василій Петровъ Фроловъ, села Шаркана).

Въ поч. Локошурѣ. При починкѣ Локошурѣ есть возвышенное мѣсто, называемое мѣстными жителями горой. Тамъ, по преданію, въ старину виднѣлись двери, ведущія въ пещеру, а нынѣ уже онѣ отъ времени ушли въ землю и заросли травой. На этой горѣ, по временамъ, являлось привидѣніе въ видѣ вооруженнаго разбойника. Однажды нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей обратились къ

искусному ворожцу погадать на чемъ нибудь о кладѣ, и ворожецъ, погадавши, сказалъ, что кладъ дѣйствительно есть въ горѣ, что онъ скрытъ людьми Пугачева. Взяли самого ворожца и пошли копать. Копали, копали — докопались до бревенчатаго потолка на глубинѣ одной сажени. Разобрали потолокъ и тамъ—пещера, а въ ней лежитъ бочка; на бочкѣ же, навалившись спиной, стоитъ полулежа мертвый разбойникъ. Ворожецъ погадалъ и говоритъ: «кто бочку скатитъ съ мѣста и мертвеца не уронитъ, того и сокровище, находящееся въ бочкѣ; если же разбойникъ упадетъ, то тотъ, кто скатитъ бочку — умретъ. Это и есть завѣтъ, съ которымъ скрытъ кладъ». Скатить бочку никто не согласился, такъ какъ, не трогая мертвеца, скатить ее было нельзя, потому что мертвецъ держался только на бочкѣ; слѣдовательно, чтобы упасть мертвецу, стоило только шевельнуть бочку. Заклали пещеру обратно и зарыли по прежнему. Толкуютъ теперь, что кладъ черезъ нѣсколько времени выйдетъ самъ. (Василій Петровъ Фроловъ).

Около Тыловая и Русскихъ Алчей. Около этихъ селеній у болота есть мельница. Тамъ, во время оно, когда были большіе лѣса, существовалъ притонъ разбойниковъ. Разбойники были такіе знатоки, что придутъ въ клѣть — никто ихъ не слышитъ. Жили они, грабили людей и награбленныя деньги зарыли въ землю у нынѣшней мельницы. Нѣкоторые обращались къ ворожцу и ворожецъ сказалъ, что завѣтомъ требуется своя голова, т. е. чтобы получить кладъ, надо положить свою голову. О количествѣ денегъ говорятъ, что ими можно уплатить подати столько, сколько потребно съ одной волости за три половины, т. е. за полтора года. (Поч. Тубаншура, Петръ Барановъ).

Въ лѣсу между поч. Сюрзей и Сыльшуромъ, въ трехъ верстахъ отъ дороги, идущей въ село Зюзино. Деньги зарыты разбойниками и ворами давнымъ давно, когда не было еще около этого мѣста людскихъ жилищъ. Разбойники не отличались жестокостью, а только посредствомъ колдовства усыпляли людей. Денегъ достаточно уплатить одной волости въ подати за два года. (Петръ Барановъ).

Въ четырехъ верстахъ отъ деревни Кыквы, Шарканской волости, между дорогами въ село Дебесы и Зюзино, въ лѣсу Шарканской казенной дачи есть три ямы, вырытыя, вѣроятно, разбойниками для храненія своихъ денегъ; тутъ было у нихъ убѣжище. Они награ-

били денегъ столько, что достаточно ихъ вносить въ подати и повинности за весь Сарапульскій уѣздъ пять лѣтъ. Награбивши такую сумму денегъ, зарыли ихъ и положили завѣтъ, что деньги возьметъ только тотъ, кто положитъ туда 100 головъ человѣческихъ. Вѣря такому преданію, два русскихъ мужика починка Тубоншура, Акимъ и Ѳедоръ, лѣтомъ 1885 года, ходили туда съ заступами копать кладъ и результатъ, со словъ ихъ самихъ, получился такой: пришли они на мѣсто и одинъ спустился въ яму съ желѣзнымъ щупомъ *), а другой остался на берегу. Щупалъ одинъ и въ одномъ мѣстѣ, на глубинѣ около одного аршина, выщупалъ что-то подозрительное; тычетъ онъ щупомъ... предметъ, находящійся въ землѣ, издаетъ звуки похожіе на звуки отъ сундука... Онъ заключилъ, что это сундукъ съ деньгами разбойниковъ. «Вотъ счастье!» думаетъ онъ: «деньги достаются безъ человѣческихъ головъ». Въ невыразимомъ восторгѣ онъ зоветъ товарища: «айда, братъ Акимъ, копать: здѣсь деньги; соскакивай скорѣе въ яму— надо вынимать пока свѣтло». Какъ сказалъ онъ это—сундука подъ щупомъ не стало: его мѣсто заняла обыкновенная земля. Радость смѣнилась огорченіемъ и они ушли домой. За это они получили прозвище кладоискателей. (Петръ Барановъ).

Въ Тубоншурѣ (Зюзинской волости, Шарканскаго прихода) во дворѣ крестьянина Филиппа. Когда пріѣхалъ Филиппъ жить въ починокъ Тубоншуръ и поселился на занимаемомъ имъ мѣстѣ, дошла до ушей его молва, что во дворѣ его есть кладъ. Чтобы вѣрнѣе удостовѣриться, онъ обратился къ ворожцу (онъ и ворожецъ— русскіе), чтобы послѣдній поворожилъ, дѣйствительно ли тутъ кладъ. Ворожецъ, подтвердивши слова молвы, указалъ мѣсто нахожденія клада. Однажды двое изъ деревенскихъ мужиковъ съ участіемъ Филиппа копали кладъ и выкопали коровій рогъ, а въ этомъ рогѣ двѣ золотыхъ монеты. Кто вырылъ рогъ, передалъ его товарищу и сказалъ: «вынимай золотушки!» Принимая рогъ, товарищъ сказалъ слово—и въ землѣ показался сундучекъ. Вырывшій рогъ началъ поднимать сундучекъ. Поднимаетъ сундучекъ кверху — не

*) Щупъ—желѣзная трость толщиною съ дѣтскій палецъ. Названіе свое такая трость получила отъ того, что корчемники съ помощью ихъ прежде искали въ подпольяхъ и въ снѣгу у вотяковъ кумышку.

идетъ... Соскочилъ съ бережка другой, сундучекъ зашумѣлъ и не стало его видно. (Петръ Барановъ).

Въ селѣ Большепургинскомъ на лужкѣ русскаго новожила Алексѣя Шулепова указываютъ на толстую сосну, говоря, что подъ ней хранится много денегъ, но о завѣтѣ никто не говоритъ. Если опредѣлить этой соснѣ лѣта по слоямъ, то ей, по крайней мѣрѣ, не менѣе 300 лѣтъ. (Иванъ Головковъ, села Большепургинскаго).

Выше въ отдѣлѣ «Исторія Вотяковъ и Князьковъ ихъ» мы упомянули о кладахъ въ „*Корка-ягѣ*" за селомъ Поломомъ. Теперь, кстати, скажемъ о главнѣйшихъ изъ нихъ. По сказкамъ, въ этомъ лѣсу скрыто несмѣтное число золота и серебра въ бочкахъ, боченкахъ и сундукахъ.

Съ лѣвой стороны Корка-яга пролегаетъ дорожка къ круглому озеру въ двухъ верстахъ отъ тракта. Въ этомъ озерѣ, по сказу крестьянина села Полома Николая Орлова, находятся на желѣзной цѣпи двѣ сорокаведерныхъ бочки: одна — съ золотомъ, другая — съ серебромъ. Бочки, по дѣйствію нечистой силы, по временамъ всплываютъ вверхъ, что видали, будто бы, нѣкоторые изъ случившихся въ это время у озера. Завѣтъ при этомъ кладѣ таковъ: кто принесетъ къ озеру сто головъ человѣческихъ, тотъ и возьметъ деньги. Второй кладъ у этого же озера въ угорѣ (холмикѣ). Объ этомъ Николай Орловъ передалъ намъ такъ: «случалось», говорилъ Орловъ, «покойному отцу моему проходить мимо означеннаго мѣста. Идетъ онъ и вдругъ видитъ у ногъ большой мельничный жерновъ; подошелъ къ нему; осматриваетъ и говоритъ: «хорошо бы этотъ жерновъ унести домой». Сѣлъ на жерновъ отдохнуть; отдохнулъ и пошелъ обратно. Обернулся назадъ — жернова уже нѣтъ. Тогда только и узналъ онъ (отецъ Орлова), что это былъ кладъ. Тутъ, сказываютъ, цѣлый сундукъ денегъ—заключилъ Орловъ.

Одинъ искатель кладовъ вырылъ въ Корка-ягѣ, по сказу жителей окрестныхъ селеній, цѣлый сундучекъ съ деньгами, но поднять его не могъ. Что дѣлать? Задумался кладоискатель: если пригласить кого—надо идти въ деревню, а пока ходишь—найдетъ другой и увезетъ, да съ приглашеннымъ надо будетъ еще подѣлиться. Такъ разсуждалъ самъ съ собой кладоискатель у сундука, не зная, что дѣлать съ вырытымъ имъ кладомъ. Вдругъ поднялся сильный вѣтеръ—и явился къ нему лѣшій въ образѣ солдата.

— Что тутъ дѣлаешь?.. Сказалъ лѣшій кладоискателю и далъ ему въ шею тычекъ, и послѣ того не стало видно ни лѣшаго, ни сундучка.

Кладоискатель, вернувшись домой, обратился за совѣтомъ къ ворожцу. Ворожецъ налилъ въ чашку воды, спустилъ туда семигривенный и еще, кажется, уголь и сталъ ворожить. Смотрѣлъ, мотрѣлъ онъ въ чашку съ водой и сказалъ: «деньги будутъ твои: только надо идти туда съ водкой для угощенія лѣшаго, во власти котораго находится кладъ, но надо взять водки не менѣе полведра—лѣшій мало не пьетъ,—а не то онъ разсердится и пошутитъ надъ тобой. Мужикъ на другой же день, по совѣту ворожца, взялъ въ ведерной флягѣ съ горлышкомъ водки, запрегъ свою клячу въ телѣгу и уѣхалъ. Пріѣхалъ онъ къ знакомому мѣсту и, оставивъ клячу на небольшой полянѣ въ сторонѣ отъ клада, пошелъ на мѣсто клада съ флягой. Стоитъ, ждетъ подъ елкой, какъ у моря погоды. Вдругъ въ сильномъ вихрѣ является къ нему лѣшій въ образѣ того же солдата и говоритъ:

— Что тебѣ надо?

— Я пришелъ угостить тебя водочкой—отвѣчаетъ мужикъ.

— За что хочешь угостить?

— Я—человѣкъ бѣдный, нуждаюсь въ деньгахъ. Не дашь ли мнѣ денегъ?

— Бери! былъ отвѣтъ лѣшаго.

У ногъ мужика очутился сундучекъ, окованный желѣзомъ.

— Ну, поднимай, говоритъ лѣшій.

Мужикъ взялся за сундучекъ и поднимаетъ его—сила не беретъ: сундучекъ тяжелъ, какъ свинецъ. Лѣшій смотритъ на него и презрительно улыбается.

— Ишь какъ падокъ на даровыя деньги! бормочетъ себѣ подъ носъ лѣшій.

Мужикъ смекнулъ, что онъ дѣлаетъ не ладно: не угощаетъ лѣшаго водкой. Отомкнулъ онъ горлышко и угощаетъ лѣшаго. Лѣшій тянулъ, тянулъ—чуть не вытянулъ всю водку. Зашумѣло у него въ головѣ и сталъ онъ шутить надъ мужикомъ.

— Ну, гдѣ твоя телѣга? спрашиваетъ лѣшій.

— Вотъ тутъ, на полянѣ, отвѣтилъ мужикъ, указывая пальцемъ на поляну, гдѣ стояла его лошадь.

— Идти или нѣтъ? Не скроется ли кладъ? думаетъ мужикъ.

Лѣшій узналъ думы мужика и говоритъ ему:

— Ступай скорѣе, веди клячу, а не то чрезъ пять минутъ ты простишься съ кладомъ.

Мужикъ побѣжалъ за клячей. Лѣшій безъ него вытянулъ изъ фляги всю водку.

Подъѣхалъ мужикъ ко кладу.

— Хо! хо! хо! захохоталъ вдругъ лѣшій надъ мужикомъ и вдобавокъ свистнулъ такъ сильно, что листья посыпались съ деревъ. Хохотъ же его пронесся по лѣсамъ продолжительнымъ эхомъ; у мужика со страху подсѣклись и колѣни. Лѣшему стало жаль мужика.

— Не трусь, дядя! говоритъ онъ мужику, клади скорѣе сундучекъ въ телѣгу и поѣзжай.

Мужичекъ пыхтѣлъ, кряхтѣлъ надъ сундучкомъ, но не можетъ поднять.

Видитъ лѣшій, что сила у мужика какъ у комара и говоритъ ему: «Эхъ ты тютя! тютя! ты видно мякину ѣшь!» И съ этими словами онъ подошелъ къ сундучку... взялъ его за уголъ одной рукой и поднялъ какъ легкое перышко; положилъ въ телѣгу и говоритъ:

— Ну, ступай да не трусь! Если поднимется буря — залѣзь подъ телѣгу и сиди тамъ до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ буря.

Сѣлъ мужикъ на козлы и поѣхалъ, не оглядываясь назадъ. Вдругъ поднялась такая сильная буря, какой онъ не видывалъ съ роду, и ужасъ объялъ его. Все трещитъ, ломается какъ сухая лучинка, деревья гнутся, листья сыплются... шумъ увеличивается болѣе и болѣе. Жутко! Мужикъ слѣзъ съ козелъ, закрутилъ клячу и залѣзъ подъ телѣгу. Шумъ не перестаетъ. Мужикъ ни живъ, ни мертвъ; волосы поднялись на головѣ какъ щетинки. Перекрестившись, сталъ онъ поминать всѣхъ святыхъ, про которыхъ слыхалъ отъ людей. Вдругъ вѣтеръ утихъ, водворилась тишина. Но гдѣ же сундучекъ? Увы, онъ исчезъ какъ дымъ! Тутъ только и вспомнилъ мужикъ слова лѣшаго, который не велѣлъ ему трусить. Запечалился мужикъ.

— Вотъ тебѣ кладъ! сказалъ мужикъ, почесывая затылокъ. Тютя, такъ тютя и есть я! зачѣмъ надо было мнѣ трусить, когда

самъ лѣшій ве велѣлъ бояться? Можетъ быть еще ничего, но я перекрестился, а нечисть креста не любитъ; лѣшій тоже нечисть, хотя и лопаетъ водку. Издержалъ только послѣднія деньги! Хорошо если бы пилъ самъ, а то не пропустилъ ни глотка... все вылопалъ лѣшій.

Такихъ разсказовъ о продѣлкахъ лѣшаго въ Корка-ягѣ не переслушаешь, и все это, говорятъ, взято изъ приключеній кладоискателей. Для вырытія кладовъ въ Коркъ-ягъ въ старину пріѣзжали русскіе изъ Пермской губерніи, но добывали ли кладъ—неизвѣстно, а вѣрно, что клады дѣйствительно искали, о чемъ свидѣтельствуютъ и ямы, вырытыя кладоискателями. Какимъ образомъ сложились въ устахъ народа такія преданія—объяснить трудно. Нѣкоторые изъ старожиловъ окрестныхъ селеній говорятъ, что въ Корка-ягѣ были жилища, отчего вѣроятно и получилъ лѣсъ названіе домоваго бора, но въ настоящее время никакихъ признаковъ жилья тамъ нѣтъ: все сравнялось съ поверхностью земли и вдобавокъ заросло лѣсомъ.

Корка-ягъ пользуется славой не только, благодаря лежащимъ въ его нѣдрѣ кладамъ, а еще—какъ главное мѣстопребыванія лѣшаго. По сказкамъ жителей, лѣшій тамъ дѣлаетъ свадьбы, продѣлываетъ разныя шутки надъ людьми, и эти шутки, по повѣрью, всегда служатъ предзнаменованіемъ какого нибудь несчастья. Одинъ изъ Поломцевъ разсказывалъ намъ, что однажды ѣхалъ его дѣдъ изъ Баней (станція въ 20 верст. отъ Полома); доѣхавши до половины, захотѣлъ покурить. Между тѣмъ, какъ лошадь его шла шажкомъ, онъ набилъ трубку тютюномъ и началъ закуривать. Вдругъ лошадь остановилась и не пошла далѣе; онъ ударилъ витнемъ—лошадь не идетъ. Посмотрѣлъ на лѣво и—о, ужасъ!—по лѣвую сторону его, рядомъ съ нимъ, тащится огромной величины гробъ съ мертвецомъ. Мужикъ не упалъ духомъ, стегнулъ коня крестообразно и поѣхалъ. Посмотрѣлъ чрезъ минуту въ лѣвую сторону—и гроба уже нѣтъ. Вдругъ сердце его заныло отъ предчувствія недобраго. Пріѣхалъ онъ домой и встрѣтила его у воротъ любимая дочь. Предчувствіе не обмануло его: чрезъ нѣсколько дней дочь его, захворавши, умерла. Словомъ, Корка-ягъ служилъ еще предвѣстникомъ несчастья.

Такія повѣрья и разсказы невольно наводятъ на вопросъ:

не служилъ ли Корка-ягъ, во время оно, притономъ для разбойниковъ, наводившихъ ужасъ на окрестныхъ жителей? Вопросъ этотъ отчасти разрѣшаютъ самыя преданія, а отчасти и археологическія находки, находимыя въ окрестностяхъ этого мѣста. Находки эти заключаются въ различныхъ металлическихъ вещахъ, между которыми особенно заслуживаетъ вниманія найденный въ деревнѣ Сѣдъ-Ярѣ въ 1884 г. серебряный кувшинъ съ какою-то надписью, по поводу котораго были различные толки: одни говорили, что около Корка-яга жили татары, а другіе высказывали мнѣніе, что въ Корка-ягѣ жили разбойники изъ бѣглыхъ новгородцевъ въ эпоху пришествія новгородцевъ въ Хлыновскую область. Если толки эти заслуживаютъ вниманія и если есть вѣроятіе полагать, что здѣсь жили разбойники, то несомнѣнно, что всѣ сказанія о кладахъ сложились подъ вліяніемъ страшныхъ разсказовъ о свирѣпствахъ разбойниковъ.

Не менѣе интересно преданіе о кладѣ въ озерѣ *Котыресъ-ты* (круглое озеро), въ 8 верстахъ отъ села Полома. Озеро это лежитъ въ четырехъ верстахъ отъ старицы (древнее русло рѣки Чепцы). Въ немъ, по сказкамъ жителей села Полома, находится бочка съ золотомъ и серебромъ. Завѣтъ, съ которымъ положены деньги, таковъ: желающій получить кладъ долженъ на берегу этого озера зарѣзать человѣка. Вѣря такому преданію, одинъ вотякъ изъ деревни П.... Д.... заманивалъ туда своего родного сына съ цѣлью зарѣзать, но сынъ догадался, въ чемъ дѣло, и убѣжалъ.

Въ трехъ верстахъ отъ села Полома, по Зуринской дорогѣ, указываютъ Поломцы на пень у межеваго столба, подъ которымъ будто бы лежитъ серебро, но завѣтъ неизвѣстенъ; а только говорятъ, что кладъ кажется по временамъ солдатомъ на сивомъ конѣ.

Говоря о кладахъ, мы должны замѣтить, что каждый кладъ, положенный съ завѣтомъ, по повѣрью, даромъ не дается: надо знать и исполнить завѣтъ, а исполнить его или весьма трудно, или вовсе невозможно. Тѣ, которымъ доставался кладъ, кажущійся огнемъ, умирали и въ родѣ ихъ не оставался никто. Впрочемъ, и другіе клады инымъ приносятъ несчастье: или скотина хвораетъ, или людямъ нездоровится. По повѣрью вотяковъ, съ каждымъ человѣкомъ кладъ въ жизни встрѣчается три раза, но дается только счастливому. Пройдите по мѣ-

стамъ, населеннымъ вотяками, и вы услышите десятки преданій о кладахъ. И не даромъ сложились у инородцевъ такія преданія: изъ земли въ прежнія времена часто вырывали при воздѣлываніи земли и рытьи ямъ клады, заключающіеся въ звонкихъ монетахъ; вырываютъ ихъ и теперь, но объ этомъ, къ сожалѣнію, нашедшіе до свѣдѣнія начальства не доводятъ. Такъ, напримѣръ, въ 70 годахъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ села Зуры къ селу Большепургинскому, одинъ русскій мужикъ, заслышавъ о кладѣ подъ огромной полой сосной у дороги, подложилъ подъ сосну огня — и сосна, подгорѣвши, свалилась; въ золѣ, какъ говорятъ, мужикъ этотъ нашелъ слитокъ серебра и мѣди, но о серебрѣ умолчалъ, о мѣди же объявилъ. Въ 1884 году одинъ Вотякъ Сосновской волости нашелъ около 800 штукъ серебряныхъ монетъ, а другой — мѣди болѣе пуда, но монеты, по отзыву старшины, не принадлежатъ чеканкѣ древнихъ временъ, если не считать древними временами эпоху царствованія Императрицы Екатерины, изображенія которой носятъ на себѣ найденныя монеты. Въ Тыловайской волости въ деревнѣ Бугдановѣ, по отзыву Зюзинскаго учителя Михаила Овчинникова, находятъ въ крутомъ берегу серебряныя монеты древнѣйшихъ временъ, одинъ экземпляръ каковой, какъ отозвался намъ Овчинниковъ, имѣетъ и онъ. А сколько такихъ находокъ, которыя извѣстны только нашедшимъ! Если бы каждый нашедшій представлялъ въ Археологическое Общество хотя одну штуку найденной монеты, заслуживающей сбереженія въ археологическомъ отношеніи, то составилась бы богатая коллекція для изученія края въ историко-этнографическомъ отношеніи. Въ этомъ отношеніи важны были бы тѣ находки, которыя обрѣтаются около городищъ вотскихъ богатырей, гдѣ прежде сосредоточивались главныя силы Вотяковъ и имѣли резиденціи ихъ князьки. Изъ достовѣрныхъ источниковъ мы знаемъ, что въ 1860 годахъ, въ 12 верстахъ отъ г. Глазова, одинъ вотякъ нашелъ цѣлый кувшинъ серебряныхъ монетъ древнихъ временъ, и часть таковыхъ стараніями исправника и его помощника сбережена и представлена въ Археологическое Общество, за что исправникъ съ помощникомъ получили въ даръ по драгоцѣнному перстню. Всѣ такіе клады, которые находятся при воздѣлываніи земель — *незавѣтные*, какъ отзываются и сами вотяки. Они были положены богатыми людьми для сбереженія на

случай опасности отъ разбойниковъ, которые по временамъ появлялись около нихъ и требовали денегъ подъ страхомъ пытокъ. Вотъ это-то и заставило ихъ зарывать деньги въ землю подъ сосны и ели около своихъ жилищъ и, такимъ образомъ, хранить свою казну отъ злодѣевъ. Естественно, что зарытыя деньги богатыхъ и бездѣтныхъ вотяковъ оставались въ землѣ на вѣки вѣчные, такъ какъ, не имѣя наслѣдниковъ, богачи не знали, какъ поступить со своимъ сокровищемъ, а раздачу по бѣднымъ благодѣяніемъ не считали. Большая часть такихъ богачей была такого мнѣнія, что лучше-де деньгамъ покоиться въ землѣ, чѣмъ роздать по рукамъ или издержать на свои прихоти; вѣдь мы де сами тоже будемъ лежать въ землѣ. Иные передъ смертію, можетъ быть, и передавали бы знакомымъ, если не было родственниковъ, да постигла вдругъ внезапная смерть — и деньги остались въ землѣ навсегда. Впослѣдствіи кто при воздѣлываніи земель и при рытьи ямъ для столбовъ и проч. находилъ такія деньги—называлъ ихъ *незавѣтнымъ* кладомъ, назначеннымъ ему слѣпымъ счастіемъ.

Незавѣтные клады обыкновенно не заключаютъ въ себѣ большой суммы, какую заключаютъ завѣтные, т. е. положенные съ какимъ нибудь условіемъ, безъ выполненія котораго никто не можетъ получить клада.

Въ окрестностяхъ поч. Титова, Шарканскаго прихода, по повѣрью жителей, скрыты клады въ различныхъ мѣстностяхъ. Укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ. Выше старыхъ воротъ (вужъ дзезьы), саженяхъ въ 50 отъ мельницы и въ верстахъ полуторыхъ отъ деревни, есть небольшой перелѣсокъ; въ этомъ перелѣскѣ по вечерамъ кладъ кажется огнемъ. (Иванъ Семеновъ). Второй кладъ въ 2 верстахъ отъ деревни и саженяхъ въ 10 отъ дороги у горы подъ названіемъ Мукабанъ; о количествѣ денегъ преданіе умалчиваетъ. Говорятъ, что кладъ по временамъ кажется то человѣкомъ - старикомъ, то бараномъ и проч. (Петръ Николаевъ). Третій кладъ — въ полуторыхъ верстахъ отъ деревни и саженяхъ въ 50 отъ дороги между перелѣсками есть логъ подъ названіемъ Каро-нюкъ. Въ этомъ логу скрыты деньги, но о количествѣ ихъ, такъ равно и о завѣтѣ преданіе не говоритъ. Около клада по временамъ бываютъ видѣнія; такъ, напримѣръ, съ дѣвушками поч. Порозова было такое приключеніе: шли онѣ лѣтомъ въ деревню чрезъ Титово и сбились съ дороги;

идутъ онѣ какъ будто по неизвѣстнымъ совершенно мѣстамъ и зашли въ логъ. Вдругъ на встрѣчу имъ вышелъ сѣдой старикъ и закричалъ страшнѣйшимъ голосомъ; онѣ бросились бѣжать чрезъ перелѣсокъ и на пути шоръ-дэремы ихъ (верхнія платья) задѣваютъ за сучья и рвутся; а старикъ все кричитъ. Пришли онѣ къ горѣ Мукабану, гдѣ находится кладъ, и на встрѣчу имъ бѣжитъ жеребенокъ; жеребенокъ этотъ закричалъ по человѣчьи; онѣ испугались и опять пустились бѣжать. Когда жеребенокъ скрылся, взошли на гору и оттуда увидѣли Титово. Пошли они въ Титово, а оттуда въ Бакино; здѣсь посмотрѣли на свадьбу и пошли домой. Опять онѣ заблудились и пришли къ горѣ Мукабану. Сошли въ логъ, чрезъ который пролегала дорога и на встрѣчу опять жеребенокъ; жеребенокъ кричитъ какъ человѣкъ; онѣ бѣжать.... жеребенокъ все кричитъ. Дѣвушки запнулись и упали одна на другую чуть не въ одну груду. Встали и пошли въ каро-нюкъ и тамъ опять встрѣчаетъ ихъ сѣдой старикъ и по прежнему кричитъ на нихъ. Пришли къ прудку и умылись. Опять пошли и встрѣтили мужика, ищущаго коней; мужикъ ихъ вывелъ на дорогу и онѣ пошли домой. (Петръ Николаевъ).

Въ дер. Шевянь, Шарканскаго прихода, среди поля стоитъ видная со всѣхъ сторонъ гора; въ этой горѣ, по преданію, находится сундукъ съ деньгами. Кладъ кажется огнемъ, а около огня по временамъ являются привидѣнія—четвероногія животныя и звѣри: лошади, свиньи, волки и проч. По разсказу крестьянина поч. Сушкова, Гаврила Елисѣева, одна женщина ушла искать и ей подъ ногами представлялся огонь, но никакого клада не нашла.

Въ ночь на Великій Четвертокъ, по сказу вышеупомянутаго же Елисѣева, ушли къ этой горѣ слушать нѣсколько мужиковъ и тамъ выслушали крики и голоса пашущихъ мужиковъ.

Говоря о горахъ, мы должны замѣтить, что въ сущности это вовсе не горы, а просто возвышенія и холмы, расходящіеся въ разныя стороны отъ одной цѣпи, пролегающей съ юго-запада на сѣверо-востокъ къ уральскимъ горамъ. Въ однихъ изъ этихъ возвышенностей, въ предѣлахъ владѣній крестьянъ поч. Мувыра, по отзыву священника Сосновской церкви, о. Василья Богданова, назадъ тому не менѣе 10 лѣтъ, лѣтомъ во время пашни, былъ слышенъ подземный гулъ до того чувствительный, что пашущіе кре-

стьяне-инородцы должны были съѣхать съ горы (холма). По отзыву инородцевъ, изъ нѣкоторыхъ горъ вмѣстѣ съ ключевой водой идутъ крупинки золота, но насколько тутъ правды, мы доказывать не беремся, да и самые слухи передаются какъ бы по секрету, чтобы *не дошла молва до богачей*, которые, услышавши объ этомъ, пріѣдутъ и, если откроютъ руды, стѣснятъ жителей. Вотяки поч. С.... вы, какъ передавали намъ мальчики отъ 12 до 15 лѣтъ изъ сосѣдней С.... деревни, будто бы на вершинѣ одной горы въ поляхъ ихъ знаютъ богатую серебряную руду, но объявлять объ ней другъ другу воспрещаютъ; *откроютъ де руду и будетъ тамъ городъ*—и тогда жители, т. е. вотяки, поневолѣ должны уѣхать на другое мѣсто.

Въ 1882 году, какъ разсказывалъ намъ 15 лѣтній сынъ вотяка изъ д. Сюрсовая, Гаврило Воронцовъ, пріѣзжали къ намъ въ деревню искать въ горѣ, находящейся при деревнѣ ихъ, богачи, но золота нашли только нѣсколько крупинокъ. Въ дер. К.... ртѣ, по сказу вышеозначеннаго же Воронцова, изъ горы пробивается ручеекъ; съ этимъ ручейкомъ, будтобы, изъ горы выходятъ песчинки золота.

При одной изъ деревень, какъ передавали намъ, находится бѣлая глина для каменной посуды, но сколько ея и какого она качества—никто не говоритъ.

Кладоискатели и *мошенники*. Обмануть инородца еще недавно не стоило никакого труда, особенно, если кто былъ знакомъ съ повѣрьями и обычаями его, инородца. Чтобы выманить отъ инородца деньги, русскіе старались познакомиться съ ними ближе, распускали слухи о кладахъ и ворожцахъ, могущихъ открывать клады, и тѣмъ привлекали къ себѣ вниманіе инородца. Назадъ тому около 30 лѣтъ, русскіе изъ за рѣки Камы, Пермской губерніи, распускали между вотяками слухи, что за Камой насупротивъ Воткинскаго завода въ пещерѣ находятся сундуки съ деньгами, но за неимѣніемъ денегъ, требующихся завѣтомъ въ залогъ, клады въ сундукахъ остаются нетронутыми. Объ этомъ русскіе объявляли вотякамъ и на базарахъ въ Воткинскомъ заводѣ и въ деревняхъ и просили помощи въ денежныхъ средствахъ, съ обязательствомъ выдачи причитающейся на число положенныхъ въ залогъ денегъ суммы, которой, по разсказамъ, не знали и счету. Такіе слухи распространились

вездѣ и повѣрили имъ не только вотяки, но и русскіе, и нѣкоторые изъ духовныхъ лицъ. Думали, думали—рѣшили послать за Каму довѣренныхъ лицъ съ деньгами. Пріѣхали посланные изъ вотскаго края къ мѣсту клада и ихъ увели въ пещеру. Тамъ стоятъ огромные сундуки съ продѣланными въ крышкахъ дырами, а насупротивъ дыръ видны ребрами золотые имперіалы и серебряные рубли.

— Денегъ-то! денегъ-то! пропасти! думаютъ посланные и, по словамъ русскихъ, спускаютъ деньги въ особое отверстіе кто 50 руб., кто 100 и т. д., надѣясь на залогъ свой получить денегъ во сто и тысячу разъ болѣе залога. Спустили свои деньги; ждутъ и что же? Вдругъ изъ подъ сундуковъ, изъ земли, говоритъ человѣческій голосъ: мало залогу, спускайте больше!

— Ступайте, несите денегъ больше—говорятъ русскіе, приведшіе ко кладамъ.

Почесали посланные затылки и вернулись. Иные ѣздили по другому разу и возвращались опять безъ денегъ, а иные, послушавшись благоразумныхъ людей, принимали это за мошенничество и болѣе не ѣздили туда; изъ другихъ же мѣстъ, какъ было слышно, пріѣзжали группами и спускали послѣднія деньги. Такъ спускались залоги въ чаяніи полученія огромныхъ денегъ до тѣхъ поръ, пока это не дошло до свѣдѣнія полиціи. Дѣло было въ слѣдующемъ: русскіе мошенники вырыли пещеру и, разставивъ въ ней рядами сундуки, наполнили ихъ камнями, а подъ отверстіями въ крышкахъ были монеты фальшивыя. Внизу, т. е. подъ сундуками, была другая пещерка и въ ней сидѣлъ человѣкъ, принимающій сверху залоговыя деньги и требующій новыхъ залоговъ. Когда это узнала полиція, мошенниковъ арестовали и предали въ руки правосудія, а самую пещеру, по распоряженію ея, завалили землей. Такимъ способомъ мошенники, говорятъ, сколотили огромный капиталъ (Яковъ Степановъ, поч. Сушкова).

Одинъ вотякъ поч. Порозова, Шарканскаго прихода, заслышавъ о кладѣ въ Шарканскомъ волоку (лѣсу), попросилъ ворожить русскаго ворожца дер. О...... Ефима, правду ли де говоритъ преданіе, что на такомъ-то мѣстѣ есть кладъ? Ворожецъ сказалъ вотяку, что кладъ въ Шарканскомъ лѣсу дѣйствительно есть. Вотякъ проситъ ворожца пріѣхать къ нему ночью поворожить еще о завѣтѣ, чтобы,

узнавши завѣтъ, идти на мѣсто клада и вырыть его. Ворожецъ обѣщался пріѣхать къ нему чрезъ недѣлю. Русскій ворожецъ сталъ обдумывать различные планы какъ бы надуть вотяка и выдумалъ слѣдующее: надо, говоритъ онъ себѣ, наполнить сундукъ обломками стекла, увезти его заранѣе въ лѣсъ, и къ сундуку приставить замаскированнаго человѣка, чтобы онъ, изображая собой лѣшаго, требовалъ залогу. Планъ составленъ и ворожецъ, пригласивши въ свой домъ родственника, съ помощью его наполняетъ сундукъ стекломъ, обломками посуды, камнями и проч. и дѣлаетъ изъ бересты конусообразную шапку. Приготовивши все, они отвозятъ сундукъ въ Шарканскій лѣсъ и оставляютъ его тамъ. На другой день въ лунную ночь (это было осенью) родственникъ ворожца идетъ къ сундуку и тамъ надѣваетъ на себя вывороченную шубу, а на голову конусообразную берестяную шапку и ждетъ ворожца съ вотякомъ. Между тѣмъ ворожецъ въ домѣ вотяка время проводитъ въ гаданіи. Погадавши, говоритъ вотяку, что завѣтомъ требуетъ лѣшій залогу отъ 100 до 500 рублей. Вотякъ на случай беретъ 300 руб. и отправляется съ ворожцомъ въ лѣсъ къ отвезенному заранѣе сундуку съ обломками стекла. Подъѣхали къ лѣсу и лошадь привязали ко пню. Заходятъ въ лѣсъ. Луна ярко свѣтитъ на небѣ; между елей и обнаженныхъ липъ кое гдѣ проходитъ свѣтъ и освѣщаетъ пни и молодыя деревья. Вотъ видятъ они, что около одной ели похаживаетъ человѣкъ въ конусообразной шапкѣ, а недалеко отъ него виднѣется сундукъ.

— Смотри, вонъ *онъ* самъ ходитъ у сундука,—говоритъ вотяку ворожецъ шопотомъ.

Остановились и совѣтуются какъ поступить.

— Ты постой здѣсь, а я схожу поближе и спрошу *его* сколько надо залогу—говоритъ ворожецъ.

Вотякъ остается, а ворожецъ идетъ. Тамъ кое - что поговорилъ онъ съ товарищемъ и возвращается, а мнимый лѣшій отходитъ въ сторону.

— Ну, иди и положь на сундукъ денегъ — говоритъ ворожецъ.

Вотякъ ушелъ и положилъ 100 рублей; опять онъ вернулся къ ворожцу.

— Мало денегъ! говоритъ лѣшій особеннымъ тономъ.

Вотякъ кладетъ опять 100 руб. и возвращается.

— Еще мало! продолжаетъ лѣшій.

Вотякъ кладетъ остальныя 100 руб. и возвращается.

Лѣшій беретъ деньги и отходитъ.

— Ну, теперь пойдемъ за сундукомъ: денегъ больше не требуетъ, говоритъ ворожецъ.

Ушли и дотащили сундукъ до лошади; положили его въ телѣгу и уѣхали.

Привезли сундукъ къ вотяку, поставили его въ подполье.

— Ну, теперь распечатывать, т. е. разбивать крышку не будемъ—говоритъ ворожецъ; я пріѣду къ тебѣ чрезъ три дня и тогда будемъ дѣлить деньги.

— Я себѣ денегъ возьму больше, потому что залогъ положилъ я,—говоритъ вотякъ.

— Нѣтъ, мнѣ надо больше: нашелъ кладъ я, отвѣчаетъ ворожецъ.

— Ну, какъ нибудь раздѣлимъ, пріѣзжай только поскорѣе—говоритъ вотякъ.

Ворожецъ уѣхалъ.

Прошло два дня—ворожецъ не явился; между тѣмъ вотяка сильно томитъ желаніе посмотрѣть на сокровище. Прошло еще три дня—ворожецъ не является.

— Не пропалъ-ли онъ тамъ, канальи? говоритъ вотякъ и принимается разбивать крышку сундука. Разбилъ и чтожъ? сундукъ наполненъ обломками посуды, стекла, камнями и пескомъ. Разочарованный вотякъ плюнулъ въ сундукъ и вышелъ изъ подполья.

Черезъ два дня пріѣхалъ ворожецъ и говоритъ:

— Ну, будемъ ломать сундукъ.

— Чего ломать? Я изломалъ да въ сундукѣ одно дермо—отвѣчаетъ нехотя вотякъ.

— Вѣдь не велѣлъ я тебѣ ломать безъ меня; не послушался меня,—лѣшій деньги превратилъ въ обломки—говоритъ ворожецъ.

Вотякъ, вмѣсто отвѣта, только почесалъ затылокъ.

Языческія кладвища.

Языческое кладбище вотяковъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго возвышенія, гдѣ растетъ мелкій лѣсокъ и верескъ. Здѣсь вы не увидите никакихъ памятниковъ на могилахъ, не замѣтите ничего особеннаго, доказывающаго присутствіе могилъ: все сравняло, стерло отъ

глазъ человѣка время; но эти признаки могилъ стерты только съ лица кладбища, а въ землѣ кости еще цѣлы. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ вотскихъ кладбищъ я нашелъ вырытую собакой, разрывшей нору крысы, еще крѣпкую бедренную кость ноги. Кромѣ костей внутри могилъ вы найдете какія нибудь металлическія вещи или монеты, положенныя съ покойникомъ въ гробъ. Мертвыя тѣла въ этихъ кладбищахъ не зарывались глубоко, поэтому вырыть изъ могилъ кости не стòитъ большого труда. Въ кладбища эти зарывались тѣла до времени принятія вотяками христіанства и есть таковыя при каждомъ старомъ селеніи. Существуютъ о нихъ и разсказы у инородцахъ. Изъ этихъ разсказовъ мною не забытъ одинъ, слышанный въ селѣ Большепургинскомъ, при которомъ есть на крупномъ возвышеніи языческое кладбище. Говорятъ, что тамъ *млится* всяко: когда плачетъ грудной ребенокъ, когда воетъ взрослый. Вотяки называютъ ихъ *вужъ тай* (старое кладбище).

Сказки.

Старикъ-прохожій. Шелъ одинъ старикъ-прохожій по дорогѣ пришелъ въ деревню и зашелъ ночевать въ одну избушку. Разулся и спрашиваетъ хозяевъ: «куда мнѣ положить, хозяева, лапти»? Хозяева отвѣчаютъ «пложь, дѣдушка,лапти на печь».Старикъ опять говоритъ: «лапти у меня сухіе, на печь класть ихъ незачѣмъ,—положу ихъ лучше къ курамъ въ залавокъ» и положилъ ихъ въ залавокъ. Утромъ всталъ старикъ, обулся ,одѣлся, умылся и, подошедши къ залавку, говоритъ: «вчера вечеромъ я пустилъ сюда, въ залавокъ, свою курочку.» Хозяева, зная, что у старика не было курицы, говорятъ ему: «какая курица? у тебя, старикъ, не было курицы; ты клалъ къ нашимъ курицамъ лапти и взялъ ихъ обратно». Старикъ споритъ и неотступно требуетъ курицу. Хозяева отдали старику курицу и прогнали его прочь отъ себя. Идетъ старикъ по дорогѣ съ курицей и приходитъ въ деревню; заходитъ въ избушку и говоритъ: «пустите, добрые люди, ночевать!» Хозяева отвѣчаютъ: «ночуй, дѣдушка, ночуй!» Старикъ опять говоритъ хозяевамъ: «у меня съ собой есть курочка, такъ надо бы и ей гдѣ нибудь мѣста»; хозяева отвѣчаютъ: «пусти, дѣдушка, курочку къ нашимъ курочкамъ». Старикъ говоритъ: «моя курочка съ курочками не спитъ, а спитъ она съ утками». Хозяева отвѣчакть: «ладно, дѣдушка; пусти свою

курочку къ нашимъ уткамъ!» И пустилъ старикъ курочку свою къ хозяйскимъ уткамъ. Утромъ всталъ старикъ, обулся, одѣлся, подошелъ къ хозяйскимъ уткамъ и говоритъ: «вчера, вечеромъ, я пустилъ сюда свою уточку, такъ надо ее взять». Хозяева говорятъ старику: «какую утку, старикъ? вѣдь ты пустилъ къ нашимъ уткамъ курочку, такъ возьми ее». Старикъ требуетъ утку, говоря: «у меня была уточка, а не курица». Хозяева отдали старику утку и прогнали его прочь отъ себя. Идетъ старикъ по дорогѣ. День склонялся къ вечеру; приходитъ въ деревню; заходитъ въ избушку и говоритъ: «пустите, добрые люди, ночевать!» Хозяева отвѣчаютъ: «ночуй, дѣдушка, ночуй!» Старикъ опять говоритъ: «у меня съ собой есть уточка, такъ надо бы и ей гдѣ нибудь мѣсто переночевать!» Хозяева говорятъ: «пусти, дѣдушка, уточку къ нашимъ уткамъ!» Старикъ отвѣчаетъ: «моя уточка съ уточками не спитъ, а спитъ она съ гусями!» «Ладно, пусти, дѣдушка, уточку къ гусямъ», говорятъ хозяева. И пустилъ старикъ утку свою къ хозяйскимъ гусямъ. Утромъ всталъ старикъ, обулся, одѣлся и говоритъ хозяевамъ: «вчера, вечеромъ, я пустилъ къ вашимъ гусямъ свою гусиху, такъ надо ее взять». Хозяева отвѣчаютъ: «какую гусиху, старикъ? вѣдь ты пустилъ уточку, а не гусиху!» Старикъ возражаетъ: «нѣтъ, я пустилъ гусиху, а не уточку». Спорили, спорили хозяева, стали не рады; отдали старику гусиху и прогнали его. Идетъ старикъ по дорогѣ и вечеромъ заходитъ въ деревню ночевать; зашелъ въ избушку и говоритъ: «пустите, добрые люди, ночевать!» Хозяева отвѣчаютъ: «ночуй, дѣдушка, ночуй!» Опять старикъ говоритъ: «у меня есть съ собой гусиха, такъ надо бы и ей мѣсто до утра». Хозяева отвѣчаютъ: «пусти, дѣдушка, гусиху къ нашимъ гусямъ». Старикъ продолжаетъ: «моя гусиха съ гусями не спитъ, а спитъ она съ индѣйками». Хозяева отвѣчаютъ: «пусти, дѣдушка, гусиху къ нашимъ индѣйкамъ!» И пустилъ старикъ гусиху къ хозяйскимъ индѣйкамъ. Переночевалъ старикъ, обулся, одѣлся и говоритъ хозяевамъ: «принесите мнѣ индѣйку, которую я пустилъ вчера вечеромъ къ вашимъ индѣйкамъ!» Хозяева говорятъ: «какую индѣйку? вѣдь у тебя была гусиха, а не индѣйка». Старикъ споритъ, что была индѣйка. Дѣлать нечего, хозяева отдали индѣйку и прогнали старика. На пятую ночь старикъ пустилъ индѣйку къ свиньямъ и взялъ свинью; на шестую ночь пустилъ свинью къ овечкамъ

и взялъ овечку; на седьмую—пустилъ овечку къ телятамъ и взялъ телку, а телку пустилъ къ быкамъ и взялъ быка. Ночью, когда всѣ хозяева уснули, всталъ старикъ, обулся, одѣлся и вышелъ въ сѣни, а изъ сѣней—во дворъ; тамъ нашелъ узду, хомутъ и всю нужную сбрую, пошелъ въ конюшню, поймалъ быка, запрегъ его въ хозяйскія сани и выѣхалъ со двора. Разсвѣтало. Ѣдетъ старикъ по дорогѣ и поетъ:

Тпручки бычекъ, по дорожкѣ течетъ,
Сани не наши, хомутъ не свой,—
Понукай, не стой!

На встрѣчу попадается зайчикъ и спрашиваетъ: «куда ты, дѣдушка, поѣхалъ?» Старикъ отвѣчаетъ: «на работу, заинька!» — «Возьми меня, дѣдушка!»—«Садись, заинька!» Сѣлъ зайчикъ и ѣдутъ. На встрѣчу попадается лисица и спрашиваетъ: «куда ты, дѣдушка, поѣхалъ?» Старикъ отвѣчаетъ: «на работу, лысанька!» — «Посади меня, дѣдушка!» — «Садись, лысанька!» и поѣхали. Ѣдутъ по дорогѣ; на встрѣчу бредетъ волкъ и спрашиваетъ: «куда ты, дѣдушка, поѣхалъ?» Старикъ отвѣчаетъ: «на работу, волкъ!»—«Возьми меня съ собой!»—«Садись!» и поѣхали. Ѣдутъ по дорогѣ; на встрѣчу попадается медвѣдь и спрашиваетъ: «куда ты, дѣдко, ѣдешь?» Старикъ отвѣчаетъ: «на работу, Мишенька!»—«Посади меня!»—«Садись!» и поѣхали. Ѣдутъ по дорогѣ; вдругъ переломилась оглобля. Посылаетъ старикъ въ лѣсъ за оглоблей зайца; заяцъ ускакалъ и принесъ сучекъ; посылаетъ лисицу, лисица принесла вицу; посылаетъ волка, волкъ принесъ пенекъ; посылаетъ медвѣдя, медвѣдь принесъ бревно. Ушелъ старикъ за оглоблей самъ. Между тѣмъ какъ старикъ искалъ въ лѣсу оглоблю, медвѣдь съ волкомъ съѣли быка, оставивъ только шкуру да голову; а чтобы старикъ не вернулся изъ лѣсу скоро, не видя быка, воткнули между оглоблями четыре колышка и на колышки эти повѣсили шкуру быка и разбѣжались. Вернулся старикъ съ оглоблей, сталъ запрягать быка, а быкъ и развалился. (Сказка эта записана со словъ крестьянъ починка Нырошура, Тимофея Михайлова, и поч. Урдогурта, Капитона Семенова).

Медвѣженокъ-богатырь. Три сестры ушли лѣтомъ въ лѣсъ по ягоды-бруснику. Въ лѣсу онѣ разошлись и одна потерялась. Искали, искали двѣ сестры третью—не нашли. Такъ и ушли онѣ домой двѣ. Ждали, ждали ее дома—не пришла. Погорѣвали по несчастной

сестрѣ и забыли. Между тѣмъ сестра, заблудившись въ лѣсу, пробродила до самой ночи и пристала на ночлегъ; залѣзла въ дупло большой липы и спитъ. Ночью подошелъ къ ней медвѣдь и сталъ ласкать какъ человѣкъ: то гладитъ ее по головкѣ, то треплетъ по спинѣ, давая тѣмъ понять, что онъ ничего худаго ей не сдѣлаетъ. Внушилъ медвѣдь довѣріе къ себѣ и дѣвушка не стала бояться его. Поплакала, порыдала дѣвушка и покорилась своей судьбѣ. Утромъ взошло солнце и медвѣдь ведетъ ее въ свою берлогу. Дѣвушка пошла и стала жить въ медвѣжьей берлогѣ. Медвѣдь кормилъ ее сначала ягодами, а потомъ сталъ кормить всякой всячиной. Дѣвушка отъ медвѣдя прижила сына и сталъ онъ рости не по днямъ, а по часамъ. Черезъ годъ сынъ говоритъ медвѣдю:

— Давай, тятя, бороться!

— Давай.

Боролись, боролись—медвѣдь поборолъ.

— Корми меня слаще, тятя! говоритъ медвѣженокъ медвѣдю.

Медвѣдь кормитъ сына сладко и сынъ ростетъ не по днямъ, а по часамъ.

На другой годъ медвѣженокъ опять предлагаетъ медвѣдю бороться.

Боролись, боролись—опять медвѣдь поборолъ.

— Корми меня слаще, тятя! говоритъ медвѣженокъ отцу.

Медвѣдь кормитъ сына и сынъ ростетъ не по днямъ а по часамъ.

На третій годъ сынъ опять говоритъ отцу:

— Давай, тятя, бороться!

— Давай!

Боролись, боролись—сынъ взялъ отца за ногу и бросилъ кверху. Медвѣдь упалъ и убился.

— Не убилъ-ли ты своего отца, пострѣлъ? спрашиваетъ мать сына.

— Мы боролись съ нимъ; я его поборолъ и онъ умеръ, говоритъ сынъ.

Мать посылаетъ сына къ змѣямъ плесть лапти изъ лыкъ. Сынъ взялъ пестерь и отправился. Пришелъ онъ къ змѣямъ и видитъ ихъ множество. Онъ бьетъ ихъ и отрываетъ головы, которыя и кладетъ въ пестерь. Наклалъ полонъ пестерь змѣиныхъ головъ и идетъ къ матери.

— Ну, что, сплелъ? спрашиваетъ мать.

— Сплелъ.

— Гдѣ?

— Въ пестерѣ.

Мать сунула руку въ пестерь и вскрикнула отъ испуга.

— Поди унеси обратно туда, гдѣ ихъ взялъ! говоритъ мать.

Сынъ унесъ головы и вернулся.

На другой день мать посылаетъ сына за лаптями къ сусѣдкамъ (домовымъ). Сынъ ушелъ къ сусѣдкамъ и видитъ множество сусѣдокъ. Онъ бьетъ ихъ и отрываетъ имъ головы, которыя и кладетъ въ пестерь. Наклалъ полонъ пестерь и идетъ къ матери.

— Ну, принесъ-ли?

— Принесъ.

— Гдѣ?

— Въ пестерѣ.

Мать сунула руку въ пестерь и пуще того испугалась.

— Ступай, пострѣлъ, неси ихъ обратно туда, гдѣ взялъ,—говоритъ мать сыну и ругаетъ его.

Сынъ унесъ головы и вернулся.

Не захотѣлъ сынъ жить съ матерью и пожелалъ постранствовать по свѣту, помѣряться силами съ кѣмъ будетъ можно.

Ушелъ онъ въ кузницу и заказалъ себѣ трость въ сорокъ пудовъ. Взялъ онъ трость и пошелъ искать приключеній.

Идетъ онъ и встрѣчаетъ великорослаго мужчину.

— Ты кто? спрашиваетъ онъ мужчину.

— Я—богатырь! отвѣчаетъ послѣдній.

— А самъ ты кто?

— Я—силачъ.

— Докажи свою силу.

Медвѣженокъ-силачъ взялъ въ руку крѣпкій камень, сжалъ его—и изъ него потекла вода.

— Молодецъ! воскликнулъ богатырь и назвалъ богатыремъ-силачемъ, а себя—только богатыремъ.

Идутъ они дальше и встрѣчаются съ мужчиной.

— Ты кто? спрашиваютъ они мужчину, объявляя ему при этомъ, что одинъ изъ нихъ богатырь-силачъ, а другой богатырь.

— Я тоже богатырь, да съ небольшими силами.

— Пойдемъ съ нами!

Пошли они трое путемъ-дорогой. Шли, шли, много-ли, мало ли—дошли до избушки. Зашли въ избушку, а тамъ пусто; высмотрѣли вездѣ—нашли въ чуланѣ мясо.

— Ну, пока поживемъ здѣсь, а тамъ увидимъ, что дѣлать, совѣтуются между собой богатыри.

— Мы пойдемъ въ лѣсъ на работу, а ты намъ готовь здѣсь обѣдъ,—говорятъ два богатыря третьему съ небольшими силами.

— Хорошо, будетъ исполнено ваше приказаніе, говоритъ богатырь.

Двое ушли въ лѣсъ, а третій остался стряпать въ избушкѣ. Варитъ онъ обѣдъ для богатырей изъ готовой провизіи и не думаетъ, что хозяинъ де придетъ. Вдругъ заходитъ въ избушку хозяинъ и начинаетъ таскать богатыря за волосы. Таскалъ, таскалъ его—чуть не всѣ волосы вытеребилъ; обѣдъ съѣлъ и ушелъ. Приходятъ богатыри съ работы и спрашиваютъ:

— Ну, что? приготовилъ обѣдъ?

— Нѣтъ.

— Почему?

— Дровъ сухихъ нѣтъ, нечѣмъ варить.

Сварили сами и наѣлись.

На другой день остался варить обѣдъ тотъ богатырь, съ которымъ въ первый разъ встрѣтился силачъ.

Ушли два богатыря въ лѣсъ на работу, а оставшійся варитъ обѣдъ изъ готовой провизіи. Вдругъ является хозяинъ и начинаетъ его бить. Билъ, билъ—оставилъ чуть живаго; обѣдъ съѣлъ и ушелъ. Приходятъ богатыри съ работы и спрашиваютъ:

— Ну, что? приготовилъ обѣдъ?

— Нѣтъ.

— Почему?

— Воды чистой нѣтъ; есть да мутная.

Приготовили обѣдъ сами и наѣлись.

На третій день остался варить обѣдъ богатырь-силачъ. Наклалъ онъ полонъ котелъ мяса и варитъ. Вдругъ является хозяинъ избушки и начинаетъ бить богатыря. Богатырь какъ ударитъ хозяина по сидѣнью, такъ тотъ и закричалъ благимъ матомъ: «ой, не бей, не буду такъ дѣлать». Хозяинъ вышелъ изъ избы и скрылся. Приходятъ съ работы богатыри и просятъ ѣсть. Бога-

тырь-силачъ накормилъ ихъ и разсказалъ исторію съ хозяиномъ избушки; тогда и тѣ богатыри сознались, что съ ними была такая же исторія. Наѣлись и пошли искать хозяина. Во дворѣ нашли большую доску; подняли ее—и тамъ оказалась большая нора, а въ нору спущенъ внизъ ремень, служащій лѣстницей. Спустился по ремню богатырь-силачъ въ нору, приказавъ товарищамъ ждать его у норы, и очутился на иномъ свѣтѣ. Подъ землей было царство трехъ двѣнадцатиглавыхъ змѣй. У этихъ змѣй находились въ плѣну три дочери царя здѣшняго свѣта. Шелъ, шелъ богатырь по царству змѣй и дошелъ до огромнаго дворца. Зашелъ въ переднюю и тамъ видитъ дѣвицу-красавицу.

— Ты кто? спрашиваетъ царевна богатыря-силача.

— Я—богатырь-силачъ, отвѣчаетъ тотъ; пришелъ искать злодѣя, который обижаетъ насъ, богатырей, въ избушкѣ.

— Онъ—дьяволъ; въ этомъ царствѣ кажется двѣнадцатиглавымъ змѣемъ, а тамъ—человѣкомъ-мужчиной. Я живу у него въ плѣну уже нѣсколько лѣтъ. Не побѣдишь-ли ты его?

Дѣвица даетъ богатырю-силачу мечъ и говоритъ: «вотъ этимъ мечемъ ты побѣдишь его». А змѣя въ это время дома не было. Вдругъ является онъ и говоритъ: «фу! фу! фу! нечистымъ духомъ пахнетъ»".

Богатырь-силачъ поднялъ мечъ, ударилъ по головамъ и отрубилъ ему сразу двѣнадцать головъ.

Взялъ богатырь-силачъ царевну съ собой и идетъ къ другому двѣнадцати главому змѣю. Зашли въ домъ и тамъ видитъ богатырь еще красивѣе дѣвицу.

— Ты кто? спрашиваетъ царевна богатыря-силача.

— Я богатырь-силачъ—отвѣчаетъ онъ, пришелъ искать злодѣя который обижаетъ насъ богатырей, въ избушкѣ.

— Онъ—дьяволъ; въ этомъ царствѣ кажется двѣнадцати-главымъ змѣемъ, а тамъ—простымъ человѣкомъ-мущиной. Я живу у него въ плѣну нѣсколько лѣтъ. Не побѣдишь-ли ты его?

Дѣвица вручила богатырю мечъ и говоритъ: вотъ этимъ мечемъ ты побѣдишь его. А змѣя въ это время дома не было. Вдругъ является онъ и говоритъ: фу! фу! фу! нечистымъ духомъ пахнетъ Богатырь-силачъ поднялъ мечъ, ударилъ по головамъ змѣя и отрубилъ въ два удара всѣ двѣнадцать головъ.

Взялъ богатырь-силачъ другую дѣвушку еще красивѣе и пошелъ къ послѣднему двѣнадцатиглавому змѣю, который былъ сильнѣе прочихъ.

Зашли въ домъ и тамъ видятъ дѣвицу необыкновенной красоты.

— Кто ты? спрашиваетъ дѣвица богатыря-силача.

Богатырь-силачъ отвѣчаетъ тоже, что и первымъ двумъ дѣвицамъ.

— Всѣ они дьяволы, говоритъ дѣвица, одинъ другаго сильнѣе; здѣсь кажутся змѣями, а тамъ—людьми. Этотъ послѣдній змѣй сильнѣе всѣхъ. Я живу у него въ плѣну уже нѣсколько лѣтъ. Не побѣдишь ли ты его?

Дѣвица вручаетъ богатырю мечъ и говоритъ: «Вотъ этимъ мечемъ ты побѣдишь его». А змѣя въ это время дома не было. Вдругъ слышитъ богатырь-силачъ въ сѣняхъ голосъ, который говоритъ: «фу! фу! нечистымъ духомъ пахнетъ». Вышелъ онъ съ мечемъ въ сѣни. Тамъ встрѣтился со змѣемъ и вступилъ съ нимъ въ борьбу. Богатырь-силачъ отрубилъ змѣю только одну голову и змѣй вернулся обратно собраться съ силами. Богатырь-силачъ говоритъ красавицѣ-царевнѣ: если змѣй будетъ побѣждать меня—квасъ на столѣ покраснѣетъ; тогда ты брось передъ мной свой башмакъ и я убью змѣя.

Вотъ, собравшись съ силами, змѣй опять явился и говоритъ: «фу! фу! фу! нечистымъ духомъ пахнетъ».

Вышелъ богатырь на встрѣчу змѣю и вступилъ съ нимъ въ битву. Змѣй началъ побѣждать. Царевна взглянула въ сосудъ съ квасомъ и видитъ, что квасъ превратился въ кровь; тогда она взяла башмакъ свой, вышла изъ дому и бросила его передъ богатыремъ. Богатырь ударилъ и сразу снесъ змѣю всѣ одиннадцать головъ. Собралъ богатырь головы всѣхъ змѣй и выбросилъ ихъ въ расщелину каменной скалы.

Взялъ богатырь-силачъ дѣвицъ и пошелъ къ норѣ, чтобы подняться по ремню на здѣшній свѣтъ. Тряхнулъ ремнемъ и посадилъ на него дѣвушку. Товарищи богатыри подняли дѣвушку и дѣвушка сказала, что на иномъ свѣтѣ еще три человѣка. Подняли одну за другой всѣхъ дѣвушекъ. Поднявши дѣвушекъ, богатыри рѣшили товарища не поднимать, думая, что онъ дѣвушекъ возь-

метъ себѣ; и не подняли его. Ушли богатыри и не могутъ рѣшить споръ—кому владѣть одной изъ дѣвицъ, которая была у сильнѣйшаго изъ всѣхъ змѣй: она была такъ красива, что ни въ сказкахъ разсказать, ни перомъ не описать. Пришли богатыри съ тремя дѣвицами къ царю-отцу ихъ и говорятъ, что дѣвицъ отъ змѣй освободили они и при этомъ каждый проситъ за себя красавицу. Дѣвицы сказали, что богатыри только подняли ихъ изъ иного свѣта, а освободилъ ихъ отъ змѣй другой, который остался внизу подъ норой. Царь послалъ за богатыремъ своего быстрокрылаго орла. Орелъ посадилъ на себя богатыря-силача и полетѣлъ къ царю. Тамъ, у царя, изъ за красавицы между тремя богатырями возникъ споръ: всякому хотѣлось взять въ жены красавицу. Видитъ царь, что одинъ другому не уступаетъ, и говоритъ: «у меня есть большой колоколъ, которымъ извѣщаю народъ о важнѣйшихъ событіяхъ въ моемъ царствѣ. Кто отброситъ этотъ колоколъ дальше—за того и отдамъ дочь». Подошелъ первый—не тронулъ колокола, подошелъ другой—тоже; наконецъ подошелъ богатырь-силачъ.... пнулъ онъ колоколъ ногой—и колоколъ отлетѣлъ за царскій дворецъ.

— Бери мою дочь—она твоя! сказалъ царь богатырю-силачу.

И взялъ богатырь-медвѣженокъ царскую дочь за себя, взялъ и зажилъ припѣваючи, а товарищи его остались безъ женъ. Трость въ 40 пудовъ и теперь лежитъ въ избушкѣ. (Яковъ Гавриловъ, дер. Быги).

Плѣшивый мужикъ. Жилъ былъ въ деревнѣ плѣшивый мужикъ. У него были двѣ дочери-дѣвицы на возрастѣ лѣтъ. Одну выдалъ за мужъ за Солнышка, а другую—за Лунушку. Пришла масляница. Солнышко зоветъ тестя въ гости и тесть подымается по цѣпи кверху. Поднялся онъ къ Солнышку и вечеромъ Солнышко велитъ женѣ растворить въ квашнѣ къ утру слѣдующаго дня лепешки. Жена исполнила приказаніе мужа. Смотритъ старикъ на квашенку—квашенка киснетъ: замѣчаетъ въ комнатѣ какой-то недостатокъ, но не можетъ догадаться, чего именно не достаетъ. Утромъ встали и жена Солнышка принимается за стряпню. Тутъ только догадался старикъ, что у Солнышка печи нѣтъ.—На чемъ же они будутъ печь лепешки-то? думаетъ старикъ.

— Ну, пеки скорѣе, говоритъ Солнышко женѣ. А Солнышко-то было съ большой плѣшью. Жена подошла къ плѣши мужа и льетъ

растворъ на плѣшь; лепешки пекутся лучше, чѣмъ на сковородѣ въ печи. Смотритъ старикъ и удивляется; онъ прожилъ на свѣтѣ 60 лѣтъ и не слыхивалъ, чтобы лепешки пекли на плѣши, а тутъ при глазахъ его пекутся. На что и печи и сковороды, когда пекутся на плѣши? «Вотъ и у меня плѣшь не хуже плѣши зятенька, да я по сію пору не зналъ этого. Теперь старуху заставлю печь на своей плѣши... дровъ будетъ не надо».

Наѣлся старикъ лепешекъ, поблагодарилъ зятенька за угощеніе и спустился на землю. Зашелъ въ избу и говоритъ своей старухѣ: «старуха! раствори къ утру лепешекъ: я узналъ средство печь лепешки безъ огня и сковороды». Старуха растворила и легла спать. Проснулись утромъ и старуха идетъ за дровами, а старикъ останавливаетъ ее, говоритъ: «не надо дровъ; я тебѣ сказалъ вчера, что знаю средство печь безъ огня. Лей жижу мнѣ на голову!» Старуха льетъ на плѣшь мужу—лепешки не пекутся; она все льетъ.... вылила весь растворъ на плѣшь старика и опачкала его съ головы до ногъ.

Въ другой праздникъ зоветъ старика Луна. Поднялся старикъ по цѣпи къ Лунѣ и приняли его какъ гостя дорогаго радушно. Вечеромъ Луна-зять зоветъ свою жену въ погребъ за медомъ потчивать тестя. Пошли они—и старикъ-гость за ними. Зашли въ погребъ—тамъ темно.—«Посвѣти скорѣе, не вижу» говоритъ жена мужу. Луна подняла палецъ какъ свѣчу и стало свѣтло. Опять удивляется старикъ этому чуду.

Наугостился старикъ у зятя и спустился на землю къ своей старухѣ. Вечеромъ старикъ проситъ молока похлебать на сонъ грядущій, а молоко было въ погребѣ. Старуха беретъ лучины и спичекъ достать огня, а старикъ не велитъ: говоритъ, что онъ открылъ средство свѣтить пальцемъ. Старуха послушалась его и оставила лучину на шесткѣ. Взошли въ погребъ.... темно—«Ну, иди, старуха, впередъ, а я посвѣчу», говоритъ старикъ старухѣ. Старуха идетъ впередъ, а старикъ поднялъ палецъ какъ свѣчу и бредетъ; свѣту все-таки нѣтъ. Шарили, шарили въ потьмахъ и оба упали въ яму. (Григорій Ивановъ Наумовъ, село Чутырь).

Палецъ и зубъ. Два брата ушли въ лѣсъ дрова рубить. Рубили, рубили—нарубили большую груду. Надо колоть дрова, да нѣтъ клиньевъ. Одинъ принялся дѣлать клинья и по неосторожности

отсѣкъ палецъ; палецъ поскакалъ по тропинкѣ лѣсной. Другой братъ сталъ колоть дрова... Клинъ отскочилъ—и прямо въ зубы; одинъ зубъ вышибло клиномъ и зубъ поскакалъ вслѣдъ за пальцемъ.

Шли они, долго ли, мало ли, близко ли, далеко ли—дошли до поповскаго дома. Была уже ночь и семейство попа было погружено въ крѣпкій сонъ. Вотъ палецъ съ зубомъ совѣтуются между собой, какъ бы украсть у попа ножъ и заколоть его быка. Вдругъ увидѣлъ палецъ въ одномъ изъ оконъ вентиляторъ и залѣзъ въ избу. Ищетъ тамъ ножа—не находитъ.

— Ну, скоро-ли вернешься? спрашиваетъ подъ окномъ зубъ.

— Не могу найти! отвѣчаетъ зубъ.

Попъ услышалъ въ домѣ человѣческій голосъ; всталъ и ищетъ, а палецъ залѣзъ въ башмакъ попадьи и попъ его не видитъ. Опять попъ легъ и уснулъ. Палецъ вылѣзъ изъ башмака и ищетъ ножъ.

— Ну, что долго? опять спрашиваетъ зубъ.

— Не могу найти—отвѣчаетъ палецъ.

Попъ опять услышалъ крикъ и проснулся; досталъ онъ огня и ищетъ; палецъ же опять залѣзъ въ носокъ башмака и оттуда высматриваетъ, не увидитъ ли гдѣ ножа. Искалъ, искалъ попъ человѣка—не нашолъ; а палецъ между тѣмъ высмотрѣлъ ножъ на лавкѣ у шкафа. Вотъ, когда попъ легъ спать—онъ вылѣзъ изъ башмака, взялъ ножъ и выскочилъ на улицу. «Ну, котораго заколемъ?» спрашиваютъ другъ у друга палецъ и зубъ, зашедши къ быкамъ въ хлѣвъ.—«Который взглянетъ на насъ, того и заколемъ»—говоритъ палецъ.—«Ладно, но только здѣсь не будемъ колоть: уведемъ быка въ лѣсъ и тамъ никто намъ не будетъ мѣшать», высказываетъ свое мнѣніе зубъ. Поймали быка, который взглянулъ на нихъ, и увели его въ лѣсъ; тамъ закололи его и палецъ остался потрошить, а зубъ ушелъ за дровами варить мясо. Натаскалъ зубъ полную груду дровъ, связалъ ихъ да не можетъ нести. Вдругъ идетъ медвѣдь и говоритъ ему зубъ:—«Косолапый! взвали ношу на плечо и неси»; а медвѣдь былъ голоденъ какъ волкъ и съѣлъ зубъ. Зубъ прошелъ сквозь медвѣдя и кричитъ пальцу: «братъ! выручи меня скорѣе; медвѣдь съѣлъ меня». Медвѣдь испугался и побѣжалъ; перескочилъ колоду и ушибся до смерти. Ушли они за дровами оба

и кое-какъ притащили ношу. Между тѣмъ какъ палецъ клалъ костеръ, зубъ сходилъ за котломъ въ шалашъ вотяка и начали варить. Сварили цѣлаго быка и съѣли. Наѣвшись до сыта-до отвала, легли спать. Пришелъ голодный волкъ и во время сна съѣлъ обоихъ. (Василій Перевощиковъ, поч. Ворчина).

Илья Муромецъ. Сказка эта хотя и есть варіантъ русской сказки, но мы помѣщаемъ ее потому, что она разсказывается вотяками, какъ равно и нѣкоторыми русскими, иначе; къ тому же она содержательнѣе, чѣмъ тѣ сказки, которыя приводилось намъ слышать отъ многихъ русскихъ.

Жилъ былъ Илья Муромецъ—безногій калѣка, какихъ встрѣчается мало; въ теченіи тридцати лѣтъ онъ не могъ ни работать, ни ходить, а все сидѣлъ дома какъ столѣтній старикъ, неспособный ни къ какой работѣ. Въ одно время лѣтомъ отецъ его, за неимѣніемъ семьи, сдѣлалъ помочь расчищать покосы, лежащіе около рѣки. Всѣ помочане и отецъ его съ семействомъ отправились на работу, а остался дома только одинъ безногій Илья. Сидитъ онъ дома, скучаетъ-жалуется на свою судьбу. Въ то время когда онъ жаловался на свою судьбу, зашли къ нему три волхва и просятъ у него пить.

— Я напоилъ бы васъ, милые странники, съ удовольствіемъ, да исполнить вашу просьбу лично не могу, потому что я безъ ногъ: не могу стать. Напейтесь сами, что найдете.—Такъ отвѣчаетъ Илья безногій странникамъ, просящимъ пить.

Илья въ это время лежалъ на постели какъ совершенно безногій.

— Спускай ноги съ постели на полъ—говорятъ ему волхвы.

Онъ спустилъ.

— Ну, вставай теперь!

Илья всталъ и совершилось чудо: пошелъ онъ по полу какъ совершенно здоровый и возблагодарилъ Бога.

— Ну, принеси чего нибудь пить—говорятъ ему волхвы.

Для помочанъ было въ это время наварено пива бочки двѣ, да еще приготовлено было вина.

Илья смѣшалъ пиво съ виномъ и подноситъ волхвамъ. Волхвы угощаютъ его самаго; онъ выпилъ и сталъ чувствовать въ себѣ силу. Волхвы опять послали его за пивомъ. Онъ принесъ два ведра

пива, смѣшаннаго съ однимъ ведромъ вина и угощалъ волхвовъ, а они велятъ пить самому. Онъ выпилъ и опять его послали; принесъ три ведра пива и смѣшалъ съ двумя ведрами вина.

— Чувствуешь ли теперь въ себѣ силу? спрашиваютъ его волхвы.

— Чувствую великую силу, говоритъ Илья и продолжаетъ: если бы теперь былъ поставленъ столбъ отъ земли до неба и въ этотъ столбъ ввернуто кольцо съ винтомъ—я поворотилъ бы всю землю.

— Ну, ладно! теперь напой насъ.

Илья напоилъ волхвовъ и они ушли.

— Теперь пойду къ помочанамъ и пошучу какую нибудь шуточку, говоритъ Илья и идетъ къ помочанамъ. Пришелъ къ помочанамъ и всѣхъ засталъ спящими: «видно, захотѣли отдохнуть послѣ трудовъ» заключаетъ Илья и не будитъ никого. Собралъ онъ топоры и идетъ къ деревнямъ.... Ударитъ слегка топоромъ въ дерево—и топоръ идетъ въ дерево какъ въ мягкую землю, не видно и обуха; ударитъ другимъ—тоже. Такъ всѣ топоры какъ ножи въ хлѣбъ воткнулъ. Потомъ пошолъ собирать разнаго хворосту и пней. Собираетъ и бросаетъ въ рѣку какъ щепки. Бросалъ, бросалъ—запрудилъ ими рѣку и ушелъ; между тѣмъ вода начала выходить изъ береговъ и потоплять луга. Проснулись помочане и переполошились: отчего де сдѣлалось наводненіе? Хватились топоровъ—нѣтъ; искали, искали—увидѣли топорищи воткнутыми въ деревья; смотрятъ—топоры въ деревѣ.

— Что за диво? Кто пошутилъ надъ нами такъ, говорятъ другъ другу помочане и начинаютъ вырубать изъ деревъ свои топоры, а вырубать гдѣ-то еще остались два топора. Вырубали, вырубали—добыли топоры и пошли домой.

Помочане уже были во дворѣ и усаживались на скамьи пить съ устатку пива. Семейные Ильи таскаютъ имъ пиво ведрами и потчуютъ изъ ковшей. Пьютъ помочане и хмѣль входитъ въ головы ихъ. Илья взялъ цѣлую бочку съ пивомъ и понесъ на себѣ во дворъ, а въ эту бочку входило пива 40 ведеръ.

— Что за чудо! говорятъ другъ другу шопотомъ не то испуганные, не то удивленные гости. Не привидѣніе ли это? сидѣлъ Илья 30 лѣтъ безъ ногъ и не вставалъ съ постели, а теперь онъ необыкновенный человѣкъ—богатырь.

Отпировали помочане и изумленные разошлись по домамъ.

На другой день Илья говоритъ своему отцу.

— Купи мнѣ, батюшка, жеребенка у такой-то вдовы, сколько бы она ни запросила: жеребенокъ ея лежитъ въ полѣ на пласту; онъ мнѣ будетъ вѣрный слута.

Пришолъ отецъ Ильи ко вдовѣ и торгуетъ жеребенка; вдова не продаетъ. Вернулся отецъ Ильи обратно домой.

Опять посылаетъ Илья своего отца купить жеребенка, говоря: «купи мнѣ, свѣтъ родной батюшка, жеребенка у вдовы: онъ будетъ мнѣ вѣрный слуга». Ушелъ отецъ и опять торгуетъ. Вдова запросила 16 руб, и онъ отдалъ ей. Ушелъ отецъ Ильи въ поле и тамъ видитъ на пласту жеребенка, на немъ кости да кожа, не можетъ и встать. Взялъ его за ноги и потащилъ домой.

Илья сталъ кормить коня и выкормилъ его такъ, что жеребенокъ сталъ первымъ въ свѣтѣ конемъ.

Прошло немного времени и Ильѣ стало дома сидѣть скучно; захотѣлъ онъ постранствовать по бѣлому свѣту, помѣряться силами съ равными себѣ. Заказалъ онъ себѣ шляпу чугунную въ 200 пудовъ и проситъ у родителя благословенія ѣхать старинной дорогой, по которой давнымъ давно уже никто не ѣздилъ, а дорога эта пролегала черезъ лѣсъ, гдѣ на 12 дубахъ сидѣлъ разбойникъ Соловей и своимъ посвистомъ убивалъ людей. Благословилъ его отецъ и не велѣлъ ему обижать ни праваго, ни виноватаго, ни богатаго, ни бѣднаго, ни вдовицу, ни замужнюю, ни дѣвицу,— никого.

Надѣлъ Илья чугунную шляпу въ 200 пудовъ, взялъ лукъ и стрѣлы, сѣлъ на коня и поѣхалъ.

Ѣдетъ онъ много ли, мало ли, близко ли,—далеко ли, встрѣчается съ богатыремъ.

— Куда ты, Илья Муромецъ, поѣхалъ? спрашиваетъ богатырь у Ильи.

— Поѣхалъ я странствовать по бѣлому свѣту, помѣриться силами съ равными себѣ, вотъ поверну на старую дорогу, по которой никто уже не ѣздитъ. Такъ отвѣчаетъ Илья Муромецъ богатырю и богатырь ему опять говоритъ:

— Не ѣзди, Илья Муромецъ, по этой дорогѣ: она приведетъ

тебя къ Соловью разбойнику и онъ убьетъ тебя своимъ посвистомъ.

— У меня синь-кафтанъ въ 300 рублей, а коню моему нѣтъ и цѣны; а глади-ко, лучекъ-отъ у меня какой? И съ этими словами Илья натянулъ лукъ и пустилъ стрѣлу въ пихту. Пихту всю расщепало.

— Тебѣ, богатырю, у меня нечего взять, говоритъ Илья богатырь и проѣзжаетъ.

Ѣдетъ Илья Муромецъ старинной дорогой и доѣзжаетъ до Соловья-разбойника. Увидѣлъ Соловей Илья Муромца и свиснулъ такимъ посвистомъ, что листья посыпались съ деревъ и конь его палъ на колѣни. Илья натянулъ лукъ и, направивъ стрѣлу въ голову Соловья, пустилъ ею; стрѣла попала въ глазъ Соловью и онъ упалъ на землю. Илья подъѣхалъ къ Соловью и посадилъ его въ карманъ. У Соловья не далеко отъ 12 дубовъ былъ домъ, въ которомъ жили его жена и дѣти. Ѣдетъ Илья мимо дома Соловья и Соловьиха, увидѣвши Илью Муромца, говоритъ дѣтямъ: «дѣтушки! вотъ вашего батюшку Соловья поймали и ведутъ»; а сыновьямъ послышалось, будто Соловей кого ведетъ и говорятъ матери: «ну, везетъ—такъ веди».

Пріѣхалъ Илья Муромецъ въ городъ; въ это время шла еще обѣдня. Зашелъ Илья помолиться въ соборъ; тамъ стоитъ царь. Увидѣвъ Илью Муромца, Государь и спрашиваетъ его:

— Какой дорогой ты ѣхалъ, Илья Муромецъ?

— Государь-батюшка! здѣсь объ этомъ не говорятъ, а пришли молиться—и молятся Богу, отвѣчаетъ Илья.

Обѣдня отошла и государь зоветъ Илью Муромца къ себѣ въ гости.

— Какъ пойду я, крестьянскій сынъ, къ царю-батюшкѣ въ гости? говоритъ Илья государю.

— Если приглашаютъ—иди: брезговать ни чьимъ угощеньемъ нельзя.

Илья ушелъ къ царю въ гости и сидитъ въ палатахъ царскихъ.

— Ну, скажи теперь подробно, какой дорогой ты ѣхалъ, опять спрашиваетъ государь.

— Я ѣхалъ, государь-батюшка, дорогой старинной, по которой никто уже давнымъ давно не ѣздилъ.

— Какъ ты проѣхалъ мимо Соловья разбойника?

— Я его поймалъ и посадилъ въ карманъ.

Государь позвалъ къ себѣ тридцать богатырей и велѣлъ Ильѣ Муромцу показать Соловья. Илья высадилъ Соловья разбойника и попросилъ Государя да государыню заткнуть уши. Они заткнули и Илья велѣлъ Соловью свистнуть половиннымъ свистомъ; а Соловей свиснулъ полнымъ свистомъ и тѣмъ убилъ всѣхъ тридцать богатырей. Тогда Илья Муромецъ за ослушаніе убилъ Соловья однимъ пинкомъ.

Государь говоритъ Ильѣ Муромцу, что у нихъ ходитъ въ городѣ Чудовище-Обжора, который съѣдаетъ въ день по цѣлому быку и выпиваетъ по 40 ведеръ пива; не можетъ ли онъ, Илья, избавить ихъ отъ Обжоры?

— Посмотримъ, сказалъ Илья и сталъ дожидаться вечера, когда Обжора долженъ былъ придти къ царю просить быка.

Пришелъ вечеръ и явился Обжора, огромный ростомъ и страшный собой. Сѣлъ онъ на крѣпкую лавку и проситъ быка.

— Это что за чудовище проситъ быка? сказалъ Илья Муромецъ на слова Обжоры.

— А ты что раскричался, Илья Муромецъ? али тебя самого надо съѣсть? говоритъ Обжора.

Илья отвѣчаетъ.

— Подавишься, проклятый Обжора!

— Нѣтъ, сразу проглочу тебя.

— Нѣтъ, подавишься.

Илья не сталъ больше препираться съ Обжорой. Надѣлъ на него 200 пудовую шапку и раздавилъ его, такъ что отдѣлилась отъ туловища и голова.

Возблагодарили царь и прочіе Илью за избавленіе ихъ отъ Обжоры и говорятъ ему:

— Великъ ты, Илья Муромецъ, силой своей въ русской землѣ, нѣтъ и не будетъ равнаго тебѣ, но есть, сказываютъ еще сильнѣе тебя богатырь; его, говорятъ, держитъ только одна гора, а на прочихъ мѣстахъ земля не держитъ.

Пожилъ Илья Муромецъ въ городѣ и пожелалъ искать того богатыря.

Искалъ онъ его и нашелъ на каменой горѣ; лежитъ онъ ничкомъ, не шевелится. Подошелъ Илья къ нему и ударилъ его палицей.

— Блоха укусила, говоритъ богатырь.

Ударилъ другой разъ.

—Муха укусила, бормочетъ богатырь со сна.

Еще ударилъ Илья.

— Паутъ (оводъ) укусилъ, сказалъ лежащій богатырь и всталъ.

— Чего тебѣ надо отъ меня, Илья Муромецъ? обратился къ Ильѣ богатырь.—Тебѣ здѣсь нечего дѣлать. Если хочешь со мной бороться—я ушибу тебя до смерти однимъ ударомъ; жалѣешь жизни—поѣзжай съ Богомъ.

Илья Муромецъ поѣхалъ. Ѣдетъ онъ близко ли, далеко ли, мало ли, много ли—встрѣчается съ богатыремъ. Поздоровались, назвались братьями и поѣхали вмѣстѣ. Постранствовали они по свѣту и попался имъ на дорогѣ гробъ.

Товарищъ Ильи слѣзъ съ коня и говоритъ: «видно этотъ гробъ приготовленъ ужь мнѣ. Помѣряемъ, не на мой ли ростъ онъ сдѣланъ.» Легъ онъ въ гробъ и растянулся. Гробъ великъ. Слѣзъ съ коня Илья; легъ въ гробъ и гробъ закрылся крышкою, а на крышкѣ сдѣлался желѣзный обручъ.

— Братъ! гробъ закрылся и крышка обтянулась желѣзнымъ обручемъ, говоритъ богатырь Ильѣ.

— Разбивай, братъ, обручъ моей палицей, отвѣчаетъ Илья.

Богатырь ударилъ—сдѣлался другой обручъ, ударилъ третій разъ—сдѣлался третій.

— Ну, братъ, теперь три обруча, говоритъ Ильѣ богатырь.

— Дѣлать нечего, видно время пришло умирать, отвѣчаетъ изъ гроба Илья.—Дожидай, братъ, мою смерть. Когда пойдетъ изъ гроба пѣна—ты выпей всю и вся моя сила перейдетъ къ тебѣ.

Ждалъ богатырь и дождался пѣны; потекла пѣна изъ гроба на подобіе ваты. Выпилъ богатырь всю пѣну и сталъ чувствовать въ себѣ величайшую силу. (Дер. Уйвая, Наумъ Кожевниковъ).

Михайло Поповъ. Посѣялъ попъ горохъ; горохъ уродился хорошій, да та бѣда, что кто-то по ночамъ сталъ топтать и травить его. Вотъ попадья посылаетъ своего попа караулить горохъ и поймать

— Я ѣхалъ, государь-батюшка, дорогой старинной, по которой никто уже давнымъ давно не ѣздилъ.

— Какъ ты проѣхалъ мимо Соловья разбойника?

— Я его поймалъ и посадилъ въ карманъ.

Государь позвалъ къ себѣ тридцать богатырей и велѣлъ Ильѣ Муромцу показать Соловья. Илья высадилъ Соловья разбойника и попросилъ Государя да государыню заткнуть уши. Они заткнули и Илья велѣлъ Соловью свистнуть половиннымъ свистомъ; а Соловей свиснулъ полнымъ свистомъ и тѣмъ убилъ всѣхъ тридцать богатырей. Тогда Илья Муромецъ за ослушаніе убилъ Соловья однимъ пинкомъ.

Государь говоритъ Ильѣ Муромцу, что у нихъ ходитъ въ городѣ Чудовище-Обжора, который съѣдаетъ въ день по цѣлому быку и выпиваетъ по 40 ведеръ пива; не можетъ ли онъ, Илья, избавить ихъ отъ Обжоры?

— Посмотримъ, сказалъ Илья и сталъ дожидаться вечера, когда Обжора долженъ былъ придти къ царю просить быка.

Пришелъ вечеръ и явился Обжора, огромный ростомъ и страшный собой. Сѣлъ онъ на крѣпкую лавку и проситъ быка.

— Это что за чудовище проситъ быка? сказалъ Илья Муромецъ на слова Обжоры.

— А ты что раскричался, Илья Муромецъ? али тебя самого надо съѣсть? говоритъ Обжора.

Илья отвѣчаетъ.

— Подавишься, проклятый Обжора!

— Нѣтъ, сразу проглочу тебя.

— Нѣтъ, подавишься.

Илья не сталъ больше препираться съ Обжорой. Надѣлъ на него 200 пудовую шапку и раздавилъ его, такъ что отдѣлилась отъ туловища и голова.

Возблагодарили царь и прочіе Илью за избавленіе ихъ отъ Обжоры и говорятъ ему:

— Великъ ты, Илья Муромецъ, силой своей въ русской землѣ, нѣтъ и не будетъ равнаго тебѣ, но есть, сказываютъ еще сильнѣе тебя богатырь; его, говорятъ, держитъ только одна гора, а на прочихъ мѣстахъ земля не держитъ.

Пожилъ Илья Муромецъ въ городѣ и пожелалъ искать того богатыря.

Искалъ онъ его и нашелъ на каменой горѣ; лежитъ онъ ничкомъ, не шевелится. Подошелъ Илья къ нему и ударилъ его палицей.

— Блоха укусила, говоритъ богатырь.

Ударилъ другой разъ.

—Муха укусила, бормочетъ богатырь со сна.

Еще ударилъ Илья.

— Паутъ (оводъ) укусилъ, сказалъ лежащій богатырь и всталъ.

— Чего тебѣ надо отъ меня, Илья Муромецъ? обратился къ Ильѣ богатырь.—Тебѣ здѣсь нечего дѣлать. Если хочешь со мной бороться—я ушибу тебя до смерти однимъ ударомъ; жалѣешь жизни—поѣзжай съ Богомъ.

Илья Муромецъ поѣхалъ. Ѣдетъ онъ близко ли, далеко ли, мало ли, много ли—встрѣчается съ богатыремъ. Поздоровались, назвались братьями и поѣхали вмѣстѣ. Постранствовали они по свѣту и попался имъ на дорогѣ гробъ.

Товарищъ Ильи слѣзъ съ коня и говоритъ: «видно этотъ гробъ приготовленъ ужь мнѣ. Помѣряемъ, не на мой ли ростъ онъ сдѣланъ.» Легъ онъ въ гробъ и растянулся. Гробъ великъ. Слѣзъ съ коня Илья; легъ въ гробъ и гробъ закрылся крышкою, а на крышкѣ сдѣлался желѣзный обручъ.

— Братъ! гробъ закрылся и крышка обтянулась желѣзнымъ обручемъ, говоритъ богатырь Ильѣ.

— Разбивай, братъ, обручъ моей палицей, отвѣчаетъ Илья.

Богатырь ударилъ—сдѣлался другой обручъ, ударилъ третій разъ—сдѣлался третій.

— Ну, братъ, теперь три обруча, говоритъ Ильѣ богатырь.

— Дѣлать нечего, видно время пришло умирать, отвѣчаетъ изъ гроба Илья.—Дожидай, братъ, мою смерть. Когда пойдетъ изъ гроба пѣна—ты выпей всю и вся моя сила перейдетъ къ тебѣ.

Ждалъ богатырь и дождался пѣны; потекла пѣна изъ гроба на подобіе ваты. Выпилъ богатырь всю пѣну и сталъ чувствовать въ себѣ величайшую силу. (Дер. Уйвая, Наумъ Кожевниковъ).

Михайло Поповъ. Посѣялъ попъ горохъ; горохъ уродился хорошій, да та бѣда, что кто-то по ночамъ сталъ топтать и травить его. Вотъ попадья посылаетъ своего попа караулить горохъ и поймать

вора. Ночью попъ отправился на горохъ, легъ на межу и караулитъ вора;—вдругъ слышитъ на срединѣ полосы плачъ груднаго ребенка; идетъ къ мѣсту плача и видитъ: на полосѣ лежитъ въ пеленкахъ грудной ребенокъ. Взялъ его, назвалъ Михайломъ Поповымъ и отправился домой. Пришелъ и говоритъ попадьѣ: «попадья! я нашелъ на нашемъ горохѣ ребенка и назвалъ его Михайломъ Поповымъ».— «Ну, будемъ воспитывать! у насъ же нѣтъ дѣтей», сказала попадья. Стали воспитывать Михайла и онъ растетъ, какъ бобъ на грядкахъ, быстро, и стала появляться у него необыкновенная сила. Разъ онъ пошелъ къ ребятишкамъ играть и тѣ начали надъ нимъ смѣяться: «ахъ, ты чертовъ парень, найденышъ!» Разсердился Михайло и ударилъ одного изъ нихъ по головѣ; голова мгновенно слетѣла прочь съ туловища. Пришелъ Михайло Поповъ домой. По жалобѣ отца убитаго мальчика всѣ жители собрались на сходъ, пригласили туда попа и говорятъ ему: «бачко! куда хочешь, туда и дѣвай своего найденыша; онъ перебьетъ всѣхъ нашихъ парней!» Попъ спрашиваетъ: «не знаете-ли вы такого обжору, который бы могъ съѣсть Михайла?» Мужики отвѣчаютъ: «знаемъ мы лѣсъ, а въ томъ лѣсу водится множество волковъ и эти волки чрезъ этотъ лѣсъ не пропускаютъ ни проѣзжающаго, ни проходящаго: всѣхъ съѣдаютъ». Попъ говоритъ: «ладно, пошлю я его туда; пусть съѣдятъ голодные волки!» Пришелъ попъ домой и говоритъ найденышу своему: «ступай-ка, Михайло, въ такой-то лѣсъ, пригони оттуда домой моихъ барашковъ!» Ушелъ Михайло въ лѣсъ, вырвалъ тамъ съ корнемъ большой дубъ и видитъ: со всѣхъ сторонъ прибѣгаютъ къ нему голодные волки; онъ поднялъ дубъ и гонитъ волковъ домой, говоря: «идите, идите, барашки домой!» Пригналъ стадо къ поповскимъ воротамъ и кричитъ попу: «куда, бачко, барашковъ запереть?» Попъ отвѣчаетъ: «запри барашковъ къ овечкамъ въ хлѣвъ!» Михайло загналъ волковъ къ овечкамъ въ хлѣвъ и заперъ. Утромъ Михайло отперъ овчарню и видитъ: всѣ овцы перерѣзаны волками и лежатъ въ одной грудѣ. Идетъ Михайло къ попу и говоритъ: «Бачко! барашки овечекъ склали въ одну груду». Попъ говоритъ: «ступай, выгони барашковъ изъ овчарни». Михайло выгналъ изъ овчарни волковъ и они разбѣжались. Михайло ушелъ опять играть къ ребятишкамъ; а тѣ начали надъ нимъ смѣяться: «убирайся ты, оборванецъ, чертовъ парень!» Михайло разсердился и оторвалъ

одному мальчугану руку. Отцы парней опять собрались на сходъ, пригласили туда попа и говорятъ: «бачко! куда хочешь, туда дѣнь своего найденыша: онъ перебьетъ всѣхъ нашихъ парней». Попъ опять говоритъ: «а куда я его дѣну?» Тѣ отвѣчаютъ: «пошли его въ такой-то лѣсъ! тамъ водится множество медвѣдей и медвѣди тѣ чрезъ этотъ лѣсъ не пропускаютъ ни проходящаго, ни проѣзжающаго—всѣхъ съѣдаютъ». Приходитъ попъ домой и говоритъ Михайлѣ: «ступай-ка, Михайло, въ такой-то лѣсъ; тамъ у меня пасутся быки, — пригони ихъ домой!» Ушелъ Михайло въ лѣсъ, вырвалъ съ корнемъ большое дерево и видитъ: со всѣхъ сторонъ собираются къ нему медвѣди; поднялъ онъ дерево и гонитъ медвѣдей домой. Къ сумеркамъ пригналъ ихъ домой къ воротамъ и кричитъ попу: «Бачко! куда запереть быковъ?» Попъ отвѣчаетъ: «запри ихъ въ хлѣвъ къ коровамъ». Михайло такъ и сдѣлалъ. Утромъ идетъ Михайло смотрѣть медвѣдей и видитъ: всѣ коровы передавлены медвѣдями и лежатъ въ одной грудѣ. Пришелъ онъ къ попу и говоритъ: «Бачко! быки коровъ склали въ одну груду». Попъ отвѣчаетъ: «надо выгнать быковъ изъ хлѣва». Михайло выгналъ медвѣдей и тѣ разбѣжались; оставилъ только одного медвѣдя и привязалъ его къ столбу у конюшни. Ушелъ Михайло опять къ ребятишкамъ и тѣ начали смѣяться надъ нимъ: «убирайся ты, чертовъ парень, найденышъ!» Михайло разсердился на нихъ и началъ угощать ихъ кулаками такъ, что кому оторветъ руку, кому—ногу, кому — голову, а кого уложитъ на мѣстѣ такъ, что и не охнетъ. Мужики опять собрались на сходъ, пригласили туда попа и говорятъ ему: «Бачко! мы совсѣмъ не рады твоему найденышу: онъ перебьетъ всѣхъ нашихъ парней; куда хочешь, туда и дѣнь его!» Попъ говоритъ: «куда я его дѣну?» Тѣ отвѣчаютъ: »есть въ такомъ-то мѣстѣ глубокое озеро, а въ этомъ озерѣ живутъ черти; пошли его туда: оттуда онъ не воротится». Пришелъ попъ домой и говоритъ своему найденышу: «ступай, Михайло, въ такое-то мѣсто! тамъ есть озеро, а за чертями этого озера пропадаетъ у меня руга; получи съ нихъ ругу и привези». — «Ладно», сказалъ Михайло и вышелъ изъ избы; запрегъ медвѣдя въ кошеву, сѣлъ и поѣхалъ. Пріѣхалъ къ озеру и видитъ: стоитъ у озера пень, а на пнѣ сидитъ чертенокъ. Чертенокъ спрашиваетъ: «куда ты, Михайло Поповъ, поѣхалъ?» Онъ отвѣчаетъ: «пріѣхалъ къ вамъ за ругой

отъ бачка; зачѣмъ вы не платите ему руги? «Чертенокъ испугался, упалъ съ пня и скатился клубкомъ въ воду; тамъ, вѣроятно, передалъ слова Михайла Попова отцу и чрезъ минуту вышелъ изъ озера сѣдой, старый чертъ и спрашиваетъ: «что тебѣ надо, Михайло Поповъ?» Михайло отвѣчаетъ: «надо съ васъ получить ругу; послалъ бачко». Чертъ говоритъ: «сперва попробуемъ силу, тогда увидимъ: можешь ли ты требовать съ насъ ругу! айда, побѣжимъ вмѣстѣ! если ты перебѣжишь меня — отдамъ ругу, а если я перебѣгу—мы неповинны платить тебѣ руги». — «Ладно», сказалъ Михайло Поповъ и пошелъ за кусты; тамъ поймалъ зайца и привязалъ его къ кустамъ. Старикъ-чертъ вызвалъ изъ озера вмѣсто себя молодаго чертенка и говоритъ: «бѣги скорѣе!» Михайло Поповъ, скрывшись за кусты, отпустилъ зайца; заяцъ прыгаетъ, какъ птица летитъ, — оставилъ далеко чертенка; чертенокъ бѣжалъ, бѣжалъ— усталъ и вернулся къ отцу. Михайло Поповъ вышелъ изъ-за кустовъ и говоритъ: «что, кто кого перебѣжалъ?» Чертъ отвѣтилъ: «ты; у тебя силы больше. Давай ка, еще попробуемъ силу! будемъ бросать гири вверхъ: кто забросить дальше, у того больше силы».— «Ладно», говоритъ Михайло Поповъ. Чертъ вынесъ изъ озера двѣ гири: одну двухпудовую, другую двухфунтовую; первую отдалъ Михайлѣ Попову, а другую взялъ себѣ и говоритъ чертъ Михайлѣ: «ну, давай, попробуемъ силу!» «Пробуй», отвѣчаетъ Михайло. Чертъ бросилъ двухфунтовую гирю вверхъ и не стало ее видно. Михайло Поповъ взялъ двухпудовую гирю въ правую руку и машетъ ей, говоря: «смотри-ка, какъ далеко заброшу я гирю!» Она останется на облакахъ и обратно не упадетъ. Черту стало жаль гири и говоритъ онъ Михайлѣ Попову: «не бросай эту гирю! она у насъ старинная; пригодится впередъ». Михайло заслонилъ гирю полой платья, замахнулся рукой и говоритъ: «я гирю вашу забросилъ за самыя дальнія облака». Чертъ почесалъ затылокъ и говоритъ: «жалко! гиря была старинная!» и ушелъ онъ за ругой въ озеро. Вдругъ оттуда начали выходить черти смотрѣть на Михайла Попова. Михайло бросилъ имъ на встрѣчу двухпудовую гирю и сказалъ: «берите назадъ гирю! ее небо не принимаетъ». Черти унесли гирю въ озеро и оттуда начали выносить серебро и золото и, отдавая Михайлѣ Попову, говорятъ: «на, бери, вмѣсто руги деньги, да не поминай лихомъ!» Михайло же отвѣчаетъ: «коли деньги, такъ

давайте полную шляпу». Черти ушли въ озеро за деньгами; между тѣмъ Михайло натянулъ на кошеву пологъ, продѣлалъ въ срединѣ дыру, взялъ свою шляпу, продралъ на верхушкѣ тоже дыру и держитъ надъ пологомъ напротивъ дыры, говоря чертямъ: «ну, сыпьте въ шляпу!» черти сыплютъ въ шляпу, а изъ шляпы деньги сыплются чрезъ дыру въ кошеву. Михайло говоритъ: «сыпьте еще!» Черти носили, носили, наполнили шляпу деньгами, когда наполнилась кошева. Тогда говоритъ Михайло Поповъ одному молодому черту: «ну, запрягись, рогатый чертъ, въ кошеву съ моимъ быкомъ!» Черту стало жаль денегъ; вотъ говоритъ онъ Михайлѣ: «давай-ка еще попробуемъ силу! если ты меня переберешь, деньги твои, а если я тебя—деньги наши». — «Ладно», отвѣчаетъ Михайло; «но мнѣ съ тобой бороться стыдно, какъ слону съ комаромъ, пусть борется съ тобой за меня быкъ». Чертъ согласился. Выпрягъ Михайло медвѣдя и заставилъ бороться съ чертомъ. Борется медвѣдь съ чертомъ; ворочаетъ, ломаетъ его — конецъ приходитъ черту; вотъ онъ говоритъ Михайлѣ: «останови, Михайло Поповъ, своего быка, чтобы онъ больше ужь не боролся со мной! я больше не спорю, возьми деньги; у тебя больше силы!» Остановилъ Михайло медвѣдя, запрегъ его рядомъ съ чертомъ въ кошеву и пріѣхалъ домой. Видитъ попъ, что Михайло пріѣхалъ на чертѣ и медвѣдѣ и испугался ужасно. Заперъ Михайло черта съ медвѣдемъ въ конюшню и говоритъ попу: «ну, бачко, я привезъ тебѣ ругу, куда ее положить?» Попъ пришелъ и видитъ: кошева наполнена золотомъ и серебромъ. Обрадовался попъ и велѣлъ Михайлѣ деньги отнести въ амбаръ. На другой день Михайло говоритъ попу: «ну, бачко, я теперь уйду отъ тебя на всѣ четыре стороны, куда глаза глядятъ». Взялъ черта и медвѣдя изъ засады и отправился. Доходитъ до мельницы и дѣлаетъ черта — мельникомъ, а медвѣдя засыпникомъ:—самъ же пошелъ дальше по горамъ, по полямъ и по доламъ. Вдругъ видитъ рѣку Каму, а на берегу этой рѣки сидитъ Усыня и закручиваетъ усами Каму. Подошелъ Михайло Поповъ къ Усынѣ и говоритъ: «айда, молодецъ! пойдемъ Усынюшка со мною куда глаза глядятъ!» «Пойдемъ!» отвѣчаетъ тотъ. Идутъ они двое по горамъ, по доламъ, по сыпучимъ пескамъ и видятъ: стоитъ гора, а у этой горы сидитъ великанъ Горыня и мизинцемъ гору качаетъ. Михайло подошелъ къ

Горынѣ и говоритъ: «айда, молодецъ! пойдемъ, Горынюшка, съ нами куда глаза глядятъ!» «Пойдемъ», отвѣтилъ Горыня; всталъ и пошелъ. Идутъ они трое по горамъ, по доламъ, по сыпучимъ пескамъ и видятъ: стоитъ избушка и кругомъ ея заплаты желѣзныя; зашли въ ограду и видятъ тамъ множество воловъ. Вошли въ избушку — въ избушкѣ никого нѣтъ; смотрятъ въ печь—печь топится. Михайло Поповъ говоритъ Усынѣ: «ты, Усынюшка, приготовь здѣсь мясо, а мы съ Горыней пойдемъ гулять» и отправились. Усыня убилъ вола и началъ его жарить на горячихъ угольяхъ; вдругъ изъ подполья выходитъ мужичекъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ, а лапти длиной семь четвертей и говоритъ Усынѣ: «Ахъ вы такіе, растакіе! воловъ здѣсь не кормите, а готовое мясо ѣдите!» И началъ онъ Усыню таскать за волосы, бить кулаками, топтать ногами. Билъ, билъ и ушелъ обратно въ подполье. Сидитъ Усыня, плачетъ...

Приходитъ Михайло Поповъ съ Горыней и видя, что волосы на головѣ Усыни растрепаны и на щекахъ видны слезы, спрашиваетъ: «зачѣмъ ты, Усынюшка, плакалъ?» а онъ въ отвѣтъ: «нѣтъ, я не плакалъ». — «А зачѣмъ у тебя слезы?» — «А это — потъ». Горыня спрашиваетъ: «зачѣмъ у тебя, Усынюшка, растрепаны волосы? развѣ кто теребилъ тебя?»—Усыня отвѣчаетъ: «нѣтъ, меня никто за волосы не теребилъ, а волосы растрепалъ вѣтеръ, когда я во дворѣ потрошилъ быка». Наѣлись жаренаго мяса и опять Михайло зоветъ гулять Усыню, а Горынѣ велитъ печь мясо.

Михайло съ Усыней ушли, а Горыня убилъ вола и началъ печь мясо на горячихъ угольяхъ. Вдругъ вышелъ изъ подполья тотъ же мужичекъ и началъ бить Горыню, приговаривая: «ахъ, вы такіе, растакіе! воловъ здѣсь не кормите, а готовое мясо ѣдите!» билъ, билъ и ушелъ обратно въ подполье. Сидитъ Горыня и плачетъ. — Приходитъ Михайло Поповъ съ Усыней и спрашиваетъ: «не билъ ли кто тебя, Горынюшка,—у тебя волосы растрепаны и слезы на щекахъ?» Горыня отвѣчаетъ: «нѣтъ, никто меня не билъ; на щекахъ у меня выступилъ потъ, когда я стоялъ у печи, а волосы растрепалъ вѣтеръ, когда я потрошилъ быка въ оградѣ». Наѣлись мяса и Михайло Поповъ посылаетъ гулять Усыню съ Горыней, а самъ остается дома и начинаетъ стряпать кушанье. Съ

нимъ повторяется таже исторія, что и съ его товарищами, т. е. изъ подполья вышелъ мужичекъ и набросился на Михайла; Михайло избилъ мужичка и еле живаго притащилъ въ ограду, поднялъ одинъ уголъ избы и подсунулъ туда бороду мужичка, а самъ вошелъ въ избу. Скоро вернулись Усыня и Горыня. Михайло разсказалъ имъ, какъ было дѣло и попенялъ на нихъ, зачѣмъ они скрыли отъ него, что съ ними было въ его отсутствіе. Закусивши жаренымъ мясомъ, они отправляются посмотрѣть на мужичка; пришли къ углу и видятъ подъ угломъ лежитъ только одна борода, а мужичка нѣтъ. Долго они его искали, но нигдѣ не могли найти; только видятъ среди ограды большую нору и догадались, что мужичекъ спустился туда. Михайло Поповъ отыскалъ веревку и предложилъ Усынѣ съ Горыней спуститься туда, но они оба оказались трусами, — побоялись спуститься въ нору; тогда Михайло, съ помощью ихъ, спустился самъ и очутился на сѣромъ свѣтѣ. Постранствовалъ онъ по сѣрому свѣту дня два; наконецъ, видитъ у дороги избушку. Входитъ въ нее; тамъ сидитъ дѣвушка и шьетъ бумажное платье. На вопросъ дѣвушки, куда онъ идетъ, Михайло отвѣчаетъ: «ищу мужичка съ длинной бородой». Дѣвушка говоритъ, что этотъ мужичекъ приходится ей роднымъ дѣдомъ и уѣхалъ въ теплыя страны отращивать себѣ бороду. Михайло предлагаетъ этой дѣвушкѣ идти съ нимъ; она соглашается и, взявъ въ руки яичко, бросаетъ его на полъ. Яичко катится по полу и избушка сворачивается въ него. Взяла дѣвушка это яичко и положила его за пазуху.

Идутъ они вдвоемъ дальше и на встрѣчу имъ попадается опять избушка. Заходятъ въ нее и видятъ, сидитъ дѣвушка и шьетъ шерстяное платье. «Куда ты идешь, Михайло Поповъ?» спрашиваетъ она. «Иду искать мужичка; онъ обидѣлъ моихъ товарищей», отвѣчаетъ Михайло. Дѣвушка говоритъ: «онъ мой дѣдъ и уѣхалъ на теплыя моря отращивать себѣ бороду». «Иди со мной, дѣвушка!» говоритъ Михайло. Дѣвушка согласилась; взяла яичко, покатила его по полу и вся избушка свернулась въ это яичко; дѣвушка положила яичко себѣ за пазуху. Пошли они втроемъ. Идутъ и встрѣчаютъ у дороги третью избушку. Вошедши въ нее, увидѣли дѣвушку, которая шила шелковое платье. Она также спросила, куда идетъ Михайло, и когда Михайло сказалъ, что отыскиваетъ му-

жичка, который обидѣлъ его товарищей, она говоритъ: «онъ мой дѣдъ и уѣхалъ на теплыя моря отращивать бороду». Михайло предложилъ и этой дѣвушкѣ идти съ нимъ. Она свернула свою избушку въ яичко, которое, какъ и тѣ дѣвицы, положила за пазуху и отправилась съ Михайломъ. Идутъ они четверо по сѣрому свѣту и доходятъ до такого мѣста, гдѣ надъ ними виситъ каменный потолокъ, въ которомъ находится отверстіе. Остановился Михайло подъ этимъ отверстіемъ и кричитъ наверхъ: «Усыня и Горыня! спускайте сюда веревку!» Тѣ спустили. Михайло отправилъ по этой веревкѣ, поочередно, каждую дѣвушку и началъ подниматься самъ. Но Усыня и Горыня, видя трехъ дѣвушекъ, рѣшили, что Михайло теперь не будетъ любить ихъ, а будетъ любить этихъ дѣвушекъ и не вытащили Михайла, а спустили туда веревку. Закручинился Михайло, когда увидѣлъ, что ему пришлось остаться на сѣромъ свѣтѣ. Идетъ онъ и видитъ большую гору, у которй бѣгаетъ котикъ. Михайло говоритъ ему: «я тебя убью, котикъ!»—«Не бей меня, Михайло!» взмолился котикъ;—«я тебѣ пригожусь». Михайло оставилъ его живымъ и пошелъ дальше. Видитъ на озерѣ плаваетъ утка; онъ собирается ее убить, но утка проситъ пощадить, говоря: «я тебѣ еще пригожусь!» Михайло не убиваетъ утку и отправляется дальше. Идетъ онъ по сѣрому свѣту, вдругъ видитъ, что его со всѣхъ сторонъ окружаетъ вода и онъ очутился на кочкѣ. Что дѣлать? горюетъ Михайло. Вдругъ подплываетъ къ нему уточка и говоритъ: «садись на меня, Михайло! я тебя перевезу». Михайло сѣлъ на утку и поплылъ. Дорогою уточка говоритъ Михайлѣ: «я тебя уроню, Михайло!» а онъ отвѣчаетъ; «не роняй меня, уточка! вѣдь я-жь тебя не убилъ! не губи и ты меня». Не уронила уточка Михаила Попова и онъ благополучно переплылъ. Поблагодаривъ ее за перевозъ, пошелъ дальше. Идетъ онъ по сѣрому свѣту и видитъ, стоитъ большая гора, а подъ этой горой бѣгаетъ котикъ. Задумался Михайло, какъ подняться на крутую гору. Подбѣгаетъ къ нему котикъ и говоритъ! «садись на меня, Михайло Поповъ! я перевезу тебя на гору». Сѣлъ Михайло на котика и ѣдетъ. Ѣхали, ѣхали, вдругъ котикъ говоритъ: «я тебя уроню, Михайло Поповъ!» а онъ въ отвѣтъ: «нѣтъ, не роняй меня я тебя не убилъ и ты меня не губи!» Ѣдутъ, ѣдутъ, опять говоритъ котикъ: «Я тебя уроню, Михайло Поповъ; силы нѣтъ больше

везти тебя: ѣсть хочу». Дѣлать нечего, отрѣзалъ Михайло отъ икры своей ноги немного мяса, покормилъ котика и поѣхали дальше. Ѣхали, ѣхали и спрашиваетъ котикъ: «что видишь ли, Михайло Поповъ, бѣлый свѣтъ?» Михайло отвѣчаетъ: «вижу, будто начинаетъ свѣтать». Ѣхали, ѣхали и опять говоритъ котикъ: «Я тебя уроню, Михайло Поповъ! силы нѣтъ, ѣсть хочется». Михайло отрѣзалъ отъ икры другой ноги кусокъ мяса и покормилъ котика. Поѣхали дальше. Опять спрашиваетъ котикъ: «что, видишь ли, Михайло Поповъ, бѣлый свѣтъ?» Михайло отвѣчаетъ: «вижу, что солнышко уже всходитъ». Наконецъ, котикъ говоритъ Михайлѣ: «я тебя уроню, Михайло Поповъ!» а онъ въ отвѣтъ: «нѣтъ, не роняй меня, котикъ! я тебя не убилъ и ты меня не губи». Ѣхали, ѣхали и пріѣхали на бѣлый свѣтъ. Поблагодарилъ Михайло Поповъ котика и ушелъ. Идетъ онъ по бѣлому свѣту и встрѣчается съ нимъ беззубый старичекъ. Спрашиваетъ Михайло Поповъ старика: «не знаешь ли ты, дѣдушка, Усыню да Горыню?» старичекъ отвѣчаетъ: «знаю; они живутъ въ тридцати верстахъ отсюда съ тремя дѣвушками, но къ себѣ, кромѣ меня, никого не пускаютъ; а если кто придетъ, то убиваютъ». Перемѣнился Михайло Поповъ одеждой со старикомъ, притворился самъ беззубымъ старикомъ и пошелъ къ Усынѣ да Горынѣ; подошелъ къ ихъ жилищу и кричитъ съ присвистомъ, какъ беззубый старикъ: «пустите-ка меня, Усынюшка, да Горынюшка, къ вамъ!» тѣ отвѣчаютъ: «иди, дѣдушка, иди! ты намъ знакомый». Пришелъ къ нимъ Михайло Поповъ и убилъ ихъ, а самъ началъ жить припѣваючи съ дѣвушками. (Сказка эта разсказана въ селѣ Сосновкѣ русскимъ крестьяниномъ Капитономъ Семеновымъ Анисимовымъ, живущимъ съ вотяками; разсказываютъ ее и вотяки на вотскомъ языкѣ).

Нюлэсъ-Муртъ. 1. (Разсказъ крестьянина поч. Ворчина Шарканскаго прихода Якова Григорьева). Нюлэсъ-Муртъ—старикъ вышиной съ телеграфный столбъ, собою страшный; онъ, впрочемъ, принимаетъ разные виды: кого не любитъ, тому кажется страшнымъ, кого любитъ—обыкновеннымъ человѣкомъ. Лѣтомъ 1885 года односелецъ нашъ, Антонъ Кузьминъ, разсказывалъ слѣдующее: братъ его ѣздилъ въ почин. Лялмуръ въ гости на верховой лошади и возвращался обратно домой. Ѣдетъ онъ и со скуки распѣваетъ любимую пѣсенку. Доѣхалъ до березы, стоящей у самой дороги и вдругъ под-

нялся сильный вѣтеръ; посмотрѣлъ на лѣво—и о ужасъ! идетъ огромнаго роста Нюлэсъ-муртъ и бросаетъ землю во всѣ стороны. «Я, говоритъ онъ, со страху чуть не упалъ съ коня. Хорошо что не остановился и прошелъ, а то бы не знаю, что было».

Къ этому разсказу мы нелишнимъ считаемъ примолвить свое мнѣніе: по повѣрью инородцевъ, лѣшій ходитъ въ вихрѣ; вѣроятно братъ Антона Кузьмина встрѣтился съ вихремъ, крутящимъ столбъ пыли и песку въ родѣ смерчи и это очевидцу показалось лѣшимъ-великаномъ.

2. Попъ (жрецъ) Иванъ Аѳанасьевъ принесъ въ Лудъ-кенерѣ въ жертву Нюлэсъ-Мурту краденую утку. Случилась ему зимой поѣздка въ починокъ Байбеково въ гости къ родственникамъ. Погостилъ онъ какъ надо и возвращается домой ночью. Доѣхалъ до перелѣска и захотѣлъ покурить; вынулъ трубку изъ-за пазухи и изъ рукъ выронилъ въ сани, а въ саняхъ было соломы много. Ищетъ, ищетъ онъ трубку—не находитъ. Вылѣзъ изъ саней и шаритъ руками въ соломѣ; трубка нашлась; набилъ ее табакомъ и закуриваетъ... Вдругъ изъ перелѣска слышитъ голосъ Нюлэсъ-Муртъ, который говоритъ ему: «зачѣмъ, Иванъ, свою утку мнѣ жалѣешь?» Иванъ пообѣщался принести въ жертву свою утку и голоса Нюлэсъ-мурта больше не слыхалъ.

Въ слѣдующей же день попъ взялъ утку и отправился принести жертву Нюлэсъ-мурту въ то мѣсто, гдѣ онъ слышалъ голосъ Нюлэсъ-мурта.

3. Въ ночь на Великій Четвертокъ ушли слушать въ баню трое—двѣ дѣвушки и одинъ мужчина. Слушали, слушали—не выслушали ничего. Дѣвушки зовутъ мужчину домой, говоря ему, что стоять въ банѣ незачѣмъ: никакихъ звуковъ не слышно.

— Ступайте, дѣвки, домой; я останусь одинъ—говоритъ мужчина и остается въ банѣ одинъ.

— А не будешь бояться?

— Нѣтъ, идите!

Дѣвушки ушли и мужчина остался въ банѣ одинъ.

Вдругъ глазамъ мужчины представился на полу огонекъ. Явился къ огню Лѣшій и постлалъ чистую скатерть, на скатерть насыпалъ груду золота и блеститъ оно какъ огонь. Лѣшій отдаетъ золото мужчинѣ и говоритъ ему: «Иди домой и спрячь золото. Если тебѣ

на встрѣчу попадутъ люди и будутъ что нибудь спрашивать, ты молчи: это—Шайтаны; какъ отвѣтишь—лишишься денегъ».

Взялъ мужикъ деньги и пошелъ домой. На встрѣчу попадаетъ человѣкъ и говоритъ: здорово! мужикъ, не отвѣтивши, идетъ впередъ. Опять на встрѣчу идетъ священникъ и говоритъ: здорово! —онъ не отвѣчаетъ. Вотъ взбирается мужчина на крыльцо. На крыльцѣ стоитъ знакомый священникъ.

— Зачѣмъ не заходишь въ избу? спрашиваетъ мужчина.

— Тебя встрѣчаю—говоритъ священникъ.

— Заходи въ избу.

Какъ только промолвилъ мужчина послѣднее слово, не стало видно ни священника, ни денегъ съ нимъ.

На другой день увидѣлъ мужчину Нюлэсъ-муртъ и спрашиваетъ:

— Сохранилъ-ли деньги?

— Отъ двухъ сохранилъ, а третій обманулъ—отвѣчаетъ мущина.

4. Нюлэсъ-муртъ съ Ву-Муртомъ задумалъ воевать: кто кого побѣдитъ! Думалъ онъ долго, какъ начать дѣло; увидѣлъ онъ однажды солдата и говоритъ: «солдатъ! айда мнѣ въ товарищи воевать съ Ву-муртомъ». Солдатъ согласился. Пришли къ озеру и кричатъ: «Ву-муртъ! выходи сражаться!» Ву-муртъ вышелъ изъ воды и бросилъ въ Нюлэсъ-мурта камнемъ; солдатъ бросилъ въ озеро крестикъ и Ву-муртъ не могъ уже зайти въ озеро и издохъ на берегу. Нюлэсъ-муртъ взялъ солдата на плечи, свиснулъ и понесъ его, какъ вѣтеръ, такъ быстро, что съ головы солдата слетѣла шапка; Нюлэсъ-муртъ вернулся за шапкой солдата, принесъ ее и пошли опять. Пришли къ Нюлэсъ-мурту въ гости и онъ подарилъ солдату цѣлую шапку золота. Воротился солдатъ домой. Вечеромъ пришелъ Нюлэсъ-муртъ къ солдату и проситъ золото обратно. Жена солдата вмѣсто золота отдала Нюлэсъ-мурту лошадиную голову и онъ, оставшись доволенъ, взялъ лошадиную голову и ушелъ.

5. Охотникъ бродилъ въ лѣсу съ ружьемъ и заблудился. Увидѣлъ избушку и зашелъ въ нее, а она была Нюлесъ-Муртова; охотникъ же не зналъ этого. Вотъ, когда онъ зашелъ въ избушку, ребятишки Нюлэсъ-Мурта начали душить его. Вдругъ явился самъ Нюлэсъ-Муртъ и недалъ ребятишкамъ погубить охотника. Нюлэсъ-Муртъ говоритъ охотнику:

«ты будешь у меня работникомъ; пойдешь воевать съ Ву-Муртомъ» и взялъ его съ собой. Пришли къ мельницѣ. Нюлэсъ-Муртъ вырвалъ у мельницы съ корнемъ большое дерево и давай имъ шарить въ омутѣ ниже мельницы, гдѣ жилъ Ву-Муртъ. Ву-Муртъ вышелъ и охотникъ бросилъ въ его жилище, по повелѣнію Нюлэсъ-Мурта, съ шеи крестикъ. Изъ воды вышли всѣ черти. Нюлэсъ-Муртъ, выживши изъ воды чертей, ушелъ домой и, взявши золота, вышелъ изъ своей избы и велѣлъ охотнику сѣсть на свою спину; охотникъ сѣлъ и помчались быстрѣе вѣтра. Нюлэсъ-Муртъ положилъ золото на лавку охотника и лавка отъ тяжести переломилась. Нюлесъ-Мурту стало жаль денегъ и онъ сталъ просить ихъ обратно; тогда охотникъ велѣлъ своей женѣ надѣть на Нюлэсъ-Мурта крестикъ. Нулэсъ-Муртъ испугался и удралъ во свояси. (Записано со словъ крестьянина села Сосновки Григорія Ерофѣева.)

6. Нюлэсъ-муртъ съ Ву-муртомъ завели однажды споръ. Нюлэсъ-муртъ говоритъ: «я какъ свисну, такъ поднимется такой вѣтеръ, что снесетъ и разметаетъ всѣ крыши строеній». Ву-муртъ говоритъ: «а я какъ захочу, такъ сдѣлаю на мѣстѣ рѣки сушу». Нюлэсъ-муртъ свиснулъ и поднялся сильный вѣтеръ и вѣтромъ разметало крыши всѣхъ строеній. Вумуртъ ушелъ изъ рѣки вмѣсто воды сдѣлалась суша. (Со словъ Саввы Семенова).

Кузь пинё-мурто. У одного человѣка потерялась лошадь Сыновей у него не было, потому онъ послалъ искать ее своихъ трехъ дочерей.

Онѣ зашли въ лѣсъ и услышали вдругъ ржаніе лошади; пошли далѣе и видятъ на суку елки колоколецъ; идутъ дальше и видятъ избушку; зашли въ нее; тамъ сидитъ человѣкъ съ длинными зубами, собой страшный; онѣ спрашиваютъ его, не видалъ ли онъ ихъ лошадь? Длиннозубый отвѣчаетъ: «видѣлъ ее и знаю, гдѣ она, но посидите немножко у меня!» Дѣвушки сѣли на лавку, а длиннозубый вышелъ изъ избы и принесъ дѣвушкамъ изжареные человѣческіе пальцы и потчуетъ ими; дѣвушки сдѣлали видъ, будто ѣдятъ, а сами бросаютъ пальцы подъ лавку; длиннозубый вышелъ изъ избы, принесъ большую ступу, въ которой толкутъ бѣлье, и говоритъ: «кто перескочитъ чрезъ эту ступу, того пущу, а кто нѣтъ, тотъ останется у меня». Младшая и средняя перескочили, а старшая — нѣтъ; и оставилъ онъ старшую у себя, а

младшую и среднюю отпустилъ. Послалъ длиннозубый дѣвушку на мельницу, находящуюся въ лѣсу же въ глуши; сидитъ тамъ дѣвушка и плачетъ; вдругъ прибѣгаетъ заяцъ и говоритъ «садись на меня, дѣвушка я выведу тебя!» Дѣвушка сѣла на зайца и ѣдетъ на немъ.—Вдругъ видятъ, что за ними гонится длиннозубый и бросилъ впереди зайца большой пестъ; заяцъ оставилъ дѣвушку. Длиннозубый привелъ ее къ мельницѣ и оставилъ. Прибѣгаетъ лисица и говоритъ: «садись на меня, дѣвушка!» Дѣвушка сѣла и ѣдетъ; опять длиннозубый догналъ ихъ, бросилъ пестомъ и дѣвушка осталась Потомъ пришелъ волкъ и опять случилось тоже; наконецъ, приходитъ худая лошаденка, вся въ грязи и пометѣ, и говоритъ ей: «садись на меня, дѣвушка!» дѣвушка говоритъ: «какъ я сяду на тебя, такую грязную?» лошадь отвѣчаетъ: «садись, я увезу тебя!» дѣвушка взяла травы, обтерла бока ей и сѣла. Ѣдетъ дѣвушка и вдругъ откуда ни возьмись — длиннозубый; догналъ ихъ и хочетъ дѣвушку поймать, но лошаденка опакостила его и онъ остался; такимъ образомъ дѣвушка и спаслась.

(Эти двѣ сказки записаны со словъ крестьянина села Сосновки Степана Алексѣева).

Истребленіе Кузьпинё-Муртовъ. Три брата ушли лѣсовать и зашли по ошибкѣ въ избушку Кузьпинё-Муртовъ. Тамъ сидитъ главный Кузьпинё-Муртъ. Онъ велѣлъ имъ всѣмъ зайдти въ подполье; они зашли. Кузьпине-Муртъ накалилъ печь до красна и зоветъ изъ подполья старшаго брата. Онъ вышелъ и Кузьпинё-Муртъ велитъ ему лечь на хлѣбную лопату для того, чтобы бросить его въ печь. Охотникъ ложится, но не вдоль, а поперекъ и Кузьпинё-Муртъ не можетъ бросить его въ печь; тогда Кузьпинё-Муртъ, чтобы показать примѣръ, легъ самъ на лопату вдоль и охотникъ бросилъ его въ печь, закрылъ печь заслонкой и зашелъ въ подполье. Чрезъ нѣсколько времени приходитъ другой Кузьпинё-Муртъ и, втягивая въ носъ молосный запахъ, говоритъ: «ахъ, жаркимъ пахнетъ!» Открылъ онъ печь, вынулъ жаркое и съѣлъ его. Потомъ онъ зоветъ средняго брата изъ подполья. Вышелъ вмѣсто средняго старшій же и опять велитъ лечь ему на хлѣбную доску, чтобы бросить въ печь. Онъ легъ поперекъ и не пролѣзъ въ печь; тогда Кузьпинё-Муртъ легъ самъ вдоль и охотникъ бросаетъ его. Чрезъ нѣсколько времени приходитъ третій Кузьпинё-Муртъ. Втягивая въ носъ за-

пахъ жаркаго говоритъ: «ахъ, жаркимъ пахнетъ!» Съѣлъ жаркое— не оставилъ и костей. Зоветъ младшаго брата, чтобы опять бросить въ печъ. Вышли всѣ три брата. Кузьпинё-Муртъ испугался и говоритъ: «не троньте меня, берите все, что найдете у насъ, только меня не губите». Братья не послушались его, убили и ушли. Такъ истребили они трехъ Кузьпинё-Муртовъ. (Сказка Григорія Ерофѣева, крестьянина села Сосновки).

Три монеты. Одинъ человѣкъ уѣхалъ на лошади ворожить въ лѣсъ. Слѣзъ съ лошади, привязалъ ее къ дереву, а самъ отошелъ въ сторону слушать; а чтобы нечистая сила не могла коснуться его, обвелъ около себя черту и стоитъ—слушаетъ. Вдругъ прискакалъ заяцъ и говоритъ: «что тебѣ надо?» Мужикъ ни слова. Приходитъ лисица и говоритъ: «что тебѣ надо?» Мужикъ ни слова. Приходятъ затѣмъ волкъ и медвѣдь и тоже спрашивали, но мужикъ ничего не сказалъ и они ушли, а за черту никто переходить не могъ. Въ полночь приходитъ Шайтанъ и говоритъ: «что тебѣ надо»? Мужикъ отвѣчаетъ: «что дашь, то и возьму!» Шайтанъ отдалъ ему монету и ушелъ; въ другой разъ приходитъ и тоже спрашиваетъ: «что тебѣ надо?» мужикъ отвѣчаетъ: «что дашь, то и возьму»! Шайтанъ отдалъ ему монету и ушелъ; въ третій разъ приходилъ и тоже отдалъ монету и ушелъ. Сѣлъ мужикъ на лошадь и поскакалъ. Вдругъ онъ видитъ, что за нимъ гонятся шайтаны. Мужикъ гонитъ лошадь пуще. Вдругъ запѣлъ пѣтухъ—и не стало никого. Мужикъ тремя монетами сильно разбогатѣлъ: что купитъ онъ на базарѣ, монеты идутъ обратно въ его карманъ. (Разсказъ этотъ списанъ со словъ крестьянина починка Бызинова, Саввы Семенова).

Косякъ. У отца были три сына: двое умныхъ и третій дуракъ. Умеръ отецъ и братья раздѣлили между собой все имѣніе, а дураку дали только косякъ. Ѣдетъ онъ по дорогѣ лѣсомъ и видитъ, вдали идутъ по дорогѣ какіе-то люди. Взобрался дуракъ съ косякомъ на большую ель и сидитъ тамъ ни живъ, ни мертвъ. Между тѣмъ люди эти пришли и постлали подъ ель войлокъ, высыпали изъ кошельковъ на него все золото и серебро и считаютъ, кому сколько достанется. Это были разбойники. Дуракъ задрожалъ и уронилъ косякъ на деньги воровъ; воры испугались и убѣжали! Дуракъ слѣзъ съ елки, собралъ деньги и ушелъ домой. Съ той

поры онъ началъ торговать и разбогатѣлъ. (Со словъ крестьянина починка Бызинова Саввы Семенова).

Пѣтухъ и лисица. Пѣтухъ посѣялъ горохъ, а лисица стала воровать. Однажды пѣтухъ побѣжалъ въ погоню за лисицей, укравшей его горохъ, и встрѣчается съ уткой. Пѣтухъ говоритъ уткѣ: «утка! айда со мной въ погоню за лисицей; она украла у меня горохъ». Утка говоритъ: «нѣтъ, пѣтухъ, не пойду: лисица меня съѣстъ». Бѣжитъ пѣтухъ, встрѣчается съ гусемъ и зоветъ его въ погоню за лисицей; гусь не идетъ. Наконецъ встрѣчается пѣтухъ съ зайцемъ и зоветъ его въ погоню за лисицей. Заяцъ согласился и поскакалъ впереди пѣтуха; доскакалъ до грани, гдѣ стоитъ яма, а въ этой ямѣ—вода съ горохомъ, брошеннымъ лисицей; пѣтухъ не взялъ гороха, а все гонится за лисицей. Догналъ лисицу у ямы съ водой и началъ ругаться и ссориться; заяцъ стоитъ и слушаетъ; лисица побѣжала, пѣтухъ летитъ за ней, заяцъ скачетъ. Лисица, видимо, устала и, растянувшись, притворилась мертвой; заяцъ ускакалъ, оставивъ пѣтуха, а пѣтухъ стоитъ у лисицы. Видитъ лисица, что пѣтухъ одинъ; вспрыгнула и цапъ пѣтуха за горло; задушила и утащила пѣтуха въ лѣсъ, гдѣ его и съѣла. (Записана отъ крестьянина починка Бызинова Ивана Данилова).

Легенда. Въ древнее время Богъ ходилъ по землѣ. Встрѣтилъ онъ однажды осу и попросилъ у ней меду; но оса по скупости не дала, говоря, что у ней нѣтъ меду и для себя. Богъ сказалъ за это осѣ: «пусть не будетъ у тебя и для себя!» поэтому у ней медъ только для себя. Встрѣтилъ еще пчелу и пчела сказала: «у меня есть медъ и для себя и для людей». Богъ сказалъ ей: «пусть будетъ у тебя и для себя и для людей и для Меня еще воскъ».

Безстрашный дворянинъ. Солдатикъ прослужилъ двадцать пять лѣтъ и не видѣлъ ни страха, ни царя. Начальство его посылаетъ на родину. Не видавши въ теченіи своей службы ни страха, ни царя, онъ говоритъ своимъ начальникамъ: «чтобы сто̀ило вамъ показать мнѣ хоть однажды царя!» Доложили объ этомъ царю и царь потребовалъ солдата къ себѣ во дворецъ.—Здорово служивый!—говоритъ ему царь.—Здравія желаю Вамъ, Ваше Величество!—отвѣчаетъ солдатъ.—Ну, зачѣмъ ты пришелъ ко мнѣ?—Прослужилъ я, Ваше Величество, двадцать пять лѣтъ—и не ви-

далъ ни страха, ни тебя; вотъ и пришелъ посмотрѣть на васъ.—Хорошо, сказалъ царь: ступай къ парадному крыльцу и потереби моихъ курицъ!—А это значило не впускать къ царю во дворецъ никакихъ генераловъ безъ денегъ. Солдатъ вышелъ и сталъ у дверей передняго крыльца. Приходятъ разныя высокопоставленныя лица, генералы и проч. Солдатъ ихъ не пускаетъ безъ денегъ. Дѣлать нечего, они даютъ ему денегъ. На другой день царь призываетъ солдата къ себѣ и говоритъ: ну, что? потеребилъ моихъ курицъ?—Потеребилъ, Ваше Величество, будетъ мнѣ на дорогу, отвѣчалъ солдатъ.—Молодецъ, будь ты за храбрость *«Безстрашный дворянинъ»*. Сверхъ этого чина я дарю тебѣ въ слуги Ермошку, пару коней изъ моей царской конюшни и золотую карету; снабжаю тебя билетомъ,—отправляйся на всѣ четыре стороны свѣта.—Сѣлъ Безстрашный дворянинъ въ золотую карету, взялъ на козлы Ермошку и поѣхалъ въ другое царство. Ѣхали, ѣхали—доѣхали до двухъ дорогъ, а между ними стоитъ столбъ съ надписью: «на право поѣдешь—счастье найдешь; на лѣво поѣдешь—убитъ будешь». Куда ѣхать? Безстрашный дворянинъ подумалъ и сказалъ Ермошкѣ: «поѣзжай на лѣво». Ермошка испугался, но дѣлать нечего: выше господина не будешь. И поѣхали они по лѣвой дорогѣ. Ѣхали, ѣхали—увидали на дорогѣ мертвое тѣло. Безстрашный дворянинъ говоритъ Ермошкѣ: «принеси сюда это мертвое тѣло». Идетъ Ермошка... подходитъ къ тѣлу и съ испугу трясется всѣмъ тѣломъ. Видитъ Безстрашный дворянинъ, что Ермошка боится мертваго тѣла, какъ трусливая баба, и пошелъ за мертвымъ тѣломъ самъ. Взялъ его и положилъ въ карету возлѣ себя. Опять они ѣдутъ. Ѣхали, ѣхали и видятъ на березѣ повѣшеннаго уже мертваго. Безстрашный дворянинъ посылаетъ своего слугу: «ступай, Ермошка, разсѣки веревку и принеси тѣло сюда». Ермошка идетъ—весь трясется отъ страху. Вышелъ Безстрашный изъ кареты и пошелъ къ мертвому тѣлу самъ; пересѣкъ веревку, на которой висѣло тѣло, взялъ тѣло, принесъ и положилъ въ карету на другую сторону себя.—Ну, теперь не бойся, Ермошка: насъ четверо, говоритъ Безстрашный. Ѣдутъ они все лѣсомъ. Доѣхали до огромнаго дома, принадлежащаго, какъ оказалось, разбойникамъ. Безстрашный, не спросясь никого, заѣхалъ во дворъ; Ермошкѣ приказалъ коней увести въ конюшню, а самъ зашелъ въ избу. За столомъ въ избѣ

обѣдаютъ, какъ видно по свирѣпымъ рожамъ, разбойники; въ переднемъ углу сидитъ самъ атаманъ съ большой ложкой въ рукѣ. Атаманъ говоритъ Безстрашному: «ты—русскій, тебя сдѣлаемъ жаркимъ: мясо руссака вкусно—онъ хлѣба много жрётъ». Безстрашный, ничего не говоря, подходитъ къ столу, вырываетъ изъ рукъ атамана большую ложку и пробуетъ щи. «Кисло, дрянь!.. вотъ тебѣ жаркое»! говоритъ атаману Безстрашный, ударяя его по лбу ложкой. Атаманъ вытаращилъ глаза и смотритъ, что за человѣкъ такой дерзкій? Входитъ въ избу Ермошка... «Принеси-ко Ермошка, изъ кареты хорошаго судака»—говоритъ Безстрашный Ермошкѣ. Ермошка притащилъ мертвое тѣло. Безстрашный взялъ со стола разбойниковъ ножъ и началъ рѣзать мертвое тѣло... отрѣзалъ кусокъ, понюхалъ и говоритъ: «пахнетъ! дрянь! принеси другаго» Ермошка принесъ другое. Безстрашный отрѣзалъ кусокъ, понюхалъ и плюнулъ: «тьфу! и этотъ судакъ пахнетъ». Разбойники со страху обезумѣли. «Давай свѣжихъ!» крикнулъ Безстрашный Ермошкѣ... Ермошка съ испугу вздрогнулъ самъ и сползли съ него штаны. «Давай скорѣй!» кричитъ Безстрашный... Ермошка идетъ къ столу, поднимая штаны, и трясется какъ осиновой листъ. Разбойники выбѣжали изъ избы, остался только одинъ атаманъ. Безстрашный ударилъ атамана по лбу большой ложкой и убилъ его; потомъ онъ выгребъ у нихъ все награбленное золото, сѣлъ и поѣхалъ впередъ. Ѣхали, ѣхали—доѣхали до королевства. Подъѣзжаютъ къ городу, и тамъ на балконѣ дворца король смотритъ въ подзорную трубу и удивляется: кто это такой въ золотой каретѣ ѣдетъ? Доѣхали до дворца и король спрашиваетъ Безстрашнаго что за человѣкъ онъ, откуда и что ему дано? Безстрашный, назвавъ себя безстрашнымъ дворяниномъ, сказалъ что онъ ѣздитъ по другимъ царствамъ, ища приключеній. «Мнѣ вотъ такихъ-то и надо»—говоритъ король. «Недалеко отсюда, на островѣ, есть у меня отличный дворецъ, да поселился въ немъ чертъ и укралъ у меня старшую дочь, которую я любилъ больше всѣхъ; ступай ты на островъ, выживи изъ моего дворца черта, приведи ко мнѣ дочь. Если исполнишь это—возьми изъ трехъ моихъ дочерей любую и въ добавокъ еще получишь половину моего королевства; если не исполнишь—простись съ головой».—«Ладно», говоритъ Безстрашный, «исполню Ваше приказанье». Оставилъ Безстрашный карету съ деньгами и коней у ко-

роля и пошелъ съ Ермошкой къ озеру, среди котораго находился дворецъ; сѣлъ въ лодку и поплылъ по озеру, а Ермошка остался на берегу. Переплылъ озеро и дошелъ до дворца. Зашелъ во дворецъ и видитъ въ прихожей на окнѣ мѣдную трубку черта. Взялъ трубку и закурилъ и надымилъ; дымъ прошелъ и въ другія комнаты. Вдругъ въ одной изъ комнатъ слышитъ онъ голосъ черта, который говоритъ: «а, руссакъ! русскаго духу здѣсь еще не было слышно. Ступай-ко, чертенокъ, помни ему хорошенько бока». Чертенокъ прибѣжалъ къ Безстрашному. Безстрашный взялъ его за хвостъ и выбросилъ за окно. Чертъ посылаетъ другаго чертенка. Безстрашный бросилъ и того; посылаетъ третьяго—третьяго такая же участь постигла. Видитъ чертъ, что чертенята не возвращаются и пошелъ самъ. Безстрашный, взявъ его за хвостъ да за рога, согнулъ въ бараній рогъ и выбросилъ за окно. Потомъ пошелъ по комнатамъ искать королевскую дочь. Нашелъ ее сидящей у кровати, и возлѣ нее сторожа—чертенка. Чертенка выбросилъ за окно, а королевскую дочь взялъ за руки и повелъ изъ избы. Сѣлъ съ ней въ лодку и поплылъ обратно. Вдругъ множество чертенятъ схватились за лодку, чтобы опрокинуть ее. Бестрашный, чтобы испугать чертенятъ, кричитъ: «огня! давайте скорѣе, огня, все озеро сожгу!» Чертенята испугались и нырнули въ воду. Привелъ Безстрашный дочь къ королю. И говоритъ король Безстрашному: «Молодецъ, Безстрашный! выбери изъ трехъ моихъ дочерей любую и получи половину моего королевства». Безстрашный выбралъ меньшую дочь и получилъ половину королевства. Пожилъ немного съ молодушкой и говоритъ: «зачѣмъ я живу дома? Пойду еще странствовать по свѣту,—не увижу ли какихъ страстей». Жена говоритъ: «какіе еще тебѣ страсти? хуже чертей на свѣтѣ нѣтъ страстей, а чертей выжить изъ дворца тебѣ и плевка не стоило». «Однако пойду, погуляю еще, авось и увижу что нибудь». И пошелъ Безстрашный искать страшныхъ приключеній. Захотѣлось ему отдохнутъ на берегу рѣки; легъ недалеко отъ рѣки, положилъ голову на чурбанъ и уснулъ. Во время сна его взошла туча и полился сильный дождь. Рѣка вышла изъ береговъ и вода окружила и его; еще прошло нѣсколько минутъ — и водой покрыло его самаго, только осталась на верху одна голова. Вотъ одинъ ёршикъ видитъ за пазухой Безстрашнаго хорошее мѣстечко; забрался туда и живетъ

тамъ. Между тѣмъ дождь пересталъ идти, вода ушла въ берега и стало вездѣ сухо, а Безстрашный все спитъ, Вдругъ перевернулся онъ на другой бокъ и плавникъ ерша началъ колоть его. Безстрашный соскочилъ съ мѣста—и давай бѣжать, крича во все горло: «ой, батюшки! ой, батюшки! кто-то есть». Изъ за пазухи выпалъ ёршъ. «Ну ужъ такой страсти не видалъ, думаю, никто!» говоритъ онъ, идя обратно къ женѣ. И живутъ они—поживаютъ да добра наживаютъ. (Сказка эта записана со словъ крестьянина поч. Арланова, Павла Михайлова).

Кукрй-бабá. Весной мать послала своихъ трехъ дочерей въ лѣсъ за метлами для подметанія сору и дѣвушки заблудились въ лѣсу. Бродили, бродили въ лѣсу и устали. Что дѣлать? Вотъ одна изъ сестеръ взобралась на высокое дерево и осматриваетъ кругомъ—не увидитъ ли какую нибудь поляну. Смотрѣла и говоритъ: «далеко отсюда всходитъ къ небу синій дымокъ какъ ниточка». Вторая сестра не повѣрила и взобралась на ель. Смотритъ въ одну сторону и говоритъ: «далеко отсюда къ небу идетъ синій дымокъ толщиною съ палецъ». Третья сестра не повѣрила и взобралась на ель. Смотритъ и говоритъ: «далеко отсюда идетъ къ небу синій дымокъ толщиною съ руку». Замѣтили это мѣсто, сошли съ ели и пошли. Шли, шли и дошли до избушки. Зашли въ нее. На печи сидитъ старуха, Кукри-баба, отвратительнаго вида и кормитъ грудью ребенка; а у ребенка на головѣ сильнѣйшая короста. Она увидѣла дѣвушекъ и говоритъ: «не хотите ѣсть, дѣвушки?»—«Поѣли бы, пожалуй» отвѣчаютъ ей дѣвушки. Кукри-баба сошла съ печи... соскребла съ головы ребенка коросту и подчуетъ дѣвушекъ, говоря: «ну, ѣшьте, дѣвушки». Дѣвушки отворачиваютъ глаза отъ гадкаго вида коросты, вызывающей рвоту. Кукри-бабà говоритъ: «если не будете ѣсть—я сама васъ съѣмъ». Что дѣлать? Вотъ одна взяла—вырвало ее; взяла другая, третья—тоже вырвало. Дѣвушки хотятъ уйти. «Нѣтъ, не пущу»—говоритъ Кукри-баба «Перескочите чрезъ большую ступу—пущу». У дверей въ углу есть у ней большая деревянная ступа; вотъ туда и привела она дѣвушекъ и велитъ перескочить черезъ нее. Двѣ сестрицы перескочили и ушли, а третья перескочить не могла и осталась у Кукри-бабы. Кукри-бабà пошла изъ избы и говоритъ дѣвушкѣ: «ты, дѣвушка, качай ребенка и пой: э! э! о! о! спи, усни. Изъ избы не выходи». Вышла

она изъ избы, а дѣвушка качаетъ ребенка и плачетъ. Вдругъ приходитъ къ дѣвушкѣ пѣтухъ и говоритъ: «садись на меня, дѣвушка, я увезу тебя». Дѣвушка сѣла и ѣдетъ на пѣтухѣ. Пришла Кукрибаба домой и видитъ одного ребенка, а дѣвушки нѣтъ. И пошла она въ погоню за дѣвушкой. Догнала и бросила въ пѣтуха деревяннымъ пестомъ; пѣтухъ уронилъ дѣвушку. Взяла Кукри-баба дѣвушку и увела ее опять въ свою избушку. Опять дѣвушка качаетъ ребенка и плачетъ. Приходитъ заяцъ и говоритъ: «садись на меня, дѣвушка,—я тебя увезу». Дѣвушка сѣла на зайца и ѣдетъ. Кукри баба догнала ихъ и бросила въ зайца деревяннымъ пестомъ—и уронилъ заяцъ дѣвушку. Опять дѣвушка качаетъ ребенка и плачетъ. Приходитъ худая лошаденка вся въ грязи и пометѣ «Садись на меня, дѣвушка»—говоритъ лошаденка. Дѣвушка сѣла на грязную лошаденку и ѣдетъ. Вотъ видятъ, что Кукри-баба гонится за ними. Доѣхали до воды, а на водѣ лежитъ большое бревно. Дѣвушка слѣзла съ лошаденки и пошла по бревну. Вотъ и Кукрибаба идетъ по бревну... Дѣвушка сошла на берегъ, покачнула бревно—и Кукри-баба упала въ воду. Такъ она, злодѣйка, и кончилась. Пришла дѣвушка домой уже ночью, когда всѣ домашніе ея спали. Взялась она за кольцо двери... постучалась, постучалась—не отперли: никто не услышалъ. Ушла она спать на сѣнникъ и тамъ кто-то ночью ее съѣлъ, оставилъ только волосы. Утромъ отецъ дѣвушки съ мальчикомъ ушли на сѣнникъ дать корму лошадямъ. Мальчикъ нашелъ волосы и говоритъ отцу: «я тятенька, нашелъ струны», «Ладно, дитя, возьми, если нашелъ» отвѣчаетъ отецъ. Принесъ мальчикъ волосы въ избу и положилъ ихъ на столъ. Вдругъ волосы начали причитывать жалобнымъ голосомъ съѣденной дувушки: «батюшка! матушка! руки, пальцы стучали въ дверь—вы не отперли». Испугались всѣ и бросили волосы въ печь. Въ печи и пепелъ говоритъ тоже. Что дѣлать? Семья не рада житью, хоть изъ дому выходи. Вотъ бабы выгребли всю золу... вынесли остатки—и бросили золу въ лѣсу. Съ этой поры въ печи причитываній не стало. (Записаны отъ Павла Зеленина.)

Чертъ солдатомъ. Былъ вотякъ тихонькій, смирненькій какъ курица. Начальства онъ боялся, людей стыдился; по русски не зналъ. Вотъ пришла ему очередь идти въ солдаты. Ушелъ онъ въ солдаты и сталъ служить хорошо; но на бѣду его никакъ не мо-

жетъ угодить начальству: все его ругаютъ, бьютъ каждый день. Не стало и терпѣнья—хоть въ петлю полѣзай. Однажды солдатикъ этотъ стоитъ на часахъ въ будкѣ и глубоко размышляетъ о своемъ житьѣ «Не человѣку бы здѣсь служить. а черту»—говоритъ онъ съ досады. Какъ только проговорилъ онъ это—вдругъ явился чертъ и говоритъ: «ступай ты въ лѣсъ, скрывайся тамъ отъ начальства, а я буду на твоемъ мѣстѣ служить». Солдатъ ушелъ и скрывался въ лѣсу, а чертъ остался на своемъ мѣстѣ. Какъ только чертъ простоялъ свой срокъ на караулѣ—побѣжалъ въ погоню за солдатомъ. Догналъ его, схватилъ и задушилъ. Такъ и кончился солдатъ. (Записано со словъ крестьянина поч. Ныротура Петра Васильева.)

Разбойники Дыбленъ и Хамитъ. Въ Сосновскомъ краю сохранились преданія о разбойникахъ Дыбленѣ и Хамитѣ, которые свирѣпствовали здѣсь одинъ вслѣдъ за другимъ. Дыбленъ былъ вотякъ изъ-за Ижевскаго завода. Развѣдавъ сначала, кто имѣетъ богатство, Дыбленъ набралъ вольницу и началъ нападать на вотяскія селенія и предавать ихъ разграбленію. Всегда онъ предупреждалъ селеніе о своемъ пріѣздѣ и требовалъ, чтобы въ назначенный день были сундуки отворены и наготовлены кумышка, пиво и другое угощеніе; наѣхавъ въ село, онъ предавалъ его разграбленію, пилъ и кутилъ съ вольницею, и потомъ увозилъ награбленное; если же находилъ запертую избу, предавалъ ее огню, а упорныхъ вотяковъ пыталъ—раздѣвалъ до нага и опалялъ тѣло зажженнымъ сухимъ вѣникомъ. Вотяки, заслышавъ разбойника, уходили въ лѣсъ и тамъ зарывали свои имущества въ землю. Наконецъ они собрали совѣтъ, на которомъ рѣшили поймать Дыблена; поймали Дыблена и убили его. Послѣ Дыблена разбойничалъ въ краѣ татаринъ Хамитъ съ тридцатью товарищами; черезъ пять лѣтъ вотяки поймали и Хамита и также убили. Большіе клады зарывали эти разбойники въ землю.

Кладъ, по повѣрью жителей—вотяковъ, есть такія зарытыя въ землѣ деньги, которыми овладѣла нечистая сила. Чтобы найти его, надо знать непремѣнно завѣтъ (условіе, съ которымъ зарыты деньги), а знать его, кромѣ самыхъ искусныхъ ворожцевъ, никто не можетъ. Въ старину кладъ зарывали такъ: набивши деньгами боченокъ, кувшинъ, или другое что, зарывали ихъ

въ землю, говоря притомъ завѣтныя слова: сюда надо сто головъ человѣческихъ, т. е., чтобы взять кладъ, надо прежде принести на мѣсто клада сто головъ убитыхъ людей; а нѣкоторые, зарывши кладъ, бросали въ рѣчки, пруды, ключи и проч., находящіеся при кладахъ, монеты, перстни или другое что-нибудь и говорили: «кто найдетъ эту монету, перстень, тому и взять деньги»; но бывали завѣты и простые, именно: если деньги положены подъ елкой, то, чтобы взять ихъ, надо перебросить черезъ елку топоръ, ножъ и проч. Иные, при зарытіи кладовъ, говорили: «покажись бѣлой уткой, гусемъ!» и проч., если зарывалось серебро; если же зарывалось золото, говорили: «покажись лисицей, рыжимъ жеребчикомъ» и проч. И деньги эти, по словамъ жителей, таскала нечистая сила въ образѣ тѣхъ животныхъ, имя которыхъ при сокрытіи произносили; если кто задѣвалъ ихъ или бросалъ въ нихъ чѣмъ нибудь легонько, то деньги сыпались къ ногамъ счастливаго; но завѣтовъ всѣхъ не перечтешь; кто что выдумывалъ, тотъ то и говорилъ. Говорятъ, что если кладъ кажется огнемъ, то это—проклятыя деньги, поэтому ихъ не бери: въ семействѣ всѣ перемрутъ и въ родѣ твоемъ не останется никого. Если зарывали деньги богатые бездѣтные вотяки только для сохраненія, безъ завѣтовъ, то такія деньги находятся и теперь.

О кладахъ, зарытыхъ въ землю разбойниками Дыбленомъ и Хамитомъ, въ настоящее время въ народѣ существуетъ слѣдующее преданіе. Крестьянинъ села Сосновки Ивановъ разсказываетъ, что къ деревнѣ Койсыгурту въ небольшомъ возвышеніи у дороги зарыта Дыбленомъ цѣлая бочка денегъ: золота, серебра и проч. По словамъ Иванова, когда разбойникъ везъ эту бочку на нѣсколькихъ лошадяхъ, то на половинѣ возвышенія лошади его остановились и не могли везти далѣе бочку; онъ тутъ же выкопалъ яму и скатилъ въ нее бочку. Кладъ этотъ, говорятъ вотяки, кажется огнемъ. На Кывкинскомъ полѣ близь дороги къ селу Чутырю, по словамъ крестьянина деревни Койсыгурта, Василья Пантюхина, зарыта въ землю между трехъ елокъ у полевыхъ пряселъ цѣлая бочка съ золотомъ и серебромъ. Третій кладъ находится въ трехъ верстахъ отъ села Сосновки на, такъ называемой, Шарканской горѣ подъ сосновымъ пнемъ; но сколько тамъ денегъ—неизвѣстно. Кладъ тамъ зарытъ давно, когда стояла большая сосна, которую было видно кругомъ за двадцать верстъ.

(Преданіе это записано со словъ дьяконской дочери Анны Григоровской).

Кладъ въ образѣ гроба. Жилъ въ небольшой деревнѣ мужичекъ-вотячекъ съ женой. Дѣтей у нихъ не было; жили они въ большой бѣдности и не очень дружно. Въ той сторонѣ, гдѣ они жили, было много кладовъ, а они доставались только счастливымъ. Разъ отправился вотякъ въ поле расчищать около лѣсу пашенное мѣсто. Расчищалъ, расчищалъ—натаскалъ груду иней и хворосту, чтобы потомъ въ удобное и дозволенное закономъ время сжечь. Таская пни и хворостъ, онъ сильно утомился; сѣлъ подъ ель и задумался. Приходитъ къ нему медвѣдь и говоритъ: «что тутъ дѣлаешь, дружокъ?» Вотякъ молчитъ. Медвѣдь ушелъ. Приходитъ воинъ и тоже спрашиваетъ, но вотякъ молчитъ; пришла затѣмъ лисица и она отвѣта не получила. Такъ просидѣлъ онъ подъ елью до утра, а все домой не идетъ. Проголодался сильно, а въ пестугѣ хлѣба нѣтъ. Вернулся домой, разсказалъ о всемъ видѣнномъ своей женѣ и проситъ у ней хлѣба; но жена ему не дала, а послала опять сидѣть подъ елью до-времени, думая что въ образѣ приходившихъ къ нему звѣрей были клады, которые, по повѣрью жителей, даются только на счастье. И вотякъ опять ушелъ и сѣлъ на пенекъ. Вотъ приходитъ къ нему заяцъ и спрашиваетъ: «что тутъ дѣлаешь, дружокъ?» Вотякъ молчитъ. Приходитъ потомъ человѣкъ и спрашиваетъ тоже, но вотякъ все не даетъ отвѣта; тогда человѣкъ говоритъ: «вотъ къ тебѣ послѣ меня придетъ въ гробу мертвецъ и съѣстъ тебя». Вотякъ ничего не сказалъ. Дѣйствительно чрезъ минуту тащится къ нему гробъ съ мертвецомъ. Вотякъ испугался и закричалъ. Отъ крика этого гробъ лопнулъ какъ пузырь и изъ него высыпались деньги—серебро и золото, а гробъ исчезъ какъ дымъ. Вотякъ съ радости не зналъ, что дѣлать. Онъ сгребъ бы всѣ деньги, да силы въ немъ нѣтъ. «Вотъ схожу домой, наѣмся покрѣпче и приду»—говоритъ себѣ вотякъ и идетъ домой. Пришелъ домой, обрадовалъ свою жену, наѣлся крѣпко и вернулся къ деньгамъ, но денегъ тамъ уже нѣтъ. Ушелъ кручинный домой и говоритъ женѣ: «эхъ, баба! баба! находили мы денегъ, да не съумѣли ихъ взять; а все ты виновата — не дала мнѣ хлѣба; а не поѣвши хлѣба, какъ бы я унесъ денегъ? И самого еле еле таскали ноги. Лучше видно своими трудами наживать

денегъ. Теперь о кладѣ намъ нечего думать, въ другой разъ онъ уже не придетъ». (Записано отъ крестьянина Петра Васильева въ дер. Ныромурѣ).

Шайтанъ. Осенью ушелъ вотякъ на охоту въ лѣсъ. Пробродилъ онъ весь день съ ружьемъ, а никого не убилъ. Пришла ночь и расположился спать въ шалашѣ, устроенномъ въ родѣ палатки. Вдругъ около полуночи къ нему стучится человѣкъ и говоритъ: «пусти, другъ, ночевать».—«Ночуй» говоритъ вотякъ, «мѣста будетъ обоимъ». Онъ легъ съ вотякомъ тутъ же въ шалашъ. Смотритъ на него вотякъ и ужасается: глаза у него страшные, одежда истаскана; словомъ, всѣ признаки недобраго человѣка. И говоритъ онъ вотяку: «когда я буду спать — изъ меня пойдетъ паръ, какъ отъ горячей воды въ котлѣ». Уснулъ онъ—и дѣйствительно изъ него пошелъ паръ. Вотякъ лежитъ ни живъ, ни мертвъ, думая, что это—шайтанъ, пришедшій къ нему съ недоброй цѣлью. Вотякъ тихонько снялъ съ себя сукманъ, положилъ на свое мѣсто чурбанъ, одѣлъ его сукномъ и ушелъ; взобрался онъ на высокую ель и смотритъ — ждетъ, что дальше будетъ. Шайтанъ проснулся, смотритъ на сукманъ и говоритъ: «а, здѣсь еще»! Взялъ онъ желѣзо, накалилъ его до красна, взялъ и прижигаетъ имъ сукманъ и чурбанъ со злорадной улыбкой, думая, что прожигаетъ насквозь вотяка. Прожегъ насквозь,—смѣется, дикуется всяко. Вотякъ все видитъ съ дерева. Вдругъ гдѣ-то въ деревнѣ пропѣли пѣтухи. Шайтанъ вышелъ изъ шалаша и залѣзъ въ липовое дупло. Какъ только разсвѣтало, вотякъ слѣзъ съ дерева, взялъ дымящуюся головню и положилъ въ дупло, шайтанъ изъ дупла говоритъ: «ахъ, какъ утреннее солнышко грѣетъ!» Когда липа загорѣлась, тогда онъ завылъ, говоря: «погубилъ ты меня, уромъ, совсѣмъ». (Записано со словъ Петра Васильева и другихъ).

Пѣсни.

Уроме! уроме! кытцы ветлъ-идъ?
— Ветлъ и монъ чапкасъ корины;
— Уроме! уроме! кытынъ кэлъ идъ?
— Кэлъ и монъ капкасъ юбо куспынъ;
— Уроме! уроме! маинъ пылась кидъ?

— Пыласьки монъ чукна усемъ лысву энъ;
— Уроме! уроме! маинъ чучкидъ?
— Чучки монъ барядъ кварeнъ;
— Уроме! уроме! чучкэмъ квардэ кытцы понъ-идъ?
— Понъ и кваръ ме капкасъ юбо вылэ.

По русски.

Дружочекъ! дружочекъ! куда ходилъ?
— Ходилъ я рубить лучину.
— Дружочекъ! дружочекъ! гдѣ ты спалъ?
— Спалъ я межь столбами воротъ.
— Дружочекъ! дружочекъ! чѣмъ умывался?
— Умывался я утренней росой.
— Дружочекъ! дружочекъ! чѣмъ утирался?
— Утирался я кленовымъ листочкомъ.
— Дружочекъ! дружочекъ! куда дѣлъ листочекъ?
— Листочекъ положилъ я на столбикъ воротъ.

(Записано отъ крестьянина починка Вимура Сергѣя Дмитріева).

***

Милямъ, милямъ бубыесъ—
Маръ бубыесъ!
Шыкысъ пытцылъ вань—
Милямъ бубыесъ;
Милямъ, милямъ мумыесъ—
Маръ мумыесъ;
Вычки пытцынъ
Рунъ вэй ёсъ кадесь;
Милямъ мумыесъ;
Милямъ, милямъ нюніесъ—
Кызъ іылтъ и лобась кай сыесъ.

По русски.

Наши, наши отцы—
Какіе отцы!
На днѣ сундука есть

Наши отцы!
Наши, наши матушки—
Какія матушки!
Какъ на днѣ кадушки
Чистое масло.
Наши матушки!
Наши, наши братья—
Надъ елками летающіе щеглята.

(Записано отъ Григорія Ерофѣева, крестьянина села Сосновки).

***

Аизъ мынэмъ лудъ вырэ,
Лудъ вырысь сёръ memьтемъ;
Сёръ пытынысь кень теть мэмъ,
Кенэзъ ваемъ пи,
Піезъ лы нимъ понъ ильямъ Камай.

По русски.

Отецъ ушелъ въ поле,
Въ полѣ поймалъ выдру;
На слѣдкѣ выдры нашелъ сноху;
Сноха принесла сынка
Сынку дали имя: Камай.

(Отъ Сергѣя Дмитріева, крестьянина починка Вимура).

Жалобы дикаго голубя.

Гуукъ! гуукъ?
Лудэке вась кись ко,
Пубыме жабасько,
Вынэке тубисько
Кучиранъ адзе.
Гуукъ! Гуукъ.
Кызъ вылэ тубете потэ...
Маръ паромъ? Гуукъ! гуукъ!

По русски.

Гуукъ, гуукъ (звукоподражаніе)!
Если въ поле спускаюсь,
Ножки мараю;
Если на дерево взбираюсь,
Сова видитъ...
Охота сильная взобраться на елку!
Что дѣлать?

(Записано отъ Александра Иванова, крестьянина починка Нырошура).

***

Ойдъ и гѝнэ мусанò
Я ламѐ гинэнò!
Ойдъ и мỳса дỳнадоѐ,
Ойдъ и гинѐ дунадоѐ,
Ойдо лэно пө мỳсано,
Ой дъи мнэно!
Шуме мено зайдъ и гинэно
Я ламѐ гиненò
Ойдо лэно шуомнò,
Озъ ыпѐ шуòзы по!

(Записано отъ Сергѣя Дмитріева, крестьянина поч. Вимура).

***

Дунò сукнò дукесэзъ,
Сезỳлъ дуртъѝзъ укоѐзъ;
Вожъ вожъ бурчинъ поясэзъ,
Полшолкòвой кышетѐзъ;
Полтиннѝкенъ такъяѐзъ,
Вожъ панкòвой изъьёсызъ;
Идзѝ вòжинъ мыгорызъ,
Пашỳръ вòжинъ иворызъ,

По русски.

На ней драповый зипунъ,
Мишурой обшитъ подолъ;
Опояска—зеленъ шелкъ,

Полушелковый платокъ.
Изъ полтинниковъ татья,
Рукавицы замшевы;
Въ устьѣ Ижа *) стройный станъ,
Въ устьѣ Вотки ея вѣсть.

(Арланова, Петръ Ивановъ)

***

Жужытъ гинэ жужытъ...
Дай бордъ-тъй изъ сюрѐсъ;
Со изъ сюрѐсъ Дай бордъ-тъй
Пашпу̂ лэбыръ, лэбыръ;
Со паштулэ̀нъ выжыѐзъ
Снсьмѐмъ гыбѐдъ азьынъ.
Пашпулэнъ сяськаѐзъ
Югъ-югъ сънлѐмъ.
Пашпулэ̀нъ мульыезлы
Энъ сукломы:
Ытыръ пиньдэ
Жильтыръ карозъ,
Ошъ кузѝ кыкъ апайёсъ
Апайёсъ тужъ чебересь:
Чырты ызъ огезлэ̀нъ
Весѐзъ—бадзѝмъ весь
Кыктэтъиезлэнъ чыртыѝзъ
Весѐзъ—какы весь
Мишаезлэнъ тушезъ
Мишура кадь
Ильялэнъ тушезъ
Укѝ кадь.

По русски, по переложенiи на стихи:

Близъ Дая, высокаго Дая
Дороженька каменная.

---

*) Ижъ и Вотка—рѣки, протекающiя по Сосновскому краю.

У каменной этой дорожки
Стоитъ одиноко пашпу̀ *),
Всѣ корни-коренья пашпу̀а
Ушли подъ гнилое бревно.
На деревѣ этомъ, пашпуѣ,
Цвѣточки бѣлѣютъ какъ снѣгъ,
А ягодки будутъ багряны.
Красѣ не завидуй никто.
Ѣсть будешь какъ ягодки—зубы
Съ оскомины выпадутъ всѣ.
По берегу Оши гуляютъ
Дѣвицы-сестрицы однѣ;
На шейкѣ одной дорогія
Агатныя бусы блестятъ,
На шейкѣ другой еще лучше:
Горятъ какъ уголья въ печи
Бородка Михайлы—мишурка,
Ильи—бахромы на платкѣ.

* *
*

Вань Тыпы кадь горадынъ
Салдàтъ басьтòнъ изъ коркà;
Со коркàлэнъ петпалызъ
Вожъ турынъ кадь вуямынъ.
Со изъ коркà пыртъвзы,
Кыльытъизы дэремъмè;
Мычизы-но іырмè
«Ступай» шуса ульязы
Анайè-но, атае
Погырàса кыльизы.

По русски.

Городокъ какъ зеленъ дубъ.
Тамъ домъ каменный стоитъ;
Онъ окрашенъ въ зеленъ цвѣтъ;

*) Дерево лиственное.

Принимаютъ тамъ солдатъ.
Ввели въ зеленый тотъ домъ—
И раздѣли молодца.
Сняли волосы, погнали,
Говоря ему: «ступай!»
Отецъ съ матерью упали
И осталися одни.

(Петръ Ивановъ).

* *
*

Джужытъ джужытъ гурезѐзъ!
Вожъ-вожъ лѐмпу, лемпуѐзъ
Гурѐзь вылтъй мертэмынъ;
Югъ-югъ сōлэнъ сяськаѐзъ;
Со сяськалы, сяськалы
Энъикъ, ѐнъикъ вожъяськы:
Ымтыръ пыньдэ тъиялозъ.
Кыкъ дусымъёсъ базарынъ.
Огезлэнъ весь камалй,
Кыктэтъйзълэнъ дасъ визьмызъ.

По русски.

Горки, высокіе горки!
Черемухи ярко-зелены!
Разсажены рядомъ на горахъ;
Цвѣты ихъ бѣлѣютъ какъ снѣгъ;
Цвѣтамъ тѣмъ, цвѣтамъ какъ снѣгъ бѣлымъ,
Ничуть не завидуй никто:
Сломаютъ ихъ ягоды зубы.
Двѣ дѣвки—подружки нарынкѣ:
Одна въ ожерельѣ изъ денегъ,
Въ другой ровно десять умовъ

(Поч. Быги, Яковъ Гавриловъ).

Байки.

Ызьы-бызьы-зындэсъ шетьтъй; со зындэсъмѐ кумелы сётъй; кумѐ колачъ сётъйзъ; со колачъмѐ пуные лы сетъй; пуные сёръ сёръ

вайзъ; со сёрмѐ заводэ вузай; заводысь сезьы басьтъй; со сезьымѐ дигоэлы сюдъй; созязегѐ коко сѣтъизъ; со кокомѐ гурѐ куттъй... Шлокъ! точъ! сизьымъ кочо Іыръ...

По русски.

Отдыхалъ-бѣжалъ—перстень нашелъ; этотъ перстень отдалъ куму; кумъ мнѣ отдалъ калачъ; этотъ калачъ я отдалъ своей собакѣ; собака принесла мнѣ куницу; эту куницу продалъ въ заводѣ (Воткинскомъ); въ заводѣ купилъ овса; овесъ скормилъ тигонькѣ (гусихѣ); эта гусиха яйцо снесла; это яйцо скатилъ въ печь... Хлопъ! топъ! семь сорочьихъ головъ...

(Поч. Титова Петръ Николаевъ).

Уромѐ! уромѐ! кытцы ветлъйдъ?—Чапкись корàнъ ветлъй. Капкà юбò куспынъ кэлъй. Чукнà султъй—кызэ тубъй; чечъы сіикызысь васькй; кечъ сюръ іылысь винà юй-супыракъ кудзьй.

По русски.

Дружочекъ! дружочекъ! куда ходилъ?—Рубить лучину ходилъ. Спалъ между столбами воротъ. Утромъ вошелъ—взобрался на ель; поѣлъ меду—слѣзъ съ ели; на вершинѣ заячьей тропинки пилъ вино—сильно распъянѣлъ.

(Яковъ Гавриловъ).

Ву лэнъ мылкыдъ чаркъ вылынъ, чаркъ лэнъ мылкыдъ кэ вылынъ; кэлэнъ мылкыдъ пызьвылынъ, пызьлэнъ мылкыдъ мѣшокъ вылынъ; мѣшокъ лэнъ мылкыдъ валъ вылынъ, валлэнъ мылкыдъ-камъ вылынъ; камлэнъ мылкыдъ нылъ вылынъ, нылэнъ мылкыдъ пи вылынъ, пи лэнъ мылкыдъ нылъ вылынъ.

По русски.

Желаніе воды на колесѣ (мельничномъ), желаніе колеса на жерновѣ; желаніе жернова на мукѣ, желаніе муки на мѣшкѣ; желаніе мѣшка на конѣ, желаніе коня на Камѣ; желаніе Камы на дѣвушкѣ, желаніе дѣвушки на парнѣ, желаніе парня на дѣвушкѣ.

Байки.

Кинъ лэнъ піезъ?	По русски. Чей ты парень?
— Панлэнъ піезъ;	— Пановъ парень.
— Кинъ панлэнъ?	— Какого пана?
— Люкъ панлэнъ;	— Люкскаго пана.
— Кинъ люкъ?	— Кто люкъ?
— Бакра люкъ;	— Бакра люкъ.
— Кинъ бакра?	— Кто бакра?
— Шудэ бакра;	— Счастье бакра.
— Кинъ шудэ?	— Кто счастье?
— Буръ шуде;	— Правда счастье.
— Кинъ буръ?	— Кто правда?
— Чійя буръ;	— Чійя правда.
— Кинъ чія?	— Кто чійя?
— Маджесъ чія;	— Грабли чійя.
— Кинъ маджесъ?	— Кто грабли?
— Тушъ маджесъ;	— Борода грабли.
— Кинъ тушъ?	— Кто борода?
— Мэи тушъ;	— Старость борода.
— Кинъ мэи?	— Кто старость?
— Гаръ мэи;	— Гаръ старость.
— Кинъ гаръ?	— Кто гаръ?
— Сязетъ гаръ;	— . . . . . гаръ;
— Кинъ сязетъ?	— Кто.....?
— Буръ сязетъ;	— Правда.....?
— Кинъ буръ?	— Кто правда?
— Камъ ву.	— Камская вода.

(Записано отъ Савватія Алексѣева, починка Ірдогурта).

* * *

Я ходилъ по деревнямъ, билъ шерсть. Иду разъ лѣсомъ и вдругъ упалъ въ липовое дупло; проспалъ тамъ ночь и на другой день пришли люди рубить эту липу; я вдругъ вскрикнулъ и люди съ топорами убѣжали; я вышелъ изъ дупла и опять иду; иду по дорогѣ и опять упалъ въ бочку; сижу въ бочкѣ и вдругъ пришелъ медвѣдь къ бочкѣ, сунулъ въ дырочку хвостъ; я взялъ за хвостъ и

медвѣдь помчался быстрѣе вѣтра; бочка разлетѣлась. Я вернулся домой живой и разсказываю о своемъ похожденіи домашнимъ.

Загадки.

1) Подъ пчелкой желтый цыпленокъ.
2) По полю разбросаны бревна.
3) Четверо братьевъ стрѣляютъ въ одну яму.
4) Четыре брата подъ одной шляпой.
5) Одинъ стоитъ, другой сидитъ, третій лежитъ.
6) Надъ трубой синій солдатъ.
7) Надъ огнемъ жаритъ задницу черный солдатъ.
8) На гумнѣ стриженый баранъ.
9) На одной жердочкѣ сидятъ 30 тетеревей.
10) На волахъ снѣгъ не держится.
11) Въ стѣнахъ красныя зерна пшеницы.
12) По стѣнамъ бараньи глаза.
13) Три длинныхъ предмета.
14) Яма сгнила, столбъ ушелъ.
15) Живаго неживой догоняетъ.
16) Неживой несетъ живаго.
17) Мышь съ двумя хвостиками.
18) Стою на берегу, плюю за рѣку.
19) Кругъ избы волосяныя бревна.
20) Старуха по ночамъ сморкается.
21) Въ обѣдъ ѣстъ, ночью спитъ.
22) Среди поля блюдо съ мясомъ.
23) Четверо хлопаютъ, тысячи пляшутъ.
24) Полонъ курятникъ желтыхъ цыплятъ.
25) За Камой рѣкой—бѣлѣетъ голубая лошадь.
26) Въ полѣ лаютъ собаки.
27) Въ одно ведро текутъ четыре рѣчки.
28) Входитъ въ избу въ черномъ зипунѣ, выходитъ въ бѣлой рубахѣ.
29) Вечеромъ ѣстъ, утромъ блюетъ.
30) На подволокѣ голубой клубокъ.
31) Не человѣкъ, не звѣрь, а имѣетъ усы.

32) Безъ рукъ, безъ ногъ, безъ языка, а говоритъ, но говоритъ не слышно.

33) Низъ ѣстъ, верхъ—блюетъ.

34) Днемъ ходитъ, ночью спитъ.

35) Ночью ходитъ, днемъ спитъ.

36) Въ носъ кидается, а самого не видать.

37) За Камой рѣкой ржетъ конь.

38) Въ серебряной дырѣ гвоздикъ мясной.

39) Долгохвостая сорока скачетъ въ печь.

40) Красная собака воетъ.

41) Съ избы на избу красный пѣтухъ перескакиваетъ.

42) Мужикъ кланяется землѣ.

43) Безрукій-безногій къ небу идетъ.

44) Безъ ножа, безъ топора сдѣланъ мостъ.

45) Тридцать молотятъ, одинъ переворачиваетъ (снопъ).

46) Безъ рукъ безъ ногъ выходитъ изъ дупла.

47) Въ огнѣ черный баранъ, въ баранѣ вода.

Отгадки.

1) Солнце.
2) По полю разбросаны бревна.
3) Соски на вымени коровы во время доенія.
4) Ножки у стола.
5) Елка, пень и колода въ лѣсу.
6) Дымъ.
7) Котелъ надъ горномъ.
8) Скирды хлѣба.
9) Потолокъ на матицѣ.
10) Рога у коровы.
11) Клопы.
12) Сучья въ бревенчатыхъ стѣнахъ.
13) Дорога, рѣчка и изгородь полевая.
14) Лапоть износился и нога оставила его.
15) Телѣга и сани.
16) Лыжи, на которыхъ ходятъ по снѣгу.
17) Лапти съ веревочками.
18) Ружье.

19) Мохъ между бревнами.

20) Лучина въ свѣтцѣ.

21) Ножъ.

22) Мышиное гнѣздо съ мышенятами.

23) Ноги и хвостъ лошади.

24) Зубы.

25) Облако.

26) Колокольчики у пасущихся въ полѣ коней.

27) Доеніе коровъ.

28) Лутошки съ лыкомъ.

29) Овинъ, который вечеромъ набиваютъ снопами, а утромъ выбрасываютъ снопы для молоченія.

30) Голубь.

31) Рыба усачъ.

32) Письмо.

33) Перечница.

34) Солнце.

35) Луна.

36) Запахъ.

37) Громъ.

38) Въ серебряномъ кольцѣ палецъ.

39) Хлѣбная лопата во время своего дѣйствія.

40) Церковный колоколъ.

41) Огонь во время пожара.

42) Молотильщикъ на гумнѣ.

43) Дымъ, поднимающійся къ небу.

44) Ледъ на рѣкѣ.

45) Зубы и языкъ во время ѣды.

46) Хлѣбъ въ квашнѣ.

47) Котелъ съ водой въ огнѣ.

Игры и занятія взрослыхъ и дѣтей.

Воронъ и курица. Эта символическая игра въ животныхъ исполняется только дѣтьми—мальчиками и дѣвочками. Если играютъ мальчики, то игра заключается въ слѣдующемъ: одинъ изъ старшихъ изображаетъ ворона, а другой тоже изъ старшихъ—курицу;

остальные изображаютъ при курицѣ цыплятъ. Приготовившись къ игрѣ, воронъ отходитъ отъ курицы въ сторону на нѣсколько саженей, а курица стоитъ—смотритъ на него; цыплята же стоятъ позади курицы въ одной группѣ. Воронъ копаетъ ямку, а курица спрашиваетъ: «что роешь?»—«Землю»—отвѣчаетъ воронъ. «Что ищешь?»—«Иголку» «На что иголку»?—«Кошель сшить».На что кошель»?—«Камешки класть» «На что камешки?»—«Въ твоихъ дѣтей бросать»—«Что они сдѣлали?»—«Въ мой огородъ лазятъ, воруютъ лукъ, морковь, рѣпу и проч.». Курица беретъ щепку и, бросая ее кверху, говоритъ: «твой огородъ такъ высокъ и то лазятъ, а мой такъ низокъ (присѣдая къ землѣ, показываетъ вышину не болѣе четверти) и то не лазятъ». Воронъ идетъ къ курицѣ ближе и между ними завязывается жаркій споръ. Воронъ говоритъ: «какъ не лазятъ»? Курица кричитъ: «какъ лазятъ»? Вотъ воронъ подходитъ ближе и кричитъ: «крокъ»! (звукоподражаніе крику вòрона), курица на это отзывается своимъ крикомъ: «котэкъ»! Воронъ старается схватить цыпленка, расправивши когти (которые изображаютъ пальцы), курица защищаетъ дѣтей; при этомъ между цыплятами поднимается такая пискотня, крики, что хоть уши затыкай; но вмѣсто пискотни ребята, конечно, хохочутъ. Если воронъ схватитъ цыпленка—уводитъ въ сторону, гдѣ и долженъ цыпленокъ стоять. Потомъ воронъ чрезъ минуту, другую опять идетъ и кричитъ: крокъ! и происходитъ тоже дѣйствіе между нимъ и курицей. Когда переловитъ всѣхъ цыплятъ, принимается за курицу. Игра тѣмъ и оканчивается.

Кругъ съ мячемъ. Чертится кругъ въ поперечникѣ нѣсколько саженей, смотря по числу играющихъ. Всѣ желающіе играть, числомъ отъ 10 до 20, становятся на черту въ равномъ разстояніи другъ отъ друга. Когда мѣста играющими будутъ заняты, одинъ изъ нихъ беретъ мячъ и бросаетъ его стоящему насупротивъ себя мальчику, который и долженъ поймать мячъ на лету и бросать опять другому и т. д. Такимъ образомъ мячъ перебрасывается играющими до тѣхъ поръ, пока кто либо не выронитъ его изъ рукъ въ моментъ хватанія. Тотъ, кто выронитъ его изъ рукъ, идетъ въ кругъ и съ него начинается главная игра. Выронившій мячъ идетъ въ кругъ и его запятнываютъ въ спину мячемъ перебрасывая мячъ другъ другу. Мячъ стараются бросить тому, который ближе къ находящемуся въ кругу. Запятнываемый, чтобы былъ сдѣланъ кѣмъ нибудь промахъ бѣгаетъ

изъ стороны въ сторону. Кто сдѣлаетъ промахъ, т.е. не попадетъ въ находящагося въ кругу—идетъ самъ въ кругъ. Правило игры такое: 1) находящійся въ кругу не долженъ выходить изъ круга за черту и 2) стоящіе на чертѣ не должны входить въ кругъ. Игра эта въ употребленіи и у взрослыхъ. Она чрезвычайно оживленна и требуетъ отъ игрока большаго вниманія и проворства, и чѣмъ больше въ ней играющихъ, тѣмъ она веселѣе.

Ямки съ мячемъ. Въ землѣ вырываются въ одномъ направленіи и въ равномъ разстояніи другъ отъ друга нѣсколько ямокъ по числу играющихъ. Ширина ямки вершка два, а глубина—полтора. Такую ямку каждый играющій вырываетъ для себя. Когда ямки будутъ готовы, то по жребію, одинъ изъ играющихъ съ конца катитъ мячъ въ ямки. Если мячъ вкатился въ чью нибудь ямку, то всѣ разбѣгаются въ разныя стороны, не желая быть запятнаннымъ хозяиномъ ямки, въ которую вкатился мячъ. Хозяинъ ямки, быстро схватываетъ мячъ и, не отходя отъ ямки, бросаетъ мячемъ въ кого нибудь. Если не запятнаетъ никого, всѣ играющіе идутъ къ ямкамъ, а если запятнаетъ, то запятнанный опять бросаетъ мячъ въ другаго съ того мѣста, гдѣ упалъ мячъ. Такимъ образомъ, мячъ запятнываетъ играющихъ до тѣхъ поръ, пока кто нибудь не сдѣлаетъ промаха, т. е. не запятнаетъ никого. Когда сдѣланъ промахъ, всѣ идутъ къ ямкамъ и кладутъ въ ямку промахнувшагося камешекъ или щепку. Промахнувшійся опять катитъ мячъ въ ямки и опять продолжается такая же игра; продолжается она до тѣхъ поръ, пока въ чьей нибудь ямкѣ не будетъ опредѣленное по условію число камешковъ или щепокъ, означающихъ промахъ (отъ 3 до 5). Въ чьей ямкѣ исполнится опредѣленное число промаховъ, тотъ становится спиной къ ямкамъ; закрываютъ ему глаза, кладутъ въ которую нибудь ямку мячъ и, похлопавши его ладонью по спинѣ около десяти разъ, спрашиваютъ: въ чьей ямкѣ мячъ? Если угадаетъ—игра начинается снова, если же нѣтъ—опять начинаетъ хлопать тотъ, въ чью ямку былъ положенъ мячъ. Такъ хлопаютъ его, мѣняя ямки, до тѣхъ поръ, пока онъ не угадаетъ. Когда угадаетъ—игра начинается снова. Въ тѣхъ деревняхъ, въ которыхъ съ вотяками живутъ и русскіе, въ спину ударяютъ слегка мячемъ, приговаривая: «ярка—не ярка, баранъ—не баранъ, сѣрая овечка, а не ягнится;» потомъ, положивъ мячъ въ ямку, спрашиваютъ: «въ чьей

лункѣ мячъ?» Самыя ямки называются лунками, поэтому и игра получила названіе лунокъ. Игра эта исключительно дѣтская.

Клѣтка съ мячемъ. (См. рис. 1 на таблицѣ въ концѣ книги). Съ трехъ сторонъ вбиваютъ въ землю колышки или щепки длиною около полуторы четверти, половина которыхъ уходитъ въ землю и это представляетъ трехсторонній ящикъ, а на четвертой сторонѣ гдѣ нѣтъ колышковъ, вмѣсто ихъ кладется палочка толщиною не менѣе вершка. На эту лежащую палочку поперекъ ея кладется не особенно тонкая пластинка шириною съ вершокъ и длиною сообразно съ шириной ящика или клѣтки. Пластинка, положенная на палочку, должна лежать на палочкѣ такъ, чтобы одна половина ея была въ ящикѣ, а другая—въ наружной сторонѣ. На конецъ пластинки, лежащей въ ящикѣ, кладется мячъ. Начинающій игру по жребію беретъ прочную палку болѣе аршина и становится у клѣтки, находящейся по лѣвую сторону его, а прочіе стоятъ около клѣтки, стараясь поймать мячъ. Начинающій игру ударяетъ изо всей силы по наружному концу пластинки, и мячъ летитъ высоко. Кто поймаетъ мячъ на лету, тому и ударять по пластинкѣ. Если никто не поймаетъ на лету—ударять старому. Игра эта дѣтская.

Тюрагá (жаворонокъ). Вбивается въ землю нѣсколько наклонно колышекъ длиною около одного аршина и берется небольшая конусообразная пѣшка съ зарубкой на тупомъ концѣ, чтобы можно было надѣть на колышекъ. Вотъ, когда палка вбита и пѣшка надѣта, играющіе берутъ по палкѣ около трехъ четвертей длины и, ставши въ нѣсколькихъ шагахъ отъ колышка, бросаютъ палками въ пѣшку, чтобы сшибить ее. Чья палка сшибетъ или отшибетъ дальше, тому и бить пѣшку. Тотъ, кому бить ее, становится у колышка, а другіе идутъ въ сторону, куда должна упасть пѣшка. Бьющій ударяетъ въ пѣшку снизу и пѣшка летитъ высоко. Кто изъ стоящихъ въ сторонѣ поймаетъ пѣшку при паденіи ея въ руки или шапку, тому и бить ее. Если же кто и не поймаетъ при паденіи ея, но поднявшій ее съ земли, остановившись въ нѣсколькихъ шагахъ отъ колышка, броситъ и попадетъ пѣшкой въ колышекъ, тому и бить; въ противномъ случаѣ бить старому. Такая игра въ употребленіи только между дѣтьми.

Вторая игра въ пѣшку тюрагá. (Таблица, рис. 2). Вбивается въ землю такой же колышекъ, но не наклонно, а вертикально. На этотъ

колышекъ кладется пластинка около полуторы четверти длины; на одинъ изъ концовъ пластинки ставится небольшая конусообразная пѣшка. Одинъ изъ мальчиковъ по жребію ударяетъ по пустому концу пластинки палкой и отъ удара пѣшка летитъ высоко. Стоящіе около колышка должны поймать пѣшку при паденіи ея. Если никто не поймаетъ при паденіи—пѣшку бить старому.

Городки. Для этой игры употребляются деревяшки, имѣющія форму цилиндра, вышина ихъ съ четверть аршина, а толщина—около полутора вершковъ. Передъ началомъ игры чертятся на дорогѣ два четыреугольныхъ квадрата произвольной величины, въ разстояніи одинъ отъ другаго около семи саженъ, смотря по тому, каковы играющіе, т. е. если взрослые, то разстояніе должно быть больше, а если дѣти—меньше по силамъ ихъ. Въ срединѣ между квадратами вырывается небольшая ямочка, показывающая половину разстоянія отъ одного квадрата до другаго. На одну изъ лежащихъ къ ямкѣ сторонъ квадрата ставятся деревяшки числомъ до семи въ равномъ разстояніи другъ отъ друга. Всѣ играющіе берутъ по палочкѣ около трехъ четвертей длины съ обтесанными, вмѣсто рукоятки, концами, и раздѣлившись на двѣ партіи по числу квадратовъ или клѣтокъ, играющіе становятся другъ противъ друга лицомъ, въ разстояніи около полуторы сажени, для метанія жеребья, кому начать игру. Вотъ одинъ изъ партіи, крайній, беретъ концами пальцевъ (а не въ кулакъ) конецъ рукоятки и бросаетъ ее кверху такъ, чтобы палка нѣсколько разъ перевернулась въ воздухѣ и упала концами къ играющимъ; если же палка будетъ обращена концами въ противоположныя стороны, ее бросаютъ въ другой разъ. За первымъ бросаетъ другой, третій и т. д. Когда такое метанье жеребья совершится, считаютъ, въ чью сторону больше палки обращены рукоятками? Въ чьей сторонѣ больше рукоятокъ, той партіи и начать игру; если же палокъ будетъ обращено по ровному числу къ каждой партіи, то метаніе жеребья начинается снова. Которой партіи по жребію досталась очередь начать игру, та беретъ всѣ палки, по двѣ штуки каждый играющій и, ставши близко у одного изъ квадратовъ, бросаетъ оттуда палками въ деревяшки, чтобы вышибить ихъ изъ черты. Если вышибетъ хоть одну деревяшку—идетъ на средину разстоянія, т. е. къ ямкѣ, и бросаетъ уже оттуда; послѣ него идетъ со

своими палками изъ его партіи другой, третій и т. д. и всѣ бросаютъ со средины. Бываетъ часто, что деревяшки съ перваго же удара подшибаются, но не выходятъ изъ черты; то это не даетъ права занять мѣста на срединѣ: деревяшки должны выйдти за заднюю или боковыя черты квадрата. Случается, что начавшіе игру вышибаютъ изъ своего квадрата деревяшки двумя или тремя палками, тогда другая партія не въ правѣ взять больше тѣхъ палокъ, сколькими вышибла изъ черты свои деревяшки первая партія, и если не вышибетъ своихъ деревяшекъ, считается проигравшей. Мы выше сказали, что подшибленная, но не вышедшая изъ квадрата, деревяшка не даетъ права въ началѣ игры занять мѣсто въ срединѣ; такъ равно, если осталась въ чертѣ хоть одна лежащая деревяшка, то она также не даетъ права на выигрышъ, а, напротивъ, служитъ какъ бы позоромъ для невыбившей ея партіи. Вообще, вышибить такую деревяшку считается дѣломъ труднымъ. Если вышибутъ свободными палками свои деревяшки изъ своихъ клѣтокъ обѣ партіи играющихъ, то игра начинается снова съ тѣхъ, кому послѣ перваго бросанья приходилась очередь бить деревяшекъ. Теперь скажемъ о тѣхъ, которые проиграютъ, т. е. не вышибутъ изъ своего квадрата деревяшекъ и какую дань они должны платить выигравшимъ. Выигравшіе ставятъ деревяшки попрежнему на мѣста. Когда поставлены деревяшки, проигравшіе, взявши по одной палкѣ, становятся рядомъ за задней чертой одного изъ квадратовъ и поднимаютъ палки вертикально надъ своими головами такъ высоко, какъ могутъ поднять, а выигравшіе бросаютъ чрезъ поднятыя палки свои палки, чтобы подшибить деревяшки другой клѣтки. Если кто подшибетъ хотя одну деревяшку— всѣ проигравшіе должны нести выигравшихъ на себѣ до той клѣтки, куда бросали выигравшіе свои палки чрезъ поднятыя кверху палки. Отъ этой клѣтки бросаютъ такимъ же образомъ опять, и если подшибутъ имѣющимися въ рукахъ палками одну или нѣсколько деревяшекъ—опять должны ихъ нести на себѣ проигравшіе. Такъ они носятъ на себѣ отъ клѣтки до клѣтки до тѣхъ поръ, пока противная сторона не подшибетъ деревяшекъ; но обыкновенно болѣе двухъ-трехъ разъ нести не случается; инымъ хотя и удается подшибить, но послѣ двухъ разъ говорятъ: «достаточно ужъ *наѣздились*». Такое снисхожденіе дается изъ благоразумія: и са-

мимъ не трудно проиграть и тогда придется отплатить такою же данью. Эта игра въ большомъ употребленіи и у взрослыхъ.

Игрушки дѣтскія.

Свистульки. Свистульки эти ничто иное, какъ свистульки полицейскихъ служителей, съ тѣмъ только различіемъ, что внутри ихъ нѣтъ никакой горошинки. Такія свистульки дѣлаются изъ гусиныхъ перьевъ, травныхъ дудокъ и корокъ, снятыхъ съ вицъ ивы, черемухи и липы. Маленькія свистульки служатъ охотникамъ и для приманки рябчиковъ.

Кружокъ вертящійся. (Таб. рис. 3). На лубкѣ или дощечкѣ съ съ помощію гвоздя и нитки чертится окружность въ поперечникѣ около 1½ верш. и по этой чертѣ вырѣзывается кружокъ. Центръ кружка просверливается шиломъ и въ образовавшееся отверстіе пробивается стержень толщиною съ утиное перо, но такъ, чтобы кружокъ находился не на срединѣ стержня, а одинъ конецъ былъ бы нѣсколько короче другаго. Который конецъ короче, тотъ заостряется ножомъ для того, чтобы вертящійся кружокъ не разбѣгался много. Чтобы заставить кружокъ вертѣться, стоитъ только длинный конецъ стержня взять между ладонями рукъ или между большимъ и среднимъ пальцемъ правой руки и вернуть кружокъ по солнцу, и пойдетъ онъ гулять по полу или по столу, куда будетъ спущенъ.

Пильщикъ. (Рис. 4). Дѣлается изъ липоваго дерева человѣкоподобный болванъ съ разодвинутыми по бокамъ ногами, концы которыхъ должны быть остры. Вмѣсто рукъ къ плечамъ прибиваются лучинки толщиною около пера. Лучинки должны представлять протянутыя впередъ руки, но не параллельно другъ къ другу, а въ разныя стороны; такимъ образомъ пространство между руками образуетъ острый уголъ. Къ концамъ такихъ рукъ привязывается такой же толщины лучинка и болванъ представляетъ собой человѣка, держащаго въ рукахъ палку, взявши ее за оба конца. Къ срединѣ этой лучинки привязывается шнурокъ длиною около аршина, смотря по величинѣ болвана и по вышинѣ стола или лавки, куда желаютъ поставить болванъ; къ другому концу шнурка привязывается гирька или замѣняющій ее камешекъ. Для того, чтобы болванъ своими

поклонами подражалъ пильщику или, какъ еще говорятъ, молящемуся, стоитъ только поставить его на край стола и спущенную гирьку покачнуть въ сторону болвана. Само собою разумѣется, что гирька не должна задѣвать ни за какой предметъ, и должна качаться между ножками стола свободно, подобно маятнику часовъ.

Волчекъ. Эта игрушка, какъ извѣстная повсемѣстно, не требуетъ описанія. Между обыкновенными пустыми съ отверстіемъ волчками, издающими при движеніи звукъ на подобіе волчьяго воя, и волчками дѣтей инородцевъ только та разница, что послѣдніе не имѣютъ въ себѣ пустоты, поэтому и не издаютъ никакихъ звуковъ, подобныхъ вою волка или жужжанью. Чтобы сдѣлать настоящій волчекъ, нужны инструменты и умѣнье. Впрочемъ, нынѣ начали появляться настоящіе волчки, которые покупаются на базарахъ.

Ружьецо для стрѣлянья сжатымъ воздухомъ. (Рис. 5). Оно дѣлается изъ такъ называемаго чевечнаго дерева толщиною съ большой палецъ; длины имѣетъ около двухъ четвертей. Сердцевина этого дерева мягка, какъ размоченная въ кипяткѣ пробка, поэтому изъ дерева выбивается легко и деревяннымъ шомполомъ, который поколачиваютъ съ одного конца ножемъ или молоткомъ. Выбивши такимъ образомъ сердцевину и прочистивши посредствомъ шомпола до-чиста отверствіе отъ находящихся еще на стѣнкахъ его остатковъ сердцевины, желающій стрѣлять вкладываетъ въ отверстіе смоченную въ слюнахъ пулю, которая скатывается изъ конопли или льна или же корпіи, и пуля вталкивается шомполомъ до другого конца; а для того, чтобы пуля не вылѣзла изъ стволика совсѣмъ, шомполъ дѣлаютъ короче стволика, а ручка шомпола толще. И вотъ, когда пуля уже на своемъ мѣстѣ, стрѣлокъ беретъ въ лѣвую руку ружьецо, а въ правую такую же смоченную слюнами пулю и шомполъ; потомъ подноситъ къ губамъ отверстіе стволика, и вдуваетъ въ отверстіе воздухъ; когда стволъ ружьеца наполнится воздухомъ, быстро затыкаетъ отверстіе и вталкиваетъ туда шомполомъ пулю, въ глубину не болѣе полъ-вершка. И такъ, ружьецо заряжено, но не порохомъ, а воздухомъ. Стрѣлокъ, ставши въ позу, ружьецо держитъ въ лѣвой рукѣ, а шомполъ съ концомъ, находящимся внутри ружьеца, въ правой рукѣ, взявши ручку его въ кулакъ; и, направивъ ружьецо на какой нибудь предметъ, быстро вталкиваетъ шомполомъ пулю, отчего нижняя пуля, вытѣсняемы

сжатымъ воздухомъ, вылетаетъ со звукомъ «хлопъ!» на нѣсколько саженей. Хорошо сдѣланное ружьецо и притомъ длиною около аршина и съ отверстіемъ въ мизинецъ взрослаго издаетъ звукъ не хуже плохой винтовки.

Пукычъ. (Табл., рис. 6). На деревянной ложѣ, подобной ружейной, дѣлается желобокъ, служащій вмѣсто ствола. На нижнемъ концѣ ложи просверливается дырочка, въ которую можетъ проходить палецъ. Въ ложу черезъ дырочку продѣвается соразмѣрной съ отверстіемъ толщины вязовый или вересковый лукъ длиною болѣе чѣмъ ложа; къ обоимъ концамъ лука привязывается натянутая крѣпко бичевка. На другомъ концѣ ложи дѣлается зарубка, и на эту зарубку зацѣпляется натянутая съ лукомъ бичевка, а къ послѣдней, т. е. къ бичевкѣ, въ желобокъ кладется стрѣлка или камешекъ шарообразной или продолговатой формы. Когда положена стрѣлка или замѣняющій ее камешекъ, бичевка отцѣпляется указательнымъ пальцемъ правой руки, быстро ударяетъ о стрѣлку и послѣдняя летитъ. Для удобства спуска бичевки съ зарубки, къ ней придѣлывается еще плашка въ родѣ ружейной плашки.

Трещетка. (Рис. 7). Трещетка эта представляетъ собой четыреугольную продолговатую рамку съ поперечникомъ въ срединѣ, раздѣляющимъ рамку на два квадрата. Она имѣетъ сходство съ одноручной пилкой съ тѣмъ только различіемъ, что на мѣстѣ пилки, внутри рамки, вертящійся валикъ съ желобками кругомъ вдоль самаго валика. На одномъ концѣ валика, какъ у пилы, ручка. Рамку раздѣляетъ на четыре клѣтки березовая пластинка шириною съ полъвершка. Одинъ конецъ пластинки, положенный на средину задней рамки, прикрѣпляется къ рамкѣ ниткой, а другой, проходя чрезъ нижнюю сторону поперечника, остается въ желобкѣ. Теперь, если возьмемъ трещетку за ручку и будемъ вертѣть ее снизу вверхъ, конецъ пластинки, ударяясь о стѣнки желобковъ, будетъ производить трескъ.

Кукла-свистулька. (Рис. 8). Это глиняный болванъ утки съ пустотой внутри; по бокамъ болвана небольшія дырочки, а въ концѣ, изображающемъ хвостикъ, отверстіе какъ у оловянной свистульки полицейскихъ служителей. Взявши уткообразную свистульку за оба бока между большимъ и указательнымъ пальцами обѣихъ рукъ, конецъ хвостика берутъ въ губы и дуютъ въ плоское

отверстіе въ концѣ хвостика; при этомъ кукла свиститъ, а для разнообразія звуковъ боковыя дырочки попеременно то закрываются, то открываются указательными пальцами.

Жужжалка. (Рис. 9). Въ срединѣ цилиндрической деревяшки, длиною не менѣе вершка и толщиною съ большой дѣтскій палецъ, просверливаются рядомъ, въ близкомъ разстояніи одна отъ другой, двѣ дырочки; затѣмъ берется крѣпкая нитка или шнурокъ длиною съ аршинъ и оба конца нитки или шнурка продѣваются чрезъ дырочки: одинъ конецъ въ одну дырочку, а другой — въ другую и нитка связывается; потомъ, вытянувши половину двойной нитки, одинъ конецъ таковой, съ узломъ, надѣвается на указательный палецъ правой руки, а другой, безъ узла, на указательный палецъ лѣвой руки; затѣмъ нитка натягивается въ горизонтальномъ направленіи и деревяшка стоитъ вертикально, находясь на срединѣ нитки. Чтобы деревяшка, кружась, издавала жужжанье, она вертится на ниточкѣ снизу вверхъ до тѣхъ поръ, пока не скрутится нитка. Когда нитка достаточно скрутилась, тогда за оба конца ея то тянутъ, то отпускаютъ, отчего самая нитка посредствомъ вертящейся деревяшки крутится то въ ту, то въ другую сторону и, крутясь, вертитъ деревяшку, которая при этомъ издаетъ жужжанье. Крутящаяся безпрестанно нитка поперемѣнно то укорачивается, то удлинняется.

Прыщалка. Это сифонъ изъ травной дудки съ тупыми концами; на одномъ концѣ, гдѣ суставъ дудки, продѣлывается небольшая дырочка для прохода струи воды. Поршень такой же, какъ и у обыкновеннаго сифона. Прыщалка употребляется дѣтьми инородцевъ какъ игрушка при игрѣ у воды.

Перышко-ружьецо. (Рис. 10). Кончикъ цилиндрическаго стволика перышка срѣзывается, угловатый стержень отрѣзывается, а сердцевина изъ стволика вынимается. Третья часть стволика изъ средины въ длину вырѣзывается въ глубину не болѣе половины толщины стволика и вырѣзанное мѣсто собой представляетъ стеклянную трубку водянаго уровня, а самый стволикъ — оправу ея. Снизу противъ вырѣзаннаго мѣста, на самой срединѣ его, вырѣзывается опять небольшая дырочка. Стержень отъ опахала или опушка пера очищается и тонкій конецъ его срѣзывается. Затѣмъ на тонкомъ концѣ стержня дѣлаются два коленчатыхъ сгиба, первый

съ конца — книзу, а другой — кверху; остальная же часть, которая потолще и длинѣе, оставляется для ручки. Коленчатый стержень изображаетъ собой ломанную линію и служитъ пружинкой для дѣйствія ружьеца. Пружинка входитъ въ стволъ; взявши за первый суставъ большимъ и указательнымъ пальцемъ, конецъ задѣваютъ слегка за нижнюю дырочку, но такъ, чтобы онъ, т. е. кончикъ, много не выставлялся внаружу нижней стороны стволика, для чего дырочка дѣлается, небольшая. Поднятая пружинка образуетъ собой острый уголъ, обращенный вершиной кверху. Теперь, если положимъ къ пружинкѣ горошинку или спичку и нажмемъ пружинку съ другаго конца большимъ пальцемъ, то кончикъ пружинки, вышедши изъ отверстія, ударитъ о спичку и тѣмъ отшибетъ ее, отчего спичка летитъ.

Крестъ-меледа́. Четыре деревяшки, имѣющія форму бруска одинаковой величины, длиною не менѣе двухъ вершковъ и толщиною не болѣе полъ-вершка, посредствомъ сдѣланныхъ въ срединѣ зарубокъ складываются плотно какъ крестъ. Четвертая деревяшка, служащая клиномъ, безъ зарубокъ. Сложить ихъ весьма трудно, а разложить, не зная клинка, невозможно, такъ какъ снаружи никакихъ зарубокъ не видно.

Кольцо-меледа́. Четыре металлическихъ изъ проволоки кольца, раздѣленныя попарно, вдѣваются другъ въ друга и посредствомъ разныхъ сгибовъ въ одной сторонѣ складываются въ одно кольцо и на мѣстѣ, гдѣ находится камешекъ у колецъ, образуется какъ бы плетенка. Сложить ихъ вдругъ невозможно и если человѣкъ незнакомъ съ устройствомъ сгибовъ, сложить при всемъ стараніи и совсѣмъ не можетъ. Подобныя же кольца встрѣчаются и изъ семи колецъ.

Бабки костяныя. Ставятся онѣ на полу или на дорогѣ, если играютъ лѣтомъ, попарно въ недальнемъ разстояніи другъ отъ друга въ одномъ направленіи. Отошедши отъ бабокъ шаговъ на десять, бросаютъ въ нихъ какой нибудь металлической штучкой около двухъ вершковъ, и если подшибутъ сколько бабокъ — тѣ выиграны. Съ другого конца начинаетъ бить тотъ, чья штучка лежитъ ближе къ бабкамъ.

Лодыжки. Для игры употребляются лодыжки отъ коленнаго сустава овечьихъ ногъ. Два или три человѣка играющихъ мальчи-

ковъ садятся за столъ и вынимаютъ изъ-за пазухи лодыжки и мечутъ жребій—кому начать игру; для этого каждый беретъ двѣ лодыжки и бросаетъ на столъ, условившись прежде, которой стороной должны быть обращены лодыжки; но обыкновенно употребляется ровный бокъ лодыжки, называемый «толъ»; этотъ бокъ въ игрѣ называется старшимъ. Чьи лодыжки больше обращены кверху условной стороной, тотъ беретъ всѣ лодыжки, къ которымъ прибавляютъ еще нѣсколько паръ, и, сгребши въ руки, бросаетъ ихъ на столъ; потомъ смотритъ и считаетъ, сколько въ группѣ парныхъ лодыжекъ, обращенныхъ одной стороной. Сколько ихъ будетъ въ группѣ — всѣ онѣ выиграны. За первымъ по очереди бросаетъ другой. Десятокъ лодыжекъ цѣнится копѣйка, а въ нѣкоторыхъ деревняхъ—грошъ. Въ зимнее время по вечерамъ у мальчишекъ главная игра—игры въ лодышки.

Пѣшки. Цилиндрическая палочка толщиною съ мизинецъ десятилѣтняго мальчика разрѣзывается ножемъ въ пѣшки вышиной съ четверть вершка, числомъ около 15; потомъ всѣ эти пѣшки по срединѣ раскалываются и изображаютъ собой половинныя шашечки, какими играютъ на шахматной доскѣ. Предъ началомъ игры двое или трое мечутъ жребій такимъ же образомъ, какъ и при игрѣ въ лодыжки; но выигрываются пѣшки слѣдующимъ образомъ: если стоятъ рядомъ двѣ пѣшки, обращенныя кверху одной стороной, игрокъ, зацѣпивши указательный или средній палецъ правой руки за большой палецъ, щелкаетъ пѣшку, которая и должна ударить о другую парную пѣшку: если ударилась пѣшка о другую, то послѣдняя, какъ выигранная, кладется игрокомъ въ сторону; а если не ударилась, продолжать дальше до слѣдующей очереди не въ правѣ, а бьетъ уже слѣдующій; такъ равно не въ правѣ игрокъ продолжать игру до слѣдующей очереди и тогда, когда которая нибудь изъ двухъ дѣйствующихъ пѣшекъ ударится въ стороннюю пѣшку. Конечно это зависитъ отъ умѣнья игроковъ и положенья самыхъ пѣшекъ. Для того, чтобы пѣшки не стояли въ одной грудѣ, а нѣсколько въ сторонѣ одна отъ другой, они игрокомъ должны быть разсыпаны умѣючи. Такимъ образомъ, игра по очереди продолжается игроками до тѣхъ поръ, пока не останется ни одной пѣшки. Потомъ игроками считаются всѣ пѣшки, кто сколько ихъ выигралъ, посредствомъ извѣстнаго уже щелканья. Кто выигралъ больше противъ причи-

тающагося по раздѣленіи всѣхъ пѣшекъ на число играющихъ количества, тотъ даетъ другимъ недостающее число пѣшекъ, оставляя при себѣ только причитающееся на его долю количество, и за это даетъ принявшему по лбу щелчки такимъ же образомъ, какъ ударялись при игрѣ, пѣшки, при каждомъ ударѣ приговаривая: «мало не выигрывай!» Предположимъ, играютъ трое, а всѣхъ пѣшекъ 24; слѣдовательно, на каждаго игрока причитается 8 пѣшекъ; если, напримѣръ, одинъ выигралъ 12 пѣшекъ и другой 9, то третій выигралъ только 3; первый даетъ выигравшему 3 пѣшки и своихъ 4, и даетъ за это по лбу 4 щелчка, а второй, выигравшій 9 пѣшекъ, даетъ третьему же 1 пѣшку и одинъ щелчекъ.

Эстафета и почта. Одинъ изъ мальчиковъ, привязавши палку къ веревкѣ и взявши послѣднюю въ лѣвую руку, бѣжитъ верхомъ на палкѣ, постегивая ее свободнымъ концомъ веревки, которую беретъ въ правую руку. Другіе мальчики отъ двухъ до четырехъ человѣкъ, взявши въ руки свою веревку, бѣгутъ рядомъ, а за нимъ одинъ изъ мальчиковъ съ концомъ веревки въ рукахъ бѣгутъ за ними, понукая ихъ. Первый изображаетъ эстафету, а послѣдніе—почту.

Игры мальчиковъ и дѣвочекъ съ движеніями. Спрятки. Передъ игрой нѣсколько мальчиковъ мечутъ между собой жребій, кому искать спрятавшихся мальчиковъ. Метанье жребія производится слѣдующимъ образомъ: одинъ изъ мальчиковъ держитъ въ рукѣ вертикально палку и каждый беретъ ее въ руку, кладя руку на руку. Такимъ образомъ, кулаки поднимаются выше и выше. Кому пришлось взять палку за верхній конецъ, тому и искать спрятавшихся. Быть можетъ, вверху еще останется пустой конецъ, тогда конецъ покрывается по очереди нижними руками. Долженствующій искать у спрятавшихся станетъ на условленномъ мѣстѣ гдѣ нибудь въ углу зданія, такъ какъ самая игра производится около зданій, и, прижавшись въ уголъ лицомъ, долженъ стоять до времени; прочіе разбѣгаются въ разныя стороны, чтобы спрятаться отъ стоящаго въ углу. Когда всѣ спрятались, даютъ свистъ, означающій, что играющіе уже спрятались. Стоящій въ углу, услышавши свистъ, отвертывается и идетъ искать, озираясь кругомъ, чтобы не занялъ его мѣсто кто нибудь изъ спрятавшихся. Если найдетъ кого изъ спрятавшихся или увидитъ его на мѣстѣ, мѣсто его занимаетъ тотъ, котораго онъ нашелъ или увидѣлъ. А если спрятавшійся, улучивъ минуту, успѣетъ тайкомъ про-

браться къ его мѣсту и займетъ его—опять долженъ отправить должность искателя старый. Въ эту игру играютъ ребятишки и дѣвченки и называется она по вотски «чимали».

Горѣлки. Двѣ взрослыя дѣвушки берутъ другъ друга за руки, а третій (обыкновенно парень или, за неимѣніемъ его, дѣвушка же) стоитъ впереди ихъ задомъ; дѣвушки бѣгутъ впередъ, не желая быть пойманными парнемъ, а парень гонится за той, которую считаетъ легче поймать или хлопнуть по спинѣ. Которую дѣвушку парень поймалъ или хлопнулъ по спинѣ, той стоять въ другой разъ на мѣстѣ парня; въ противномъ случаѣ, долженъ бѣгать за дѣвушками опять парень.

Скаканье черезъ веревку. Два мальчика берутъ веревку длиною около трехъ сажень и отошедши другъ отъ друга, слегка натягиваютъ веревку и машутъ ей то въ ту, то въ другую сторону, а третій мальчикъ черезъ веревку перескакиваетъ такъ, что и не задѣваетъ за веревку ногой.

Забавы молодежи: 1) *качели*, въ употребленіи только на недѣлѣ св. Пасхи; 2) *скаканье* на доскахъ; 3) *катанье съ горъ* на масляной недѣлѣ на корытахъ, политыхъ снизу водой, на лубянкѣ и на салазкахъ и 4) *катанье съ шестовъ.* Забавы эти, какъ употребительныя на Руси и извѣстныя давно, не требуютъ описаній.

Занятія маленькихъ дѣвушекъ. Дѣвочки, собравшись у одной изъ подружекъ, дѣлаютъ изъ разныхъ лоскутковъ куклы, стряпаютъ лѣтомъ гдѣ нибудь во дворѣ изъ глины перепечи, шанежки, пирожки и проч. и, настряпавши довольное количество, кто принимаетъ названіе гостьи, а кто—хозяйки и воспроизводятъ дѣйствіе пріема и угощенія гостей.

Мальчишки лѣтомъ дѣлаютъ *ходули* и учатся на нихъ ходить.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ автора сего описанія случай приводилъ видѣть и *фокусы*, которые заключаются въ слѣдующемъ:

1) *Узнать который изъ трехъ кружковъ задѣтъ и кѣмъ именно.* Этотъ фокусъ исполняется съ помощью товарища, съ которымъ ранѣе уговариваются о способѣ исполненія фокуса. Фокусникъ чертитъ на стѣнѣ мѣломъ три кружка, стоящіе вертикально въ равномъ разстояніи одинъ отъ другого и говоритъ присутствующимъ при фокусѣ; «вотъ здѣсь три кружка. Я войду въ сѣни—и мнѣ нельзя будетъ

видѣть сквозь стѣнъ что здѣсь дѣлается. Задѣньте кто нибудь одинъ изъ этихъ трехъ кружковъ и я узнаю, который изъ нихъ задѣтъ и даже скажу, кто задѣлъ». Сказавши это, онъ выходитъ. Товарищъ его не спускаетъ глазъ съ кружковъ. Вотъ одинъ изъ находящихся въ комнатѣ задѣлъ кружокъ и отошелъ въ сторону; товарищъ фокусника видитъ это и не теряетъ изъ виду того, который задѣлъ кружокъ. Фокусникъ входитъ въ избу.... съ товарищемъ переглянулся. Товарищъ, какъ только фокусникъ посмотрѣлъ на него, дѣлаетъ условные знаки: если задѣтъ верхій кружокъ—почешетъ немножко свой лобъ, если среднiй—грудь, а если нижнiй—животъ, и по этимъ знакамъ фокусникъ знаетъ, который кружокъ задѣтъ. Если почесалъ лобъ, значитъ, задѣтъ верхнiй кружокъ, если грудь—среднiй кружокъ, а если животъ—нижнiй. Теперь нужно узнать, который человѣкъ задѣлъ кружокъ. Фокусникъ здоровается съ каждымъ присутствующимъ въ комнатѣ за руку, спрашивая его: «какъ поживаешь, другъ?» или что нибудь въ этомъ родѣЕсли здоровается съ тѣмъ, который задѣлъ кружокъ, товарищъ его издаетъ какіе нибудь звуки, напримѣръ, зѣвнётъ, или плюнетъ, или высморкается, и по этому фокусникъ знаетъ который задѣлъ, и тогда, поздоровавшись со всѣми, садится на лавку, зоветъ задѣвшаго кружокъ и говоритъ, смотря ему въ глаза: «плутовски твои глаза! ты задѣлъ». Чтобы не привлечь на себя вниманія присутствующихъ при фокусѣ, товарищъ фокусника дѣлаетъ знаки и произноситъ разнообразные звуки. Иной, для разнообразія, держитъ въ рукѣ какую нибудь лучинку, а лучше трубку, если товарищъ взрослый. Если при появленіи фокусника, онъ, куря табакъ, трубку держитъ въ рукѣ, это означаетъ, что задѣтъ нижнiй кружокъ, если держитъ чубукъ, взявши его за средину—задѣтъ среднiй кружокъ, если же трубка во рту, не поддерживается рукой, значитъ, задѣтъ верхнiй кружокъ. Конечно хорошее исполненье фокуса зависитъ отъ умѣнья и часто повторять фокусы тоже нельзя.

2) *Черезъ столъ запятнать углемъ ладонь лѣвой руки.* Для этого никакихъ товарищей—помощниковъ не требуется. Фокусникъ идетъ къ печкѣ и, вынимая изъ печки уголь, незамѣтно для присутствующихъ чернитъ углемъ ноготь средняго или безымяннаго пальца. Взявши въ правую руку уголь, подходитъ къ столу и, показывая ладонь лѣвой руки, говоритъ: «смотрите, на ладони никакого пят-

нышка нѣтъ. Вотъ я положу руку подъ столъ и буду поддерживать его ладонью, чтобы онъ, какъ я ударю углемъ, не шевельнулся. Углемъ брошу въ столъ и черезъ него ладонь руки запятнается». Сказавши это, онъ лѣвую руку кладетъ подъ столъ, и взявши въ правую руку уголь, бросаетъ имъ въ столъ противъ той руки, которая находится подъ столомъ и чрезъ мгновеніе показываетъ ладонь лѣвой руки,—на ладони оказывается черное пятно, которое получилось отъ зачерненнаго ногтя пальца пригнутаго къ ладони. Этого никто изъ присутствующихъ не замѣчаетъ.

и 3) *Надѣть на лучину, взятую зрителемъ за оба конца, кольцо.* Фокусникъ беретъ у одного изъ зрителей кольцо и завертываетъ его въ свой платокъ на глазахъ зрителей; потомъ беретъ лучинку или вицу длиною около трехъ четвертей, даетъ ее зрителю, держа въ рукѣ за средину. Когда зритель возьметъ лучинку въ руки за оба конца, фокусникъ даетъ ему въ зубы одинъ изъ угловъ платка съ завернутымъ кольцомъ, отпускаетъ лучину и держитъ платокъ въ рукѣ. Чтобы придать фокусу магическое значеніе, фокусникъ говоритъ: «разъ два, три», затѣмъ, дунувши въ платокъ, обращается къ зрителю: «ну, отпускай кольцо!»; зритель отпускаетъ, фокусникъ, сдергиваетъ платокъ съ лучины и потряхиваетъ платкомъ, — кольцо на лучинкѣ. «Вотъ диво» говоритъ зритель: «какимъ образомъ кольцо очудилось на лучинкѣ?». А секретъ въ слѣдующемъ: въ платкѣ фокусника зашито кольцо. Взявши у зрителя подобное же своему кольцо, онъ для примѣра завертываетъ зашитое въ платокъ кольцо, между тѣмъ кольцо зрителя уже въ лѣвой рукѣ его, и взявши лучинку, продѣваетъ ее въ кольцо и беретъ лучинку съ кольцомъ за средину. Зритель, когда фокусникъ держитъ лучинку въ кулакѣ, беретъ лучинку за оба конца; фокусникъ даетъ ему въ зубы платокъ съ кольцомъ и отпускаетъ руку; кольцо же покрывается платкомъ, слѣдовательно, не видно зрителю.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ *).

Лѣтоисчисленіе. Инородцы нынѣ ведутъ лѣтоисчисленіе по русски; только нѣкоторые, прозябающіе въ грубомъ невѣжествѣ, ведутъ его еще отъ какихъ нибудь важнѣйшихъ событій, памятныхъ для нихъ. Въ частныхъ случаяхъ говорятъ: назадъ тому годъ, два, три и т. д. Годъ называется *аръ* и раздѣляется на 12 временъ, соотвѣтствующихъ 12 мѣсяцамъ христіанскаго лѣтосчисленія, начиная съ 1-го весенняго мѣсяца. Мѣсяцы эти слѣдующіе: 1) *куака́ толызь* «вороній мѣсяцъ». Это названіе объясняется тѣмъ, что въ мартѣ мѣсяцѣ на дорогахъ можно видѣть воронъ, ищущихъ лужицъ напиться изъ нихъ воды; 2) *ошъ толызь* «бычій мѣсяцъ», соотвѣтствующій апрѣлю, когда изъ лужицы напивается уже и быкъ; 3) *тулысъ* или *куаръ толызь* «весна, листовый мѣсяцъ»; 4) *инъ-вожд-толызь* «мѣсяцъ божества Инъ вожо» 5) *Сиздылъ па́лъ* «осенняя сторона», когда со второй половины этого мѣсяца (іюля) жары смѣняются уже прохладой, особенно по ночамъ, а вода начинаетъ холодѣть. Мы должны замѣтить, что начало мѣсяца въ вотскомъ времясчисленіи совпадаетъ обыкновенно съ 15—20 числомъ; 6) *сизьылъ* «осень»; 7) *кваръ-у се́нъ* «опаданіе листьевъ»; 8) *коньы вуднъ* «приходъ бѣлки». Приходомъ бѣлки считается принятіе векшей настоящаго цвѣта, годнаго для мѣха, когда наступаетъ время стрѣльбы этихъ звѣрковъ; 9) *шуръ кынмднъ* «замерзаніе рѣкъ»; 10) *толъ суръ* «зимнее пиво»—время зимнихъ пирушекъ, совпадающее со святками; 11) *толъ-шдръ* «средина зимы». Это соотвѣтствуетъ времени памяти преподобной Ксеніи (24 января); русскіе считаютъ съ этого времени другую половину зимы, поэтому преподобную Ксенію называютъ *Аксиньей*

*) Во время печатанія предыдущихъ страницъ авторъ прислалъ дополнительныя свѣдѣнія о бытѣ Вотяковъ. Нѣкоторыя изъ этихъ свѣдѣній включены въ соотвѣтствующія мѣста, другія не могли быть размѣщены, такъ какъ отдѣлы, къ которымъ они относятся были уже напечатаны, и приводятся здѣсь. *Ред.*

полузимницей и 12) *Тулысъ-пáлъ* «весенняя сторона», когда со второй половины мѣсяца начинаются оттепели.

Въ недѣлѣ считается тоже семь дней и самые дни называются какъ и русскими. но только съ измѣненіями удареній, которые слышатся всегда на послѣднемъ слогѣ; впрочемъ, воскресенье называется *арня-нунáлъ* «недѣли день». Сутки раздѣляются на 11 частей, именно: 1) *чукнá* «утро»; 2) *чукна-сіиськонъ-дыръ* «время завтрака»; 3) *нуназè-торъ* «средина обѣда или полдень»; 4) *джытъ пáлъ-сіиськóнъ* «паужинъ»; 5) *джытъ* «вечеръ»; 6) *акшанъ-дыръ* «время Акшана (божества)», т. е. сумерки; 7) *уйинъ* «ночь»; 8) *кэлонъ-дыръ* «время сна»; 9) *уйторъ* «средина ночи или полночь» и 10) *султонъ-дыръ* «время пробужденія», соотвѣтствующее утреннему пѣтлоглашенію и 11) *югытáнъ* «разсвѣтъ». Время ночью опредѣляется по пѣнію пѣтуховъ и по звѣздамъ. Въ этомъ отношеніи между звѣздами болѣе замѣчательны: 1) *кузьбыжо-кизилѝ* «созвѣздіе съ длиннымъ хвостомъ» (большая медвѣдица или седмизвѣздица). Эта же звѣзда еще называется *іыръ іылъ-кизилѝ* «созвѣздіе надъ головой» потому что созвѣздіе это, какъ говорятъ, въ полночь стоитъ надъ головой; 2) *джекъ-кунъ кизилѝ* «ножки стола» (поясъ Оріона); 3) *зоринчà кизилѝ* (сиріусъ). По положенію этой звѣзды знаютъ приближеніе утра; 4) *исникутъ-кизилѝ* «изношенный лапоть» (сѣверный вѣнецъ) и 5) *серъпужъ кизили* «рѣдкое рѣшето» (плеяды).

Семейныя печати (подэмъ пусъ). Въ прежнія времена, когда инородцы были противниками всякаго образованія, грамота у нихъ состояла въ рубежахъ, дѣлаемыхъ на лутошечныхъ палочкахъ и въ разныхъ знакахъ, похожихъ на китайскія буквы и имѣвшихъ каждый особое названіе и форму. Такіе знаки были подобіями очертаній какихъ нибудь предметовъ, но въ этихъ очертаніяхъ кривыхъ линій, въ виду неудобствъ при вырѣзываніи имѣющимися у вотяковъ орудіями—ножемъ или топоромъ, старались избѣгать. Они существуютъ и теперь и имѣетъ ихъ каждый домохозяинъ, какъ семейную печать; называютъ ихъ сами вотяки *подэмъ пусъ*, а русскіе—*тамгáми*. Вотъ изображенія нѣкоторыхъ изъ нихъ: < *узэньи*, ⅂Λ *кыметъ*, —/— *синйкъ* «вилы», ⼮ *курегъ-пыдъ* «куричья ножка» ┘┌┴┐ *маджесъ* «грабли» и проч. Нынѣ знаки эти вырубаются топоромъ или вырѣзываются ножемъ на бортяхъ,

ульяхъ и на бревнахъ, заготовляемыхъ для строеній и вездѣ, гдѣ нужно обезопасить собственность отъ захвата чужими; эти знаки также ставятся вотяками на межахъ своихъ полосъ, при огородахъ и дорогахъ. Знаки, поставленные при огородахъ и дорогахъ свидѣтельствуютъ о томъ, что пространство, заключающееся между ними, должны содержать въ исправности тѣ семейства, которымъ принадлежатъ знаки. Еще недавно такіе знаки имѣли значеніе собственноручной подписи и печати и на нихъ основывались дѣла при совершеніи актовъ и дѣловыхъ бумагъ; нынѣ въ бумажныхъ дѣлахъ ихъ замѣняетъ уже рукоприкладство, сдѣланное грамотнымъ по довѣрію или личной просьбѣ неграмотнаго, за что послѣдній платитъ рукоприкладчику 5—10 коп. При другихъ случаяхъ они имѣютъ прежнее значеніе.

Женскія грамотки. Между женщинами у инородцевъ въ большомъ употребленіи такъ называемые *салáмы*—посылки или посланія, которыми служатъ обыкновенно лоскутки ситцу или холста. Если кого изъ родственницъ нужно увѣдомить о какомъ нибудь важномъ и при томъ радостномъ событіи, напримѣръ, о новорожденномъ, съ приглашеніемъ въ гости, то лоскутокъ вручается какому нибудь попутному съ просьбой передать его просимому лицу съ приглашеніемъ въ гости. Лоскутки-грамотки обыкновенно избираются такіе, которые уже извѣстны приглашаемымъ, чтобы придать посылкѣ болѣе значенія. Передающій саламъ и слова приглашающихъ получаетъ угощеніе кумышкой какъ гость; но должно замѣтить, что лоскутки-грамотки посылаются только со знакомыми и непремѣнно съ единоплеменниками. Если лоскутокъ посылается съ хорошимъ знакомымъ или родственникомъ, то такой знакомый или родственникъ за передачу салама и за приглашеніе въ гости получаетъ особенное угощеніе, и за таковое угощеніе считаетъ непремѣннѣйшею обязанностію подарить хозяйкѣ при угощеніи монету около 5 коп. Монету хозяйка принимаетъ на правый рукавъ платья и благодаритъ гостя за подарокъ, а иная пропоетъ еще милому гостю пѣсенку о предметахъ, касающихся гостя; а если раздобрится и если гость словоохотливъ,—принесетъ бутылку съ лучшей кумышкой и подаетъ ему сряду нѣсколько рюмокъ таковой. Угощающая гостя молодушка, по полученіи отъ гостя въ даръ монеты, считаетъ обязанностію покло-

изображать собой подобіе креста, т. е. при стволикѣ должны быть, по крайней мѣрѣ, двѣ вѣточки, идущія одна въ правую, а другая въ лѣвую сторону отъ одного колѣна. Безъ вѣтки молитвы все равно, что не молитвы, такъ говорили старики.

Секты. Начало просвѣщенію вотяковъ, по преданію, положилъ преподобный Трифонъ, мощи котораго въ настоящее время почиваютъ подъ спудомъ. О преподобномъ Трифонѣ въ Поломско-Балезинской сторонѣ мы слышали такой разсказъ. Преподобный Трифонъ, говорятъ, работалъ на Каменномъ Задѣльи (по тракту между Поломомъ и Балезиномъ), гдѣ, между прочимъ, тесалъ камни на мельничные жернова. Отъ рабочихъ онъ переносилъ всякаго рода насмѣшки: лили на него помои, толкали его, плевали на него и т. д. Однажды на берегу рѣки Чепцы, Трифонъ, послѣ разныхъ насмѣшекъ надъ нимъ, скатилъ жерновъ въ рѣку и тутъ совершилось чудо: жерновъ не утонулъ, а лежалъ на водѣ, какъ на твердой землѣ. Трифонъ сѣлъ на жерновъ и поплылъ внизъ по теченію рѣки. Пораженные этимъ чудомъ, насмѣшники обратились къ нему съ такими словами; «воротись, отче Трифоне!» Трифонъ сказалъ на это: «оставайтесь съ Богомъ!» Особенное вниманіе на просвѣщеніе вотяковъ христіанскою вѣрою было обращено Казанскою Конторою инородческихъ дѣлъ, учрежденною для обращенія иновѣрцевъ въ христіанство. Въ Глазовскомъ уѣздѣ священникъ Өедоръ Ившинъ одинъ окрестилъ болѣе 2,000 Вотяковъ и основалъ 10 приходовъ. Апостольскіе труды Ившина были сопряжены съ опасностью для жизни, и въ одно время толпа вотяковъ чуть не сожгла его съ домомъ. По разсказамъ самихъ инородцевъ обращенію ихъ предковъ въ христіанство способствовали особенно льготы, которыя даровались новокрещеннымъ, именно: освобожденіе отъ рекрутской повинности и податей; проповѣдь же христіанская въ устахъ проповѣдниковъ мало имѣла силы, а причиной этому были неразумныя толкованія истинъ вѣры на вотскомъ діалектѣ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ принятія христіанской вѣры, между инородцами возникли религіозныя смуты, которыя окончились тѣмъ, что большая часть инородцевъ приняла названіе *вылепырысевъ* (выле—во вновь, пырысь—входящій, отсюда слово: *вступающій* въ новую вѣру). Основателями такой секты и главными

слабонервныхъ наводитъ неописанный страхъ. Чтобы исчезло привидѣніе, слѣдуетъ только, по существующему повѣрью, пятиться задомъ въ сторону привидѣнія и обнять его обѣими руками. Церковный сторожъ—вотякъ намъ разсказывалъ, что въ церковь былъ принесенъ покойникъ и оставался тамъ ночью. Были уже сумерки; въ церкви кромѣ одного сторожа не было никого. Сторожъ пошелъ за огарками свѣчей къ клиросу и обратно долженъ былъ проходить мимо покойника. Прошелъ онъ покойника и оглянулся назадъ. Вдругъ представилось ему такое видѣніе: изъ гроба всталъ въ бѣломъ саванѣ мертвецъ и побѣжалъ за сторожемъ... Сторожа обдало какъ холодной водой. Однако онъ не упалъ совсѣмъ духомъ, а вспомнивши разсказъ, которымъ совѣтовалось привидѣніе обнять назадъ руками, онъ сталъ пятиться задомъ... Шагнулъ раза три и обнялъ привидѣніе сзади руками. Привидѣніе исчезло.

Пуговка съ солдатской шинели. Чтобы не могъ заговориться колдунъ, ружье слѣдуетъ зарядить пуговкой съ солдатской шинели. Колдуны отъ дроби заговариваются, а отъ пуговки съ шинели не могутъ. По разсказамъ инородцевъ, Казанская царица предъ взятіемъ Казани, заговорившись отъ дроби и пуль, стояла на городской стѣнѣ и показывала солдатамъ половыя части, говоря: «вотъ вамъ Казань!».

Лай собаки (пуны утòнъ). Собака лаетъ на нѣсколько различныхъ ладовъ; такъ, напримѣръ, на волковъ лаетъ совершенно иначе, чѣмъ на человѣка; на вора тоже въ другомъ тонѣ. Кто привыкъ различать тоны и напряженія голоса собаки, тотъ безошибочно опредѣлитъ причину лая.

Шапка (ызьы̆). Извѣстно, что при молитвахъ, возсылаемыхъ воображаемымъ божествамъ, вотяки шапокъ не снимаютъ. Чтобы познакомиться со значеніемъ шапки во время молитвы авторъ настоящей статьи расправшивалъ нѣкоторыхъ инородцевъ, почему попы ихъ во время молитвы стоятъ въ шапкахъ, и въ результатѣ получилось слѣдующее: 1) старики прежде молились въ шапкахъ и говорили, что вотская молитва безъ шапки не угодна Богу; 2) безъ шапки будешь молиться—Нюлэсъ-Муртъ будетъ сердиться; 3) при молитвѣ жрецъ безъ шапки, все равно какъ безъ головы и проч.

Вѣтка или сучекъ, который держатъ жрецы при молитвѣ, должны

изображать собой подобіе креста, т. е. при стволикѣ должны быть, по крайней мѣрѣ, двѣ вѣточки, идущія одна въ правую, а другая въ лѣвую сторону отъ одного колѣна. Безъ вѣтки молитвы все равно, что не молитвы, такъ говорили старики.

Секты. Начало просвѣщенію вотяковъ, по преданію, положилъ преподобный Трифонъ, мощи котораго въ настоящее время почиваютъ подъ спудомъ. О преподобномъ Трифонѣ въ Поломско-Балезинской сторонѣ мы слышали такой разсказъ. Преподобный Трифонъ, говорятъ, работалъ на Каменномъ Задѣльи (по тракту между Поломомъ и Балезиномъ), гдѣ, между прочимъ, тесалъ камни на мельничные жернова. Отъ рабочихъ онъ переносилъ всякаго рода насмѣшки: лили на него помои, толкали его, плевали на него и т. д. Однажды на берегу рѣки Чепцы, Трифонъ, послѣ разныхъ насмѣшекъ надъ нимъ, скатилъ жерновъ въ рѣку и тутъ совершилось чудо: жерновъ не утонулъ, а лежалъ на водѣ, какъ на твердой землѣ. Трифонъ сѣлъ на жерновъ и поплылъ внизъ по теченію рѣки. Пораженные этимъ чудомъ, насмѣшники обратились къ нему съ такими словами; «воротись, отче Трифоне!» Трифонъ сказалъ на это: «оставайтесь съ Богомъ!» Особенное вниманіе на просвѣщеніе вотяковъ христіанскою вѣрою было обращено Казанскою Конторою инородческихъ дѣлъ, учрежденною для обращенія иновѣрцевъ въ христіанство. Въ Глазовскомъ уѣздѣ священникъ Ѳеодоръ Ившинъ одинъ окрестилъ болѣе 2,000 Вотяковъ и основалъ 10 приходовъ. Апостольскіе труды Ившина были сопряжены съ опасностью для жизни, и въ одно время толпа вотяковъ чуть не сожгла его съ домомъ. По разсказамъ самихъ инородцевъ обращенію ихъ предковъ въ христіанство способствовали особенно льготы, которыя даровались новокрещеннымъ, именно: освобожденіе отъ рекрутской повинности и податей; проповѣдь же христіанская въ устахъ проповѣдниковъ мало имѣла силы, а причиной этому были неразумныя толкованія истинъ вѣры на вотскомъ діалектѣ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ принятія христіанской вѣры, между инородцами возникли религіозныя смуты, которыя окончились тѣмъ, что большая часть инородцевъ приняла названіе *вылепырысевъ* (выле—во вновь, пырысь—входящій, отсюда слово: вступающій въ новую вѣру). Основателями такой секты и главными

дѣятелями въ ней были ворожцы—*тунаси* и жрецы. Остающимся въ христіанской вѣрѣ вылепырыси, особенно жрецы ихъ, говорили, что за отступленіе отъ старой вѣры и принятіе новой не вылепырыси будутъ наказаны жесточайшимъ образомъ, что жизнь ихъ будетъ переполнена бѣдствіями; земля ихъ не будетъ производить удовлетворительныхъ урожаевъ хлѣбовъ, люди будутъ умирать отъ различныхъ болѣзней. Секта вылепырысевъ требовала: 1) не носить никакихъ пунцовыхъ ситцевъ, кумачу, пестряди синей, какую носятъ русскіе; 2) для обуви не употреблять ни сапоговъ, ни башмаковъ, ни русскихъ лаптей; 3) всякую одежду, какую воспрещаетъ носить секта, если таковая у кого найдется, бросать въ лѣсъ или сжигать на огнѣ; 4) съ русскими никакихъ сношеній не имѣть и проч. Послѣдователи этой секты по первому же слову жрецовъ запрещенную одежду бросали въ лѣсъ, которая бѣдными потомъ подбиралась. Чтобы привлечь въ свою секту болѣе послѣдователей, жрецы распускали слухи, что имъ были видѣнія боговъ, требующихъ уничтоженія цвѣтнаго платья подъ страхомъ наказаній. Ворожцы и жрецы толковали, что вылепырысямъ не надо будетъ и одежды, каковую замѣнитъ пухъ, которымъ покроется тѣло, что для каждаго человѣка достаточно будетъ на пропитаніе въ годъ нѣсколько *ючйсовъ* (колья, на которыя вѣшаютъ снопы) числомъ около 30.

У вылепырысевъ ворожцы были свои; они пользовались большимъ авторитетомъ какъ прорицатели, и въ тоже время нѣкоторые изъ нихъ слыли за вегиновъ или вѣдунъ-муртовъ т. е. колдуновъ, насылающихъ болѣзни на людей и скотъ, но обыкновенно они не были любимы; угощаемы же были только ради страха. Если умиралъ колдунъ, его отвозили въ усыпальницу немедленно и погребеніе поручалось однимъ церковнымъ сторожамъ-могильщикамъ. Съ погребеніемъ колдуна прекращался всякій страхъ порчи и болѣзни, которыя при жизни колдуна приписывались бы ему. Колдуны раздѣлялись на нѣсколько категорій, между которыми были болѣе страшные: 1) насылающіе болѣзни по вѣтру 2) портящіе посредствомъ притворныхъ ласокъ и трепаній по спинѣ и 3) наговаривающіе на напитки. Ласки слывущаго за колдуна боялись хуже ножа и, въ случаѣ болѣзни, обращались къ колдуну же. Если при жизни колдунъ былъ страшенъ, то духъ его блуждалъ по землѣ

небольшой кусокъ хлѣба; садится за столъ и, воткнувши иголку въ кусокъ хлѣба, беретъ нитку въ правую руку и приподнимаетъ нитку тихо, осторожно, чтобы кусокъ хлѣба не покачнулся ни въ которую сторону; кусокъ же хлѣба виситъ отъ стола въ вышинѣ двухъ—трехъ дюймовъ, а чтобы избавиться отъ дрожанія руки, локтемъ руки, держащей иголку, опирается о столъ.

Затѣмъ смотритъ въ которую сторону кусокъ хлѣба будетъ ударять; а для удобства опредѣляютъ страны свѣта углемъ, мѣломъ и проч.—и говоритъ куску: «если потерянное найдется, ударяй въ сторону того или другого предмета» или:» если скотина потерялась и не найдется—стой на мѣстѣ»; также «въ которой сторонѣ потерянное, ударяй въ ту сторону», т. е. велитъ куску ударять въ тотъ предметъ, который будетъ принятъ за виновную сторону; если кусокъ ударяетъ въ названный предметъ—отвѣтъ полученъ утвердительный.

При гаданіи ворожецъ сосредоточивается на одной мысли. Если на столѣ нѣтъ никакихъ знаковъ, опредѣляющихъ страны, то ворожецъ, чтобы получить удовлетворительный отвѣтъ, велитъ куску ударять въ правую или лѣвую или же въ переднюю стороны. Если, напримѣръ, явился домохозяинъ съ просьбой поворожить о томъ, найдется ли потерянная скотина или въ которой сторонѣ ее слѣдуетъ искать, ворожецъ говоритъ куску хлѣба: «если скотина въ томъ полѣ—ударяй въ ту сторону, если въ другомъ—въ другую» и т. д. Какой результатъ получается отъ ворожения—объ этомъ ворожецъ объявляетъ и все дѣло оканчивается.

Другой способъ ворожбы таковъ: ворожецъ беретъ цѣльный коровай хлѣба на пальцы правой руки на подобіе того, какъ держатъ крестьяне во время чаепитія блюдечки; опирается локтемъ о столъ и слѣдитъ внимательно за движеніемъ коровая. Утвердительный отвѣтъ даетъ коровай хлѣба тогда, когда онъ будетъ поворачиваться въ которую нибудь сторону, а отрицательный отвѣтъ получается, когда коровай остается недвижимъ. Третій вновь открытый нами способъ ворожбы состоитъ въ томъ, что ворожецъ беретъ въ руку перстень и, повертывая его на всѣ стороны, чрезъ нѣсколько времени объявляетъ о результатѣ.

Курбонъ. Подъ этимъ словомъ принято называть семейное жертвоприношеніе божеству Воршуду въ случаѣ какого нибудь несчастья

въ семейной жизни, напримѣръ, нездоровья. Въ такихъ случаяхъ приносится въ жертву чаще баранъ. Курбонъ приносятъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ еще за новорожденныхъ.

Жертва старикамъ (умершимъ). Умершихъ стариковъ инородцы боготворятъ не менѣе другихъ воображаемыхъ божествъ; они, умершіе, по повѣрью ихъ, могутъ насылать различныя болѣзни на живыхъ; поэтому иногда болѣзни приписываютъ ихъ вліянію; такъ равно, если скотина вслѣдствіе какихъ нибудь причинъ придетъ въ состояніе паралича, говорятъ, что здоровья лишили умершіе старики (кулэмъёсъ кутъйзы). Чтобы предотвратить какое нибудь несчастье, инородцы обѣщаютъ умершимъ старикамъ жертвы, надѣясь этимъ умилостивить умершихъ стариковъ. За умершихъ въ кругу семьи приносятся въ году частныя жертвы нѣсколько разъ, а послѣ смерти стариковъ, кромѣ семейной жертвы, приносится еще жертва всей деревней въ домѣ потомковъ старика. Для жертвы старику избирается обыкновенно старая лошадь. Молодые люди, питающіе отвращеніе къ кoнинѣ, жертвы не ѣдятъ; старики же считаютъ непремѣнною обязанностію ѣсть мясо коня до сыта, чтобы умершій старикъ, которому приносится жертва, не питалъ къ нимъ какого нибудь неудовольствія. О различныхъ обрядахъ при жертвоприношеніи мы здѣсь говорить не будемъ, такъ какъ они уже нами описаны прежде, а помѣстимъ здѣсь только то, что представляетъ для насъ еще совершенную новость при жертвоприношеніи всей деревней. Послѣ различныхъ обрядностей за столомъ и ѣды мяса кладутъ на полъ подъ одинъ изъ концевъ стола лубянку, а къ краю стола ставятъ зажженную восковую свѣчу. На лубянку кладутъ всѣ кости коня и, главное, черепъ. На этотъ черепъ каждый, участвовавшій въ яденіи жертвы, кладетъ мѣдную монету отъ 1 до 5 коп., каковыхъ набирается около 50 коп. Къ черепу ставятъ стаканъ съ кумышкой и буракъ съ пивомъ, — и жертвоприношеніе окончено. Лубянку увозятъ въ лѣсъ на *Лы-куянъ*, т. е. на то мѣсто, гдѣ прежде бросали кости животныхъ, принесенныхъ въ жертву. Это жертвоприношеніе называется, какъ и описанное уже, *виро*, но прежде описанное приносится въ конюшнѣ объ избавленіи скота отъ болѣзней, а въ избѣ — старикамъ, какъ родоначальникамъ, отъ которыхъ остались и имѣніе, и скотъ, и потомки. Самое жертвоприношеніе совершается ночью.

браться къ его мѣсту и займетъ его—опять долженъ отправить должность искателя старый. Въ эту игру играютъ ребятишки и дѣвченки и называется она по вотски «чимали».

Горѣлки. Двѣ взрослыя дѣвушки берутъ другъ друга за руки, а третій (обыкновенно парень или, за неимѣніемъ его, дѣвушка же) стоитъ впереди ихъ задомъ; дѣвушки бѣгутъ впередъ, не желая быть пойманными парнемъ, а парень гонится за той, которую считаетъ легче поймать или хлопнуть по спинѣ. Которую дѣвушку парень поймалъ или хлопнулъ по спинѣ, той стоять въ другой разъ на мѣстѣ парня; въ противномъ случаѣ, долженъ бѣгать за дѣвушками опять парень.

Скаканье черезъ веревку. Два мальчика берутъ веревку длиною около трехъ сажень и отошедши другъ отъ друга, слегка натягиваютъ веревку и машутъ ей то въ ту, то въ другую сторону, а третій мальчикъ черезъ веревку перескакиваетъ такъ, что и не задѣваетъ за веревку ногой.

Забавы молодежи: 1) *качели*, въ употребленіи только на недѣлѣ св. Пасхи; 2) *скаканье* на доскахъ; 3) *катанье съ горъ* на масляной недѣлѣ на корытахъ, политыхъ снизу водой, на лубянкѣ и на салазкахъ и 4) *катанье съ шестовъ.* Забавы эти, какъ употребительныя на Руси и извѣстныя давно, не требуютъ описаній.

Занятія маленькихъ дѣвушекъ. Дѣвочки, собравшись у одной изъ подружекъ, дѣлаютъ изъ разныхъ лоскутковъ куклы, стряпаютъ лѣтомъ гдѣ нибудь во дворѣ изъ глины перепечи, шанежки, пирожки и проч. и, настряпавши довольное количество, кто принимаетъ названіе гостьи, а кто—хозяйки и воспроизводятъ дѣйствіе пріема и угощенія гостей.

Мальчишки лѣтомъ дѣлаютъ *ходули* и учатся на нихъ ходить.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ автора сего описанія случай приводилъ видѣть и *фокусы*, которые заключаются въ слѣдующемъ:

1) *Узнать который изъ трехъ кружковъ задѣтъ и кѣмъ именно.* Этотъ фокусъ исполняется съ помощью товарища, съ которымъ ранѣе уговариваются о способѣ исполненія фокуса. Фокусникъ чертитъ на стѣнѣ мѣломъ три кружка, стоящіе вертикально въ равномъ разстояніи одинъ отъ другого и говоритъ присутствующимъ при фокусѣ; «вотъ здѣсь три кружка. Я войду въ сѣни—и мнѣ нельзя будетъ

видѣть сквозь стѣнъ что здѣсь дѣлается. Задѣньте кто нибудь одинъ изъ этихъ трехъ кружковъ и я узнаю, который изъ нихъ задѣтъ и даже скажу, кто задѣлъ». Сказавши это, онъ выходитъ. Товарищъ его не спускаетъ глазъ съ кружковъ. Вотъ одинъ изъ находящихся въ комнатѣ задѣлъ кружокъ и отошелъ въ сторону; товарищъ фокусника видитъ это и не теряетъ изъ виду того, который задѣлъ кружокъ. Фокусникъ входитъ въ избу.... съ товарищемъ переглянулся. Товарищъ, какъ только фокусникъ посмотрѣлъ на него, дѣлаетъ условные знаки: если задѣтъ верхій кружокъ—почешетъ немножко свой лобъ, если средній—грудь, а если нижній—животъ, и по этимъ знакамъ фокусникъ знаетъ, который кружокъ задѣтъ. Если почесалъ лобъ, значитъ, задѣтъ верхній кружокъ, если грудь—средній кружокъ, а если животъ—нижній. Теперь нужно узнать, который человѣкъ задѣлъ кружокъ. Фокусникъ здоровается съ каждымъ присутствующимъ въ комнатѣ за руку, спрашивая его: «какъ поживаешь, другъ?» или что нибудь въ этомъ родѣЕсли здоровается съ тѣмъ, который задѣлъ кружокъ, товарищъ его издаетъ какіе нибудь звуки, напримѣръ, зѣвнётъ, или плюнетъ, или высморкается, и по этому фокусникъ знаетъ который задѣлъ, и тогда, поздоровавшись со всѣми, садится на лавку, зоветъ задѣвшаго кружокъ и говоритъ, смотря ему въ глаза: «плутовски твои глаза! ты задѣлъ». Чтобы не привлечь на себя вниманія присутствующихъ при фокусѣ, товарищъ фокусника дѣлаетъ знаки и произноситъ разнообразные звуки. Иной, для разнообразія, держитъ въ рукѣ какую нибудь лучинку, а лучше трубку, если товарищъ взрослый. Если при появленіи фокусника, онъ, куря табакъ, трубку держитъ въ рукѣ, это означаетъ, что задѣтъ нижній кружокъ, если держитъ чубукъ, взявши его за средину—задѣтъ средній кружокъ, если же трубка во рту, не поддерживается рукой, значитъ, задѣтъ верхній кружокъ. Конечно хорошее исполненье фокуса зависитъ отъ умѣнья и часто повторять фокусы тоже нельзя.

2) *Черезъ столъ запятнать углемъ ладонь лѣвой руки.* Для этого никакихъ товарищей—помощниковъ не требуется. Фокусникъ идетъ къ печкѣ и, вынимая изъ печки уголь, незамѣтно для присутствующихъ чернитъ углемъ ноготь средняго или безымяннаго пальца. Взявши въ правую руку уголь, подходитъ къ столу и, показывая ладонь лѣвой руки, говоритъ: «смотрите, на ладони никакого пят-

нышка нѣтъ. Вотъ я положу руку подъ столъ и буду поддерживать его ладонью, чтобы онъ, какъ я ударю углемъ, не шевельнулся. Углемъ брошу въ столъ и черезъ него ладонь руки запятнается». Сказавши это, онъ лѣвую руку кладетъ подъ столъ, и взявши въ правую руку уголь, бросаетъ имъ въ столъ противъ той руки, которая находится подъ столомъ и чрезъ мгновеніе показываетъ ладонь лѣвой руки,—на ладони оказывается черное пятно, которое получилось отъ зачерненнаго ногтя пальца пригнутаго къ ладони. Этого никто изъ присутствующихъ не замѣчаетъ.

и 3) *Надѣть на лучину, взятую зрителемъ за оба конца, кольцо.* Фокусникъ беретъ у одного изъ зрителей кольцо и завертываетъ его въ свой платокъ на глазахъ зрителей; потомъ беретъ лучинку или вицу длиною около трехъ четвертей, даетъ ее зрителю, держа въ рукѣ за средину. Когда зритель возьметъ лучинку въ руки за оба конца, фокусникъ даетъ ему въ зубы одинъ изъ угловъ платка съ завернутымъ кольцомъ, отпускаетъ лучину и держитъ платокъ въ рукѣ. Чтобы придать фокусу магическое значеніе, фокусникъ говоритъ: «разъ два, три», затѣмъ, дунувши въ платокъ, обращается къ зрителю: «ну, отпускай кольцо!»; зритель отпускаетъ, фокусникъ, сдергиваетъ платокъ съ лучины и потряхиваетъ платкомъ, — кольцо на лучинкѣ. «Вотъ диво» говоритъ зритель: «какимъ образомъ кольцо очудилось на лучинкѣ?». А секретъ въ слѣдующемъ: въ платкѣ фокусника зашито кольцо. Взявши у зрителя подобное же своему кольцо, онъ для примѣра завертываетъ зашитое въ платокъ кольцо, между тѣмъ кольцо зрителя уже въ лѣвой рукѣ его, и взявши лучинку, продѣваетъ ее въ кольцо и беретъ лучинку съ кольцомъ за средину. Зритель, когда фокусникъ держитъ лучинку въ кулакѣ, беретъ лучинку за оба конца; фокусникъ даетъ ему въ зубы платокъ съ кольцомъ и отпускаетъ руку; кольцо же покрывается платкомъ, слѣдовательно, не видно зрителю.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ *).

Лѣтоисчисленіе. Инородцы нынѣ ведутъ лѣтоисчисленіе по русски; только нѣкоторые, прозябающіе въ грубомъ невѣжествѣ, ведутъ его еще отъ какихъ нибудь важнѣйшихъ событій, памятныхъ для нихъ. Въ частныхъ случаяхъ говорятъ: назадъ тому годъ, два, три и т. д. Годъ называется *аръ* и раздѣляется на 12 временъ, соотвѣтствующихъ 12 мѣсяцамъ христіанскаго лѣтосчисленія, начиная съ 1-го весенняго мѣсяца. Мѣсяцы эти слѣдующіе: 1) *куака́ толызь* «вороній мѣсяцъ». Это названіе объясняется тѣмъ, что въ мартѣ мѣсяцѣ на дорогахъ можно видѣть воронъ, ищущихъ лужицъ напиться изъ нихъ воды; 2) *ошъ толызь* «бычій мѣсяцъ», соотвѣтствующій апрѣлю, когда изъ лужицы напивается уже и быкъ; 3) *тулысъ* или *куаръ толызь* «весна, листовый мѣсяцъ»; 4) *инъ-вожд-толызь* «мѣсяцъ божества Инъ вожо» 5) *Сиздылъ па́лъ* «осенняя сторона», когда со второй половины этого мѣсяца (іюля) жары смѣняются уже прохладой, особенно по ночамъ, а вода начинаетъ холодѣть. Мы должны замѣтить, что начало мѣсяца въ вотскомъ времясчисленіи совпадаетъ обыкновенно съ 15—20 числомъ; 6) *сизьылъ* «осень»; 7) *кваръ-у се́нъ* «опаданіе листьевъ»; 8) *коньы вудӧнъ* «приходъ бѣлки». Приходомъ бѣлки считается принятіе векшей настоящаго цвѣта, годнаго для мѣха, когда наступаетъ время стрѣльбы этихъ звѣрковъ; 9) *шуръ кынмӧнъ* «замерзаніе рѣкъ»; 10) *толъ суръ* «зимнее пиво»—время зимнихъ пирушекъ, совпадающее со святками; 11) *толъ-шӧръ* «средина зимы». Это соотвѣтствуетъ времени памяти преподобной Ксеніи (24 января); русскіе считаютъ съ этого времени другую половину зимы, поэтому преподобную Ксенію называютъ *Аксиньей*

*) Во время печатанія предыдущихъ страницъ авторъ прислалъ дополнительныя свѣдѣнія о бытѣ Вотяковъ. Нѣкоторыя изъ этихъ свѣдѣній включены въ соотвѣтствующія мѣста, другія не могли быть размѣщены, такъ какъ отдѣлы, къ которымъ они относятся были уже напечатаны, и приводятся здѣсь. *Ред.*

полузимницей и 12) *Тулысъ-пäлъ* «весенняя сторона», когда со второй половины мѣсяца начинаются оттепели.

Въ недѣлѣ считается тоже семь дней и самые дни называются какъ и русскими. но только съ измѣненіями удареній, которые слышатся всегда на послѣднемъ слогѣ; впрочемъ, воскресенье называется *арня-нупáлъ* «недѣли день». Сутки раздѣляются на 11 частей, именно: 1) *чукнá* «утро»; 2) *чукна-сіиськонъ-дыръ* «время завтрака»; 3) *нуназè-торъ* «средина обѣда или полдень»; 4) *джытъ пáлъ-сіиськóнъ* «паужинъ»; 5) *джытъ* «вечеръ»; 6) *акшанъ-дыръ* «время Акшана (божества)», т. е. сумерки; 7) *уйинъ* «ночь»; 8) *кэлонъ-дыръ* «время сна»; 9) *уйторъ* «средина ночи или полночь» и 10) *султонъ-дыръ* «время пробужденія», соотвѣтствующее утреннему пѣтлоглашенію и 11) *юытáнъ* «разсвѣтъ». Время ночью опредѣляется по пѣнію пѣтуховъ и по звѣздамъ. Въ этомъ отношеніи между звѣздами болѣе замѣчательны: 1) *кузьбыжо-кизилù* «созвѣздіе съ длиннымъ хвостомъ» (большая медвѣдица или седмизвѣздица). Эта же звѣзда еще называется *іыръ іылъ-кизилù* «созвѣздіе надъ головой» потому что созвѣздіе это, какъ говорятъ, въ полночь стоитъ надъ головой; 2) *джекъ-кунъ кизилù* «ножки стола» (поясъ Оріона); 3) *зоричà кизилù* (сиріусъ). По положенію этой звѣзды знаютъ приближеніе утра; 4) *иснокутъ-кизилù* «изношенный лапоть» (сѣверный вѣнецъ) и 5) *серэпужъ кизили* «рѣдкое рѣшето» (плеяды).

Семейныя печати (подэмъ пусъ). Въ прежнія времена, когда инородцы были противниками всякаго образованія, грамота у нихъ состояла въ рубежахъ, дѣлаемыхъ на лутошечныхъ палочкахъ и въ разныхъ знакахъ, похожихъ на китайскія буквы и имѣвшихъ каждый особое названіе и форму. Такіе знаки были подобіями очертаній какихъ нибудь предметовъ, но въ этихъ очертаніяхъ кривыхъ линій, въ виду неудобствъ при вырѣзываніи имѣющимися у вотяковъ орудіями—ножемъ или топоромъ, старались избѣгать. Они существуютъ и теперь и имѣетъ ихъ каждый домохозяинъ, какъ семейную печать; называютъ ихъ сами вотяки *подэмъ пусъ*, а русскіе—*тамгáми*. Вотъ изображенія нѣкоторыхъ изъ нихъ: < *узэньги*, ⌐Λ *кыметъ*, —⟨ *синùкъ* «вилы», ⋏ *курегъ-пыдъ* «куричья ножка» ⊓⊓ *маджесъ* «грабли» и проч. Нынѣ знаки эти вырубаются топоромъ или вырѣзываются ножемъ на бортяхъ,

ульяхъ и на бревнахъ, заготовляемыхъ для строеній и вездѣ, гдѣ нужно обезопасить собственность отъ захвата чужими; эти знаки также ставятся вотяками на межахъ своихъ полосъ, при огородахъ и дорогахъ. Знаки, поставленные при огородахъ и дорогахъ свидѣтельствуютъ о томъ, что пространство, заключающееся между ними, должны содержать въ исправности тѣ семейства, которымъ принадлежатъ знаки. Еще недавно такіе знаки имѣли значеніе собственноручной подписи и печати и на нихъ основывались дѣла при совершеніи актовъ и дѣловыхъ бумагъ; нынѣ въ бумажныхъ дѣлахъ ихъ замѣняетъ уже рукоприкладство, сдѣланное грамотнымъ по довѣрію или личной просьбѣ неграмотнаго, за что послѣдній платитъ рукоприкладчику 5—10 коп. При другихъ случаяхъ они имѣютъ прежнее значеніе.

Женскія грамотки. Между женщинами у инородцевъ въ большомъ употребленіи такъ называемые *салáмы*—посылки или посланія, которыми служатъ обыкновенно лоскутки ситцу или холста. Если кого изъ родственницъ нужно увѣдомить о какомъ нибудь важномъ и при томъ радостномъ событіи, напримѣръ, о новорожденномъ, съ приглашеніемъ въ гости, то лоскутокъ вручается какому нибудь попутному съ просьбой передать его просимому лицу съ приглашеніемъ въ гости. Лоскутки-грамотки обыкновенно избираются такіе, которые уже извѣстны приглашаемымъ, чтобы придать посылкѣ болѣе значенія. Передающій саламъ и слова приглашающихъ получаетъ угощеніе кумышкой какъ гость; но должно замѣтить, что лоскутки-грамотки посылаются только со знакомыми и непремѣнно съ единоплеменниками. Если лоскутокъ посылается съ хорошимъ знакомымъ или родственникомъ, то такой знакомый или родственникъ за передачу салама и за приглашеніе въ гости получаетъ особенное угощеніе, и за таковое угощеніе считаетъ непремѣннѣйшею обязанностію подарить хозяйкѣ при угощеніи монету около 5 коп. Монету хозяйка принимаетъ на правый рукавъ платья и благодаритъ гостя за подарокъ, а иная пропоетъ еще милому гостю пѣсенку о предметахъ, касающихся гостя; а если раздобрится и если гость словоохотливъ,—принесетъ бутылку съ лучшей кумышкой и подаетъ ему сряду нѣсколько рюмокъ таковой. Угощающая гостя молодушка, по полученіи отъ гостя въ даръ монеты, считаетъ обязанностію покл

ниться гостю въ ноги, чѣмъ и поселяетъ въ гостѣ хорошее мнѣніе о себѣ и гость отзывается о ней съ хорошей стороны, говоря, что угостившая его молодушка будетъ хорошею хозяйкой, что она скромна, кротка, не горда и т. п.

Вновь открытыя божества и другія миѳическія лица. Между божествами и другими сказочными существами, поименнованными нами прежде, не послѣднее мѣсто въ вотской миѳологіи занимаютъ слѣдующія вновь открытыя лица: 1)

Лудъ—богъ поля. Слово лудъ означаетъ поле; но чтобы отличить поле отъ божества, введено другое слово «бусы», означающее тоже поле. Этому божеству приносится жертва въ Лудъ-кенерѣ (лудъ-поле, кенеръ—огородъ, т. е. полевой огородъ—мѣсто жертвоприношенія); 2) *Прйтча*—духъ зла или демонъ, наводящій на человѣка, особенно на дѣтей, страхъ съ болѣзнію; онъ же и богъ внезапныхъ болѣзней. 3) *Лудъ-шайтанъ*—полевой бѣсъ; 4) *Мунчо-почетка* или *Мынчо-муртъ*—банный бѣсъ; 5) *Обинь Муртъ*—бѣсъ находящійся въ ямѣ овина; 6) *Порпй* — богъ морозовъ. Если во время стужи зимой трещатъ стѣны строеній, то говорятъ, что стрѣляетъ Порпи (Порпй ыбылъиськѐ). Это слово заимствовано изъ общаго названія черемисъ (поръ-черемисинъ пи-сынъ; отсюда Порпи—сынъ черемисина). Нѣкоторые объясняютъ это тѣмъ, что у черемисовъ въ древнія времена былъ сильный богатырь, получившій извѣстность между народами финскаго племени; по смерти духъ его блуждаетъ вездѣ, ища встрѣчи съ подобными себѣ духами и впослѣдствіи сталъ стрѣлять во время сильныхъ морозовъ отъ ружья, заряженнаго стужей и 7) Тэтэресъ-уромъ. Это существо представляется какимъ-то бѣсомъ съ гусиными лапками. О немъ мы слышали въ селеніяхъ, лежащихъ около Глазовско-Сарапульской границы. По повѣрью, Тэтэресъ-уромы живутъ въ липовыхъ дуплахъ; слѣды ихъ похожи на слѣды гусей. Притчѣ приносится въ жертву черная или сѣрая утка на томъ мѣстѣ, гдѣ человѣкъ, испугавшись, получилъ болѣзнь. Мынчо Мурту и Обинь-мурту жертвъ, кажется, не приносится, но они служатъ предметомъ страха; поэтому ходить въ баню одному поздно вечеромъ и сушить овинъ въ полночь, считается дѣломъ если не опаснымъ, то, по крайней мѣрѣ, страшнымъ.

Привидѣніе (пэртмаськонъ). Всякій знаетъ, что привидѣніе на

слабонервныхъ наводитъ неописанный страхъ. Чтобы исчезло привидѣніе, слѣдуетъ только, по существующему повѣрью, пятиться задомъ въ сторону привидѣнія и обнять его обѣими руками. Церковный сторожъ—вотякъ намъ разсказывалъ, что въ церковь былъ принесенъ покойникъ и оставался тамъ ночью. Были уже сумерки; въ церкви кромѣ одного сторожа не было никого. Сторожъ пошелъ за огарками свѣчей къ клиросу и обратно долженъ былъ проходить мимо покойника. Прошелъ онъ покойника и оглянулся назадъ. Вдругъ представилось ему такое видѣніе: изъ гроба всталъ въ бѣломъ саванѣ мертвецъ и побѣжалъ за сторожемъ... Сторожа обдало какъ холодной водой. Однако онъ не упалъ совсѣмъ духомъ, а вспомнивши разсказъ, которымъ совѣтовалось привидѣніе обнять назадъ руками, онъ сталъ пятиться задомъ... Шагнулъ раза три и обнялъ привидѣніе сзади руками. Привидѣніе исчезло.

Пуговка съ солдатской шинели. Чтобы не могъ заговориться колдунъ, ружье слѣдуетъ зарядить пуговкой съ солдатской шинели. Колдуны отъ дроби заговариваются, а отъ пуговки съ шинели не могутъ. По разсказамъ инородцевъ, Казанская царица предъ взятіемъ Казани, заговорившись отъ дроби и пуль, стояла на городской стѣнѣ и показывала солдатамъ половыя части, говоря: «вотъ вамъ Казань!».

Лай собаки (пуны утòнъ). Собака лаетъ на нѣсколько различныхъ ладовъ; такъ, напримѣръ, на волковъ лаетъ совершенно иначе, чѣмъ на человѣка; на вора тоже въ другомъ тонѣ. Кто привыкъ различать тоны и напряженія голоса собаки, тотъ безошибочно опредѣлитъ причину лая.

Шапка (ызьы̀). Извѣстно, что при молитвахъ, возсылаемыхъ воображаемымъ божествамъ, вотяки шапокъ не снимаютъ. Чтобы познакомиться со значеніемъ шапки во время молитвы авторъ настоящей статьи распрашивалъ нѣкоторыхъ инородцевъ, почему попы ихъ во время молитвы стоятъ въ шапкахъ, и въ результатѣ получилось слѣдующее: 1) старики прежде молились въ шапкахъ и говорили, что вотская молитва безъ шапки не угодна Богу; 2) безъ шапки будешь молиться—Нюлэсъ-Муртъ будетъ сердиться; 3) при молитвѣ жрецъ безъ шапки, все равно какъ безъ головы и проч.

Вѣтка или сучекъ, который держатъ жрецы при молитвѣ, должны

изображать собой подобіе креста, т. е. при стволикѣ должны быть, по крайней мѣрѣ, двѣ вѣточки, идущія одна въ правую, а другая въ лѣвую сторону отъ одного колѣна. Безъ вѣтки молитвы все равно, что не молитвы, такъ говорили старики.

Секты. Начало просвѣщенію вотяковъ, по преданію, положилъ преподобный Трифонъ, мощи котораго въ настоящее время почиваютъ подъ спудомъ. О преподобномъ Трифонѣ въ Поломско-Балезинской сторонѣ мы слышали такой разсказъ. Преподобный Трифонъ, говорятъ, работалъ на Каменномъ Задѣльи (по тракту между Поломомъ и Балезиномъ), гдѣ, между прочимъ, тесалъ камни на мельничные жернова. Отъ рабочихъ онъ переносилъ всякаго рода насмѣшки: лили на него помои, толкали его, плевали на него и т. д. Однажды на берегу рѣки Чепцы, Трифонъ, послѣ разныхъ насмѣшекъ надъ нимъ, скатилъ жерновъ въ рѣку и тутъ совершилось чудо: жерновъ не утонулъ, а лежалъ на водѣ, какъ на твердой землѣ. Трифонъ сѣлъ на жерновъ и поплылъ внизъ по теченію рѣки. Пораженные этимъ чудомъ, насмѣшники обратились къ нему съ такими словами; «воротись, отче Трифоне!» Трифонъ сказалъ на это: «оставайтесь съ Богомъ!» Особенное вниманіе на просвѣщеніе вотяковъ христіанскою вѣрою было обращено Казанскою Конторою инородческихъ дѣлъ, учрежденною для обращенія иновѣрцевъ въ христіанство. Въ Глазовскомъ уѣздѣ священникъ Ѳеодоръ Ившинъ одинъ окрестилъ болѣе 2,000 Вотяковъ и основалъ 10 приходовъ. Апостольскіе труды Ившина были сопряжены съ опасностью для жизни, и въ одно время толпа вотяковъ чуть не сожгла его съ домомъ. По разсказамъ самихъ инородцевъ обращенію ихъ предковъ въ христіанство способствовали особенно льготы, которыя даровались новокрещеннымъ, именно: освобожденіе отъ рекрутской повинности и податей; проповѣдь же христіанская въ устахъ проповѣдниковъ мало имѣла силы, а причиной этому были неразумныя толкованія истинъ вѣры на вотскомъ діалектѣ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ принятія христіанской вѣры, между инородцами возникли религіозныя смуты, которыя окончились тѣмъ, что большая часть инородцевъ приняла названіе *вылепырысевъ* (выле—во вновь, пырысь—входящій, отсюда слово: вступающій въ новую вѣру). Основателями такой секты и главными

дѣятелями въ ней были ворожцы—*тунаси* и жрецы. Остающимся въ христіанской вѣрѣ вылепырыси, особенно жрецы ихъ, говорили, что за отступленіе отъ старой вѣры и принятіе новой не вылепырыси будутъ наказаны жесточайшимъ образомъ, что жизнь ихъ будетъ переполнена бѣдствіями; земля ихъ не будетъ производить удовлетворительныхъ урожаевъ хлѣбовъ, люди будутъ умирать отъ различныхъ болѣзней. Секта вылепырысевъ требовала: 1) не носить никакихъ пунцовыхъ ситцевъ, кумачу, пестряди синей, какую носятъ русскіе; 2) для обуви не употреблять ни сапоговъ, ни башмаковъ, ни русскихъ лаптей; 3) всякую одежду, какую воспрещаетъ носить секта, если таковая у кого найдется, бросать въ лѣсъ или сжигать на огнѣ; 4) съ русскими никакихъ сношеній не имѣть и проч. Послѣдователи этой секты по первому же слову жрецовъ запрещенную одежду бросали въ лѣсъ, которая бѣдными потомъ подбиралась. Чтобы привлечь въ свою секту болѣе послѣдователей, жрецы распускали слухи, что имъ были видѣнія боговъ, требующихъ уничтоженія цвѣтнаго платья подъ страхомъ наказаній. Ворожцы и жрецы толковали, что вылепырысямъ не надо будетъ и одежды, каковую замѣнитъ пухъ, которымъ покроется тѣло, что для каждаго человѣка достаточно будетъ на пропитаніе въ годъ нѣсколько *ючйсовъ* (колья, на которыя вѣшаютъ снопы) числомъ около 30.

У вылепырысевъ ворожцы были свои; они пользовались большимъ авторитетомъ какъ прорицатели, и въ тоже время нѣкоторые изъ нихъ слыли за вегиновъ или вѣдунъ-муртовъ т. е. колдуновъ, насылающихъ болѣзни на людей и скотъ, но обыкновенно они не были любимы; угощаемы же были только ради страха. Если умиралъ колдунъ, его отвозили въ усыпальницу немедленно и погребеніе поручалось однимъ церковнымъ сторожамъ-могильщикамъ. Съ погребеніемъ колдуна прекращался всякій страхъ порчи и болѣзни, которыя при жизни колдуна приписывались бы ему. Колдуны раздѣлялись на нѣсколько категорій, между которыми были болѣе страшные: 1) насылающіе болѣзни по вѣтру 2) портящіе посредствомъ притворныхъ ласокъ и трепаній по спинѣ и 3) наговаривающіе на напитки. Ласки слывущаго за колдуна боялись хуже ножа и, въ случаѣ болѣзни, обращались къ колдуну же. Если при жизни колдунъ былъ страшенъ, то духъ его блуждалъ по землѣ

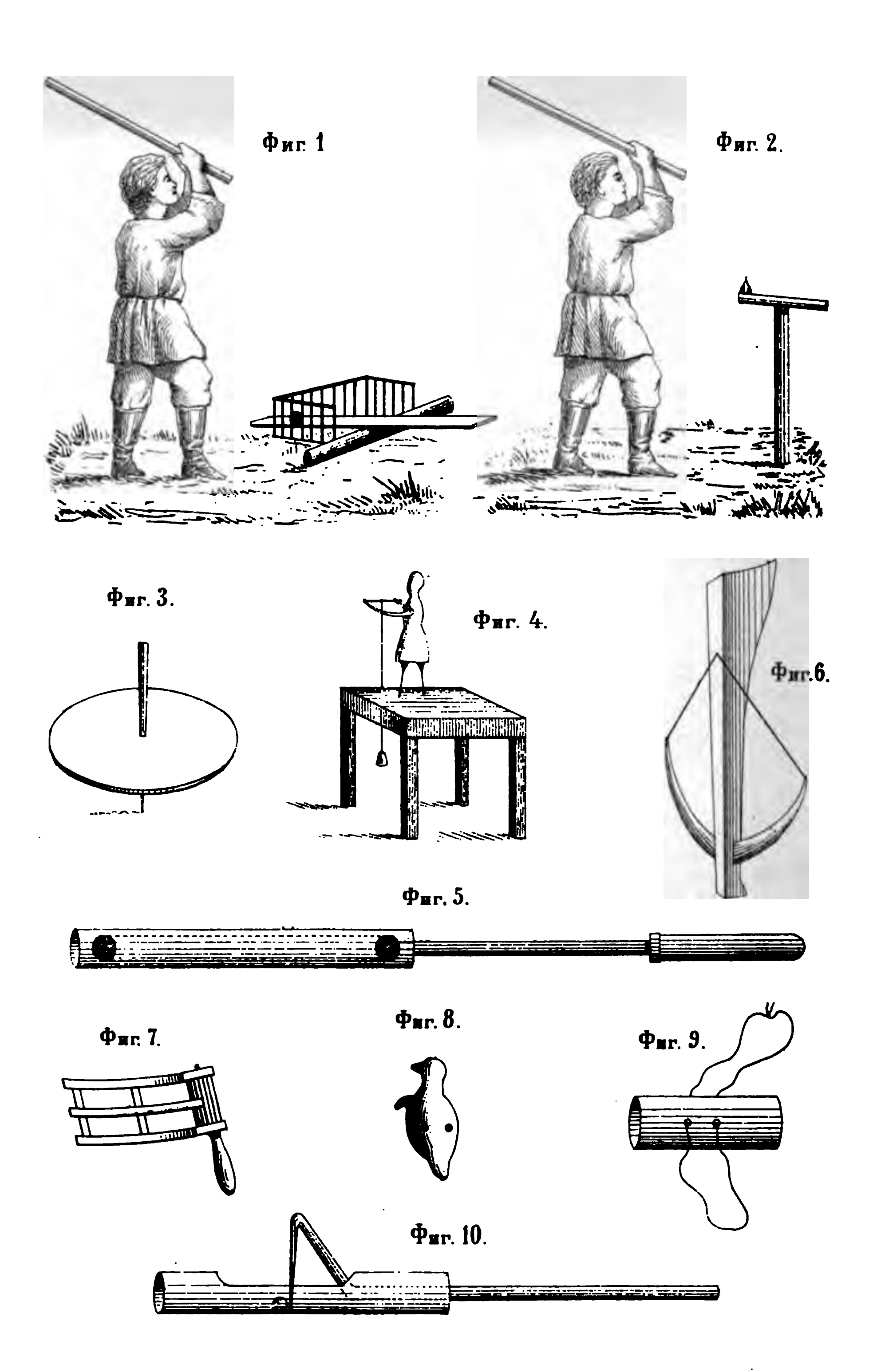
и по смерти, наводя страхъ на живыхъ. На могилу такихъ вколачивали осиновый колъ въ глазъ вершиной, который, по повѣрью, полагаетъ конецъ блужданьямъ духа мертвеца. Вся одежда, оставшаяся послѣ смерти колдуна невымытою, бросалась въ лѣсъ. Впрочемъ, не только колдуна, но и прочихъ, не слывшихъ при жизни колдунами, черная т. е. нечистая одежда бросалась и бросается въ лѣсъ или ближайшій логъ. Мѣста эти нынѣ называются *куяськонами*. По умершимъ справлялись тризны въ кругу семьи и кости съѣденныхъ животныхъ бросались всѣмъ селеньемъ въ одно мѣсто и назывались *Лыкуянъ*. Въ настоящее время Куяськаны и Лыкуяны существуютъ еще въ прежнемъ видѣ. Въ первыхъ увидите остатки одежды, бураки, чашки, ложки, лубяжки и проч., а въ послѣднихъ—кости. Куяськовы есть и при нѣкоторыхъ ключахъ и рѣчкахъ, пользующихся извѣстностью присутствія при нихъ Кутыся—поражателя коростой. Здѣсь, если не успѣли еще растащить собаки и хищныя птицы, увидите яйца, крупу въ тряпкахъ и проч., которыя были брошены въ жертву Кутысю съ просьбой объ избавленіи отъ коросты.

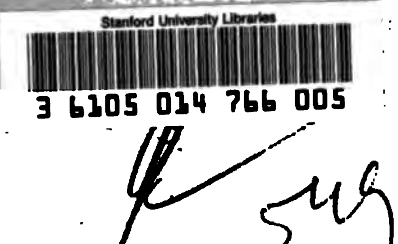
Нынѣ послѣдователи секты вылепырысевъ встрѣчаются весьма рѣдко; слѣды ихъ еще свѣжи только тамъ, гдѣ нѣтъ русскихъ. Посмотрите лѣтомъ во время страды на жнецовъ вотяковъ; если увидите на мущинахъ и женщинахъ цвѣтныя платья, скажите, что слѣды вылепырысевъ уже изчезли; напротивъ, если въ одеждѣ преобладаетъ бѣлый цвѣтъ, значитъ, слѣды секты еще не совсѣмъ стерлись. Это—несомнѣнное доказательство остатковъ секты. Кромѣ вылепырысевъ возникали и другія секты; но онѣ существовали недолго. Такъ, напримѣръ (помнитъ это хорошо и Яковъ Степановъ—вотякъ изъ поч. Сушкова, Шарканскаго прихода), въ 1840 годахъ пріѣзжалъ изъ Глазовскаго уѣзда въ Сосновскій край основатель секты *Липопоклонниковъ* т. е. боготворителей липы (онъ, вѣроятно, былъ возстановитель прежней религіи). Пріѣзжій былъ ворожецъ—вотякъ, пропитанный до мозга костей суемудріемъ, и заставлялъ своихъ единоплеменниковъ бросать обычаи жертвоприношенія: это - де вредитъ ужасно карману, заставляя употреблять послѣднія средства на пріобрѣтеніе животныхъ для жертвы... Собрались вотяки толпами и новый проповѣдникъ избралъ мѣсто поклоненія на полянѣ среди лѣса, гдѣ стояла липа.

Туда приносили только кумышку и пиво. Тогда онъ объявилъ липу священнымъ деревомъ, велѣлъ стать всѣмъ на колѣни и воздать поклоненіе священному дереву. Кто не кланялся, получалъ по спинѣ ударъ вицой. Чтобы познакомить читателя ближе съ этой сектой, мы передадимъ вкратцѣ разсказъ вышеупомянутаго Степанова. «Пріѣхалъ изъ Глазовскаго уѣзда», говорилъ намъ Степановъ, «ворожецъ и сталъ проповѣдывать *новую* вѣру, которую онъ предпочиталъ въ томъ отношеніи, что она не требуетъ никакихъ жертвъ. Вотяки послѣ совѣщаній рѣшились принять новую вѣру и проповѣдникъ назначилъ изъ каждой деревни по два человѣка учениковъ и возложилъ на нихъ говорить молитвы передъ священникомъ или боготворимымъ деревомъ. Затѣмъ избрали небольшую поляну, среди которой стояла липа и собрались туда мущины и женщины для молитвы; послѣднія брали съ собой въ стклянкахъ и кумышки. Пришедши на мѣсто, ученики стали передъ липой, а прочіе столпились около дерева. По окончаніи молитвы, когда ученики, по повелѣнію ворожца-проповѣдника сказали *аминь*, всѣ пали на землю внизъ лицомъ, а кто, разсѣянный, забывалъ слѣдовать примѣру прочихъ—получалъ по спинѣ ударъ прутикомъ или вицой отъ стоящихъ сзади учениковъ. Послѣ молитвы женщины угощали кумышкой съ пѣснями. Пирушка ни больше, ни меньше назначеннаго основателемъ секты времени не продолжалась. Принявшіе такую вѣру не должны были имѣть никакого сообщенія съ прочими, чтобы «не оскверниться». Если въ домахъ ихъ былъ какой нибудь иновѣрецъ, не принадлежащій къ сектѣ ихъ—послѣ него жгли верескъ.

Поучивши два дня и назначивши изъ каждой деревни по два ученика, основатель секты отправился во свояси и, кажется, послѣ и не былъ. Ученики его, любящіе выпивать, праздники назначали чаще и отъ этого экономическое состояніе народа начало приходить въ упадокъ; такъ, напримѣръ, во время посѣвовъ и полевыхъ работъ праздники останавливали работу иногда на цѣлую недѣлю, между тѣмъ прочіе работы оканчивали заблаговременно. Отъ этого у липопоклонниковъ пошли неурожаи, а за неурожаями начался упадокъ благосостоянія.

Различные способы гаданія. Ранѣе мы сообщили вкратцѣ о двухъ способахъ гаданья вотскими ворожцами; нынѣ нами открыты еще нѣсколько способовъ гаданья. Ворожецъ беретъ иголку съ ниткой и

Фиг. 1
Фиг. 2.
Фиг. 3.
Фиг. 4.
Фиг. 6.
Фиг. 5.
Фиг. 7.
Фиг. 8.
Фиг. 9.
Фиг. 10.

DATE DUE			

